

**АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ПРОЕКТ**

История внешней политики России

Первая половина XIX века
(От войн России против
Наполеона до Парижского
мира 1856 г.)

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
И90

*Издано при финансовой поддержке Федерального
агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Редакционный совет:

А.Н. Сахаров (ответственный редактор) — член-корр. РАН;
А.В. Игнатьев (заместитель ответственного редактора) — д-р ист. наук;
О.В. Орлик — д-р ист. наук; *Г.А. Санин* — д-р ист. наук;
В.М. Хевролина — д-р ист. наук

Редакционная коллегия тома:

О.В. Орлик (ответственный редактор) — д-р ист. наук;
В.Н. Пономарев (ответственный секретарь) — канд. ист. наук;
В.Н. Виноградов — д-р ист. наук; *А.В. Игнатьев* — д-р ист. наук

История внешней политики России: В 5 т. Т. 3. Первая половина XIX века
И90 (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). — М.:
Академический проект; Парадигма, 2018. — 441 с. — (Концепции).

ISBN 978-5-8291-2364-2 (Академический проект)
ISBN 978-5-902833-45-1 (Парадигма)
ISBN 978-5-8291-2367-3 (Академический проект. Т. 3)
ISBN 978-5-902833-48-2 (Парадигма. Т. 3)

Это одна из книг пятитомника «История внешней политики России (конец XV в. — 1917 г.)». Используя обширный опубликованный и архивный материал, авторы, известные российские историки, исследуют внешнеполитические концепции царизма, основные направления и события внешней политики и дипломатии России в 1801–1856 годах. Книгу отличают нетрадиционные оценки внешней политики Александра I и Николая I.

Для специалистов и читателей, интересующихся отечественной историей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8291-2364-2
ISBN 978-5-902833-45-1
ISBN 978-5-8291-2367-3 (Т. 3)
ISBN 978-5-902833-48-2 (Т. 3)

© *О.В. Орлик*, В.Н. Пономарев, 2018
© Оригинал-макет, оформление,
«Академический проект», 2018
© «Парадигма», 2018

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя книга входит в пятитомник «История внешней политики России (конец XV в. — 1917 г.)». В нем предпринята первая в отечественной и мировой историографии попытка подробного, опирающегося на факты и документы, в том числе архивные, исследования истории внешней политики России на протяжении более четырех веков. Эта фундаментальная работа позволяет авторам, вскрыв причины и обстоятельства появления России на мировой арене как великого евразийского государства, последовательно проследить процесс становления и развития ее внешней политики. Авторы выделяют основные, мало менявшиеся в течение веков направления, которым Россия следовала на международной арене. В работе рассматриваются мотивы и перипетии столкновений различных взглядов и позиций при дворе, рассказывается о поисках альтернативных решений, причинах принятия одних и отказа от других, что практически всегда неизменно предшествовало и выбору той или иной внешнеполитической программы, и формулированию подходов к решению злободневных международных вопросов. Проанализирована живая и естественная связь конкретных внешнеполитических целей и амбиций России, методов и средств их достижения и удовлетворения с менявшимся обликом и самой страной, и окружавшего ее мира, с политическими и экономическими интересами различных сословий и групп (в том числе национальных) империи, с культурной и духовной эволюцией ее общественной жизни; наконец, показаны механизмы и реальные плоды воздействия России на исторические судьбы ее соседей на Западе, Юге и Востоке, на мировую политику в целом.

Настоящий том посвящен внешней политике и дипломатии России в 1801–1856 годах. В этот более чем полувековой отрезок времени неуклонно, хотя и своеобразно, шел процесс развития страны по пути прогресса. Он оказывал влияние на все стороны жизни государства, в том числе и на внешнеполитическую деятельность.

С воцарением в 1801 году Александра I связана выработка новой внешнеполитической концепции России. Ее в основном разделял и осуществлял на практике и сменивший в 1825 году на престоле своего старшего брата Николай I. Первая половина XIX века — время, насыщенное большими, даже драматическими событиями в истории внешней политики России, когда активная дипломатическая деятельность, заседания международных конгрессов чередовались с войнами, в том числе и такими кровавыми, как Отечественная 1812 года и Крымская 1853–1856 годов. Проводя активную внешнюю политику в разных регионах Европы

и Азии, Россия одержала тогда немало побед, но познала и горечь больших поражений. Во главе государств антинаполеоновской коалиции Россия вышла победительницей из тяжелой борьбы с Францией, достигла вершины своего могущества и превратилась в одного из претендентов на европейскую гегемонию. Но уже в конце царствования Николая I происходит изменение положения Российской империи в Европе и мире.

Том завершается анализом итогов тяжелой и неудачной для России Крымской войны. Ее исход окончательно разрушил существовавшую в Европе более 40 лет так называемую «венскую систему» международных отношений, в которой Россия занимала центральное место. Prestиж царизма на международной арене был изрядно подорван. После подписания Парижского мира в 1856 году новый царь Александр II должен был признать необходимость не только изменений во внешнеполитическом курсе, но также проведения в стране либеральных преобразований. С его именем связана эпоха Великих реформ в России. Так, внешняя политика, как неразрывная часть всей государственной политики, влияла на историческое развитие страны.

«Время есть первое начало и источник всех политических обновлений, — писал известный государственный деятель XIX века М.М. Сперанский. — Никакое правительство, с духом времени не сообразное, против всемогущего его действия устоять не может». Прогноз оказался верным.

В основу настоящей работы положен проблемно-хронологический принцип. Книга написана на базе обширного документального, в значительной степени архивного материала и научной литературы. Авторы использовали труды по истории внешней политики России, представленные в работе «Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография» (М., 1981). Многие вышедшие после ее издания новые исследования российских ученых также учитывались авторами данного тома. Среди архивных материалов и документальных публикаций, которые использованы в томе, следует подчеркнуть особую ценность документов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Необычайно важна для исследования рассматриваемого периода внешней политики России многотомная публикация «Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел». Ее издание начато в 1960 году. К 1994 году издано 15 томов, охватывающих период с 1801 по 1828 год. Кроме того, авторы тома, с которым знакомится читатель, использовали многочисленные зарубежные публикации документов, научные труды иностранных исследователей.

Авторы отдают дань уважения большому кропотливому труду своих предшественников, изучавших отдельные крупные проблемы внешней

политики России рассматриваемого периода. Вместе с тем на основе нового документального материала, критического разбора некоторых устоявшихся в историографии положений они попытались внести коррективы в отличающиеся тенденциозностью определения, оценки, выводы, а также осветить забытые или все еще малоизвестные события, факты, имена.

В книге показано сложное переплетение и взаимовлияние всех направлений внешней политики России: европейской, азиатской и политики в Новом Свете. Как особо важный для России выделен восточный вопрос. В сферу внимания авторов попадает не только дипломатическая история, но также экономические связи и военный аспект российской политики, государственный механизм принятия и осуществления внешнеполитических решений, менталитет и традиции правящей бюрократии, позиция общественности. Раскрывается роль геополитического фактора во внешней политике Российского государства. В нетрадиционной для современной отечественной историографии манере дана характеристика такого понятия, как «легитимизм», его роли во внешней политике Александра I и Николая I.

Нельзя рассказать о внешней политике, не показывая ее активных деятелей. В книге имеется своя портретная галерея: образы монархов, министров, послов и посланников России и ряда стран Запада и Востока.

Читатель встретит в ней и плюрализм мнений и подходов, характерный для нынешнего состояния отечественной науки. Содержание книги, как нам представляется, позволяет наметить и дальнейшие пути изучения многих, в том числе и дискуссионных вопросов внешней политики Российской империи в первой половине XIX века, ее роли в системе международных отношений того времени.

Авторами книги являются: д-р ист. наук *О.В. Орлик* (Вместо введения глава IV, разделы 1, 3; глава V; глава VI, раздел 1); канд. ист. наук *А.Н. Сытин* (главы I, II); *Г.А. Кузнецова* (глава III, раздел 1); канд. ист. наук *А.Н. Шапкина* (глава III, разделы 2, 3; глава IV, разделы 1,2); д-р ист. наук *Г.В. Мелихов* (глава VI, раздел 2); канд. ист. наук *В.И. Пономарев* (глава VI, разделы 2, 3; глава IX); *В.В. Михайлов* (глава VII, разделы 1, 2; глава VIII, раздел 1); канд. ист. наук *Е.П. Кудрявцева* (глава VII, раздел 3); *Е. А. Чиркова* (глава VIII, раздел 2).

Редколлегия

Экономические и политические реалии эпохи Александра I и Николая I (Вместо введения)

Первая половина XIX века — значительный этап в историческом развитии России. В XVIII век Россия вступила, по словам А.С. Пушкина, при стуке топора и громе пушек — тогда Петр I закладывал основы Российской империи. В новый, XIX век она вошла уже как могущественная держава. Прорубив в начале XVIII столетия «окно» на Запад, утвердившись на берегах Балтики, а затем в основном решив черноморскую проблему, Россия значительно укрепила свое влияние на международные дела, а ее роль в мировой политике не только возросла, но и существенно изменилась.

Великая французская революция конца XVIII века нанесла большой удар по европейской политической системе. В 1789–1794 годах в центр международной политики встала борьба Французской революции с контрреволюционной коалицией, руководимой Англией. В дальнейшем и особенно после государственного переворота 1799 года активизировалась экспансионистская политика буржуазной Франции. В XIX век Европа вступала при громовых раскатах наполеоновских пушек. Россия заняла одно из первых мест в «европейском концерте», важнейшей задачей которого тогда стало недопущение господства наполеоновской Франции над Европой. Международные отношения в новом веке оказались также отягченными целым комплексом сложных противоречий между европейскими державами, которые своими корнями уходили в век предыдущий. Одним из них был так называемый восточный вопрос. Его решение стало одной из важных задач внешней политики России и ее дипломатии в XIX веке.

Россия, представляя собой особую цивилизацию, как бы синтез западноевропейской и азиатской, уникальная по своему географическому положению и природным ресурсам, играла важную роль в длительном процессе формирования связей между Азией, Европой и Америкой. Особенно возросла эта роль в XIX столетии. Его первая половина, иногда называемая дореформенным периодом в истории России, была насыщена важными событиями.

Самодержавно-крепостническое по социально-политическому строю, огромное по размерам Российское государство раскинулось на Европей-

ском континенте и на севере Азии. Ее владения находились и в Северной Америке. Размеры Российской империи поражали воображение современников. Неслучайно в книге «Пространное землеописание Российского государства», изданной в Санкт-Петербурге в 1787 году, было отмечено: «Не находим по *всему* земному шару другого государства, которое бы пространством своим с Российским могло сравниться». Тогда в состав Российской империи помимо собственно русских земель входили Литва и Белоруссия, большая часть Украины, Эстония, Латвия, вся степная полоса и часть горных районов Северного Кавказа (Кабарда, Осетия), Закавказья, а также западная часть Казахстана, необозримые земли Поволжья, Приуралья, края Коми, Сибири, в том числе Заполярье, районы Дальнего Востока и часть Северной Америки. Формирование многонационального Российского государства, его границ — это длительный, многовековой процесс, отражавший внутреннее развитие страны, а также развитие сопредельных с ней народов, их взаимосвязей. Важную роль в нем играли внешняя политика России, международная обстановка, ориентация на Россию соседних с ней народов. В XVIII веке в результате дипломатических соглашений, «прошений о принятии под покровительство», мирных договоров, последовавших за успешным окончанием Россией ряда войн, в ее состав были включены обширные новые земли. Процесс формирования многонационального Российского государства и его границ продолжался и в первой половине XIX века.

Тогда же весьма расширились зарубежные политические, экономические, культурные связи России, что отражало новые веяния эпохи утверждения в Европе капиталистического строя. Он нес расширение общения между странами и народами, но также и усиление экспансионизма, борьбы европейских держав за сферы влияния, за новые рынки сбыта и сырья. Процесс вызревания капиталистических отношений в недрах старого строя шел в России медленнее, чем в ведущих западноевропейских странах. К середине XIX века все отчетливее ощущалось экономическое и техническое отставание России от Западной Европы. Все это не могло не сказаться не только на внутреннем состоянии страны, но и на ее внешней политике.

Внешняя политика, являясь частью государственной политики, представляет собой общий курс государства в международных делах, регулирование его зарубежных отношений на основе определенных принципов путем различных средств и методов. Важнейшим средством внешней политики является дипломатия. Основное содержание, характер и направленность внешней политики определяются природой общественного строя государства. Внешняя политика страны связана с ее внутренней политикой. Научные выводы о генетической связи внешней политики с внутренней, о классовых основах самодержавия в России составляют

теоретический фундамент исследования современными отечественными историками российской внешней политики. В итоге характер внешней политики определяется экономическим базисом, но механически, прямолинейно экономическая основа и внешняя политика связаны быть не могут. На внешнюю политику оказывают влияние также международная обстановка, определенные исторические традиции, личностный и другие факторы. Разумеется, без их учета невозможен анализ внешнеполитических проблем. Во внешней политике Российской империи в первой половине XIX века, как и в другие времена, проявлялось сочетание общенациональных и классовых задач. Что касается последних, то они были направлены на сохранение по возможности устоев старого строя с господствующим положением в нем дворян-помещиков. С таких же позиций должно подходить и к оценкам войн России и их исторических последствий.

Хотя политика царизма и сдерживала разложение крепостнической системы в России, но остановить его она не могла. Социально-экономическое развитие страны в первой половине XIX века шло в целом в том же направлении, что и в Западной Европе, но обладало своей спецификой. Наблюдалось развитие техники промышленного производства и транспорта, замена ручного труда машинами — начинался переход русской промышленности от мануфактуры к фабрике, что вело за собой определенные сдвиги в социальной структуре. Медленно, но создавались кадры наемных рабочих, фактически отрывавшихся от деревенского хозяйства, шло формирование промышленной буржуазии.

В то же время большинство помещиков по-прежнему предпочитали старые методы хозяйствования. Однако шло расширение внутреннего и внешнего рынков, вывозился за границу хлеб, помещики стремились к повышению товарности своих хозяйств, главным образом традиционными средствами, и в итоге разрушали крестьянское хозяйство, обостряли, накаляли социальные отношения и тем самым подрывали свое собственное положение. К середине века увеличилась продажа имений за долги с торгов, росла задолженность помещиков банкам, развивалась аренда нерентабельных земель — их сдавали внаем представителям недворянских сословий, что было разрешено законом уже с 1801 года. Крепостнический метод ведения хозяйства еще прочно сохранялся в центре России; но в сельском хозяйстве ее южных районов явственнее проступали черты формирования капиталистического уклада¹. Освоение новых обширных земель на окраинах России, особенно степного юга, вопреки целям царизма, подрывало устои старого строя. В промышленности более широко, нежели в сельском хозяйстве, шел процесс становления капиталистических отношений. В известной степени этому способствовало развитие внешнего рынка, охватывавшего не только сельскохозяйственную, но и промышленную продукцию.

Традиционным для России был вывоз хлеба, сельскохозяйственного сырья, а также строевого леса, необходимого для кораблестроения. Наряду с торговлей через Балтийское море в XIX веке развивалась торговля через порты Азовского и Черного морей². После фактического отказа России в 1810 году от участия в континентальной блокаде и особенно после крушения наполеоновского господства над Европой значительно активизировался вывоз русских изделий текстильной промышленности. Не выдерживая конкуренции на европейских рынках с английскими, французскими торговцами, российские купцы и предприниматели все большее внимание стали обращать на восточные рынки, особенно на Персию и Турцию³. Этому в значительной степени способствовал успехи России во внешней политике на Ближнем и Среднем Востоке в 20–30-е годы XIX века, упрочение позиций на восточном побережье Черного моря и в Закавказье, приобретение преимущества в торговом мореходстве на Каспии. Появление российской буржуазии в условиях господства самодержавно-крепостнических порядков накладывало отпечаток на ее социальное положение и на характер развития. И тем не менее в своей внутренней и внешней политике в тот период царизм не мог не учитывать растущих потребностей и интересов нарождавшейся буржуазии. Российское правительство проводило политику протекционизма, являвшуюся спутником капиталистического развития в его первоначальных формах. Оно способствовало утверждению российской промышленной продукции на новых рынках, защищало интересы купцов и промышленников, торговавших за рубежом. Одновременно царизм стремился воздействовать на новые явления в социально-экономическом развитии страны, подчинить их своей главной задаче — сохранению по возможности в неприкосновенности устоев государственного и общественного порядка. На это же были направлены политика самодержавия по обновлению фасада Российской империи, проекты социально-политических реформ.

Вскоре после воцарения в 1801 году Александр I, следуя духу времени, создал под своим председательством особый «негласный комитет» для рассмотрения общего плана государственных преобразований и ограждения страны от революции, о которой еще живо напоминали события во Франции конца XVIII века. В побуждениях Александра и его ближайшего окружения — «молодых друзей» (А.А. Чарторыйского, Н.Н. Новосильцева, П.А. Строганова и В.П. Кочубея), входивших в «негласный комитет», отражалось их понимание необходимости осовременить существующий строй России, приблизить его, хотя бы внешне, к западноевропейским порядкам. Однако эти попытки были ограничены социальными рамками, прежде всего интересами господствующего класса. Спустя столетие известный русский историк В.О. Ключевский,

анализируя причины неудач реформаторских замыслов «молодых друзей» Александра I, обращал внимание и на слабое знание ими «полной картины состояния империи», на их стремление найти «готовые образцы на стороне», в результате чего проекты реформ «приходили в столкновение со своей действительностью»⁴. Ни «негласный комитет», ни большая и упорная деятельность выходца из недворянских кругов М.М. Сперанского в итоге не осуществили, по признанию члена этого комитета графа П. А. Строганова, перестройки всего «бесформенного здания управления империей»⁵. Результаты их деятельности проявились в подновлении лишь отдельных сторон управления страной.

Начатое Александром I преобразование правительственных учреждений непосредственно затронуло и ведомство иностранных дел. Александр I уделял внешней политике и этому ведомству чрезвычайно большое внимание, что объяснялось как сложной международной обстановкой, так и личными наклонностями нового российского самодержца. Он обладал незаурядными дипломатическими способностями, которые унаследовал от своей бабки императрицы Екатерины II и которые были развиты в процессе его воспитания и образования.

Как же проходила реорганизация ведомства внешнеполитических дел при Александре I? Манифестом Александра от 8 сентября 1802 года создавалось восемь министерств, в их числе министерство иностранных дел⁶. Оно заменяло устаревшую Коллегию иностранных дел, основанную Петром I и занимавшуюся внешней политикой в 1717–1802 годах. МИД должен был осуществлять проведение внешней политики, курс которой определял император. Александр I предписывал министрам, в том числе и министру иностранных дел, создать свою канцелярию и иметь товарища, то есть заместителя. Одновременно с манифестом был издан указ, временно сохранявший штаты Коллегии иностранных дел, но изменявший руководство ею. Оно осуществлялось министром.

В 1802–1804 годах МИД возглавлял государственный канцлер*, видный сановник и дипломат А. Р. Воронцов, позднее — А.А. Чарторыйский и А.Я. Будберг, а с 1807 по 1814 год — известный государственный деятель Н.П. Румянцев, получивший в 1809. году звание канцлера. В 1845 году это звание получил К.В. Нессельроде, более сорока лет (с 1816 г. по апрель 1856 г.) возглавлявший российский МИД. При Александре I министры иностранных дел сменялись довольно часто, а с 1816 по 1822 год было одновременно даже два «управляющих МИД» или статс-секретаря: К.В. Нессельроде и И.А. Каподистрия. Это отражало известные зигзаги во внешней политике и определенную двойственность ее курса.

* Звание государственного канцлера было введено Петром I для главы Коллегии иностранных дел.

Что касается роли коллегии, то она стала сходиться на нет в связи с постепенным формированием собственно министерского управленческого аппарата. Смешение двух структур — коллегии и министерства — приводило к большим проволочкам, путанице, к малой ответственности за ведение дел. Поэтому сферу деятельности коллегии ограничивали делами российских подданных за границей, иностранцев в России, текущими, в том числе административно-хозяйственными вопросами.

В 1811 году Александр I подписал «Общее учреждение министерств» — документ, вносивший единообразие в их структуры. Самыми крупными министерскими подразделениями стали департаменты. Учреждалась строгая подчиненность всех подразделений министерства по вертикали. На практике из-за существования Коллегии иностранных дел реорганизация структуры МИД все же шла медленно. Только в 1832 году по именному указу нового царя Николая I «Об образовании министерства иностранных дел» коллегия была официально упразднена, превращена в структурное подразделение МИД. При министре состоял совет, в который входили главы четырех департаментов и ряд других высокопоставленных чиновников МИД⁷. Политическими вопросами, кроме азиатских дел, выделенных еще в 1819 году в особый (страновой) Азиатский департамент, занимался важнейший в структуре министерства Департамент внешних сношений. Он состоял из пяти экспедиций, одна из которых представляла собственно канцелярию министра.

Департамент внутренних сношений занимался перепиской «по делам, относящимся до других министерств и присутственных мест империи»⁸. В сферу его деятельности входили также экономические отношения со странами Европы и Америки, консульские, юридические вопросы. Департамент хозяйственных и счетных дел ведал делами личного состава центрального аппарата МИД и дипломатических представителей России за границей.

С некоторыми изменениями, проведенными в 30–40-х годах, структура МИД и функции его отдельных подразделений сохранились до 1856 года, времени, когда после воцарения в 1855 году Александра II К.В. Нессельроде сменил новый министр иностранных дел А.М. Горчаков.

Поступавшие на службу в МИД зачислялись по высочайшему именному указу. С них согласно действовавшему более семидесяти лет указу Екатерины II 1791 года бралась подписка о неразглашении тайн иностранных дел, о выполнении требования «не ходить на дворы к чужестранным министрам и никакого с ними обхождения и компании не иметь». Нарушившему правила грозило не только отрешение от дел, но и «взыскания по всей строгости закона». Интересно отметить, что среди тех, кто подписался под требованиями этого указа, было немало фамилий

знатных дворянских родов: Гагарины, Долгорукие, Панины, Трубецкие. Есть автографы известных русских поэтов, писателей, общественных деятелей XIX века: А.С. Пушкина, В.К. Кюхельбекера, К.Н. Батюшкова, А.С. Грибоедова, Ф.И. Тютчев. Все они — кто кратковременно, а кто и длительное время — находились в штате ведомства иностранных дел.

Возвращаясь к оценкам результатов внутривластной деятельности Александра I, следует подчеркнуть, что с начала 20-х годов в его политике усилились консерватизм и реакционность, были «положены под сукно» прежние проекты социально-политических реформ.

Сколь-нибудь значительных успехов в преобразовании старого строя не принесли и все другие попытки, в том числе работа секретных комитетов, созданных при правлении Николая I. Особое место в них занимал вопрос о будущем крепостного крестьянства. Несмотря на отрицательное отношение лично царя к крепостному праву, проблема эта осталась нерешенной. Как заметил теоретик николаевской правительственной системы граф С.С. Уваров, «вопрос о крепостном праве был тесно связан с вопросом о самодержавии»⁹. Николай же был убежден в необходимости сохранения самодержавного правления в России. Правительственные попытки реформ как в начале XIX века, так и в последующие десятилетия — робких и непоследовательных — долгое время сдерживались и даже обрекались на неудачу отношением к ним наиболее реакционно настроенной части господствующего класса и позицией сановной бюрократии. Эти попытки, как правило, не встречали поддержки со стороны помещиков-крепостников, в результате начинала расти оппозиция справа. В то же время неудачи правительственных реформ старого строя являлись одной из причин роста оппозиции к самодержавию слева, способствовали радикализации социально-политических программ общественного движения в России.

При правлении Николая I Россия фактически оставалась дворянской империей. В 30–40-х годах царское правительство под давлением консервативной части дворянско-помещичьих кругов проводило политику укрепления самодержавной власти и обеспечения господствующего положения за дворянством. Тогда же возросло влияние в государстве военно-полицейских сил, бюрократического аппарата.

Однако царизм не сумел остановить назревание социально-политического кризиса. Поражение его в Крымской войне 1853–1856 годов касалось не только внешней политики. Оно вскрыло серьезную военную и экономическую отсталость России от западноевропейских держав. Внутри страны все больше возрастало общественное возмущение, происходили крестьянские выступления. В такой обстановке все более реальной становилась угроза свержения старых порядков снизу, революционным путем. Но царизм как политическая власть обладал еще до-

статочной силой, что он и продемонстрировал, взяв ведение буржуазных реформ в свои руки. В результате реформ 60–70-х годов самодержавие сделало шаг по пути превращения в буржуазную монархию.

Внутренние сдвиги в России сопровождались интенсивным расширением ее границ. Уходящий своими корнями в предшествующее столетие, этот процесс значительно активизировался в первой половине XIX века. Царское правительство, раздвигая границы Российской империи, стремилось прежде всего удовлетворить претензии господствующего дворянско-помещичьего класса. Особый интерес российские помещики проявляли к новым земельным владениям на юге и юго-востоке России. Но туда же направлялась и «вольная» крестьянская колонизация, расширение границы России в южном и юго-восточном направлениях умножало естественные ресурсы, способствовало дальнейшему развитию экономики страны, формированию всероссийского рынка. А это отвечало интересам не только помещиков, но и других социальных слоев, особенно же нарождавшейся буржуазии.

Переплетение сословных и общенациональных задач в политике России проявлялось при формировании границ на Кавказе, урегулировании с Турцией вопроса о режиме черноморских проливов. Большое государственное значение приобретали дипломатическая подготовка территориального размежевания с Китаем в Приамурье и в Приморье, определение линии части восточных границ России. Общегосударственное значение имела защита царским правительством целостности страны, ее национальной независимости, неприкосновенности границ.

Самым крупным национальным событием рассматриваемого периода была Отечественная война 1812 года против наполеоновского нашествия на Россию. Война носила народный характер — вместе с армией сражался народ, что привело к полному изгнанию вражеских войск из России, к победоносному завершению войны, к сохранению страной своей государственной независимости и территориальной целостности.

В первой половине XIX века продолжало расти влияние России на международную политику. Это проявилось в ее активном участии в европейских делах. В период наполеоновских войн за господство над Европой в результате падения влияния Англии на континенте Россия стала главным, самым могущественным противником Франции. Значительной была роль России в создании антинаполеоновских коалиций, в войнах этих коалиций с Наполеоном. Сокрушить господство наполеоновской Франции над Европой оказалось возможным только благодаря России. Победа России в 1812 году над Наполеоном имела огромное международное значение. Она стала прологом завершающего этапа борьбы с господством в Европе наполеоновской империи. Разные цели европейских народов и правителей государств, которые они преследовали в вой-

не 1813–1814 годов за независимость от Франции, свидетельствовали о внутренней противоречивости общеевропейской борьбы с Наполеоном, о сочетании в этих войнах прогрессивных и реакционных тенденций. Реакционность европейских монархов, возглавляемых Александром I, нашла свое отчетливое проявление как в решениях Венского конгресса, так и в первых же акциях Священного союза. Однако основным результатом национально-освободительных войн против Наполеона стала не временная победа консервативных сил, а завоевание национальной независимости европейскими странами, превратившейся в необходимое условие победы в них буржуазного строя.

Та система международных отношений, которая сложилась после ликвидации господства наполеоновской империи над Европой и была закреплена актами Венского конгресса в 1815 году, просуществовала более сорока лет. Российская дипломатия приложила большие усилия для поддержания создавшегося баланса сил на европейской арене. Политическая модель новой «венской системы» отражала сложность процесса утверждения капиталистических отношений в Европе, проходившего в условиях борьбы европейских реакционных монархов за сохранение обветшалых устоев старого строя. Если в течение ряда десятилетий Европа не знала кровопролитных войн, которыми изобиловала наполеоновская эпоха, то это не означало, что в лагере европейских монархов царили мир и согласие. Противоречия, вскрывшиеся на Венском конгрессе, по вопросам распределения сфер влияния и перекройки карты Европы продолжали в дальнейшем нарастать в связи с экспансионизмом в политике европейских держав. Основной соперницей России за лидерство на международной арене становилась Англия. Борьбу за лидерство вела также Австрия. Позднее изменения послевоенного устройства Европы и своего положения на континенте начинает добиваться Франция. В орбиту их растущих противоречий была вовлечена не только Европа, но также обширные регионы Ближнего и Среднего Востока. С европейской политикой России тесно переплеталась ее политика на Востоке, а также в отношении США и Латинской Америки.

Что касается целей и исторических последствий политики России, то они, как нам представляется, не могут иметь однозначную оценку. Россия оказала большое влияние на судьбы народов Европы и Азии. Это влияние было сложным и противоречивым. Оно может быть раскрыто при освещении основных событий в истории российской внешней политики и дипломатии, чему и посвящен этот том. Здесь же обратим внимание только на некоторые аспекты.

Русское правительство, как и правительства других европейских держав, стремившихся к захвату новых земель и перераспределению сфер влияния в Европе, проводило имперскую политику. Международная

обстановка, при которой проходило территориальное расширение Российской империи в первой половине XIX века, накладывала определенный отпечаток на ее политику в отношении присоединенных народов. На нее влиял и уровень политического развития этих народов, что царизм в ряде случаев был вынужден учитывать при дальнейшем оформлении их политического статуса внутри Российского государства. Так, Финляндия, присоединенная в 1809 году к России в результате Русско-шведской войны, получила статус Великого княжества Финляндского, пользовалась в составе России автономией. Конечно, при самодержавном строе России конституционные права Финляндии, как и других присоединенных народов, грубо нарушались. Но следует признать, что тогда впервые после завоевания ее Швецией в XII–XIV веках Финляндия обрела свою государственность. А это стало важным фактором на пути дальнейшего развития финской нации.

По заключительному акту Венского конгресса 1815 года присоединенная к России большая часть территории герцогства Варшавского получала статус Царства Польского с введением конституционного правления. Проблема герцогства Варшавского, сторонника Наполеона в войне против России в 1812 году, была одной из острых международных проблем послевоенного устройства Европы. Окончательно разделенная в 1815 году между Россией, Австрией и Пруссией, Польша надолго потеряла свою национальную самостоятельность. Борьба за ее восстановление становится важнейшей задачей польского национально-освободительного движения, а польский вопрос — не только острой внутриполитической проблемой России, но также важной проблемой международных отношений.

Некоторые национальные особенности управления были сохранены в присоединенной по Бухарестскому мирному договору 1812 года Бессарабии. Молдавский язык был наряду с русским допущен в делопроизводство всех учреждений, административно-полицейская власть фактически оказалась в руках местной феодальной верхушки.

С созданием Священного союза европейских монархов борьба за легитимизм и против революций становится неотъемлемой частью их внешней политики. Но идеи союза корректировались духом времени, что отражалось на позициях и действиях Александра I. Едва сменив на престоле своего отца, новый император поспешил объявить о приверженности заветам Екатерины II. При всей ее нетерпимости к идеям французской буржуазной революции она понимала необходимость проведения политики некоторого лавирования в отношении ряда завоеваний революции. Так, она допускала (после провозглашения во Франции республиканского правления) возвращение не к абсолютизму, а к умеренной конституционной монархии и даже к утверждению на троне нелегитим-

ного монарха. Ею были также намечены контуры политики в отношении новых собственников во Франции¹⁰. Разумеется, не только стремление следовать заветам императрицы Екатерины II, тонко уловившей невозможность полного возвращения Франции к дореволюционным порядкам, но и прежде всего реальная историческая действительность начала XIX века заставляли Александра I прибегать к лавированию, к привнесению элементов либерализма во внешнюю политику.

После создания Священного союза заметно возросло влияние царизма в Европе как оплота консерватизма и легитимизма. И он был не одинок в проведении такой политики. В не меньшей степени ее поддерживали и проводили Австрия, Пруссия и даже Англия, правда, маскировавшая свои позиции в периоды подъема европейских революций XIX века либеральными фразами. Все это проявилось уже в эпоху конгрессов Священного союза, собиравшихся в начале 20-х годов в связи с революциями в Италии, Испании, Португалии, а также во время революций 30–40-х годов, когда контрреволюционность царизма стала особенно очевидной. Но и тогда он был вынужден идти на определенные компромиссы, включая признание в ряде европейских стран новых буржуазных правительств, пришедших к власти революционным путем. Социальные симпатии царизма нередко уступали государственным интересам¹¹.

Во время европейских революций 1848–1849 годов контрреволюционность политики царизма значительно возросла, и в прогрессивных общественных кругах Николай I был заклеен как «жандарм Европы». В реакционных же кругах усилился его авторитет как монарха, страна его представлялась мощным утесом, о который разбиваются волны революций. Но это мнение, как и сам авторитет царя, было вскоре поколеблено внешнеполитическими неудачами России. Борьба с европейскими революциями объединяла царизм с правителями Австрии, Пруссии и другими реакционными монархами, что не снимало, однако, существовавших между ними противоречий. Основными факторами, которые влияли на характер внешней политики России и других великих держав в период господства «венской системы», являлись их растущий экспансионизм и столкновения интересов на этой почве, борьба за политическую гегемонию.

В эпоху разложения и назревания кризиса крепостничества российские самодержцы стали придавать особое значение успехам во внешнеполитической сфере как фактору укрепления своего престижа внутри страны. Влияние России на международную политику, ее успехи в войнах должны были помогать царизму отвлекать внимание народа от острых внутривнутриполитических проблем, создавать видимость всемогущества самодержавно-крепостнического строя. Внешняя политика как часть государственной политики была призвана выполнять функции защиты

самодержавного строя в России. Царизму это в известной мере удавалось.

Картина резко изменилась в середине XIX века, когда Россию постигли большие дипломатические неудачи, а затем и поражение в Крымской войне.

Наряду с европейским направлением внешней политики царской России в первой половине XIX века приобретает большое значение ее восточная политика. В этот период значительно возрастает роль России в восточном вопросе. Международная проблема середины XVIII — начала XX века, получившая условное название «Восточный вопрос»¹², была порождена разложением Османской империи, проявившимся в упадке ее прежнего могущества, в росте национально-освободительного движения подвластных ей народов, нередко экономически и культурно более развитых, чем завоеватели. Он включал в себя также стремление европейских держав утвердиться на рынках Ближнего и Среднего Востока, укрепить позиции на Балканах. В основе всех этих процессов и явлений лежали новые тенденции развития мировой истории. На этом фоне происходил процесс национальной консолидации балканских и других народов.

В XIX веке в восточный вопрос оказались втянутыми фактически все европейские державы. Острота международных противоречий проявилась в период восточного кризиса 20-х годов, прологом к которому послужило греческое восстание 1821 года. Этот кризис высветил разное отношение европейских держав к вопросу о дальнейших судьбах европейских владений Османской империи. Тогда же более четко проявились позиции России. Новый восточный кризис, разразившийся в середине века и приведший к Крымской войне, стал результатом дальнейшего роста экспансионизма всех европейских держав, в том числе России, борьбы за преобладающее влияние на Ближнем Востоке.

В первой половине XIX, века одной из главных задач России становится решение вопроса о черноморских проливах, что имело для страны большое экономическое, политическое и военно-стратегическое значение. Вопрос о проливах остро стоял в ее отношениях не только с Турцией, но и с Англией, Австрией, Францией.

Покровительственная политика в отношении христианского населения Балканского полуострова, находившегося в разной степени зависимости от Порты, была традиционной для России. И здесь с русско-турецкими отношениями тесно переплетались отношения России с ведущими европейскими державами. В XIX веке, когда началась эпоха национально-освободительных движений балканских народов, царизм небескорыстно поддерживал эти движения. Конечно, балканские народы отнюдь не были пассивным орудием в политике российского пра-

вительства. Они руководствовались своими целями и намеревались достичь их с помощью России. Но одновременно царизм стремился не выпускать развитие освободительных движений из-под своего контроля, пытался осуществлять политику сдерживания, неусыпного надзора за «покровительствуемыми».

Современные исследователи справедливо подчеркивают, что, несмотря на наличие у царизма собственных политических целей на Балканах, с помощью России «балканское общество вышло на новые рубежи национального и социального развития»¹³. Особенно это проявилось после подписания Россией и Турцией в 1829 году Адрианопольского мирного договора, завершившего восточный кризис 20-х годов. Договор «подвел итог не только войне, но и определенной фазе освободительного движения. Он зафиксировал, пусть в неполном, урезанном виде, требования греков, сербов, молдаван, валахов. Высокая Порта признала существование двух государств: Греческого королевства и Сербского княжества. Укрепились и расширились автономия Валахии и Молдавии»¹⁴.

Результаты Адрианопольского мира сыграли большую роль в историческом развитии балканских народов. Они продолжали влиять на социально-экономические процессы на Балканах и в последующие десятилетия, когда собственное влияние России в балканских делах значительно снизилось¹⁵.

После завершения восточного кризиса 20-х годов и до начала Крымской войны российское правительство не видело необходимости в расширении своих владений за счет земель на Балканах. Для нее наиболее важными становятся вопросы целесообразности того или иного размежевания балканских земель, их политического статуса и принципов устройства. Решение этих проблем с помощью России могло укрепить ее положение на Балканах, что имело для нее не только большое политическое, но и военно-стратегическое значение. А это влияло на ее отношения с Турцией, на решение проблемы проливов. При петербургском дворе время от времени поднимался вопрос о захвате проливов, но он не ставился как конкретная задача внешней политики, так как очевидной была невозможность и опасность осуществления таких планов, чреватых европейской войной¹⁶.

В восточную политику России входила и ее политика на Кавказе. Интерес России к Кавказу, как и кавказских народов к ней, был давним, их экономические, политические связи имели длительную историческую традицию. Активизировавшееся внимание России к Кавказу в первые десятилетия XIX века определялось комплексом геополитических, экономических и международных факторов. Царизм понимал важность Кавказа как военно-стратегического плацдарма для проведения своей восточной политики. Расширение и упрочение владений на Кавказе дава-

до возможность установления стабильных границ, приобретения новых рынков сбыта и получения источников сырья. Эксплуатация Кавказа, по которому пролегали торговые пути из Европы на Средний Восток, могла принести большие прибыли казне. От состояния российско-кавказских связей в значительной мере зависело дальнейшее хозяйственное освоение степного Предкавказья, развитие черноморской торговли.

Одновременно усилилось стремление овладеть Кавказом со стороны Турции и Персии. В начале нового столетия экспансионистские претензии на Востоке наполеоновской Франции, а затем Англии усиливали внимание России к Кавказу. В этот период продолжала также расти и прорусская ориентация ряда кавказских народов, уставших от междоусобиц и нападений со стороны османской Турции и шахской Персии. После завершения в 1829 году присоединения Закавказья к России, происшедшего как в результате завоеваний, так и путем мирных договоров с отдельными владетелями княжеств и ханств, обращавшихся с прошениями о принятии их в подданство России, Кавказ не перестал быть узлом острых международных противоречий, регионом, куда устремлялись жадные взоры Англии, Франции и Турции. Это проявилось, в частности, в период длительной кавказской войны России за горную зону Северного Кавказа.

Процесс присоединения Россией Кавказа был сложным и неоднозначным по своим последствиям для кавказских народов. Положительным результатом явилось прежде всего прекращение кровавых войн и столкновений между этими народами, расширение их общения и связей. В то же время они стремились к сохранению своей внутренней автономии. Царизм же преследовал цели полного подчинения кавказских земель. Царское правительство, осуществив в присоединенных кавказских регионах ряд прогрессивных мер, в том числе отмену работоторговли, имевшую место у отдельных народов, и продолжая довольно терпимо относиться к различным культурным и религиозным традициям кавказских народов, в сфере политического управления сразу же стало проводить жесткий курс. На территории присоединенных земель царизм распространял методы военно-бюрократического управления и внеэкономического принуждения в сфере хозяйства. Сопrotивление жестоко подавлялось.

Формы процесса сближения кавказских народов, укрепления их связей с другими народами России не соответствовали его исторически-прогрессивному содержанию. Разложение крепостничества в России способствовало преодолению феодальной ограниченности и патриархальной замкнутости кавказскими народами. В составе России создались более благоприятные условия для роста их национальной консолидации. В то же время народы Кавказа вели упорную борьбу против национальноколониальной политики царизма.

Во внешней политике России кроме отмеченных выше главных для первой половины XIX века направлений немалое значение имело и азиатское направление — отношения с соседними странами вдоль огромной по своей протяженности азиатской границы — среднеазиатскими ханствами, эмиратами и Китаем. Активизация интереса к Средней Азии просматривается уже в период развития восточного кризиса 20-х годов, когда проявились русско-персидские противоречия в бассейне Каспийского моря и странах Средней Азии, раскрылись далеко идущие цели Британской империи не только на Кавказе, на Среднем Востоке, но и в среднеазиатских государствах. Расширение связей с народами Средней Азии, с Китаем входило в задачи российской внешней политики первой половины XIX века, хотя в осуществлении их проявлялась значительная пассивность. В то время в планах российской внешней политики не стояли экспансионистские задачи в отношении государств Средней Азии. Свое влияние на них Россия намеревалась усилить прежде всего путем установления дипломатических отношений и развития торговых связей. Политика России в Средней Азии порой способствовала сдерживанию междоусобиц, приводила к консолидации казахского народа, значительная часть которого вошла в состав России еще в 30-х годах XVIII века, а окончательное присоединение завершилось в 60-х годах XIX века. В стремлении упрочить свои позиции в Средней Азии царское правительство сталкивалось с противодействием Англии и Персии¹⁷.

Отношения России с Китаем носили мирный характер, определялись в основном торгово-экономическими связями. В 40–50-х годах XIX века после Амурской экспедиции под руководством Г.И. Невельского, положительно решившей вопрос о судоходности всего Амура и доказавшей островное положение Сахалина, в политике России возросло стремление решить амурский вопрос. Для этого нужно было пересмотреть Нерчинский договор 1689 года с Китаем, который был тогда насильственно навязан России, служил препятствием для продолжения процесса освоения Приамурья, начатого русскими еще в XVII веке, а также для охраны российских владений на Тихом океане от покушения европейских держав¹⁸. Новый этап в отношениях России с Китаем начался после подписания Айгуньского договора 1858 года о русско-китайской границе и Пекинского договора 1860 года¹⁹. С Японией торговые и дипломатические отношения были установлены лишь в 1855 году. Более ранние попытки завязать связи с этой страной оканчивались неудачами из-за нежелания японского правительства отказаться от политики изоляции, которой оно придерживалось начиная с XVII века²⁰.

Отношения России с США²¹ были мирными, но не очень активными. Этот регион находился тогда еще на периферии интересов страны. Ос-

воению владений России в Северной Америке (Аляска; часть Северной Калифорнии, Алеутские острова) способствовала торговая Российско-Американская компания (1799–1868 гг.)²². В первые десятилетия XIX века эта компания добилась значительных результатов в расширении экономических связей России с США, Латинской Америкой и Китаем, а также в развитии русского мореплавания, в проведении новых географических исследований. Промысловое освоение Русской Америки в XIX веке стало естественным продолжением великих географических открытий, следствием активного продвижения русских землепроходцев в Сибирь, освоения огромных сибирских просторов.

Издавна государственными органами внешних сношений России со странами Европы были посольства и миссии. Венский конгресс «Положением о рангах дипломатических представителей» от 19 марта 1815 года установил единообразие в порядке дипломатического представительства в странах Европы²³. Установленным нормам следовала и Россия, Посол представлял персонально главу своего государства. Россия имела своих послов в Лондоне, Вене и Париже. В ряде европейских стран находились посланники, или полномочные министры, а также поверенные в делах. Посланники были аккредитованы при главе государства, а поверенные в делах — при МИД страны пребывания. В экстраординарных случаях в другое государство направлялись временное чрезвычайное посольство или миссия.

В первой половине XIX века число российских посольств и миссий оставалось почти стабильным. При Александре I их было 24. В то же время значительно возросло число консульств.

Осуществляя функции защиты прав и интересов российских подданных в стране пребывания, они также изучали ее природные и экономические ресурсы, содействовали развитию двусторонних торговых, научных и культурных связей. Так, только за время правления Александра I число генеральных консульств возросло с 14 до 24, консульств — с 8 до 21, вице-консульств — с 2 до 11²⁴.

Политические отношения с рядом азиатских стран осуществлялись способами, весьма отличными от принятых в Европе. В рассматриваемый период Россия не имела своих постоянных дипломатических представительств в государствах Средней Азии и Китае. Это объяснялось позицией восточных правителей, которые не считали необходимым осуществлять постоянные внешние контакты на государственном уровне. При такой ситуации немалая роль отводилась руководителям торговых караванов и чиновникам, находившимся при них по представлению МИД, а также деятельности Русской духовной миссии в Пекине.

Личные качества и политические воззрения руководителей МИД, равно как и высших дипломатических представителей России в зару-

бежных странах, естественно, накладывали свой отпечаток на конкретное осуществление внешнеполитических дел. С понятием дипломатии связано искусство ведения переговоров с целью предотвращения, урегулирования двусторонних и международных конфликтов, поисков компромиссов при подготовке и заключении договоров, а также обеспечение нормальных взаимоотношений между государствами. Дипломатические представительства России в первой половине XIX века сыграли немалую роль и в развитии культурных и научных зарубежных связей. В историю российской дипломатии того периода вошли многие имена видных, талантливых дипломатов и военачальников. Среди них: М.И. Кутузов, М.Ф. Орлов, И.А. Каподистрия, А.П. Ермолов, Д.П. Татищев, Г. А. Строганов, А.И. Рибопьер, А.С. Грибоедов, П.Д. Киселёв, А.Ф. Орлов и др. Однако их деятельность находилась в большой зависимости от настроений, личных амбиций и династических интересов российских самодержцев.

Если в передовых странах Европы упрочение парламентского строя и буржуазно-демократических свобод сказалось в известной мере на руководстве внешней политикой, то при самодержавном строе в России влияние императорской власти на ведение внешней политики оставалось очень большим в течение всего XIX века.

Отечественной исторической наукой достигнуты определенные результаты в изучении общественного мнения по внешнеполитическим проблемам России первой половины XIX века²⁵. В истории России в этот период бурно развивались общественная мысль, общественные движения. Особое место занимают декабристы, заложившие фундамент формирования либерального и революционно-демократического направлений в российском общественном движении. Общественное мнение не только отражало внешнеполитические интересы тех или иных групп российского населения, но и так или иначе влияло на формирование правительственного курса. В кругах передовой России велась разработка новых внешнеполитических концепций, связанных с задачами радикальной перестройки общества. Российскую общественность волновали вопросы войны и мира, поиски путей ко всеобщему миру.

Таков круг наиболее важных проблем, которые встают при размышлении об исторических реалиях предреформенной эпохи в России, об основах, главных чертах и направлениях ее внешней политики в первой половине XIX века.

Глава I. Великое противостояние

1. Новая внешнеполитическая концепция

12 марта 1801 г.* в результате дворцового переворота на российский престол вступил 23-летний Александр I. По характеру и взглядам он был полной противоположностью своему отцу Павлу I. Личность молодого императора была словно бы вся соткана из противоречий. Военное воспитание сочеталось в нем со знакомством с французской просветительской философией, несомненное личное обаяние — с хитростью и скрытностью. В юности Александру приходилось постоянно лавировать между отцом и бабкой и при дворе каждого из них играть роль, в которой его желали видеть. Вероятно, это в какой-то мере способствовало выработке качеств, которые помогли ему стать одним из выдающихся дипломатов своего времени. Вопреки крылатой фразе А.С. Пушкина, Александр I не был слабым владыкой. Он в полной мере сознавал свой высокий долг «перед Богом и Отечеством» и прилагал к его осуществлению свои недюжинные способности. Воля нового императора не была агрессивной. Он не знал вспышек неумеренной энергии Петра I, бешеного гнева Павла I или безудержной страсти к порядку Николая I. Но он умел добиваться поставленной цели, дожидаться своего часа. У него была огромная, редко встречающаяся у власть имущих сила пассивного сопротивления влиянию людей и обстоятельств, столь пригодившаяся ему в историческом поединке с Наполеоном.

Уже в самом начале царствования новый император должен был в короткий срок круто изменить политику как во внутренних делах, так и на международной арене. Этого ожидали от него не только заговорщики, которым он был обязан властью, но и все русское общество. Александр I, еще будучи наследником престола, был хорошо осведомлен о том, сколь непопулярен в обществе внешнеполитический курс его отца императора Павла I. Резкие колебания во внешнеполитической ориентации России в течение 1800 — начале 1801 года во многом определили решительность заговорщиков и ускорили совершение переворота. Конфронтация с союзниками по II коалиции — Англией и Австрией, переориентация на союз с наполеоновской Францией фактически ставили Россию в положение международной изоляции. Дальнейшее раз-

* События русской истории даются по старому стилю (юлианский календарь), европейской и мировой — по новому (григорианский календарь). Для международных договоров, участником которых была Россия, приводится двойная дата. В тех случаях, когда дипломатические документы имеют обе даты, они сохраняются. В XIX веке разница между старым и новым стилем составляла 12 дней.

витие политической линии, намеченной Павлом I, неизбежно привело бы к вооруженному конфликту с Великобританией. Англия не могла мириться с захватом Мальты и готовностью России оказывать Бонапарту вооруженную поддержку, например, в его планах нанесения удара по Индии. Из Восточного Средиземноморья конфликт неизбежно должен был переместиться в Балтийское море, где Россия поддерживала Данию и Швецию, противостоявших росту британского могущества на Балтике. Традиционные торговые связи между Англией и Россией были нарушены, и это вызывало резкое недовольство русских купцов, лишившихся состоятельных партнеров, и дворян, потерявших рынок сбыта для продукции своих хозяйств.

В обществе зрело убеждение, что деспотическое правление, которое ставило решение всех вопросов внутренней и внешней политики в зависимость от личной воли монарха, неприемлемо. Политика должна быть преемственной, а люди, ответственные за ее проведение, включая и самого царя, обязаны руководствоваться законами, или, как говорили в начале XIX века, следовать принципам легитимизма. В России хорошо помнили о том, как страна утратила плоды своих побед в Семилетней войне 1756–1763 годов в связи со смертью Елизаветы Петровны и приходом к власти Петра III, подчинившего государственную политику личной симпатии к прусскому королю Фридриху Великому. Вероятно, с той поры в поисках образца в российском обществе все чаще стали обращать взор к Англии, где международная политика оставалась неизменной, не зависела от смены кабинета.

Французская революция XVIII века и наполеоновские войны взорвали систему равновесия сил в Европе, на которой базировалась политическая устойчивость на континенте в XVIII столетии. Они определили появление новых политических ценностей, нового взгляда на международные дела, а значит, и постепенное изменение привычных норм внешнеполитической деятельности.

В этом смысле войны времен Французской революции и Наполеона составили переходную эпоху. В основе революционного сознания лежит принцип верховенства силы над законностью. Это отразилось и на международных отношениях. Для дореволюционного XVIII века была характерна система европейского равновесия. Под этим понимался определенный баланс сил между различными группировками. Союзы и коалиции складывались и распадались, а дипломаты плели сложную паутину интриг с единственной целью — не допустить чрезмерного усиления одного государства за счет остальных. Территориальные споры, концентрация всех нитей управления внешней политикой в руках монарха, восприятие международных отношений как личного, чуть ли не внутрисемейного дела среди коронованных особ, секретность диплома-

тии, так называемая личная дипломатия государей — вот принципы, по которым Французская революция нанесла жестокий удар. Конечно, ни в 1789-м, ни в 1793 году, ни позднее эти политические ценности не сошли вовсе с исторической арены, многие из них продолжали жить и влияли на международные отношения в течение всего XIX века и даже в XX веке, но с начала XIX столетия постепенно складывается новая система отношений, базирующаяся на иных правовых и политических основах. В первую очередь это принципы легитимности, не допускающие ущемления прав одних государств в пользу других. Тенденции, которые ранее поддерживались лишь силой, теперь должны были получить правовое оформление.

Потрясения конца XVIII — начала XIX века значительно повысили общественный интерес к внешнеполитическим вопросам. Эти вопросы стали все больше отождествляться в сознании людей с национальными, государственными интересами. К общественному мнению были теперь вынуждены прислушиваться монархи и министры, военачальники и дипломаты.

В организацию дипломатической службы вносили новую струю технический прогресс, развитие средств сообщения. С одной стороны, возросла централизация, увеличилась роль МИД (создан в 1802 г.) в принятии внешнеполитических решений, в руководстве деятельностью посольств и миссий. С другой — дипломаты в зарубежных странах были теперь связаны не только с придворными кругами и высшим светом, но и с образованным обществом. Дипломата все чаще можно было встретить на музыкальных вечерах или в салонах, где собирались люди, формировавшие общественное мнение. Здесь требовались не только обаяние и любезность, но и умение подать политику своей страны в выгодном свете и, напротив, затушевать ее неприглядные стороны.

Политика все больше пронизывается экономическими интересами, и это сказывается на сфере дипломатической активности. Экономические соглашения, таможенные тарифы, обеспечение стабильных и выгодных торговых путей занимают все большее место в переговорах, становятся причинами то сближения, то раздоров.

России предстояло играть самую активную роль в формировании новых международных отношений. Именно эта роль вместе с международным престижем, а не одна военная сила, определяла значение Российской империи как великой державы того времени.

Коль скоро российское правительство намеревалось придать внешней политике стабильный характер, сделать ее не зависимой от случайностей и перепадов, связанных со сменой лиц, стоявших у власти, оно должно было установить примат национально-государственных интересов над волей, чувствами и даже личными обязательствами монарха.

Это, в свою очередь, требовало отчетливого понимания и формулировки того, в чем, собственно, состоят национально-государственные интересы, на основе которых должны строиться общая стратегия и конкретная тактика в международных отношениях. В правительстве Александра I царило, по словам члена Коллегии иностранных дел графа Н. П. Панина, полное согласие относительно «необходимости составить твердый план истинных интересов Империи, в соответствии с которым постоянно направлялись бы наши внешние сношения таким образом, чтобы, несмотря на изменения, которым может подвергнуться министерство, благодаря тому, что основа политики нашего кабинета будет оставаться неизменной, эти перемещения не могли бы иметь пагубных результатов, так как цель всегда будет одной и той же»¹.

В первые годы правления Александра I право и законность ассоциировались со «справедливым равновесием сил», принципом, унаследованным от системы международных отношений XVIII века. Сама противозаконность Французской революции и режима Наполеона I состояла в том, что существовавший в Европе порядок был сломлен за счет военного превосходства французов. Отсюда следовала главная цель российской политики, сформулированная в записке Н. П. Панина «О политической системе Российской империй», — поддержание мира и равновесия между государствами Европы, ограничение честолюбивых притязаний Франции, а также удержание Австрии и Пруссии в состоянии «взаимной ревности», укрепление стабильных торговых отношений с Англией и добрососедских отношений со Скандинавскими странами и Турцией².

Весной 1801 года в правительственных кругах России преобладали чувства разочарования результатами предшествовавшей внешнеполитической деятельности. Это было связано с неудачами русских войск, участвовавших в войне II антифранцузской коалиции, а также со стремлением переключить максимальное внимание на проблемы внутренних преобразований. Реформы представлялись неотложными, а чрезмерная международная активность могла лишь помешать их осуществлению. Традиционный взгляд на внешнюю политику как на средство расширения границ и приобретения новых территорий способствовал укреплению этих настроений: в соответствии со взглядами того времени Россия уже достигла своих естественных границ в результате войн XVIII века. Приближенные Александра I предлагали в сложных условиях после дворцового переворота осмотреться, скорректировать внешнеполитический курс и направление внутренних реформ. В ближайшем окружении Александра I все чаще высказывалась мысль об отказе участвовать в конфликтах, потрясавших Европу, от заключения каких бы то ни было договоров. Подобные настроения не были абсолютно новыми. Можно вспомнить, что, придя к власти в результате дворцового переворота

1762 года, Екатерина II провозгласила, что Россия должна следовать своей собственной системе, согласной с ее интересами, не находясь постоянно в зависимости от желаний чужеземного двора. Ее правительство было убеждено, что престижу и интересам России наносился ущерб «от сопряжения дел политической системы нашей империи с другими посторонними державами, которые только искали пользоваться нами»³. «Время всем покажет, — писала императрица в начале своего царствования, — что мы ни за кем хвостом не тащимся». Политика отказа от военных союзов, провозглашение независимого внешнеполитического курса и линии на сохранение европейского равновесия были характерны для периодов, отличавшихся неустойчивостью, частичным падением престижа власти, когда значительная часть дворянства выражала недовольство внешней политикой. И в середине XVIII, и в начале XIX века это недовольство стало одной из важных причин дворцовых переворотов. И Екатерине II, и Александру I было необходимо решить неотложные задачи внутри страны: провести реформы в области законодательства и системы управления, разрешить довольно острые противоречия между различными группировками дворянства, среди которого были и сторонники прежнего режима, и участники переворота, поднять авторитет власти, успокоить общественное мнение — одним словом, стабилизировать внутреннее положение в государстве. Возможность для этого и Екатерина II, и Александр I видели во временном отходе от активной политики в вопросах, волновавших Европу. Обещание Александра I «править по сердцу своей бабки» Екатерины II включало, таким образом, и определенные внешнеполитические традиции.

Весной 1801 года молодой император призвал к управлению своих личных друзей, которые и составили «негласный комитет», своего рода совещательный орган, ставивший целью выработку плана преобразований, включая и новую внешнеполитическую концепцию. В состав этого комитета входили люди незаурядные и оригинальные. Павел Александрович Строганов, сын богатейшего екатерининского вельможи, был воспитан французским республиканцем, в разгар революции вместе со своим воспитателем оказался в Париже и стал даже библиотекарем якобинского клуба. Строганов привез из Франции убеждение в эффективности административных методов решения политических задач. Резкий в суждениях и высказываниях, он видел свой долг в том, чтобы побуждать Александра I решительнее воплощать в жизнь его благие намерения. Двоюродный брат Строганова Н.Н. Новосильцев не обладал такой силой мысли и пылкостью, был более осторожен. Он являлся блестящим стилистом, умел излагать свои и царские идеи изящным слогом. Виктор Павлович Кочубей, малороссийский дворянин и племянник известного канцлера Безбородко, получил образование и воспитание в Англии

и был убежден в том, что процветание России зависит от развития отношений с этой великой страной. И наконец, князь Адам Чарторыйский — человек выдающегося ума и дарований, тонкий политик. Горячий патриот Польши, он мечтал служить своей отчизне, сочетая ее интересы с интересами России. Взгляды Александра I на польский вопрос формировались, по-видимому, не без влияния Чарторыйского.

Император и члены «негласного комитета» видели лучший способ обеспечения мира в отказе от союзных договоров и коалиций, участие в которых могло бы втянуть страну в вооруженный конфликт. Сам Александр I выступал летом 1801 года даже за отказ от торговых договоров, считая их излишними при рыночных торговых отношениях⁴.

Другая точка зрения была высказана возглавлявшим Коллегию иностранных дел графом Н. П. Паниным в записке «О политической системе Российской империи». Соглашаясь с Александром I и членами «негласного комитета», что главная цель заключается в поддержании мира, Н. П. Панин возражал против достижения ее за счет отказа от участия в европейских делах. «Должно, — пишет он, — предупреждать события, могущие нанести ущерб безопасности. Это соображение об общей пользе в сочетании с частными интересами России обязывает ее удерживать соседние государства в их нынешнем состоянии»⁵. Н. П. Панин высказывался за систему союзных договоров, обеспечивающих России подобающую ей роль в Европе и позволяющих предотвратить попытки сломать равновесие. Наиболее приемлемыми он считал союзы с Англией, Австрией и Пруссией⁶. Концепцию Н. П. Панина следует признать, более реалистической. В основу предложенного им варианта доктрины были положены идеи, определившие стратегию внешней политики государства на значительный период времени. Точка зрения Александра I и его единомышленников из «негласного комитета» может быть охарактеризована скорее как временная тактика, получившая впоследствии название политики «свободы рук». Правда, и в их концепции мысль об отказе от всяких международных договоров вскоре была оставлена как утопическая. Однако основные идеи и принципы, вдохновлявшие творцов политики «свободы рук», диктовались реальной расстановкой политических сил в Европе. Победоносное для Франции завершение войны против II коалиции, Люневильский мир с Австрией в феврале 1801 года не только укрепили положение самого Наполеона, но и сделали Францию одной из наиболее сильных в военном и политическом отношении держав Европейского континента. Союз с Россией в 1800-м — начале 1801 года, который Наполеон планировал использовать для удара по Англии, в еще большей степени укреплял позиции Франции в Европе. Это противоречило интересам России. Русскому правительству предстояло, сохранив за страной положение великой державы и рать арби-

тра в международных делах, избежать участия в англо-французском конфликте, восстановить дружественные отношения с Великобританией и не поссориться с Наполеоном. При этом русская дипломатия рассчитывала, балансируя между Англией и Францией, добиться от первой уступок в вопросах, связанных с мореплаванием и проблемами Восточного Средиземноморья, а от второй — снижения военной активности на континенте.

Комплекс ближневосточных и средиземноморских проблем правительство Александра I также намерено было решать в рамках общегосударственной внешнеполитической доктрины, в которой должны были доминировать принципы законности и уважения к достигнутым соглашениям и установленным границам. Отношения России с Турцией базировались на союзном договоре 1799 года, и, несмотря на некоторые колебания в правительстве Павла I, русская политика в целом направлялась на поддержание целостности Турции. Н. П. Панин и В. П. Кочубей, во многом определявшие внешнеполитическую ориентацию Александра I в начале его царствования, достаточно твердо высказывались за сохранение целостности Османской империи и развитие с ней добрососедских отношений. В первых инструкциях, разосланных послам при иностранных дворах, Александр I писал: «Как бы то ни было, дело не станет за моей уверенностью, чтобы предупредить всякий пород к разногласиям между моей империей и Оттоманской Портой. Один из принципов моей политической системы будет заключаться в том, чтобы всегда содействовать всеми моими силами сохранению государства, слабость и плохое управление которого является ценной гарантией безопасности»⁷.

Пристальное внимание Петербурга к проблемам Ближнего Востока было тесным образом связано с европейскими делами. Александр I хотел дипломатическими средствами воспрепятствовать чрезмерному укреплению позиций как Англии, так и Франции в Турции, Египте, на Балканах и в Восточном Средиземноморье. При этом в течение 1801–1802 годов происходит смена взглядов на эти проблемы. Если в 1799–1800 годах соперничество британской эскадры Г. Нельсона с эскадрой Ф. Ф. Ушакова и захват англичанами Мальты сильно обострили русско-английские отношения, то уже в 1801-м Н. П. Панин высказывает мысль о том, что у России нет неразрешимых противоречий с Великобританией в Восточном Средиземноморье и в Турции. Все основательнее утверждается мнение, что отношения с Турцией должны стать барьером на пути усиления французских позиций в этом регионе.

В Центральной Европе Россия старалась сохранять то положение посредника и арбитра в борьбе между Австрией и Пруссией за господство над Германией, которое Российская империя приобрела еще по условиям Тешенского мира 1779 года.

В целом доктрина, разработанная в начале царствования Александра I, сводилась к тому, что положение России на Европейском континенте должно устанавливаться, договорами и конвенциями, которые бы не содержали обременительных условий и регламентировали отношения страны с каждым государством в отдельности. Поскольку такая держава, как Россия, не могла совершенно устраниться от конфликтов, возникавших между европейскими государствами, правительство Александра I вводит в практику систему, которую можно назвать «многостороннее посредничество». Едва возникала ситуация, грозившая перерасти в вооруженный конфликт, как Россия выступала с мирными инициативами и предлагала свое посредничество, условия которого должны были быть закреплены в договоре. Концепция эта, предложенная Александром I и его приближенными, предусматривала, что Россия благодаря системе «многостороннего посредничества» должна будет оказаться центром и верховным арбитром в европейских делах, а в руках русских дипломатов сойдутся все нити европейской политики. Использование вооруженной силы признавалось крайне нежелательным: Александр I полагал, что вполне достаточно репутации, приобретенной русской армией в войнах XVIII века. Во всех европейских кабинетах должны были понимать, что Россия в состоянии подкрепить свои правовые принципы и искусство своих дипломатов силой, но главная роль отводилась политическим средствам.

Первым внешнеполитическим мероприятием правительства Александра I было восстановление отношений с Англией. Уже на второй день правления нового государя первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел П.А. Пален писал русскому | послу в Лондоне С.Р. Воронцову о готовности петербургского двора сблизиться с сент-джеймским, «чтобы восстановить между Россией и Великобританией единодушие и доброе согласие»⁸. Восстановления отношений с Англией настойчиво требовали русское дворянство и купечество, связанные с балтийской торговлей, в которой отношения с Британией занимали весьма заметное место. Это было возможно лишь на основе взаимных уступок. Россия отказалась бы от своих попыток вынудить англичан признать принципы вооруженного нейтралитета, провозглашавшие право нейтральных держав вести морскую торговлю с любой из воюющих сторон и защищать это право вооруженной силой. Англия готова была прекратить военные действия на море против союзников России — Дании и Швеции⁹.

Шаги, направленные на установление мира в бассейне Балтийского моря и восстановление отношений с Англией, увенчались успехом: 5(17) июня 1801 года была подписана англо-русская морская конвенция. Ее компромиссный характер состоял в том, что Россия отказывалась от вооруженной борьбы за права нейтральных государств вести торговлю

с воюющими, не считаясь с блокадой побережья. В свою очередь, Британии пришлось отказаться от намерений привлечь Россию к борьбе с Францией. Регламентация мореплавания в Восточном Средиземноморье конвенция не оговаривала.

Одновременно Александр I отправил личное письмо австрийскому императору Францу II, в котором выразил намерение оставить взаимные обиды и восстановить добрые отношения между двумя странами. В Вене инициативы российского правительства встретили сочувственный отклик. Таким образом, в результате первых внешнеполитических мероприятий правительства Александра I Россия сумела выйти из состояния военного конфликта с Англией, восстановить дружественные отношения с Австрией, не ухудшив при этом отношений с Францией и Пруссией. Это был несомненный успех русской дипломатии. Британия также добилась главного: уступок в вопросе о вооруженном нейтралитете, отказа Александра I от прав владения Мальтой и восстановления отношений с Россией. Последнему в Лондоне придавали очень большое значение.

Новый политический курс требовал возможно быстрее определить отношение России к Франции. Узнав о перевороте 11 марта 1801 года и убийстве Павла I, Наполеон пришел в ярость. Он был убежден, что переворот — результат интриг английской дипломатии. Правительству Александра I предстояло достаточно осторожно прекратить действие русско-французского союза, не поссорившись с Наполеоном. В инструкциях русским послам в европейских столицах Александр I формулирует основные принципы русско-французских отношений. Прежде всего было объявлено, что Россия готова поддерживать добрые отношения с любым государством, независимо от его формы правления, если оно в своих действиях руководствуется духом справедливости¹⁰. Русским дипломатам было поручено заверить французских представителей и самого Наполеона, что в сближении с австрийским и английским дворами не содержится никаких агрессивных намерений в отношении Франции. Против нее не будет приниматься никаких мер до тех пор, пока она уважает права и достоинство союзников России¹¹. Александр I склонялся к тому, чтобы занять выжидательную позицию, договориться с Францией «о системе всеобщего замирения», то есть установить военное равновесие европейских государств, закрепить его системой договоров, призванных воспрепятствовать любым агрессивным поползновениям. Предполагалось, в частности, что Франция заключит при посредничестве России ряд договоров, которые стабилизируют положение в Италии, Германии и на Ближнем Востоке. Со своей стороны, Россия, выступая посредником и гарантом этих соглашений, оказывалась как бы в центре европейских международных отношений, что объективно усилило бы ее роль в этих отношениях.

Этот план Александра I натолкнулся на упорное противодействие французской дипломатии. Наполеон настаивал на заключении двустороннего русско-французского договора, который определял бы взаимоотношения двух стран и не касался вопросов общеевропейского значения. Он предполагал упрочить союз, который начал складываться при Павле I, и тем самым остановить процесс сближения России с Англией и Австрией¹². Последнее было абсолютно неприемлемо для Александра I. Император считал себя выдающимся дипломатом и надеялся переиграть Первого консула. Переговоры длились полгода и завершились 8 октября 1801 года подписанием в Париже двустороннего русско-французского договора, устанавливавшего мирные отношения между двумя странами. По сути это означало неудачу русской дипломатии, Александру I не удалось выстроить систему договоров, которые могли бы сковать действия Наполеона. Первый консул сохранял за собой свободу действий. Это означало, что он имеет возможность оказывать давление на соседние государства, прежде всего на страны Центральной Европы. Договор не ограничивал также активность Франции на Ближнем Востоке, где наполеоновские эмиссары старались играть на противоречиях России и Англии и таким путем укрепляли свои позиции при дворе султана.

Одновременно с договором от 8 октября 1801 года была подписана секретная конвенция. Она устанавливала, что Россия и Франция будут совместно решать проблемы Германии и Италии.

Франция обязалась немедленно начать мирные переговоры с турецким правительством при посредничестве России, а Россия обещала способствовать освобождению французских пленных.

По условиям конвенции русские войска должны были покинуть Ионические острова. Обе стороны договорились соблюдать нейтралитет Неаполитанского королевства. В конвенции декларировались установление всеобщего мира, восстановление равновесия и обеспечение свободы морей¹³. Просчет Александра I состоял в том, что по просьбе французской стороны он согласился оформить конвенцию как секретное соглашение. Тем самым Наполеон получил возможность использовать договор с Россией в пропагандистских целях, а Александр I практически лишился каких бы то ни было средств контроля, не мог оказывать на Францию давление и принуждать ее к исполнению условий конвенции. Не могла русская дипломатия апеллировать и к общественному мнению.

Действия Наполеона вскоре показали, что условия конвенции он соблюдать не собирается. Здесь Александру I впервые пришлось столкнуться с феноменом «нового» политического сознания, присущего Наполеону Бонапарту. Последний считал, что договоры следует исполнять лишь в той части, которая ему выгодна, все остальное решается силой. Уже несколько дней спустя после подписания конвенции российский

посол в Париже А.И. Морков сообщает о стремлении, Ш.М. Талейрана пересмотреть в свою пользу статьи конвенции, касающиеся Италии и Германии, и жалуется на недобросовестное ведение переговоров французской стороной¹⁴.

Россия уже самим фактом подписания договора и конвенции признавала правительство Франции и происшедшие со времен революции изменения в этой стране. Тем самым Александр I отказывался от лозунгов реставрации «старого порядка», начертанных на знаменах первых антифранцузских коалиций. Российское правительство хотело не восстановления старого международного порядка, безвозвратно разрушенного революцией, а установления нового порядка отношений между европейскими государствами. Под принципами легитимизма понималась, таким образом, не реставрация некогда легитимных, а ныне ликвидированных правительств, а уважение к международному праву, договору, закону, построенное на здоровой и реалистичной оценке расстановки политических сил. Как в стратегическом, так и в тактическом плане мирный договор и секретная конвенция с Францией были воплощением в жизнь принципов политики «свободы рук». Однако главный вопрос международной жизни начала XIX века — ограничение французской экспансии и восстановление равновесия в Европе — не был, да и не мог быть решен в рамках этой политики. Наполеоновская дипломатия использовала сам факт подписания договора с Россией для давления на Англию. В Лондоне поняли всю тщетность надежд на поддержку России в борьбе с Францией, и 27 марта 1802 года в Амьене был подписан англо-французский мирный договор. Без сомнения, отказ Великобритании от войны с Францией был связан с шагами России на международной арене, и Александр I мог испытывать удовлетворение оттого, что ему чисто дипломатическими мерами удалось восстановить мир на континенте.

Однако наполеоновская дипломатия преподнесла молодому российскому императору жестокий урок. Если Александр I видел в подписанных: соглашениях воплощение известного принципа и считал, что он заложил краеугольный камень своей внешней политики, то Наполеон видел в упомянутых соглашениях лишь тактическое средство для реализации тех решений, которые давно уже вынашивала французская дипломатия. Урегулирование отношений с Россией и подписание мирного договора с Англией позволили Наполеону проводить агрессивную политику в отношении сравнительно слабых соседних государств, прежде всего Швейцарии и Северной Италии. За этими шагами Первого консула отчетливо прослеживалась определенная тенденция: Франция сосредоточивалась для окончательного военно-политического разгрома Австрии и уничтожения Священной Римской империи, выступавшей «вечным врагом» Франции еще с конца XVI века.

2. Европейские проблемы в российской политике 1801–1807 годов

Договоры с Англией и Францией, положенные в основу внешней политики правительства Александра I, лишь стабилизировали политическую ситуацию, разбалансированную демаршами императора Павла I по разрыву традиционных союзных отношений с Англией и Австрией и его союзом с Францией. Главной осью политики петербургского двора в новых условиях должна была стать Центральная Европа, то есть мелкие германские государства, Австрия, Пруссия, отчасти Швейцария и Северная Италия.

В самом деле, восстановление политических и торговых связей с Англией, признание тех изменений, которые после революции произошли в общественном строе Франции, ставили перед Россией задачу научиться маневрировать в условиях противоречий на Европейском континенте, отстаивать свою политическую и правовую концепцию дипломатическими средствами. Субъектами европейской политики выступали в первую очередь упомянутые государства Центральной Европы, тем более что их положение до известной степени было схоже с российским: они также искали свое место в новой системе международных отношений. Их роль в политике России повышалась еще и потому, что Англия и Франция были заняты конфликтом между собой. Ставить на первое место среди политических приоритетов взаимоотношения с главными европейскими державами, как это делало правительство Павла I, значило неизбежно оказаться втянутым в их конфликт, — а этого как раз и хотели избежать Александр I и его окружение. В отношениях с государствами Центральной Европы открывалось больше возможностей для маневра и дипломатической игры, к которой молодой государь испытывал склонность. Следует иметь в виду и еще один прозаический фактор: Австрия и Пруссия были соседями России, от взаимоотношений с ними, от их позиции зависела безопасность границ империи.

Ситуация, в которой пришлось действовать российской дипломатии, была достаточно сложной. В Германии в начале XIX века взаимодействовали три силы: католическая Австрия, император которой Франц II Габсбург был главой Священной Римской империи, избранным согласно имперской конституции на Регенсбургском сейме курфюрстов, протестантская Пруссия и мелкие княжества, формально входившие в состав империи, но все чаще проводившие самостоятельную политику. Австрия и Пруссия, обладая примерно равными силами, боролись за усиление своего влияния на князей, рассчитывая в перспективе полностью объединить Германию под своей властью. Статус-кво определялся Тешенским мирным договором 1779 года. Гарантами этого договора тогда же

выступили Россия и Франция, что давало им формальный повод для вмешательства в германские дела.

В соответствии с принципами внешней политики, о которых говорилось выше, перед Россией стоял ряд задач. На первом этапе рассматриваемого периода — поддержание мира и стабильности в регионе. Усилия русской дипломатии были направлены на сохранение паритета Австрии и Пруссии как в масштабах Германии, так и в целом в европейской политике. Одновременно речь шла о безусловном сохранении того политического и нравственного авторитета, которым Россия пользовалась в Германии после Тешенского мира. Само существование такого авторитета было гарантией от проникновения в эти земли французского влияния.

И все же главной задачей, которую ставило перед собой правительство Александра I, было стремление создать из германских государств барьер на пути агрессии наполеоновской Франции. Особенно остро стоял вопрос о том, чтобы не позволить Наполеону раздавить Австрию, не допустить ее распада и устранения с европейской арены как реальной политической силы. В течение всей эпохи наполеоновских войн эта задача стояла перед российской дипломатией. В зависимости от конкретной обстановки менялась тактика, но общая линия оставалась непоколебимой. То же самое относится и к Пруссии, позднее ставшей объектом агрессии со стороны Наполеона.

До подписания Тильзитского мира 1807 года в европейской политике России можно выделить несколько этапов, связанных с вынужденным переходом от одних форм реализации принципов и целей к другим. Если вначале Александр I надеялся сплотить германские государства на основе принципов легитимизма и равновесия в международных отношениях, то затем под влиянием обстоятельств эта линия уступает место поиску военного союза с Пруссией, а после ее отказа — с Австрией. После поражения Австрии в 1805 году Россия вновь возвращается к идее союза с Пруссией, и лишь поражение новой коалиции заставляет Александра I подписать в Тильзите мирный договор с Наполеоном.

Франция стремилась прежде всего к отторжению от Австрии принадлежащих ей территорий в Италии и Германии как в свою пользу, так и в пользу союзников, например, Баварии. В перспективе Наполеон намеревался окончательно разрушить здание Священной Римской империи и тем самым подорвать позиции Австрии в Германии, нанести удар католической церкви, являвшейся опорой Габсбургов в стране. Проводя подобную линию, Наполеон делал ставку на Пруссию и сепаратистски настроенных курфюрстов. Правда, в Париже были и деятели, желавшие избежать конфликта с Австрией. Министр иностранных дел Наполеона Шарль Морис Талейран видел в сохранении мира с Австрией необходимое условие для поддержания равновесия сил на континенте. Безудерж-

ный экспансионизм Бонапарта вызывал у него опасения, но противостоять воле Первого консула он был не в состоянии.

Стремление правительства прусского короля Фридриха Вильгельма III к установлению гегемонии в Германии наталкивалось на имперскую традицию. В своей борьбе с этой традицией, а значит, и с Габсбургами, Фридрих Вильгельм III объективно должен был ориентироваться на союз с Наполеоном. Но потсдамский двор надеялся воплотить в жизнь свои планы, лавируя между Францией и Россией и опираясь на поддержку двух могущественных держав. При этом главной ценностью в Берлине считали не глобальное решение политических проблем, а постепенное, медленное расширение своей территории путем сложных обменов, договоров, гарантий и т. п.

Наконец, Австрия отстаивала целостность наследственных габсбургских владений, сохранение позиций католической церкви в Германии. В перспективе Вена также вынашивала агрессивные замыслы в отношении Северной Италии и Баварии. Император Франц II видел свою главную задачу в противодействии Франции, хотя для серьезной борьбы с Наполеоном Австрия не имела достаточных сил. Твердолобый, самовлюбленный, ненавидевший революцию, Франц II был не способен к проведению гибкой политики¹⁵. Другой позиции придерживался брат императора, эрцгерцог Карл, выступавший в пользу сближения с Францией. Однако линию австрийской политики определял не он.

В сложившихся условиях российская дипломатия заняла совершенно определенную позицию. В тех ситуациях, когда создавалась угроза жизненным интересам и самому существованию Австрии и Пруссии, они могли рассчитывать на безусловную поддержку и заступничество России. Но любые попытки использовать добрые, а тем более союзнические отношения с Россией для реализации захватнических планов встречали решительное сопротивление Петербурга. Это в равной мере относилось как к Австрии, так и к Пруссии и в ряде случаев служило поводом для сильного недовольства Александром I со стороны Фридриха Вильгельма III и Франца II.

В 1801–1803 годах внешнеполитическая концепция России наиболее ярко воплотилась при решении вопроса об индемнизациях* и в ходе австро-баварского конфликта из-за территории, прилегавшей к реке Инн.

Первая проблема была связана с присоединением левого берега Рейна к Франции по условиям Люневильского мирного договора, подписанного между Австрией и Францией в феврале 1801 года. Поскольку владения имперских князей были расположены чересполосно, потери понесли и те курфюрсты, которые не воевали с Францией. Возникла не-

* Indemniser — вознаградить (фр.)

обходимость компенсировать им потери, вознаградить их. В споры о характере и объемах компенсаций оказались втянутыми практически все европейские государства. Не могла оставаться в стороне и Россия, хотя она постаралась превратить вопрос о распределении индемнизаций во внутригерманский. Александр I предлагал, чтобы все спорные вопросы решались в рамках двусторонних австро-прусских переговоров, а затем решение утверждалось имперским сеймом. В ходе распределения индемнизаций выявились неразрешимые противоречия между Австрией и Пруссией, и стала очевидной утопичность надежд Александра I и его приближенных на создание единого блока германских государств, дружественных России. Предложение Александра I вовсе устранился от переговоров по этому вопросу, если Франция сделает то же, не нашло понимания не только в Париже, но и в Берлине, где рассчитывали использовать антиавстрийскую направленность французской политики в своих интересах. «Необходимо добиваться того, чтобы Франция связала руки Австрии, заставив ее подписать предварительное распределение вознаграждений, — словом, того устройства империи, которое Россия, Франция и Пруссия предварительно согласовали бы между собой»¹⁶ — писал прусский министр иностранных дел Гаугвиц.

Наполеон и Талейран, умело воздействуя на Фридриха Вильгельма III и наиболее влиятельных и не зависимых от Австрии курфюрстов, срывали попытки российской дипломатии локализовать решение вопроса в рамках двусторонних переговоров. Взяв на себя роль арбитра и посредника, они добились в сентябре 1802 года подписания франко-прусско-баварского договора, гарантировавшего безопасность Баварии и направленного против Австрии. Российский уполномоченный в Париже А.И. Морков даже не был предупрежден о готовившемся договоре. В Петербурге писали по этому поводу: «Перед нами новый пример странного способа вести дела, которого держатся в Париже: там приняли за правило действовать внезапно, не обращая внимания на общепринятые дипломатические нормы»¹⁷.

Таким образом, по сути дела, еще с весны 1802 года, после подписания Амьенского мирного договора с Англией, наполеоновская Франция практически перестает считаться с интересами России и проводит линию на ее вытеснение из круга держав, правомочных решать проблемы региона. Одновременно Наполеон усиливает свое военное и политическое влияние в Северной Италии и Швейцарии. Вена все настойчивее требовала у Петербурга поддержки, но не желавший конфликта Александр I отвечал; «Нет никакой причины прилепляться без всякого рассуждения к интересам Австрии и ссориться с Пруссией»¹⁸. Превыше всего Россия ставила «свободу рук», не желая присоединяться к каким-либо блокам. Были отклонены и предложения сентджеймского кабинета о союзе как «рановременные»¹⁹.

Зимой 1802/03 года стало ясно, что в результате распределения индемнизаций позиции Франции в Германии усилились, а Россия не добила решения стоявших перед ней задач. Нарушая условия Амьенского и Люневильского мирных договоров и русско-французской секретной конвенции 1801 года, Наполеон прямо или установлением власти про-французской администрации присоединил к Франции Парму, Пьяченцу, остров Эльбу; образованы были королевство Этрурия и Итальянская республика во главе с самим Бонапартом. Французские войска вступили в Швейцарию, агенты Наполеона активизировались на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье. Одновременно начинается подготовка французских войск к высадке на Британские острова.

Амьенский мир оказался непрочным. Обе стороны сознавали неизбежность войны. Поводом к ней стал вопрос о Мальте. Наполеон требовал, чтобы англичане очистили остров. Британия указывала на нарушение Францией всех статей договора, что выразилось в агрессивных акциях против, Швейцарии, Италии и Голландии и подготовке десанта на Британские острова.

8 марта 1803 года Наполеон ультимативно потребовал эвакуации Мальты, а Георг III заявил в палате общин, что Франция угрожает безопасности Англии. Это фактически было объявлением войны, хотя военные действия начались лишь в мае.

Из Лондона в Петербург вновь были направлены предложения о военном союзе, но они вновь были отвергнуты. Россия в последний раз попыталась выступить посредником в этом конфликте, надеясь оттянуть начало вооруженной борьбы. 8 июня 1803 года императорским указом Мальта была принята под покровительство России. Рассматривая этот шаг как «жертву», приносимую во имя всеобщего мира, Александр I требовал от Франции гарантии неприкосновенности Италии, Северной Германии и Турции. Подобное решение было неприемлемо ни для Франции, ни для Англии. Последняя опасалась усиления позиций России в Восточном Средиземноморье и понимала, что посредничество в мальтийском вопросе ровно ничего не сможет изменить в англо-французских отношениях. Мирная инициатива России была обречена на неудачу.

Вместе с тем нежелание Александра I поддерживать Австрию и Пруссию в их гегемонистских устремлениях в Германии вызывало недовольство как в Вене, так и в Берлине. В этих столицах все больше то со страхом, то с надеждой начинают смотреть в сторону Франции. Продолжение прежней линии, сохранение любой ценой «свободы рук» становилось чреватым международной изоляцией.

12 мая 1803 года начались военные действия на море между Англией и Францией. В ответ на операции против французских судов генерал Мортье по приказу Наполеона занял Ганновер, личное владение англий-

ского короля. Тем самым французские войска получили возможность контролировать ситуацию на Балтике, оказывать давление на Пруссию и Данию, угрожать ганзейским городам и всей системе торговых морских коммуникаций, связывавших Россию с Англией. Кроме того, политическое влияние Наполеона в Юго-Западной Германии, приобретенное в результате распределения индемнизаций, дополнялось прямым военным господством в северной части страны. В результате под угрозой оказалась вся традиционная система политических и внешнеэкономических отношений России, связанных с Балтийским морем и Северной Германией. Выходом из создавшейся ситуации мог быть лишь оборонительный союз с Пруссией.

В конце мая — начале июня 1803 года российский МИД выдвигает проект основ русско-прусской конвенции о защите Северной Германии от французской агрессии. Уже летом 1803 года Россия готова была выступить против Франции, если бы Пруссия пошла на союз с ней. Российское правительство последовательно выдвигает два проекта. Если первый содержал лишь план создания военного блока, то второй основывался на реалиях политической жизни Германии и был направлен на укрепление позиций Пруссии, а в перспективе на объединение страны под ее эгидой. Уже тогда в Петербурге отчетливо понимали, что вододушевить немцев на борьбу с Наполеоном могут именно идеи национального единства и свободы, а не устаревшие принципы имперского габсбургского католического наднационального универсализма. Необходимо только, чтобы национальное воссоединение происходило не стихийно, а под руководством законной власти, освященной исторической традицией.

На все предложения российских уполномоченных прусская сторона отвечала бесконечными проволочками. Затягивая переговоры с Россией, Фридрих Вильгельм III через своего уполномоченного секретаря королевского кабинета И.В. Ломбарда, которого мадам де Сталь верно охарактеризовала как «серого кардинала прусской политики», вел переговоры в Брюсселе с Талейраном. Умело играя на противоречиях Австрии и Пруссии, Талейран уверял Ломбарда, что Франция не собирается посягать на север Германии, предоставит Пруссии полную свободу действий в регионе и не станет увеличивать численность своих войск в Ганновере. Взамен от Пруссии требовались лишь гарантии нейтралитета германских государств и обещание не пропускать иностранные войска через свою территорию. Давая подобные гарантии, Пруссия фактически выступала против России, ибо только ее войска могли пройти через территорию Пруссии для военных действий против Франции.

В Петербурге узнали о переговорах Ломбарда с Талейраном в ноябре 1803 года. Расчеты на союз с Пруссией были похоронены, хотя ника-

ких официальных заявлений сделано не было. Затем последовал официальный отказ со стороны Англии и Франции от всякого посредничества России в заключении мира. Теперь в Петербурге был взят твердый курс на подготовку войны с Францией. Единственной возможной союзницей России на континенте могла стать Австрия. В Вене с тревогой следили за ходом российско-прусских переговоров. Там более всего опасались тройственного соглашения между Россией, Францией и Пруссией. На запрос поверенного в делах в Вене И.О. Анштетта (Анстета) австрийское правительство ответило, что смотрит на союз с Россией как на естественный и отвечающий интересам обеих держав, но считает себя не подготовленным в военном отношении. В то же время Вена подчеркнула, что Австрия не намерена воевать из-за конфликтов в Северной Германии и способствовать замене французского влияния прусским.

Начало военных действий между Англией и Францией привело к тому, что центр противоречий европейских держав переместился в географическом смысле. Эпицентром конфликта становится не север Германии, Дания и бассейн Балтийского моря, как полагали в Петербурге после оккупации французами Ганновера, а Средиземноморье. Конечно, Наполеон собирал войска в северо-западной части Франции для подготовки десанта на Британские острова, но главные военно-морские операции должны были развернуться на Средиземном море. Следствием этого стала резко возросшая активность французских эмиссаров в Османской империи. Теперь Петербург опасался появления французских войск на Балканах. Эта перспектива, а также завоевательные планы Бонапарта в Италии беспокоили и правительство Франца II. На суше главные военные операции также должны были происходить не в районе Ганновера, ганзейских городов и не у датской границы, а у границ Баварии и в Северной Италии. Сближение России с Австрией и военный союз между ними становились лишь делом времени. В данном случае военно-политические события и их осознание людьми, стоявшими во главе государств, шли параллельно, подталкивая друг друга.

Отказ Пруссии от военного союза с Россией, нежелание венского кабинета участвовать в делах Северной Германии, его надежды на то, что интересы Франции и Пруссии придут в противоречие и без участия третьих сил, стремление России не способствовать усилению австрийского влияния в Германии, расчеты Петербурга на то, что удастся побудить Баварию и Баден хотя бы к благожелательному нейтралитету, желание столкнуть Францию и Австрию в Италии, чтобы не дать возможности первой развернуть операции на Балканах, ибо в этом случае сохранялась возможность перерезать коммуникации высадившегося на восточном берегу Адриатики экспедиционного корпуса, — все это и со-

ставило ту совокупность субъективных факторов, которые определили расстановку антинаполеоновских сил.

И все же переговоры о союзе, начатые петербургским и венским дворами в ноябре 1803 года, затягивались. В Вене выжидали и, начав военные приготовления, не спешили объявить, для чего предназначаются собранные войска. Трудно сказать, сколько времени могли тянуться переговоры, если бы ход подготовки коалиции против Наполеона не был ускорен рядом драматических и трагических событий. Зимой 1804 года эмигранты-роялисты, обосновавшиеся в Англии, организовали заговор, во главе которого стал граф д'Артуа. Было организовано покушение на жизнь Первого консула, но Бонапарт уцелел. Полиции не удалось захватить главных участников покушения, и гнев Наполеона пал на герцога Энгийского, принца из дома Бурбонов, непричастного к заговору. Герцог жил уже два года в Эттенгейме на территории Бадена. Французский кавалерийский отряд захватил его, нарушив баденскую границу. Несмотря на то что бумаги герцога доказывали его полную невиновность, он был судим военным судом и расстрелян 21 марта 1804 года. Это политическое убийство вызвало ужас и тревогу по всей Европе: в памяти вставали Робеспьер и гильотина. Кроме того, эта акция представляла собой грубое нарушение всех норм международного права, попрание суверенитета не только Бадена, но и всей Германии, поскольку Баден входил в состав Германской империи. Российская дипломатия использовала расстрел герцога Энгийского для привлечения Австрии и Пруссии к антифранцузскому союзу, доказывая им, что отныне никакое соглашение с Наполеоном невозможно. Вслед за расстрелом герцога 18 мая 1804 г. Наполеон провозгласил себя императором. Большого вызова европейским монархам невозможно было себе представить. Бонапарт не просто насильственно входил в их семью, он входил в нее, пролив кровь одного из самых знатных людей Европы. Теперь он мог заставить признать себя лишь силой оружия.

Расстрел герцога и коронация Наполеона лишний раз показали австрийскому правительству, что он вовсе не намерен считаться ни с независимостью германских государств, ни с правами Франца II как германского императора. Кроме того, откровенные заявления Наполеона о том, что границы его империи должны совпасть с границами империи Карла Великого, присоединение ряда областей Северной Италии к Франции, а затем и провозглашение Наполеона итальянским королем — все это заставило венский кабинет серьезно отнестись к предложениям России о союзе.

Однако едва начались переговоры, с новой силой проявились противоречия между стремлением России и Англии создать возможно более мощный блок для борьбы против наполеоновской Франции и планами австрийского правительства, думавшего в первую очередь о том, чтобы

укрепить свое положение в Германии, не дать усилиться Пруссии и отнять у Франции те земли в Северной Италии, которые недавно были присоединены Наполеоном. Гарантию выполнения этих требований Австрия ставила обязательным условием своего участия в коалиции. Такая позиция очень затрудняла дипломатическую подготовку войны.

Российская дипломатия, столкнувшись с неудачей при переговорах с Пруссией о совместной защите Северной Германии, не оставляла надежд на создание стабильного антифранцузского блока германских государств. В этих планах Россию поддерживала Англия. В Петербурге и Лондоне надеялись, что центром этого блока станет Австрия, претендовавшая на ведущую роль в Германии. Предложением возглавить германские государства думали польстить тщеславию венского двора. Однако позиция Австрии сделала невозможным осуществление этой идеи. Вместо того чтобы встать во главе германских государств, Австрия вступила в конфликт с Баварией и с большинством курфюршеств, поддерживавших мюнхенское правительство. Борьба за распределение индемнизаций, когда лишь вмешательство России спасло положение Австрии, ничему не научила Франца II и его министров. Возобновление Англо-французской войны было воспринято в Вене как возможность один на один, без вмешательства Франции решить спорные вопросы с курфюрстами с позиции силы. Правительство Франца II хотело реализовать права сюзерена над своими вассалами (курфюрстами) на основе устаревшего феодального права, ссылаясь на традиции Священной Римской империи. Бесконечные конфликты Франца II с курфюрстами, отвергавшими его претензии на сеньориальные права, потребовали вмешательства российской дипломатии, которая оказалась в очень трудном положении. Выступить с реалистических позиций, высказаться против великодержавных планов венского кабинета означало поставить под угрозу срыва русско-австрийские переговоры о союзе. Встать на сторону Австрии значило занять заранее проигранный позицию, так как пришлось бы защищать отжившие средневековые институты, а главное — побудить всех германских князей обратиться за поддержкой в Париж. Россия неминуемо утратила бы влияние в Германии, а княжества, сделавшись союзниками Наполеона, отвлекли бы на себя значительные силы коалиции и нейтрализовали бы военное участие Австрии в борьбе с Францией. Играя на противоречиях Австрии с курфюрстами, Талейран выбил оружие из рук коалиции, лишив ее надежды на создание единого фронта германских государств. Франция сумела привлечь князей на свою сторону и в конечном счете совершенно подчинила себе их внешнюю политику. В конце 1804 — начале 1805 года Александр I, стремясь придать Австрии решительности, угрожает заключить союз с Пруссией, поставив тем самым Вену в положение изоляции. Он высказывает опасение, что Англия, не получив поддержки

континентальных государств, может выйти из войны, а без британских субсидий организовать сопротивление Наполеону будет много труднее²⁰. Россия также гарантировала Австрии, что помимо экспедиционного корпуса для борьбы с Францией будет выделен наблюдательный корпус, предназначенный для того, чтобы помешать Пруссии совершить что-либо против «общего дела».

Параллельно российская дипломатия продолжала и борьбу за привлечение Пруссии к будущей коалиции. Берлинское правительство, провозгласив после Базельского мира 1795 года политику нейтралитета, стремилось сделать этот нейтралитет средством мирного приобретения новых территорий. Россия решительно выступала против подобной линии: либо подлинный нейтралитет, а не завуалированное пособничество политике Наполеона в надежде на территориальные подачки, либо борьба с Францией и достижение вожденных целей Фридриха Вильгельма III как награда за победу в этой борьбе. Ответная реакция прусского правительства была неизменной: переговоры в довольно дружественном тоне велись одновременно и с Россией, и с Францией.

В переговорах с личным представителем Александра I Ф.Ф. Винцингероде прусское правительство после некоторых колебаний согласилось признать поводом к началу ответных действий лишь агрессию французов в Северной Германии, категорически отказываясь от вступления в войну при вторжении французских войск на территорию Австрии, Италии или Османской империи. Здесь позиция Пруссии была аналогична линии Австрии. Соперничавшие державы больше всего боялись оказаться вовлеченными в войну за интересы своего противника. Идея же Петербурга о необходимости общими силами противостоять агрессору была чужда как венскому, так и берлинскому двору. Избегая официальных заявлений, К.А. Гарденберг, руководивший прусской политикой, затягивал переговоры, заполняя их пустыми обещаниями российскому посланнику в Берлине М.М. Алопеусу и Винцингероде.

Проходившие одновременно переговоры Пруссии с Францией были успешнее. Летом 1805 года уже всерьез говорили о франко-прусском союзе. Талейран и здесь сумел предложить более выгодные условия: Франция готова была уступить Пруссии Ганновер в обмен на гарантии благожелательного к Франции нейтралитета и признания наполеоновских завоеваний. Личный представитель Наполеона Дюрок просил Фридриха Вильгельма III не пропускать «чужие», прежде всего русские, войска через свою территорию и обещал вооруженную помощь, если в ней возникнет нужда.

Преодолеть антагонизм между Австрией и Пруссией российской дипломатии не удалось, и в 1805 году, и позднее острые противоречия препятствовали объединению этих держав в антинаполеоновской борьбе.

Для окончательного образования коалиции необходимо было оформление также англо-русского союза. Прежние инициативы британского правительства встречали в Петербурге отказ, объясняемый несвоевременностью подобного договора. Теперь время наступило. Весной 1805 года в Лондон направляется Н.Н. Новосильцев. Условия соглашения выработывались достаточно быстро. Решались вопросы морского права, Восточного Средиземноморья и организации помощи Неаполитанскому королевству, в независимости которого были заинтересованы обе державы. Наибольшее значение в Лондоне придавали даже не Ганноверу и не бассейну Балтийского моря, а Ближнему Востоку. Англию особенно беспокоила угроза со стороны Франции, нацеленная на южную часть Неаполитанского королевства, и перспектива высадки десанта в Албании и Морее. Вопросы, связанные с Балтикой и ганзейскими городами, имели сравнительно меньшее значение, хотя неприкосновенность Голландии отчетливо связывалась с безопасностью Британских островов. И все же для английских дипломатов германские дела были лишь поводом столкнуть Францию с державами континента. Россия готова была к уступкам в Восточном Средиземноморье, особенно в вопросах о Мальте и Неаполитанском королевстве, где Англия во что бы то ни стало хотела сохранить свое влияние.

Внешнеполитическая концепция Англии имела свои особенности. Первые призывы к либерализму и равновесию сил прозвучали именно с Британских островов. Характеризуя политику Лондона в эпоху наполеоновских войн, принято говорить о стремлении английской дипломатии воевать чужими руками, возлагая основные тяготы боевых действий на суше на континентальные державы. Такой подход представляется несколько упрощенным. Как и у любой европейской страны, у Англии были свои политические приоритеты. В частности, именно она вносила в международные отношения вопросы, связанные с захватом колоний. Обладая наиболее сильным флотом, Англия вела борьбу за морскую гегемонию, в ее политике весьма значительное место занимали проблемы торговли. Внешняя политика Англии имела такую специфическую сторону, как выделение и распределение денежных субсидий, без которых борьба с агрессией наполеоновской Франции для континентальных держав была бы значительно затруднена.

В то время, когда континентальные державы устанавливали свое влияние лишь военными или дипломатическими средствами, Англия заботилась также об установлении экономической, торговой гегемонии. Не сент-джеймский кабинет толкал континентальные державы на войну против Франции. У России, Австрии, Пруссии, Испании были достаточно веские основания для войны против Наполеона без всяких дополнительных интриг Лондона. Правда, многие вопросы, особен-

но животрепещущие для континентальных держав, для Англии имели подчиненное значение. Но именно англичане оказали весьма эффективное сопротивление французам во время экспедиции Бонапарта в Египет, именно они ликвидировали «дочернюю якобинскую» республику в Неаполе да и позднее принимали достаточно активное участие в борьбе, не позволяя французской агрессии выйти за пределы Европейского континента. Мы уж не говорим о войне на море, в которой Англии принадлежала решающая роль.

Негативная оценка действий британской дипломатии связана с тем, что в Лондоне по-иному, чем в Петербурге, понимали систему европейского равновесия. Помогая своим континентальным союзникам в борьбе с Францией, стремясь всемерно ослабить своего векового противника, Англия при этом зорко следила за тем, чтобы не допустить усиления ничьего влияния, кроме собственного. В первую очередь это, конечно, относилось к России.

Отношения между Россией и Англией доказывают, что наличия общего врага еще недостаточно для создания атмосферы полного доверия между союзниками. В период подготовки III коалиции главное концептуальное противоречие между Англией и Россией состояло в различном понимании сущности европейских проблем. Россия не желала полного устранения Франции от активной политической роли, видя в ней противовес британским амбициям. Лондон же, стремясь максимально ослабить Францию, готов был привлечь Австрию и Пруссию обещаниями щедрых вознаграждений за ее счет. Петербург не желал ни усиления граничащих с Россией государств, ни их ссоры из-за добычи. В ходе переговоров ряд вопросов был оставлен в стороне, по основным пунктам достигли компромисса. Результатом миссии Н.Н. Новосильцева стало подписание 11 апреля 1805 года англо-русской союзной конвенции о мерах по установлению мира в Европе.

Итак, к лету 1805 года после присоединения к союзу Швеции сложилась III антинаполеоновская коалиция. Перед самым открытием военной кампании союзники предприняли еще одну отчаянную попытку заставить Фридриха Вильгельма III отказаться от «базельской системы» — благожелательного по отношению к Франции нейтралитета: Австрия проявила готовность к компромиссу, а Россия даже угрожала прямым силовым давлением, но потсдамский кабинет оставался твердым, у Образовавшаяся коалиция была непрочной. Противоречия между союзниками не были преодолены, их просто не принимали во внимание. Считалось, что победа над Наполеоном сама решит все проблемы международных отношений. Пожалуй, единственное, в чем были согласны союзники, так это в том, что цель коалиции — не политические изменения внутри Франции, не реставрация старого режима, а установление

в Европе такого порядка, который не позволил бы Франции производить дальнейшие захваты и угрожать независимости соседних государств. В этом было отличие III коалиции от двух предыдущих, выдвигавших реставраторские лозунги. Трещины в политическом основании коалиции расширились и дали себя знать при первых военных испытаниях. Именно непрочность этого политического основания и предопределила поражение коалиции еще до тех военных ударов, которые были нанесены ей Наполеоном.

Противоречия между Россией и Австрией проявились уже при разработке плана военных операций, порученной австрийскому гофкригсрату. Составленный в Вене план предусматривал прежде всего решение территориальных проблем империи — укрепление позиций в Юго-Западной Германии и Северной Италии. Силы Австрии были раздроблены. Большая их часть под командованием самого способного австрийского полководца эрцгерцога Карла направлялась в Италию, хотя при переговорах России и Австрии было согласовано, что основные военные операции развернутся в Центральной Европе.

Начало войны внесло изменения в позицию Пруссии. Торопясь перебросить войска на помощь Баварии, Наполеон провел их через принадлежавший Пруссии перевал Аншпах. Подобное нарушение нейтралитета вызвало в Берлине бурю негодования. Русская дипломатия использовала этот шанс, и 3 ноября 1805 года была подписана конвенция между Россией и Пруссией о совместных действиях против Франции.

Однако этот дипломатический успех пришел слишком поздно. Наполеон спешно свернул лагерь в Булони на берегу Ла-Манша, где были собраны войска, предназначенные для вторжения в Англию. Блестяще организованный форсированный марш — переход через Аншпах — позволил французам появиться в Баварии прежде, чем австрийские войска успели развернуть боевые операции. Австрийская армия, не дождавшись подхода экспедиционного корпуса из России под командованием М.И. Кутузова, оказалась один на один с главными силами Наполеона.

Михаил Илларионович Кутузов во главе русской армии двинулся в Австрию в августе 1805 года. Положение русского полководца было сложным. Он не имел достаточных полномочий для принятия самостоятельных решений. Его взгляды расходились с планами Австрии и указаниями Александра I, стремившегося подчинить военные вопросы дипломатическим соображениям. Кроме того, в делах передвижения и снабжения войск М.И. Кутузов во многом зависел от Австрии. Наполеон, прибывший на театр военных действий раньше Кутузова, захватил инициативу в свои руки.

20 октября 1805 года австрийская армия генерала Макка капитулировала в Ульме. В этот момент подходившая армия Кутузова сосредото-

точивалась в Браунау на реке Инн. Капитуляция австрийцев ставила русскую армию в тяжелейшее положение. Наполеон не терял ни одного дня, он надеялся окружить войска Кутузова. 29 октября французы вступили в Браунау, но русской армии там уже не было. Кутузов начал отступательный марш-маневр. Двигаясь с обозами, маневрируя, Кутузов мастерски выводил свои войска из-под удара. Это было единственно правильное решение. Но австрийский император требовал оборонять предместные укрепления на Дунае у Кремса и защитить Вену. Александр I подтвердил приказ оборонять австрийскую столицу. М.И. Кутузов доказывал императорам, что последствия такого решения были бы губительными для русской армии. Он знал, что Наполеон уже перебросил корпус Мортье на левый берег Дуная с целью отрезать русские войска, а по правому берегу их преследовал Мюрат. Кутузов последовательно продолжал свой маневр. 5 ноября Мюрат был отброшен в бою у Амштеттена, а Кутузов отошел к Кремсу. Прикрывшись арьбергарами, русская армия переправилась через Дунай и сожгла мост. Мортье, не успевший завершить свой маневр, был разбит 11 ноября у Дюренштейна и отброшен за Дунай.

12 ноября Мюрат занял Вену и перешел Дунай. Остатки австрийской армии не сделали ничего, чтобы хотя бы задержать неприятеля. Кутузову снова угрожало окружение. Чтобы спасти армию, он направил 6-тысячный отряд Багратиона с приказом задержать Мюрата. Последний, не зная, какие силы противостоят ему, начал переговоры о перемирии. Подписанный двумя генералами акт о перемирий был направлен на ратификацию Кутузову и Наполеону. Кутузов не давал ответа, продолжая отступление, и успел пройти наиболее уязвимое место — город Цнайм. Наполеон, поняв, что русские перехитрили Мюрата, приказал ему немедленно атаковать арьбергарад Кутузова. 16 ноября Багратион в течение целого дня сдерживал натиск пятеро превосходивших его сил Мюрата, был окружен, но сумел вырваться и с 3 тысячами человек присоединился к Кутузову, который был уже в Ольмюце. Туда стягивались все российские силы.

Таким образом, Кутузов сорвал планы Наполеона и спас русскую армию от окружения и разгрома. Стратегия Кутузова оказалась правильной: собранные у Ольмюца силы хоть и ненамного, но уже превосходили силы Наполеона. Кроме того, из Италии в тыл французам выходили австрийские войска эрцгерцога Карла. Если бы обстановка на театре военных действий стала складываться в пользу союзников, в войну против Наполеона вступила бы Пруссия. Подписав конвенцию, в Берлине ждали развития событий, упорно затягивая переговоры как с русскими, так и с английскими представителями.

Кутузов настаивал на том, чтобы собрать все силы союзников, возможно, даже отступить в Богемию, еще ослабить французов отрывом

от баз и подкреплений и тогда нанести Наполеону смертельный удар. Однако восторжествовало мнение австрийского генерального штаба, поддержанное императором Александром I, на первое место ставившим исполнение союзнического долга. Было принято решение немедленно помериться силами с Наполеоном. 2 декабря произошло сражение под Аустерлицем. Диспозиция австрийского штаба предусматривала крайне запутанные передвижения с целью отрезать французские войска от Вены. Тщетно Кутузов призывал избегать сложных маневров и предостерегал, что не следует атаковать неприятеля, не зная его расположения.

В день сражения Кутузов находился при одной из колонн русских войск. Он считал, что ключом к исходу боя являются Праценские высоты, и потому старался задержать на них свои войска. Прибывший к колонне Александр I приказал оставить высоты и наступать. Французы немедленно атаковали и захватили оставленные ключевые позиции, прорвав тем самым центр союзников. После этого сражение было проиграно.

Отныне усилия по вовлечению Пруссии в войну становились напрасными. Австрия также торопилась покинуть ряды коалиции, опасаясь, как бы Пруссия, обладавшая только что отмобилизованной 200-тысячной армией, в последний момент не присоединилась к победителю и не обеспечила себе господство в Германии. Эти соображения побудили Австрию сразу же после Аустерлица подписать Прессбургский мирный договор с Францией. Прусский уполномоченный Гаугвиц поздравил Наполеона с победой, а Россия была вынуждена прекратить военные действия и отозвать экспедиционный корпус. Александр I возложил ответственность за неудачи на Кутузова, который был отстранен от командования и назначен киевским военным губернатором.

15 декабря 1805 года в Вене был подписан франко-пруссский договор, по которому стороны обязались взаимно гарантировать нынешние владения и будущие территориальные приобретения. О подписании этого договора потсдамский кабинет уведомил российское правительство лишь в начале января, а полный текст договора стал известен в Петербурге только в феврале 1806 года. III коалиция прекратила свое существование.

Формально состояние войны России с Францией сохранялось, противоречия между двумя державами еще больше обострились. По условиям Прессбургского договора Франция получила территорию Далмации, ранее принадлежавшую Австрии. Теперь Франция могла оказывать прямое давление на Турцию, угрожать интересам России на Балканах, Ближнем Востоке, в Средиземноморье.

Перед правительством Александра I вновь встала задача выработки внешнеполитической тактики. В начале 1806 года намечались две тенденции. Первая исходила из необходимости мирной передышки, в ходе

которой предстояло собраться с силами и, главное, определить возможных партнеров России по борьбе с наполеоновской Францией. Нужно было выяснить позиции Австрии и Турции, наметить перспективы развития русско-прусских отношений. Вторая — это продолжение вооруженной борьбы с Францией, укрепление союзных отношений с Англией, которые теперь приобретали наибольшее значение. Если раньше среди целей войны главной была защита интересов России в Северной Германии и бассейне Балтийского моря, то теперь все большее беспокойство вызывает южное направление. Положение на Балканах стало явно угрожающим. А. Чарторыйский в своей записке на имя императора обстоятельно аргументирует необходимость обратить внимание на усиление русских войск на Ионических островах и эскадры на Средиземном море, добиваться усиления позиций России на Балканах и сосредоточить русский корпус у границ Молдавии²¹.

Действительно, ситуация на Ближнем Востоке чрезвычайно обострилась. Наполеон использовал условия Прессбургского договора для попыток расширить свое влияние в регионе. Захват Далмации вместе с фактическим утверждением в Неаполе отдавал в руки Франции все западное побережье Адриатики — от Венеции до Отранто. Для полного овладения Адриатическим морем оставалось лишь вытеснить русские гарнизоны с Ионических островов и из бухты Каттаро, лишив тем самым Россию ее опорных пунктов для борьбы против Франции в Средиземноморье.

В связи с успехами Наполеона правительство султана резко изменило свой внешнеполитический курс. Вскоре после Аустерлица Селим III признал Наполеона императором и в его лице приветствовала «самого давнего, самого верного и необходимого союзника» Турции²². Прибывший в августе 1806 года в Константинополь представитель Франции генерал Себастиани имел инструкции всеми силами стараться «испортить отношения между Турцией и Россией», «закрыть для русских Босфор» и восстановить полное господство Турции в Дунайских княжествах²³. Одновременно французская дипломатия установила отношения с Персией, традиционным противником Османской империи. Наполеон давал понять, что если он не найдет понимания в Константинополе, то может поискать опору в Тегеране.

Под влиянием интриг Себастиани Селим III заменил господарей Молдавии и Валахии, дружественных России, боярами франкофильской ориентации. Ответом явилась оккупация княжеств русскими войсками, что, в свою очередь, вызвало объявление Турцией войны России (декабрь 1806 г.). В январе следующего года Турция разорвала отношения также с Англией и, таким образом, полностью перешла на сторону Наполеона. В итоге фронт столкновения русско-французских интересов значительно расширился. Назревало новое обострение конфликта двух держав.'

Задачи российской внешней политики в начале 1806 года были сформулированы Александром I в рескрипте послу в Лондоне С.Р. Воронцову. Император писал: «Готовность к энергичной обороне — это то, чего требуют от меня нынешние условия в военном отношении, а сохранение союзных и дружественных связей с Великобританией является одной из моих внешнеполитических задач. Одновременно я приложу усилия к тому, чтобы, с одной стороны, удержать, если это возможно, Австрию от полного подчинения воле Бонапарта, а с другой стороны, буду уделять особое внимание тому, чтобы помешать Пруссии укреплять ее связи с Францией и по возможности привлечь короля к обороне оттоманских владений, над которыми нависла столь явная угроза в связи с позициями, сохраняемыми Бонапартом в Италии»²⁴.

Весной 1806 года в Петербурге придавали особое значение русско-английскому союзу. После смерти У. Питта и прихода к власти министерства Ч. Дж. Фокса возникла возможность подписания англо-французского мирного договора. Мир между Англией и Францией был в высшей степени нежелателен для России, поскольку лишь действия британского флота сдерживали соблазн Наполеона усилить военное присутствие Франции на Балканах. Слабая российская эскадра на Средиземном море не смогла бы в одиночку помешать переброске французских войск в Далмацию морем. Александр I и министр иностранных дел А. Чарторыйский видели главную задачу в сохранении и укреплении союза между Россией и Англией. Эти две державы, по мнению А. Чарторыйского, выражавшего официальную точку зрения, должны были согласовывать между собой решение главных международных проблем²⁵.

Одновременно российское правительство пошло на переговоры с Францией. В Париж был направлен П.Я. Убри с задачей обсудить вопрос о возвращении русских пленных, но на самом деле Убри должен был определить шансы на заключение длительного перемирия или даже всеобщего мира, который позволил бы остановить французские завоевания на Балканах и в Восточном Средиземноморье и в то же время обеспечил России возможность сохранить дружественные отношения с главными государствами Европы²⁶. Однако Талейран вынудил Убри подписать мирный договор, согласно которому Россия в значительной степени теряла свои позиции в Восточном Средиземноморье и должна была признать Жозефа Бонапарта королем Обеих Сицилий. Условия договора неизбежно влекли за собой разрыв англо-русского союза и поставили бы Россию в положение изоляции. Этот договор не был ратифицирован Александром I.

Добиться более или менее длительной мирной передышки не удалось. Российская дипломатия должна была думать об организации защиты интересов страны как в Европе, так и на Ближнем Востоке. В от-

ношении Австрии главной задачей было поддержать венский кабинет, побудив его противостоять давлению Наполеона, который добивался разрешения на проход своих войск в Далмацию через австрийскую территорию. В итоге Австрия все же уступила Франции. Несмотря на это, венский двор продолжал пользоваться поддержкой российской дипломатии во всех вопросах, связанных с послевоенным урегулированием и выполнением условий Прессбургского мира.

Но основные усилия правительства Александра I на континенте были направлены на установление союза с Пруссией. В начале 1806 года вопрос о позиции потсдамского двора приобрел первенствующее значение как для французской, так и для российской дипломатии. Для Наполеона подчинение Пруссии своему диктату означало безраздельное господство над всей Германией, нейтрализацию Австрии, контроль над всем северогерманским побережьем — это значительно увеличивало его шансы в борьбе против Англии.

Не меньшее значение придавали союзу с Пруссией в Петербурге. Сохранение самостоятельности Пруссии, ее тесный союз с Россией обеспечивали влияние на германские дела, защиту балтийской торговли, а главное — создавали препятствие движению французских войск к русским границам. По Венскому договору от 15 декабря 1805 года Пруссия совместно с Францией гарантировала независимость и территориальную целостность Турции, Тем самым в случае русско-турецкого конфликта, опасность которого отчетливо выявилась осенью 1806 года, Пруссия обязывалась действовать в интересах Франции против России. Линия потсдамского кабинета сводилась к попыткам выступить посредником между Россией и Францией, гарантировав обоим нейтралитет Северной Германии. Фридрих Вильгельм III хотел быть равноправным партнером в отношениях двух сильнейших держав континента, надеясь извлечь из роли посредника территориальные и политические выгоды.

В беседах с уполномоченным прусского короля герцогом Брауншвейгским А. Чарторыйский уже в начале 1806 года решительно отверг как идею тройственного франко-русско-прусского соглашения, так и планы посредничества Пруссии. Российский МИД не устал доказывать, что противоречия между Францией и Пруссией носят непримиримый характер, а их обострения следует ожидать в самом недалеком будущем. Лучшее, что может сейчас сделать Пруссия, утверждал А. Чарторыйский, это примкнуть к антинаполеоновской коалиции²⁷.

Однако Фридрих Вильгельм III предпочел иной путь. 5 марта 1806 года он ратифицировал новый договор с Наполеоном, по которому Пруссия получила Ганновер и обязалась закрыть порты Северной Германии для английских кораблей. Наполеон добился своей цели: Англия объявила Пруссии войну. Российской дипломатии ничего не оставалось, как

приняться за урегулирование конфликта. Помимо военно-политических причин здесь действовали и экономические. Убытки русской балтийской торговли от войны Англии и Пруссии были огромны²⁸. Ситуация еще больше обострилась из-за конфликта Пруссии со Швецией, давней союзницей Англии и России. Твердую политику противодействия агрессивным планам Пруссии Россия сочетала с переговорами о возможности союза двух государств.

В июне 1806 года Александр I принял отставку А. Чарторыйского, позиция которого заметно разошлась со взглядами императора. Чарторыйский, фактически управлявший делами МИД России в 1803–1806 годах, ориентировался на то, чтобы связать Россию тесным союзом с Англией и активизировать русскую политику в восточном и балканском вопросах. Он отрицательно оценивал союз России с Пруссией, видя в нем препятствие к осуществлению своих планов восстановления Польши. Александр I весьма скептически относился к этим планам, ибо их осуществление неизбежно вело к конфликтам с Австрией и Пруссией и в итоге к изоляции России. Союз же с этими державами Александр I как до, так и после Аустерлица считал главным условием успешной борьбы с Наполеоном. В отличие от А. Чарторыйского, предлагавшего уделить главное внимание балканскому направлению, Александр I считал необходимым сосредоточить все силы на борьбе с Наполеоном в Европе, не отвлекаясь на восточный и балканский вопросы. Отставка А. Чарторыйского предвещала образование русско-прусского союза и IV антинаполеоновской коалиции.

Между тем расчеты Пруссии на содействие Наполеона укреплению ее позиций в Германии пошатнулись в связи с созданием 12 июля 1806 года Рейнского союза, в котором главную роль играла Бавария. Наполеон стал протектором этого объединения. В ответ возникли планы конфедерации северогерманских государств под руководством Пруссии и при покровительстве России. Французская дипломатия оказала самое энергичное противодействие этим планам, что и послужило причиной конфронтации, приведшей Пруссию к войне с Наполеоном в октябре 1806 года.

К осени 1806 года в Петербурге отчетливо понимали, что медлить с образованием очередной коалиции нельзя. Выбор между концентрацией главных усилий на юге или на западе был решен в пользу запада самим ходом событий.

Пруссия неудержимо шла к конфронтации с Францией. В стране поднялась волна патриотических настроений, возросло влияние политиков, требовавших немедленного выступления против Наполеона. Во главе этой партии стояла королева Луиза, пользовавшаяся большой популярностью среди гвардейских офицеров. Этот подъем был вызван

политикой Наполеона в Германии после Прессбургского мира. Создание Рейнского союза, намерение отобрать у Пруссии Ганновер, ставший разменной монетой в политических комбинациях французской дипломатии, оккупация французами Эссена, Эльтена и Вердена, захват Наполеоном Голландии — все это толкало Пруссию к скорейшему открытию военных действий.

Формирование IV коалиции весьма схоже с процессом образования III коалиции. Вновь выявились противоречия России со своей будущей союзницей. Суть их состояла в том, что Россия добивалась консолидации всех европейских государств для борьбы против Франции и ради этого единства призывала их оставить все взаимные претензии, хотя бы до окончания борьбы. Пруссия же, как и Австрия в 1805 году, видела в союзе с Россией лишь средство для решения своих внешнеполитических задач, среди которых борьба с Францией занимала отнюдь не главное место. Для Пруссии в 1806 году главными были приобретение Ганновера, решение в свою пользу померанского конфликта со Швецией, хотя бы косвенное подчинение себе северогерманских государств путем создания конфедерации. Союз с Россией был для Пруссии в первую очередь средством решения этих частных проблем. А в росте влияния Франции потсдамский кабинет видел лишь один из факторов международной жизни, который даже намеревался использовать в своих интересах.

Пруссия начала военные действия, когда коалиция еще не сложилась. К моменту открытия кампании не были выработаны общие планы военных действий, не завершились переговоры, которые должны были хотя бы смягчить противоречия между союзниками, — они были просто прерваны войной. Лишь в конце сентября 1806 года была достигнута договоренность о возможности установления дипломатических отношений между Англией и Пруссией, а договор о мире и дружбе между двумя странами был подписан только 28 января 1807 года в Мемеле, где Фридрих Вильгельм III скрывался от оккупировавших всю Пруссию французских войск.

Военные события разворачивались стремительно. 1 октября 1806 г. Пруссия предъявила Наполеону ультиматум, а уже 14 октября в сражении при Йене и Ауэрштедте французские войска наголову разбили прусскую армию. На континенте Россия вновь, как и в 1805 году, осталась с Францией один на один.

Прямыми следствиями разгрома Пруссии явились провозглашение континентальной блокады (отныне все государства, не желающие конфликта с Францией, обязаны были закрыть порты для английских судов) и ликвидация возможности создания северогерманского союза. Почти одновременно с установлением континентальной блокады началась вой-

на России с Турцией. Военные действия развернулись в Молдавии. В это же время в Закавказье Россия вела войну с Персией.

Вступая в 1806 году в борьбу с Наполеоном, Россия не просто выполняла союзнический долг и боролась за сохранение Пруссии, она сражалась и за свои непосредственные интересы. На карту было поставлено уже не европейское равновесие, как в 1805 году, а самое положение России как великой европейской державы. Наполеон грозил полностью вытеснить Россию из Европы, установить барьер между ней и Европейским континентом, нарушив все традиционные связи. Главной целью Наполеона в этой войне было заставить Россию присоединиться к континентальной блокаде, превратить ее в орудие своей политики, использовать если не для военного, то хотя бы для экономического разгрома Англии. России, со своей стороны, необходимо было ликвидировать угрозу со стороны Наполеона, восстановить поверженную Пруссию, предотвратить восстановление Польши под эгидой Франции, добиться прекращения поддержки Турции и Персии французской дипломатией. Это позволило бы России сохранить свои позиции в Центральной Европе и на Балканах, укрепить политические и экономические связи с Англией.

Добиться молниеносного разгрома русской армии Наполеону не удалось. Наоборот, после сражений под Пултуском и Прейсш-Эйлау стало ясно, что война затягивается, Наполеон уже склонялся к мирному урегулированию конфликта. Именно в этот момент Австрия выступила с предложением посредничества. Однако Франция затягивала переговоры, а Россия, рассчитывавшая на победу, отвергла инициативы Вены и предложила Австрии примкнуть к коалиции. После Эйлау Александр I ожидал перелома в войне: Англия обещала высадить десант и принять участие в боевых операциях на суше, обещала активизировать свои действия в Померании и Швеция. Российская армия сохраняла свою боеспособность, а наполеоновские солдаты были истощены бесконечными передвижениями в Восточной Пруссии и в Польше. Сохранялась надежда и на привлечение Австрии к «общей борьбе». Этим надеждам не суждено было сбыться: в Вене решили не рисковать, и точка зрения эрцгерцога Карла, выступавшего за строгий нейтралитет, восторжествовала.

Наполеон, со своей стороны, предлагал Пруссии подписать сепаратный мир, до Фридрих Вильгельм III отверг эти предложения и 14 апреля подписал Бартенштейнскую конвенцию о войне до победного конца. Целями войны провозглашались ликвидация Рейнского союза, изгнание французов из Германии и создание федерации германских государств, гарантированной Россией, Англией и Швецией. Союзники намеревались добиваться привлечения к конвенции Англии и Австрии. Внешнеполитическая концепция России нашла отражение в XIII статье, которая гла-

сила: «Союзники обязываются не делать в продолжение войны никаких завоеваний на континенте в свою собственную пользу. Военные действия никогда не будут направляемы из видов частных, но единственно для достижения главной цели — принудить неприятеля к заключению общего и прочного мира... Только при заключении мира достигнуто будет соглашение о назначении тех завоеваний, которые могли бы быть сделаны у неприятеля или его союзников»²⁹.

Подписание Бартенштейнской конвенции укрепило прусско-русский союз и срывало попытки Наполеона расколоть его и вынудить каждую из сторон к сепаратному миру. Теперь главным вопросом стало расширение состава коалиции. Важно было добиться присоединения к конвенции Англии и Австрии. Новый британский министр иностранных дел Дж. Каннинг, выражавший широкие общественные настроения в Англии, 5 мая 1807 года заявил о готовности присоединиться к коалиции. Но это присоединение не состоялось в связи с Тильзитским миром. Позиция же Австрии была выражена ее императором Францем I: «Поскольку неизвестно, какими средствами Россия и Пруссия хотят осуществить свои намерения, в настоящий момент ничего не следует предпринимать»³⁰.

Именно в этот момент ход военных операций изменился не в пользу союзников. Наполеон перегруппировал силы и 15 мая взял Данциг. После этого министр иностранных дел Австрии граф И. Стадион заявил А.К. Разумовскому: «Поскольку Россия ставит своей целью восстановление прусского короля в его владениях, Австрия не хочет подвергать себя опасностям войны ради интересов Пруссии. В Вене еще не забыли, — добавил Стадион, имея в виду отказ Фридриха Вильгельма III присоединиться к III коалиции, — поведения Пруссии в 1805 году»³¹.

Летняя кампания 1807 года закончилась, едва начавшись. Наполеон стремился отрезать русские войска от их базы в Кёнигсберге, отбросить их к Неману и выйти к границе России. В свою очередь, Л.Л. Беннигсен принял решение оттеснить французов к Висле. Решительное сражение произошло у Фридланда 2 июля. Русская армия потерпела поражение и отступила за Неман. Французские войска непосредственно вышли к границам России.

Весной-летом 1807 года все больший вес приобретают факторы, побуждавшие к резкому изменению тактики. Общие цели и основополагающие принципы российской внешней политики оставались прежними, но международная и внутренняя обстановка властно требовала перемен. Предпосылки этих перемен складывались еще в ходе кампании 1807 года, но реализованы они были в Тильзите. Согласие сторон на перемирие после Фридланда привело к переговорам и положило начало тильзитской системе в российской внешней политике. Эта система, по-

степенно трансформируясь, сохранялась до самого начала Отечественной войны 1812 года.

3. Тильзит и Эрфурт

В 1807 году в окружении Александра I не было единства, позволявшего быстро определить внешнеполитическую линию. Три группы, придерживавшиеся разных мнений, боролись за влияние на императора. «Молодые друзья», стоявшие вместе с ним у истоков формирования внешнеполитической концепции начала царствования, — Новосильцев, Чарторыйский, Строганов выступали за укрепление союза с Англией. Все их проекты мирного урегулирования включали в качестве обязательного условия поддержку со стороны британского правительства. Родственники Александра I, в первую очередь его мать — вдовствующая императрица Мария Федоровна, а также министр иностранных дел А.Я. Будберг и командующий войсками в Польше Л.А. Беннигсен выступали за прочный союз с Пруссией. Эта группировка опасалась вторжения французской армии в Россию и видела в самом существовании Пруссии и реализации принципов Бартенштейнской конвенции от 26 апреля 1807 года возможность удалить театр военных действий от российских границ.

Третья группа (в ее состав входили Н.П. Румянцев, в то время занимавший пост министра коммерции, и только что назначенный послом в Вену А.Б. Куракин, позднее к ним присоединился М.М. Сперанский) выступала за возрождение принципов политики «свободы рук». Призывая Александра I отказаться от планов установления европейского равновесия вооруженным путем, они ратовали за дружественные отношения с Францией и более жесткую политику в отношении Англии. Главную задачу правительства эта группа видела в торговом и промышленном преуспевании России, а условиями экономического успеха считала скорейшее установление мира и уменьшение конкуренции британских товаров на российском рынке.

Все три группировки все же сходились в одном — на необходимости возможно быстрого завершения вооруженного конфликта с Францией. «Молодые друзья», опасавшиеся разрыва англо-русского союза, хотели мирной передышки для последующего возобновления борьбы с Наполеоном. Их программа сводилась к созыву мирного конгресса с обязательным участием Англии. Они решительно выступали против сепаратного русско-французского соглашения. Вдовствующая императрица Мария Федоровна и стоявшие за ней сторонники союза с Пруссией опасались затяжной войны с Францией один на один, желая избежать возможности военного поражения и вторжения французских армий в пределы России. Сторонники сепаратного урегулирования русско-французского

конфликта доказывали преимущества неучастия в англо-французской войне или даже видели в союзе с Наполеоном наиболее надежную гарантию от агрессии Франции.

Для понимания этих настроений нужно учитывать трудности в русско-английских отношениях. Расчеты Александра I на военную и финансовую помощь владычицы морей не оправдались. В 1806 году вместо 800 тыс. ф. ст. Англия предоставила России всего 300 тыс. ф. ст.³², а все попытки российского МИД добиться полной выплаты субсидий наталкивались на вежливый, но решительный отказ Лондона. А после Бартенштейнской конвенции все военные расходы легли на саму Россию. Условием получения средств Англия ставила обязательство Петербурга «не заключать ни перемирия, ни мира отдельно от Англии и в продолжение всей войны действовать только согласованно с ней»³³. Подобная настойчивость была связана с провозглашением континентальной блокады. В Лондоне понимали, что необходимо сделать все, чтобы не допустить присоединения к ней России.

Еще в январе 1807 года встал вопрос о продлении русско-английского торгового договора 1797 года, содержавшего весьма выгодные для Британии условия. В переговорах с английским послом Ч. Стюартом А.Я. Будберг настаивал на пересмотре договора в сторону больших преимуществ для русской внешней торговли. Переговоры ни к чему не привели. От продления договора 1797 года на прежних условиях Россия фактически отказалась.

Таким образом, предпосылки для перемен во внешней политике вызревали исподволь. Разгром Пруссии, нерешительность Австрии, война с Турцией, ориентация Англии на решение собственных экономических проблем и использование ею союза с Россией лишь как средства их решения, военные неудачи, угроза международной изоляции и давление приближенных, общая усталость от войны и финансовые трудности — вот комплекс причин, побуждавших Александра I на «крутую перемену политики». В этом смысле поражение под Фридрихсборгом лишь ускорило принятие решения. Александр I сначала соглашается на перемирие. В известной степени к этому решению подталкивал и сам Наполеон, приостановивший после Фридрихсборга активные действия и не проявлявший никаких намерений к переходу российской границы. Установилось неопределенное положение бездействия, из которого надо было как-то выходить. Поведение Наполеона показывало, что он не стремится продолжать войну.

Тильзитские переговоры прошли несколько этапов. Сначала Россия заявила, что готова пойти на перемирие при условии сохранения своей территориальной целостности. Что касается мирных переговоров, то они должны проводиться на конгрессе с участием всех членов коа-

лиции. Франция не претендовала на российскую территорию. Наполеон сам выступил инициатором мирных переговоров. Целью французской дипломатии был сепаратный договор с Россией. Многосторонние переговоры с участием всех сторон, входивших в коалицию, прежде всего Англии, были совершенно неприемлемы для французского императора. 21 июня 1807 года было подписано перемирие. Попытки английского посла лорда Гренвила помешать развитию событий успехом не увенчались. Александр I обрушился на Гренвила с упреками, обвиняя Англию в бездеятельности. К этому времени Александр I, по-видимому, уже принял решение пойти на сепаратный мир с Францией, считая, что «бывают обстоятельства, при которых нужно думать преимущественно о самосохранении и не руководствоваться никакими правилами, кроме мысли о благе государства»³⁴.

Перемирие было ратифицировано Александром I 23 июня. Теперь наступила очередь мирных переговоров, которые открылись 25 июня 1807 года личной встречей двух императоров на Немане на плоту. Относительно необходимости подписания мирного договора сомнений не возникало. Обе стороны устали от войны и понимали необходимость ее прекращения. Основа противоречий состояла в вопросе о степени политического сближения двух государств и размерах взаимных уступок.

Позиция Александра I заключалась в следующем: отказ России от союза с Англией и признание изменений, которые произошли в Европе в результате наполеоновских войн, что является достаточными уступками Франции; взамен российский император добивался невмешательства Франции в русско-турецкие отношения и сохранения прусского государства во главе с Фридрихом Вильгельмом III.

Иными были цели Наполеона. Он шел на тильзитские переговоры с надеждой добиться установления с Россией союзных отношений. Этот союз был нужен французскому императору для завершения своих завоеваний на Западе, в первую очередь на Пиренейском полуострове, для беспрепятственной, а лучше совместной борьбы против Англии, Наполеону необходимо было как минимум добиться присоединения России к континентальной блокаде.

Именно вопрос о союзе вызвал в Тильзите наиболее острую полемику. «Хотя я и полон решимости заключить мир с Францией и свято соблюдать обязательства, — писал Александр I, — я не вижу пока необходимости завершать это сближение заключением союза между обоими государствами, поскольку этого, видимо, вовсе не требуют их будущие интересы, по крайней мере в том виде, как они представляются сейчас»³⁵. Развивая свои мысли, Александр I отмечал: «Если предложат союз, ответить: в настоящее время достаточно мира, но если в будущем интересы обеих наций этого потребуют, можно укрепить узы, которые

только что образовались»³⁶. Причины, заставлявшие российского императора сделать все, чтобы избежать заключения союзного договора, достаточно ясны. Александр I опасался, что Наполеон потребует активного участия России в войне против Англии и жесткого исполнения континентальной блокады.

Кроме того, союз с Францией делал вероятным ее вмешательство в конфликт России и Турции, Сохранение известной дистанции облегчило бы Александру I и борьбу за сохранение целостности Пруссии, которую Наполеон настойчиво стремился уничтожить.

На первом этапе Александру I, казалось, удалось добиться главного — разделить в ходе переговоров вопросы заключения мира и образования союза. Но в дальнейшем развернулась острая дипломатическая борьба. Наполеон открыто предложил раздел европейских владений Турции и жестко потребовал ликвидации Пруссии. Александр I заявил, что не заинтересован в разделе турецких владений, и предложил компромиссный вариант — распределение сфер влияния на Балканах с учетом и интересов Австрии.

В ответ на требования Александра I сохранить хотя бы в территориально урезанном виде Пруссию Наполеон выдвинул проект восстановления Польши путем возврата ей территорий, отошедших Пруссии по второму и третьему разделам Польши. Польский и турецкий вопросы, а также вопрос о сохранении Пруссии стали теми рычагами, с помощью которых Наполеону удалось добиться перевеса в свою пользу.

В конце концов Александру I пришлось смириться с тем, что Наполеон не примет никаких условий вне рамок союзного соглашения, и согласиться заключить с Францией секретный союз. Единственным утешением могло служить то, что в итоге было подписано два различных документа: мирный договор был открытым, а союзный — секретным, что, по крайней мере формально, лишало Наполеона права пользоваться этим последним в пропагандистских целях.

По условиям мирного договора Россия соглашалась на уступку Пруссией земель на левом берегу Эльбы. Из польских территорий, принадлежавших Пруссии, образовывалось герцогство Варшавское. Гданьск (Данциг) становился вольным городом. Белостокский округ отходил к России. Она соглашалась на посредничество в англо-французских переговорах. Франция принимала на себя посредничество при заключении мира России с Турцией. В отдельных секретных статьях договора Россия обязывалась передать Франции бухту Каттаро и Ионические острова.

Подписанный одновременно союзный договор предусматривал, во-первых, совместные действия обеих держав против всякой враждебной им третьей европейской державы; во-вторых, посредничество Рос-

сии при заключении англо-французского мирного договора и обязательство в случае отказа Англии от заключения мира порвать с ней «до конца 1807 года и присоединиться к континентальной блокаде»; в-третьих, посредничество Франции в русско-турецком конфликте, а в случае совместной войны против Турции — раздел ее европейских провинций, за исключением Румелии и Константинополя.

Очевидно, русской дипломатии не удалось в полном объеме отстоять свои позиции. Но и оценивать тильзитские соглашения как «унизительный» и «похабный» мир, тем более сравнивать их с Брестским договором³⁷ было бы, мягко говоря, неверно. Дипломатический дебют Александра I не был столь неудачен и ни в какое сравнение не идет по тяжести последствий с миром в Брест-Литовске. Так самая тяжелая для России позиция о разрыве с Англией была в известной степени редуцирована. В случае отказа Англии принять предложенные ей условия, а в этом отказе никто не сомневался, Россия выражала готовность присоединиться к континентальной блокаде, но лишь при условии образования антианглийского союза скандинавских государств³⁸. Кроме того, текст соглашения не содержал каких-либо ограничений для нейтральной торговли России, под флагом которой могла нарушаться блокада. В каждом отдельном случае при возникновении *casus belli* специальная конвенция должна была определять те силы, которые каждая из сторон должна будет употребить против общего врага, и те пункты, где эти силы должны действовать³⁹. Однако за все время существования этого союзного соглашения, вплоть до 1812 года, стороны даже не приступили к выработке подобной конвенции ни против Англии, ни против какой-либо другой державы. Вопрос о военном взаимодействии сторон был, таким образом, решен весьма неопределенно и оставлял возможность для самых разнообразных проволочек.

Можно согласиться с мнением В.Г. Сироткина о том, что Россия реально признала и уступила Наполеону в Тильзите лишь то, что и так уже было им завоевано⁴⁰. Что касается обязательств союзниц на будущее, то каждая из сторон имела широкую возможность их толкования. Россия сохранила внешнеполитическую независимость и возможность возобновления борьбы. Переступив через возмущение общества, привыкшего к громким победам российского оружия, приняв на себя величайшую ответственность за такой более чем непопулярный шаг, каким был Тильзитский мир, Александр I не изменил своим идеалам. «Союз с Наполеоном, — писал он своей матери Марии Федоровне, — лишь изменение способов борьбы против него. Он нужен России для того, чтобы иметь возможность некоторое время дышать свободно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши средства и силы... А для этого мы должны работать в глубочайшей тайне и не кричать о наших вооруже-

ниях и приготовлениях публично, не отказываться открыто против того, к кому мы питаем недоверие... Сейчас самое важное — укрепить связи со своими бывшими союзниками, прежде всего с Австрией... Пусть в империи Наполеона растут внутренние трудности; Россия тем временем будет вооружаться»⁴¹. Вероятнее всего, именно тогда у Александра I впервые возникла мысль о том, что нужно подготовиться к единоборству с Наполеоном, но не терять при этом возможности вновь соединиться с бывшими союзниками,

Произошли перемены и в кругу лиц, определявших внешнюю политику. «Молодые друзья» отошли от активной деятельности. Новым министром иностранных дел вместо А.Я. Будберга становится Н.П. Румянцев, известный сторонник мирных отношений с Францией. Румянцев, начавший дипломатическую деятельность при Екатерине II, приверженец принципов вооруженного нейтралитета, заботившийся о защите российской торговли и промышленности от английской конкуренции, был незаменим в новых политических условиях. Помимо портфеля министра иностранных дел он сохранил и пост министра коммерции. Одновременно возросла роль М.М. Сперанского.

Тильзитский мирный договор на короткое время как бы разрядил обстановку в Центральной Европе, которая до той поры была ареной борьбы с Наполеоном. Австрия придерживалась нейтралитета. Пруссия, оккупированная французскими войсками, боялась пошевелиться. Однако во всех странах Европейского континента, участвовавших в борьбе с Наполеоном, 1807 и 1808 годы стали временем начала реформ. В России начаты преобразования в административной системе, разработанные Сперанским; в Пруссии глубокие реформы связаны с именем Г. фон Штейна; в Австрии И. Стадион и эрцгерцог Карл выступают творцами военной реформы, укрепившей австрийскую армию и сделавшей ее достойным противником Наполеона в 1809 году. В Германии пробуждается национальное самосознание, немцы требуют от своих властей решительности, с надеждой смотрят на Россию, ожидая от нее помощи в борьбе за приближение часа освобождения и отмщения за национальный позор. На политическую арену выходит новая сила — национальное народное движение, которое, с одной стороны, консолидируется вокруг своих правителей, а с другой — выступает по отношению к ним в роли оппозиции, постоянно подталкивая их к решительным выступлениям и даже обвиняя в трусости тех, кто только что потерпел жесточайшее поражение и понимает, что время для открытого возобновления борьбы еще не наступило.

Пожалуй, наиболее отчетливо это понимал сам Александр I. Почти во всех его инструкциях послам в Вене и Берлине говорится о необходимости убеждать правительства стран пребывания в необходимости тер-

пения, доказывать, что час отмщения еще не настал, что наполеоновская империя сама неизбежно вступит в полосу кризиса, а пока надо копить силы в ожидании этого заветного часа.

Александр I выделяет две стороны своего внешнеполитического курса: дипломатическое противостояние наполеоновской Франции в рамках тильзитской системы и решение проблем на границах России. Таких проблем две: одна связана с борьбой с Турцией, другая — со Швецией.

По условиям Тильзитского мира Наполеон принимал на себя обязательство выступить посредником в урегулировании русско-турецкого конфликта. Как ни старалась Россия отклонить это посредничество и свести конфликт к двусторонним отношениям, «услугу» пришлось принять. Боевые действия были приостановлены, а французские и русские дипломаты повели бесконечные переговоры о разделе европейских владений Турции. Обе стороны понимали бесперспективность и бесплодность многочисленных проектов раздела. Но Россия не могла не участвовать в их обсуждении, если не хотела допустить усиления влияния Франции на Балканах да и в самом Константинополе. Кроме того, российским дипломатам нужны были доказательства агрессивных намерений Франции в отношении Турции. Что касается Наполеона, то он под предлогом посредничества старательно разжигал реваншистские настроения в Стамбуле и стремился лишь к тому, чтобы Россия возможно глубже увязла в турецких делах.

Переговоры с Россией о разделе европейских владений Турции имели для французской дипломатии еще одну цель — они должны были в высшей степени заинтриговать Австрию. В Вене действительно опасались, что Россия и Франция разделят между собой османские владения на Балканском полуострове, оставив Австрию в стороне. Нагнетанием страстей вокруг Балкан Наполеон решал сразу несколько задач: связывал руки России, в определенной степени добивался поворота австрийской внешней политики на Восток и создавал почву для достаточно острых противоречий между Россией и Австрией. Это в конечном счете должно было нейтрализовать последнюю и обеспечить Наполеону спокойный тыл в его борьбе с Англией и завоевании Пиренейского полуострова.

Сходную цель преследовала французская дипломатия, когда в Тильзите провоцировала войну России со Швецией, союзницей Англии. Александр I хотел присоединением Финляндии исключить возможность ее использования в качестве плацдарма для борьбы с Россией в данный момент со стороны Англии, а со временем, возможно, и со стороны Франции. Александр I боялся образования чуть ли не в окрестностях Петербурга чего-то подобного герцогству Варшавскому. Нельзя не учитывать и того, что присоединение Финляндии, как и присоединение Дунайских

княжеств, должно было компенсировать в глазах общественности военные и дипломатические неудачи 1805–1807 годов и доказать, что союз с Францией может принести хотя бы частичные выгоды России.

Сам Наполеон не замедлил воспользоваться Тильзитским миром для новых агрессивных актов. В ноябре 1807 года французские войска вторглись на территорию Испании. Сперва войска были введены для войны с Португалией, союзницей Англии. Затем

Наполеон решил сместить Бурбонов, правивших в Испании с начала XVIII века, и передать испанский трон своему брату Жозефу Бонапарту. Неожиданно для себя Наполеон столкнулся в Испании с мощным национальным движением и повсеместной партизанской войной. Финансовую и военную поддержку Испании оказала Англия: британский корпус высадился на Пиренейском полуострове. Скоротечная война не удалась, становилось ясно, что французы надолго увязли в Испании. Поражения французских войск при Байлене и Синтре подорвали веру в непобедимость наполеоновских солдат. Теперь французский император как никогда нуждался в союзе с Россией. Ему необходимо было продемонстрировать нерушимость этого союза всем европейским государствам, и в первую очередь Австрии, мечтавшей воспользоваться затруднениями французов в Испании и еще раз попытаться военного счастья.

Александр I тоже нужна была личная встреча с Наполеоном как своего рода разведка и проба дипломатических сил. В Петербурге хотели добиться формального признания Францией присоединения к России Финляндии и Дунайских княжеств. Отчетливо понимая затруднительное положение Наполеона в связи с неудачами в Испании, российские дипломаты не сомневались, что французский император не станет противиться территориальному расширению России, дабы не допустить обострения разногласий.

Свиданию императоров в маленьком городке в центре, Европы предшествовала сложная дипломатическая игра. Оставляя проблемы отношений России со Швецией и борьбы за Финляндию в стороне, Наполеон попытался в очередной раз привлечь Александра I к реализации масштабных завоевательных программ на Ближнем и Среднем Востоке. Французская дипломатия вновь выдвигает проект раздела европейских владений Турции, что позволило бы, по замыслу Наполеона, двинуться через Малую Азию на завоевание Индии. С целью обсудить эти вопросы французский император пригласил российского на личную встречу, которой должны были предшествовать совещания уполномоченных.

Но российский император не спешит, оттягивая свидание под предлогом неотложных дел. Летом 1808 года главной задачей Петербурга является удержание Австрии от немедленного военного выступления против Франции. Австрию необходимо сохранить как государство и как

будущего союзника, неоднократно пишет Александр I. Определенное время и усилия понадобились государю на то, чтобы убедить придворные круги и в первую очередь вдовствующую императрицу Марию Федоровну в необходимости сохранения союза с Францией и его личной встречи с Наполеоном.

Чем более Наполеон торопился со встречей, тем более ясным становилось, что время работает на Александра I. Оттягивая начало переговоров, российский император недвусмысленно давал понять, что ожидает уступок с французской стороны. В канцелярии российского МИД составлялись учтивые письма, в которых Наполеон именовался не иначе как «государь, брат мой», неизменно выражалась готовность встретиться, но одновременно выдвигались условия: согласие Наполеона на переход Дунайских княжеств к России и его обещание не способствовать расширению границ герцогства Варшавского.

Восточному вопросу были посвящены переговоры министра иностранных дел России Н.П. Румянцева и только что назначенного французским послом в Петербурге А. Коленкура, пользовавшегося большим личным доверием Наполеона. Эти переговоры закончились провалом. А. Коленкур поставил условием перехода к России Дунайских княжеств и Болгарии, закрепление за Францией всей западной части Балканского полуострова. Планы похода на Индию не встретили сочувствия у русского правительства, которое не без оснований увидело в этом проекте лишь стремление Франции облегчить завоевания на западе Европы путем отвлечения сил Англии и России на Восток. Коленкур выражал готовность передать России Босфор, оставив Дарданеллы французам⁴².

Неудача переговоров дала Александру I формальный повод для новых проволочек. Политические затруднения Наполеона возрастали. Испания словно пробудила в европейских народах дух борьбы и сопротивления. Появилось сознание того, что национальному унижению и экономическому угнетению можно противостоять. Сильная жажда борьбы и реванша проявилась в Австрии. В германских государствах и в Италии также крепили антифранцузские силы. Недовольство распространилось повсюду — от светских гостиных до ремесленных мастерских.

Необходимость демонстрации союзных отношений с Россией становилась для Наполеона все актуальнее. В Париже понимали, что следует дать какие-то доказательства Готовности к уступкам в спорных вопросах. 8 сентября 1808 года Наполеон подписал конвенцию с Пруссией о размерах контрибуции по итогам войны 1806 года и о сроках вывода французских войск из крепостей королевства.

В то же время рост воинственных настроений в Австрии побудил Александра I прекратить практику проволочек и пойти на переговоры с Наполеоном. Это было единственным средством охладить горячие го-

ловы на берегах Дуная, где многим уже казалось, что крах тильзитской системы не за горами и возобновление антинаполеоновской коалиции вполне назрело. Российская дипломатия, исчерпав все средства убедить венский двор не начинать вооруженных действий раньше времени, надеялась, что свидание императоров отрезвит Австрию.

Переговоры в Эрфурте открылись 28 сентября 1808 года и продолжались до 14 октября. Наполеон сделал все, чтобы продемонстрировать свое могущество и произвести впечатление как на Александра I, так и на остальных монархов Европы. В Эрфурт были приглашены многочисленные владетельные особы, признавшие сюзеренитет французского императора. Расшитые золотом мундиры императорской свиты, в которой места искали многие представители древнейших родов Европы, блестящие парады императорской гвардии, балы, театральные представления с участием специально приехавших из Парижа актеров — вся эта пышность и торжественность, выставляемая на показ «сердечность» должны были убедить Европу в прочности союза двух императоров.

Характерна реакция на все происходящее Александра I. Он писал своей сестре Екатерине Павловне: «Бонапарт думает, что я больше ничего, как дурак. Хорошо смеется тот, кто смеется последним...». Подать и подчинить чужому величию волю российского императора не удалось.

Эрфуртская конвенция подтверждала и возобновляла союз, заключенный в Тильзите. Однако Наполеону пришлось ради этого пойти на значительные уступки. Франция признала права России на Финляндию и Дунайские княжества. Правда, в самом согласии французской дипломатии на присоединение к России Молдавии и Валахии таилась ловушка. Россия должна была вступить в переговоры в Константинополе, чтобы добиться у Турции добровольной передачи княжеств. Зная, что в Вене очень ревниво следят за укреплением позиций Российской империи на Балканах, французы вставили в текст конвенции пункт о том, что, если из-за присоединения Дунайских княжеств произойдет нападение на Россию со стороны Австрии или какой-либо другой державы, Франция окажет России вооруженную помощь.

Это было нужно Наполеону, чтобы получить от Александра I ответное согласие участвовать на стороне Франции в ее конфликте с Австрией, если таковой возникнет. Таким образом, Наполеон надеялся обеспечить себе тылы для завершения завоевания Испании. Именно вокруг этой проблемы развернулась наиболее упорная борьба. Чтобы добиться официального заявления о том, что Россия выступит против Австрии, если та осмелится напасть на Францию или ее союзников, были пущены в ход все средства.

Еще до эрфуртского свидания Наполеон шантажировал австрийского посла в Париже К.А. Меттерниха проектами раздела Турции между Россией и Францией; он всячески давал понять, что не считает Австрию серьезной политической и военной силой, сохраняет ее государственную целостность лишь в угоду России. К.А. Меттерних должен был предупредить свое правительство, что если Австрия позволит себе хоть какие-то нелояльные шаги, то ей не избежать войны на два фронта и неминуемы разгром и расчленение.

Александр I ставил своей задачей сохранить Австрию. Получив из Вены заверения, что она не выступит первой против Бонапарта, российский император категорически отказывался принять на себя конкретные антиавстрийские обязательства. Возникшие разногласия едва не привели к срыву переговоров⁴³. В итоге статья, посвященная этому вопросу, была составлена в самых общих выражениях.

Российское общество симпатизировало Австрии. Посол России в Париже граф П.А. Толстой еще накануне эрфуртской встречи писал Александру I, что предполагаемый разгром австрийской монархии «следует рассматривать как предвестник нашего разгрома, как средство для него»⁴⁴. В Эрфурте Александр I с особой учтивостью принял представителя Франца I барона К. Винцента, в беседе с которым подчеркивал, что «никто не имеет права вмешиваться во внутренние дела другого государя», что «у Австрии нет лучшего друга», чем он, и что он «считает долгом чести сохранить Австрию от нападения с чьей бы то ни было стороны». Правда, одновременно он настоятельно советовал прекратить открытое наращивание вооружений⁴⁵.

В ответ на твердую позицию Александра I в отношении Австрии Наполеон проявил неуступчивость по двум другим вопросам, чрезвычайно важным для России, — прусскому и польскому. Французский император наотрез отказался вывести войска с территории Пруссии до полной выплаты контрибуции, размеры и срок которой Александру I лишь немного удалось скорректировать в пользу Пруссии. Наполеон также отказался принять обязательства не способствовать расширению территории герцогства Варшавского и полностью отверг настояния прекратить военные поставки польской армии.

Не удалось в достаточной мере согласовать подход к отношениям с Англией. Правда, Наполеон побудил Александра I совместно обратиться к английскому правительству с предложением вступить в мирные переговоры, выдвигая непременным условием признание Англией присоединения к России Финляндии и Дунайских княжеств и перехода испанского престола к династии Бонапартов. Поскольку нетрудно было предвидеть, что Лондон не примет подобных условий, предполагалось, что императоры встретятся еще раз, дабы договориться о совместных действиях против Англии.

В сущности, ни одна проблема не получила в Эрфурте определенного решения. Александру I удалось добиться лишь того, что вопросы о судьбе Бессарабии, Молдавии, Валахии и Финляндии были признаны вопросами двусторонних отношений России с Турцией и Швецией. Наполеон выразил готовность признать те изменения, которые будут иметь место в результате их переговоров. По всем остальным проблемам (Англия, Австрия, Пруссия, герцогство Варшавское, укрепление континентальной блокады и союз между Россией и Францией) конвенция, подписанная в Эрфурте, была как бы сколком с неопределенных статей союзного договора в Тильзите. Решения по ним формулировались весьма туманно, что по-прежнему давало обеим сторонам широкую возможность произвольного толкования своих обязательств⁴⁶.

В итоге эрфуртская встреча и подписанная императорами секретная конвенция лишь ненадолго отсрочили решительное столкновение и ни в малой степени не устранили возрастающих противоречий, которые Александр I и Наполеон маскировали показным радушием и сердечностью.

В результате эрфуртской встречи Наполеон реально достиг одного — выиграл какое-то время на завершение испанской войны. Осенью 1808 года ему казалось, что понадобится лишь один мощный удар и он победит Испанию, выгонит англичан из Португалии, включит Пиренейский полуостров в систему континентальной блокады. В октябре Наполеон сам становится во главе армии, ведущей операции в Испании. Однако против национального восстания испанцев оказался бессильным даже гений великого полководца. Поражения, нанесенные испанской регулярной армии, не привели к решительному успеху. Война продолжалась, англичане, взаимодействовавшие с партизанами, не были разбиты, и надежды Наполеона на скорое окончание кампании рушились.

В Эрфурте произошло еще одно знаменательное событие. Бывший министр иностранных дел Франции Талейран, игравший на переговорах роль консультанта Наполеона, тайно предложил Александру I свое сотрудничество на будущее. Конечно, не последнюю роль в этом решении князя Беневентского (титул Талейрана) сыграли материальные соображения. Но сводить его мотивы лишь к желанию получить деньги было бы неверно. Со времени объявления континентальной блокады, вторжения в Испанию, неоднократных угроз императора Франции уничтожить Пруссию и Австрию Талейран все отчетливее осознавал конечную обреченность гегемонистской политики Наполеона.

Александр I из поступка Талейрана сделал вывод о появлении трещины в монолите Французской империи, о начале ее кризиса. Князь Беневентский продолжил свою тайную работу и в ближайшие месяцы после возвращения из Эрфурта установил контакт с австрийским послом в Париже графом К. Меттернихом⁴⁷.

Между тем австрийское правительство было чрезвычайно обеспокоено политикой Наполеона в Испании. Если сегодня император Франции без всякого основания свергает испанских Бурбонов, что помешает ему сделать то же с австрийскими Габсбургами? Через австрийские владения пролегает путь на Ближний Восток, о котором столько говорят в Париже. Где гарантия, что Бонапарт не захочет попутно включить в состав своей империи саму Австрию?

Интрига Талейрана и заверения Александра I создали в Вене убеждение, что союз Франции с Россией не так прочен и что Австрии не грозит всерьез война на два фронта. Австрийское правительство возобновило военные приготовления.

В своих планах Австрия отчасти рассчитывала на испанские события, хотя надежды, что Испания поглотит основные силы Наполеона, были необоснованны. Творцы австрийской политики министр иностранных дел И. Стадион и военный министр эрцгерцог Карл уповали на народное выступление в Германии. Их ободряла готовность тирольцев уподобиться испанским гверильясам. Но для того чтобы народная война действительно приняла широкие масштабы, нужно было сначала нанести французам поражение. Без этого все выступления могли носить лишь разрозненный характер. Еще одним фактором, побуждавшим к войне, был страх. В Вене успели убедиться, что для Наполеона не существует законов, что он не уважает договоры, что ни одно сопредельное государство не может считать себя гарантированным от вторжения. Между тем во Франции появились недовольные Наполеоном, не все поддерживали его завоевательную политику. Соппротивление этой политике извне способно стимулировать рост недовольства внутри страны. Наконец, большое влияние на решение венского двора воевать с Францией оказала Россия. Слыша только то, что хотелось услышать, Австрия обрадовалась заверению Александра I, что он не намерен воевать с ней, но сочла возможным проигнорировать предостережения Петербурга. Румянцев убеждал австрийских дипломатов: «Не предпринимайте ничего, вы поставите Россию в величайшее затруднение».

Александр I обещал защитить Австрию от нападения, но уговаривал австрийского посла К.Ф. Шварценберга не выступать сейчас и дожидаться «благоприятного часа мщения». Наконец, увидев твердую решимость Австрии воевать, Александр I заявил Шварценбергу: «Я даю великое доказательство доверия, обещая Вам, что сделано будет все человечески возможное, чтоб не нанести Вам ударов с нашей стороны; мое положение так странно, что, хотя мы с Вами стоим на противоположных линиях, я не могу не желать Вам успеха»⁴⁸. Александр I обещал возможно дольше медлить с выступлением войск и удерживать их от прямых столкновений с австрийцами.

В Пруссии сочувствие Австрии было очень велико. Офицерство, окружение короля, простые граждане жаждали выступить против Наполеона, ждали даже не приказа, а разрешения. Но Фридрих Вильгельм III понимал опасность такого выступления и, ведя переговоры с Австрией, в последний момент поставил условием своего участия в войне присоединение к коалиции России: без этого война с Наполеоном была бы безумием. Все же Вена решилась воевать. В апреле 1809 года австрийские войска вторглись в Италию, Баварию и герцогство Варшавское. Разделение сил повлекло за собой поражение: 8 июля Наполеон разбил австрийскую армию при Ваграме. 12 июля было заключено перемирие. Антинаполеоновские выступления в Тироле и военные летучие отряды в Северной Германии были симптомом пробуждения германской нации, но всерьез подорвать мощь французской армии они не могли. Одновременно потерпел неудачу британский десант в Голландии, а французский маршал Н. Султ одержал несколько побед в Испании. Франц I был вынужден пойти на тяжелые условия мира. Франция приобрела Далмацию, часть владений Габсбургов передавалась герцогству Варшавскому, Восточная Галиция перешла к России в вознаграждение за операции, которых не было: корпус русских войск простоял на границе, стараясь причинить австрийцам как можно меньше беспокойства.

Война 1809 года вызвала кризис в русско-французских отношениях. Наполеон понял, что не получит от России никакой поддержки. 2 июня 1809 году министр иностранных дел Франции Ж.-Б. Шампаньи послал А. Коленкуру, аккредитованному при российском дворе, инструкцию, в которой содержалась угроза разорвать союз. Шампаньи писал, что французский император более не ценит союз с Россией⁴⁹.

Но время для разрыва еще не наступило. Наполеону нужен был хотя бы формальный союз с Россией, и отчасти ради поддержания видимости союза он заставил Австрию передать России Восточную Галицию. Но этим уже трудно было кого-либо обмануть. Противоречия между двумя империями усиливались.

В Петербурге с тревогой следили за национальным подъемом в Польше. Наполеон исподволь подогревал мечты поляков о независимом, сильном государстве, намекая, что воплощение этих надежд будет зависеть от них самих. Тщетно российская дипломатия стремилась получить заверения в том, что Польша никогда не будет восстановлена. Подобных обязательств Наполеон на себя принимать не собирался. Одновременно французская дипломатия делала все, чтобы, насколько возможно, продлить войну России с Турцией. Военные действия закончились лишь незадолго до вторжения Великой армии в Россию в 1812 году. Сам же Наполеон заявлял, что «Польша и Константинополь были теми двумя

французскими интересами, по которым любая сделка была невозможна»⁵⁰.

К политическим противоречиям добавлялись экономические. В первую очередь это касалось соблюдения условий континентальной блокады. Сама мысль блокировать все порты Европы для проникновения английских кораблей и товаров была утопией. Навязывая другим государствам Европы эту систему, Наполеон не только наносил ущерб их торговле, но и угнетал национальное чувство. Налоговые утеснения на выплату контрибуции и упадок торговли обыватели ежедневно ощущали на себе. Правда, отдельные отрасли промышленности во Франции, Германии и даже России, избавленные от британской конкуренции, расцвели, однако это были частные явления, не оказывавшие влияния ни на общий уровень хозяйственного развития, ни на политический курс.

Наполеон заставлял присоединиться к континентальной блокаде государства, разоренные войной. Даже Россия, чью территорию не затрагивали военные действия в 1805–1809 годах, чувствовала непосильный груз государственного долга, недавних военных расходов и прекращения торговли с Англией. Что же говорить о других государствах? Для России положение усугублялось еще и тем, что войны в бассейне Балтийского моря и контроль, установленный французами над ганзейскими городами, значительно сузили сферу балтийской торговли, а война с Турцией повлекла за собой фактическое прекращение торговли черноморской. Если добавить к этому войну с Персией, парализовавшую торговлю с Кавказом и Средним Востоком, то станет ясно, что даже экономически континентальная блокада была для России неприемлема, Великая держава не могла терпеть такого положения. Александр I всячески оттягивал проведение блокадных мероприятий. По сути, Россия присоединилась к блокаде лишь ко времени эрфуртского свидания. Ситуация внутри страны была в этой связи настолько серьезной, что беспокоила даже французских дипломатов. Министр иностранных дел Франции Шампаньи писал Коленкуру зимой 1808 года: «Сможет ли император Александр I, не меняя системы своей политики или без угрозы переворота, дождаться следующей зимы?»⁵¹

Помимо того, Наполеон фактически перекрыл российскому правительству возможность получения иностранных займов. С разрывом русско-английских отношений прекратился приток займов и субсидий из Лондона. Генуя и Голландия, где располагались крупные банкирские дома, ранее ссужавшие средства российской казне, теперь находились во власти Наполеона, который сам вечно нуждался в деньгах и не давал разрешения на выдачу России кредитов. При росте расходов на военные нужды это означало еще один удар по хозяйству страны. Попытки возместить потери из-за упадка торговли с Англией за счет развития тор-

говых связей с Францией успеха не принесли. На становление широкой сухопутной торговли ни у одной из сторон не было средств, а морская торговля в больших масштабах была невозможна из-за господства на морях английского флота.

В итоге можно сделать вывод о том, что союз двух империй не опирался на экономическую основу, а без этого он обречен был оставаться кратковременным политическим компромиссом, носящим тактический характер. Россия искала выход из сложившейся ситуации на путях развития торговли с нейтральными странами. Она осуществлялась на американских, ганзейских, греческих судах. Естественно, что под нейтральным флагом в Россию продолжали контрабандой провозить также английские товары. Ряд указов и торговых соглашений 1808–1810 годов составили в совокупности программу организации торговли России в условиях падения роли англичан на российском рынке и общего расстройтва торгового обмена, вызванного блокадой и войной на море. Однако России не удалось привлечь к этой системе Данию и Швецию: возрождение традиций вооруженного нейтралитета не состоялось. Датский флот еще в 1807 году был захвачен англичанами, а Швеция осталась в союзе с Англией и категорически отказалась примкнуть к системе нейтральной торговли.

Н.П. Румянцев попытался воспользоваться сложившейся ситуацией для создания самостоятельной российской торговли, не зависимой ни от Франции, ни от Англии. Наметки внешнеторговой программы правительства включали три основных компонента: создание отечественных акционерных обществ (домов) с национальным капиталом; предоставление дворянам права поступать в торговое сословие на правах купцов 1 и 2 гильдии; запрещение иностранным купцам быть акционерами российских торговых домов и лишение иностранцев ряда привилегий⁵². Эта попытка не принесла заметных результатов. Кроме того, мешала мелочная государственно-административная регламентация, противоречившая самому духу свободной торговли. «Многие сведомые департаменту поступки нейтральных комиссий, — говорилось в отчете Государственного совета, — дают повод заключить, что Россия более несет вреда от превратного выполнения континентальной системы, нежели от самого принятия системы ее, и что потому весь вред и расстройство по торговле обратились противу одной России»⁵³.

Континентальная блокада не столько разрушила торговые связи России и Англии, сколько внесла дезорганизацию в саму систему российской внешней торговли. Развитие нейтральной торговли было поэтому одной из мер, позволявших избежать экономического краха. Но именно потому, что нейтральная торговля подрывала систему континентальной блокады, которая и так к 1810 году выявила свою неэффектив-

ность, Наполеон повел против этой торговли отчаянную борьбу. В августе 1810 года он провозгласил так называемый трианонский тариф, согласно которому конфискации и уничтожению подлежали все колониальные товары, то есть любые сырьевые продукты из любой страны или колонии мира, независимо от того, находится ли эта страна в состоянии войны с Францией. Наполеон потребовал, чтобы Россия приняла аналогичное постановление. Это значило бы для нее закрыть последний путь легальной торговле, то есть обратить всю тяжесть блокады против самой себя. Стремясь оказать на Россию давление, Наполеон в декабре 1810 года присоединил к Франции Голландию и ганзейские города, распространив на них действие тарифа.

Однако уже в сентябре 1810 года в России был подготовлен указ, направленный на развитие ее торговли с нейтральными странами на Балтийском и Белом морях. Предполагалось упростить правила нейтральной торговли, упразднить обременявшие торговлю комиссии нейтрального мореплавания и т. п.

31 декабря 1810 года был принят новый тариф, а на следующий день — «Положение о нейтральной торговле на 1811 год». Новый тариф существенно повышал ввозные пошлины, снижал или отменял пошлины на вывозимые товары. Значительно упрощалась организация нейтральной торговли, практически устранялись все помехи к доступу в основные русские порты всех судов, кроме несущих английский флаг. По оценке историка В.Г. Сироткина, «Положение о нейтральной торговле» было открытым вызовом трианонскому тарифу. До сих пор России и Франции удавалось избегать прямых столкновений, прикрываясь ссылками на туманные статьи Тильзитского трактата. Теперь они сошлись лоб в лоб, пока, правда, на торговой почве. Но не за горами уже было то время, когда «союзникам пришлось скрестить и шпаги»⁵⁴.

Тильзитская система умерла, началась подготовка к войне.

Глава II. Россия и падение империи Наполеона

1. Схватка титанов

Тучи над отношениями России и Франции, которые Наполеон и Александр тщетно надеялись рассеять в Эрфурте, продолжали сгущаться. Стрелка барометра все больше клонилась к грозовой отметке. Кризис отношений обострялся. Он выражался не только в антагонизме на почве экономической политики — континентальной блокады, внешней торговли, тарифов. В межгосударственных отношениях вставали противоречия такого масштаба, которые неуклонно вели к столкновению. Но в то время никто, вероятно, не ожидал, что это столкновение приведет в конечном счете к крушению «Великой империи» и созданию новой системы европейского равновесия, в которой Россия по праву будет играть выдающуюся роль.

Международная обстановка кануна войны 1812 года складывалась для Российской империи крайне неблагоприятно. Фактически страна оказалась в изоляции. Противостояние с Францией влияло на все другие вопросы русской внешней политики — польский, отношения с Австрией и Пруссией, с германскими государствами, Турцией, Швецией. По всей протяженности западных границ страны — от Днестра до Финского залива — русская дипломатия сталкивалась либо с противниками, претендовавшими на реванш, либо с государствами, находившимися в зависимости от Наполеона. Все преимущества стартовой позиции были вначале на стороне Франции. Правда, она увязла в войне на Пиренейском полуострове, которой не видно было конца, но в Центральной Европе на подступах к российской границе преимущество Наполеона оставалось очевидным.

Война России со Швецией подошла к концу, когда в марте 1809 года русские войска, пройдя по льду Ботнического залива, вступили на шведскую территорию. Из Стокгольма последовали предложения перемирия и мира. Неудачная война спровоцировала там государственный переворот. Густав IV был свергнут, а королем провозглашен его дядя Карл XIII, который и заключил мирный договор с Россией в сентябре 1809 года во Фридрихсгаме.

Швеция уступила России Финляндию и Аландские острова и формально присоединилась к континентальной блокаде. Вековая борьба со Швецией была завершена. Война 1808–1809 годов оказалась последней в череде вооруженных столкновений двух стран на протяжении XVII — XIX веков.

У Карла XIII не было наследников. Шведам нужно было избрать наследного принца. Сначала избрали двоюродного брата датского короля принца Августенбургского, но весной 1810 года он внезапно умер. Выборам наследного шведского принца в Петербурге придавали важное значение: перспектива войны с Францией вырисовывалась вполне определенно, и стремление Наполеона создать угрозу северо-западным границам и Петербургу со стороны государства, только что потерявшего свою обширную провинцию, не вызывало сомнений. Наследным принцем Швеции был избран наполеоновский маршал Ж.Б. Бернадот, ставший известным в Швеции благодаря гуманному отношению к шведским солдатам в Северной Германии во время войны IV коалиции. Александр I однозначно воспринял это как победу наполеоновской дипломатии. Его реакция выразилась в следующих словах: «Я вижу ясно, что Наполеон хочет меня поставить между Варшавой и Стокгольмом», то есть, по сути, ликвидировать все, что было сделано за последние три столетия, возродить турецко-польско-шведский барьер, которым Европа заслонилась бы от России.

Однако действительность оказалась сложнее, она готовила сюрприз и Наполеону, и Александру I. Наполеона и Бернадота разделяли политические убеждения и даже личные мотивы. Бернадот осуждал установление во Франции централизованной сильной власти, ходили даже слухи о его связи с опальным генералом Моро. Он достиг высокого положения еще в годы Республики и не был, подобно другим маршалам, всем обязан Наполеону. Наоборот, Бернадот приписывал возвышение Наполеона капризу слепой фортуны и полагал, что его политика ведет Францию к гибели. В свою очередь Наполеон обращался со шведским наследным принцем как с вассалом. А ведь тот должен был искать популярность в новом отечестве. К тому же Бернадот был женат на бывшей невесте Наполеона Дезире Клари, которую когда-то будущий император, а в то время генерал Бонапарт оставил ради Жозефины. Это, конечно, не определяло отношений императора и его маршала, но и не способствовало взаимной симпатии между ними.

Александр I сумел использовать ошибку противника. Новоиспеченный наследный принц весьма неуютно чувствовал себя в кругу европейских монархов. Российский император был первым, кто повел себя с ним как с равным, направив ему любезное письмо. Александр I задумал склонить Бернадота к выступлению против Наполеона. Он выдвинул вариант, уже опробованный русской дипломатией при Петре I: предложил содействие в присоединении Норвегии. Наполеон, в свою очередь, предлагал Швеции за участие в войне против России возвращение Финляндии. Бернадот склонялся к российскому предложению. К окончательному решению подтолкнул его сам Наполеон: 27 января 1812 года

французские войска под командованием маршала Л.-Н. Даву без предварительного оповещения заняли шведскую Померанию, а в начале апреля был подписан русско-шведский союзный договор¹. Наполеону не удалось организовать удар по России с северо-запада. Интересно, что в разговорах с посланником России в Стокгольме П.К. Сухтеленем Бернадот дает ценные советы, как вести операции против Наполеона. «Я прошу императора, — говорил Бернадот, — не давать генеральных сражений, маневрировать, отступать, длить войну — вот лучший способ действия против французской армии. Если он (Бонапарт. — *Авт.*) подойдет к воротам Петербурга, я буду считать его ближе к гибели, чем в том случае, когда бы ваши войска стояли на берегах Рейна. Особенно употребляйте казаков, они дают вам большое преимущество перед французской армией, которая не имеет ничего подобного. Пусть казаки имеют в виду главную задачу — проникнуть в главную квартиру и захватить самого императора Наполеона. Пусть казаки забирают все у французской армии, ее солдаты дерутся хорошо, но теряют дух при лишениях...»².

Важную роль в начале войны 1812 года сыграл польский вопрос. В первые годы царствования Александра I князь А. Чарторыйский обсуждал с ним исторические судьбы и проблемы взаимоотношений двух соседних славянских народов. Но, конечно, важнее были не личные влияния и симпатии, а серьезные политические интересы. Проблема восстановления польской государственности и отношений двух стран не сводилась только к взаимным территориальным претензиям. Исторически Польша служила центром и основой системы изоляции или дистанцирования России от Западной Европы. В эту комбинацию «стран барьера», изобретенную и осуществленную французской дипломатией XVII–XVIII веков, входили также Швеция и Турция. Александр I пришел к мысли о решении векового спора двух родственных соседних народов путем восстановления Польши под российским скипетром. По его представлению, это явилось бы шагом к дальнейшей интеграции России в систему европейских государств. Не следует сбрасывать со счетов и преобразовательные планы российского императора. Польша, как и Финляндия и отчасти Прибалтика, стала затем местом апробации российскими властями тех реформ, к необходимости проведения которых требовалось еще подготовить русское общество.

Политика Наполеона в польском вопросе была враждебна России. Заигрывая с партией Понятовского, мечтавшего о восстановлении Польши при поддержке Франции, наполеоновская дипломатия фактически шантажировала Петербург возможностью возобновления политики «стран барьера» на востоке Европы. Таким образом, польский вопрос служил для Франции важнейшим козырем в дипломатической игре

и средством давления на Россию. В действительности к восстановлению Польши Наполеон намерен был прибегнуть лишь в случае окончательного разрыва с Россией. Тогда результатом войны должны были стать изоляция ее от Европы, возвращение к системе восточного барьера.

В 1809 году Александр I энергично протестовал против передачи Галиции Польше. Ссылаясь на союзный договор с Францией и формальное участие России в войне против Австрии, он настаивал, чтобы Галицию поделили следующим образом: две трети — России и одна треть — Польше. Это диктовалось стремлением не допустить расширения территории герцогства Варшавского. Однако Наполеон распорядился иначе: России — Восточную Галицию с 400 тыс. жителей, герцогству Варшавскому — территорию с 1,5 млн жителей. Это было сделано для того, чтобы поддержать воинский дух поляков, их надежды на возрождение самостоятельного государства. Кроме того, французский император хотел продемонстрировать свое недовольство пассивным поведением России в войне, а заодно вбить клин между Россией и Австрией. Александр I же принял Восточную Галицию, чтобы собственными руками не способствовать расширению польских территорий.

В своих беседах с российским послом в Париже А.Б. Куракиным Наполеон неоднократно говорил, что не стремится к восстановлению Польши. Но когда в январе 1810 года Россия предложила подписать соответствующее соглашение, Наполеон отказался это сделать и дезавуировал Коленкура, предварительно договорившегося об условиях. С.М. Соловьёв не без оснований ставит вопрос о планах Наполеона в отношении Польши в связь с его сватовством к великой княжне Анне Павловне, сестре Александра I. Решив развестись с Жозефиной и жениться на представительнице царствующего дома Европы, Наполеон обратился с просьбой в Петербург. Он надеялся брачными узами подкрепить не слишком прочные союзнические отношения. Но матримониальные планы французского императора встретили ожесточенное сопротивление в придворных кругах, особенно со стороны вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Последовал недвусмысленный отказ. По мнению С.М. Соловьёва, это подтолкнуло Наполеона отвергнуть конвенцию о Польше³.

Противоречия по польскому вопросу с очевидностью выявили, что, в то время как Александр I добивался, чтобы с ним обходились как с равным партнером, Наполеон не желал признавать этого равенства. С лета 1810 года начались значительные поставки французского оружия в герцогство Варшавское. С этого времени в течение двух лет Наполеон непрестанно готовился к войне.

Важное место в его планах занимала Турция. После эрфуртского свидания переговоры между Россией и Францией по вопросу о турец-

ких территориях затаились, а затем и вовсе заглохли. Высказываясь на словах за скорейшее примирение России и Турции, на деле Наполеон предпринимал усилия, чтобы затянуть Русско-турецкую войну.

Переговоры о разделе Турции имели для французской дипломатии лишь одну цель — удержать Россию в орбите тильзитской политики. В этом отношении турецкий вопрос весьма схож с польским. Во время эрфуртских переговоров товарищ министра иностранных дел А.Н. Салтыков с полным основанием рекомендовал «строго различать действия, осуществляемые Наполеоном для достижения своей цели, от предложений, которые он делает для того, чтобы скрыть свою игру»⁴. Новые предложения о разделе Турции Наполеон выдвинул в 1810 году. Однако российское правительство их решительно отвергло. Русская дипломатия не стремилась в то время к полному разделу Османской империи, к захвату Константинополя и проливов. В окружении Александра I преобладали сторонники сохранения Турции и урегулирования русско-турецких отношений на двусторонней основе без вмешательства других государств. Петербург видел главные задачи в присоединении Дунайских княжеств и скорейшем окончании войны с Турцией⁵.

Эта война, поддержка Россией сербского восстания против османского ига, усиление в 1810 году контингентов под командованием французского маршала О.Ф. Мармона в Далмации делали Балканы местом возможного столкновения с Наполеоном. Появление российских войск на Балканах тревожило Австрию, что позволяло Парижу оказывать давление на венских политиков.

Весной 1809 года после кратковременного перемирия война между Россией и Турцией возобновилась. К концу 1810 года русские войска закрепились на правом берегу Дуная. Некоторые успехи были достигнуты и сербскими ополченцами. Начался новый, заключительный этап русско-турецкой войны, который характеризовался сочетанием военных действий и мирных переговоров. В преддверии надвигающейся войны с Наполеоном российское правительство готово было пойти на значительные уступки. Переговоры в Бухаресте проходили в сложных условиях. Французская дипломатия в Константинополе делала все возможное, чтобы помешать заключению мира. Австрийские представители действовали в том же направлении. Россию поддерживали Пруссия, предложившая свои посреднические услуги, и Швеция, посол которой советовал турецкому правительству заключить мир. Осенью 1811 года переговоры были сорваны турецкой стороной. М.И. Кутузову, командовавшему русской армией, стало ясно, что заключить мир можно будет лишь после убедительных побед. В октябре 1811 года Кутузов нанес решительное поражение турецкой армии под Руссуком. Это позволило возобновить переговоры, но окончательный договор удалось подписать лишь за месяц до нача-

ла войны с Наполеоном. По договору, заключенному в Бухаресте 28 мая 1812 года, Россия отказалась от большинства территориальных претензий, удовольствовавшись Бессарабией и установлением границы по реке Прут, что улучшило ее стратегическое положение. Молдавия и Валахия возвращались Турции. Эти княжества получили лишь внутреннюю автономию, так же как и Сербия. Бухарестский договор обеспечил нейтралитет Турции в русско-французской войне и позволил сосредоточить все силы на отражении наполеоновской агрессии⁶.

Дипломатическая тактика Александра I в отношении Франции накануне войны состояла в том, чтобы не подавать повода к разрыву, не позволить считать себя зачинщиком столкновения. Вместе с тем Россия ревниво оберегала свое равноправное положение в становившемся уже формальным союзе, не давая Наполеону требовать большего, чем Россия должна была исполнить по точному смыслу заключенных договоров. Если, однако, Наполеон нарушал какие-либо пункты соглашений, с берегов Невы незамедлительно следовал протест. Порабощенные Францией страны все чаще с надеждой бросали взоры на державу, державшую противостоять властелину полумира.

Изменения международной обстановки неизбежно должны были повлечь за собой и перемены в русско-английских отношениях, значительно осложнившихся после Тильзита и особенно после Эрфурта. Присоединение России к континентальной блокаде и удар, нанесенный британским флотом по Дании, привели к войне между недавними союзниками и традиционными торговыми партнерами. Война выразилась в столкновениях на море, впрочем, не доходивших до кровопролитных сражений. Англичане блокировали эскадру Д. Н. Сенявина в Лиссабоне, где российский адмирал, шедший из Средиземного моря в Балтийское, был вынужден остановиться из-за плохой погоды. Английская эскадра поддержала также действия шведского флота на Балтийском море во время Русско-шведской войны. Наконец, довольно активная дипломатическая деятельность, направленная против России, была развернута британскими уполномоченными в Персии. Английская дипломатия видела в шахском правительстве заслон русскому проникновению на Средний Восток и гарантию преобладания Великобритании в этом регионе, а также гарантию безопасности своей главной колонии — Индии. Английские уполномоченные в Стамбуле*, интригуя при султанском дворе в пользу продолжения Русско-турецкой войны, надеялись не допустить укрепления России на Балканах.

* Столица Османской империи официально называлась Стамбул. Однако в XIX веке в европейской политической и дипломатической практике обычно употреблялось старое наименование города — Константинополь. В данной книге оба названия используются как синонимы.

Война Австрии с Наполеоном в 1809 году оживила контакты между Лондоном и Веной. Австрия надеялась, что британские войска высадятся в Северной Германии и вызовут подъем национального движения, подобного испанскому. Во главе этого движения Франц Г Австрийский и его приближенные видели, разумеется, Габсбургов. Однако англичане ограничились военными действиями на Пиренейском полуострове и высадкой экспедиционного корпуса в Голландии. Экспедиция была плохо подготовлена и потерпела неудачу. Вера в возможность весомого участия британских сухопутных сил в боевых действиях против Наполеона была подорвана.

Поражение Австрии в войне с Наполеоном и Швеции в войне с Россией поставило Англию в положение почти полной международной изоляции. К этому времени стало сказываться и влияние континентальной блокады, лишь отчасти облегчаемой контрабандой и нейтральной торговлей. Единственной страной, сражавшейся с Наполеоном, оставалась Испания, правительство ее и было единственным союзником Англии. В июле 1810 года Регентский совет* Испании направил Ф. Зеа Бермудеса, сотрудника торговой фирмы, для установления контактов с Петербургом. Именно Бермудес передал в сентябре 1811 года письмо принца-регента Великобритании Александру I, в котором говорилось об искреннем желании «восстановить прежние дружеские отношения». В послании содержался призыв к России объединиться с Англией для совместной борьбы против наполеоновской Франции. Говорилось, что английское правительство приветствует меры, принятые Россией в целях оказания сопротивления Наполеону. Сент-джеймский кабинет предлагал свои «добрые услуги» в мирных переговорах с Турцией и Персией и обещал содействовать русскому правительству в достижении «взаимопонимания и согласия» с Австрией и Пруссией. Подчеркивалось, что присоединение к континентальной блокаде нанесло громадный вред самой России и что чем быстрее она откроет свои порты, тем лучше для нее и для общего дела⁷.

Александру I потребовалось около полугода, чтобы определить свою позицию в отношении условий мира с Англией, хотя неофициальные переговоры через Бермудеса и личного уполномоченного Александра I Р.А. Кошелева начались практически сразу же. Испания, выступая в роли посредника в русско-английских отношениях, одновременно предпринимала шаги к установлению союзных связей с Россией. Был выдвинут даже проект брака между наследным принцем Фердинандом VII и сестрой Александра I Анной Павловной⁸. Российский

* Регентский совет выполнял в условиях французской оккупации роль национального правительства, центра сопротивления захватчикам.

императорский дом вновь уклонился от матримониальных проектов. В феврале 1812 года Александр I заявил через Р.А. Кошелева, что «своими военными приготовлениями и занимаемой ею позицией Россия оказывает реальную помощь Испании, отвлекая к северу значительные силы французов», и выразил пожелание, чтобы Испания и Англия в случае нападения Наполеона на Россию предприняли «сильные диверсии» против наполеоновской империи⁹. Уже после вторжения Наполеона Александр I одобрил проект союзного договора между Россией и Испанией и выразил желание лично познакомиться с Зеа Бермудесом. Через день, 8 июля 1812 года, в Великих Луках министр иностранных дел России Н.П. Румянцев и Бермудес подписали текст союзного договора, которым Россия первой *de jure* признавала Регентский совет.

Между тем инициатива посредничества в русско-английских переговорах перешла к Швеции. 6 июля в Стокгольме министр иностранных дел Швеции Л. Энгстрем официально пригласил российских уполномоченных П.К. Сухтелена и П.А. Николаи подписать англо-русский договор о мире и дружбе. Этот документ был подписан в тот же день одновременно с аналогичным англо-шведским договором. В августе стороны обменялись ратификационными грамотами¹⁰. Союз трех держав положил начало образованию новой антинаполеоновской коалиции в ходе Отечественной войны 1812 года. В условиях, когда военные действия разворачивались в глубине российской территории, срыв попыток Наполеона изолировать Россию следует признать безусловным успехом русской дипломатии.

Однако в Центральной Европе инициатива по-прежнему принадлежала французской дипломатии. В частности, России не удалось привлечь на свою сторону Польшу. Напротив, там возросло влияние Понятовского, сторонника профранцузской ориентации. Вопрос о позиции поляков был теснейшим образом связан со стратегией войны с Наполеоном. В военных кругах России боролись две точки зрения. М.Б. Барклай де Толли, занимавший должность военного министра, разработал оборонительную концепцию. Она была изложена в записке «О защите западных пределов России», поданной императору в марте 1810 года. Предполагалось создать у западных границ России укрепленную линию, измотать противника в приграничных боях, а затем отойти на вторую линию обороны и, искусно маневрируя, сочетая атаки на наиболее важные пункты неприятеля с обороной своих стратегических линий, добиться окончательной победы. Оппоненты военного министра, среди которых был П.И. Багратион, указывали на опасность провозглашения Наполеоном независимости Польши, что могло вызвать восстание польского населения в западных губерниях. Упредить Наполеона, вернуть Польшу под скипетр России, встретить французские войска на

территории герцогства Варшавского, имея в лице поляков союзников, а не врагов, — такой план действий предлагали сторонники наступательных операций.

Прежде чем делать решительный выбор, необходимо было узнать настроение поляков. Александр I обратился с запросом к А. Чарторыйскому: есть ли основания надеяться, что поляки откликнутся на предложение возродить Польшу под скипетром российских монархов? «Если, — писал Александр I А. Чарторыйскому, — Ваш ответ поселит во мне надежду на единомыслие варшавцев, особенно армии, относительно восстановления Польши, откуда бы оно ни пришло, в таком случае успех несомненен с помощью Божиею, ибо он основан не на наделсе выставить против Наполеона равный военный талант, но единственно на недостатке сил у него, к чему присоединяется общее ожесточение всей Германии». Ответ А. Чарторыйского был неутешителен: поляки верят Наполеону и ждут решения своих проблем от Запада. Российский государь не отчаивался: «Пока я не буду иметь уверенности в содействии поляков, я решил не начинать войны. Если это содействие должно осуществиться, то надобно, чтобы я имел тому доказательства несомненные». Александр I надеялся создать антинаполеоновский фронт славянских народов, подобно тому, как в 1805–1807 годах планировалось создание единого фронта германских государств. Существовали проекты сплотить под российским военным стягом не только поляков, но и славян, проживавших на территории Австрийской империи и Турции.

Польский вопрос находился в теснейшей связи с проблемами отношений России с Австрией и Пруссией. Если бы Польша склонилась на сторону России и русские войска остановили французов, возможность поддержки со стороны этих держав представлялась бы реальной. Купить согласие Австрии на восстановление Польши предполагалось путем уступки ей Молдавии и Валахии.

Прусская дипломатия стала искать контакты с Россией с лета 1810 года. Тогда она предложила свое посредничество в мирных переговорах России с Турцией. Фридрих Вильгельм III писал посланнику в России Шладену: «Это упрочило бы положение России по отношению к Франции и позволило бы ей более действенным образом защищать независимость других государств от посягательств Франции»¹¹. При самом потсдамском дворе существовали разногласия между сторонниками союза с Россией и сторонниками союза с Францией. Фридрих Вильгельм III очень осторожно вел переговоры с обеими сторонами. Александру I он пишет: «Если Австрия и княжество Варшавское будут с вами, если ваши войска будут близко от моих границ и в состоянии меня защищать, то я не буду колебаться ни минуты и стану подле вас. В противном случае как я охраню существование своего государства, не

входя в союз с Францией? От Наполеона зависит уничтожить Пруссию прежде, чем вы будете в состоянии прийти мне на помощь».

Одновременно прусская дипломатия искала союза с Наполеоном. Однако французский император отверг ее предложения, так как приготовления к войне не были окончены, а союз с Пруссией мог вызвать подозрение России и побудить ее к активным действиям. Отказ Наполеона был воспринят в Берлине панически: Наполеон не хочет иметь Пруссию союзницей — значит, он попросту намерен присоединить ее к Франции. В Петербург направился бывший военный министр Г.И. Шарнгорст, сторонник русско-прусского союза. Переговоры велись в строгом секрете. 17 октября 1811 года была подписана союзная конвенция, но Фридрих Вильгельм III не утвердил ее.. Французы узнали о миссии Шарнгорста и предъявили прусскому королю ультиматум: либо он заключает союз с Францией, либо принимает на себя всю ответственность за последствия своих действий. 24 февраля 1812 года были подписаны франко-прусский договор и военная конвенция. Пруссия обязалась выставить для войны с Россией 20-тысячный корпус. 15 апреля 1812 года последовал указ о запрещении ввоза в Пруссию российских товаров. В случае победы Наполеон обещал Пруссии территориальную компенсацию¹².

К окончательному решению уступить в союз с Наполеоном склонила Фридриха Вильгельма III и позиция России, которая, убедившись в нежелательности поляков, твердо намеревалась не брать на себя инициативу военных операциях. Пруссии было необходимо немедленное выступление сильной русской армии, опережавшей французов, ибо в противном случае каждый день промедления мог стать последним днем прусской государственности. Но здесь интересы России и Пруссии разошлись, в Петербурге все отчетливее понимали, что не следует повторять опыт войн III и IV коалиций и выдвигать войска за пределы России. В начале 1812 года уже сформировалась концепция отступления, заманивания неприятеля в глубь страны. Попытка канцлера К.А. Гарденберга договориться о союзе с Австрией также не дала результата. В Вене ссылались на неопределенную позицию России. К. Меттерних заявил, что Австрия останется нейтральной, но в Берлине могут быть уверены: интересы обеих держав неразрывно соединены и без трактата.

Союз Пруссии с Францией не произвел в Петербурге сильного впечатления. В известном смысле он даже облегчал дело. Теперь у Александра I были развязаны руки и император мог принять план оборонительной войны, не заботясь о судьбе бывшего союзника. Кроме того, уже в апреле 1812 года в Петербург прибыл прусский подполковник О.Ф. Шеллер. Он передал Александру I предложение Фридриха Вильгельма III сохранить тайные отношения между двумя странами даже после начала войны. Шеллер инкогнито остался в России, а в Берлин

направился подполковник Валентини, который должен был исполнять обязанности тайного поверенного в делах России в Пруссии. Одновременно на Валентини возлагались и функции военной разведки. Уже в ходе войны, в июне 1812 года, начались переговоры с командиром прусского корпуса генералом Йорком с целью склонить его к переходу на сторону России.

Гораздо большее впечатление произвел в Петербурге франко-австрийский союз. Несмотря на бракосочетание Наполеона с эрцгерцогиней Марией-Луизой, этого союза не ожидали. Действия Фридриха Вильгельма III могли быть оправданы тяготами положения, в котором он находился. Александр I полагал, что Австрия останется нейтральной. Между тем Австрия с 1809 года, с приходом Меттерниха на пост министра иностранных дел, заметно изменила свою политическую концепцию.

Министры иностранных дел Австрии периода первых антинаполеоновских коалиций Л. Кобенцль и И. Стадион были политиками XVIII века. Тогда борьба с Францией, главным государством-соперником с XVI века, была основой австрийской внешней политики. Россия в этой ситуации представляла собой союзницу в борьбе против Франции: от нее зависели стабильность тыла, а в конце XVIII века — и военное могущество антифранцузских сил; она же была союзницей в борьбе с Турцией. Отношения России и Турции в XVIII веке, конечно, беспокоили венских политиков, но не стояли для них на первом плане. XIX столетие связано с пробуждением национального самосознания, или, как говорили в то время, с появлением принципа народности. Более дальновидные австрийские политики увидели в этом угрозу могуществу и самому существованию многонациональной Габсбургской империи. «Меттерних, — справедливо отмечает С. М. Соловьёв, — первый почувал восход нового начала, начала народности и, следовательно, почувал полную несостоятельность Австрии в отношении к этому началу. Но сознание своей слабости, сознание, что только искусным лавированием, умением пользоваться обстоятельствами можно спастись, естественно возбуждало подозрительность и вражду ко всякой силе, особенно ближайшей, которая имела крепкие основы исторического существования и особенно могла выиграть при новом начале»¹³. Меттерних был достаточно трезвым политиком, чтобы понять: при всей внешней враждебности Австрии к наполеоновской. Франции между этими двумя империями существовало глубокое сходство — обе они подавляли и угнетали национальное начало, тот самый «народный дух», пробуждение которого составляет суть истории европейских государств XIX века. Меттерних предвидел, что завоевательная политика в конце концов приведет Наполеона к катастрофе, а потому, в отличие от Фридриха Вильгельма III, не ждал от него реальной угрозы австрийской государственности. В Вене также

крепло убеждение, что сохранение территориальной и политической целостности Турции — условие существования самой Австрии. Россия же воспринималась венскими политиками XIX века как средоточие славянского начала, некий центр притяжения славянских народов. В этом качестве она таила угрозу для европейских владений Турецкой империи и самой Австрии.

К. Меттерних был врагом «тильзитской системы». Заложенная в ней идея разделения сфер влияния между Россией и Францией таила опасность для Австрии. Угрозу, казалось, удалось ослабить браком Наполеона с Марией-Луизой. В этом браке Габсбурги видели определенную гарантию сохранения своей династии, ибо они теперь входили в число родственников Бонапарта. Вена сразу же начинает настраивать Наполеона против восточного соперника: «У Европы один страшный враг — это Россия; цивилизации Запада грозит московское варварство, его независимость находится в опасности со стороны этой чудовищной империи. Лишь один император Наполеон может сдержать его; от его твердости и предусмотрительности Запад ожидает своего спасения»¹⁴. Ближайшее проявление опасности, исходившей от России, Австрия видела в стремлении Петербурга к присоединению Дунайских княжеств. Возникновение напряженности в австро-русских отношениях из-за Дунайских княжеств Наполеон мог считать несомненным успехом своей дипломатии. Следующей задачей Меттерниха становится превращение родственного союза в политический. «Моего государя, — говорил он французскому посланнику Л.Г. Отто, — очень беспокоят русские успехи, грозящие гибелью Турции; дело важное, требующее быстрых, энергичных мер, пришло время объединиться Австрии и Франции, чтобы не дать Османской империи стать добычей России»¹⁵. Однако в 1810 году Наполеон не пошел на союз с Австрией. Он еще не хотел разрыва с Россией.

Важным фактором, стимулировавшим союз Австрии с Францией, заключенный 2 марта 1812 года, были успехи русской армии в войне с Турцией. Австрия пошла на подписание союзного договора практически накануне Бухарестского мира, подписанного 16 мая.

Александр I был недоволен Бухарестским договором. Он рассчитывал на большее, полагал, что ценой уступок удастся подписать союзный договор с Портой. «Если бы представилась возможность добыть союз с Портой и ее содействие, преимущественно посредством сербов и других славянских народов, против Франции и ее союзников, то не должно ничем пренебрегать в этом отношении. Вы, — писал Александр I адмиралу П.В. Чичагову, — можете предложить Порте вместо вспомогательного войска дать нам сербов, босняков, кроатов и другие христианские народы, представив на вид, что это предложение делается с целью щадить мусульманскую кровь». Александр I считал необходи-

мым «принять обширный план действий», противопоставить Наполеону славянский мир (хотя бы и без поляков). Он повелел Чичагову внушать турецким славянам мысль о возможности создания «славянской империи»¹⁶.

Александр I связывал идею союза с Турцией и подъема национального движения балканских славян с «коварным поведением Австрии». Чичагов должен был предусмотреть меры, обеспечивавшие совместные действия российских солдат и славянских ополченцев против Австрии. Александр I заявил австрийскому послу в Петербурге Ф. Сен-Жюльену: «Если ваш император намерен разыграть комедию и ограничиться формальной посылкой против меня 30 тыс. солдат, для меня достаточно, что я поставлен в известность об этом договоре (австро-французском союзном. — *Авт.*), но если вы хотите со мной действительно воевать, то я двину против вас шесть дивизий, кроме Дунайской армии, я использую все способы для усиления недовольства в Венгрии или же снова договарюсь с Францией; любой вариант не в ваших интересах»¹⁷.

Это предостережение возымело действие. В Вене поняли, что зашли слишком далеко. Меттерних поспешил заверить русского посла, что «доброе согласие втайне могло бы по-прежнему существовать между старинными императорскими дворами»¹⁸.

Перед самым вторжением Великой армии в пределы России специальный уполномоченный австрийского двора Л.И. Лебцельтерн прибыл в ставку Александра I в Вильно. Он заявил, что Австрия должна предоставить контингент своих войск для действий против России, но численность их не превысит 30 тыс. человек, а действия австрийских войск будут «по возможности ограничены». По словам Лебцельтерна, «Австрия навсегда останется другом России... но если русское правительство будет смотреть на нее как на врага, Австрии придется действовать более решительно». Император легко разгадал игру Меттерниха. Он отвечал Лебцельтерну, что Австрия хочет обрести статус одновременно и воюющей, и нейтральной державы, связав руки России. Александр I предложил подписать определенные соглашения, но Меттерних не пошел на это¹⁹. Все же устная договоренность была достигнута. «Из Австрии, — писал Александр I Чичагову, — велели передать мне, что только абсолютная необходимость... заставила Австрию подписать с Наполеоном союзный договор. Но Австрия ограничится тем, что введет в действие только те 30 тыс. человек, которые она обязана предоставить Наполеону против нас. Если мы не будем нападать на Австрию с какой-либо другой стороны, то война будет идти только на одном участке; Австрия заверяет нас в спокойствии на всей остальной нашей границе, принимая на себя обязательство не приводить в движение основной массы своих войск»²⁰.

Действительно, хотя с началом войны 1812 года, выполняя соглашение с Францией, Австрия объявила о разрыве дипломатических отношений с Россией, неформальные связи были сохранены. В соответствии с союзным договором в состав «Великой армии» вошел 30-тысячный корпус под командованием, Шварценберга, который остановился, едва перейдя российскую границу. Обсервационный корпус в Восточной Галиции бездействовал полностью. Австрийское правительство смотрело сквозь пальцы на финансовую помощь, которую Россия оказывала тирольским повстанцам.

Достижение договоренности с Австрией — несомненная дипломатическая победа Александра I, сумевшего дать понять Францу I и Меттерниху, что интриговать против России опасно. Российскому императору удалось нейтрализовать одного из самых сильных союзников Франции.

Характерной чертой дипломатии эпохи наполеоновских войн была практически постоянная двойная игра. За кулисами официальных переговоров и соглашений таились личные договоренности дипломатов и государей, причем эти договоренности, в свою очередь, были окрашены взаимным недоверием. Тайную дипломатию и двойную игру эпоха наполеоновских войн унаследовала от XVIII века, когда подобные политические средства считались нормой международной жизни. Можно согласиться и с С.М. Соловьёвым, писавшим: «Заявление, сделанное Александром I Австрии перед ее войной 1809 года насчет несерьезности вспоможения своего Франции, заявление, сделанное императором Францем I России перед войной 1812 года; почти постоянная игра Пруссии с Францией и Россией; двойная игра наследного принца шведского Бернадота — вот явления, которые характеризуют время»²¹.

Надо отметить, что подобные методы ведения дипломатической борьбы не противоречили четкости и определенности целей, которые преследовали ее участники.

Ко времени вторжения Наполеона в Россию дипломатическая подготовка к войне была практически завершена. Усилия русской дипломатии обеспечили союзный договор со Швецией, а немного позднее — договор о мире и дружбе с Англией. Был подписан мир с Турцией. Эти соглашения явились весьма чувствительными ударами по планам Наполеона, ибо позволяли российскому командованию сосредоточить все силы на противодействии Великой армии.

Несомненным успехом российской дипломатии стали тайные соглашения с Австрией и Пруссией. Ей фактически удалось нейтрализовать усилия Наполеона по созданию единой коалиции европейских государств против России. Страна могла встретить неприятельское вторжение в сравнительно благоприятной международной обстановке.

Планы Наполеона зажать ее в полукольцо враждебных государств были сорваны. Союз Франции с Австрией и Пруссией оказался непрочным. Первая ожидала исхода борьбы, чтобы присоединиться к победителю, вторая мечтала о свержении ненавистного ига и представляла для Наполеона скорее плацдарм, где можно было разместить войска, чем реального союзника, готового разделить тяготы войны. Лишь Польша, вдохновленная мечтой о возрождении государственности, да зависимые от Наполеона Голландия и мелкие государства Германии и Италии шли вместе с французами. В тылу у Наполеона оставалась истерзанная, но не сложившая оружия Испания, где партизанское движение и действия английского экспедиционного корпуса под командованием неугомиго А.У. Веллингтона заставляли французов держать 300-тысячную армию. В самой империи Наполеона назревал экономический и отчасти политический кризис, который французский император надеялся преодолеть в результате новой победоносной кампании. По словам французского историка А. Вандаля, Наполеон с горечью признавал: «Моя дипломатия должна была сделать для меня половину русской кампании, а она почти не думала об этом»²².

Накануне вторжения двусторонние отношения между Россией и Францией накалялись. Российский посол в Париже А.Б. Куракин, считавшийся сторонником союза с Францией, с тревогой отмечал рост захватов Наполеона. «От Пиренеев до Одера, от Зунда до Мессинского пролива все сплошь — Франция»²³, — доносил он Александру I. Тильзитский договор нарушался обеими сторонами, и это вызывало обоюдные претензии. Одним из наиболее напряженных в русско-французских отношениях накануне войны стал ольденбургский вопрос. Присоединив к Франции Ганзейские города — Гамбург, Бремен и Любек, Наполеон оккупировал в 1811 году также и герцогство Ольденбургское. Это было прямым нарушением Тильзитского договора, в котором независимость герцогства оговаривалась в особом пункте. Вопрос затрагивал интересы российской императорской фамилии: сестра Александра I великая княжна Екатерина Павловна была замужем за герцогом Ольденбургским. Российское правительство заявило протест. В ходе длительных переговоров выдвигались разнообразные проекты компенсации, но дело явно шло к войне двух империй, и переговоры остались безрезультатными.

В свою очередь, Наполеон требовал от Александра I строгого выполнения обязательств, принятых в Тильзите, чего сама Франция не делала, настаивал на расширении и укреплении союзных отношений. Он обрушивался на русских представителей в Париже с упреками и угрозами за нарушение Россией континентальной блокады.

27 апреля 1812 года А.Б. Куракин сообщил от имени российского правительства, что предварительным условием для переговоров о развитии

союза должны явиться отход французских войск из Пруссии за Эльбу, очищение шведской Померании и Данцига, согласие на торговлю России с нейтральными странами. «Как смеете вы делать мне подобные предложения! Вы поступаете как Пруссия перед Йеной», — гневно отвечал французский император. Между тем его вооруженные силы быстро сосредоточивались в Пруссии и герцогстве Варшавском, у самых границ России²⁴.

В конце апреля Александр I выехал в ставку русского командования в Вильно. Перед отъездом он заявил французскому послу Ж. Лористону: «Я скорее готов вести войну в течение 10 лет... удалиться в Сибирь... чем принять для России те условия, в которых находятся сейчас Австрия и Пруссия»²⁵.

24 июня наполеоновские войска перешли Неман — западную границу России. Через четыре дня французы заняли Вильно. Сюда с миссией, целью которой было еще раз продемонстрировать миролюбие России и, быть может, на несколько дней задержать продвижение неприятеля, прибыл генерал А.Д. Балашов. Встреча закончилась безрезультатно, император Франции разговаривал с представителем Александра I грубо и высокомерно.

После отъезда Балашова из Вильно всякие сношения между французским и русским правительствами прекратились. Французы наступали. Русская армия с боями отходила, уклоняясь от генерального сражения. Вторжение неприятеля вызвало в России подъем патриотизма. Война против завоевателя стала народной, общенациональной.

Когда Наполеону не удалось разгромить русскую армию в пограничных сражениях, он предпринял первую попытку прозондировать почву на предмет возможности заключения почетного мира. Отпуская пленного генерала П.А. Тучкова, Наполеон просил его передать Александру I, что «пороха сожжено достаточно», что он готов пойти на некоторые уступки; «Вы хотите иметь кофе и сахар — вы их будете иметь». Ответа на этот зондаж не последовало²⁶.

После Бородинского сражения, занятия и сожжения Москвы перед Наполеоном реально встал призрак военного поражения. Были предприняты попытки направить в Петербург Александру I письма с мирными предложениями. Они остались без ответа. Александр I был верен своему обещанию не вступать ни в какие переговоры, пока неприятель не будет изгнан с русской земли. Попытка направить в ставку Кутузова Ж. Лористона также не увенчалась успехом. Главнокомандующий, как и Александр I, говорить о мире отказался. В дальнейшем отступавший Наполеон уже не пытался завязывать переговоры.

По мере того как исход Отечественной войны становился все более очевидным, в российских правящих кругах стал дебатироваться вопрос о конечных целях борьбы. Ограничится ли Россия освобождением собст-

венной территории, оставив Западную Европу на произвол судьбы, или, объединившись с поднимающимися против гнета Наполеона странами, станет силой, которая окончательно сокрушит империю завоевателя и изменит систему отношений на Европейском континенте? Сторонники первой точки зрения, призывавшие завершить войну на Березине, Немане или в крайнем случае на Висле, аргументировали ее непопулярностью в обществе использования вооруженных сил за рубежами отечества, которая стала результатом неудач России в войнах II, III, IV антинаполеоновских коалиций. Серьезным доводом против продолжения кампании служили разорение страны в результате нашествия и большие потери русской армии. Сторонники скорейшего окончания войны, точку зрения которых выражал, в частности, министр иностранных дел Н.П. Румянцев, считали также, что окончательный разгром французов, достижимый лишь ценой величайших лишений и потерь, послужит не российским интересам, а будет выгоден в первую очередь Англии. Эта мысль отразилась и в словах Кутузова английскому военному представителю при российской армии Р. Вильсону. «Я нисколько не уверен, — заявил М.И. Кутузов английскому генералу, — что полное уничтожение империи Наполеона и его армии было бы уже таким благодеянием для света... Его наследство досталось бы не России и не какой-либо иной континентальной державе, но той державе, которая уже и теперь владычествует на морях и чье господство сделалось бы тогда невыносимым»²⁷.

И все же победила противоположная точка зрения — о необходимости продолжения борьбы, которую разделял Александр I. Россия была слишком тесно связана с Западной Европой и европейской системой отношений, чтобы устранившись от участия в свержении наполеоновского господства. Союзные договоры связывали ее с Англией и Швецией, а секретные узы — также с Пруссией и в меньшей степени с Австрией. Россия имела важные интересы в Польше. Было очевидно, что, если дать Наполеону передышку, он быстро восстановит свое военное могущество и тогда последует возвращение Европы к реалиям 1810–1811 годов. Наконец, только в результате окончательной победы над наполеоновской Францией можно было добиться давней цели восстановления принципов европейского равновесия и международного права, обеспечив для России одно из ведущих мест в новой системе.

Но продолжению войны должно было предшествовать образование коалиции. Развернулась дипломатическая борьба за ее создание.

2. Во главе поднявшейся Европы

Заключительный этап борьбы с Наполеоном потребовал от российского правительства выдержки и твердости. Кампания 1813 года началась в малоблагоприятных условиях. Коалиция еще не сформировалась,

отношения с Пруссией и Австрией не были урегулированы. Формально Россия находилась в состоянии войны с ними. Польша оставалась верной Наполеону. Русская армия устала; быстрое наступление в условиях зимы истощило солдат и лошадей. Районы, куда вступали русские войска, были опустошены отступавшими частями Великой армии. Приходилось бороться и со свежими гарнизонами наполеоновских войск, подавлять то здесь, то там возникавшие на территории Польши и Германии очаги сопротивления.

1 января 1813 года русская армия вступила на территорию Восточной Пруссии. Кутузов обратился с воззванием к подданным прусского короля, призывая их к совместной борьбе с французами. Этот акт зложил основу для образования русскопрусского союза. Наступательные операции русских войск развивались успешно; к весне авангарды российской кавалерии были уже на Эльбе. Но дни главнокомандующего фельдмаршала Кутузова были сочтены. Перенапряжение последних месяцев дало себя знать, и 16(28) апреля 1813 года. Кутузов умер в городе Бунцлау. Его преемником стал П.Х. Витгенштейн, руководивший в 1812 году обороной на петербургском направлении. Позднее его сменил М.Б. Барклай де Толли.

В отличие от Кутузова оба эти полководца не были наделены политическим и дипломатическим дарому не обладали таким авторитетом у союзников России. Доверив им руководство военными операциями, Александр I взял решение политических и дипломатических проблем на себя. Главной из них стало формирование и укрепление новой антинаполеоновской коалиции.

Во главу угла программы этой коалиции, по мнению российского правительства, следовало поставить возвращение Франции к ее «естественным границам» — границам на 1 января 1792 года — и создание такой европейской системы, которая бы лишила Францию возможности когда-либо возобновить завоевания. Вопрос о форме власти во Франции поначалу не выдвигался, как и вопрос о непрременном низложении Бонапарта. Французы сами должны были избрать себе форму правления. Итак, считалось необходимым, «чтобы все, что не расположено между Рейном, Шельдой, Пиренеями и Альпами, перестало не только входить в состав Французской империи, но и быть от нее в зависимости, для чего необходимо вырвать из-под власти Наполеона возможно большее число государств»²⁸.

В начале 1813 года отношения России с Пруссией в значительной степени определялись общественными настроениями, царившими в этой германской стране. Большая часть армии и населения выражала готовность бороться в союзе с Россией против наполеоновского господства. Повсеместно проходил сбор средств на эти цели, формировались опол-

чения. Патриотический порыв охватил и корпус генерала И. Йорка, входивший в состав группы войск французского маршала Э.Ж. Макдональда, который действовал на рижском направлении. Без ведома своего командования и правительства Йорк подписал 30 декабря 1812 года Таурогенскую конвенцию о прекращении военных действий между прусским корпусом и русскими войсками. Тем самым он фактически расторг союзные отношения Пруссии с Францией и сделал первый шаг к образованию русско-прусского союза против Наполеона. Однако мужественные действия генерала не были одобрены потсдамским двором. Фридрих Вильгельм III хотел воспользоваться сложившейся ситуацией для того, чтобы не только освободиться от французского владычества, но и добиться от Александра I гарантии, что Пруссия получит новые земли и окончательно утвердит свое политическое влияние в Северной Германии. Фридрих Вильгельм III не сразу поддержал Йорка, а выжидал развития событий. Причину этого обычно видят в страхе прусского короля перед Наполеоном. Однако французские войска могли угрожать Фридриху Вильгельму III лишь до тех пор, пока он находился в Берлине. Переезд короля в Бреславль в самом начале 1813 года избавлял его от опасности. Теперь ведущее место принадлежало политическим соображениям.

Отношения между Пруссией и Россией не были безоблачными, несмотря на неоднократные дружеские заверения, к которым часто и охотно прибегали и Александр I, и Фридрих Вильгельм III. Наиболее острыми оказались противоречия из-за польских территорий. Боясь оттолкнуть Пруссию от союза с Россией, Александр I не раскрывал своих планов установления в Польше власти российского императорского дома. Но он не хотел брать на себя и других обязательств. Представитель прусского короля О.Ф. Шёллер еще в декабре 1812 года стал добиваться от России официального заявления о том, что она ни в коем случае не стремится к увеличению своей территории и готова признать договоры о разделах Польши в случае выступления Австрии и

Пруссии против Наполеона²⁹. Правительство Александра I отказалось дать подобные гарантии. В ответ прусская сторона всячески оттягивала момент решительного выступления против французов.

В спорах России и Пруссии столкнулись две различные позиции по территориальному устройству и вознаграждению в случае победы над Францией. Прусская сторона отстаивала принцип полного возвращения к старым границам, то есть возвращения земель, отошедших Пруссии по разделам Польши и отобранных у нее при создании Варшавского герцогства. Русская дипломатия предлагала эквивалентную компенсацию, то есть восстановить прежнее могущество и территориальную целостность государства, независимо от конкретного состава земель, вошед-

ших в него. Это позволило бы Александру I решить к своей выгоде вопрос о Польше. Позднее именно этот принцип лег в основу договоров между державами, вошедшими в коалицию, а затем и решений Венского конгресса.

В середине февраля 1813 года Александр I отверг также проект договора, предусматривавший, что Россия не прекратит войну, пока Пруссии не будет обеспечена гегемония на севере Германии. Переговоры уже почти зашли в тупик, но нарастание общественного подъема, все более настойчивые требования, обращенные к королю, о скорейшем выступлении против Наполеона заставили Фридриха Вильгельма III прекратить торг. 26 февраля 1813 года король согласился с проектом, построенным на принципах, выдвинутых русской дипломатией. Союз между Россией и Пруссией сложился. На повестку дня был поставлен вопрос о присоединении Австрии к антифранцузской коалиции.

Наблюдая за борьбой титанов, развернувшейся на заснеженных полях России, австрийское правительство рассчитывало занять положение нейтрального вооруженного посредника, сохранившего в условиях общего истощения свежие силы, и в итоге продиктовать свою волю и победителю, и побежденному. Правда, формально. Австрия была связана с Францией союзным договором. От этого договора нужно было возможно скорее освободиться, как считал Меттерних.

Австрийский канцлер полагал, что вооруженное посредничество — самый надежный способ поддерживать равновесие между Францией и Россией. Полный разгром и низложение Наполеона привели бы к преобладанию России, которое, по мнению венского двора, было для Австрии едва ли не опаснее, чем могущество французского императора. Целью Вены было также не допустить восстановления Польши под российским скипетром, раздела европейских владений Турции и создания федерации славянских государств под руководством России. Вот почему Франц I отклонил предложения о союзе, исходившие как из Петербурга, так и из Берлина, заявив о своем намерении выступить в роли посредника³⁰. Эта политика получила название «австрийское мирное вмешательство».

Из Вены ко всем монархам Европы разъехались представители с целью добиться согласия принять посредничество Австрии в переговорах, которые должны были проходить на специально созванном конгрессе. В основе австрийской программы лежал принцип сохранения за каждой из сторон территорий, которыми она владела к моменту начала переговоров, и принцип сложных компенсаций за счет как европейских, так и колониальных владений. Тем временем конвенция, подписанная Александром I и австрийским уполномоченным Л.И. Лебцельтерном, привела к прекращению военных действий между корпусом, Шварцен-

берга и русскими войсками. Генерал Фримон, принявший командование вместо Шварценберга, обязался способствовать роспуску остатков польского корпуса Понятовского, сохранившего верность Наполеону. Надежды Александра I и его окружения на повторение ситуации с генералом Йорком, однако, не оправдались. «Порочность австрийского внешнеполитического курса, — писал К.В. Нессельроде, — заключается в системе выжидания, которая принесет Франции только выгоду, а Австрии — одни убытки»³¹. В российском правительстве назревало недожество и недоверие к Австрии.

Что до австрийской стороны, то миссия Лебцельтерна показала, что Россия ни при каких обстоятельствах не пойдет на мир с Наполеоном. Последний пытался сыграть на вражде между Пруссией и Австрией и предлагал Вене сохранить союз, обещая в качестве платы Силезию и Иллирийские провинции, но Меттерних этому не поверил. В самой Австрии поднималась волна освободительного движения, участники которого требовали войны против Франции. Когда в апреле 1813 года театр военных действий приблизился к территории Австрии, настало время для принятия дальнейших решений. Пока русские войска совместно с прусскими силами готовились к боям, австрийские уполномоченные предлагали различные варианты работы мирного конгресса. Этот конгресс был нужен Вене для того, чтобы, добившись от Наполеона уступок, сохранить его власть и его армию как противовес России и Пруссии, как основу равновесия, в котором Австрии предназначалась ведущая роль. Вместе с тем австрийская дипломатия брала на себя обязательства перед Францией сдерживать наступательный порыв русских и прусских войск и добиваться от союзников официальной декларации о том, что их войска ни при каких обстоятельствах не перейдут Рейн и не вторгнутся на территорию Франции.

Российской дипломатии пришлось реагировать в угрожающем тоне: «Отказываясь от единственной политики, способной сейчас же изменить соотношение сил, — писал К.В. Нессельроде, — Австрия косвенно помогает Франции, рискуя гибельными для себя последствиями. В итоге она окажется полностью изолированной: внутри вынужденная ограничиться жалкими ресурсами своих разоренных провинций; вовне — без союзников, без поддержки»³².

Весной 1813 года дипломатическая игра, ведшаяся по сценарию Меттерниха, зашла в тупик. Союзники без присоединения Австрии к коалиции не могли рассчитывать на решающие победы над Наполеоном. Австрия же, не будучи готова к войне, не сумела выдвинуть таких условий соглашения, которые смогли хотя бы заинтересовать противоборствующие стороны. Посреднические инициативы Вены обостряли ее отношения с союзниками, считавшими их пособничеством Наполеону. Вместе

с тем они не встречали серьезного отношения и со стороны французского императора.

2 мая 1813 года произошла битва под Люценом. С военной точки зрения сражение окончилось неопределенно: Наполеон не сумел разбить по частям армию союзников, которая хотя и отступила, но совершила отход в полном порядке. Однако это отступление имело для союзников отрицательный политический резонанс. Наполеон возвестил о своем успехе. Это прозвучало как бы подтверждением, что под руководством самого Бонапарта на полях Европы, а не в дальней заснеженной России, французы по-прежнему непобедимы. Отступление союзников произвело гнетущее впечатление на Германию, народное движение там сковало страх возобновления французской оккупации. В результате отступления союзников в руках Наполеона оказались Саксония, половина Силезии, Бреславль и Швейдниц. Упрочилось господство Бонапарта над Рейнским союзом, объединявшим мелкие государства Германии, чьи монархи наперебой заверяли Наполеона в своей преданности.

Наполеон решил воспользоваться своим успехом для сепаратных переговоров с Россией. В ставку Александра I был направлен генерал А.О. Коленкур, бывший послом в Петербурге после Тильзитского мира и известный как сторонник дружественных отношений между Францией и Россией. Коленкур вез предложения ликвидировать Польшу, распространить Рейнский союз до Одера, расширить Пруссию за счет герцогства Варшавского и других территорий таким образом, чтобы между Россией и Францией образовался буфер шириной 300 миль.

Александр I отверг идею сепаратных переговоров. Он даже не допустил Коленкура в ставку. Однако, зная, что венский кабинет более всего опасается русско-французского соглашения, российская дипломатия использовала сам факт прибытия Коленкура на аванпосты союзников с целью скорейшего вовлечения Австрии в борьбу с Наполеоном³³.

В Вене действительно испугались и направили в ставку союзников И. Стадиона, который был уполномочен ознакомить Александра I и Фридриха Вильгельма III с мерами по усилению австрийских вооруженных сил, выяснить условия, на которых союзники были бы готовы пойти на заключение «континентального мира», и договориться о принципах всеобщего мира с участием Англии³⁴. Следует заметить, что речь не шла о присоединении Австрии к коалиции. Она лишь активизировалась в своей роли посредника.

Одновременно в ставку Наполеона отправился представитель Франца I Ф. Бубна. Он должен был довести до сведения французского императора условия достижения «континентального мира», которые, впрочем, еще не были согласованы ни с Россией, ни с Пруссией. Эти условия предусматривали ликвидацию герцогства Варшавского и раздел его зе-

мель между Австрией и Пруссией, возвращение Австрии Иллирийских провинций и установление более выгодной границы ее с Италией, отказ Наполеона от зарейнских департаментов, восстановление независимости Ганзейских городов, пересмотр австро-баварской границы³⁵. Содержание этих предложений свидетельствует, что Австрия намеревалась сохранить наполеоновскую империю. Условия, которые привез Бубна, должны были быть предъявлены не в форме ультиматума, а в качестве основы для начала мирных переговоров на конгрессе. Лишь в случае отказа Наполеона от заключения перемирия и от переговоров Бубна должен был заявить, что Австрия будет отстаивать свое дело силой оружия. Как и следовало ожидать, Наполеон не принял никаких конкретных предложений, ограничившись согласием начать мирные переговоры и заключить перемирие.

Неудача попыток сепаратного соглашения с Россией заставила Наполеона активизировать военные действия. Со своей стороны, и командование союзников опасалось, что в результате отступления из-под Люцена ослабнет боевой дух войск, а Австрия потеряет доверие к их военной силе и примет сторону Наполеона. В результате решено было дать сражение, которое произошло 20–21 мая под Бауценом. Ценой значительных потерь Наполеону удалось вынудить союзников к отступлению, хотя план окружения русской и прусской армий был сорван. Сражения при Люцене и Баудене обнаружили усталость и весьма неудовлетворительное состояние русских войск, вынужденных вести войну на разоренной территории, в отрыве от баз снабжения. Постоянные реквизиции обостряли отношения с прусским командованием и местным населением. Не в лучшем положении находились и прусские войска. Барклай де Толли, сменивший Витгенштейна на посту командующего после битвы под Бауценом, настаивал на отступлении в Польшу, где можно было реорганизовать армию и подтянуть резервы. Это вызвало резкие возражения прусского командования, требовавшего нового генерального сражения, чтобы отстоять Силезию. Французская армия тоже была сильно истощена и испытывала аналогичные трудности. В политическом плане Наполеону важно было продемонстрировать свою готовность к переговорам перед армией и страной, жаждавшими мира.

Таким образом, к исходу мая 1813 года все участники европейских событий нуждались в перемирии: Россия и Франция — чтобы привести в порядок войска, дать им отдых и наладить снабжение; Пруссия — чтобы укрепить свои вооруженные силы и обучить ландвер; Австрия — чтобы усилить вооружения и приобрести больший вес в ходе переговоров.

Александр I рассчитывал использовать время перемирия для достижения окончательной договоренности с Австрией о привлечении ее к коалиции³⁶.

1 июня 1813 года в Геберсдорфе было подписано предварительное соглашение о прекращении военных действий. Перемирие должно было действовать до 20 июля, сверх того, шесть дней предусматривалось для его отмены. Демаркационная линия проходила от границ Богемии до Кацбаха, далее по Одеру и Эльбе³⁷. [Перемирие, подписанное А.О. Колленкуром, П.А. Шуваловым и Ф. Клейстом, было заключено без участия Австрии. Она оказалась на грани изоляции. Положение Австрии было тем опаснее, что существовала угроза вторжения Наполеона в Чехию, откуда французским войскам открывался путь на Вену. Пока в Плейсвице шли переговоры, Франц I выехал из столицы и расположился неподалеку от главной квартиры союзников в Ичине. Австрийский император надеялся, что его пригласят за стол переговоров. Его уполномоченные делали в это время все, чтобы убедить Александра I принять посредничество Австрии в переговорах. В ответ Александр I дал понять, что Австрия может рассчитывать на благоприятное отношение со стороны России лишь в том случае, если австрийские войска пополнят армию союзников. Однако Франц I был непреклонен. Он заявил, что это возможно не раньше, чем будут исчерпаны все дипломатические средства воздействия и австрийская армия будет достаточно подготовлена к войне³⁰.

Александр I всегда отличался дипломатической гибкостью. Он понял, что упорствовать бессмысленно, и уступил. Российский император тайно встретился с Меттернихом в замке Опочно и согласился принять посредничество Австрии при условии, что она присоединится к союзникам, если в ходе переговоров Наполеон в очередной раз проявит агрессивность. В том, что это произойдет, не сомневались ни Александр I, ни Меттерних³⁹.

Плейсвицкие переговоры, несмотря на внешнюю уступчивость, проявленную Александром I по отношению к австрийской стороне, свидетельствовали об изменении расстановки сил. Дальнейшая позиция Вены была определенно поставлена в зависимость от исхода австрийского посредничества. Только теперь союзники смогли приступить к выработке программы, сформулировать условия, которые Австрия в качестве посредника должна была предъявить Наполеону. При обсуждении этих проблем между союзниками возникли разногласия. Помимо условий, о которых говорилось выше, Меттерних соглашался включить в число требований еще два: ликвидацию Рейнского союза и восстановление Пруссии в границах 1805 года⁴⁰. Австрийский дипломат в данном случае шел на уступку России, активно отстаивавшей интересы Пруссии. Империя Наполеона сохранялась.

Однако эти условия вызвали резкие возражения прусского канцлера К.А. Гарденберга. Он утверждал, что такой вариант не отвечает целям союзников и не соответствует затраченным ими средствам. Пруссия

сформулировала условия, клонившие к полной ликвидации влияния Наполеона в Германии и усилению ее собственных позиций в этой стране, то есть Наполеон должен был вернуть Пруссии все владения брауншвейг-люнебургского дома, отобранные у нее в результате Тильзитского мира, территорию Вестфальского королевства, а также оставить курфюршества Ганновер и Гессен, очистить крепости, принадлежавшие Пруссии, — Глогау, Кюстрин, Штеттин, Данциг, Модлин, Замостье. Кроме того, Наполеон должен был согласиться на такое расширение Пруссии, которое обеспечило бы ее независимость⁴¹. Последнее условие открывало возможности для дальнейших территориальных претензий со стороны правительства Фридриха Вильгельма III. Требования, выдвинутые Гарденбергом, были полностью поддержаны Нессельроде⁴².

Сверх того, Гарденберг и Нессельроде требовали отделения Голландии от Франции, восстановления прежней династии в Испании, освобождения от управления и влияния Франции всех итальянских областей⁴³. Эти условия должны были послужить основой «континентального мира» с участием Англии, при заключении которого предполагалось выдвинуть дополнительные условия. Исполнение требований союзников должно было разрушить здание наполеоновской империи, не посягая в то же время на национальную независимость Франции.

Однако Меттерних отказался предъявить Наполеону такие условия не только потому, что их неприемлемость для Бонапарта была очевидна, но и потому, что их реализация означала существенное усиление позиций Пруссии и России. Союзникам пришлось уступить в надежде, что Наполеон сам сорвет переговоры и тогда Австрия вынуждена будет вступить с ним в вооруженную борьбу. Был выработан компромиссный вариант, нашедший отражение в тексте Рейхенбахской конвенции трех держав, подписанной 15(27) июня 1813 года.

По этой конвенции Австрия должна была предъявить Наполеону свои условия в расширенном варианте. Предусматривались уничтожение герцогства Варшавского и его последующий раздел в результате трехстороннего австро-русско-прусского соглашения. Пруссия помимо польских территорий получила бы Данциг, а французы должны были эвакуировать все крепости в Пруссии и Польше. В случае, если Наполеон не принял бы этих условий, Австрия обязывалась вступить в войну на стороне союзников и бороться за цели, которые были выдвинуты при переговорах российским и прусским кабинетами⁴⁴.

Нелегко оказалось согласовать и планы вероятных военных действий. К.Ф. Шварценберг и И.И. Радецкий, представлявшие австрийскую сторону, отвергли предложения К.Ф. Толя, главного генерал-квартирмейстера русской армии, о наступательных операциях австрийских войск и предложили свой вариант плана, основная идея которого со-

стояла в том, чтобы по возможности отдалить театр военных действий от границ Австрийской империи. После длительных споров был все же принят согласованный план. Его концепция сводилась к тому, чтобы изнурять войска Наполеона, избегая генерального сражения, и наносить удары по отдельным группам французских войск, вынуждая их принимать бой в невыгодных условиях⁴⁵.

После того как совместные проекты были выработаны, австрийская дипломатия приступила к практическому осуществлению своих посреднических функций. 26 июня в ставку Наполеона в Дрезден прибыл К. Меттерних. Несмотря на умеренность первоначальных условий, выдвинутых австрийским канцлером, Наполеон не захотел и слышать о серьезных уступках, в особенности о роспуске Рейнского союза. В ответ на советы Меттерниха проявить реализм он разыграл сцену гнева. Наполеон топал ногами, обвинял Вену в вероломстве, называл Австрийскую империю старой блудницей, которую насилуют на всех перекрестках Европы. Корсиканец Бонапарт, чрезвычайно высоко ставивший родственные отношения, не мог поверить, что Франц I сможет выступить против зятя и тем самым нарушить интересы своего внука. Он не внял угрозам Меттерниха и заявил: «Вы мне не объявите войну!»⁴⁶.

После встречи Наполеона с канцлером министр иностранных дел Франции Г.Б. Маре опубликовал ноту, в которой объявлялось, что франко-австрийский союзный договор от 14 марта 1812 года аннулирован⁴⁷. Правда, уже на следующий день, 30 июня, Меттерних и Маре подписали конвенцию, по которой Франция принимала австрийское посредничество. Французская дипломатия попыталась нейтрализовать Австрию, предложив созвать большой общеевропейский конгресс, в котором должны были участвовать представители всех реально существующих правительств, в том числе пронаполеоновские монархи Испании, Италии и Германии. Австрии же отводилась, по словам Александра I, роль посредника «не для решения обоюдных притязаний, а для соглашения их на основе бескорыстия и беспристрастности с целью достижения всеобщего мира»⁴⁸. Согласившись с подобной постановкой вопроса, Австрия не могла бы принимать участие в войне и вынуждена была бы лишиться преимуществ своего положения. Меттерних отклонил французские предложения, как и идею о том, чтобы переговоры продолжались по окончании срока перемирия, во время военных действий. Вместо этого перемирие было продлено до 10 августа. Наполеон полагал, что ни Австрия, ни даже Пруссия не допустят его падения, так как побоятся резкого нарушения европейского равновесия в пользу России. Он преувеличивал накал противоречий в лагере союзников. К тому же он хотел выказать готовность к миру, которого желала вся Франция⁴⁹.

После того как Франция согласилась принять посредничество Австрии, на повестку дня европейской жизни встал созыв международного конгресса, местом проведения его была названа Прага. Ни одна из сторон не намеревалась всерьез добиваться заключения мирного договора. Александр I был возмущен позицией Австрии, считал продление перемирия шагом, выгодным Наполеону, и в переговорах со Стадионом даже угрожал сепаратным соглашением с Францией в случае отказа Австрии присоединиться к коалиции⁵⁰. В общем, Россия весьма неохотно пошла на переговоры в Праге. «Истинная цель переговоров, — говорилось в инструкции Александра I русскому уполномоченному И.О. Анштетту, — состоит в том, чтобы довести посредничество Австрии до его логического конца: либо действительно согласовать основные условия мира, либо доказать венскому двору, что именно Франция противится его заключению, и тем самым побудить его выступить против этой державы»⁵¹.

Позиция Наполеона отличалась жесткой бескомпромиссностью. Отказываясь от каких-либо значительных уступок и проявляя нежелание считаться с политической реальностью, он писал в инструкциях своим уполномоченным на конгрессе: «Положение обеих сторон осталось почти таким же, каким было до открытия войны (1812 г. — *Авт.*). Ничего не изменилось. Мы еще никогда не были побеждены, и, напротив того, наши действия постоянно сопровождались успехом. Потери, понесенные нами от влияния времени года наравне с неприятелем, вознаградились, и с тех пор мы не перестали побеждать. Крепости, нами занятые, остаются в наших руках, и если неприятель владеет частью земель, принадлежащих нашим союзникам, то и мы имеем на своей стороне почти такие же выгоды»⁵². В соответствии с такой точкой зрения французские уполномоченные должны были всемерно затягивать переговоры, стремиться к сепаратному соглашению с Россией и исходить из принципа *uti possedetis**. Уступки могли касаться лишь территории Польши и занятых союзными войсками немецких городов⁵³. При таких установках сами французские уполномоченные не верили в успех переговоров.

Пражский конгресс начал работу 20 июля 1813 года. До 10 августа тянулись протокольные разногласия, а 10-го представители России и Пруссии И.О. Анштетт и К.В. Гумбольдт заявили, что срок их полномочий истек. Французская сторона предлагала продлить переговоры, надеясь удержать Австрию от вступления в войну. Меттерних тоже предлагал продолжить переговоры, но под давлением союзников был вынужден уступить и заявить о закрытии конгресса и неудаче своего посредничества.

* Принцип сохранения владений, которыми каждое из воюющих государств располагало перед войной.

Однако австрийский канцлер не прекратил борьбу. 6 августа Наполеон, потеряв надежду на отдельное соглашение с Россией, тайно запросил Велю, на каких условиях Австрия могла бы воздержаться от вступления в войну. В ответ Меттерних вручил Коленкуру документ, который по своим условиям был гораздо мягче требований, вошедших в Рейхенбахскую конвенцию. Ряд важнейших вопросов откладывался до всеобщего мирного конгресса. Одновременно Меттерних составил другой текст, условия которого соответствовали Рейхенбахской конвенции. С этим последним и были ознакомлены представители России и Пруссии, чтобы убедить их, будто Наполеону были предъявлены все условия.

Ответ Наполеона последовал 11 августа и состоял, по сути, лишь в согласии отказаться от существования Варшавского герцогства. Границы Рейнского союза должны были пройти по Одеру. Австрийская сторона была готова вести переговоры даже на таких условиях, но под сильным давлением России и Пруссии 12 августа объявила Франции войну.

С окончанием срока перемирия вступали в силу соглашения Австрии с союзниками, и утром 11 августа союзные войска численностью 120 тыс. человек вступили на территорию Чехии, фактически вынудив австрийскую армию присоединиться к ним. Дипломатическое давление на австрийское правительство было оказано путем вручения нот представителями России и Пруссии. С целью парализовать дальнейшие интриги австрийского канцлера Наполеону была сообщена секретная переписка Меттерниха с союзными дворами.⁶

С возобновлением военных действий чаша весов стала наконец склоняться на сторону противников Франции. За время перемирия русская и прусская армии значительно окрепли. Австрийская армия состояла вначале из 110,5 тыс. человек, но в дальнейшем все время пополнялась. Общее число союзных войск достигло 0,5 млн человек при 1383 орудиях⁵⁴. Это позволило обеспечить подавляющий перевес над армией Наполеона. Кроме того, с присоединением Австрии к коалиции открывались новые театры военных действий на Дунае и в Италии, где Наполеону приходилось держать значительную часть войск. В результате возможность наступления за Вислу была им утрачена и французы оказались вынужденными ограничиться обороной линии Эльбы.

В ходе борьбы российская дипломатия проявила большую стойкость. Велика заслуга в этом лично Александра I. Император умел выжидать, не ускоряя хода событий. Он проявил решительность в ответственный момент после закрытия Пражского конгресса, заставив Австрию примкнуть к коалиции. В Вене могли сколько угодно досадовать на недавнюю новизну и упрямство французского императора. Наполеон не желал быть обязанным австрийскому императору и добивался только победы.

Александр I прекрасно понимал это и выжидал развития событий, ходом которых Австрия оказалась вынужденной примкнуть к коалиции. Он добился крупной дипломатической победы. В сочетании с решимостью довести борьбу с Наполеоном до конца она определила торжество союзников. Александр I лишней раз продемонстрировал превосходство твердого принципа над сиюминутной выгодой, обеспечив успех российской политической линии. На все колебания Меттерниха, к которому часто присоединялся английский уполномоченный Р. Каслри, император возражал: «Положение необходимо требует, чтобы мы продолжали войну, всякие переговоры, неизбежно связанные с потерей времени, дадут неприятелю возможность усилиться, Я уверен в счастливом окончании войны, если союзники будут единодушны. Всякий мир с Наполеоном — это не мир, а перемирие, которое вам позволит разоружиться лишь на минуту. Я не могу каждый раз поспевать к вам на помощь за 400 лье. Не заключу мир, пока Наполеон будет оставаться на престоле»⁵⁵.

Возобновление военных действий не сразу принесло удачу союзникам. 26–27 августа Наполеон нанес им поражение под Дрезденом. Правда, это была его последняя крупная победа. Поражение произвело тягостное впечатление на австрийцев, которые вновь заколебались. Но уже 29–30 августа последовали победы под Пристенком и Кульмом.

Стремясь укрепить союзные отношения, Александр I настоял на подписании новых договоров между участниками коалиции.

9 сентября (28 августа) 1813 года в Теплице были заключены три практически одинаковых по содержанию союзных договора: России с Австрией, Австрии с Пруссией и России с Пруссией. Эти договоры были подписаны со стороны России К.В. Нессельроде, со стороны Австрии — К. Меттернихом и со стороны Пруссии — К. Гарденбергом. Они состояли из 12 основных, 6 отдельных секретных и 2 дополнительных секретных статей. Договаривающиеся державы гарантировали друг другу территориальную целостность и нерушимость границ, обязались поддерживать друг друга при нападении третьей державы, устанавливали конкретный предел этой поддержки (экспедиционный корпус в 60 тыс. человек). Стороны также условились не вступать с Францией в сепаратные переговоры. Отдельные секретные статьи предусматривали восстановление Австрии и Пруссии в границах 1805 года, упразднение Рейнского союза, восстановление независимости оккупированных Францией европейских государств, в том числе и на правом берегу Рейна. Решение вопроса о судьбе герцогства Варшавского откладывалось до заключения в будущем совместного соглашения трех держав⁵⁶. Там же, в Теплице, 3 октября был заключен прелиминарный договор между Австрией и Англией, предусматривавший более энергичные совместные действия против Наполеона и выплату Австрии английских субсидий,

предназначавшихся для укрепления армии⁵⁷. Соглашение было подписано К. Меттернихом и Дж. Эбердином.

Таким образом, Рейхенбахская конвенция, носившая временный характер и предусматривавшая возможность соглашения с Наполеоном, заменялась двусторонними союзными договорами, нацеленными на решительную победу. В них в общих чертах определялись цели войны: умиротворение Европы на основе «восстановления равновесия между державами», взаимная гарантия владений, возвращение Австрии и Пруссии утраченных ими территорий. Предусматривалась и взаимная военная помощь, необходимая для поддержания мира в Европе.

Как и при подписании союзных договоров, положенных в основу прежних коалиций, спорные вопросы не решались, а до времени исключались из обсуждения. Так, не была решена судьба Германии: противоречия между союзниками оказались достаточно глубокими. Прусское правительство настаивало в первую очередь на роспуске Рейнского союза и восстановлении прежних княжеств или земель, находившихся в распоряжении Франции или родственников Наполеона. Австрийское правительство опасалось победы германской национальной идеи, так как Австрия, включавшая славянское и венгерское население, в этом случае легко могла утратить свое влияние в Германии. Меттерних предпочитал играть роль покровителя князей Рейнского союза и использовать их ненависть к Пруссии для укрепления австрийского влияния в Центральной Европе.

Позиции российского правительства оставались неизменными. Преобладало убеждение, что необходимо по возможности сохранить прежнее устройство Германии, обеспечив равновесие Австрии и Пруссии. В такой линии Александр I видел, также залог прочности коалиции. «Интересы России, — писал посланник в Берлине Д.М. Алопеус Александру I, — требуют, чтобы Германия оставалась достаточно неподвижной массой и не прониклась стремлением к завоеваниям, но чтобы она в то же время сохранила достаточную силу и была в состоянии отразить нападения извне. Ничего так не соответствует этой цели, как восстановление прежнего порядка вещей. Но происшедшие изменения так отразились на системе германских государств, что невозможно возродить ее даже в том виде, в каком Россия гарантировала ее в 1803 году. Самое большее, чего можно добиться, — это сохранить или восстановить государей прежних династий, дать конструктивные формы государствам, которые они обретут или сохранят, связать государей между собой союзными договорами, гарантированными главными державами, и образовать таким образом какое-то единое целое, и то еще недостаточно сплоченное»⁵⁸. Таким образом, Алопеус предлагал Александру I не поддерживать замысла восстановления Священной Римской империи, но не

выступать и на стороне гегемонистских притязаний Пруссии в Германии. Российский император согласился с точкой зрения своего дипломата. Александр I вообще отказывался предрешать судьбу каких бы то ни было спорных территорий до окончания войны и общеевропейского мирного конгресса. Он с неизменным раздражением отзывался обо всех планах послевоенного устройства Европы, считая обсуждения и споры несвоевременными в момент, когда все усилия надо сосредоточить на победоносном завершении войны. Не желая умножать число спорных вопросов, российское правительство тщательно скрывало свои планы в отношении Польши. Что касается Англии, то она удовлетворилась тем, что была провозглашена общая цель войны и союзники обещали не вести никаких переговоров без ее ведома и участия. 3 октября Англия присоединилась к Теплицким договорам. Теперь союзники вновь могли собраться с силами, чтобы нанести удар Наполеону.

Результат Теплицких соглашений не замедлил сказаться. Союзники начали наступление. Используя перевес в силах, они поставили наполеоновскую армию в положение преследуемой. В битве под Лейпцигом 16–18 октября 1813 года решалась судьба кампании, да и судьба Европы. Эту битву недаром называют битвой народов. Союзники вынудили французскую армию к отступлению, скоро превратившемуся в беспорядочное бегство. При переводе через Эльстер повторилась трагедия Березины.

После поражения под Лейпцигом стало ясно, что удержать линию Эльбы Наполеон не сможет. Сбылось предсказание Бернадота о том, что в этом случае французы будут вынуждены оставить Германию и отойти за Рейн. В процессе отступления Наполеона бывшие государства Рейнского союза повернули оружие против французов. Даже наиболее преданные французскому правительству баварцы и саксонцы перешли на сторону союзников. Наполеон еще мог одерживать частные победы, но уже не мог изменить общий ход борьбы.

5 декабря 1813 года аррьергардные отряды французской кавалерии отошли за Рейн. Французские войска были вытеснены из Голландии, Италии, Испании. Лишь в ряде крепостей Германии сохранялись французские гарнизоны, защищавшиеся из последних сил, но и они постепенно были вынуждены капитулировать. Рейнский союз прекратил свое существование, война была перенесена на территорию Франции.

В ноябре 1813 года в ставке трех монархов во Франкфурте-на-Майне состоялись военные совещания, на которых было решено продолжать активные военные действия, перенести войну за Рейн и без перерыва начать весеннюю кампанию 1814 года, на чем особенно настаивал Александр I. Меттерних и британский уполномоченный в ставке Франца I Дж. Эбердин еще раз попытались установить неофициальные контакты с Наполеоном, который декларировал свою готовность пойти на

уступки Австрии, чтобы оторвать ее от коалиции. Меттерних направил к Наполеону Сент-Эньяна, французского дипломата, попавшего в плен к союзникам. Предложения Меттерниха и лорда Эбердина сводились к ограничению границ Франции ее естественными пределами. По ряду спорных вопросов — о границах Италии, Голландии, колоний — англичане и австрийцы готовы были вступить с Наполеоном в переговоры. Миссия Сент-Эньяна в основном носила характер зондажа и не имела далеко идущих последствий. Единственным результатом этой дипломатической разведки стало выяснение принципиальной готовности Франции начать переговоры.

26 января 1814 года главнокомандующий союзников, Шварценберг подал на имя Франца I записку, в которой возражал против перенесения военных действий на территорию Франции. Исходя из высказанной Шварценбергом точки зрения, Меттерних обратился к Александру I и рассказал о трудностях, которые не преминут возникнуть при вступлении союзников во Францию. Учитывая, что во французском городе Лангре собрались три союзных монарха и английский министр иностранных дел, австрийский канцлер предложил созвать совещание для решения наиболее актуальных политических вопросов.

Вопреки желанию Александра I, союзники приняли решение провести в Шатийоне мирный конгресс, предприняв очередную попытку договориться с Наполеоном. Переговоры должны были носить прелиминарный характер. Уполномоченные союзников выступали от имени Европы, составляющей единое целое. Согласно обещанию, данному Англии, вопросы морского права обсуждению не подлежали. Франция должна была вернуться к границам 1792 года, Германия и Италия — составить союзы независимых государств, Испания и Голландия — стать независимыми государствами под скипетром законных династий, Швейцария — образовать федерацию под общеевропейским покровительством. Александру I удалось добиться решения о том, что во время переговоров военные действия будут продолжаться.

Пока шла подготовка к конгрессу, Наполеон предпринял попытку разбить союзников. Однако двойное сражение при Бриене — Ла-Ротьере не принесло успеха французам. С военной точки зрения оно закончилось неопределенно, но моральный дух французской армии был сломлен.

В феврале-марте 1814 года состоялся конгресс в Шатийоне. Уполномоченные союзных держав предъявили Коленкуру требование о возвращении Франции к границам 1792 года. Вопрос о правящей династии французы должны были решить сами, но влиять на судьбы других европейских государств они не могли. Коленкур заявил, что условия, предложенные Сент-Эньяну во Франкфурте, отличаются от ныне выдвинутых: прежние условия возвращали Францию к ее «естественным

границам» — Рейну, Альпам, Пиренеям, теперь же речь шла о границах 1792 года, которые гораздо уже «естественных». Наполеону же Коленкур настоятельно советовал скорее заключить мир любой ценой.

К середине февраля противоречия между союзниками вновь обострились. 12–15 февраля на совещании в Труа возникли разногласия, продолжать ли военные действия, как настаивал Александр I, или, согласно предложению Меттерниха, заключить перемирие. Встречи в Труа состоялись по инициативе Каслри и Меттерниха. Помимо проблемы перемирия союзники обсуждали вопрос о судьбе французского престола. Александр I продолжал настаивать на прекращении переговоров, разгроме наполеоновской армии и вступлении в Париж, где можно рассчитывать на собрание представителей французской нации, которое решит судьбу государства и трона. В разгар переговоров в Труа Наполеону удалось добиться некоторых военных успехов, нанеся поражения отдельным корпусам союзников. Каслри стал уверять собравшихся, что скорой и легкой победы не будет, и старался уговорить Александра I продолжать переговоры с Францией, а Меттерниха — отказаться от предложенного Коленкуром перемирия.

Британский уполномоченный более всего опасался распада коалиции как раз накануне завершения войны. Прусское правительство занимало колеблющуюся позицию, все больше склоняясь на сторону австрийцев и англичан. 13 и 14 февраля были критическими днями. Меттерних пригрозил выходом Австрии из коалиции, если переговоры в Шатийоне не будут продолжены. Александр I был вынужден уступить ради сохранения коалиции и продолжения военных действий. Казалось, Меттерниху удалось добиться своего. 17 февраля Коленкуру был вручен предварительный проект мирного договора. Он направил его Наполеону.

Однако известия о противоречиях в стане союзников и ряд побед, одержанных Наполеоном над прусскими войсками Г.А. Блюхера, внушили французскому императору надежду на более выгодные условия. 19 февраля Наполеон предписал Коленкуру твердо требовать «естественных границ», ноотрез отказавшись от проекта, предложенного союзниками.

Французский полководец в кампании 1814 года превзошел самого себя. В середине февраля он нанес поражение армии П.Х. Витгенштейна и вынудил Шварценберга отойти на левый берег Сены. Шварценберг предложил возобновить переговоры о перемирии. Сражение при Монтеро еще ухудшило положение союзных армий. Союзники уже склонялись к заключению перемирия, когда Наполеон на переговорах в Люзеньи потребовал возвращения к франкфуртским условиям. Однако союзные уполномоченные в Люзеньи заявили, что переговоры о перемирии — вопрос чисто военный и его надо отделять от мирных переговоров

в Шатийоне. 27 февраля французам было предъявлено ультимативное требование установить демаркационную линию, отрезавшую от основных сил осажденные крепости на Мозеле и Маасе. Наполеон отверг этот ультиматум, и 4 марта союзные генералы покинули Люзенъи. Перемирие было сорвано.

Переговоры в Шатийоне продолжались. Само по себе разделение переговоров о перемирии и мирном конгрессе было успехом российской дипломатии. 13 марта союзники предложили Коленкуру либо принять их проект, либо представить свой. Положение Коленкура было тяжелым. Ежедневно он посылал депеши Наполеону, в которых умолял императора принять условия союзников и прислать ему полномочия для заключения мира. Но Наполеон, поставив свою судьбу и судьбу страны на карту военного счастья, не давал иных инструкций, кроме категорического запрещения подписывать соглашение, хоть на йоту отличающееся от французских условий. Когда наконец 18 марта Коленкур внес составленный в этом духе проект договора, союзные уполномоченные усмотрели в нем не только отказ французской стороны принять их условия, но и нежелание французов продолжать переговоры. На следующий день они объявили Коленкуру, что переговоры прекращаются, а уполномоченные возвращаются в ставку. Линия Александра I вновь одержала победу, хотя непрочность коалиции продолжала внушать опасения. Российский император и английский уполномоченный боялись неожиданного выхода Австрии из войны. Требовалось общее соглашение, которое связало бы все страны — члены коалиции и гарантировало бы от резких перемен в их политике.

В марте 1814 года в Шомоне четыре союзные державы — Россия, Австрия, Пруссия и Англия — подписали идентичные акты, окончательно оформившие IV антифранцузскую коалицию. Идея такого соглашения была выдвинута английской стороной еще в сентябре 1813 года после Пражского конгресса.

Шомонский трактат преследовал главную цель — удержать в составе коалиции Австрию. Положение ее после вступления союзников на территорию Франции несколько изменилось. Национальный подъем, дух освободительной борьбы стали отходить на второй план. Ощущение слабости, политической несостоятельности перед лицом национального движения, которое во многом сдерживало политику австрийского двора, отошло в прошлое. Пруссия и Россия лишились главного преимущества, они отныне выступали в первую очередь не как носители национальной и освободительной идеи, но как политические субъекты, а с этой точки зрения Австрия могла чувствовать себя равной им. Отсюда и смелость, с которой Меттерних грозил выходом из коалиции, и уступчивость Александра I, готового на компромиссы ради сохранения коалиции. Ан-

гля, не обладавшая мощной сухопутной армией, более всего опасалась распрей внутри коалиции и до времени стремилась сглаживать русско-австрийские разногласия. На руку российской дипломатии невольно играл сам Наполеон, который, словно по сценарию, действовал именно так, как предсказывал Александр I, что делало соглашение с ним в принципе невозможным.

Позиции союзников расходились еще в одном отношении. Россия и Пруссия ориентировались на мирный конгресс с участием всех европейских государств, на котором и должны были решаться вопросы послевоенного устройства Европы. Александр I, тщательно скрывавший свои планы, в частности в отношении Польши, особенно не желал предварительного обсуждения политических проблем. Аналогичным было и положение Пруссии, претендовавшей на Саксонию и Вестфалию.

Принципиально иной была позиция Англии. На переговорах с союзниками ее представлял Р. Каслри, ирландский дворянин, консерватор, несколько резковатый в оценках и высказываниях. Во время переговоров Каслри сошелся с Меттернихом. Австрийский министр иностранных дел умел смотреть дальше других. Наряду с Талейраном и Александром I его можно отнести к числу самых выдающихся дипломатов эпохи. Меттерних, не разделявший национально-освободительных настроений народов Европы, стремился добиться для Австрии роли посредника, устроителя мирных переговоров, центра будущей общеевропейской системы. Австрию и Англию сближало понимание того, что свержение Наполеона вооруженным путем укрепит позиции наиболее сильной в военном отношении державы — России. И Каслри, и Меттерних предвидели, что после взятия Парижа не они, а Александр I будет задавать тон на общеевропейском конгрессе. Именно поэтому Англия и Австрия приложили все усилия, чтобы решить основные спорные вопросы в рамках переговоров четырех держав до созыва конгресса, которому оставалось бы лишь утвердить их постановления. Однако между Австрией и Англией существовали и противоречия. Меттерних предполагал сохранить власть Наполеона во Франции. Англия же настаивала на свержении Наполеона и опасалась сепаратных австро-французских соглашений.

Неслучайно Каслри выступил инициатором проекта, который лег в основу Шомонского трактата. Подписанный в ночь с 9 на 10 марта и датированный 1 марта 1814 года, этот договор укрепил коалицию, определил размеры армий союзников и получаемых ими субсидий. Союзники в общем виде пришли к соглашению относительно, Швейцарии, Голландии, Италии и Испании. В соответствии с пожеланиями России и Пруссии спорные польский и саксонский вопросы были оставлены в стороне⁵⁹. Трактат ставил перед его участниками задачи установления

политического равновесия в Европе, недопущения новых войн за гегемонию на континенте. При всех разногласиях Александр I, Меттерних и Каслри были сторонниками создания общеевропейской системы отношений, базировавшейся на принципах права.

Главное значение Шомонского трактата состояло в том, что он обязывал союзников довести войну с Наполеоном до победного конца, закрывал перед ним все пути к сепаратному соглашению с кем-либо из них. Трактат обеспечивал четырем державам ведущую роль в послевоенной Европе. Этот договор так и остался четырехсторонним, другие государства не были приглашены присоединиться к нему. Каслри был прав, утверждая, что благодаря Шомонскому трактату союзники оказались подготовленными к подписанию Парижского мира. Решения союзников, зафиксированные в Шомоне, легли также в основу постановлений Венского конгресса.

В марте 1814 года Наполеон предпринял еще одну отчаянную попытку изменить ход борьбы. Он решил отвлечь союзников от движения на Париж путем удара по их тылам и коммуникациям. На практике этот рискованный маневр фактически облегчил союзникам путь к столице Франции. Русское командование выступило с планом взятия Парижа, а Александр I склонил на сторону этого плана Фридриха Вильгельма III и Шварценберга. Битва под Фер-Шампенуазом ослабила корпус Мармона и Мортье, защищавшие столицу. 18 марта, когда Наполеон находился в Труа, число защитников Парижа составляло лишь 40 тыс. человек против 100 тыс. войск союзников.

Перед началом операции Александр I отпустил нескольких пленных французских офицеров, объявив им, что ведет войну против Наполеона, а не против французского народа, и подчеркнул, что ждет от Парижа мирных предложений. Утром 30 марта в распоряжение французских войск для заключения перемирия был направлен полковник М.Ф. Орлов, боевой офицер, выполнявший дипломатические поручения. Французы поначалу отказывались от соглашения, но во второй половине дня Орлову удалось встретиться с командовавшим французскими войсками под Парижем Мармоном. Они договорились о перемирии, и в тот же день в распоряжение французских войск выехал К.В. Нессельроде для выработки условий сдачи столицы. В итоге при участии Орлова был составлен текст соглашения, передававшего Париж союзникам, но позволявшего французским войскам свободно покинуть город⁶⁰. Утром 31 марта 1814 года союзные войска во главе с Александром I и Фридрихом Вильгельмом III торжественно вступили в Париж.

Сразу после взятия столицы возник вопрос, какая власть должна быть установлена во Франции. Эмигранты Бурбоны уже давно интриговали при российском и британском дворах в пользу графа Прованского,

который должен был вступить на престол под именем Людовика XVIII. Сент-джеймский кабинет поддерживал эти планы, полагая, что под властью Бурбонов Франция никогда не станет сильной и не сможет более угрожать Англии ни в Европе, ни в колониях. Александр I предпочитал оставить право решения вопроса о преемнике Наполеона за французским народом. К Бурбонам российский император относился настороженно. Накануне вступления в Париж он говорил, что Бурбонам будет «тяжело носить корону». Александр I упомянул о Бернадоте и Евгении Богарне как о возможных кандидатах на французский престол и даже добавил, что умно организованная республика больше всего соответствовала бы духу французской нации⁶¹. Однако трудность состояла в том, что в стране, как нередко бывает после падения деспотических режимов, отсутствовали учреждения и люди, способные принять на себя всю полноту государственной ответственности. Имперские учреждения были приспособлены лишь для исполнения воли Наполеона, республиканской, как, впрочем, и какой-либо организационно оформленной, оппозиции не существовало. Кандидатура графа Прованского заняла центральное место в силу нескольких причин. Во-первых, это было восстановление традиционной легитимной власти; во-вторых, с определенной натяжкой двор графа Прованского можно было считать «правительством в эмиграции»; в-третьих, во Франции нашелся авторитетный для союзников человек, способный взять на себя ответственность утверждать, что «республика не может возбудить симпатию у тех, кто был свидетелем ужасов 1793 года, что народ предпочитает монархию и Франция охотно примет Бурбонов»⁶². Этим человеком оказался Талейран.

Старый французский дипломат устроил в своем особняке прием для Александра I, Фридриха Вильгельма III, Шварценберга, Нессельроде и Поццо ди Борго в тот самый момент, когда у союзников еще не было определенных планов относительно послевоенного устройства Франции. Там он и высказал свою точку зрения. В ответ Александр I заявил, что право решения вопроса о государственной власти союзники оставляют за самими французами. После этого Александр I от имени всех союзников заявил, что союзные монархи не станут вести переговоры с Наполеоном или с кем-либо из членов его семьи и что во Франции создается временное правительство, которое выработает конституцию. Сенат, обязанный создать это правительство, провозгласил Талейрана его главой. Правительство поставило задачей лишить Наполеона власти, ликвидировать регентство Марии-Луизы (до совершеннолетия сына Наполеона короля Римского) и подготовить условия для возвращения короля. Таким образом, если можно говорить, что Людовик XVIII прибыл во Францию в обозе союзников, то на престол он все же не был возведен штыками российских или прусских гренадеров.

6 апреля 1814 года был заключен договор между тремя союзными монархами и Наполеоном, по которому французский император отрекался за себя и за своих наследников от прав на верховную власть. По этому договору Наполеон сохранил пожизненно свои титулы и звания и получил во владение остров Эльбу. Теперь временное правительство поставило вопрос о выводе союзных войск из Франции. В ответ союзники потребовали немедленной капитуляции всех французских крепостей. Талейран, желая ускорить вывод иностранных войск, согласился на эти условия. 23 апреля в Париже была подписана конвенция о перемирии, послужившая основой для заключения Парижского мирного договора 30 мая 1814 года. Мирный трактат подписали представители Франции, с одной стороны, и России, Австрии, Англии, Пруссии, Испании, Португалии и Швеции — с другой. Границы Франции устанавливались по состоянию на 1 января 1792 года с небольшим расширением. Восстанавливалась независимость Швейцарии и ряда германских государств. Решались вопросы разграничения колониальных владений между Англией и Францией.

В ходе переговоров Александру I еще раз пришлось проявить твердость. После свержения Наполеона российская дипломатия была заинтересована в том, чтобы Франция, не проявляющая агрессивности, но достаточно сильная, служила противовесом Англии, влияние которой в Европе после ухода русских войск грозило сделаться преобладающим. Англия и Пруссия настаивали на таких условиях соглашения, которые бы свели Францию к положению второстепенной державы. Однако российский император воспользовался своим авторитетом, чтобы противостать их замыслам. Уступая ему, союзники согласились извинить Францию от денежных выплат и допустить фактически на равных ее участие в Венском конгрессе. Таким образом, еще в ходе дипломатической борьбы в конце наполеоновских войн Александр I в значительной мере подготовил ту расстановку сил, при которой качался Венский конгресс. В соответствии с внешнеполитической концепцией российского правительства удалось добиться главного: в Европе было установлено равновесие сил при высоком авторитете России, которая могла сыграть важную роль в организации жизни континента на правовых началах и выступить арбитром в случае возникновения споров.

* * *

В начале XIX века международная обстановка и внутреннее положение России побудили правительство Александра I к выработке новой внешнеполитической концепции, в основе которой лежало стремление установить в Европе прочное равновесие, базирующееся на принципах законности (легитимности). В ходе преобразований была также модер-

низирована дипломатическая служба страны, создано Министерство иностранных дел.

Гегемонистские устремления Бонапарта делали его главным противником России и побуждали ее искать союзников, чтобы обуздать безудержный экспансионизм наполеоновской Франции. Так возникли III, IV, а затем и V коалиции, в которых Россия выступала совместно с Англией, Пруссией, Австрией и некоторыми другими государствами. Эффективность борьбы этих коалиций значительно ослаблялась противоречиями между их членами — Россией и Англией, Австрией и Пруссией, Россией и Австрией и т. д.

Военные успехи Наполеона, помноженные на эти противоречия, привели к распаду III и IV коалиций и даже вынудили Россию к временному союзу с Францией. Этот союз в 1807 году не ликвидировал, однако, противостояния двух империй, приведшего в конечном счете к их смертельной схватке. Общественность России в целом йоддерживала внешнеполитический курс правительства. Отечественная война 1812 года вызвала высокий подъем всенародного патриотического чувства.

Русская армия сыграла выдающуюся роль в походах 1813–1814 годов, приведших к падению «Великой империи». Дипломатия России, возглавляемая Александром I, многое сделала для сплочения рядов союзников и проведения твердой линии на ликвидацию возможности повторения наполеоновской экспансии, на восстановление европейского равновесия и подготовку новой системы отношений на континенте, базирующейся на правовых основах. Закрепление происшедших изменений на политической карте Европы, дальнейшее оформление новой системы международных отношений были связаны уже с решениями Венского конгресса, зафиксированными в окончательном мирном договоре союзников с побежденной Францией в 1815 году.

Глава III. Русская дипломатия на Венском конгрессе. Становление новой политической системы в Европе

I. Венский конгресс

После крушения в 1814–1815 годах империи Наполеона в международных делах сложилась новая система отношений, получившая название венской. В Европе произошла значительная перегруппировка сил, французскую гегемонию сменило политическое господство Англии, России и Австрии. В определенной степени создавшийся баланс сил привел к стабилизации европейских отношений: венская система просуществовала более сорока лет, в течение которых Европа почти не знала больших кровопролитных войн. Тем не менее, как и большинство международных политических систем, она характеризовалась ростом противоречий между ведущими европейскими державами, вызванным стремлением этих держав к расширению сфер своего политического и экономического влияния. Значительное воздействие на международные отношения тогда оказывало развитие революционного движения в Европе и национально-освободительной борьбы на Балканах и в Латинской Америке.

Новое соотношение политических сил в мире к концу наполеоновских войн и после падения «Великой империи» было закреплено и юридически оформлено решениями Венского конгресса (1814–1815 гг.) и Второго Парижского мира (1815 г.). Рассмотрим непосредственный ход работы Венского конгресса, его итоги.

Золотая осень 1814 года. Центр Европы, Вена. К столице Австрии приковано внимание всего мира. Здесь, согласно условиям Парижского мира, заключенного 30 мая 1814 г., должен собраться конгресс представителей всех государств, участвовавших в войне с Наполеоном. Подписанный в Париже договор определил послевоенные границы и положение побежденной Франции, остальные же территориальные вопросы должны были быть обсуждены на конгрессе европейских держав. Статья 32 договора гласила: «По истечении двухмесячного срока все державы, вовлеченные с той и другой стороны в настоящую войну, пошлют своих

уполномоченных в Вену для того, чтобы на общем конгрессе выработать точные постановления, долженствующие дополнить настоящий трактат»¹. Франция, таким образом, также послала своих представителей в Вену.

Основные задачи, которые должен был решить конгресс, виделись его участникам в необходимости восстановления дореволюционных порядков, династий, то есть в утверждении принципов легитимизма, в создании гарантий против возможности возобновления во Франции бонапартистского режима и в удовлетворении территориальных претензий победителей. Согласно отдельной секретной статье I Парижского мирного договора, распределение земель, столь необходимое для создания устойчивого равновесия сил в Европе, предполагалось осуществить на конгрессе на основе предварительной договоренности между союзными державами. Для обсуждения этих вопросов представители четырех союзных держав (Александр I, прусский король Фридрих Вильгельм III, министр иностранных дел Австрии К. Меттерних, министр иностранных дел Великобритании Р. Каслри) собрались на неофициальное совещание в Лондоне. После длительных дебатов было решено созвать конгресс не позднее 15 августа. Но по настоянию Александра I его открытие было отложено до 1 октября.

В сентябре в Вену стали съезжаться представители всех европейских государств, кроме Турции. Сюда прибыли два императора, четыре короля, два наследных принца, три великие герцогини и 215 глав княжеских домов, а также 450 дипломатов и официальных лиц. Это был первый в мировой истории столь представительный конгресс. Русскую делегацию представляли первый уполномоченный граф А.К. Разумовский, бывший посол в Вене, пользовавшийся особым доверием Александра I, граф К.В. Нессельроде, посланник в Вене с 1810 года Г.О. Штакельберг. Но, так же как и в Тильзите, роль первой скрипки среди русских дипломатов играл Александр I, опытный и тонкий политик, сам вникавший во все нюансы переговоров.

Прусскую делегацию возглавлял канцлер князь Карл Август Гарденберг, кроме него в ее состав входили Вильгельм Гумбольдт и посланник в Лондоне Якоби-Клест. Австрия была представлена министром иностранных дел, ловким и гибким политиком князем Клеменсом Меттернихом, его личным секретарем и ставшим затем секретарем совещаний конгресса Фридрихом Гентцем, фельдмаршалом князем Карлом Шварценбергом и дипломатом Иоганном Стадионом. Английская делегация состояла из министра иностранных дел Великобритании Роберта Каслри, его брата, посла в Вене Чарльза Стюарта, и бывшего посла в Петербурге лорда Вильяма Каткарта.

Столица Австрии была празднично украшена, из окон домов доносились звуки музыки. Приемы, балы, театрализованные представления,

охоты, маскарады — все это было неотъемлемой частью Венского конгресса. Именно в то время родилось такое выражение: «Русский император любит, король Дании пьет, король Вюртемберга ест, король Пруссии думает, король Баварии говорит, король Австрии платит»². И действительно, день «танцующего конгресса» обходился австрийскому двору в огромную по тем временам сумму — 220 тыс. флоринов.

16 сентября состоялось первое неофициальное совещание представителей союзных держав, так называемый «малый совет». Основная задача этой встречи заключалась в закреплении за Англией, Россией, Австрией и Пруссией руководящей роли в решении территориальных вопросов на конгрессе. Согласно программе, разработанной В. Гумбольдтом, союзники прежде всего должны были урегулировать польские, германские и итальянские дела. Было решено создать два комитета: общий — из представителей шести держав (Англии, Австрии, России, Пруссии, Франции и Испании) и специальный — из представителей Австрии, Пруссии, Ганновера, Баварии, Вюртембергского королевства. Общему комитету предстояло выработать программу по общеевропейским делам и представить ее на открытии конгресса, а затем после ознакомления с ней членов конгресса и доработки с учетом их замечаний вторично предложить ее на утверждение.

Другому комитету поручалось заниматься вопросом создания германского союза. Разработанный проект рассматривался пятью государствами — членами комитета, затем общим собранием всех германских государств и, наконец, членами конгресса.

С 16 по 22 сентября состоялось пять или шесть совещаний комитетов. В ходе острых дебатов между представителями союзных государств удалось принять решение, по которому только Англии, России, Пруссии и Австрии предоставлялось право договариваться между собой о распределении территорий, находящихся в их распоряжении по условиям Парижского мира. Роль Франции и Испании ограничивалась участием в заседаниях и выражением своего мнения в том случае, если они найдут это нужным. Особо оговаривалось следующее положение: пока союзники не решат вопроса о распределении земель в Польше, Германии и Италии, они не должны вступать в переговоры с Францией и Испанией. Протокол совещания был подписан 22 сентября Нессельроде, Гарденбергом, Гумбольдтом, Меттернихом, 23 сентября его подписал Каслри.

Хотя союзники приняли декларацию о выработке единой позиции по территориальным вопросам, было совершенно очевидно, что между ними не существует полного единодушия. Чтобы понять это, достаточно обратиться к ситуации с Великим герцогством Варшавским. Российский император стремился получить герцогство, которое, как он заявлял, принадлежит ему по праву победителя в войне с Наполеоном. К. Мет-

терних же указывал на то, что Австрия не намерена уступить России провинции, прежде входившие в ее состав. Гарденберг также требовал для своего государства — Пруссии — часть герцогства. Английская сторона стремилась к восстановлению независимой Польши, не урезанной территориально, но и не подчиненной России.

По другим вопросам мнения у союзников тоже были различными, поэтому каждая сторона основательно готовилась к упорной дипломатической борьбе за осуществление своих планов. Следует отметить, что основные дипломатические баталии велись за кулисами конгресса, в перерывах между балами, на приемах, раутах, чаще всего с глазу на глаз.

Английская делегация надеялась укрепить дружественные отношения с Пруссией и союзные с Австрией, всячески препятствовала усилению влияния России в Европе. Австрия хотела закрепиться в Италии и упрочить свои позиции среди германских государств, противилась усилению Пруссии. Принципиальные позиции России были четко определены в собственноручной записке Александра I, написанной не ранее 1 августа 1814 года и опубликованной в 1897 году Н.К. Шильдером³. Согласно этой инструкции, России должно было отойти герцогство Варшавское, кроме Познани и района Кульм. Австрия получала земли Северной Италии, Венецию, Тироль, Зальцбург, Инфиртель и Далмацию. Пруссии отходила большая часть Саксонии до Эльстера. В инструкции Нессельроде, написанной спустя несколько дней, Александр I уточнил, что не будет возражать против присоединения к Пруссии большей части Саксонии и земель некоторых германских княжеств. Оставшаяся часть Саксонии должна была отойти к Веймарскому и Кобургскому герцогствам⁴. Заметим, что саксонский король был великим герцогом Варшавским и поскольку он выступал на стороне Наполеона, то терял свои владения, которые подлежали разделу. Часть его владений отходила к России, а часть (Саксония) — к Пруссии. Таким образом, Пруссия укрепила свои позиции. Александр I считал, что это верный путь к примирению всех противоречий и упрочению отношений с Пруссией. Выполнение подобной программы, учитывая разногласия между союзниками, было весьма непростым делом и требовало большого дипломатического искусства. Неслучайно шведский посол после бесед с Александром I отметил, что он «в политике тонок, как острие булавки, остер, как лезвие бритвы, и зыбок, как морская пена»⁵.

Такова была расстановка сил в Вене на 23 сентября, когда туда прибыла французская делегация во главе с Талейраном. Положение в Вене представителей побежденной Франции было непростым. Французская делегация стремилась сохранить дореволюционные границы своей страны, она не была согласна с позицией России в польском вопросе и препятствовала усилению Пруссии. Поэтому большое значение на перего-

ворах приобрела новая дипломатическая концепция, выработанная Талейраном и его окружением. Идея легитимизма, то есть восстановления законных прав прежних монархов, была поддержана всеми участниками конгресса. Принцип легитимизма был использован как идейное оружие, им обосновывалось уничтожение политических и территориальных изменений, происшедших во время революций и наполеоновских войн. «Теория вмешательства» утверждала право государей и власти принимать все меры воздействия, вплоть до вооруженного вмешательства, всюду, где принцип легитимизма находился под угрозой. Легитимизм стал идейно-правовой основой решений Венского конгресса, а позднее в значительной мере и политики Священного союза.

Сентябрь был на исходе, а главы союзных государств еще не решили, как и в какой форме должно произойти открытие конгресса. 29 сентября состоялось заседание представителей четырех держав, на котором Гентц представил проект декларации об открытии конгресса. Поскольку территориальные вопросы в соответствии с требованиями Парижского трактата решены не были, открытие конгресса переносилось на 1 ноября 1814 года. Согласно предложенной декларации и предварительным решениям комитетов, работу конгресса предполагалось организовать следующим образом. Обсуждаемые вопросы делились на две группы; в первую входили все общеевропейские проблемы, распределение территорий, установление границ, во вторую — определение политических основ германской федерации. Комитеты стали официальными органами конгресса для рассмотрения отдельных проблем. Полномочным представителям государств предлагалось передать свои соображения и мнения глав правительств в комитеты, которые рассматривали их и учитывали при разработке планов, а затем представляли на утверждение конгресса. Таким образом, великие державы, возглавлявшие комитеты, оставляли за собой возможность принимать решения, тогда как другие государства могли лишь высказывать свое мнение, пожелания.

30 сентября К. Меттерних пригласил к себе делегатов России, Британии, Пруссии, Австрии. Тогда же представители Испании, Франции впервые приняли участие в заседании. На этом совещании предполагалось обсудить вопрос о ходе работы конгресса, ознакомив представителей Франции и Испании с протоколом заседания от 22 сентября. Внимательно прочитав протокол, Талейран обратил внимание, что в каждом параграфе повторяется слово «союзники». Союзные державы, но против кого? Ведь Наполеон находился не здесь, а на острове Эльба. «Господа, будем откровенны, если еще имеются союзные державы, то я здесь лишний»⁶, — заявил Талейран. Удар был нанесен точно. Ему ответили, что на слове «союзники» никто не настаивает. Все понимали, что без участия Франции нельзя было создать новую жизнеспособную

систему международных отношений. Талейран также предлагал, чтобы была соблюдена прежняя договоренность об открытии конгресса 1 октября. Он мастерски использовал сложившуюся ситуацию, с этого момента французская делегация получила доступ на все совещания, кончилась ее изоляция и глава ее Талейран, князь Беневентский, приобрел известный вес и влияние. Следующим его шагом была нота от 1 октября, направленная Каслри, а также представителям Австрии, Испании, Пруссии и России, в которой он настаивал на создании комитета из глав делегаций шести государств — Австрии, Пруссии, России, Великобритании, Испании, Франции, то есть тех стран, которые подписали Парижский договор. Именно этот комитет имел, по мнению Талейрана, достаточно оснований для подготовки конгресса. Это требование было в конце концов выполнено.

После долгих переговоров, протестов, нот французский представитель согласился на отсрочку конгресса, признав, что ни один вопрос еще не был решен, но потребовал указать точный срок его созыва и известить всех участников о порядке принятия решений. Это был несомненный успех Талейрана, укрепивший его позиции и открывший ему доступ в «Комитет четырех», который фактически стал руководящим центром конгресса.

Итогом октябрьских совещаний министров стала декларация от 8 октября, в которой говорилось, что принято решение «в интересах всех участников отложить общее собрание их представителей до тех пор, пока вопросы, подлежащие решению, будут приведены в соответствие с международным правом, условиями Парижского договора и с уважением современников. Поэтому официальное открытие Конгресса назначается на 1 ноября»⁷ 13 октября декларация была сообщена всем уполномоченным. Весь октябрь, вплоть до открытия конгресса в Вене, шли активные дипломатические переговоры, в большинстве своем они носили конфиденциальный характер. В основном обсуждались польский и саксонский вопросы.

Позиция русской делегации по этим проблемам не совпадала с мнением Меттерниха и Каслри. Талейран, конечно, не мог этого не заметить и не преминул извлечь выгоду из ситуации. Он решил прозондировать почву относительно прочности союза в беседе с Меттернихом 9 октября. Реакция австрийского министра превзошла все его ожидания. «Не говорите о союзниках, их нет более». «В таком случае можно подумать о новом союзе, который бы противостоял грозящей гегемонии русского императора, — предложил Талейран. — Я никогда не соглашусь передать Саксонию Пруссии. Тем менее я допущу, чтобы Россия перешла Вислу, имела в Европе 44 млн подданных и границы на Одере»⁸. Слова эти были встречены австрийским канцлером с пониманием. Бывшие со-

юзники, оказалось, были готовы разорвать друг друга на части, когда речь заходила о территориальных разделах.

Дальновидный Талейран испросил аудиенцию у русского царя. Первая их встреча состоялась 15 октября, на ней присутствовал Нессельроде. Обе стороны осторожно выясняли позиции по ключевым проблемам Венского конгресса — польской и саксонской. Судя по письму, которое Талейран адресовал Людовику XVIII, он был явно раздражен и недоволен исходом встречи. Вторая беседа между Александром I и Талейраном, продолжавшаяся полтора часа, состоялась 23 октября. Ее основной темой был польский вопрос. Александр I обсуждал его с Талейраном еще в мае в Париже, когда останавливался в его доме, и, казалось, тогда они пришли к единому мнению, но прошло время, и в Вене все выглядело по-иному. «В Париже Вы были того мнения, что необходимо Царство Польское, когда же случилось, что Вы изменили мнение?» — спросил Александр I Талейрана. «Мое мнение, государь, осталось прежним. В Париже шла речь о восстановлении всей Польши. Я хотел тогда, как хочу и теперь, ее независимости. Но теперь речь идет совсем о другом. Вопрос подчинен определению границ, которые давали бы безопасность Австрии и Пруссии»⁹. Французская сторона была готова согласиться на передачу польских земель России, но решительно противилась уничтожению самостоятельности Саксонского государства. План воссоединения Польши под властью русского императора разрабатывался еще летом 1812 года А. Чарторыйским и М. Радзивиллом, о чем свидетельствует их обращение к Александру I. Теперь русский император стремился поставить в этом вопросе окончательную точку. Между тем позиция Талейрана становилась все более жесткой. Александру I пришлось прибегнуть даже почти к неприкрытым угрозам. «Прусский король будет королем Пруссии и Саксонии, как я буду русским императором и королем Польским. Уступчивость, которую Франция обнаружит по отношению ко мне в этих двух вопросах, будет соразмерна с той, которую я обнаружу относительно Франции во всем, что может интересовать Францию» — такими словами закончил аудиенцию Александр I.

Австрийский министр иностранных дел К. Меттерних, знавший Талейрана еще с 1808 года, когда он был послом в Париже, хитрый и ловкий политик, умело скрывавший свои истинные замыслы, также внимательно следил за действиями русской делегации. Равно как и князь Беневентский, Меттерних был мастером интриг и всевозможных козней. Желая знать о всех планах и действиях российской делегации, канцлер окружил русского царя и его свиту шпионами. В зависимости от обстоятельств австрийский министр выступал то ярким поборником легитимизма, то человеком передовых взглядов, отстаивавшим интересы и права наций. Беседа Меттерниха с Александром I состоялась на сле-

дующий день после аудиенции, данной царем Талейрану. Встреча была бурной. Стороны не пришли к соглашению ни по одному из вопросов. Меттерних усматривал угрозу европейскому равновесию сил в усилении Пруссии за счет Саксонии.

Существование самостоятельного Саксонского государства имело важное стратегическое значение для Австрии. Оно служило бы своего рода буфером между двумя германскими государствами. Присоединение Саксонии к Пруссии, напротив, рассматривалось как непосредственная угроза Австрии. Руководствуясь принципами легитимизма, австрийский министр был против свержения саксонского короля, даже если он заслуживал наказания за свою преданность Наполеону. Для сохранения Саксонского государства Меттерних готов был использовать любые средства. Для русского императора саксонский вопрос был неразрывно связан с польским, ибо существовали определенные обязательства в отношениях России и Пруссии.

Английская делегация также настороженно отнеслась к польским планам Александра I. Во время личного свидания министра иностранных дел Великобритании лорда Каслри с Александром I было высказано несогласие британского правительства с территориальными притязаниями России и намерениями создать Польское королевство под скипетром российского императора¹⁰. Каслри утверждал, что такое усиление России ставит под угрозу безопасность соседних государств. Не сумев договориться с Каслри, Александр I 18(30) октября 1814 года направил меморандум правительству Великобритании, в котором говорилось, что «территориальные приобретения России на юге и севере Европы сделаны в ходе войны с Наполеоном и присоединение к ней Варшавского герцогства необходимо для ее безопасности. И если Венский конгресс потерпит неудачу из-за позиции Англии, то ответственность за это падет на нее»¹¹. Александр I был непримирим, между тем обстановка в стане союзников накалялась.

В создавшихся условиях Каслри предпринял попытку объединить Австрию, Пруссию, Францию против России. Неоднозначной оставалась позиция прусского министра иностранных дел Гарденберга. Каслри вместе с Меттернихом требовали от него ясности, а Гарденберг колебался. Он настаивал на том, чтобы Англия и Австрия признали необходимость включения всей Саксонии в состав Прусского государства и переселения саксонского короля в другие земли. 11 октября Каслри ответил Гарденбергу, что готов уступить Саксонию Пруссии, если Пруссия, в свою очередь, не станет требовать ее в качестве компенсации за территориальные уступки русским в Польше. Каслри направил вербальную ноту Австрии, в которой говорилось, что лишение саксонского короля его владений может быть признано справедливым, если это необ-

ходимо для реконструкции Европы. Нота была воспринята отрицательно австрийским двором. Однако Меттерних убедил своего императора в необходимости привлечь Пруссию на свою сторону и оставить Россию в изоляции, следствием чего стала нота от 22 октября, направленная Меттернихом Гарденбергу, в которой говорилось о согласии Австрии на временную оккупацию Саксонии пруссаками при условии, что Пруссия объединится с Австрией и Англией для противодействия осуществлению русских проектов в Польше. Гарденберг вынужден был пойти на это соглашение.

Дипломатические баталии происходили на фоне увеселений, которые устраивались для участников конгресса. Прогулки, охоты, балы, музыкальные вечера следовали друг за другом. Российский император был их непременным участником. Все с нетерпением ждали открытия конгресса. Комиссии из представителей Англии, Пруссии и России приступили к проверке полномочий делегатов от государств — участников конгресса. И вот наконец настал день открытия конгресса, на котором председательствовал К. Меттерних, а руководство осуществляли два комитета: «Комитет четырех» и «Комитет восьми». Основная же деятельность конгресса протекала в многочисленных рабочих комитетах и комиссиях, созданных по самым разным спорным вопросам.

1814 год был для Александра I удачным: победа над наполеоновской армией, подписание Парижского мирного договора — все это свидетельствовало о росте могущества и престижа России. Александр I гордился своей страной и той миссией, которую она должна была осуществить, но при этом он понимал, что Европа не хочет большего возвышения России. Безусловно, российский император трезво оценивал ситуацию, в которой оказалась Россия на конгрессе, он видел противодействие своим польским планам со стороны союзных государств. Отношения с Пруссией становились все более запутанными.

Чтобы добиться ясности, Александр I провел, и довольно успешно, беседу с королем Фридрихом Вильгельмом III. Во время обеда, сопровождавшегося обменом любезностями, шутками, Александр I заговорил об узах дружбы, которые соединяют их, и о том, какие надежды он возлагает на Пруссию. Прусский король заверил, что отвечает Александру I полной взаимностью и тот всегда может на него рассчитывать. Получив заверения в расположении и дружбе, Александр I подошел к истинной цели этого разговора — вопросу о Польше. По словам Александра I, он, как российский император, связывал свою личную славу с восстановлением Польского государства и с введением в нем конституционного правления. И сейчас, когда он близок к цели, он ощущает препятствие со стороны прусского министра иностранных дел. Ему было бы очень горько, продолжал Александр I, видеть своего единственного друга,

короля Прусского, на поддержку которого он так рассчитывал, среди своих противников. Фридрих Вильгельм тут же заверил его в своей преданности и поддержке. К концу обеда был вызван Гарденберг, которому было сообщено о достигнутом соглашении. И прусский министр был вынужден отказаться от участия в союзе Англии и Австрии против России.

10 ноября прусские войска заняли Саксонию. Раскол между союзниками стал очевиден, и он безусловно оказался на руку французской делегации, которая стремилась укрепить свое положение на конгрессе. Весь декабрь прошел в бесконечных переговорах, обширнейшей переписке между Александром I и Меттернихом, Меттернихом и Гарденбергом, Меттернихом и Талейраном Александр I явно ощущал образывавшуюся вокруг него пустоту. В рескрипте от 15(27) декабря 1814 года российскому послу в Лондоне Х.А. Ливену Александр дал меткую характеристику сложившейся ситуации на конгрессе и четко наметил задачи русской дипломатии: «Английский министр и австрийский министр... по-прежнему настойчиво стремятся укоренить недоверие между державами и лишить их всякой свободы и политической энергии в тот самый момент, когда можно было надеяться создать их на основах фундамента мира и гармонии между цивилизованными странами... Посеяв подобными приемами тревогу среда кабинетов, идут еще дальше, оспаривают у России приобретения, долженствующие принадлежать ей по всей справедливости... С первой точки зрения, важно показать, что требуемое Россией приобретение (т. е. герцогство Варшавское. — *Авт.*) не только не нарушит европейского равновесия и мира между государствами, но, напротив, будет в высшей степени способствовать его упрочению. Со второй точки зрения, необходимо ясно показать справедливость и чистоту политических видов императора. Его высочество желает дать этому народу (польскому. — *Авт.*) хорошую национальную администрацию, основанную на определенных принципах, приспособленную к местным условиям, управляемую законами, а не произволом или волей какого-то другого правительства. Он хочет, чтобы жители герцогства пользовались преимуществами, связанными с подобной формой правления. Он желает, чтобы благородные чувства укрепили привязанность народа к своей родной земле и к России, вернувшей ему эту землю и не требовавшей, чтобы он на ней перестал быть самим собой»¹².

Для Александра I с созданием Царства Польского были связаны не только личные амбиции, но и укрепление собственного политического и дипломатического авторитета, осуществление его реформаторских идей — введение конституции. Ради этого он уже соглашался на восстановление на престоле саксонского короля с условием, чтобы этот государь уступил часть своих владений Пруссии. Он соглашался на то, чтобы Пруссия поручила обратно от Польши Познань.

На заседании комиссии по территориальным вопросам 29 и 30 декабря обсуждались снова эти же вопросы. 29 декабря Гарденберг предложил перевести саксонского короля на левый берег Рейна и предоставить ему часть бывшего архиепископства Трирского и Люксембургского. Саксонию он требовал целиком для прусского короля. На следующий день первоуполномоченный князь А.К. Разумовский представил проект конвенции по урегулированию территориальных вопросов. Согласно этому проекту, России отходило все герцогство Варшавское, кроме Гнезно, Познани и бывших западнопрусских провинций, которые должна была получить Пруссия. Соляные копи Велички Пруссия соглашалась вернуть Австрии вместе с Тарнопольской областью и Подгорицким районом. Краков и Торн (Горунь) провозглашались вольными независимыми городами. Пруссия получила также всю Саксонию. Александр I разделял позицию Гарденберга в отношении саксонского короля. Представители Англии и Австрии решительно отвергли план включения Саксонии в состав Пруссии.

Каслри и Меттерних настаивали на присутствии во время дебатов представителя Франции Талейрана. Уполномоченные России и Пруссии выступали против приглашения Франции, ссылаясь на отдельную секретную статью Парижского мирного договора, согласно которой судьбы завоеванных территорий должны решаться конгрессом на основании соглашения союзных держав. Участие Талейрана в заседаниях было крайне нежелательно для Пруссии, так как Франция выступала за сохранение Саксонского королевства и лишь в крайнем случае была готова уступить Пруссии его небольшую часть.

И тем не менее Россия и Пруссия вынуждены были отступить. На следующий день, 31 декабря 1814 года, на заседании уже присутствовал Талейран, что было, несомненно его большим дипломатическим успехом. Это заседание также протекало в ожесточенных спорах. К.В. Нессельроде даже был вынужден направить ноту уполномоченным Австрии, Великобритании и Пруссии, призывая главы государств сохранить тесный союз и согласие. После бурного заседания уполномоченные разошлись крайне раздраженными.

1 января 1815 года — первый день нового года и день получения нового важного известия: подписан Гентский мирный договор между Англией и США, завершивший войну 1812–1814 годов. Каслри почувствовал себя гораздо свободнее и тут же поспешил на встречу с Талейраном, дабы обсудить условия союзного договора, направленного против России и Пруссии. Каслри подготовил текст договора, который затем был отредактирован и одобрен Меттернихом и Талейраном. В ночь с 3 на 4 января договор был подписан представителями Англии, Австрии и Франции. Он предусматривал совместное выступление трех держав и их взаимопо-

мощь при нападении на одну из сторон, а также на Ганновер и Нидерланды. Каждая из сторон обязалась в этом случае выставить армию в 150 тыс. человек, не заключать сепаратного мира. К союзу присоединились Бавария, Ганновер, Голландия, Сардиния и Гессен-Дармштадт. Договор был строго секретным. Каждый из организаторов договора собственноручно переписал по одному экземпляру. «Коалиция распалась, и навсегда»¹³, — писал Талейран Людовику XVIII. Побежденная Франция вышла из международной изоляции и могла теперь оказывать ощутимое давление на Россию и Пруссию. Текст договора Талейран переслал в Париж, и Людовик XVIII сразу же его ратифицировал. Но несмотря на секретный характер договора, слухи о нем стали быстро распространяться в Вене. Нет ничего тайного, что не стало бы явным! Вскоре Александру I сообщили некоторые подробности о заключенном союзе.

Хотя обе коалиции были настроены по отношению друг к другу крайне воинственно, конгресс продолжал свою работу. На заседаниях 3, 7 и 9 января 1815 года представители России, Пруссии, Австрии, Англии снова обсуждали вопрос об участии Талейрана в совещаниях «Комитета четырех», посвященных решению территориальных вопросов. Меморандум Каслри от 9 января с предложением ввести представителя Франции в число участников заседаний конгресса был принят, и с 12 января «Комитет четырех» превратился в «Комитет пяти».

На заседаниях обсуждался австрийский контрпроект решения польского вопроса. Он содержал поправки, которые Австрия полагала необходимым внести в проект, предложенный ранее А.К. Разумовским. Согласно контрпроекту, к Австрии отходили территории Тарнопольского округа, соляные копи Велички и все земли, утраченные после Венского мирного договора 1809 года. Австрия стремилась к тому, чтобы в Восточной Галиции граница проходила там же, где она была до 1809 года. Напомним, что по русскому проекту Австрии отходили район Подгорица, соляные копи Велички и Тарнопольская область. В австрийском проекте не упоминалось о конституции для Польши, а согласно русскому оговаривалось, что Александр I «оставляет за собой право дать национальную конституцию». Судьба городов Кракова и Торна, которые в русском проекте объявлялись независимыми и нейтральными под протекторатом трех держав (России, Австрии, Пруссии), также представлялась в контрпроекте несколько иной — создание городов, подобно Ганзейским, с уничтожением всяких укреплений. В итоге после долгих разговоров и взаимных уступок договаривающиеся стороны приняли решение. Поскольку территории Польши подлежали новому разделу, по инициативе Александра I была сформирована комиссия, в которую вошли от России — И.О. Анстет и И. Шанявский, от Австрии — И. Гуделист и А. Барбье, от Пруссии — Ф. Штегман и И. Иордан. Эта комиссия под-

готовила материалы для заключения договоров о Польше. А. Чарторыйским был представлен проект превращения важных стратегических городов Кракова и Торна в вольные города, так как Александр I отказался от первоначального плана включения их в состав своих польских земель.

Вопрос о судьбах Польши и Саксонии фактически был решен в конце января — начале февраля, но юридически был оформлен только 21 апреля (3 мая) 1815 года. Относительно Польши договоры были подписаны между Россией и Австрией, а также Россией и Пруссией. Австрии возвращались уезды в Восточной Галиции, соляные копи Велички. Пруссия получила Познань (Великое герцогство Познаньское), Бромберг и Торн (Александр I пришлось его уступить за потери Пруссии в Саксонии); Краков с прилегающими территориями был провозглашен вольным городом под протекторатом трех держав и получил конституцию. Остальная часть герцогства Варшавского была присоединена к России в качестве Царства Польского. На заседании особой комиссии рассматривалась также судьба Саксонии.

Горячую дискуссию вызвал «План реконструкции», представленный Гарденбергом, по которому Пруссия хотела получить компенсацию за утерянную территорию. Король Пруссии настаивал на передаче ему Саксонии, западной части герцогства Варшавского, Берга, Вестфалии, половины Фульды, департаментов Франции Роер, Урт, Нижний Мез, Рейн-и-Мозель. Саксонский же король взамен территорий, отошедших к Пруссии, должен был получить земли на левом берегу Рейна с населением 700 тыс. человек.

Такой план тут же вызвал серьезные возражения со стороны Австрии, которая не хотела усиления Пруссии, а присоединение Саксонии к Пруссии создало бы опасный военный плацдарм у ее границ. К. Меттерних заявил, что изгнание саксонского короля нарушает принцип легитимизма, которым руководствовался конгресс. В свою очередь, он предложил увеличить территориальную компенсацию Пруссии за счет северогерманских земель, владения же саксонского короля составили бы земли от богемской границы и реки Виттиш до устья Нейсе.

В ответ на выступление Меттерниха Гарденберг представил 8 февраля записку, в которой, возражая австрийскому министру, доказывал, что только лишение саксонского короля его земель может создать гарантии безопасности для Пруссии. На этом же заседании была сформирована комиссия для окончательной корректировки территориальных возмещений. Русский император поддерживал требования Гарденберга. Обстановка накалялась, сказывались личные трения между Александром I и Меттернихом.

Тем не менее комиссия представила на заседание конференции пяти государств 11 февраля 1815 года текст договора, согласно кото-

рому саксонский король, восстановленный на своем наследном престоле, сохранял большую часть своей территории с городами Лейпциг и Дрезден. Австрия получала восточные округа Галиции и отказывалась от Западной Галиции, которой владела с 1795 по 1809 год. К ней также отходили Тироль, Зальцбург, Иллирия, подтверждались ее права на итальянские земли, которые были обещаны ей по Парижскому договору. Пруссия пополнила свои владения Шведской Померанией, получила Северную Саксонию с населением 850 тыс. человек, обширные земли по левому берегу Рейна, Вестфалию, некоторые северогерманские территории, которые ранее предназначались Ганноверу. Пруссия и Австрия обязывались признать учреждение Царства Польского, царем которого будет российский император и которое получит конституцию. Все эти постановления явились предметом целого ряда отдельных трактатов, которые вошли в Заключительный акт конгресса (ст. 1–26). Решения эти отнюдь не удовлетворяли Пруссию, однако Александр I получил то, что хотел, — Царство Польское и конституцию там.

Главные и самые сложные проблемы (польская и саксонская) в основном были решены, и участники конгресса почувствовали было облегчение, как неожиданное известие изменило весь ход событий. В ночь с 6 на 7 марта было получено сообщение, что Наполеон покинул остров Эльбу, высадился у бухты Жуан и движется по направлению к Парижу. События развивались стремительно, и 20 марта он был уже в Фонтенбло. Людовик XVIII и его двор так поспешно покинули дворец, что второпях забыли экземпляр секретного тройственного договора.

Наполеон, желая расположить к себе Александра I и внести раскол в ряды участников Венского конгресса, тут же переслал его через секретаря русской миссии П.С. Бутягина российскому императору. Получив документ, Александр I пригласил к себе К. Меттерниха и молча протянул ему бумагу. Может быть, впервые в жизни Меттерних не нашелся что сказать, был крайне смущен последовавшими затем словами русского императора: «Пока мы оба живы, об этом предмете никогда не должно быть разговора между нами. Нам предстоят теперь другие дела. Наполеон возвратился. Наш союз должен быть теперь крепче, нежели когда-либо»¹⁴ — и бросил документ в огонь. Александр I получил от этой встречи полное удовлетворение. Он вновь сделал благородный шаг, не попал в положение обиженного и обманутого политика. Наоборот, он выступил инициатором создания союза, направленного против Наполеона, подтвердив принципиальность своей политики. Так 25 марта 1815 года возникла последняя (VII) антинаполеоновская коалиция в составе Англии, России, Пруссии и Австрии. Вскоре к этому военному союзу присоединились многие другие государства Европы. Главнокомандующим коалиционными войсками стал английский фельдмаршал герцог Артур

Веллингтон. Противоборствующие силы были неравны. Несмотря на отдельные успехи, войска Наполеона терпели поражение.

Возвращение Наполеона заставило Венский конгресс работать быстрее. Близилась к решению итальянская проблема. Талейран, выступая в роли активного поборника принципа легитимизма, настоятельно требовал изгнания с неаполитанского трона Иоахима Мюрата, одного из маршалов наполеоновской армии, и восстановления прав законного монарха Фердинанда IV. Александр I недолюбливал Мюрата и не противился планам Талейрана. Русские уполномоченные имели четкую позицию в этом вопросе: «Оставление Мюрата наносит ущерб делу Бурбонов, вредно для интересов Франции, для спокойствия Италии и даже для упрочения австрийской власти в Милане и Венеции. Возвращение короля Фердинанда в Неаполь при активном содействии главных держав является событием, которое усиливает и укрепляет принципы легитимизма и ослабляет все еще существующую угрозу со стороны партии, созданной Наполеоном во Франции и Италии. Все это могло бы укрепить власть и авторитет Людовика XVIII и, быть может, дать новое направление общественному мнению французской нации»¹⁵.

Основным противником французской делегации была Австрия, которая не хотела делить свое влияние в Италии с Францией. Кроме того, в соответствии с секретными статьями австронеаполитанского договора от 11 января 1814 года Австрия обязывалась сохранить Мюрата на троне. Поэтому К. Меттерних всячески затягивал решение этой проблемы. Коварство Меттерниха заключалось в том, что он хотел руками самого Мюрата подготовить его собственное поражение и гибель.

Мюрат сам разорвал договор с Австрией. Неаполитанская армия была разбита австрийцами. 19 мая Мюрат покинул Неаполь и через пять месяцев был расстрелян. Власть Бурбонов была восстановлена. Решение этого вопроса дало возможность Австрии получить Ломбардию, Венецию, Вальтелину, Триест, Далмацию, Иллирию, Тироль. Тоскана переходила в наследное владение эрцгерцога Фердинанда Австрийского, а Модена — эрцгерцога Франца д'Эсте. Парма была предоставлена дочери австрийского императора Франца I, жене Наполеона I Марии-Луизе в пожизненное владение. Таким образом, Австрия укрепила свое господствующее положение в раздробленной Италии и при помощи Англии и Франции проводила политику подавления национальных движений. Конгресс санкционировал все эти территориальные изменения.

На конгрессе также была решена судьба множества мелких германских государств. Из представителей Австрии и Пруссии в апреле 1815 года был создан комитет для подготовки проекта федеральной конституции Германского союза. 8 июня 1815 года представители германских княжеств, вольных городов, император Австрии, короли Прус-

сии, Дании, Нидерландов, Баварии, Вюртемберга, Саксонии подписали федеральную конституцию Германии. Акт провозглашал создание Германского союза, целью которого объявлялось «соблюдение внешней и внутренней безопасности Германии, независимости и неприкосновенности принадлежащих к оной земель». Суверенитет каждого из государств, входивших в Германский союз, ограничивался обязательствами не заключать соглашения, направленные против федерации. Каждое из государств имело по одному представителю (но с разным количеством голосов) в общегерманском сейме. Председательство и главная роль в союзе принадлежали Австрии.

Границы Франции были определены в соответствии с Парижским договором 1814 года. Еще один узел территориально-государственных проблем затрагивал Швейцарию. По решению Венского конгресса в ее состав были включены Валлис, Женева, Невшатель. В результате Швейцария стала конфедерацией из 19 кантонов и была провозглашена нейтральным государством.

Великобритания получила приращение в своих колониальных владениях: за ней были закреплены Капская область на юге Африки, острова Цейлон, Мальта и другие захваченные ею колонии.

Наконец, подготовительная работа над текстом Заключительного акта Венского конгресса (так единодушно решили назвать итоговый документ его участники) была завершена, все противоречия урегулированы, а формулировки окончательно отточены. 9 июня 1815 года состоялось его торжественное подписание. В основной части Заключительного акта была 121-я статья, которая зафиксировала все территориально-государственные изменения. Сюда же были внесены «Акт о Германском союзе» и документы о создании королевства Нидерландов, образованного из Голландии и Бельгии (ст. 55, 56). В Заключительный акт Венского конгресса кроме основной части входили 17 приложений: декларация об отмене работорговли, положение о свободе речных путей, положение о старшинстве дипломатических агентов и пр. Согласно документам Венского конгресса во Франции, Испании, Неаполитанском королевстве восстанавливалась власть Бурбонов.

9 июня 1815 года Заключительный акт Венского конгресса был подписан уполномоченными восемью государствами: России, Австрии, Англии, Испании, Португалии, Пруссии, Франции и Швеции. В течение последующих пяти лет к Венскому трактату присоединились еще 33 государства¹⁶.

На Венском конгрессе еще больше раскрылось дипломатическое искусство Александра I, что не осталось незамеченным современниками. «Государь сам занимается делами, относящимися до Конгресса, — записывает А.И. Михайловский-Данилевский, впоследствии известный военный историк. — В затруднительных случаях, где уполномоченные

его встречают противоречие, он лично ведет переговоры не только с монархами, но даже с министрами их, которые проводят с ним наедине по несколько часов в его кабинете, в жарких спорах...». Он был особенно незауряден, когда, по мнению этого автора, «надлежало расцезь новый Гордиев узел, удержав за собою первенствующее место, лично вел переговоры с иностранными дворами, не страшился возражений искуснейших государственных мужей своего века и торжествовал над ними не силою, но убеждением и превосходством своих умственных способностей»¹⁷.

Итак, Венский конгресс, длившийся почти год, поспешно был завершен. Статьи Заключительного акта отразили сложившееся между государствами соотношение сил, был закончен 25-летний период непрерывных европейских войн, начиналась эпоха мира. Роль России в Европе неизмеримо возросла.

Подводя итоги работы Венского конгресса, в первую очередь следует отметить, что в основу его решений был положен принцип легитимизма: законные династии были возвращены на свои престолы. Кроме того, государства, способствовавшие низвержению Наполеона, получили территориальные вознаграждения, у границ Франции создавались барьерные государства.

Перекраивая карту Европы, конгресс игнорировал права национальностей, что в дальнейшем и привело к возникновению национально-освободительных движений в Италии, Германии, Польше. Россия, победительница в войне с Наполеоном, получила столь желаемое Царство Польское. Однако нельзя не отметить, что включение Польши в состав России, как показал дальнейший ход событий, принесло ей немало сложностей и создало впоследствии (буквально через десяток лет) такую проблему, решение которой затянулось на долгие десятилетия.

14(26) сентября 1815 года в Париже произошло знаменательное событие — был заключен Священный союз монархов России, Австрии и Пруссии¹⁸. Акт этого союза был составлен Александром I. Союз монархов рассматривался как объединение христианских правителей Европы. Главы государств союза обещали друг другу помощь и поддержку. Такая неопределенность давала возможность следующего толкования акта о Священном союзе: помощь и поддержка обязательны в том случае, когда государи столкнутся с неповиновением своих подданных. В основу Священного союза были положены идеи обеспечения стабильности в Европе, а также противопоставления христианской идеологии революционной. И, безусловно, важное место занимали теория легитимизма и ее использование в борьбе с революциями. По мнению Александра I, заключение Священного союза было итогом многолетней борьбы против Наполеона и проявления «революционного духа в Европе».

Позднее к Священному союзу присоединился Людовик XVIII, а затем в течение 1815–1817 годов и большинство монархов Европы, за исключением Англии, Турции и папского двора.

Полное поражение наполеоновских войск 18 июня 1815 года в сражении при Ватерлоо, нанесенное им намного превосходящими по численности английскими и прусскими войсками, заставило Наполеона 22 июня отречься от престола и сдаться англичанам. После этого он был отправлен на далекий от Франции остров Святой Елены. Коалиционные войска вновь вступили в Париж, с ними вернулся Людовик XVIII. После этих событий в ноябре 1815 года был заключен новый договор России с Францией, Англией, Австрией и Пруссией — так называемый Второй Парижский мир¹⁹. Он не только подтвердил основные условия Первого Парижского мира и Венского конгресса, но и ужесточил их: теперь за Францией сохранялись границы 1790 года, она должна была выплатить контрибуцию в размере 700 млн франков, часть французских крепостей на северо-востоке страны подверглась оккупации 150-тысячной армией союзников сроком на три — пять лет.

Мирный договор с Францией, возобновленный договор о Четверном союзе и Заключительный акт Венского конгресса легли в основу международных отношений посленаполеоновской эпохи, вошедших в историю под названием венской системы. Интересы держав-победительниц были столь противоречивы, что они сочли за благо не обсуждать ряд острых международных проблем, в первую очередь восточный вопрос. По другим же вопросам на Венском конгрессе были приняты решения компромиссного характера. Парадоксально, но факт, что принятию этих решений в немалой степени способствовал сам Наполеон, наглядно показавший своим противникам во время «Ста дней» существенную уязвимость их положения и во Франции и в целом в Европе. Поэтому на заключительном этапе Венского конгресса членам антинаполеоновской коалиции пришлось преодолеть взаимные противоречия и принять компромиссные решения, хотя уже тогда они понимали, что политическое равновесие в Европе не будет прочным и поэтому сохранить его возможно только путем лавирования, взаимных уступок и коллективных действий.

2. Европейская политика России в период формирования венской системы (1816–1817 гг.)

Ведущая роль в венской системе принадлежала членам Четверного союза. Однако как внутри союза, так и в европейской политике позиции и влияние России, Англии, Австрии и Пруссии были неодинаковыми —

лидерство оставалось за Россией и Англией. Не обладая промышленной и морской мощью Великобритании и военным могуществом России, Австрия довольно часто шла в фарватере британской политики, так как и Лондон, и Вена стремились не допустить усиления влияния России в Европе. Что же касается Пруссии, которая не имела ни экономического, ни политического, ни военного превосходства, то она в зависимости от конкретных условий и проблем то присоединялась к Австрии, то разделяла точку зрения Лондона или Петербурга.

Разгром наполеоновской империи привел к значительному росту международного авторитета России и укреплению ее положения в Европе. Царская Россия расширила свою территорию за счет земель бывшего герцогства Варшавского, еще ранее — Финляндии и Бессарабии. Российское правительство стремилось использовать результаты победы в первую очередь для упрочения своих границ, расширения политического влияния в Европе и на Балканах, укрепления мирных отношений и позиций дворянско-монархических режимов на континенте. Подобная умеренная программа была результатом вполне адекватной оценки расстановки политических сил на международной арене и анализа внутреннего положения страны. Острейшая дипломатическая борьба на Венском конгрессе, пребывание за границей, в том числе и поездка в Англию в 1814 году, убедили Александра I в необходимости проводить достаточно осторожную политику, чтобы сохранить и по возможности укрепить венскую систему.

Внешняя политика лондонского кабинета была направлена на расширение политического влияния Англии в Европе, на укрепление преобладающего положения на европейском рынке британских товаров, поиски новых обширных рынков сбыта и сфер влияния в других регионах. Следует отметить, что английскому правительству больше, чем европейским монархам, приходилось считаться с общественным мнением внутри своей страны и с деятельностью оппозиции. Но оно имело уже достаточный опыт в политических интригах, в умении камуфлировать истинные цели пышной либеральной фразеологией. Во главе английского министерства иностранных дел стоял представитель знатной аристократической фамилии, убежденный консерватор, «самый европейский из всех министров иностранных дел Великобритании» лорд Роберт Каслри. Он разделял в основном взгляды своих европейских коллег и одобрял реставрацию дореволюционных политических порядков в Европе на основе принципа легитимизма. Однако лорд Каслри, твердо усвоив и полностью поддержав старую традицию британского кабинета, предпочитал не афишировать настоящие, подлинные цели английского правительства в европейских делах и не высказывать своего истинного отношения к тем или иным событиям. Правда, иногда он бывал довольно откровенен. Так,

в одной из бесед с русским послом в Лондоне Х.А. Ливеном он весьма четко изложил кредо английской дипломатии: «Действуйте же там, где надо действовать, но не делайте заявлений, излагающих ваши принципы: они могут лишь помешать достижению поставленной вами цели»²⁰. Британский кабинет подписывал лишь те акты, принятые европейскими союзниками, которые по тем или иным причинам считались выгодными или необходимыми для Англии. Отсутствие же официального присоединения к некоторым соглашениям европейских монархов, например к Священному союзу, позволяло сент-джеймскому кабинету выглядеть в глазах общественности сторонником либеральных идей и радикальных преобразований и сохранять немалое влияние на освободительное движение на Балканах и в Латинской Америке.

В первые годы господства венской системы петербургский кабинет и его союзники по Четверному и Священному союзам довольно часто прибегали к либеральной фразеологии и широкообещательным обещаниям, а иногда были готовы пойти на компромисс и сделать некоторые уступки буржуазному развитию.

Как реальный политик, Александр I хорошо понимал, что для сохранения устойчивости основ порядка Реставрации следует учитывать «дух времени» и опасность возникновения революционных волнений. В письме лорду Каслри от 21 марта (2 апреля) 1816 года он отмечал, что еще «есть страны, где упорно пытаются сразу же возродить институты, изжившие себя. Там слишком мало считаются с новым мировоззрением народов, которые надлежит постепенно привести к устойчивому порядку и миру»²¹. Такая противоречивость и двойственность во взглядах царя сказались как на внешнеполитическом курсе России, так и на руководстве Министерством иностранных дел, которое с конца 1815 года фактически возглавляли два человека — И.А. Каподистрия и К.В. Нессельроде.

По своим личным и деловым качествам это были весьма разные люди, во взглядах которых нередко проявлялись как бы два подхода к решению внешнеполитических задач России того времени. Старшим статс-секретарем считался Карл Васильевич Нессельроде, назначенный в августе 1816 года управляющим Министерством иностранных дел. Сын обедневшего немецкого дворянина и дочери богатого еврейского банкира, появившийся на свет на борту английского судна, шедшего в Лиссабон, куда был направлен его отец по повелению Екатерины II, Нессельроде верно служил интересам царствующей династии. Он всегда придерживался самых консервативных взглядов, был точным и добросовестным исполнителем царской воли, примерным чиновником, хорошо составлявшим дипломатические бумаги.

По единодушному свидетельству современников, до 1822 года неизмеримо больший вес и авторитет в петербургском кабинете имел Иоанн

(Иван) Антонович Каподистрия. Представитель знатного аристократического греческого рода, получивший блестящее образование, он тонко разбирался в хитросплетениях европейской дипломатии, умело и твердо отстаивал интересы России на международной арене. Будучи по своим взглядам умеренным либералом, Каподистрия понимал необходимость отказаться от защиты наиболее изживших себя структур феодального общества. Большинство русских дипломатических представителей того времени, направляя официальные донесения Нессельроде, вели частную переписку с Каподистрией. Французский поверенный в делах отмечал, что «г-н Нессельроде обычно связан с дипломатическим корпусом и ведет официальные беседы, но ничего сегодня не делается без г-на Каподистрии, у которого тайком получают частную аудиенцию»²². Главенствующее положение Каподистрии признавал и Нессельроде, когда в одном из писем к жене весьма откровенно подчеркнул: «Если б Каподистрия должен был оставить службу государя, я сам не остался бы ни минуты, по простой причине, что не чувствую себя способным, будучи одному, управлять делами»²³.

В Каподистрии Александр I, без сомнения, ценил острый ум, обширные знания и прекрасные дипломатические способности, в Нессельроде — умелого чиновника, который с его слов или на основе беглых заметок мог быстро составить нужную бумагу. Однако не следует преувеличивать степень влияния Каподистрии на выработку внешнеполитического курса страны: и он, и Нессельроде в конечном счете выполняли волю императора. В это время в консервативной по своей сути политике Александра I проявилось стремление путем некоторых реформ приспособить царизм к новым общественно-политическим реалиям Европы. Кроме того, царь нередко прикрывал либеральной фразеологией вполне конкретные политические цели — не позволить своим союзникам занять места, где до того преобладало влияние наполеоновской Франции. Можно полагать, что в Каподистрии Александр видел человека, взгляды и деятельность которого были полезны для проведения политики компромиссов.

В первые годы существования венской системы европейские проблемы занимали основное место во внешней политике России. Рост международного авторитета и укрепление позиций России в Европе вызывали беспокойство у союзников. Россия противостояла британским притязаниям на преобладающее положение на континенте и стремлению Австрии усилить свои позиции в германских государствах и на Балканах. Царское правительство знало о неоднозначной реакции на заключение Священного союза не только в Англии, но и в странах — создательницах этого союза. Такая реакция союзных дворов в целом была не случайной. Первоначально царское правительство действительно хотело использовать эту организацию для поддержания равновесия сил в Европе

и противопоставить Священный союз Четверному, в рамках которого активно шло англоавстрийское сближение. Кроме того, еще на Венском конгрессе Александр I высказал мысль о необходимости поставить христианские народы Османской империи под защиту всей Европы, а Священный союз мыслился как объединение христианских государей для защиты христианских народов. Именно попытка Александра I с помощью Священного союза встать на путь радикального решения ближневосточной проблемы и породила столь двойственное отношение к нему. А в итоге Священный союз был признан только как центр противодействия европейскому революционному движению.

Британскую дипломатию тревожило укрепление позиций России в Европе. Она усиленно искала партнера для противодействия этому процессу. Каслри считал, что «из всех держав только Австрия в силу своего географического положения и политики могла бы оказать противодействие России», поэтому необходимо «направить политику сент-джеймского кабинета к тому, чтобы поддерживать Австрию, покровительствовать ей и создать совместно с ней своего рода противовес преобладающему могуществу России»²⁴. Венский кабинет не только поддерживал английские демарши, направленные против интересов России, но и сам выступал в роли подстрекателя в дипломатических интригах. Российские представители в Вене неоднократно отмечали стремление канцлера Меттерниха «сколь возможно косвенно нам вредить», воздействуя соответствующим образом на союзных дипломатов, находившихся в австрийской столице.

Анализируя донесения российских представителей при союзных дворах, Каподистрия пришел к верному и весьма тревожному выводу: Австрия стремится сблизиться с Пруссией, намереваясь изолировать Россию в Европе, а Англия всецело поддерживает австрийские действия. Более того, «державы, намеревавшиеся проводить в отношении нас несправедливую политику, готовятся поддерживать ее силой оружия»²⁵.

К весне 1816 года антирусская направленность английских и австрийских действий в рамках Четверного союза стала вполне очевидной. Подобное положение вновь поставило перед российской дипломатией вопрос о соотношении Четверного и Священного союзов. Петербургский кабинет стремился привлечь к Священному союзу большинство европейских государств, в том числе и Англию, подчеркивая его охранительную сущность, и тем самым нейтрализовать англо-австрийские интриги. Однако и Петербург, и союзные кабинеты были заинтересованы в сохранении Четверного союза как гаранта определенной стабильности на континенте.

Занимая ведущее положение в Европе, правительства Англии и России понимали необходимость достижения согласованных действий для

решения большинства европейских вопросов. Поэтому неслучайно Каслри в инструктивном письме английскому послу в Петербурге В. Каткарту подчеркивал, что следует рассеять впечатление, «будто русские и английские интересы должны быть противоположны друг другу как интересы соперников, борющихся за влияние, а не интересы союзных держав, сотрудничающих ради общего дела — поддержания порядка и мира»²⁶. Со своей стороны, российская дипломатия также стремилась побудить лондонский кабинет выработать единое мнение по ряду важных европейских проблем.

Весной 1816 года Александр I, принц-регент Георг и Каслри обменялись посланиями, в которых постарались выяснить как степень взаимной заинтересованности в решении тех или иных проблем, так и вопросы, по которым у Лондона и Петербурга были различные точки зрения. Российское правительство понимало, что наиболее серьезное противодействие своим внешнеполитическим планам оно может встретить именно со стороны Англии. Неслучайно в сопроводительной депеше послу Ливену подчеркивалось, что «от того, насколько подробно мы будем знать о взглядах английского правительства, будут зависеть дальнейшие демарши Его Величества»²⁷.

Предпринятый дипломатический зондаж был вполне успешным. Несмотря на то что в своих донесениях Ливен отмечал скрытое недоверие и подозрительность сент-джеймского кабинета в отношении политики России, а также постоянные антирусские и не совсем безуспешные интриги австрийских дипломатов в Лондоне, основной итог этой дипломатической переписки был все же положительным. В ответах принца-регента и Каслри на послания Александра I подчеркивалось большое влияние внешнеполитического курса России на судьбы Европы и выражалась готовность действовать совместно с петербургским кабинетом для обеспечения прочного мира и стабильности «венской системы». Кроме того, отмечалась общность взглядов России и Англии на отношения с Францией и на урегулирование германских дел²⁸.

Одной из центральных проблем европейской политики в первые годы существования «венской системы» был вопрос об отношениях с Францией. Учитывая антирусскую направленность англо-австрийского сближения, которое шло в рамках Четверного союза, российское правительство стало ориентироваться на Францию, видя в ней противовес проискам Лондона и Вены и рассчитывая на ее поддержку в предстоящих дипломатических столкновениях. В отличие от союзников, петербургский кабинет стремился, чтобы Франция быстрее восстановила свой статус великой державы, а для этого было необходимо достичь стабилизации внутривнутриполитического положения в стране. Для лондонского кабинета

Франция была одной из главных соперниц, поэтому восстановление ее статуса великой державы не входило в английские планы.

Венский кабинет также был заинтересован в продлении неравноправного положения Франции, в ослаблении ее позиций и в Европе, и на Балканах. Кроме того, Меттерних продолжал видеть во Франции очаг революционной опасности и стремился всячески поддержать действия ультрароялистов, выступавших против «конституционной хартии» 1814 года. Ультрароялистские лозунги реакционных депутатов парламента обострили внутривластическое положение во Франции. Дипломатические усилия петербургского кабинета зимой и весной 1816 года были направлены на поддержку деятельности премьер-министра герцога Ришелье, стремившегося стабилизировать положение в стране на основе сохранения «конституционной хартии». Российская дипломатия, исходя из своих целей, приложила немало усилий, чтобы побудить союзников действовать в том же направлении.

Стремясь сохранить внешние признаки согласия, представители Англии и Австрии официально одобрили мероприятия французского правительства по пресечению деятельности ультрароялистов. В это же время личный представитель Александра I в Вене генерал А.И. Чернышев после бесед с Меттернихом пришел к выводу, что Англия и Австрия, даже не сговариваясь между собой, могут желать продолжения беспорядков во Франции: Австрия с ее «безграничным аппетитом» — в надежде на присоединение какой-либо французской провинции, Англия — в целях «увечивания там своего преобладающего и тягостного влияния»²⁹.

Осенью 1816 года британская дипломатия начала широкомасштабную интригу с целью сместить с поста премьер-министра герцога Ришелье. В Лондоне и Вене герцога считали ставленником Александра I³⁰. Тактика проволок и затяжек проявилась и в подходах английской и австрийской дипломатии к решению наиболее важных для Франции вопросов: о сроках пребывания на ее территории оккупационных войск и о выплате контрибуции. Петербургский кабинет был готов поддерживать просьбу французского правительства о сокращении оккупационной армии, тем более что главнокомандующий оккупационными войсками герцог А. Веллингтон еще в декабре 1815 года в письме Александру I сообщил, что разделяет мнение Ришелье о целесообразности быстрого вывода иностранных войск. Однако в июне 1816 года Веллингтон счел постановку этого вопроса преждевременной и советовал Ришелье не обращаться с официальной просьбой к союзникам до конца года. Несмотря на заинтересованность в быстром положительном решении вопроса, петербургский двор не хотел выступать инициатором в этом деле и решать его лишь своими усилиями, стремился привлечь всех членов Четверного союза к обсуждению и решению этих проблем³¹.

Совместными усилиями русским и французским дипломатам удалось убедить венский двор в своей правоте, и австрийский посланник в Париже включил декларацию о сокращении союзных войск в протокол конференции послов союзных держав, не дожидаясь ответа английской стороны. Понимая, что проблема выплаты контрибуции в первую очередь тормозит решение вопроса о сокращении оккупационной армии, парижский кабинет осенью 1816 года начал переговоры с английским и голландским банкирскими домами Беринга и Гоне о получении займа. Эти переговоры успешно завершились в январе 1817 года, а в феврале союзные представители в Париже приняли решение сократить оккупационную армию на 30 тыс. человек³².

Дальнейшие демарши российского правительства были направлены на то, чтобы добиться досрочного вывода всех союзных войск из Франции к концу 1818 года и упорядочить выплату контрибуции и других платежей. Статс-секретарь Каподистрия в депешах российскому послу в Париже К.О. Поццо ди Борго подчеркивал важность успешного решения этих вопросов для быстрого восстановления Францией ее политического влияния в Европе, что в то время отвечало и интересам России. Анализируя в целом благоприятную для Франции обстановку, посол уже осенью 1817 года высказал мнение, что в скором времени можно «заменить лигу, существующую теперь против Франции, всеобщим пактом с ее полноправным участием»³³. Эта фраза весьма примечательна. Видимо, уже осенью 1817 года у петербургского кабинета появилась мысль о расширении Четверного союза за счет включения в него Франции, чтобы создать существенный противовес проискам английской и австрийской дипломатии.

Видя неэффективность политики затяжек и проволочек, британское правительство решило изменить тактику и вернуть Францию в орбиту своей политики. Каслри в беседах с русским послом в Лондоне Ливеном отметил, что союзники должны проявить умеренность в своих требованиях к Франции. Тем самым он формально одобрил меморандум о долгах Франции, в котором предполагалось их значительное сокращение. Однако окончательное решение проблем французских платежей и вывода оккупационных войск из Франции произошло на Ахенском конгрессе.

Острейшие проблемы посленаполеоновской эпохи были связаны с урегулированием отношений и территориальных споров германских государств. Решения Венского конгресса закрепили территориальную раздробленность Германии и усилили австропрусское соперничество за лидерство в Германском союзе. Кроме того, венский двор стремился увеличить свои территориальные приобретения в Италии и в целом усилить австрийское влияние в итальянских землях.

Территориальные притязания Англии не относились к Европейскому континенту, поэтому в германских делах лондонский кабинет опирался на принцип равновесия сил в Европе (в его, британском понимании). Британское правительство считало, что усилившиеся Пруссия и Австрия вместе с объединенными Нидерландами и Бельгией составят своеобразный антифранцузский барьер, а постоянная австро-прусская борьба за лидерство в Германском союзе предоставит английской дипломатии возможность вмешиваться в германские дела в собственных интересах. Заинтересованный в обширном немецком рынке, лондонский кабинет стремился к скорейшему улаживанию территориальных споров германских государств на основе Венских соглашений, которые, закрепляя раздробленность страны, делали ее неконкурентоспособной. Однако рассчитывая использовать Австрию в дипломатической борьбе с Россией, английское правительство в определенной мере поддерживало как ее территориальные притязания, так и ее стремление лидировать в Германском союзе³⁴.

Царское правительство в большей степени ориентировалось на Пруссию, так как стремилось использовать свой возросший авторитет для расширения влияния на Балканах и в решении восточного вопроса. В этих российских устремлениях Австрия была скорее соперником, чем союзником, а Пруссия, в сферу непосредственных интересов которой эти вопросы еще не входили, могла оказать России определенную дипломатическую поддержку. Петербургский кабинет, так же как и лондонский, стремился к быстрому урегулированию территориальных споров немецких государств на основе Венских договоров и полагал, что равновесие в Европе будет более устойчивым, если два наиболее сильных государства — Австрия и Пруссия не будут иметь преобладающее влияние в Германском союзе. Поэтому российская дипломатия* противодействовала австрийским планам как в Германии, так и в Италии, а также попыткам Лондона поддержать итальянские притязания венского двора³⁵. Неустойчивость внутреннего положения в германских государствах приводила к распространению в них либеральных и революционных идей, что крайне беспокоило и царское правительство, и его союзников. Поэтому члены Четверного союза, несмотря на определенное расхождение во взглядах на решение германских проблем, проводили в целом согласованную политику в этих вопросах.

В первые годы утверждения венской системы значительно активизировались отношения России с Испанией, которую российское правительство рассматривало как некоторый противовес возросшему влиянию Англии на юге Европы и в Средиземноморье. Англия стремилась

* Российская дипломатия стремилась к тому, чтобы малые немецкие государства сохраняли свою самостоятельность, что расширяло возможность ее дипломатического маневра при решении спорных европейских проблем.

вытеснить Испанию из ее латиноамериканских колоний, использовать разворачивавшееся там национально-освободительное движение в своих целях и превратить этот регион в сферу английского влияния. В ответ на это мадридский двор стал откровенно и даже нарочито подчеркивать свои дружественные отношения с Россией, побуждая российское правительство поступать так же³⁶. Хотя Александр и разделял в то время мнение Каподистрии, что англо-австрийскому сближению против России следует противопоставить укрепление отношений с Францией и Испанией, но предпочитал проводить более осторожную политику и избегать открытой дипломатической конфронтации с Англией или Австрией.

Определенные сложности в отношениях России с союзниками появились уже в ходе обсуждения вопроса об испано-португальском конфликте из-за восточного берега Рио-де-Ла-Платы. Лондонский кабинет негласно поддерживал Португалию и стремился склонить к этому Австрию. Мадридский двор через своего посланника в Петербурге обратился с просьбой о помощи в урегулировании конфликта. Российская дипломатия приняла активное участие в этом посредничестве, и в марте 1817 года представители России, Австрии, Пруссии и Франции направили правительству Португалии совместную ноту, в которой определили его действия как агрессию, потребовав разъяснений. В этих условиях лондонский кабинет был вынужден, хотя и формально, присоединиться к демаршу европейских дворов.

Активизация русско-испанских отношений, тот положительный результат, который дали посреднические усилия российской дипломатии в испано-португальском конфликте, а также возросшее влияние при мадридском дворе русского посланника Д.П. Татищева вызвали у союзников необоснованные опасения, что Александр I ищет предлог для вмешательства в дела Южной Европы и Латинской Америки. Особое беспокойство русско-испанские отношения породили в Лондоне. Оно подогревалось донесениями английских дипломатов, которые содержали иногда совершенно недостоверные сведения и разного рода слухи и домыслы. Так, например, английский поверенный в делах в Мадриде Воган сообщал о якобы подписанном испанским правительством договоре об уступке России острова Менорка для организации там стоянки русских военных кораблей в Средиземном море в обмен на вооруженную поддержку Испании против восставших латиноамериканских колоний³⁷. В печати некоторых стран началась настоящая антирусская кампания, которая закончилась конфиденциальным запросом союзников о характере русско-испанских отношений.

Такая ситуация, чреватая серьезными осложнениями в отношениях России с союзными дворами, вызвала большое беспокойство в Петербурге. Татищеву в Мадрид были направлены новые инструкции, в ко-

торых категорически предписывалось опровергать слухи об «особом характере» русско-испанских отношений, подчеркивать, что Россия строит свои отношения со всеми странами на основе Парижских и Венских соглашений. В этих же инструкциях отмечалось: главная причина беспокойства союзников — в убеждении, что Россия осуществляет при посредничестве Испании большое влияние в Средиземноморье и Атлантике и что подобное объединение огромных сил, к которым присоединится и Франция, будет способно управлять судьбами мира³⁸.

Причины, вызывавшие тревогу союзников, здесь названы весьма точно. Перспектива усиления русских позиций в Средиземноморье и возможность появления русской эскадры вблизи Балкан, Греции и Ионических островов были крайне нежелательны как для Англии, так и для Австрии. Однако следует отметить, что и в Лондоне, и в Вене значительно переоценивали и планы, и реальные возможности такого русско-франко-испанского блока. С одной стороны, царское правительство не стремилось к созданию союза, который нарушил бы баланс сил в Европе. С другой стороны, русская дипломатия понимала, что подобный союз вызовет контрмеры, направленные против России, а это может привести и к военному столкновению. И наконец, сама Испания, с ее неустойчивым внутренним положением, находясь в состоянии конфликта с Португалией (за спиной которой стояла Англия), имея восставшие латиноамериканские колонии и проводя весьма неумелую, а главное, непостоянную внешнюю политику, вряд ли могла рассматриваться как выгодный союзник, из-за которого стоило бы идти на обострение отношений с такими странами, как Англия и Австрия. Неслучайно в упомянутой инструкции отмечалось, что российское правительство желает восстановить испанское могущество в обоих полушариях, но только с помощью коллективных мер союзников.

Слухи об «особом характере» русско-испанских отношений, видимо, распространялись не только английскими и австрийскими агентами. Их усиленно поддерживало само испанское правительство, стремившееся таким образом поднять свой престиж в Европе. Эта тенденция особенно усилилась в связи с переговорами о продаже Испании нескольких русских военных кораблей. Мадридский двор не хотел этот договор обнародовать, включив в него секретную статью. Российским дипломатам как в Мадриде, так и при всех европейских дворах пришлось приложить немало усилий, чтобы придать подписанный договор самой широкой гласности и развеять тем самым нелепые слухи о «серьезных уступках» Испании в пользу России и о «секретном договоре с нею»³⁹.

Во взаимоотношениях Испании с европейскими странами в этот период существовал еще один аспект. Он был связан с ростом национально-освободительного движения в ее латиноамериканских колониях.

Наполеоновские войны нарушили традиционные связи Испании с ее латиноамериканскими колониями и дали возможность Англии в обход запретительной политики мадридского двора расширить торговые отношения с этими колониями и постепенно втянуть их в сферу своего влияния. Испанское правительство было готово предоставить Англии определенные торговые преимущества, но взамен требовало активной помощи в подавлении восстания в колониях. Восстановление там испанского владычества противоречило английским интересам. В июле 1817 года мадридский двор обратился к конференции дипломатических представителей стран Четверного союза в Париже с просьбой обсудить вопрос о посредничестве между Испанией и ее колониями.

Российское правительство хорошо понимало, что место Испании в Латинской Америке сможет занять только Англия. Потеря Испании ее колоний значительно ухудшала ее международное положение, что, в свою очередь, влияло на расстановку политических сил в Европе и делало Испанию невыгодным партнером в дипломатической борьбе. С другой стороны, определенные круги в России были заинтересованы в развитии торгово-экономических связей с Латинской Америкой, в получении оттуда колониальных товаров. Петербургский кабинет справедливо полагал, что без английского вмешательства не решить ни вопроса об испано-португальском конфликте, ни вопроса об урегулировании колониальных проблем, и стремился примирить английскую и испанскую точки зрения на эти проблемы. Такая попытка была сделана в меморандуме «О переговорах по поводу Рио-де-Ла-Платы и вообще об умиротворении колоний»⁴⁰. Однако меморандум не достиг цели: и Англия, и Испания его отвергли. Испанское правительство считало, что суть английских предложений не изменилась и, следовательно, для Испании они неприемлемы. Для Великобритании русские предложения были невыгодны, ибо они основывались на формальном сохранении латиноамериканских колоний за Испанией. Дальнейшее обсуждение этой проблемы шло уже в рамках подготовки и работы Ахенского конгресса.

Европейские проблемы занимали важное место во внешней политике России в 1816–1817 годах. Подходы к их решению у петербургского кабинета и его союзников различались, что вызывало взаимное недоверие и беспокойство (особенно стремление русской дипломатии противопоставить англо-австрийским интригам в рамках Четверного союза сближение с Францией и Испанией). Однако, ведя иногда довольно острую дипломатическую борьбу, союзные кабинеты все же не хотели серьезно осложнить отношений, проявляя заинтересованность в сохранении Четверного союза, в котором видели своеобразного гаранта упрочения венской системы, и направляли дипломатические усилия на поиски взаимоприемлемого компромиссного решения спорных европейских проблем.

3. Дипломатия России и стран Четверного союза накануне и во время Ахенского конгресса (1818 г.)

В целях дальнейшего укрепления политического равновесия в Европе началась подготовка международного Ахенского конгресса. Предложение о встрече союзных дворов для обсуждения положения во Франции было сделано австрийским канцлером К. Меттернихом еще в марте 1817 года. Этот демарш имел далеко идущие цели. Меттерних стремился, во-первых, ослабить политическую оппозицию Бурбонам и пресечь нарастание революционных настроений в Европе; во-вторых, выступив сторонником возвращения Франции в ряды великих держав, уменьшать влияние на нее России; в-третьих, связав Францию договорными обязательствами с Англией, Австрией и Пруссией, не допустить усиления русско-французского влияния в Европе. Канцлер предлагал избрать местом встречи союзников какой-нибудь тихий, небольшой немецкий городок, например Ахен, где бы германские правители не могли оказывать влияние на ход совещания.

Русский посол в Лондоне Ливен, сообщая о беседе с Каслри 28 мая (10 июня) 1817 г. по вопросу о возможной встрече союзников, подчеркнул, что существо этого демарша было подсказано австрийскому премьер-министру сент-джеймским кабинетом или по крайней мере согласовано между ними⁴¹. Ливен даже допускал, что «французские дела играют в этом лишь второстепенную роль, а главная цель английского правительства будет состоять в том, чтобы под благовидным предлогом упрочения спокойствия и доверия между народами добиться нового сокращения вооруженных сил России, чья военная мощь постоянно внушает страх британскому правительству».

В июле 1817 года Александр I согласился принять участие во встрече союзных держав, но считал, что проводить такое совещание следует на основе Парижского мирного договора 1815 года, то есть не ограничивать число участников встречи и непременно включить в их состав представителей Франции⁴². Таким образом, уже первые дипломатические демарши показали, что основным вопросом в ходе подготовки встречи союзников будет определение цели совещания и состава его участников.

Все союзные державы понимали, что французские проблемы займут центральное место на предстоящей встрече. Российская сторона считала, что такое совещание должно способствовать укреплению здания «всеобщего умиротворения», то есть «венской системы», и стремилась вынести на обсуждение и возможно ускорить решение довольно большого круга европейских проблем. Причем, по мнению петербургского кабинета, как в подготовке совещания, так и в ходе его работы могло

принять участие большинство европейских стран. Российским представителям при европейских дворах предписывалось предоставить точные сведения о намерениях европейских кабинетов.

Первым в марте 1818 года высказало свое мнение австрийское правительство. В посланиях Каподистрии канцлер Меттерних утверждал, что основной целью встречи должно быть рассмотрение внутривнутриполитического положения во Франции, исходя из статьи VI договора о Четверном союзе⁴³. Таким образом, австрийский двор рассчитывал провести совещание только на основе Четверного союза, что ограничивало число его участников и не давало русской дипломатии возможности маневрировать, опираясь на поддержку других европейских государств — не членов союза. Кроме того, Франция, по мнению Меттерниха, была бы неравноправным участником этой встречи. Если петербургский двор стремился избежать принципа исключения малых государств при проведении будущей встречи, то Вена, Берлин и Лондон придерживались противоположного мнения.

В конце марта 1818 года было получено послание лондонского кабинета по вопросам предстоящего совещания⁴⁴. Как и следовало ожидать, позиции Лондона в основном совпали с позицией венского двора.

Направляя инструкции российским дипломатам к подготовке Ахенского конгресса, Каподистрия учитывал не столько точки зрения союзников, сколько то, что они практически совпадают, не отвечая в целом интересам России. В инструкциях отмечалось, что Александр I согласен ограничить состав участников совещания, если на нем будет рассматриваться только один вопрос — о выводе союзных войск из Франции. Испанские дела, положение в Германии, проблемы охраны торгового мореплавания и другие вопросы император будет обсуждать лишь при участии заинтересованных держав⁴⁵. Александр I считал необходимым быстрый вывод иностранных войск из Франции, которая после их эвакуации займет надлежащее место в европейском содружестве. Однако он полагал, что союзникам следует принять меры для ограждения Франции и Европы, «во-первых, от революций и, во-вторых, от политики, порождающей революции или использующей их». При этом допускалась возможность создания конституционных режимов в некоторых европейских странах.

В ходе подготовки Ахенского конгресса в австрийских меморандумах от 5 и 16 апреля 1818 года утверждалось, что четыре союзные державы имеют неоспоримое и исключительное право изменять конвенции и договоры 1815 года, а также отклонять просьбы европейских стран об участии в совещании⁴⁶. Однако подобная программа могла подорвать политическое равновесие в Европе. Она вызывала тревогу и недовольство у большинства европейских дворов, и Меттерних был вынужден внести в нее

определенные изменения. В ее новом варианте вопросы, затрагивающие интересы других европейских государств, кроме вопросов о сроках прекращения оккупации Франции и ее роли в венской системе, следовало рассматривать при непосредственном участии заинтересованных сторон.

В конце апреля 1818 года российский МИД подытожил результаты обмена мнениями между союзниками и дал ответ на вопросы о цели и форме предстоящего совещания. Российский меморандум носил компромиссный характер, но в нем твердо проводилась мысль, что предметом официального обсуждения и принятия решений могут быть только французские проблемы. По остальным вопросам будет лишь неофициальный обмен мнениями⁴⁷. Таким образом, несмотря на декларируемое единство, существенные различия во взглядах России и ее союзников на цели будущей встречи сохранились. Англия и Австрия, а вслед за ними и Пруссия ставили во главу угла договор о Четверном союзе, который давал им несомненные преимущества, но не был выгоден России, так как существенно ограничивал для нее возможность дипломатического маневра. Русской дипломатии удалось добиться согласия союзников на то, что по всем европейским проблемам, кроме французской, никаких официальных переговоров и принятия решений не будет. Однако в остальных вопросах союзники были единодушны, поэтому в российском меморандуме содержалось немало компромиссных положений.

Но не все российские дипломаты считали эти уступки правильными и оправданными. Так, Поццо ди Борго в письмах Каподистрии в мае 1818 года обращал внимание на то, что Меттерних «намерен руками России оторвать ее (Россию. — *Авт.*) от Франции», стремясь, «чтобы мы стали жандармами Европы в отношении таких государств, как Франция и Испания»⁴⁴.

Далее вполне справедливо отмечалось, что английское правительство желает не допустить русского участия «в любом деле за пределами Европы», а Пруссия не только ненавидит Францию, но и не питает особых чувств к России. Исходя из этого, Поццо ди Борго считал, что если Англия и Австрия давно договорились между собой, то России, Франции и Испании тоже следует действовать совместно. Каподистрия разделял опасения посла. Он полагал, что Меттерних и Каслри, действуя сообща, вероятно, смогут повлиять на позицию Александра I. Действительно, царь отклонил предложения Каподистрии о более тесных отношениях с Францией и Испанией, опасаясь, что в конечном счете это приведет к серьезному обострению отношений в Европе. Кроме того, к середине мая 1818 года позиции Петербурга и Вены по вопросам предстоящего совещания несколько сблизились.

Посол в Англии Ливен открыто не предлагал противопоставить англо-австрийским планам сближение России с Францией и Испанией. Од-

нако в своих донесениях постоянно подчеркивал, что основная причина заинтересованности Вены и Лондона в сохранении и упрочении Четвертого союза состоит вовсе не в их обеспокоенности положением дел во Франции. Могущество и влияние России всегда внушали серьезные опасения Англии и Австрии, и они хотели бы лишить Россию свободы действий, связав ее жесткими обязательствами в рамках Четвертого союза⁴⁹.

В период подготовки Ахенского конгресса британский кабинет попытался дискредитировать в глазах российского правительства тех русских дипломатов, которые выступали за решительное противодействие англо-австрийским планам. Как уже говорилось, в 1817 году объектом такого внимания был посол в Мадриде Татищев, а затем жертвой интриги чуть было не стал посол в Париже Поццо ди Борго. В одной из секретных депеш на имя Каподистрии Ливен сообщал о беседе с Каслри, в которой английский министр отметил, что Поццо ди Борго будто бы слишком предан интересам Франции, чтобы выполнять функции дипломатического представителя России, и что это обстоятельство отрицательно влияет на отношения между союзниками. Ответная депеша Каподистрии носила весьма резкий и категоричный характер. Хотя она тоже была секретной, Ливену предписывалось довести ее основные положения до сведения британского министерства⁵⁰. Каподистрия недвусмысленно намекал на то, что Каслри вмешивается не в свое дело, что все предпринимаемое Поццо ди Борго делается с ведома или по указанию российского правительства, которое не спрашивает своего союзника, почему, например, в персидской армии столько английских офицеров. Видимо, подобное разъяснение было весьма эффективным, и больше этот вопрос не возникал.

Анализ дипломатических демаршей России и ее союзников в первые месяцы подготовки Ахенского конгресса показывает, что, достаточно решительно противодействуя наиболее явным попыткам союзников навязать ему свое мнение, российское правительство в то же время не хотело обострять отношения с Англией и Австрией и шло на определенные уступки. Во внешнеполитическом курсе России сохранялись стремление к коллективным действиям с союзниками по большинству европейских проблем, склонность к компромиссам и элементы либерализма. Все это нашло отражение в докладе МИД Александру I от 24 июня (6 июля) 1818 года «О встрече в Ахене»⁵¹. Написанный Каподистрией и одобренный царем, доклад, по существу, лег в основу программы действий российской делегации на Ахенском конгрессе.

Доклад «О встрече в Ахене» представляет собой глубокий анализ международных отношений в Европе первых лет существования венской системы, роли в ней России, истинных целей и стремлений ее союзников. Первая часть доклада посвящена характеристике Четвертого союза

и его места в международных делах. Указывая причины, побуждающие Англию и Австрию так постоянно и решительно защищать союзнические узы, Каподистрия отмечал, что они хотят «ограничить круг держав, имеющих право на исключительное руководство общей политикой и решение всех спорных вопросов». Прежде всего это относилось к России, которой приписывались «планы всеобщего господства». В докладе отмечалось стремление союзников «изолировать по мере возможности Россию от Испании, Франции, Германии и всех второстепенных государств, удерживая ее в замкнутой системе, такой, как система Четверного союза». Союзники предложили встречу в Ахене именно на такой основе, которая позволила бы им держать под определенной опекой Францию и Испанию, делала Нидерланды и Португалию зависимыми от Англии, итальянские государства превращала в вассалов Австрии, а Германский союз — в оплот против России. Каподистрия справедливо отмечал, что эта система неблагоприятно влияет на отношения России с Турцией и Персией. Расставив все необходимые акценты и вскрыв истинные намерения союзников, статс-секретарь указал, что эти факты приведены не для того, чтобы побудить правительство приступить к созданию союза против этих держав.

Раскрытию и обоснованию русских предложений посвящена вторая часть доклада. Анализируя дипломатическую переписку между союзниками по вопросам подготовки Ахенского конгресса, статс-секретарь указал, что все союзные кабинеты считают главной целью предстоящей встречи поиски путей упрочения европейской системы, но их предложения не содержат гарантий такой прочности. В докладе отмечалось, что еще в 1816 году прусский советник Ансильон высказал идею создания «всеобщего союза». Далее Каподистрия очень подробно обосновывал необходимость создания «всеобщего союза» европейских стран, конечно, с участием Франции и при опоре на Священный союз, идеи которого способны составить основу договора о взаимоотношениях всех европейских правительств, защитить малые страны от корыстной политики сильных, пресечь развитие революционных настроений. Всеобщий союз государств Европы мог бы включить в себя Четверной союз как своеобразную первооснову и дать венской системе реальные гарантии мира и спокойствия, как говорилось в докладе. Каподистрия считал, что именно разработка и принятие решения о создании «всеобщего союза» должны быть в центре внимания встречи в Ахене.

Этот интересный и содержательный документ свидетельствовал, что русская дипломатия в период подготовки Ахенского конгресса стремилась превратить Священный союз во всеевропейский политический орган сохранения и укрепления венской системы в ее несколько измененном виде, то есть за счет ослабления и, возможно, дальнейшей лик-

видации Четверного союза, в рамках которого шло активное англо-австрийское сближение с целью противодействия России практически на всех направлениях внешней политики. Доклад «О встрече в Ахене» подтверждает, что российское правительство верно оценило цели союзников и попыталось противопоставить их планам свой контрпроект. Кроме того, следует отметить, что в данный момент петербургский кабинет еще не придавал Священному союзу исключительно антиреволюционной направленности, желая видеть в нем политическую организацию, способную дать «европейской системе» необходимую стабильность. В рамках существования «всеобщего союза» на основе Акта от 14(26) сентября 1815 года подразумевалось сохранение конституционных хартий как во Франции, так и в ряде других европейских стран. В июле 1818 года с этой программой ознакомились российские представители в Лондоне, Вене, Париже, Берлине и Мадриде⁵².

Накануне Ахенского конгресса дипломаты союзных стран встретились в курортном городке Карлсбад. Здесь в уютной тишине, вдали от суетных европейских столиц, среди любезных улыбок и заверений в искренней дружбе состоялся последний тур дипломатической подготовки конгресса, главной целью которого была попытка выяснить сильные и слабые стороны программ, с которыми союзники-соперники шли на предстоящую встречу. Первой перешла к активным действиям австрийская дипломатия. Канцлер Меттерних нанес визит статс-секретарю Каподистрии, но их разговор носил только общий характер. Английские дипломаты, прекрасно осведомленные о всех неофициальных австрийских демаршах и зная об их неэффективности, стремились действовать более тонко, обходными путями.

Они пытались выяснить отношение российской стороны к европейским проблемам, и в первую очередь к Четверному союзу. Однако и этот дипломатический зондаж не дал союзникам желаемых результатов⁵³.

К началу конгресса программа русской делегации не претерпела изменений. Позиция Австрии также осталась прежней, а в программу английской делегации были внесены некоторые коррективы. В памятной записке, составленной Каслри и утвержденной в качестве инструкции для английских представителей, отмечалась целесообразность полного вывода союзных войск из Франции при выполнении ею финансовых обязательств⁵⁴. Далее подчеркивалось, что английское правительство считает необходимым сохранить Четверной союз в его первоначальном виде, а следовательно, Франция не могла стать его полноправным членом.

Ахенский конгресс открылся 20 сентября и закончил работу 29 ноября 1818 года. Несмотря на то что в Ахен приехали только члены Четверного союза и представители Франции, этот небольшой немецкий

городок увидел цвет европейской дипломатии. Здесь были Меттерних и Каслри, Нессельроде и Каподистрия, премьер-министр Франции герцог Ришелье и главнокомандующий оккупационными войсками герцог Веллингтон, а также Александр I, Франц I и Фридрих Вильгельм III, которые соответственно возглавляли делегации России, Австрии и Пруссии. Кроме них в Ахен съехалось множество английских, австрийских, прусских, русских и французских дипломатов более низких рангов.

В ходе работы конгресса состоялось 47 заседаний, на которых рассматривались французские и испанские вопросы, проблемы запрещения работоторговли и защиты торгового мореплавания и ряд других. Первым был решен вопрос о выводе оккупационных войск из Франции. 27 сентября (9 октября) 1818 г. были подписаны конвенции Франции с членами Четверного союза (с каждым в отдельности) о выводе к 30 ноября 1818 г. всех союзных войск и своевременной выплате французским правительством контрибуции в размере 260 млн франков⁵⁵.

Однако по поводу принятия Франции в Четверной союз разгорелись довольно острые споры. Стремясь претворить в жизнь свои планы, Каслри и Меттерних предложили возобновить Четверной союз в его первоначальном виде. Это давало возможность оказывать определенное давление на внешнеполитический курс России и Франции, обеспечить преобладающее влияние Англии на Испанию и ее колонии, а Австрии — на германские и итальянские государства. Российская делегация отклонила это предложение и составила контрпроект⁵⁶. Подготовленный на основе доклада «О встрече в Ахене», он осуждал «систему частных комбинаций» как одну из причин, приведших к революции и войне в Европе (имелись в виду конец XVIII в. и период наполеоновских войн), а Четверной союз по существу являлся именно такой «комбинацией». Российская делегация противопоставила англо-австрийскому проекту свое предложение создать «общий союз монархов». Постановления Четверного союза могли бы вступить в силу только в случае новой революции во Франции. Предлагалось уравнивать Францию в правах с союзными державами, приняв ее в Четверной союз, который вскоре заменился бы «общим союзом» европейских государств.

Одновременно с этим проектом на рассмотрение участников конгресса были представлены еще два документа: «Анализ Шомонского трактата и договора о Четверном союзе» и проект протокола по данному вопросу⁵⁷. Они дополняли основной проект, но в протоколе была сделана определенная уступка предложениям союзников. Особым секретным актом предлагалось подтвердить союзнические обязательства относительно Франции по договору о Четверном союзе. Сам же конгресс, но уже с участием Франции, должен был решить две задачи: соблюдение союзного договора и укрепление «венской системы». Однако вопросы,

связанные с интересами других стран, могли рассматриваться только по их официальной просьбе и при их участии в работе конгресса.

Ознакомившись с программой российской делегации, Каслри и Меттерних увидели, что она по существу изменяет политический баланс системы международных отношений, созданной в результате крушения наполеоновской империи, и развернули против нее ожесточенную борьбу. Анализируя английские и австрийские контрпредложения, Каподистрия указал на стремление союзников доказать, что Россия связана Четвертым союзом во всех международных вопросах, а не только в том, что касается возможной революции во Франции. Поэтому не удивительно, что «кабинеты ужаснулись от одной лишь мысли о присоединении всех других держав к четырем дворам»⁵⁸. Каподистрия в беседах со своими иностранными коллегами подчеркивал, что в силу Венских и Парижских актов 1815 года Россия является союзницей всех подписавших их держав.

Таким образом, система «всеобщего союза» европейских государств, основанная на Акте Священного союза, могла свести на нет усилия Лондона и Вены. Россия получила бы значительно большую свободу действий в Средиземноморье и на Балканах, что полностью противоречило внешнеполитическим планам английской и австрийской дипломатии. 12 октября Каслри представил Александру I английский меморандум и проект декларации по этим вопросам, выражавший не только английскую, но и австрийскую точку зрения⁵⁹. Основной упор в нем делался на Четверной союз, подчеркивалось, что союзники намерены и впредь сохранять созданную ими систему, но все же предлагалось пригласить Францию присоединиться к Четверному союзу.

Взаимное знакомство с проектами и предложениями не снизило остроту дипломатического противоборства. Петербургский двор стремился сделать упор при подписании итоговых документов конгресса не на Четверной союз, а на союз всех европейских держав, подписавших и присоединившихся к Венским и Парижским соглашениям 1815 года⁶⁰. В докладе Александру I Каподистрия отмечал настойчивое желание Меттерниха исказить смысл Четверного союза, представляя его постановления «обязательными даже в случае войны, которая не вызывалась революцией во Франции». Это обстоятельство не только превращало бы указанные соглашения в орудие вмешательства во внутренние дела других стран, но и связывало бы России руки в ее отношениях с европейскими державами, а также с Турцией и Персией.

Каслри решительно отклонил предложение русской стороны о создании «всеобщего союза» европейских государств как совершенно «непрактичное» и весьма иронически отозвался о принципах Священного союза. Меттерних, конечно же, поддержал Каслри. Тем не менее

англичанам и австрийцам пришлось отказаться и от реализации своего плана. Записка уполномоченных России, Австрии, Англии и Пруссии от 7(19) октября носила явно компромиссный характер⁶¹. В ней подчеркивалось, что обязательства, содержащиеся в договоре о Четверном союзе, «применимы лишь в случае войны против Франции» и «не могут служить базой. Для мирных и постоянных отношений, которые надлежит в настоящее время установить между четырьмя державами и Францией, рассматриваемой в качестве участницы европейской системы», Франция принималась в Четверной союз на правах равноправного члена, а сам союз сохранялся таким, каким был определен договором 1815 года. В заключении указывалось, что пять держав «не желают и не могут решать какие-либо вопросы, касающиеся интересов других государств, без официальной просьбы заинтересованных сторон, причем в совещании монархов или правительств будут юридически и фактически участвовать те страны, чьи дела там будут обсуждаться».

На изменение позиций Англии и Австрии, несомненно, повлияло начавшееся обсуждение испанских дел, где Россия и Франция выступили согласованно. Каслри, заинтересованный в английском варианте решения этого вопроса, перестал возражать против принятия Франции в Четверной союз. Видя изменившуюся позицию британского министра и опасаясь нарастания в Европе (особенно в Германии) революционных настроений, Меттерних также поддержал превращение Четверного союза в Пятерной. Окончательное оформление этих решений состоялось 3(15) ноября 1818 года, когда уполномоченные союзных держав подписали протокол о принятии Франции в Четверной союз и секретный протокол, возобновлявший их обязательства в соответствии с Шомонским трактатом⁶². В тот же день была подписана декларация пяти держав, провозгласившая солидарность участников Ахенского конгресса в поддержании мира и «политической системы, долженствующей быть залогом продолжения оногo».

Таким образом, Александр I пошел на значительные уступки союзникам. Ведь по существу главное предложение русской стороны — создание «всеобщего союза» европейских стран — не было принято. Видимо, причин для этого было несколько. Несомненно, Александр I стал больше прислушиваться к мнению консервативной части своего кабинета. Он видел полное единодушие союзников, кроме того, был сам заинтересован в сохранении и упрочении «венской системы», поэтому не мог и не хотел обострять отношения с ведущими европейскими державами.

В циркулярном рескрипте всем дипломатическим представителям России за границей от 9(21) ноября 1818 года подчеркивалось, что император не намерен «создавать новую политическую систему, так как в существующей заинтересованы все державы, которые в равной степе-

ни способствуют ее сохранению, понимая идентичность своих обязанностей и интересов». Однако петербургский кабинет все же до конца не отказался от идеи «всеобщего союза». В циркулярной инструкции МИД, которая была приложена к упомянутому рескрипту, отмечалось, что «в совещании пяти главных дворов, ныне подписавших акты Ахенские, должно видеть не что иное, как лишь способ сосредоточить действия всеобщего союза». Кроме того, используя склонность Австрии к более тесному единению европейских монархов, Александр I поддержал предложение Пруссии о заключении всеобщего гарантийного договора европейских стран о соблюдении нерушимости границ, установленных Заключительным актом Венского конгресса⁶³. Австрия и Россия одобрили этот проект, хотя российские представители и не настаивали на подписании подобного договора. Таким образом, несмотря на отказ от своего проекта, российская дипломатия попыталась вновь вернуться к нему, используя как ширму прусские предложения. Каслри стоило немалых трудов убедить союзников в том, что все необходимое для укрепления венской системы они уже сделали и больше ничего не требуется; он сохранил тем самым для Англии свободу действий на континенте.

Несмотря на то что официально в повестке дня совещания было только два вопроса, связанных с французскими проблемами, на конгрессе попутно рассматривались другие аспекты международных отношений. Среди них — вопрос о посредничестве держав в конфликте Испании и ее колоний. Дискуссию по этому вопросу открыл Каслри 23 октября. В английских предложениях не было ничего нового: они исключали применение каких-либо мер давления на инсургентов. Неслучайно Каподистрия назвал их «крайне бесполезными и опасными» для Испании. Ришелье поддержал мнение статс-секретаря, и рассмотрение этого вопроса было отложено.

17 ноября Ришелье и Каподистрия представили на обсуждение записку об испанских владениях в Латинской Америке⁶⁴. Для умиротворения испанских колоний предлагалось провести в Мадриде под руководством Веллингтона переговоры между союзниками и испанским двором с участием Соединенных Штатов. Предусматривалось оказание определенного давления на колонии, в частности прекращение с ними торговых отношений в случае отклонения согласованных решений союзников. Для Англии эти условия были неприемлемы. Австрия и Пруссия также выдвинули ряд возражений. Следует отметить, что российское правительство никогда не предлагало плана военной помощи Испании в борьбе с восставшими колониями, учитывая нереальность организации такой экспедиции и невыгодность ее для России. В проекте говорилось только о мерах «моральной поддержки» мадридского двора, предусматривалось уравнение всех подданных Испании в правах и даже возможность

введения конституционной хартии для колоний. Видимо, именно эти положения заставили Меттерниха поддержать не русский, а английский проект. В это время шел процесс постепенного отхода Александра I от прежних либеральных идей, вызвавший ряд длинных дискуссий с Каподистрией⁶⁵. Поэтому российская делегация не настаивала на принятии своего плана, Франция — тоже. В результате было решено, что коллективное посредничество может быть предложено Испании только в качестве «добрых услуг», а дальнейшие переговоры по данному вопросу будет вести герцог Веллингтон.

На конгрессе рассматривались вопросы о свободе торгового мореплавания и прекращении работорговли. Для английской делегации было более важно решить проблему работорговли, но для других союзников эта проблема вовсе не была так важна. В результате ни русские, ни английские предложения поддержаны не были, переговоры зашли в тупик, и никаких решений принято не было⁶⁶. По вопросу о защите торгового мореплавания от пиратства, а это затрагивало торгово-экономические интересы практически всех стран, было принято конкретное решение. Российской делегации удалось побудить союзников рекомендовать Англии и Франции обратиться к североафриканским регентствам (они находились в вассальной зависимости от Османской империи) с предупреждением, что пиратские действия, наносящие ущерб мировой торговле, приведут к тяжелым для них последствиям⁶⁷. Особенно важно для России было то, что право на подобное предупреждение участники конгресса оставляли за собой и в отношении Турции как сюзерена североафриканских регентств. Рассмотрев еще ряд частных вопросов, конгресс завершил свою работу.

В конце декабря 1818 года Каподистрия представил царю записку «О задачах российского министерства после совещания в Ахене», где анализировались итоги конгресса, давалась характеристика политики союзных держав, намечались внешнеполитические планы России⁶⁸. Статс-секретарь отмечал, что все союзники в Ахене «желали сохранения мира и самого тесного союза между кабинетами», но каждая сторона настаивала только на своем понимании этого процесса, поэтому достигнуть относительного единства удалось только «после весьма продолжительных дебатов и полнейшего расхождения во мнениях». Как дальновидный политик, Каподистрия подчеркивал, что Англия остается наиболее сильным и опасным соперником России, ибо «претендует на абсолютное господство на море и в торговых сношениях обоих полушарий». Кроме того, «она не пренебрегает и европейским континентом. В Германии действует через Ганновер и использует свои тесные отношения с Австрией и Пруссией. Она владеет Португалией, держит под своим влиянием Бельгию, оказывает давление на Францию, принижает

Испанию, торгует с мятежниками (испанскими колониями. — *Авт.*)». В заключение Каподистрия делал весьма точный вывод: «Никогда еще ни одна держава не проявляла открыто столь далеко идущих честолюбивых устремлений».

Характеризуя политику Австрии, статс-секретарь отмечал, что, не обладая могуществом Великобритании, она все же стремится играть главную роль не только среди германских государств, но и в Европе. Во многом Австрии удалось подчинить своему влиянию Пруссию, а в Германском союзе обе державы проводят политику далеко не дружественную по отношению к России. Каподистрия не предлагал противопоставить англо-австрийскому блоку открытое сближение с другими европейскими государствами, но подчеркивал, что стабилизация внутреннего положения во Франции и Испании и усиление их роли на международной арене будут иметь для России благоприятные последствия. Таким образом, после Ахенского конгресса задачи российской дипломатии по европейским вопросам по существу были прежними.

Ахенский конгресс стал первым крупным событием в истории европейской дипломатии после создания венской системы. Его решения укрепили ее, показали, что великие державы заинтересованы в сохранении своего союза, цели которого остались неизменными. Итоги конгресса нельзя рассматривать как значительный успех российской дипломатии. Несмотря на то что Россия добилась принятия Франции в Четверной союз, затруднив тем самым его использование английской и австрийской дипломатией против интересов России, что по некоторым второстепенным вопросам были приняты решения, в целом отвечавшие ее интересам (например, о защите торгового судоходства), российским представителям пришлось отказаться от своего главного предложения — создания «всеобщего союза» европейских государств. Такой «всеобщий союз» предоставил бы русской дипломатии достаточно широкие возможности для дипломатического маневра, использования противоречий между своими союзниками и поддержки малых государств. Все это, несомненно, сделало бы более успешным стремление царизма упрочить свою ведущую роль среди претендентов на европейское господство, решение важных для России проблем не только в Европе, но и на Востоке.

Итоговые документы конгресса носили в целом компромиссный характер, хотя англо-австрийской стороне все же удалось реализовать большую часть своих планов, нежели русской. Решения Ахенского конгресса, особенно Секретный протокол от 3(15) ноября 1818 г., были направлены на сохранение в Европе порядка Реставрации. Они наглядно показали истинный смысл фраз и деклараций о «народном праве» и «интересах государств»: под первым главным образом подразумева-

лось противодействие революционным настроениям, а под вторым — в основном интересы их правителей (а эти понятия далеко не всегда совпадали). К концу 10-х — началу 20-х годов XIX века внешнеполитический курс России в Европе стал постепенно утрачивать элементы либерализма, все больше окрашиваясь в реакционные цвета.

Глава IV. Политика России в эпоху революций и конгрессов Священного союза

1. Начало европейских революций. Позиция России и других держав

20-е годы XIX века — время больших международных событий, в которых Россия сыграла значительную, но далеко не однозначную роль. Европейские буржуазные революции и восточный кризис стали важнейшими среди них. После окончания наполеоновских войн Александр I стремился решать международные проблемы новыми методами — путем мирных коллективных договоров, прежде всего между странами-победительницами, избегая конфронтации, присущей политике Наполеона. Не отказываясь от имперских амбиций, царь надеялся таким образом сохранить единство между европейскими державами, укрепить «венскую систему» и ее основы.

Европейская политика петербургского кабинета в 20-е годы XIX века не ограничивалась только противодействием буржуазным революциям и стремлением заслонить от их влияния Российскую империю. Такие задачи доминировали во внешней политике во время подъема революционного движения в Европе, когда остро встал вопрос и о сохранении самой «венской системы», в создании которой царизм сыграл ведущую роль. Традиционно европейский внешнеполитический курс российского правительства преследовал цель укрепления мирных отношений с европейскими государствами, развития с ними дипломатических, политических, экономических и культурных связей. Зарубежные торговые контакты играли значительную роль в подъеме экономики страны, все еще не оправившейся после опустошительного и кровавого наполеоновского нашествия.

Большое влияние на дальнейшее развитие революционных процессов в Европе оказала вторая буржуазная революция в Испании (1820–1823 гг.) существенным образом отразившаяся и на международных отношениях, и на дипломатии европейских держав. Успех этой революции оказал также воздействие на подъем национально-освободительного движения в заокеанских колониях Испании. Зревшее на протяжении ряда лет недовольство политикой Фердинанда VII, восстановленного на испанском престоле в 1814 году, вылилось в 1820 году в открытое

выступление против его неограниченной власти. Непосредственным толчком к взрыву стала подготовка к отправке в Америку войск для расправы с освободительным движением в испанских колониях. Движущей силой начавшейся испанской революции выступила армия. Регион действия революционных сил расширился, что привело в смятение мадридский двор.

События в Испании встревожили правителей европейских государств, особенно тюльрийский двор, ведь во Франции были еще весьма свежи воспоминания о революции конца XVIII века. 7 марта 1820 года под давлением народных выступлений в Мадриде Фердинанд VII заявил о восстановлении в стране конституции 1812 года.

Первоначально царское правительство проводило сдержанную политику в отношении событий в Испании. Нота испанского посланника в Петербурге Зеа Бермудеса от 7(19) апреля 1820 года с заявлением о принесении Фердинандом VII присяги конституции и с упоминанием о ее признании Александром I еще в 1812 году была встречена спокойно¹. Однако в Петербурге не преминули отметить, что «установления, возникшие в результате бунта, приводят к хаосу»².

Между тем сообщения российского поверенного в делах в Мадриде М.Н. Булгари свидетельствовали о дальнейшем развитии революции, об активизации деятельности кортесов, о появлении революционных клубов. Еще в начале марта 1820 года Булгари отмечал, что в Испании произошла «фактическая революция» и весьма важно ответить на вопрос, «как произвести контрреволюцию»³. Вскоре этот вопрос стал одним из главных для внешнеполитического ведомства царской России. Варианты его возможного решения обсуждались дипломатическими представителями на конгрессах Священного союза, на официальных и неофициальных встречах царя и Нессельроде с главами правительств и дипломатами других европейских государств.

Вслед за испанской революцией произошли революции в Италии и Португалии. В существовавшие издавна тайные организации итальянских патриотов входили разные по своему социальному положению люди. С середины 10-х годов их объединяло стремление освободить страну от австрийского господства. Венский конгресс закрепил политическую раздробленность Италии, узаконив существование на Апеннинском полуострове восьми государств. Габсбургская монархия стала оказывать большое влияние на Королевство Обеих Сицилий, в котором власть Бурбонов была восстановлена силой австрийских штыков. Это влияние было закреплено секретной статьей оборонительного договора между неаполитанским королем Фердинандом I и австрийским императором Францем I, по которому признавалось право Австрии в случае необходимости вмешиваться во внутренние дела королевства. Возрос-

ла и зависимость от австрийских Габсбургов других итальянских государств. Австрия восстановила свою власть в Венеции и Ломбардии. Тосканский, пармский и моденский престолы получили правители из габсбургской династии. Так, в период Реставрации зависимость Италии от наполеоновской Франции сменилась фактической зависимостью от Австрийской империи.

Проиграв большинство сражений в антинаполеоновских войнах, австрийские Габсбурги тем не менее сумели уже на Венском конгрессе занять весьма влиятельные позиции. Затем они стали задавать тон в контрреволюционном концерте европейских держав. В период подъема освободительной борьбы австрийская монархия стала одним из главных оплотов старых порядков во всей Европе. Венский двор стремился прежде всего сохранить такие порядки у себя дома и в зависимых от него государствах.

Тяга к национальной независимости и ограничению монархической власти определяла общественное настроение во всех итальянских государствах, в том числе в Пьемонте и в Королевстве Обеих Сицилий, где в июле 1820 года произошла фактически бескровная революция. Ее возглавили неаполитанские карбонарии. Король Обеих Сицилий Фердинанд I был вынужден провозгласить конституцию по образцу испанской и созвать парламент. Руководители восстания, среди которых преобладали люди умеренно-либеральных взглядов, были удовлетворены достигнутым. Вопрос об экономических реформах в парламенте не ставился. Тем не менее надежды на его решение привлекли к революции широкие народные массы.

Трудности дальнейшего развития неаполитанской революции углублялись еще и сгущавшимися грозowymi тучами на международном горизонте. Возможность распространения революции на север Италии создавала опасность для австрийского владычества в Ломбардии и Венеции, что могло отразиться на прочности всей «венской системы» и легитимистских принципов Священного союза. Теперь не только венский кабинет, но и правители других европейских держав стали искать реальные пути ее подавления, а также создания заслона для новых революций в Европе.

Царское правительство было серьезно обеспокоено началом революции в Неаполе, ибо угроза дальнейшего распространения революционного движения в Европе становилась вполне реальной. Тревогу петербургского двора обостряли донесения русских дипломатических представителей в европейских странах, прежде всего в Испании, Португалии и в итальянских государствах. Весьма неутешительные сведения поступали из Неаполя от посланника Г.О. Штапельберга, наблюдавшего с первого дня революции полную растерянность короля и его кабине-

та. Так, уже 6 июля Штакельберг сообщал, что «революция в Неаполе в полном разгаре» и что «военный комендант генерал Пепе сформировал там гражданскую гвардию, целиком состоящую из карбонариев»⁴., Штакельберг не без основания считал возможным распространение революции на другую часть королевства — на остров Сицилию, а также на север Италии. Кроме того, посланник отмечал, что признание Александром I в 1812 году испанской конституции и лояльное отношение к ее восстановлению в начале 1820 года было использовано неаполитанскими карбонариями в своих интересах: они заявили в одной из прокламаций о поддержке их движения со стороны российского императора.

В действительности же отношение Александра I к происшедшим в Европе революциям менялось — от сдержанно-выжидательного к открыто враждебному. Как глава Священного союза, он был готов к организации ответных коллективных контрреволюционных мер. Верный принципам этого союза, он отказался от идеи австрийского канцлера Меттерниха достичь договоренности о реальных мерах против неаполитанской революции на двусторонней основе. Меттерних надеялся получить согласие России на подавление революции австрийскими войсками без обсуждения этого вопроса с партнерами по Священному союзу, так как понимал, с какой настороженностью могут отнестись к подобной акции Англия и Франция, не в интересах которых было дальнейшее упрочение положения Австрийской империи на Апеннинском полуострове. Однако Александр I не был заинтересован в усилении австрийских позиций в этом регионе и не поддерживал все возраставшие претензии Габсбургов на восстановление прежнего влияния в Европе, в том числе на Балканах. Этого-то и не учел Меттерних.

Для внешнеполитического курса России продолжали оставаться характерными некоторая двойственность и лавирование, которые вполне справедливо связывают с именем И.А. Каподистрии. В это время Каподистрия пользовался доверием и расположением Александра I и в какой-то мере мог оказывать влияние на принимаемые царем решения по внешнеполитическим вопросам. Не являясь сторонником революционных методов преобразования старых порядков и осуждая европейские революции, он вместе с тем не поддерживал идею вооруженного вторжения, выступал за наведение «порядка» внутренними силами, лишь при моральной поддержке Священного союза.

После неудачного демарша перед российским правительством и провала попыток заручиться поддержкой германских государств при вторжении австрийских войск в Неаполь венский двор наметил более тонкий и изощренный способ борьбы с революцией. Он заключался в том, чтобы «дать время заговорщикам и революционерам перессориться друг с другом» и тогда, воспользовавшись расколом в их среде, получить при-

зывает о помощи от правых сил и осуществить вторжение в Неаполитанское королевство. По мнению Меттерниха, это дало бы также реальную возможность сохранить «нынешний статус территориальных владений в Италии»⁵. Об этом плане канцлер доверительно сообщил в конце августа 1820 года русскому посланнику в Вене Ю.А. Головкину, подчеркнув, что его осуществление теперь будет зависеть от поддержки Австрии союзниками.

С середины августа 1820 года австрийская сторона начала зондаж относительно созыва конгресса Священного союза. Александр I поддержал эту идею. Царь предлагал созвать конгресс союзных держав в соответствии с принципами актов Священного союза для обсуждения «решительных мер» против «угрозы революции» в Европе. Торопя события, австрийский канцлер стал готовить протоколы будущей встречи.

Австрийская дипломатия, возглавляемая Меттернихом, уже давно «прославилась» своим искусством интриг, подкупа, плетением сети заговоров. Эти ее свойства вполне проявились во время подготовки и работы конгресса, местом проведения которого был выбран город Троппау (Опава) в Силезии. Между петербургским и венским дворами шла оживленная переписка о подготовке конгресса, причем взгляды русской стороны далеко не всегда совпадали с точкой зрения австрийской дипломатии.

В середине августа Меттерних был ознакомлен с основными соображениями петербургского кабинета относительно предстоящего конгресса в Троппау, в которых инициатива его подготовки признавалась за австрийской стороной. Главные положения русской программы к конгрессу носили достаточно умеренный характер⁶. Они свидетельствовали, что петербургский двор выступал за проведение конгресса союзных держав на основе договоров 1815 года и Ахенских актов 1818 года, с тем чтобы решение неаполитанского вопроса было достигнуто не военным путем, а посредством дипломатических переговоров с новым правительством Неаполя при возможном посредничестве Англии или Франции. По мнению Каподистрии, которое в это время разделял и царь, задачей предстоящего совещания было обеспечить в Королевстве Обеих Сицилии проведение умеренных конституционных реформ. Подобная точка зрения противоречила программе Меттерниха, вызывая у него острое недовольство.

В октябре 1820 года Каподистрия представил Александру I доклад о программе русской делегации в Троппау⁷. Главное внимание обращалось на «моральный кодекс», сформулированный в акте Священного союза, как на основное средство против действия революции, а также на принятие совместных мер «морального воздействия». Таким образом, на первом этапе противодействия европейским революционным движе-

ниям до созыва конгресса, петербургский кабинет, решительно осуждая испанскую и неаполитанскую революции, выступал в целом за дипломатическое урегулирование этих проблем и даже был склонен признать умеренные конституционные преобразования.

2. Российская дипломатия на конгрессах Священного союза

Конгресс пяти союзных держав — Австрии, России, Пруссии, Франции и Англии открылся в Троппау 11(23) октября 1820 года. На нем присутствовали три монарха — Александр I, Франц I и Фридрих Вильгельм III, оба российских статс-секретаря, канцлеры Австрии и Пруссии, а также многие другие дипломаты разных рангов. Помимо официальных представителей в этот чешский городок, удобно расположенный вблизи польской, прусской и австрийской границ, съехались члены семей глав делегаций и их свита. Со стороны царской семьи там присутствовали великая княгиня Мария Павловна и великий князь, будущий российский самодержец Николай Павлович. Их часто видели в домах высокопоставленных особ и на прогулках в красивых окрестностях Троппау. Вблизи этого города находилось «много поместий и превосходно устроенных мыз, принадлежащих аристократическим древним австрийским фамилиям»⁸, — писал сопровождавший царя на конгресс его лейб-медик Д.К. Тарасов. Записки и воспоминания Тарасова — одно из немногих дошедших до нас свидетельств о неофициальной стороне конгресса. Деловые заседания, приемы чередовались с увеселительными поездками за город, в дома знати, что, однако, не снимало чувства напряженности у участников конгресса, вызванного вестями о дальнейшем распространении революции по Европе.

Конгресс в Троппау по своим задачам был съездом членов Священного союза, хотя вначале в нем участвовали только представители пяти держав, собравшиеся на основе ахенских договоренностей. Конгресс проходил в обстановке острой дипломатической борьбы. Проект программы русской делегации, как уже говорилось, был написан И.А. Каподистрией и одобрен Александром I. Он содержал ряд компромиссных предложений, отражавших позиции царя. Однако в ходе предварительных переговоров еще до начала дискуссий Меттерниху уже удалось в некоторой мере их поколебать.

На первом же заседании Меттерних предложил не вести официальных протоколов, а ограничиться «поденными записями», которые бы подчеркивали консультативный характер совещания, так как представители Англии и Франции получили от своих правительств ограниченные полномочия. Затем канцлер представил «Записку», в ко-

торой обосновывалось «право союзных держав на вмешательство во внутренние дела государств в целях подавления в них революций»⁹. В беседах с Каподистрией и Нессельроде Меттерних добивался «моральной поддержки» австрийских предложений, подчеркивая, что иного пути борьбы с неаполитанской революцией, кроме военного вмешательства, не существует, Меттерних не случайно говорил только о «моральной поддержке», желая получить одобрение не на союзную, а на единоличную, австрийскую, интервенцию в Неаполь. Российская же делегация предложила предпринять прежде всего «совместные моральные действия» против неаполитанской революции. Прусские представители поддержали австрийскую точку зрения, а уполномоченные Англии и Франции отказались принимать участие в оформлении каких-либо решений.

В ответе российских уполномоченных на австрийские и прусские предложения, составленном Каподистрией 21 октября (2 ноября) 1820 года, «законность» коллективного вмешательства вплоть до применения вооруженной силы признавалась лишь при условии согласия пяти союзных держав; допускалась возможность интервенции австрийских войск, именуемых, однако, «европейской армией», если неаполитанский король не восстановит самостоятельно легитимную власть¹⁰. На австрийское командование в случае вступления в Неаполь возлагалась обязанность обнародовать декларацию с обещанием «уважать целостность королевства и укреплять его политическую и национальную независимость». Эти положения в дальнейшем развивались и конкретизировались в двух записках Каподистрии и Нессельроде на имя Александра I, в которых сквозило недовольство стремлением Австрии усилить свои позиции не только в Королевстве Обеих Сицилий, но и в других государствах Италии. 29 октября Александр I согласился с предложением Меттерниха не вступать в какие-либо сепаратные переговоры с новым правительством Неаполя до принятия конгрессом решений. Для российской делегации было важно добиться более активного участия в работе конгресса представителей Англии и Франции, получения ими более широких полномочий от своих правительств. К достижению таких целей были направлены усилия посла в Лондоне Х.А. Ливена и посла в Париже К.О. Поццо ди Борго¹¹.

Определенное воздействие на дальнейший ход переговоров в Труппау и на позицию русской стороны оказало известие о возмущении солдат Семеновского гвардейского полка в Петербурге в октябре 1820 года*.

* Шефом полка был император Александр I. Полк не подчинился новому командиру Ф.Е. Шварцу, отличавшемуся жестокостью и любовью к муштре. Неповиновение солдат, неслыханное событие в царской армии, в правительственных кругах было воспринято как проявление «революционного духа».

«Семеновская история» облегчила Меттерниху решение вопроса о подавлении неаполитанской революции и значительно осложнила положение Каподистрии. Под воздействием революционных выступлений в Европе (революция в Португалии), внутривосточных событий, а также опасаясь сепаратных действий Австрии, Александр I фактически дал согласие на австрийскую интервенцию и оккупацию Неаполя. Однако в ответ на предложение Меттерниха специальным соглашением возвести контрреволюционную интервенцию в принцип российская делегация выдвинула свой проект. Он был изложен в «Записке уполномоченных России» от 2(14) ноября 1820 года¹². В ней признавалась возможность применения военной силы союзными державами «в охваченных революцией государствах» только в случае неэффективности «дружеских демаршей». В «Записке» подчеркивалось, что в отношении Неаполя «державы должны действовать коллективно». Обсуждение проектов проходило в острой борьбе между Меттернихом и Каподистрией. В одном из личных писем канцлер с раздражением отмечал: «Во всех документах, исходящих отсюда, идеи — мои, но редакция — Каподистрии. Это приводит к тому, что я часто не могу узнать своих же идей»¹³. Однако Александр I уже взял курс на отступление от прежней программы.

7(19) ноября 1820 года Россия, Австрия и Пруссия подписали Предварительный протокол, определявший принцип интервенции, и дополнения к нему, касавшиеся мер подавления неаполитанской революции. В основной части протокола провозглашалось право вооруженного вмешательства во внутренние дела других государств (без согласия на то их правительств) для подавления там революционных выступлений. Оба документа содержали и ряд положений об урегулировании неаполитанских дел мирными средствами (предварительные переговоры союзников с королем и представителями нового неаполитанского правительства).

В тот же день с текстами Предварительного протокола и дополнениями к нему были ознакомлены уполномоченные Англии и Франции. Они признали право союзников на вмешательство в неаполитанские события, но отказались официально присоединиться к этим документам. Таким образом, несмотря на формальный отказ одобрить решения, принятые в Троппау, ни английские, ни французские представители не осудили само право вмешательства во внутренние дела независимого государства. Находившиеся с 1812 года у власти в Британии «заядлые тори» продолжали по сути осуществлять консервативный курс правительства Питта как внутри, так и вне страны. Позиции представителей британского кабинета на конгрессе показывали, что он предпочитал «тихие» методы подавления революции, избегая афишировать свое истинное отношение к ней. Являясь одним из создателей «венской системы», он стремился к ее поддержке не столь догматическими мето-

дами, какими действовали члены Священного союза. К тому же в Англии ревниво следили за ростом престижа России в Европе и старались ему противодействовать. Тревогу у британского кабинета вызывала также возможность дальнейшего упрочения позиций Австрии на Апеннингах. Англия издавна рассматривала регион Средиземноморья как сферу своих интересов.

8 ноября 1820 года три монарха сообщили Фердинанду I о подписании в Троппау Предварительного протокола и предложили прибыть для дальнейшего обсуждения дел в Лайбах (Любляну), где предполагалось продолжить заседания конгресса. Российская делегация была озабочена отношением к этой акции и к собственной ее позиции на конгрессе правительств других итальянских государств. Неслучайно в инструкции из Троппау от 10 ноября 1820 года русским дипломатическим представителям в Риме и Турине указывалось, что конгресс занимается неаполитанским вопросом только в связи с общей проблемой революции в Европе. Россия же заинтересована в территориальной целостности и политической независимости итальянских государств. Для опровержения распространявшихся в Европе слухов «злонамеренных людей» о сепаратном характере соглашения трех держав на конгрессе в Троппау их кабинеты выработали совместный документ «Краткий обзор первых результатов совещания в Троппау», который был разослан дипломатическим представителям для ознакомления европейских правительств¹⁴.

Конгресс в Лайбахе, продолживший обсуждение вопроса о борьбе с революциями в Европе, открылся 11 января 1821 г. в роскошном дворце, построенном в стиле классицизма. Он вошел в историю как Дворец конгрессов, а старинная площадь, где он расположен, получила название площади Конгрессов^{**}. Достигнутая во время переговоров в Троппау договоренность о приглашении в Лайбах представителей итальянских государств получила официальное подтверждение на заседании 25 января. На позицию российских представителей оказывали влияние, с одной стороны, линия Каподистрии на дипломатическое урегулирование проблем, с другой — поворот Александра I к более тесному сближению с Австрией¹⁵.

В Лайбахе Меттерних сумел активизировать свою деятельность. Ему помогла как обстановка, сложившаяся в Европе, так и позиция прибывшего в Лайбах Фердинанда I. Последний, нарушив обещание новому неаполитанскому правительству, отпустившему короля на конгресс, чтобы урегулировать отношения с Австрией, сразу же выступил сторонником австрийской оккупации Неаполя. Вероломство Фердинанда I вызвало

* После окончания Второй мировой войны была названа площадью Освободителей. Дворец же был передан в ведение Книжной палаты республики Словении.

взрыв негодования в прогрессивных кругах не только итальянских государств. В России это настроение ярко проявилось в среде тайных антиправительственных обществ, усилив их неверие в возможность самодержавной власти осуществить чаяния своего народа. Глава Южного общества П.И. Пестель в предательстве неаполитанского короля «находил неоспоримые доказательства... к недоверчивости к истинному согласию монархов на конституции, ими принимаемые»¹⁶.

Приглашенные на конгресс представители итальянских государств прежде всего добивались подавления неаполитанской революции и весьма мало думали о последствиях австрийской интервенции для всей Италии. Поэтому они больше поддерживали планы Меттерниха, нежели предложения Каподистрии. Англия внешне придерживалась нейтралитета, но фактически давно одобрила австрийский план, так же как и Пруссия. Внутреннее положение Франции не позволяло кабинету Ришелье активно выступать против австрийских предложений, саму же идею интервенции французское правительство поддерживало. Позиция Александра I постепенно становилась все более однозначной.

На заседании 16 января 1821 года план переговоров, предложенный уполномоченными России, был фактически отвергнут: коллективный демарш перед принцем-регентом был заменен направлением идентичных инструкций дипломатическим представителям Австрии, Пруссии и России в Неаполе. Отношения между Александром I и Каподистрией, которые уже в Троппау дали весьма ощутимую трещину, продолжали осложняться. Видимо, в конце января 1821 года после острых дискуссий на конгрессе в Лайбахе царь полностью отказался от поддержки программы Каподистрии, о чем свидетельствует «Записка уполномоченных России» от 7(19) января¹⁷, 2 февраля 1821 года союзные державы согласились с предложением Австрии о вводе ее войск в Неаполитанское королевство. Уполномоченные остальных итальянских государств, за исключением папы римского, поддержали австрийскую интервенцию. Французский представитель получил из Парижа указание также поддержать идею вторжения в Неаполь. Представитель Англии заявил, что его правительство придерживается строгого нейтралитета. Петербургский кабинет верно оценил смысл «нейтралитета по-британски» как готовность Англии сохранить согласие между союзниками.

В феврале 1821 года начался поход австрийских войск против Неаполя. Большинство членов неаполитанского парламента отказались обратиться за помощью к народам других итальянских государств из опасения гнева крупных держав. Новый режим, не решивший основных социально-экономических вопросов, фактически оказался без поддержки широких народных масс. Сопrotивление нескольких военных частей сдержало, но не смогло остановить продвижение австрийских

войск. 23 марта они вступили в Неаполь. Восстановление власти Бурбонов сопровождалось террором по отношению к участникам революции.

Александр I тоже намеревался послать свои войска для участия в подавлении революции в Италии. Еще в Троппау после подписания Предварительного протокола он отдал секретное распоряжение о подготовке ряда частей к переброске на западную границу, мотивируя это, особенно после восстания в Пьемонте в марте 1821 года, угрозой «общего восстания всей Италии». Правда, Александр I оттягивал начало похода русских войск. Более того, он попытался путем дипломатического нажима урегулировать отношения Пьемонта с Австрией. Но Австрия уготовила Пьемонту судьбу Неаполя. 9 апреля 1821 года австрийские войска вступили в Алессандрию, революция была подавлена. После этого Александр I отменил поход русских войск в Италию¹⁸.

Одной из причин отказа царя от этого похода была непопулярность подобной акции в России, в первую очередь среди прогрессивно настроенных офицеров. Настроения в армии весьма красноречиво описал командир гвардейского корпуса генерал-адъютант И.В. Васильчиков, сообщавший начальнику Главного штаба П.М. Волконскому, что «неудовольствие всеобщее и неизбежность жертв, сопряженных с ведением войны, необходимость которой непонятна простым смертным, должны, несомненно, произвести дурное впечатление»¹⁹. Еще более негативную реакцию вызвали слухи о возможном походе в кругах, близких к тайным антиправительственным обществам. Так, П.А. Вяземский писал: «Война с Неаполем была бы злодейством. Неужели Петр Великий пустил Россию в Европу, чтобы преемникам его было в чужом пиру похмелье...»²⁰. Будущие декабристы, осуждая контрреволюционные акции Священного союза и позиции Александра I, поднимали проблемы характера войн и их классификации, «венской системы», политического равновесия в Европе, подходя к ним со своих идейных позиций.

В мае 1821 года за несколько дней до закрытия конгресса на острове Святой Елены умер, не дожив до 52 лет, Наполеон. Монархи из Священного союза немало преуспели в восстановлении разрушенного им принципа легитимизма, упрочении основ старого строя. Особенно торжествовал Меттерних, о чем свидетельствуют его многочисленные дневниковые записи той поры. Большое место в них отведено изложению позиций Александра I, дипломатические способности которого канцлер явно недооценивал, но опасался его непредсказуемых действий. Прославляя победы австрийской политики над русской на конгрессе, Меттерних постоянно ощущал беспокойство по поводу возможного изменения Россией своей политической линии. Это могло произойти в результате давления на царя оппозиции, требовавшей от него большей независимости от Австрии и большей твердости в отстаивании собственных ин-

тересов на международной арене. 9 ноября 1822 г. Меттерних записал: «В России и во всей русской дипломатии за границей есть две партии, которые открыто обозначаются именами Меттерниха и Каподистрии... Эти две партии ненавидят друг друга и противостоят одна другой как правые и левые во Франции. Александр называется «меттерниховцем», поэтому его партия хороша; другую партию надо предоставить ее судьбе (т. е. способствовать устранению этих людей от дел. — *Авт.*)»²¹.

В это же время и во внутренней политике России произошел новый сдвиг вправо, о чем свидетельствовала серия царских указов крепостнического характера.

Однако не следует преувеличивать степень влияния Австрии на внешнеполитический курс петербургского кабинета. Изменения в дипломатическом представительстве России в Неаполе говорили о растущем недоверии царя к политике венского двора в Италии. Не исключено, что он учитывал настроение части своего окружения, которую так ненавидел Меттерних. Именно в это время чрезвычайным посланником в Неаполь был назначен опытный дипломат, убежденный легитимист, настороженно относившийся к политике Австрии в Европе, К.О. Поццо ди Борго.

Официальное закрытие конгресса в Лайбахе состоялось 26 февраля, а фактически 12 мая 1821 г. Большинство участников, в том числе и Александр I, оставались еще некоторое время в Лайбахе, следя за действиями австрийских войск и венского двора в Пьемонте.

Тревога, которую царское правительство испытывало в связи с расширением освободительного движения в Европе (весной 1821 г. начались восстания в зависимых от Порты княжествах Валахии и Молдавии), побуждала его рассматривать единство союзников как основную гарантию стабильности «венской системы». С этим связано стремление петербургского кабинета активизировать поддержку союзников со стороны Англии, припугнув ее возможностью распространения революционных волнений и на Францию.

После подавления итальянских революций уполномоченные Австрии, Пруссии и России подписали в Лайбахе декларацию о продлении оккупации Неаполя и Пьемонта и подтвердили решимость использовать насильственные методы для восстановления власти легитимных монархов. Декларация вместе с Предварительным протоколом и дополнением к нему, подписанными в Троппау, свидетельствовала о стремлении членов Четверного союза подавить революционное движение в Европе любыми методами, включая вооруженную интервенцию. Они отражали идеологические принципы Священного союза, которыми был пронизан дух конгрессов в Троппау и Лайбахе. Несмотря на то что под этими решениями не было подписи английских представителей, вся внешнеполи-

тическая деятельность лондонского кабинета подтверждала, что он, по сути, разделял позицию союзников.

Конгресс в Лайбахе специально не обсуждал положения в Испании и Португалии, что неминуемо подняло бы вопросы относительно освободительного движения в их заокеанских колониях. За развитием этого движения особенно пристально следила Англия, связывавшая с признанием независимости латиноамериканских колоний возможность расширения в них своего влияния. Сами революции в Испании и Португалии лондонский кабинет осуждал, но вмешательства в португальские и особенно в латиноамериканские дела не допускал, тщательно следя только за тем, чтобы новые правительства сохраняли английские торгово-экономические привилегии и зависимость от Англии.

Свои интересы на Пиренейском полуострове имела и Франция. Со времени наполеоновских войн в значительной степени усилилось внимание к Испании со стороны России, заключившей, как уже говорилось, в 1812 году союзный договор с мадридским двором. В первые годы существования «венской системы» петербургский кабинет видел в развитии связей с Испанией и в усилении ее влияния в Средиземноморье определенный противовес англо-австрийской политике в этом регионе. Учитывая все это, российское правительство стояло на позициях проведения сдержанной политики в отношении заокеанских колоний Испании и Португалии, о чем свидетельствуют инструкции дипломатическим представителям России в Мадриде, Лиссабоне и Рио-де-Жанейро²². Послу в Лондоне Х.А. Ливену рекомендовалось систематически информировать британский кабинет о русской позиции по указанным вопросам и побуждать его в какой-то степени согласовывать свои действия с позицией союзников. Что же касается самой Испании, то российское правительство было заинтересовано в стабилизации внутреннего положения в этой стране, в упрочении роли Испании на международной арене. Поэтому дипломатические отношения России и Испании после победы революции были сохранены, и первоначально петербургский кабинет считал иностранное вмешательство в испанские дела нежелательным.

По мере расширения европейского революционного движения и радикализации революционных требований в Испании менялось отношение петербургского двора и к испанским событиям. Заметим, что уже в Троппау, а затем и в Лайбахе Александр I вынашивал идею организации интервенции для подавления испанской революции. Обстановка в Европе после подавления итальянских революций продолжала оставаться беспокойной. В самый разгар австрийской интервенции в Лайбах пришло известие о восстании против Порты в Дунайских княжествах, началась революция в Греции. Меттерних делал все возможное, чтобы представить эти события как продолжение и развитие европейских революций. Верный прин-

ципам Священного союза, Александр I осудил греческое восстание во главе с А. Ипсиланти и отказал ему в помощи. Английское правительство было обеспокоено положением дел в Ирландии, где происходили крупные волнения, для подавления которых не хватало местных вооруженных сил. В связи с антиправительственными происками ультрароялистов осложнилось положение во Франции. Английская оппозиционная печать начала говорить об усилении противоречий между союзниками.

Весной 1822 года участники Троппау-Лайбахского конгресса начали активный, но весьма осторожный дипломатический зондаж с целью выяснить позиции друг друга по вопросам борьбы с революцией в Испании, 6(18) апреля 1822 года Нессельроде направил Поццо ди Борго и Ливену депеши с изложением текста письма неаполитанского короля Александру I с просьбой к державам оказать помощь испанскому королю и вмешаться в дела Испании. Теперь и лондонский кабинет уже практически не протестовал против самой идеи вмешательства во внутренние дела Испании²³.

Очередная встреча монархов союзных держав и их представителей была предусмотрена на конгрессе в Лайбахе. Предложение о созыве нового совещания «для демонстрации единства» великих держав было сделано Францем I Александру I через русского посла в Вене Д.П. Татищева в начале июня 1822 года. Местом проведения нового конгресса была выбрана Верона. В этот древний итальянский город, хранивший многие тайны истории прошлых веков, воспетый великим Шекспиром, ныне съезжались новые «стражи порядка». Их возглавляли монархи России, Австрии и Пруссии. На конгрессе присутствовали итальянские государи, многочисленные дипломаты. Англию представлял видный государственный деятель герцог Артур Веллингтон.

Конгресс в Вероне проходил с 20 октября по 14 ноября 1822 года. Он был последним и наиболее представительным среди дипломатических конгрессов Священного союза. Главную роль на нем, как и на предыдущих совещаниях, играли пять великих держав, называвших себя союзниками. Представителям итальянских государств отводилась роль второстепенная: они участвовали в обсуждении лишь итальянских проблем. Формально союз пяти держав еще существовал, но единства между ними не было. Начало восточного кризиса привело к дальнейшему углублению противоречий. Первой стала отходить от союза Англия. Весьма осторожную политику проводила Франция. Позиции союзников в ряде вопросов, особенно в восточном, противоречили интересам России. Поэтому, несмотря на то что на конгрессе рассматривалось довольно много проблем, совместных решений было принято значительно меньше.

Программа российской делегации на Веронском конгрессе носила уже явно консервативный характер. Вместе с фактической отставкой

Каподистрии в мае 1822 года Россия отказывалась от дипломатических методов урегулирования революционных проблем в европейских государствах, отдавая предпочтение австрийским планам вооруженного вмешательства. Об этом свидетельствует и отчет Веллингтона о беседе с Александром I об испанских проблемах от 4 октября 1822 года²⁴. Теперь царь прямо утверждал, что испанская революция представляет угрозу для всей Европы, и прежде всего для Франции, поэтому союзные державы должны принять коллективные меры для ее подавления. Интервенция должна осуществляться не только силами французской армии, но и войсками других союзных держав.

Основной проблемой на конгрессе стала подготовка по инициативе французского короля интервенции для подавления революции в Испании. На конфиденциальном заседании уполномоченных пяти держав 20 октября 1822 года министр иностранных дел Франции обратился с просьбой оказать его правительству «моральную поддержку» в осуществлении интервенции в Испанию, дабы обезопасить Францию от пагубного влияния революции. Представители Австрии, Пруссии и России отнеслись к этой инициативе положительно, Александр I подчеркнул, что в случае необходимости окажет Франции и «материальную помощь». Веллингтон заявил, что французское предложение не соответствует английской позиции невмешательства, поэтому оно не может быть одобрено лондонским кабинетом. За этим заявлением таилось опасение английской стороны, что Франция упрочит свои позиции в Испании и в целом в Средиземноморье в случае успешного подавления испанской революции, а также возможного заключения франко-русского союза. 19 ноября был подписан протокол, явившийся по сути секретным соглашением четырех держав о мерах по свержению революционного правительства в Испании²⁵. Веллингтон отказался его подписать под предлогом, что он может создать опасность для жизни испанского короля. Тем не менее Александр I был недалек от истины, когда не верил, что Англия в «большей степени, чем другие правительства, склонна защищать якобинцев и революционеров». Так, герцог Веллингтон допускал вмешательство Франции «от имени Европы» во внутренние дела Испании. Неслучайно он строго конфиденциально сообщил русскому послу в Лондоне Ливену план военных действий для французской армии, который она действительно использовала во время похода в Испанию.

В январе 1823 года в соответствии с разработанным Веронским конгрессом планом испанскому правительству, в котором усилились радикальные настроения, были предъявлены ноты глав правительств четырех европейских держав с требованием вернуть королю всю полноту власти. Когда этого не было сделано, они порвали с Испанией дипломатические отношения. 7 апреля 1823 года сотысячная французская армия под

командованием герцога Ангулемского вторглась в Испанию. Осенью революция была подавлена, аннулированы все законы, изданные в стране с 7 марта 1820 г. по 1 октября 1823 года.

На конгрессе в Вероне обсуждалось немало других вопросов. 24 ноября 1822 года. Веллингтон зачитал на заседании уполномоченных пяти держав памятную записку британского кабинета о необходимости признания независимости бывших испанских колоний. В записке отмечалось, что английская торговля с Латинской Америкой, а также борьба с пиратами уже побудили Англию признать де-факто правительства этих стран. Декларации Австрии и Пруссии содержали категорический отказ признать независимость «испанских провинций в Америке». Ответы уполномоченных Франции и России были довольно уклончивыми. Они хотя и включали пожелание Испании восстановить отношения со своими колониями «на прочной и взаимовыгодной основе», но фактически признавали, что мадридскому двору придется «уступить силе вещей»²⁶.

По инициативе Веллингтона на конгрессе обсуждался вопрос о мерах по окончательному прекращению работорговли. Нессельроде от имени Александра I осудил торговлю неграми и заявил, что Россия присоединится к мерам, которые примет конгресс. Представители Австрии и Пруссии также согласились с данным мнением, но французский уполномоченный не согласился с предложенными мерами надзора, контроля и наказания за работорговлю. В результате 28 ноября 1822 года был подписан протокол, который лишь подтвердил положения Декларации Венского конгресса о запрещении работорговли, а нерешенные вопросы передавались на дальнейшее рассмотрение Лондонской конференции.

По просьбе Фердинанда I на заседаниях конгресса обсуждались вопросы сокращения численности австрийских оккупационных войск в Неаполитанском королевстве и продления срока его оккупации.

В день окончания работы Веронского конгресса Австрия, Пруссия и Россия опубликовали циркуляр, осуждавший европейские революции, в том числе и революцию в Греции, и подтверждавший право Священного союза на вмешательство во внутренние дела всякой страны, где революционное движение могло угрожать монархическим устоям других государств. Конгрессы Священного союза свидетельствовали о значительном поправении дипломатии Четверного (затем Пятерного) союза.

Итоги конгрессов были неоднозначно восприняты в русском обществе. Значительная часть официальных кругов приветствовала их контрреволюционную направленность. Представители прогрессивных кругов осуждали ее, равно как и блок России с Австрией и Пруссией, сложившийся на консервативной основе. П.А. Вяземский метко определил его как «тройной булат самодержавия».

Закономерность ликвидации старых абсолютистских порядков и развития по пути прогресса была понята и раскрыта некоторыми учеными и политическими деятелями того времени. Ее предельно четко сформулировал глава Южного общества декабристов П.И. Пестель: «Нынешний [век] ознаменовывается революционными мыслями... От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противоположностей. То же самое зрелище представляет и вся Америка. Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать»²⁷.

Признавая нарастание консервативности в европейской политике Александра I, следует отметить, что не только царская Россия была инициатором превращения Священного союза в орган борьбы с революционным и освободительным движением. На первых порах петербургский кабинет еще выдвигал дипломатические методы воздействия на правительства тех стран, где произошли революции. Политику вооруженного вмешательства во внутренние дела стран для подавления революционного движения более активно разрабатывала и осуществляла Австрия. Тем не менее поправление внешнеполитического курса Александра I в Европе не было случайным. Эта тенденция отражала стремление царизма оградить венскую систему, ее устои, саму Россию от революционной волны. Политика британского кабинета по сути мало отличалась от политики его европейских союзников, так как Англия была заинтересована в сохранении сложившегося баланса политических сил в Европе. Однако в Лондоне были весьма заинтересованы в дальнейшем экономическом проникновении в европейские страны. Поэтому политика Англии была более умеренной и сдержанной.

Итак, конгрессы Священного союза достигли своей цели: первая в XIX веке волна европейских революций была отбита, венская система с ее легитимными устоями сохранена, поколебленная власть ряда монархов вновь восстановлена. Конгрессы продемонстрировали внешнюю монополитность Священного союза. Однако внутри него единства не было, что в значительной степени определялось противоречиями между союзниками. Во время европейских революций эти противоречия нивелировались общей заинтересованностью великих держав в сохранении и упрочении венской системы, что порождало стремление принимать компромиссные решения и формально сохранять союз. Собственные интересы и цели членов союза оказывали существенное влияние на методы ведения политики. Что касается Александра I, то после окончания конгрессов он предпринял попытку проведения европейской внешней политики более независимо и решительно. Эта линия затем была поддержана и развита Николаем I.

3. Основные тенденции в политике России после Веронского конгресса

Итоги Веронского конгресса оказали влияние на международную обстановку в Европе, способствовали восстановлению прежних режимов в Испании и Португалии. Однако внутренние волнения продолжали сотрясать эти страны, сделав их объектом пристального внимания не только Англии и Франции, войска которой находились в Испании, но также Австрии и России. На Пиренейском полуострове завязался узел новых межгосударственных противоречий, связанных с положением дел в заокеанских владениях Испании и Португалии. В странах Латинской Америки росло освободительное движение, вопрос о признании национальной и государственной независимости этих стран превратился для европейских держав в острую политическую проблему. Реальные политические и экономические интересы Англии, Франции, Австрии и России определяли как их отношения с Испанией и Португалией, так и их позиции в вопросах, связанных с латиноамериканскими владениями этих стран.

Российская дипломатия продолжала деятельность, направленную на стабилизацию обстановки в Европе, в том числе в ее юго-западном регионе. Петербургский кабинет стремился не допустить усиления в Испании влияния Англии и Франции, а также сбалансировать отношения с Австрией в связи с укреплением ее позиций в Италии. Проводя консервативный курс в отношении революционных событий в Португалии, царское правительство было вынуждено считаться с преобладающим влиянием Англии в этой стране. В целях предотвращения возможности новой революционной вспышки в Испании и Португалии, которая была ответом на жестокость властей, российская дипломатия оказывала на них посильное воздействие, порицая расправы с революционерами и советуя сдерживать дальнейшее наступление реакционных сил. Петербургский кабинет также внимательно следил за отношениями между немецкими государствами, поддерживая главенство в Германском союзе Австрии и Пруссии, но при этом не допуская усиления позиций одной за счет другой.

В последние годы своего царствования Александр I несколько охладел к идее коллективной безопасности в Европе, которую должен был осуществлять Священный союз. Видимо, это было обусловлено тем, что европейские революции были подавлены, легитимные монархи восстановлены на своих престолах, престиж царя в Европе сохранен. Но немалую роль сыграли обстановка на конгрессах Священного союза, противоречия между его участниками. Невыполнимой оказалась и сама идея Священного союза — «сохранить абсолютизм, облекши его в фор-

мы законности, избежать реакции, подавляя самочинные проявления общественного движения»²⁸. Европейские, революционные, освободительные движения в Греции, латиноамериканских странах свидетельствовали о росте антиабсолютистских настроений в Европе и мире. Тревожные сведения получал Александр I от осведомителей о зрелом заговоре против самодержавных порядков и в самой России. Заговор готовили будущие декабристы.

В 1824–1825 годах во внешней политике России стал ощущаться явный сдвиг к активизации действий в решении восточных проблем, которые затрагивали национальные интересы страны, в обстановке все углублявшегося восточного кризиса 20-х годов стабильность политического положения в Европе могла служить для России определенным гарантом для перехода к более самостоятельной политике, направленной на урегулирование собственно русско-турецких отношений и решение греческого вопроса. Спокойствие в Европе имело для России важное значение и в связи с потребностью поддержания и расширения традиционных связей, в том числе торговых.

С началом восточного кризиса, нанесшего черноморской торговле России, ее связям со странами Среднего и Ближнего Востока значительный урон, для нее вновь приобретает особое значение торговля через порты Балтийского моря и через польские земли. Одним из основных европейских торговых партнеров России оставалась Англия.

Еще в конце 1810 года, когда Россия, фактически прорвав континентальную блокаду, возобновила торговлю с Англией, используя суда нейтральных стран, экономические связи с ней вновь заняли одно из ведущих мест. После падения наполеоновской Франции положение Англии еще более упрочилось, выросло ее экономическое влияние в Европе. Единственная в первой четверти XIX века страна крупного машинного производства, она снабжала все другие государства своими изделиями. Для развития ее промышленности был нужен обширный стабильный рынок, а также ввоз различных видов сырья. Наряду с британскими колониями сырье для английской промышленности поставляла Россия. Она же являлась значительным рынком сбыта британских промышленных товаров. Англия экспортировала в Россию хлопчатобумажные ткани, сельскохозяйственные машины, фабрично-заводское оборудование, химические товары, красители, а также хлопок, хлопчатобумажную и шерстяную пряжу. В развитии русско-английской торговли были особенно заинтересованы крупные землевладельцы центра России, сбывавшие в Англию сельскохозяйственную продукцию и ввозившие тонкое сукно, полотно, посуду, предметы роскоши.

В целях дальнейшего развития экономических связей с европейскими странами Александр I вскоре после утверждения венской системы санкци-

онировал значительное снижение пошлин на западноевропейские товары. Фритредерская политика 1816–1819 годов способствовала проникновению в страну более дешевых и качественных товаров, с которыми не могли конкурировать изделия отечественного производства. Повышение роли внешней торговли — один из показателей происходившего разложения феодально-крепостнической системы хозяйства с его натуральной основой, развития рыночных отношений. На этот процесс большое влияние оказывали значительная часть господствующего класса помещиков и зависимая от самодержавия молодая русская буржуазия, которые требовали защиты своих хозяйств и предприятий от внешней конкуренции.

В правительственных кругах шла борьба мнений вокруг фритредерства и покровительственной системы. За правительственный протекционизм тогда выступал известный государственный и общественный деятель Н.С. Мордвинов, видевший в нем необходимое условие подъема экономики страны, развития собственной буржуазии. Его поддерживал министр финансов Д.А. Гурьев. 12 августа 1821 г. министр направил царю секретную докладную записку «О положении заграничной торговли в 1820–1821 годах», в которой отмечалось, что за два года резко возрос ввоз из-за границы шерстяных, хлопчатобумажных и других тканей и это привело к значительному сокращению количества отечественных фабрик, а «с продолжением времени соделаться может пагубным орудием против благосостояния государства, продолжая унижать достоинство наших денег, стеснять собственную промышленность и подавлять трудолюбие народа»²⁹. Записка побудила правительство рассмотреть неблагоприятные для российской промышленности и внешней торговли условия, сложившиеся после введения тарифа 1819 года. В 1822 году был введен запретительный тариф, не допускавший к ввозу многие виды товаров, другие же обложивший повышенными пошлинами.

Этот тариф был направлен прежде всего против европейских промышленных товаров, наводнивших рынки России. Так, хотя формально не был запрещен привоз ряда сортов шерстяных, шелковых, хлопчатобумажных тканей, сахара, табака, вина, но они облагались пошлиной от 100 до 250 % их стоимости, что практически исключало их поступление на российский рынок. Многие виды сукна, набивные ткани вообще были запрещены к ввозу. Пошлина на чугун и железо превышала их стоимость соответственно в 6 раз и 2,5 раза. «Беспошлинный ввоз машин и низкие пошлины на хлопок-сырец, с одной стороны, и запрещение импортировать готовые изделия, с другой, должны были содействовать развитию текстильной промышленности»³⁰, — подчеркивает исследователь этих вопросов Н.С. Киняпина.

Для Польского королевства был издан особый «Тариф», который не носил запретительного характера. Это было обусловлено более высоким

уровнем ее экономического развития, а также политическими мотивами. Царское правительство стремилось смягчить недовольство западных держав, особенно Пруссии, запретительной таможенной политикой России и создать условия для сохранения их прежних экономических связей с Польшей³¹. Такая политика проводилась длительное время.

Тариф 1822 года с некоторыми изменениями просуществовал до середины века. Он помог развитию молодой российской промышленности, способствовал созданию новых промышленных центров, хотя его первоначальной целью было обеспечение прежде всего интересов помещиков. Длительное ограждение российской промышленности от европейской конкуренции имело и свои негативные последствия: в условиях самодержавно-крепостнической системы замедлялся переход от мануфактуры к фабрике, создавались условия для жизнеспособности крепостных предприятий. Российская промышленность развивалась значительно более медленными темпами, чем западная, отставала от нее.

Следует отметить, что протекционистская система применялась всеми государствами Европы, переживавшими эпоху перехода от старого способа производства к более современному. Даже такая развитая страна, как Англия, отказалась от протекционизма только в 1846 году. Высокий пошлинный сбор (27% стоимости всех привозимых в Россию товаров), который шел в государственную казну, также стимулировал поддержку протекционизма со стороны правительственных кругов. Но развитие российской промышленности не могло проходить изолированно от других стран. Российское правительство было вынуждено учитывать это. Ряд изданных в 20-х годах указов Правительствующего сената означал некоторое отступление от запретительного тарифа. Интересно отметить разрешение ввоза в Россию отдельных образцов изделий, нужных «для улучшения своего производства фабрикантам российских мануфактур», а также сахара-сырца, необходимого для отечественных рафинадных заводов³². Английская сторона не раз выражала по дипломатическим каналам свое недовольство запретительной политикой петербургского кабинета. В свою очередь, российский МИД заявлял протесты против «хлебных законов» Англии, ограничивавших возможности ввоза российской пшеницы.

В начале 20-х годов британский кабинет издал новые распоряжения, стеснявшие поставки российской древесины. Но для Англии было важно сохранить закупки в России льна, поташа, сала, железа полосового, конопляного масла, меда, щетины, канатов, кож, парусины. Эти виды товаров издавна составляли основу экспорта России. Поэтому лондонский кабинет был вынужден мириться с русской протекционистской политикой, но и не прекращал борьбу против нее.

Второе место (после Англии) в торговом обороте России занимали германские государства, а затем Франция. Менее известно о торговле России с северными странами. В этом регионе Россия вела традиционную торговлю со Швецией, а после создания в 1814 году Шведско-Норвежского королевства увеличился торговый оборот с Норвегией, суда которой стали больше использоваться для вывоза русских товаров через балтийские порты. Покупая в России продовольствие, мануфактуру, фабричные изделия, норвежцы продавали ей лес и рыбу — эти «единственные свои произведения», как называл их русский генеральный консул в Кристиансанде Х.В. Штевен. Ранее Норвегия покупала необходимые ей продукты и изделия в основном в Дании. Подписанная в 1828 году в Петербурге шведско-норвежско-российская торговая конвенция предусматривала также дальнейшее развитие торговли с северными странами Великого княжества Финляндского³³. В это время Россия стала проявлять большую заинтересованность в расширении экономических связей с Испанией, Португалией и с их заокеанскими колониями. Внимание петербургского кабинета к событиям в этих колониях было продиктовано как политическими, так и экономическими интересами.

Одним из условий английского нейтралитета в испанских делах после Веронского конгресса было невмешательство держав в дела Португалии, которую лондонский кабинет давно включил в сферу своего влияния. Португальское правительство, встревоженное решениями конгресса относительно Испании, а затем вооруженной интервенцией Франции в Испанию, неоднократно обращалось к Англии с просьбой ввести в свою страну английские войска, чтобы гарантировать сохранение существовавших там порядков. Однако британское министерство ответило на эти просьбы отказом, ибо не желало вовлекать Англию в непосредственный конфликт с союзными державами. Это способствовало постепенному сближению позиций Англии и Франции по латиноамериканским проблемам.

Во второй половине 1824 — начале 1825 года при посредничестве Англии проходили португало-бразильские переговоры о признании метрополией независимости Бразилии. Переговоры завершились отделением Бразилии от Португалии и подписанием мирного договора между двумя странами. Весной 1826 года положение в Португалии снова резко обострилось в связи со смертью короля Жоао VI и вопросом о престолонаследии. Португальский трон принадлежал императору Бразилии³⁴.

Российская дипломатия знала об особой заинтересованности Англии в португальских и бразильских делах. Поэтому, несмотря на то что точки зрения на решение этих проблем у лондонского и петербургского кабинетов были разными, российским представителям в Лиссабоне и Рио-де-Жанейро предписывалось придерживаться осторожной,

сдержанной и в целом пассивной позиции. Россия, как и Англия, была заинтересована в стабилизации положения на Пиренейском полуострове и стремилась побудить Португалию и Испанию нормализовать их отношения, которые значительно обострились в связи с вопросом о престолонаследии.

В середине 20-х годов успех национально-освободительного движения в Латинской Америке способствовал превращению испанских и португальских колоний в фактически независимые государства. Дипломатическая переписка этого периода показывает негативное отношение царизма к латиноамериканским революциям. Однако петербургский кабинет весьма трезво оценивал возможности Священного союза в деле их подавления. В марте 1824 года К.В. Нессельроде писал К.О. Поццо ди Борго, что «вооруженное вмешательство союза в разногласия между Испанией и ее американскими провинциями» едва ли возможно³⁵. Тем не менее, основываясь на принципах Священного союза, Россия, Австрия и Пруссия предложили провести переговоры с целью поддержать стремление мадридского двора к сохранению власти в колониях, оказав ему посреднические услуги. Англия от участия в подобных переговорах отказалась, о чем еще в начале февраля сообщил из Лондона российский посол Х.А. Ливен³⁶. Англия сама была готова оказать Испании «добрые услуги» в переговорах с колониями, но настаивала на том, чтобы Испания признала независимость своих колоний.

Работа постоянной конференции послов союзных держав в Париже и вся дальнейшая дипломатическая переписка отражают невозможность остановить процесс распада Португальской и Испанской империй. Союзники так и не смогли определить «пределы того содействия», которое следует оказать Испании. Петербургский кабинет выражал удовлетворение уже тем, что Англия, придерживаясь особой политики в колониальном вопросе, все же воздерживается от официального признания независимости латиноамериканских государств.

В дальнейшем российскому МИД приходилось учитывать изменение тактики английской дипломатии, связанное с новым статс-секретарем по иностранным делам, одним из виднейших дипломатов XIX столетия Джорджем Каннингом. В отличие от своих коллег по кабинету и большинства европейских политиков, он понимал обреченность наиболее одиозных феодальных институтов, обладал политической дальновидностью. Он видел, что молодые государства будут нуждаться в политической и экономической помощи, которую с большой выгодой для себя смогут предоставить им английские банкиры и промышленники.

Следует отметить, что и позиции других европейских держав в колониальном вопросе также менялись. Они в принципе уже не возражали против признания в будущем независимости латиноамериканских стран.

Основным препятствием для их официального признания в то время служил, вероятно, республиканский строй, установившийся в большинстве бывших колоний. Неслучайно европейские правительства более благожелательно отнеслись к возможности признания независимости Бразилии, которая стала монархией. В 1825 году были установлены де-факто англо-бразильские дипломатические отношения, официально признали Бразилию Франция и Австрия. Лондонский кабинет объявил о признании независимости Буэнос-Айреса, Мексики и Колумбии. Петербургский кабинет выразил сожаление в связи с таким решением Англии, указав, что Россия не может признать независимость колоний прежде, чем она будет признана Испанией. Российский посланник в Вашингтоне Ф.В. Тейль фан Сероскеркен в донесениях Нессельроде не только подробно информировал о событиях в заокеанских владениях Испании, но со ссылками на американские газеты отмечал «безумство Испании, не желающей признать независимость ее освободившихся колоний на условиях, выгодных для ее торговли и политического влияния». В результате недальновидной позиции Испании в ее бывших колониях усиливались позиции США и Англии. В целом влияние Англии на ход международных дел тогда весьма возросло. Это прекрасно понимал Александр I, стремившийся подготовить почву для заключения с ней двустороннего соглашения по восточному вопросу.

Внимание европейских держав к странам Пиренейского полуострова, их взаимоотношениям с Латинской Америкой было на время отвлечено событиями в России.

19 ноября 1825 года в России внезапно умирает царь Александр I. Смерть царя завершала одну из сложнейших и интереснейших эпох и в жизни страны в целом, и в истории российской дипломатии. Можно по-разному рассматривать итоги этого периода, но следует отметить, что Александр I был, несомненно, умелым политиком и искусным дипломатом. У историков различных направлений и школ его сложная, противоречивая личность вызывает неослабевающий интерес. Недаром этого императора называли «северным сфинксом». На наш взгляд, одну из наиболее точных характеристик императору Александру I дал видный русский историк А.Е. Пресняков. Он подчеркивал, что «Александр I — подлинно историческая личность, то есть типичная для своего времени, чутко и нервно отразившая в себе и силу сложившихся традиций, и нарастающую борьбу с ними, борьбу разнородных тенденций и интересов... Отразила... по-своему, субъективно и притом в сложнейших условиях деятельности носителя верховной власти в эпоху напряженнейшей внешней и внутренней борьбы такого типичного «переходного времени» от расшатанного в основах, но еще очень крепкого старого, веками сложившегося уклада всей общественной и государственной

жизни к назревавшему, еще слабому, но настойчиво требовательному новому строю всех отношений, как первая четверть XIX века»³⁷.

В России к тому времени возникли и действовали тайные антиправительственные общества, стремившиеся к уничтожению самодержавно-крепостнического строя и введению конституции. Смерть Александра I в Таганроге, междоусобица в связи с отказом от престола великого князя Константина, необходимость переприсяги на верность новому царю Николаю I вызвали волнение в войсках, которое было использовано руководителями Северного общества. 14 декабря 1825 г. в Петербурге произошло вооруженное выступление против самодержавно-крепостнических порядков, вошедшее в историю как восстание декабристов.

Восстание декабристов получило широкий международный резонанс, вызвало у Николая I стремление распространить в Европе официальную версию события, скрыть подлинные цели и планы руководителей тайных обществ. Было поспешно подготовлено и обнародовано официальное сообщение о событиях 14 декабря, которое полностью воспроизводилось в циркулярной депеше от 15(27) декабря 1825 года, направленной российским дипломатическим представителям с предписанием предать сообщение гласности в стране пребывания³⁸. На следующий день это сообщение было разослано членам дипломатического корпуса в Петербурге. Стремясь создать ложное впечатление, принизить значение восстания, царское правительство умалчивало о главных целях восставших, говоря о заговоре кучки юнцов и сомнительных личностей. Однако полностью скрыть истинное положение вещей было невозможно, так как главы ряда дипломатических миссий оказались свидетелями самого события. Английский посол сообщил в Лондон о восстании в Петербурге и пересказал содержание речи Нессельроде перед дипломатическими представителями Австрии, Англии и Франции, в которой уже отмечалось наличие обширного и давно существовавшего заговора, а также то, что установление конституционного правления было главной целью его руководителей. Хотя дипломаты выразили удовлетворение переданными им официальными сведениями, на деле они сопровождали депеши об этом событии, адресованные своим правительствам, целым рядом критических замечаний.

В конце декабря 1825 — начале января 1826 года российским дипломатическим представителям за границей были направлены новые циркуляры, где уже говорилось о «широком заговоре», который должен был свергнуть Россию «в самую страшную анархию» по примеру Испании и Италии, где в начале 20-х годов произошли революции³⁹. Таким образом, правительство объективно признавало, что восстание в России является частью революционных событий в Европе, то есть само опровергало свою первоначальную версию. Однако царизм стремился скрыть те

документы, которые свидетельствовали о внутривполитических причинах восстания.

Официальная версия восстания декабристов и деятельности тайных обществ в России в окончательном виде была изложена в докладе Следственной комиссии Николаю I от 30 мая 1826 года, изданном затем отдельной брошюрой в ряде европейских стран⁴⁰. Несмотря на то что иностранные правительства и дипломаты выражали официальные сожаления по поводу восстания и расточали Николаю I поздравления в связи с подавлением восстания, они далеко не всегда и не во всем верили правительственным сообщениям. Кроме того, европейские правительства опасались возможных изменений в связи с этими событиями во внешней политике России. Беспокойство охватило и британский кабинет. Петербург спешил заверить своих союзников в обратном. В частности, послу в Лондоне Ливену при передаче письма Николая I Георгу IV и в беседах с Каннингом поручалось подчеркнуть, что император будет продолжать внешнеполитический курс своего брата⁴¹. В секретном письме к Нессельроде Ливен подчеркивал, что намеченный визит в Петербург герцога Веллингтона связан не только со стремлением поздравить Николая I со вступлением на престол, но в первую очередь с задачей выяснить основные направления и цели внешней политики России при новом императоре, особенно в восточном вопросе. Подобные цели преследовали представители Австрии, Франции, Пруссии и других государств, уполномоченные передать поздравления своих правительств в связи со вступлением на российский престол Николая I.

Новый российский император поспешил заявить о продолжении внешнеполитического курса своего предшественника. Однако своими действиями он вскоре дал понять, что при проведении политики в Европе Россия будет больше полагаться на собственные силы, нежели на «федеративную солидарность». Переключив основное внимание на решение восточных дел и завершение восточного кризиса, Николай I заверил австрийского посланника в Петербурге графа Лебцельтерна в сохранении с Австрией традиционного союза. Однако эти намерения оказались поколебленными политикой венского кабинета в период дальнейшего развития восточного кризиса. Тогда же наметилась тенденция к сближению России с Англией и Францией. Прежний курс был сохранен в отношениях России с германскими государствами, в первую очередь с Пруссией, которая издавна занимала существенное место в русско-германских торговых связях.

Николай I по складу своего характера и уровню образования был менее склонен к философским размышлениям на темы внутренней и внешней политики, чем его старший брат, воспитателем которого в юности был приверженец идей Просвещения XVIII века швейцарец Ф. Лагарп.

Новый царь вступил на престол с иными представлениями об управляемой им стране. По словам В.О. Ключевского, «наблюдательные пункты» братьев, с которых они смотрели на мир, были разными. «Для Александра I таким пунктом было окно лагарповской аудитории, для Николая I — дворцовая приемная». Зная с юных лет кухню правительственного управления, новый царь явно боялся осуществления радикальных реформ, стремился подновить фасад, а не перестраивать здание. Восстание декабристов заставило его познакомиться с их политической программой. Но это не означало, что он был готов к существенным уступкам. Весь образ его действий во время длительного правления «выработался из мысли, что править хорошо — значит возможно ту же натягивать бразды правления»⁴². Эта же идея была распространена им на внешнюю политику.

Пережив «брожение умов» в Европе в связи с восстанием декабристов, Николай I всей своей дальнейшей политикой показал твердость и непреклонность в стремлении сохранить венскую систему и свою главенствующую роль в ней. Для достижения этих целей царская дипломатия проявляла не только твердость и настойчивость, но и известную гибкость. Это весьма четко ощущалось в европейской политике петербургского двора в связи с новым обострением внутреннего положения во Франции, Испании и Португалии.

Николай буквально с первых дней своего царствования с особым вниманием следил за развитием событий во Франции. Вторая половина 20-х годов стала для Франции временем усиления дворянской и клерикальной реакции, связанной с правлением Карла X (1824–1830 гг.). Разразившийся в 1826 году промышленный кризис затянулся на несколько лет, что усилило недовольство политикой Карла X со стороны торгово-промышленной буржуазии и широких трудовых слоев Франции. В стране росло революционное брожение. Французское правительство было вынуждено сделать небольшой шаг влево, назначив главой кабинета министров графа Мартиньяка. Однако это полевение длилось недолго. В 1829 году к власти пришел новый кабинет, возглавляемый ультрароялистом князем Полиньяком. В стране резко обострилась политическая обстановка, усилились революционные настроения.

Посол в Париже К.О. Поццо ди Борго регулярно информировал Петербург о росте социальных противоречий во Франции.

Уже в начале 1827 года он сообщал, что «внутреннее положение во Франции весьма серьезно», а зимой 1829 года проницательно заметил, что, возможно, скоро «король и династия пойдут от потрясений к гибели»⁴³. По посольским и агентурным донесениям, петербургский двор ощущал приближение нового революционного взрыва во Франции и, со своей стороны, пытался предотвратить его путем дипломатического

воздействия на французское правительство: через французского посла в Петербурге Мортемара Николай I советовал Карлу X не вводить новые ордонансы (законы) и сдерживать дальнейшее наступление реакции, дабы не вызвать революционного взрыва. Конечно, не забота о французском народе руководила действиями царя. Петербургский двор дорожил желанием Франции иметь тесные дружественные отношения с Россией, что тогда отвечало взаимным интересам двух стран. России был нужен союзник против происков венского и лондонского кабинетов на завершающем этапе восточного кризиса. Французское правительство, в свою очередь, пыталось заручиться поддержкой России против Англии в завоевательной войне в Алжире⁴⁴. Оба правительства объединяли также ненависть к революциям и стремление их предотвратить.

В это же время происходит дальнейшее урегулирование отношений России с Испанией и Португалией, а также с рядом латиноамериканских стран, в первую очередь с Бразилией. К признанию Бразилии Россию побуждали главным образом экономические стимулы. Для Бразилии это имело и большой политический смысл. Русско-португальский договор 1798 года дал импульс к развитию торговых связей России с колониальными владениями Португалии. В 1824 году, когда португальское правительство просило петербургский кабинет закрыть порты для бразильских судов, эта просьба была лишь формально принята к сведению, но торговля не прекращалась. С середины 20-х годов оборот русско-бразильской торговли возрос. В связи с этим все больше ощущалась необходимость заключения торгового договора, который бы мог распространить на Россию режим наибольшего благоприятствования, подобный тому, каким пользовались Англия, Франция и Австрия. Именно на это неоднократно обращал внимание новый министр финансов Е.Ф. Канкрин в переписке с Нессельроде, отмечая, что «в наших же портах бразильские негодянты и ныне не платят пошлин с тамошних товаров более других иностранных и даже самих российских подданных»⁴⁵. Но политические мотивы тормозили официальное признание Бразилии. Серьезным толчком к изменению позиций российского правительства послужило признание Бразилии большинством европейских государств. Только Испания вплоть до 1834 года не признавала государственную независимость этой страны.

В связи с отделением Бразилии от Португалии в отказе от прав на португальский престол императора Бразилии Педру I (сына Жоао VI) и в провозглашении при его малолетней дочери регентом дона Мигеля Николай I увидел торжество принципа легитимизма. Это позволило российской дипломатии активизировать подготовку заключения русско-бразильского договора. 9 декабря 1827 года последовало официальное признание Россией независимости Бразилии. «В награду за успешную

службу в Португалии поверенный в делах Ф.Ф. Борель был назначен посланником в Бразилию. Здесь он развернул активную деятельность по подготовке торгового договора (подписан в 1828 г.), в результате которого Бразилия стала первым политическим и экономическим партнером России в Южной Америке.

В конце 20-х годов российская дипломатия продолжала политику умиротворения политических страстей в Португалии, вызванных стремлением регента Мигеля захватить власть и усилить реакционный порядок в стране. Петербургский кабинет осудил действия Мигеля, так как он нарушал принцип легитимизма. В это время Россия была на грани разрыва дипломатических отношений с Лиссабоном, что на завершающем этапе восточного кризиса было крайне нежелательным. Однако разрыва отношений не произошло. В этой сложной обстановке российская дипломатия проявила дальновидность, умеренность и гибкость. Петербургский кабинет даже дал понять португальскому правительству, что Россия считает необходимым сохранение конституции 1826 года, поскольку именно она дала возможность Мигелю стать регентом в стране⁴⁶. Российской стороной было также подчеркнуто положительное отношение к невмешательству в дела Португалии других европейских государств, что уменьшало напряженность в международных делах на Пиренейском полуострове, да и в Европе в целом.

В 20-х годах XIX века стабильными оставались политические отношения России с северными странами Европы. Большую роль играли ее связи со Швецией. Карл XIV Юхан подчеркивал свои «чувства безграничной привязанности» к Александру I, поддерживал его внешнеполитический курс. «Пусть подвергнут меня испытанию, и я докажу, что я все тот же, каким был в 1812 г.»⁴⁷, — заявил король десять лет спустя графу П.П. Сухтелену в своем замке. Эти слова король просил передать Александру I. Подтверждая неизменность своих позиций, Карл XIV Юхан в 1828 году в преддверии войны России с Турцией предлагал Николаю I оказать военную помощь. Правда, в обмен он намеревался заручиться поддержкой царя в борьбе с оппозицией в норвежском парламенте (стортинге), требовавшей, согласно Эйдсвольской конституции 1814 года, гарантии политических прав. Король одобрял решительную расправу Николая I с «преступными», по его словам, «попытками восстать против его (царя. — *Авт.*) прав» — так он характеризовал восстание 14 декабря 1825 года.

Однако Николай I, не желая вникать во все тонкости разногласий в стортинге, занял осторожную позицию⁴⁸. К тому же ему было важно в связи с уже начавшейся Русско-турецкой войной не раздувать конфликт в европейских странах, особенно в тех, которые были лояльны к России во время восточного кризиса. В Норвегии помнили о блестящей

дипломатической миссии в 1814 году в северные страны молодого генерала М.Ф. Орлова, который внес немалую лепту в защиту требований норвежского народа при создании Шведско-Норвежского королевства, и ценили дружественные отношения с Россией.

В период после окончания конгрессов и до конца 20-х годов российской дипломатия добилась значительных результатов в европейской политике. Позиция России обеспечила определенную стабильность венской системы и баланс политических сил в Европе. Царизм сохранил лидирующее положение в европейской политике. Это отразилось и на завершении восточного кризиса, что имело для России важнейшее значение. Но ни усилия царской дипломатии, ни политика других европейских держав не могли остановить уже развивавшееся освобождение народов от пут старого строя. Этот процесс проявлялся в разных формах, в том числе и в форме революционной борьбы.

Глава V. Россия и восточный кризис 20-х годов

1. Политика России и международные отношения на Балканах в начале восточного кризиса

20-е годы XIX века вошли в историю международных отношений не только как эпоха европейских революций и борьбы с ними Священного союза, но и как новый этап в развитии восточного вопроса. Революционный подъем в Европе нашел отзвук и в одряхлевшей Османской империи. В ее европейских и азиатских владениях еще раньше развернулась национально-освободительная борьба. Непосредственной причиной обострения восточного вопроса в 20-х годах, переросшего в международный кризис, стало начало весной 1821 года греческой революции, прологом к которой послужило восстание под руководством Александра Ипсиланти в зависимом от Порты княжестве Молдавии.

Россия и другие европейские державы не преминули использовать обострение ситуации в Османской империи в связи с подъемом освободительной борьбы греческого народа для реализации собственных планов на Ближнем Востоке и Балканах. Стремление ведущих европейских держав взять под свой политический контроль Балканы, этот стратегически важный регион Европы, а также осуществить экономическое проникновение в него осложняло международную обстановку, придавало балканской проблеме большую остроту. В 20-е годы восточный вопрос приобрел значение одной из крупнейших проблем международной политики. Не только греко-турецкий конфликт и поиски путей его ликвидации, но и собственно русско-турецкие отношения, обострившиеся из-за явного нежелания Порты выполнять свои обязательства по Бухарестскому миру 1812 года, стали объектом политического вмешательства Англии, Австрии, Франции. Борьба за лидерство при урегулировании греко-турецкого конфликта разгорелась в первую очередь между Россией, Англией и Австрией.

Разразившийся в результате обострения восточного вопроса международный кризис в своем развитии прошел несколько этапов, расширился регион его действия, изменилась роль России в нем, особенно на завершающем этапе кризиса.

Для России, после создания Священного союза фактически откавшейся от дальнейшей территориальной экспансии в Юго-Восточной Европе, стало особенно важным достижение реального осуществления

широкой внутренней автономии Дунайских княжеств и Сербии, закрепление в них своего политического влияния. Большое значение для России имел вопрос о черноморских проливах и черноморской торговле.

Подготовку восстания в княжестве Молдавии вела греческая тайная политическая организация «Филики Этерия», действовавшая на юге России. Тогда там проживало немало выходцев из Греции, существовали большие греческие колонии. Греки издавна имели прочные экономические связи с Россией. Политическим центром греческой эмиграции в России стала Одесса. Там и была основана в 1814 году «Филики Этерия». Возглавлявший ее с 1820 года А. Ипсиланти служил в русской армии, участвовал в Отечественной войне 1812 года, был флигель-адъютантом Александра I. Он знал многих деятелей Южного и Северного обществ декабристов, некоторых из них посвящал в свои планы освободительной борьбы.

Греция, одна из наиболее развитых в экономическом и культурном отношении европейских владений Турции, задыхалась в тисках османского владычества. С 1774 года греки предприняли уже две попытки восстания, в начале 20-х годов XIX века они восстали вновь. Отряды греческих повстанцев формировались в княжестве Молдавии и на юге России. Оттуда в марте 1821 года они перешли Прут и вступили в княжество. Их воодушевляли призывы Ипсиланти «К грекам!», «К народу Молдавского края!». Пламенные слова, напоминавшие строфы революционной французской «Марсельезы» — «К оружию, друзья, Отечество нас призывает!», — звали на самоотверженную борьбу за свободу греческого народа. Под влиянием первых успехов повстанцев в апреле произошло восстание в Морее (Пелопоннес). Начавшаяся греческая национально-освободительная революция завершилась только в 1829 году. Само же греческое восстание в княжестве Молдавии было подавлено османскими войсками в июне 1821 года. Подъем освободительной борьбы в Греции весьма остро поставил вопрос о дальнейшей судьбе европейских владений Османской империи, о будущем балканских народов.

В поисках военной поддержки восстания Ипсиланти обратился к Александру I, находившемуся тогда в Лайбахе, рассчитывая на его заинтересованность в упрочении позиций России на Балканах. Однако, как показал дальнейший ход событий, эти надежды оказались несостоятельными. Участники Лайбахского конгресса отнеслись враждебно к известиям о начале греческого восстания, фактически восприняв его как звено в общей цепи европейских революций. Александр I даже должен был убеждать своих партнеров по Священному союзу в полной непричастности официальной России к восстанию, поскольку его возглавлял генерал царской армии, его флигель-адъютант¹. В своих первых же депешах из Лайбаха в Петербург царь осудил восстание, в помощи Ипсилан-

ти отказал. Ипсиланти был уволен со службы, лишен воинских званий и боевых наград.

Из Лайбаха статс-секретарь по иностранным делам К.В. Несельроде направил «Циркулярную депешу дипломатическим представителям за границей» от 28 апреля (10 мая), в которой излагались позиции царя в связи с европейскими революциями и подъемом освободительной борьбы греческого народа. Царь считал необходимым дальнейшее единение Священного союза. Однако, исходя из традиций покровительства христианским народам на Балканах, из стремления не утратить там свое политическое влияние, царское правительство не могло остаться равнодушным к развертывавшимся событиям в Дунайских княжествах и в Греции. Согласно полученным в Константинополе русским посланником Г.А. Строгановым первым после начала греческого восстания инструкциям, он должен был путем дипломатического нажима повлиять на османские власти, не допустить кровавой расправы турецких войск с христианским населением. Попытки Строганова добиться выполнения этих задач были одобрены царем в его рескрипте из Лайбаха от 31 марта. В нем было сказано: «Пусть Порта знает, что мои принципы никогда не позволят мне поощрять восстание, пусть, с другой стороны, жертвы происходящих событий находят у Вас поддержку... когда такое бедствие обрушивается на народ, с которым нас связывают священные узы единой веры»².

Несмотря на заявления Строганова, Порта начала жестокую расправу с восставшими и мирным христианским населением. Члены дипломатического корпуса в Константинополе с тревогой ожидали изменения позиций царя и военного выступления России в защиту единоверцев. Столкновение России с Турцией могло повлиять на ход событий в Греции, усилить в ней и на Балканах в целом российские позиции. А именно этого опасались и старались не допустить ведущие европейские державы, прежде всего Англия и Австрия. Поэтому они жаждали скорейшего подавления восстания греков османскими силами и настороженно восприняли уже первые дипломатические акции России в защиту греков. Международная обстановка на Балканах ухудшалась.

Первые официальные заявления царя в связи с греческим восстанием не предотвратили замешательства в придворных кругах Петербурга. Многие известные военачальники, государственные деятели, дипломаты, считавшие себя приверженцами «русской партии», видели долг своей страны в защите единоверцев. Эти гуманные цели переплетались с попытками использования создавшейся ситуации на Балканах для решения черноморской проблемы, упрочения позиций России на Балканах и Ближнем Востоке. Деятели, имевшие в южных районах России крупные поместья, были непосредственно заинтересованы в безопасности

южных границ, в благоприятных условиях для развития черноморской торговли, что во многом зависело от состояния русско-турецких отношений, от урегулирования греко-турецкого конфликта. Второй статс-секретарь по иностранным делам И. Каподистрия, военный министр граф А.И. Чернышев, командующий 3-м корпусом генерал граф М.С. Воронцов, управляющий Министерством внутренних дел граф В.П. Кочубей, а также «проконсул Кавказа» А.П. Ермолов, начальник штаба 2-й (Молдавской) армии генерал П.Д. Киселёв, дежурный генерал Главного штаба А.А. Закревский, посланник в Константинополе Г.А. Строганов и др. по разным мотивам поддерживали активное давление России на Порту, не исключая даже войны с ней. Почти все русские послы и посланники в европейских столицах полагали, что традиции покровительства и защиты Россией балканских народов от османского гнета, ее собственные политические интересы вызывают необходимость военного выступления против Порты.

К политической группировке, занимавшей более осторожные позиции, принадлежали великий князь Константин Павлович, министр финансов Д.А. Гурьев, К.В. Нессельроде и др. Главным же было то, что и сам Александр I взял курс на проведение сдержанной политики в греко-турецком конфликте. Политические и экономические интересы, вопросы конфессионального единства — все это тогда переплелось в тугой клубок, сказалось на позиции России в восточном вопросе, отразилось на деятельности российской дипломатии.

После начала греческой революции Александр I, заняв позицию сдержанности, хотел продемонстрировать верность России принципам Священного союза, нежелание вступать в серьезный конфликт с Турцией из-за осложнения ее отношений с греками. Но это не уменьшило неприязнь европейских держав к политике России на Балканах, а что касается Порты, то она расценила довольно умеренные требования российской дипломатии в связи с греко-турецким конфликтом как признак ее слабости, боязни решительных действий против Турции. Объявив Россию виновницей «бунта» в княжестве Молдавии, усилив там и в отдельных регионах Греции карательные экспедиции, османские власти стали грубо нарушать условия договоров с Россией о свободе торгового судоходства в проливах. Были задержаны русские и греческие суда, перевозившие для продажи сельскохозяйственную продукцию из южных портов России. Русский торговый флот на Черном море тогда был еще слаб и немногочислен. Поэтому российские предприниматели пользовались услугами зафрахтованных судов, прежде всего греческих, плававших под русским флагом.

Теперь, в начале 20-х годов, в круг русско-турецких противоречий все активнее включаются противоречия в Черноморском бассейне. За-

дачи обеспечения Россией безопасности торгового судоходства на Черном море, ее южных портов, игравших важную роль в развитии внешней торговли, решения проблемы свободного выхода через проливы в Средиземное море — все это продолжало способствовать нарастанию русско-турецких противоречий, явившихся важным компонентом международного восточного кризиса.

К середине 1821 года, несмотря на вторжение османских войск в Дунайские княжества, что явно нарушало их внутреннюю автономию, несмотря на урон, нанесенный действиями Порты престижу России на Балканах, ее черноморской торговле, Александр I продолжал занимать в отношении Турции выжидательную позицию. Об этом свидетельствовал характер нот российского МИД, направленных Порте через Г.А. Строганова. Но поскольку многочисленные обращения России к Порте с призывами мирными средствами урегулировать конфликт на Балканах, а также собственно русско-турецкие вопросы оставались без внимания³, 6 июня 1821 года Строганов вручил султанскому правительству ультимативную ноту. В ней решительно выдвигались требования вывода турецких войск из Дунайских княжеств, обеспечения им гарантий в соответствии с Бухарестским договором 1812 года, восстановления свободы навигации в проливах и выполнения других условий прежних русско-турецких договоров. В ноте подчеркивалось, что если Порта «будет упорствовать в осуществлении своего губительного плана, то поставит Россию перед выбором — либо отказаться от своих обязательств, либо выполнить их, и в последнем случае выбор императора не может подлежать сомнению»⁴. Ответа от Порты и на сей раз не последовало. Тогда 15 июля Г.А. Строганов заявил о разрыве Россией дипломатических отношений с Турцией. Вскоре русская миссия покинула Константинополь.

Разрыв дипломатических отношений России с Турцией, несмотря на обещание царя придерживаться курса на мирное урегулирование русско-турецких противоречий и греко-турецкого конфликта, вызвал большую обеспокоенность европейских держав. Не желая обострять с ними отношения и нарушать принципы Священного союза, Александр I стремился играть ведущую роль при организации коллективного давления на Порту для урегулирования греко-турецкого конфликта. Но трудность реализации таких целей проявилась уже в 1821 году и еще больше раскрылась в дальнейшем.

Особенно важным для петербургского кабинета стало выяснение позиции английского правительства. На это было обращено внимание российского посла в Лондоне Х.А. Ливена. Весной того же года он неоднократно встречался с главой внешнеполитического ведомства Великобритании лордом Р. Каслри и сообщал в Россию о настроениях лондонского кабинета⁵. Ливен сначала переоценил степень искренности за-

верений Каслри в нежелании Англии активно вмешиваться в конфликт на Балканах и в другие восточные дела. В действительности события на Балканах вызвали большую тревогу лондонского кабинета, так как грозили нарушить зыбкое равновесие венской системы и явно противоречили политике поддержки статус-кво в Османской империи. Кроме того, национально-освободительная борьба разворачивалась в непосредственной близости от важнейших торгово-экономических путей Средиземноморья и в опасном соседстве с Ионическими островами, где уже давно зрело недовольство колониальными методами управления Англии. Фактически российское правительство было тогда единственным постоянно протестовавшим против кровавых расправ Порты над мирным христианским населением и пытавшимся найти выход из кризиса с определенным учетом интересов балканских народов. Британское правительство, забыв о своей оппозиции континентальным державам в подавлении революций военными методами, практически встало на сторону Священного союза, объявив восставших греков бунтовщиками против «законного суверена». Видный английский историк Ч. Вебстер справедливо назвал такую позицию сент-джеймского кабинета «почти страстной защитой султана»⁶. Главной задачей английской дипломатии стало любыми средствами предотвратить русско-турецкую войну, вырвать из рук России инициативу в урегулировании конфликта на Балканах. В письме Александру I от 16 июня 1821 года Каслри даже запугивал царя, подчеркивая, что попытки навести порядок во владениях Османской империи путем вмешательства извне могут привести к усилению революционного движения в разных регионах Европы.

Вслед за инструкцией Г.А. Строганову о предъявлении Порте ультимативной ноты российским МИД 22 июня 1821 г. была послана депеша союзным дворам с просьбой поддержать русские требования в Константинополе, помочь сохранить существование самой греческой нации, заставить Порту выполнять договоры, заключенные ею с Россией⁸. В этот же день И.А. Каподистрия и К.В. Нессельроде направили личные письма поверенному в делах в Лондоне П.А. Николаи. Несмотря на определенные различия во взглядах статс-секретарей на данные проблемы, тон депеш был фактически одинаковым: подчеркивалось, что Россия не несет ответственности за возникновение восточного кризиса, а Порты игнорирует все протесты и предложения России по урегулированию конфликта. Каподистрия писал, что традиционная английская политика, проникнутая недоверием к России и желанием противодействовать ей в восточных делах, способствовала ухудшению русско-турецких отношений, углублению восточного кризиса⁹. В письмах выражалось также сожаление по поводу отказа английского посла в Константинополе П. Стрэнгфорда поддержать предложения Г.А. Строганова о коллек-

тивном демарше глав посольств, аккредитованных в столице Османской империи, в связи, по словам Каподистрии, «с чудовищной расправой над константинопольским патриархом»**. Эти же акценты содержались и в официальном письме К.В. Нессельроде находившемуся со специальной миссией в Вене Ю.А. Головкину, поскольку австрийское правительство заняло выжидательную позицию, не спешило «добиться совместными усилиями умиротворения на Востоке»¹⁰.

Австрия не хотела открыто противостоять России, опасаясь отказа Александра I от принципов Священного союза, что не входило в ее планы европейской политики. Грозную силу представляли многочисленные угнетаемые Австрией народы, находившиеся в составе Габсбургской монархии. Ей был нужен мощный союзник по борьбе с европейскими революциями, распространившимися и на австрийские владения на севере Италии. Нужна была Австрии поддержка России и в борьбе за гегемонию в Союзе германских государств. Искушенный в политических интригах, канцлер К.А. Меттерних с начала восточного кризиса применил свой давний и надежный прием: чтобы нанести удар противнику, надо блокироваться с его основным соперником, но самому оставаться в тени. Таким соперником для России в восточном вопросе стала Англия. В ее протурецких позициях тогда трудно было сомневаться. Став союзником Англии, австрийская сторона внешне продолжала сохранять лояльное отношение к России, но пыталась активно влиять на К.В. Нессельроде.

Донесения, шедшие летом 1821 года из Петербурга в Париж от посла Лаферроне, свидетельствуют, что французский кабинет был хорошо информирован об обстановке на Балканах, о позициях России, Англии, Австрии и других европейских государств. Правительственные круги Франции, исходя из собственных интересов на Востоке, поддерживали позиции Александра I и Нессельроде — противников крайних мер по отношению к Порте¹¹. Известно, что Каподистрия, которому царь предложил разработать план действий на Востоке, придерживался иных позиций. Патриот своей родины — Греции, он стремился к ее национальной независимости, достижение которой связывал с военной помощью России. Он же выступал за недопущение вмешательства дипломатии западных держав в урегулирование собственно русско-турецких разногласий. Его позиции находили сторонников и противников в высших политических сферах России.

Ряд положений плана Каподистрии поддерживал российский посол в Париже К.О. Поццо ди Борго, корсиканец-роялист, в прошлом

* Он стал жертвой разжигания султаном религиозной ненависти к христианам. Как сообщил Нессельроде российским дипломатам в ряде европейских стран, «тело одного из первых пастырей греческой церкви на Востоке подверглось самому чудовищному поруганию. Сам символ веры втопан в грязь, большая часть церковей разрушена...».

один из ярких противников Наполеона. Он находился на русской службе с 1805 года, преданно отстаивал интересы царизма, в том числе и в восточных делах. Поццо ди Борго хорошо знал обстановку во Франции, недовольство правящих верхов решениями Венского конгресса, позициями на нем Александра I относительно границ страны и ее положения в Европе, учитывал он также сложные отношения Франции с Англией. Все это, по его мнению, делало весьма проблематичной возможность совместного давления на Порту России и Англии. А Петербург рассчитывал таким образом поднять акции своей страны на Балканах.

Несмотря на сложное отношение парижского кабинета к политике России, в 1821 году Франция предприняла тактику лавирования и даже поддержки требований России к Турции. Давнее соперничество Франции и Англии заставляло французское правительство искать противовес английской политике на Ближнем Востоке. Но в целом в силу ряда причин Франция в начале восточного кризиса не играла первостепенной роли. Что касается Пруссии, то ее заинтересованность в союзе с Россией, нежелание усиления позиций Австрии на международной арене, а также отсутствие собственных значительных интересов на Балканах делали ее политику во время восточного кризиса тоже сдержанной. Такой была расстановка сил на международной арене в первый год восточного кризиса.

В январе 1822 года национальное собрание в Эпидавре провозгласило самостоятельность Греции и приняло конституцию — Эпидаврский органический статут. Летом того же года в Морее была разгромлена 30-тысячная османская армия. Однако до торжества греческой революции было еще очень далеко. Османские войска жестоко подавляли отдельные очаги революции.

Дальнейшее развитие национально-освободительного движения в Греции оказывало серьезное влияние на изменения международной обстановки. Оно проявлялось и во все более возрастающих трудностях российской дипломатии, стремившейся умиротворить Грецию и Турцию. В 1822 году Россия стала придерживаться более пассивной, нежели в предшествовавший год позиции. Упорные попытки И. Каподистрии склонить Александра I к военной поддержке греков не дали результатов. Царь твердо стоял тогда на позициях сохранения мирных отношений с Турцией. Искушенный в сложностях и тонкостях дипломатии, державший в руках все нити внешней политики страны, Александр I считал, что мир нужен России и что от него в значительной степени зависят престиж страны в Европе, в Священном союзе да и устойчивость самой «венской системы». Опытный политик, он особенно часто пускал в ход в качестве аргументов для отказа от военной поддержки греков приверженность принципам легитимизма, Священного союза. Новый

узел международных противоречий, который мог завязаться при начале русско-турецкой войны, грозил нарушить политическое равновесие в Европе. Этого-то стремился не допустить Александр I.

Различия в подходах царя и статс-секретаря по иностранным делам И. Каподистрии к вопросу о войне с Турцией и послужили в известной мере причиной его фактической отставки. Каподистрия был отпущен царем в бессрочный отпуск и уехал в Швейцарию. Отставка Каподистрии была встречена с удовлетворением австрийским канцлером К.А. Меттернихом, направляющим свои усилия на ограничение свободы действий России на Балканах, на Ближнем Востоке и на усиление влияния Австрии на ход восточного кризиса.

Однако торжество австрийского канцлера было преждевременным. Противоречия оставались сильными не только между Россией и другими ведущими державами, но и внутри блока этих держав — Священного союза, ведь каждый партнер стремился извлечь из восточного кризиса свои выгоды. К тому же Россия по-прежнему оставалась самой серьезной силой, с которой приходилось считаться как Австрии, так и Англии и другим европейским странам. И это был вынужден признать в дальнейшем не только Меттерних, но и Джордж Каннинг, новый британский статс-секретарь по иностранным делам, который с 1823 года начал решительное наступление на дипломатию партнеров по Священному союзу.

Дж. Каннинг известен как один из виднейших английских дипломатов XIX века. Будучи явным консерватором в области внутренней политики, Каннинг слыл «либералом» в политике внешней. Английские исследователи даже называют такое парадоксальное явление «загадкой Каннинга»¹². Действительно, он приложил руку к разрушению Священного союза, признал греков воюющей стороной. Но во имя чего, с какой целью он так действовал? Во многом ответ на эти вопросы даст знакомство с его позицией и политикой на протяжении развития восточного кризиса 20-х годов, которое почти совпало с годами вторичного возвращения Каннинга на пост министра иностранных дел Англии.

Восточный вопрос был одной из тех острых международных проблем, которые способствовали то объединению, то разъединению европейских государств, а также подновлению идеологических положений, которыми государи обосновывали свою политику. Россия, так же как Австрия и Англия, преследовала в восточном кризисе своекорыстные цели. Сложное переплетение политических расчетов, военно-стратегических задач и экономических интересов определяло политику царского правительства в восточном вопросе. Ближневосточный курс России в период международного кризиса 20-х годов был направлен прежде всего на защиту собственных интересов на Балканах, в проливах на Черном море. Затем, на завершающем этапе этого кризиса, круг задач и регион

интересов России расширяется. В отличие от других европейских держав, покровительствуя православным народам Балкан, она способствовала их национальному освобождению, воссозданию государственности, подъему национальной культуры. Это в немалой степени основывалось на давних русско-балканских политических и культурных связях.

С начала восточного кризиса усилилось наступление османских властей не только на политические права Дунайских княжеств, но также и на сербскую автономию. Вероломное нарушение Портой обязательств по Бухарестскому миру в отношении Сербии, кровавое подавление в 1813 году Первого сербского восстания вызвали новое антиосманское выступление. В результате второго сербского восстания (1815 г.) в стране была введена ограниченная внутренняя автономия. Верховный князь Сербии Милош Обренович, представители сербской общественности, духовенства в годы восточного кризиса не раз обращались к России за помощью и поддержкой. Сначала ходатаем перед султанскими властями в Константинополе был российский посланник Г.А. Строганов, убежденный сторонник дальнейшего развития российского покровительства балканским народам, немало сделавший для сербского и греческого народов. Но именно урегулирование греко-турецкого конфликта стало в начале 20-х годов одной из основных задач России, как и других стран. Об этом свидетельствовали позиции европейских держав накануне подготовки и во время проведения Веронского конгресса, хотя, как известно, эти вопросы официально не были включены в регламент работы конгресса.

Перед созывом конгресса, 14 сентября 1822 года, К.В. Нессельроде направил из Вены ноту, «адресованную уполномоченным дворов Австрии, Франции, Англии и Пруссии, которая была вручена князю Меттерниху, виконту Монморанси, герцогу Веллингтону и графу Бернсторфу¹³. В ней Нессельроде, констатируя фактическую безрезультатность прежних переговоров представителей этих государств с Портой об умиротворении Греции и даже отмечая участие английского посла в Константинополе в разжигании претензий Порты к России, выдвигал предложения по ликвидации восточного кризиса. В этих предложениях были разграничены вопросы умиротворения Греции путем коллективного давления на Порту — в результате прямых переговоров «между уполномоченными России, союзных держав и Оттоманской Порты относительно гарантий, которые получают греки, вновь подчинившись верховной власти турецкого султана»¹⁴, и вопросы урегулирования собственно русско-турецких противоречий на основе двустороннего рассмотрения всех спорных дел при благоприятном для России отношении союзных держав. Как видно из ноты Нессельроде, российское правительство не ставило вопрос о предоставлении Греции полной государственной не-

зависимости. Что касается русско-турецких проблем, то к ним были отнесены восстановление прежнего положения Дунайских княжеств, вывод из них османских войск, возмещение им Портой убытков, связанных с затянувшейся военной оккупацией, назначение господарей. В ноте также заявлялось: «Порта должна будет отменить все меры, принятые ею против торговли и свободы мореплавания на Черном море», поскольку эти меры нарушали статью ее прежних договоров с Россией¹⁵. Выполнение Турцией вышеизложенных требований могло привести к восстановлению ее дипломатических отношений с Россией.

В ответ на заявление Нессельроде последовали только туманные обещания европейских партнеров России. Не дали сколь-нибудь значительных результатов и переговоры самого Александра I в Вене, куда он заехал по пути на Веронский конгресс. На конгрессе неофициальный обмен мнениями по восточным делам состоялся во время заседаний 9, 26 и 27 ноября 1822 года. В ответ на декларацию, зачитанную российским уполномоченным на конгрессе Д.П. Татищевым, австрийский канцлер Меттерних, а также уполномоченные представители Франции и Пруссии снова заверили русскую сторону в том, что будут прилагать усилия для восстановления «доброго согласия между двумя империями». К ним присоединился Артур Веллингтон¹⁶. В то же время они призвали Россию быть умеренной в требованиях к Порте, поскольку она, по их мнению, уже сделала уступки своим подданным-христианам и России. Так под маской благожелательности к требованиям России к Порте проводилась тактика торможения активной политики России на Балканах, устранения под ее нажимом греко-турецкого конфликта. Такие позиции представителей главнейших европейских держав объективно служили поддержкой действий Порты в отношении восставших греков¹⁷. По сути, и после Веронского конгресса вопрос о коллективном демарше перед Турцией по греческим делам» вопрос о государственном статусе Греции остались открытыми.

На Веронский конгресс прибыли греческие посланцы во главе с членом Временного правительства страны Андреасом Метаксосом, они имели собственную декларацию. Однако им было отказано в праве присутствовать на конгрессе. Меттерних же в последний день работы конгресса сумел собрать «континентальную триаду» — представителей Австрии» Пруссии и России для подписания особой инструкции» осуждавшей освободительную борьбу греков, как и других европейских народов¹⁸.

Отношение Александра I к греческому вопросу, убежденность в возможности его решения путем коллективного давления европейских держав на Порту нашли отражение в настроениях представителей правящих кругов России. Со временем, когда стало совершенно ясно, что Россия

не вступит в войну с Турцией, острота суждений по поводу греческих дел у одних стала притупляться, а у других даже возникла потребность заявить о своем осуждении повстанцев. К последним можно отнести главного начальника южных губерний России графа А.Ф. Ланжерона, который в начале греческого восстания с восторгом рассказывал П.Д. Киселёву о том, что он выдал более 300 паспортов грекам, отправлявшимся на территорию княжества Молдавии, чтобы вступить в отряды Ипсиланти. Позже Ланжерон просил Киселёва оказать «одну очень важную дружескую услугу», рассказав царю, как он препятствует отъезду из Одессы греков для участия в освободительной борьбе своего народа¹⁰. Так менялись настроения. Но дух сочувствия героической борьбе греческого народа в России не угасал, росло также стремление оказать помощь греческим беженцам. И тот же граф Ланжерон многое сделал для организации материальной помощи беженцам.

После того как началось восстание в Морее, к России с просьбой о помощи обратились представители греческого духовенства города Патраса (Патры). 26 марта 1821 года несколько епископов подписали и направили письмо русскому генеральному консулу в Патрасе И.Н. Власопуло. Они писали, что «христианская греческая нация перед лицом-усиливающегося с каждым днем угнетения ее османами, стремящимися уничтожить греков если не одним, то другим путем, твердо решили умереть или сбросить иго. С этой целью все мы взяли за оружие, чтобы потребовать своих прав»²⁰. Большой новый материал об обращениях греков с просьбой о помощи к России в период развития греческой революции, об оказании материальной помощи греческим беженцам, о защите российской дипломатией прав других христианских подданных султана содержится в фундаментальной публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел» (т. XII — XV. М., 1980, 1982, 1985, 1992).

24 июля 1821 года с обращением к населению России выступил министр духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицын, призвавший к сбору пожертвований для единоверцев — греков и молдаван, бежавших в Бессарабию и Одессу. Тогда же он обратился и к А.Ф. Ланжерону, и к российскому православному духовенству, которое также развернуло сбор пожертвований. В ряде городов Южной России были созданы специальные вспомогательные комиссии. Их деятельность особенно интенсивно велась в Кишинёве и в Одессе, в том числе при графе М.С. Воронцове, ставшем в 1823 году генерал-губернатором Новороссии. Отчеты комиссий дают представление о суммах пожертвований, о местах, откуда они поступали, и об использовании денежных средств²¹. Зимой 1822-го и летом 1823 года велся сбор пожертвований по листам открытой подписки «на выкуп пленников греческого народа» — «жи-

телей острова Хиос, Кассандры и Сидонии»²². В нем приняли участие и представители римско-католической церкви. Материалы о деятельности комиссий, сохранившиеся в фондах АВПРИ, уникальны в описании форм помощи России грекам в период греческой национально-освободительной революции 1821–1829 годов, поскольку документы национального архива в Фессалониках погибли во время пожара накануне первой мировой войны и позже, когда во время Второй мировой войны и оккупации оставшаяся часть архива была разграблена гитлеровцами.

Большой интерес к освободительной борьбе греков проявили участники тайных антиправительственных обществ в России — будущие декабристы. Она стала для них образцом мужества и героизма, оказала большое воздействие на разработку проектов политического переустройства России после возможного разрушения в ней самодержавного строя. С большим воодушевлением восприняв первые известия о греческом восстании 1821 года, члены тайных обществ продолжали пристально следить за революционными событиями в Греции, с болью воспринимали кровавую расправу османских властей с повстанцами и мирным населением, участвовали в сборе пожертвований. Но они понимали ограниченность таких мер поддержки, критически относились к итогам международных переговоров, считали необходимой военную помощь России греческому народу. Одним из интересных свидетельств подобных настроений в декабристской среде являются высказывания Н.И. Тургенева, видного деятеля Северного общества. По словам Тургенева, нельзя было без ужаса «читать в газетах описание того, что делают турки с греками и в Хиосе, и в Салониках, и в Константинополе... Надежда на освобождение греков, кажется, начинает вообще ослабевать. Что случилось с Хиосом, то может стать и с другими островами, а с твердою землею и подавно». Эти строки он писал 25 июня 1822 года в связи с известиями о хиосской резне. 14 сентября, снова обращаясь «к несчастиям Греции» и порицая политику европейских держав в греческом вопросе, Н. Тургенев уже категорически утверждал, что «существование турков в Европе делает вечный стыд образованности государств, которые терпели это существование»²³. Каждое новое известие об успехах греческих повстанцев вселяло надежду на победу освободительной борьбы греческого народа. Как событие большой значимости для освободительной борьбы в Греции было оценено членами тайных антиправительственных обществ назначение на пост главнокомандующего ее войсками видного деятеля «Филики Этерия», руководителя восстания 1821–1822 годов в Морее Т. Колокотрониса. В то же время глубоко антинародная, реакционная сущность Священного союза и его конгрессов, в котором роль Александра I, как известно, была велика, резко осуждалась.

Позднее, уже после подавления восстания 14 декабря 1825 года, один из его участников — П.Г. Каховский, заключенный в Петропавловскую крепость, писал оттуда царю письма, обличающие внутреннюю и внешнюю политику царизма. Много гневных слов было направлено в адрес политики Александра I и других участников Священного союза во время восточного кризиса. Каховский писал: «Целая нация (греки. — *Авт.*) истребляется, и человеколюбивый Союз равнодушно смотрит на гибель человечества. Сербы, верные наши союзники, стонют под игом бесчеловечия турецкого; черногорцы... забыты, покинуты на произвол судьбы».

В первой половине 20-х годов происходили формирование политических проектов в тайных обществах декабристов, подготовка выступления против царизма. Тогда же, в значительной степени под влиянием освободительной борьбы балканских народов, в Южном обществе и в Обществе соединенных славян зрели идеи создания «балканской федерации». Идея федеративного устройства Балкан, высказанная Пестелем и другими декабристами, заслуживает внимания²⁵. Но была ли эта идея осуществима в тех исторических условиях, при столь больших этнографических, политических и других различиях между народами Балкан? Скорее всего, нет, даже и при успехах революционного переворота в России, при развитии освободительного движения на Балканах. Это была мечта о свободе и единении народов, за осуществление которой декабристы отдали свои жизни, пошли на каторгу в Сибирь или под пули горцев в действующую армию на Кавказ.

2. Новые черты в политике России. Петербургский протокол 1826 года

Итоги Веронского конгресса способствовали изменению расстановки сил европейских держав, втянутых в восточный кризис. К середине 20-х годов регион, охваченный кризисом, стал расширяться. С весны 1823 года Дж. Каннинг начал интенсивные поиски путей укрепления позиций Англии в Средиземноморье, в Леванте. Активизировалось внимание английской дипломатии к Закавказью. Греции по-прежнему отводилась значительная роль в планах Каннинга.

Внешнеполитический курс английского кабинета вызвал ответную реакцию царского правительства. После завершения конгрессов Священного союза Александр тоже усилил внимание к Восточному вопросу. Отношения между Россией и Англией становились более напряженными из-за стремления и той и другой страны играть главную роль в решении греческих дел. Россия разорвала дипломатические отношения с Портой, и К.В. Нессельроде поручил вести переговоры в Константинополе о Ду-

найских княжествах и свободе навигации в Проливах П. Стрэнгфорду, одному из наиболее откровенных противников политики И, Каподистрии. Его деятельность отнюдь не способствовала урегулированию русско-турецких отношений. Но К.В. Нессельроде придерживался иной точки зрения, продолжал уповать на «миротворческую» миссию Стрэнгфорда, как это видно из дипломатической переписки с российским МИД²⁶.

В 1823 году британский и австрийский кабинеты усилили нажим на Порту, опасаясь, что Россия может применить военную силу, дабы заставить Порту выполнять нарушенные статьи Бухарестского договора, а также русско-турецкого торгового договора 1783 года. В конце февраля английским и австрийским дипломатическим представителям в Константинополе удалось убедить рейс-эфенди направить Нессельроде письмо, которое в Петербурге было расценено как известный шаг к примирению²⁷. Однако реально турецкая сторона, и об этом свидетельствовали известия из Константинополя, не спешила выполнять все требования России. Правда, из Дунайских княжеств были выведены войска, отстранены от политической власти фанариоты — греческая финансовая аристократия, тесно связанная с османским правительственным аппаратом. Управление княжествами было передано местным боярам: в Молдавии — И. Стурдзе, в Валахии — Г. Гике. Но обстановка в княжествах оставалась сложной и напряженной. Сохранялись также значительные ограничения черноморской торговли. Поэтому Александр I не спешил назначать своих представителей в столицу Османской империи.

Неожиданный дипломатический ход английского кабинета повлиял на политику России и других держав. 25 марта 1823 г. Каннинг объявил о признании греков воюющей стороной. И хотя такое заявление объяснялось им в первую очередь стремлением оградить интересы торгового судоходства, которому греко-турецкая война наносила значительный урон, объективно этим заявлением был нанесен удар по принципам Священного союза. Признание греков воюющей стороной было сделано английской дипломатией с дальним прицелом. Такое заявление создавало реальные условия для усиления английского влияния в Греции и на Балканах в целом. Известный российский исследователь В.Н. Виноградов справедливо заметил по этому поводу, что «английское влияние росло, паразитируя на ошибках царской дипломатии, а не на основе позитивной программы поддержки греческой революции»²⁸. Подписание Россией совместно с Австрией и Пруссией в конце работы Веронского конгресса декларации об осуждении освободительной борьбы греков охладило отношение Временного правительства Греции к России, чем и воспользовалась Англия, решившая «заставить восставших принять ее покровительство»²⁹.

Однако, как показало дальнейшее развитие событий, лондонскому кабинету не удалось отстранить Россию от решения греческих дел. Да и перегруппировка сил европейских держав, втянутых в восточный кризис, не была прочной. Так, из-за активизации британской политики в греческом вопросе был ослаблен установившийся ранее англо-австрийский альянс: Австрия была противницей признания Англией греков воюющей стороной. Российский посол Х.А. Ливен должен был довести до сведения британского статс-секретаря по иностранным делам, что Россия продолжает придерживаться идеи коллективного давления на Порту для урегулирования греко-турецкого конфликта и не допустит, чтобы «Морея и острова Архипелага были поставлены под исключительное покровительство одной из этих (союзных с Россией. — *Авт.*) держав»³⁰.

В апреле 1823 года был опубликован фирман султана Махмуда II, запрещающий России использовать греческие торговые суда под российским флагом. Его публикация произошла, видимо, не без давления английской дипломатии, что вызвало резкую ноту Нессельроде Стрэнгфорду. Реальная угроза военного конфликта между Россией и Турцией вызвала прилив активности английской дипломатии. В нотах Стрэнгфорда на имя рейс-эфенди стали звучать предостережения в связи с возможностью начала Россией войны, а это могло оказать действенное влияние на события в Греции, усилить там позиции России. В них также обращалось внимание на определенную стабилизацию обстановки в Европе после подавления революций в Италии, Португалии, Испании, что развязывало руки Александру I, создавало благоприятные условия для ведения им восточной политики. Изменение статус-кво на Балканах усилиями России противоречило задачам политики Англии. Поэтому при создавшейся ситуации Россия и Англия вступили в фазу более последовательной борьбы за лидерство в решении греческого вопроса, а следовательно, и за свое влияние на Балканах вообще. Острыми оставались вопросы положения Дунайских княжеств, Сербии, Греции.

С мая 1823 года по инициативе Александра I развернулась подготовка «тайного свидания» с австрийским императором Францем I для обсуждения восточных дел и выхода из кризиса. Встреча двух монархов состоялась в октябре в Черновицах. Представителю прусского короля в ней участвовать не пришлось, ибо этому воспротивились обе стороны. Особенно непримиримую позицию занял Меттерних, надевшийся, что во время двусторонней встречи Австрия сумеет оказать давление на русскую дипломатию. Одновременно во Львове состоялись переговоры Нессельроде и Меттерниха. В центре внимания были вопросы о положении в Дунайских княжествах, о черноморской торговле России, об умиротворении Греции. Русская сторона пыталась добиться поддержки Австрии в требованиях выполнения Турцией всех обязательств по Бу-

харестскому мирному договору. В итоге Меттерних поддержал предложение России о полном выводе турецких войск из Дунайских княжеств. Обсуждение же греческого вопроса он затягивал, ссылаясь на необходимость его согласования с другими союзными государствами. Возможно, на такую позицию Меттерниха повлияла неофициально доведенная до него записка Д.П. Татищева «О способах умиротворения Греции». Позднее многие ее положения вошли в официальную записку царского правительства — секретный «Мемуар об умиротворении Греции».

Тем временем положение в Греции обострялось. В 1824 году противоречия между различными социальными слоями в национально-освободительном движении привели к гражданской войне, усилилась борьба политических группировок в руководстве движением. Для нанесения более действенного удара по повстанцам султан призвал на помощь своего вассала египетского пашу Мухаммеда-Али. В интересах сохранения австрийского влияния на Балканах Меттерних вел коварную политику: он надеялся на возможность подавления греческой революции силами и султана, и египетского паши, а потому был сдержан в отношении Англии. Несмотря на трагизм положения греческого народа, главы европейских держав в своих корыстных интересах продолжали увещевать османские власти, но остерегались решительного давления на Порту. В целом это относится и к Англии, хотя и признавшей греков воюющей стороной.

Более активно действовала Россия. В связи с подготовкой в Петербурге союзной конференции, предложение о созыве которой было сделано во время русско-австрийских переговоров 1823 года, ее участникам в январе 1824 года был разослан секретный «Мемуар об умиротворении Греции». Это был первый конкретный, хотя и весьма непоследовательный, проект нового политического устройства греческих земель, урегулирования грекотурецкого конфликта. В какой-то мере он учитывал реальную обстановку на Балканах, а потому делал шаг вперед в решении проблем греческой государственности. В документе предлагалось разделить континентальной Греции на три княжества, с широкой автономией — по образцу Дунайских княжеств, при сохранении Портой верховной власти, а также закрепление прав и привилегий, которыми уже пользовались острова Архипелага. В «Мемуаре» был намечен план осуществления реальной защиты греческого населения от произвола османских властей³¹.

Проекты переустройства султанских владений на Балканах возникали во время восточного кризиса в Англии и в других странах. Как показало отношение к «Мемуару», он представлялся европейским кабинетам слишком опасным: они усматривали в документе предпосылки для политического преобладания России в Греции³².

«Мемуар» предполагалось обсудить на конференции в Петербурге с участием представителей Англии, Австрии и Пруссии. Меттерних выжидал, не давая оценку. Каннинг сначала выступил против участия в обсуждении проекта. Затем согласился, выдвинув условием быстрее восстановление Россией дипломатических отношений с Турцией, что должно было дискредитировать петербургский кабинет в глазах греков. Александр I, в принципе приняв предложения английской стороны, не торопился, однако, восстанавливать дипломатические отношения с Турцией. Российская дипломатия понимала подоплеку предложений Каннинга и все же возлагала немалые надежды на результаты Петербургской конференции.

В Петербурге были одобрены основы «Мемуара». Но представители союзных с Россией государств — участников конференции отказались направить инструкции в свои посольства в Константинополе для осуществления совместного демарша перед Портой. Более того, перед открытием конференции на страницах зарубежной печати появились отрывки из секретного «Мемуара», вызвав взрыв возмущения как греческой, так и турецкой стороны. Первая протестовала против попыток ограничения прав греческого народа на полную государственную самостоятельность, вторая — против вмешательства в ее внутренние дела. Порта заявила об отказе от каких-либо уступок воюющим грекам. Эта публикация нанесла урон политике России в Греции, достигла своей главной цели. Александр I был информирован о том, кто стал главным организатором публикации отрывков из секретного «Мемуара». Неслучайно он тогда прервал переговоры с Англией, но продолжал надеяться на поддержку его позиций по урегулированию греко-турецкого конфликта Австрией, Пруссией и Францией. Однако эти переговоры, завершённые уже в начале 1825 года, тоже не дали практических результатов.

Порта же, со своей стороны, используя сложившуюся международную обстановку, развернула новое наступление на греческих повстанцев. Над российской дипломатией нависла реальная угроза провала балканской политики, которую она вела с начала восточного кризиса.

В первые годы восточного кризиса петербургский кабинет был вынужден уделять меньше внимания непосредственным нуждам сербского и черногорского народов. Однако к середине 20-х годов складывавшаяся неблагоприятно для России обстановка на Балканах, опасения царского правительства утратить здесь свое влияние заставили его активизировать политику в отношении Дунайских княжеств, Сербии и Черногории. Продолжая отстаивать перед Портой требования выполнения ею обязательств относительно Сербии по Бухарестскому миру 1812 года, Александр I через своих дипломатических представителей советовал сербским политическим деятелям проводить гибкую и осторожную по-

литуку, дабы избежать возможных провокаций и репрессий со стороны османских властей. Внутренняя обстановка в Сербии после поражения восстания 1815 года была сложной. В начале 1825 года из Петербурга к правителю Сербии Милошу Обреновичу был направлен М.Ф. Герман, возглавлявший в 1820–1821 годах сербскую депутацию в Константинополе. Он вез письмо К.В. Нессельроде, в котором тот в связи с возросшими внутренними противоречиями призывал к установлению порядка в Сербии. В то же время российской дипломатией был сделан демарш перед Портой с целью освобождения находившихся с 1821 года при султанском дворе в качестве заложников сербских депутатов, прибывших туда для переговоров о правах своего народа³³. Весной 1826 года, вскоре после ультимативной ноты российского МИД султанскому правительству, сербские депутаты были освобождены. Под нажимом российской дипломатии из Дунайских княжеств были выведены турецкие войска.

В то же время английская дипломатия наряду с активизацией на Балканах усилила давление на персидского шаха и турецкого султана с целью создания их действиями большей напряженности на закавказских границах России и в самом Закавказье. Этим английское правительство намеревалось облегчить достижение успехов на Балканах, а также распространить влияние в странах Среднего Востока, интерес к которым у Британии неуклонно увеличивался. Франция также проявляла возрастающее внимание к этому региону. Восточный кризис продолжал углубляться, о чем свидетельствовало и его территориальное расширение. Россия становилась активной участницей кризиса не только в регионе Балкан и Ближнего Востока, но и на Кавказе, который занимал важное место в ее военно-стратегических, политических и экономических планах, в ее политике на Среднем Востоке.

В 1825-м, последнем году правления и жизни Александра I, наметились изменения курса внешней политики России на Балканах, проявилась ее решимость восстановить свой прежний престиж в Греции.

Эти изменения были зафиксированы в инструкции К.В. Нессельроде адресованной «российским представителям в Вене, Берлине и Париже», от 6(18) августа 1825 года. Она была одобрена царем, внесшим в нее некоторые коррективы. В инструкции рекомендовалось все предложения правительства Австрии, Пруссии, Франции принимать только для обсуждения, поскольку они парализовывали «благотворные намерения» Александра I по умиротворению Востока, и «воздерживаться от высказываний по турецким делам»³⁴. Петербургский кабинет брал курс на «свободу рук» при смягчении собственно русско-турецких противоречий. Вопрос об умиротворении Греции он по-прежнему связывал с коллективным давлением на Порту, но при главенстве России.

Новые тенденции в политике России не остались незамеченными главами европейских правительств. Но прореагировали они на них по-разному. Так, Австрия продолжала оставаться наиболее последовательной сторонницей полного восстановления османского владычества в Греции. Франция вновь выступила с предложением согласования союзными странами вопроса о коллективном демарше перед Портой. Предложение французской стороны не встретило особого интереса в Петербурге. Каннинг попытался на основе компромиссов пойти на сближение с Россией в греческих делах.

Российская дипломатия, заинтересованная в поддержке Англией своей политики, не отказалась от новой попытки согласования позиций двух великих держав. В 1825 году велись неофициальные двусторонние переговоры³⁵. Петербургскому кабинету были понятны цели Каннинга. Поэтому, ведя с Лондоном переговоры, царское правительство активизировало также подготовку к возможной войне с Турцией. К тому времени в правящих кругах России росло число сторонников быстреего завершения столь затянувшегося восточного кризиса, созревали планы выхода из него военным путем. Об этом свидетельствовали и позиции многих видных военачальников, в том числе тех, кто поддерживал идею военной помощи России грекам в 1821 году. К.В. Нессельроде тоже был вынужден признать малую эффективность внешнеполитического курса России в начале восточного кризиса, стал сторонником более жесткой тактики, меньше полагался на советы австрийского канцлера Меттерниха. Изменения во взглядах Нессельроде ясно видны по переписке с Александром I, содержанию официальных бумаг дипломатическим представителям России за рубежом. Резкая критика Нессельроде политики Австрии и интриг Меттерниха во время восточного кризиса прозвучала в одном из его последних докладов Александру I, а именно в докладе от 10(22) октября. В нем он раскрывал коварство Австрии, не желавшей разрыва с Россией и в то же время призывавшей Пруссию и Францию «с особым вниманием отнестись к тому, какую позицию займет Англия в связи с предложениями, сделанными ей греческим правительством»³⁶.

После поражений, нанесенных в 1825 году османскими войсками греческим патриотам, среди руководителей революции, членов правительства усилились разногласия, на какую европейскую державу опираться в дальнейшем. Наряду с «русской партией» в Греции активизировались сторонники английского протектората, Каннинг же занял уклончивую позицию. Среди ряда причин этого главными были нежелание Британии идти на явную конфронтацию с Россией, опасение начала ею войны с Турцией³⁷.

Готовясь к войне с Турцией, чтобы военным путем разрубить узел восточных противоречий, Александр I так до конца царствования и не

решился на такой резкий поворот в русско-турецких отношениях. Причин тому было много. Помимо влияния международного фактора необходимо учитывать, что Россия еще не смогла залечить глубокие раны, нанесенные ее экономике во время наполеоновского нашествия. Экономическое развитие самодержавно-крепостнической России шло гораздо медленнее, чем европейских капиталистических стран, в первую очередь Англии и Франции. В поисках путей подъема экономики страны, упрочения положения господствующего класса Александр I санкционирует проведение ряда реакционных мер. Внутренняя политика царизма 20-х годов характеризуется прежде всего усилением крепостного гнета и расширением прав помещика над крестьянином.

Победоносная Русско-турецкая война могла бы помочь преодолеть некоторые экономические трудности, особенно после стабилизации черноморской торговли, поднять престиж самодержца внутри страны, на время снять остроту внутреннего напряжения. Но, видимо, у Александра I не было уверенности в возможности быстрого и победоносного завершения войны. Внутреннее же состояние страны вызывало у него большие опасения, подогреваемые сообщениями о тайных обществах, о подготовке ими антиправительственного выступления.

Смерть Александра I в ноябре 1825 года в Таганроге, затем междоусобица, восстание 14 декабря на Сенатской площади Петербурга и, наконец, воцарение нового российского самодержца — императора Николая I — все это на время отодвинуло войну России с Турцией. Восточные дела, находившиеся в состоянии еще более углубившегося кризиса, привлекли пристальное внимание нового царя. Николай I был значительно меньше, чем его старший брат Александр, искушен в тонкостях дипломатии. Доверяя опытному в делах внешней политики и дипломатическим интригам К.В. Нессельроде, он оставил его во главе российского МИД, сделал даже впоследствии канцлером. Николай I одобрил и сохранил александровские общие принципы внешней политики России, но изменил тактику выхода из восточного кризиса. Это определялось не только чертами его характера. Известно, что Николай I был решительнее, нежели его брат. Немалую роль сыграло все более возраставшее недовольство результатами александровской политики представителей так называемой «русской партии» в правительственных и военных кругах, значительной части крупных помещиков, испытывавших затруднения в сбыте сельскохозяйственной продукции через южные порты, опасавшихся роста напряженности на южных границах России.

После драматических для Николая I событий, с которыми было связано его вступление на престол, он намеревался решительнее отстаивать интересы дворянства — социальной опоры самодержавия. Он также вы-

нужден был учитывать экономические интересы купечества и молодой буржуазии. Эти интересы многими нитями были связаны с черноморской торговлей. К тому же активизацией и возможными успехами восточной внешней политики царь намеревался несколько отвлечь внимание армии от внутренних проблем, от обсуждения событий 14 декабря и последовавших за ними правительственных репрессий. Немалую роль играло и стремление Николая I заявить о себе на международной арене, поднять престиж России на Балканах.

Российская дипломатия в конце царствования Александра I уже фактически подготовила переход России к более жесткому курсу в восточной политике. Признание этого прозвучало в первых же разговорах нового царя с членами дипломатического корпуса. Так, беседуя с чрезвычайным французским послом графом Э. Сен-При, Николай I произнес слова, которые затем облетели многие европейские кабинеты и встревожили их: «Брат мой завещал мне крайне важные дела, и самое важное изо всех: восточное дело... Если все мои союзники не будут в единомыслии и добросовестно стремиться к одной и той же цели — скорейшему окончанию этого дела, то они вынудят меня приняться за него и совершить его одному...»³⁸.

16 февраля 1826 года К.В. Нессельроде подал Николаю I записку, в которой излагались предложения российского МИД по выходу из восточного кризиса, был дан краткий обзор событий на Востоке с 1821 по 1825 год, политики России и других европейских держав и намечен более жесткий «план дальнейших действий правительства е. и. в-ва в турецких делах»³⁹. На основе анализа политики России и ее результатов за 1821–1825 годы он подтверждал необходимость проведения в дальнейшем значительно более независимой и жесткой линии в восточном вопросе. В записке был также определен круг наиболее важных для интересов России восточных дел, которые она должна была решить. Первое место, как и прежде, занимали восстановление в Дунайских княжествах статус-кво, существовавшего до начала греческого восстания 1821 года, выполнение Портой обязательств перед Россией относительно режима черноморской торговли и проливов. Следующим был вопрос о выполнении Портой обязательств о привилегиях Сербии, которые гарантировала статья VIII Бухарестского мирного договора 1812 года и которую Порты фактически не выполняла. Особое внимание в записке было привлечено к положению в Греции и к позициям Турции в связи с ним. Основные выводы записки учитывали настроения нового царя, который вскоре санкционировал подготовку Россией официальных соглашений с Англией и Францией по урегулированию греко-турецкого конфликта. Николаю I было необходимо связать эти страны, прежде всего Англию, соглашением по греческому вопросу,

лишив их тем самым возможности действовать независимо от России при переговорах с Турцией.

Первым таким соглашением стал подписанный 23 марта (4 апреля) 1826 года в Петербурге англо-русский протокол по греческому вопросу. Следует подчеркнуть, что еще до подписания протокола Николай I, исходя из понимания всей сложности международной обстановки на Ближнем Востоке, из опасения разрушения статус-кво на Балканах, венской системы в Европе, должен был, как и ранее Александр I, отказаться от притязаний на захват Проливов, от территориального экспансионизма на Балканах, ограничившись лишь задачами сохранения и укрепления там политического влияния России.

Подписанию Петербургского протокола 1826 года предшествовала большая дипломатическая подготовка встречи Николая I с герцогом А. Веллингтоном, одним из влиятельных членов лондонского кабинета министров. Британский МИД ставил целью ограничение свободы действий России на Балканах, предотвращение возможной Русско-турецкой войны. Естественно, что главное внимание было уделено позициям обеих держав по греческому вопросу. Именно в это время особенно ярко проявилось дипломатическое искусство Дж. Каннинга, способствовавшего достижению Англией наиболее благоприятного положения на Ближнем и Среднем Востоке. По образному выражению российского исследователя А.В. Фадеева, тогда «Каннинг действительно шел к России, но протягивал к ней руку лишь за тем, чтобы повести ее за собой»⁴⁰. Такую же оценку политики Каннинга дают и современные исследователи, в том числе В.Н. Виноградов. Она основана на скрупулезном изучении документальных материалов, вносит коррективы в выводы, сделанные английской историографией, о подлинном отношении Каннинга к национально-освободительной борьбе греческого народа⁴¹. Давние связи Англии с Турцией, ее верным союзником на Ближнем Востоке, в руках которой к тому же находились ключи от Проливов, заставляли английскую дипломатию сохранять дружественные отношения с Портой, учитывать ее интересы при урегулировании конфликта с греками. В своих интересах Каннинг руководил переговорами нового британского посланника в Константинополе Ч. Стратфорда (1825–1828) с представителями греческого Временного правительства, результаты которых были использованы А. Веллингтоном при выработке статей Петербургского протокола.

Ко времени приезда А. Веллингтона в Петербург (он пробыл там со 2 марта до 5 апреля 1826 г.) российский МИД тоже подготовил программу для двусторонних переговоров, положив в ее основу анализ состояния восточных дел и отношение к ним европейских держав. Дополнительные материалы по этим вопросам дали посольские донесения. Нико-

лай I внес в программу свои поправки, более четко разграничив вопросы о собственно русско-турецких противоречиях и греческий. Веллингтон несколько раз беседовал с Николаем I и Нессельроде. Он сразу же предложил английское посредничество в урегулировании русско-турецких отношений, но не получил одобрения⁴². В результате обсуждения нескольких вариантов соглашения, представленных обеими сторонами, был выработан и подписан Петербургский протокол о совместных действиях с целью умиротворения Греции⁴³.

Этот протокол стал первым международным соглашением по греческому вопросу. В нем нашли отражение интересы каждой из сторон. Веллингтон посчитал подписание протокола своим успехом, так как Россия дала согласие на английское посредничество в греко-турецких переговорах. Но он не учел хитрого смысла § 3 протокола, который гласил, что в случае отказа султана от посредничества на Турцию могло быть оказано со стороны России и Англии «общее или единоличное» воздействие. Именно это давало право России при определенных обстоятельствах действовать самостоятельно против Порты.

Англия становилась реальным союзником России, что, в свою очередь, в значительной степени должно было нейтрализовать позиции Австрии, Франции, Пруссии. § 6 протокола давал возможность привлечь другие союзные державы к выработке окончательных соглашений по вопросам умиротворения Греции и Турции.

Подписание русско-английского Петербургского протокола 1826 года внесло изменение в расстановку сил на международной арене в период восточного кризиса, а также дало России возможность единолично выступить против Турции. Что касается Греции, то ей предлагалось обеспечение автономии при верховной власти Порты. Договоренность о статусе Греции базировалась на требованиях, выдвинутых наиболее умеренной частью греческого Временного правительства и руководства революционного движения. Эти требования были поддержаны русской и английской договаривающимися сторонами.

Петербургский протокол уточнял также цели политики России и Англии на Балканах. Настойчивое подчеркивание царской дипломатией бескорыстия своей политики на Балканах отнюдь не отражало ее реальных целей. Действительно, Россия отказалась от территориальной экспансии, но продолжала осуществлять экспансию политическую, что в тех конкретно-исторических условиях и при существовавшей расстановке сил на международной арене позволяло ей оказывать влияние на Балканах. Столь же прозрачным было покрывало и на заявлениях английской стороны. Обе стороны вуалировали свои интересы заявлениями о поддержке прав балканских народов и сохранении лояльных отношений с Турцией.

Итак, весной 1826 года Николай I добился успеха, подписав Петербургский протокол. Но на пути реализации тех мер, которые могли бы предотвратить поражение греков, стояли еще большие препятствия.

В середине 20-х годов российская дипломатия была вынуждена уделять много внимания усилившимся русско-турецким противоречиям в Закавказье, отношениям с Персией, которая все настойчивее предъявляла свои претензии к границам, зафиксированным Гюлистанским мирным договором 1813 года. Для России, готовившейся к возможной войне с Турцией, безопасность ее границ с Персией стала теперь особенно важна. Восточный кризис расширял сферу своего действия, вступал в новую фазу. Большую роль продолжали играть здесь русско-английские отношения, позиция Англии при возможном военном столкновении России с Персией и Турцией.

3. Дальнейшее развитие восточного кризиса. Война Персии с Россией (1826–1828 гг.)

В Лондоне довольно скептически восприняли Петербургский протокол. Неутомимый Каннинг продолжал активно искать средства закрепления влияния Англии в Греции и Турции. Возможная война Персии против России представлялась британскому кабинету весьма желательной. Фетх Али-шах, не стремившийся выполнять условия Гюлистанского мирного договора с Россией, со своей стороны, намеревался использовать восточный кризис для осуществления реваншистских устремлений в Закавказье.

Кавказ издавна играл значительную роль в политике России.

Давние торговые, культурные связи Российского государства с Кавказом дополнялись установлением политических связей, которые особенно окрепли в XVIII веке. С конца этого столетия царское правительство все решительнее переходит от политики создания на Кавказе «буферных государств» под своим протекторатом к политике расширения территориальных владений, к присоединению Кавказа. Активизация России на Кавказе в первые десятилетия XIX века определялась комплексом социально-экономических и международно-политических причин — стремлением царизма к распространению вширь феодальных отношений, к приобретению на окраинах страны новых рынков сырья и сбыта продукции, к стабильным границам, а также к упрочению своего влияния на государства Ближнего и Среднего Востока. Александр I понимал важность Кавказа как военно-стратегического плацдарма для проведения своей восточной политики. В XIX веке после присоединения Восточной Грузии к России (1801 г.) возросла политическая ориентация на Россию правителей ряда княжеств и ханств Закавказья. В ее основе

лежали давние связи с Россией. Немалую роль играли постоянная угроза междоусобных войн, каджарская опасность*.

Роль Кавказа в международных отношениях значительно возросла во время восточного кризиса 20-х годов XIX века, когда он начал втягиваться в сферу его действия. К тому времени Россия раздвинула свои границы, присоединив значительную часть Закавказья. Именно в первые десятилетия XIX века в основном завершается присоединение Россией Закавказья и вступает в решающую фазу сложный и противоречивый процесс включения в состав России Северного Кавказа. Два исторических акта — Манифест о присоединении Восточной Грузии к России и Адрианопольский трактат (1829 г.) позволяют достаточно точно датировать начало и конец того этапа в политике России, когда были сформированы ее основные закавказские владения и согласована линия основной части границ с Персией и Турцией⁴⁴.

То, что эти государства были объектами колониальной политики ряда европейских держав, не мешало им самим издавна проводить широкие колониальные захваты. Владения Османской империи находились в разных регионах. Государственной границей между Турцией и Персией были разделены армянские земли в Закавказье. Меньшая их часть находилась под властью персидского шаха и азербайджанских ханов, большая же оставалась под властью турецких пашей. Западная и Восточная Грузия оказались разделенными на сферы влияния Турции и Персии.

Народы Закавказья в целом поддерживали борьбу России с ее противниками в бассейне Черного и Каспийского морей за расширение ее владений в Закавказье. В известной мере это отвечало их интересам, что особенно ярко проявилось в настроениях армянского народа. Армянское население хотело присоединения к России. Но народы Закавказья не желали мириться с национально-колониальной политикой царизма. Выступая против такой политики царизма, трудовые слои этих народов не ставили вопроса об отделении от России. В то же время некоторые местные феодалы в Закавказье, исходя из своекорыстных интересов, подчас пытались использовать антиколониальную борьбу для отторжения отдельных территорий от России и передачи их под протекторат султана или шаха.

После заключения Россией Бухарестского и Гюлистанского договоров соответственно с Турцией и Персией наступил довольно длительный мирный период в ее отношениях с этими странами, что было использовано ею для дальнейшего развития и упрочения торговых свя-

* Каджары — тюркское племя в Северном Иране, а также династия, правившая в Персии с 1796 года. Во время правления Фетх Али-шаха (1797–1834 гг.) усилились политические и военные происки Персии на Кавказе.

зей со странами Востока. Такая политика велась и в начале 20-х годов. На это был ориентирован льготный тариф 1821 года по закавказскому транзиту, введенный в действие в 1822 году. Охрану торговых интересов русских купцов в Персии должно было осуществлять открытое в стране в 1821 году российское генеральное консульство. Этому предшествовали долгие переговоры, которые в течение ряда лет вел главнокомандующий в Грузии генерал А.П. Ермолов с великим визирем Мирзой Шефи⁴⁵. Толчком к введению льготного 5-процентного тарифа по закавказскому транзиту стали чинимые с 1821 года Портой препятствия черноморской торговле России. Тогда поднялось значение сухопутного торгового пути через Закавказье в страны Среднего Востока. Во время Турецко-персидской войны (1821–1823 гг.), когда были блокированы традиционные пути британской торговли из Индии в Европу, возросла роль русско-персидской торговли⁴⁶.

Льготный транзитный тариф породил большие споры в правительственных кругах. Он давал, несмотря на льготный характер, большие дополнительные прибыли казне. Поэтому его активно поддерживал министр финансов Е.Ф. Канкрин, занимавший этот пост с 1823 по 1844 год. Льготный тариф способствовал развитию торговой жизни в Закавказье, его внешнеторговых связей, в том числе с европейскими рынками. Так, в Тифлисе в 20-х годах стали появляться французские и английские купцы, торговцы из Константинополя и Бухары. Грузинские купцы чаще приезжали на европейские ярмарки, закупая там товары на значительные суммы⁴⁷. Но этот тариф таил в себе опасность подчинения кавказского рынка зарубежному капиталу. Что касается экономического состояния края, то посредническая торговля не принесла ему значительного изменения. На это обращали внимание многие деятели России, в том числе служивший тогда по дипломатической части в Персии А.С. Грибоедов.

Многие импортные товары оставались при перевозке транзитом в Грузии, а оттуда проникали в центральные районы России, где они успешно конкурировали с изделиями российской промышленности. Фабриканты и купцы, связанные с закавказскими и персидскими рынками, в течение ряда лет добивались от царских властей отмены льгот, полученных закавказской торговлей. Лишь в 1831 году было введено «Положение об устройстве торговых и таможенных дел в Закавказском крае», фактически упразднившее льготы по закавказскому транзиту. Новое «Положение» преследовало две основные цели: вытеснить с закавказского рынка иностранные товары и избавиться от конкуренции европейских изделий в Персии. Кавказ же рассматривался и Александром I, и Николаем I прежде всего как аграрносырьевой придаток России и как оплот для осуществления ее военно-стратегических задач.

Эту мысль весьма отчетливо выразил министр финансов Е.Ф. Канкрин. В 1827 году он записал: «Не без основания Закавказские провинции могут быть названы нашею колониею, которая должна приносить государству весьма важные выгоды произведениями южных климатов»⁴⁸.

Как политические соображения, так и интересы русско-персидской торговли диктовали царскому правительству с самого начала восточного кризиса курс на сохранение стабильных, мирных отношений с Персией. Но к середине 20-х годов эти отношения значительно ухудшились. В правящих кругах Персии продолжало усиливаться английское влияние, что отчетливо проявилось после Эрзерумского мира 1823 года, который завершил турецко-персидскую войну. Направленный шахом в 1822 году в Лондон сановник Салега-Мирза получил материальную поддержку от британского кабинета, помощь в разработке условий мирного Эрзерумского договора.

Дипломатическая активность русской стороны значительно сдерживалась инструкциями К.В. Нессельроде А.П. Ермолову в Тифлис и поверенному в делах миссии в Тавризе С.И. Мазаровичу. По сути, они сковывали их инициативу, и Россия не получала тех выгод на Ближнем и Среднем Востоке, которые предоставляла война Персии с Турцией. Министерством «престранных дел» назван А.С. Грибоедов российский МИД, видя во время службы в Персии немалые промахи в его политике⁴⁹. Война Персии против Турции отвлекала силы османских войск от Греции, что было важно для греческого национально-освободительного движения. Это движение Грибоедов, как и другие прогрессивно настроенные его русские современники, активно поддерживал. Поэтому он, даже превысив в какой-то степени свои полномочия, подтвердил наследнику шаха — Аббас-Мирзе, фактическому руководителю внешней политики Персии, сохранение Россией нейтралитета в войне Персии с Турцией.

Николай I, сосредоточив внимание на балканских делах и на урегулировании собственно русско-турецких противоречий, в том числе на вопросах режима проливов, пытался сохранить с Персией мирные отношения, добиться от нее нейтралитета в случае войны с Турцией. Об этом он уведомил А.П. Ермолова в рескрипте от 12 февраля 1826 года. Сохранение мирных отношений с Персией Николай мотивировал еще и сложным положением на Северном Кавказе: «Почти все горские народы в явном против нас возмущении». Выполнение поставленных царем задач наталкивалось на все более возраставшие трудности, поскольку в политику Персии вмешивались английские дипломаты и резиденты. А.П. Ермолов испытывал немалые трудности, так как ему приходилось непосредственно вести переговоры в Тифлисе с посланцами шаха. Как свидетельствуют документы многолетней дипломатической переписки Ермолова с российским МИД

и военным ведомством, он считал своим долгом твердо отстаивать статьи о кавказских границах России Бухарестского и Гюлистанского трактатов. Еще во время «персидского посольства» 1817 года, которое возглавлял Ермолов, заявления шаха о желании мира с Россией оговаривались рядом условий. В них проступало стремление отобрать у России часть отошедших к ней по Гюлистанскому миру 1813 года закавказских земель.

В 1824 году Аббас-Мирза снова предъявил требования на некоторые закавказские земли России. В одном из своих рапортов Александру I Ермолов подчеркивал: «Персидское правительство усиливается захватить в свою власть все те места, кои составляют здесь или главные входы в разные провинции, принадлежащие Российской империи, или имеют все удобства к произведению мгновенных набегов». Одним из предложений «несогласия» между Персией и Россией стал с 1824 года так называемый «Шурагельский угол» — область, присоединенная к России в 1805 году. Расположенная между Ереванским хребтом и Карским пашалыком (область, управляемой пашой), она прикрывала южные подступы к Грузии⁵⁰. Об усиливавшейся напряженности на русско-персидской границе с начала 1826 года А.П. Ермолов регулярно доносил в Петербург. Персия выдвигала новые территориальные требования. Осложняла положение и незаконченность демаркации границы по Гюлистанскому мирному договору. Ермолов шел на отдельные уступки, как это видно, например, из полученной Николаем I 25 марта 1826 года депеши с Кавказа. В ней также говорилось, что «персидское правительство набирает большое число регулярных войск в сопредельных нам областях и умножает артиллерию. В Тавризе проповедники возбуждают народ против христиан. Общий голос в Персии, что весною возгорится война»⁵¹. Ермолов был прав.

Действительно, шах вел материальную и идеологическую подготовку к войне. Дабы выиграть время, он затягивал переговоры с русской стороной по территориальным вопросам, прислав в январе 1826 года в Тифлис чиновника невысокого ранга, который явно не обладал правом самостоятельно решать сколь-нибудь крупные вопросы. Это было понято А.П. Ермоловым и генералом А.А. Вельяминовым, который в отсутствие в Тифлисе главнокомандующего кавказскими войсками вел переговоры. В официальных посланиях Фетх Али-шаху он обращал внимание на желание России сохранить мирные, добрососедские отношения с Персией, ради чего русская сторона пошла на некоторые территориальные уступки, не выходявшие за рамки основных статей мирного договора 1813 года⁵². Однако такая линия российской дипломатии, которая в Персии связывалась с именем А.П. Ермолова, не удовлетворяла шаха и его окружение.

С воцарения Николая I положение Ермолова как наместника на Кавказе и главнокомандующего кавказскими войсками оказалось вообще весьма непросто. Царь подозревал его в связях с декабристами, даже

опасался возможности отделения им Кавказа от России. Еще за два дня до вступления на престол Николай писал начальнику Главного штаба генералу И.И. Дибичу: «Вы... не оставьте меня уведомить обо всем, что вокруг Вас происходить будет, особливо у Ермолова. Я, виноват, ему менее всех верю»⁵⁵. Это явилось одной из причин недоверия к содержанию депеш Ермолова в Петербург, в которых он уведомлял о возможности начала Персией военных действий против России, о необходимости в связи с этим укрепления Отдельного Кавказского корпуса.

В 1825-м — начале 1826 года участились провокационные набеги персидской конницы на приграничные селения, находившиеся на территории России, и местные жители были вынуждены уходить в отдаленные от границы места. Непокойная ситуация на границах наносила удар по закавказскому транзиту, по торговым связям. Урегулирование пограничных вопросов с Персией отвечало интересам закавказских народов, а более широко — государственным интересам страны в целом. С целью налаживания отношений с Персией, чтобы «в условиях надвигающейся войны с Турцией сохранить с Персией мир»⁵⁴, Николай I направил весной 1826 года в Тегеран одного из своих любимцев — князя А.С. Меншикова. Однако миссия Меншикова оказалась обреченной на неудачу. Аббас-Мирза вместе с министрами шаха, при участии британских офицеров и дипломатов, уже приступил к разработке стратегического плана войны с Россией. Большое значение в нем придавалось позициям европейских держав, привлечению Турции в качестве союзника Персии.

После того как в апреле 1826 года в Константинополе ознакомились с Петербургским протоколом и с новой ультимативной нотой России, переданной ее уполномоченным в столице М.Я. Минчаки, Порты пообещала направить на переговоры с русской стороной своих представителей. С мая началась подготовка встречи дипломатических представителей России и Турции, которая вошла в историю под названием Аккерманской конференции. Турецкая сторона затягивала начало работы конференции. Что касается Аббас-Мирзы, то он тоже пытался ей помешать, опасаясь возможности заключения Россией и Турцией военного союза. Английская дипломатия более лояльно отнеслась к подготовке конференции в Аккермане, поскольку была против русско-турецкой войны. Война Персии против России представлялась для нее желательной, так как должна была вынудить русскую сторону к уступкам на переговорах в Аккермане.

Экспансионистские планы шаха, заинтересованность английской и турецкой сторон в войне Персии с Россией чрезвычайно осложняли положение А.С. Меншикова и его свиты. В Бушире активно действовал один из первых советников шаха — британский посланник в Персии Джон Макдональд. Последствия его деятельности не замедлили сказаться. Так, уже 20 марта английский поверенный в делах Генри Уиллок

сообщал Каннингу: «По настоянию Аббас-Мирзы русскому представителю не разрешат приехать в Тегеран до тех пор, пока русские не уйдут из района Гокчи (озеро Севан. — *Авт.*)»⁵⁵. Фактически Меншиков находился в Персии на положении пленника. Переговоры успеха не имели. Когда же он со своей свитой двигался из Тавриза в Султанию — летнюю резиденцию шаха, войска Аббас-Мирзы напали на Карабах. В середине июля произошло вторжение войск Эриванского сардара на территорию, Шурагельской области. Это стало началом, хотя официально еще и не объявленной, войны Персии против России.

Персия начала войну в малоблагоприятной для нее военной и политической обстановке. Тогда Россия поддерживала мирные отношения со странами Востока и Запада, а Турция была еще не в состоянии вести войну против нее. Война с Персией (1826–1828 гг.) осложнила отношения России с Англией и Турцией, но не снизила активности российской дипломатии в Аккермане. Преодолев немалые трудности, русская сторона добилась прибытия 24 июля в Аккерман османских уполномоченных. Начались их переговоры с русскими уполномоченными — генерал-губернатором Новороссии и наместником Бессарабии графом М.С. Воронцовым и назначенным посланником в Константинополь графом А.И. Рибопьером. Ими был подготовлен проект Пояснительной конвенции к Бухарестскому мирному договору. Конвенция должна была способствовать исключению в будущем «всяких недоразумений и затруднений между двумя империями»⁵⁶. Для России подписание этой конвенции приобретало важность из-за нарушений Турцией статей Бухарестского договора о статусе Дунайских княжеств, Сербии, а также из-за произвольной трактовки ею статьи, касавшейся территориального разграничения на Кавказе. Во время восточного кризиса значительно усилились происки Турции в Закавказье и на Северном Кавказе.

Вторгшись в пределы закавказских владений России, наследный принц Аббас-Мирза преследовал цель захвата Грузии с Тифлисом и Северного Азербайджана. Численное превосходство сначала дало ему возможность продвинуться вперед. Николай I воспользовался временными неудачами на Закавказском фронте для отстранения А.П. Ермолова от командования войсками. Напрасно Ермолов в официальных письмах к царю пытался объяснить причины создавшихся трудностей, в том числе указывая и на неукомплектованность действующей армии. В начале 1827 года новым главнокомандующим кавказскими войсками был назначен И.Ф. Паскевич. Так Николай I разделался с А.П. Ермоловым, лично предписав ему «возвратиться в Россию и остаться в своих деревнях вплоть до моего повеления»⁵⁷, что означало не только отставку, но и опалу. В мае А.П. Ермолов навсегда покинул Грузию, где он пробыл более 11 лет. Паскевич не дал ему даже конвоя для сопровождения через пе-

ревалы. Но верные бывшему главнокомандующему офицеры снарядили конвой сами. И.И. Дибич предложил Ермолову не прощаться с войсками.

В первый период войны, когда русские войска вели в основном оборонительные бои, особенно большое значение приобретали настроения закавказских народов. Верность армян ориентации на Россию оказалась действенным оружием, которое сильно било по реваншистским замыслам шаха в Закавказье. Вскоре были сформированы армянские, грузинские и азербайджанские отряды. Однако некоторые азербайджанские ханы перешли на сторону шаха. Война затронула вопрос о судьбе населения Восточной Армении, стремившегося к вхождению в состав России. В начале осени русские войска одержали победу под Шамхором (2 сентября) и в окрестностях Гянджи (10 сентября). Войска Аббас-Мирзы были вынуждены отойти за Аракс. Вскоре от персидских войск был освобожден Карабах. Так закончился первый этап войны. Его итоги оказали влияние на ход переговоров в Аккермане.

25 сентября (7 октября) 1826 года были подписаны Аккерманская конвенция и отдельные акты к ней. Она подтвердила и дополнила условия Бухарестского договора 1812 года. Вскоре конвенция была ратифицирована султаном. Полностью Аккерманская конвенция, «Русско-турецкий отдельный акт о Молдавии и Валахии», «Русско-турецкий отдельный акт о Сербии» были впервые опубликованы в издании «Внешняя политика России...» (т. XIV. М., 1985).

Турецкая сторона обязывалась восстановить фактически нарушенные ею привилегии Молдавии и Валахии, предоставить подобные привилегии Сербии. Были зафиксированы изменения правил выбора господарей Дунайских княжеств: они должны были избираться только из местных бояр, а не из фанариотов. Регламентировались правила внутреннего самоуправления княжеств, а также формы политических отношений Сербии с Портой. За Россией подтверждалось право покровительства Дунайским княжествам и Сербии. Конвенция подтверждала линию границы на Кавказе между Турцией и Россией, принятую по Бухарестскому договору. Порта признавала принадлежность России Сухума, Анаклии и Редут-Кале, на которые она посягала и после 1812 года. Она принимала обязательства не препятствовать «свободному плаванию купеческих судов под российским флагом во всех морях и иных водах Империи Оттоманской без всякого исключения»⁵⁸. Спорные вопросы греческой проблемы в Аккермане не рассматривались. Аккерманская конвенция стала новым крупным успехом российской дипломатии во время восточного кризиса. Но за реализацию всех ее статей предстояла еще трудная борьба. Турецкий султан Махмуд II готовился к войне с Россией и считал, что Аккерманская конвенция дает возможность выиграть время, чтобы «успеть сделать надлежащие военные приготовления».

ния»⁵⁹. Впрочем, аналогичные расчеты строила и российская дипломатия. Более благоприятную ситуацию, сложившуюся после подписания Аккерманской конвенции, российская дипломатия поспешила использовать для продолжения совместно с Англией переговоров с Портой об урегулировании греко-турецкого конфликта.

Между тем положение в Греции ухудшалось с каждым месяцем. Трагедией для греческой революции стало падение в апреле 1826 года важного оплота повстанцев — Миссолунги. Османские войска повели себя крайне жестоко: все мужское население города, включая мальчиков старше 12 лет, было вырезано, женщины и дети проданы в рабство. Несмотря на известия о кровавой бойне, «большинство европейских дворов поспешили поздравить реис-эфенди со столь блистательной победой»⁶⁰. Россия не приняла участия в этих поздравлениях.

Под влиянием активизации политики России в отношении Турции, успехов Аккерманской конференции в Греции возросли надежды на ее реальную помощь, усилилась «русская партия». Значительную роль сыграло избрание в апреле 1827 года президентом греческого государства сторонника прорусской ориентации Иоанна Каподистрии. Знаменательно, что официально Каподистрия был уведомлен о столь высоком избрании в июне в Петербурге, куда он прибыл для переговоров с Николаем I о греческих делах, рассчитывая решить вопрос об автономии Греции⁶¹. Тогда же Каподистрия получил полную отставку от государственной службы в России, а в Константинополе к своим обязанностям приступил русский посланник А.И. Рибопьер.

Заключение русско-английского Петербургского протокола и русско-турецкой Аккерманской конвенции заставило Австрию и Пруссию смириться с начавшейся подготовкой новой встречи представителей России и Англии по греческому вопросу. Тюльрийский кабинет в силу обстоятельств внутреннего и внешнего порядка был вынужден сделать поворот в сторону поддержки плана действий Лондона и Петербурга⁶². 6 июля 1827 года в Лондоне представители Англии, России и Франции заключили соглашение о Греции. В его основу были положены условия Петербургского протокола 1826 года. Сохранялся принцип широкой автономии Греции в составе Османской империи, была поставлена задача утверждения в стране конституционной монархии. Новым стало введение в дополнительную секретную статью протокола положения о возможности применения к Порте «крайних мер» в случае неприятия ею в течение месяца посредничества трех держав в урегулировании греческого вопроса. Теперь по соглашению уже три державы брали на себя равную ответственность в урегулировании греко-турецкого конфликта. Николай I приводил в действие план коллективного нажима на Порту при сохранении своей руководящей роли.

Однако турецкая сторона игнорировала предложения держав и продолжала военные действия в Греции. Османские власти, отказываясь от переговоров, намеревались к сентябрю 1827 года закончить разгром греческих повстанцев. К этому времени завершался этап восточного кризиса, связанный с попытками европейских держав, прежде всего России, добиться окончания греко-турецкого конфликта путем дипломатических соглашений.

Демарш трех держав перед Турцией был подкреплен маневрами эскадры союзников в Наваринской бухте. Она должна была помешать провозу из Египта и Малой Азии новых воинских соединений к берегам Греции. 20 октября 1827 года произошло столкновение союзной эскадры и турецко-египетских кораблей, и в результате турецко-египетский флот был разбит. Решающую роль в морском сражении сыграла русская эскадра. Английский и французский послы, согласно указаниям из своих столиц, вскоре после Наваринского сражения попытались известить султана о прекращении участия в военных акциях против турок, настаивали на признании посредничества. Порта продолжала занимать прежнюю позицию. В этом ее поддерживала Австрия, что поощрило султана к новым выпадам против России. Он назвал Россию главной виновницей Наваринского сражения, снова объявил ее зачинщицей греческого восстания.

18 декабря султан официально заявил о расторжении Турцией Аккерманской конвенции и ранее заключенных с Россией договоров, призвал всех мусульман к войне против «неверных» — газавату. В Константинополе начались притеснения русских подданных. В связи с позицией Порты, согласно Лондонской конвенции, английский и французский послы запросили свои паспорта и в начале декабря 1827 года покинули город. Но это не означало, что Англия и Франция собирались объявить войну Турции. Вскоре отбыл и А.И. Рибопьер. Отношения между Россией и Турцией находились в состоянии, которое можно охарактеризовать как «ни мира, ни войны».

Но войну уже трудно было предотвратить. Да к этому теперь и не стремилась ни одна из сторон. Николай I полагал военным путем разрубить крепко стянутый узел международных противоречий в восточном вопросе, решить проблемы собственно русско-турецких противоречий, добиться благоприятного для России режима проливов, утвердить ее позиции на Балканах, уменьшив там влияние своих основных соперников — Англии, Австрии, Франции. До заключения мирного договора с Персией царь воздерживался от объявления войны Турции. Но в Петербурге активно велись поиски средств для ведения новой войны. Военный министр А.И. Чернышев запрашивал 72 млн рублей, но был вынужден по настоянию царя согласиться только на 46 млн.

Русско-персидская война в 1827-м — начале 1828 года развивалась следующим образом. С весны 1827 года вновь развернулись военные действия, приостановленные из-за непроходимости дорог в осенне-зимний период. Началось наступление российских войск на Ереванское и Нахичеванское ханства, населенные в основном армянами. 1 апреля отряд генерала К. Х. Бенкендорфа перешел границу Ереванского ханства, что дало возможность сосредоточить главные силы русских войск на подступах к Эриванской крепости, а также задержать насильственное переселение армян на Араке. Приход, первых отрядов русских войск усилил надежду армянского населения на освобождение от шахского владычества.

Взятие 1 октября 1827 года Еревана стало событием большого исторического значения. Это событие, а затем победа союзных войск над турецко-египетским флотом 20 октября в Наваринском сражении оказали значительное влияние на ход начавшихся еще раньше переговоров о заключении мира между Россией и Персией. Переговоры велись сначала в местечке Дех-Харган под Тавризом, а затем в Туркманчае. Русскую делегацию возглавлял И. Ф. Паскевич. Большую роль на переговорах сыграл А. С. Грибоедов, назначенный осенью официальным уполномоченным российского правительства. Они продолжались с перерывами с конца ноября 1827 года до февраля 1828 года, когда Персия была вынуждена подписать в Туркманчае мирный договор с Россией.

О трудностях ведения переговоров, о разных ухищрениях шахских уполномоченных во главе с Аббас-Мирзой Грибоедов неоднократно информировал Паскевича. Еще до отъезда на переговоры в одном из рапортов Паскевичу Грибоедов изложил свои представления об условиях мира с Персией. Он писал о необходимости присоединения «областей Эриванской и Нахичеванской» и получения от шахского правительства еще до подписания мира значительной суммы за причиненный войной ущерб. Настаивая на выполнении шахом этого условия подписания мирного договора, Грибоедов подчеркивал, что «деньги — это также род оружия, без которого нельзя вести войну. Это не торг... даже не вознаграждение за претерпленные убытки: требуя денег, мы лишаем неприятеля способов вредить нам на долгое время»⁶³.

По-видимому, Грибоедов составил и отредактировал окончательный проект Туркманчайского договора. Особенно много он сделал для формулировки статей, «охранявших интересы Армении». К этому выводу пришел ряд советских исследователей, проделавших большую работу по текстологическому анализу этого мирного договора⁶⁴.

Во время подготовки и подписания Туркманчайского трактата раскрылся дипломатический талант А. С. Грибоедова. Его уверенность в необходимости обеспечения условий для мирной жизни закавказских народов, вошедших в состав России, его понимание исторического зна-

чения для армянского народа присоединения Восточной Армении к России содействовали прочности позиций российской дипломатии, ее большим успехам.

Аббас-Мирза судорожно пытался добиться хотя бы некоторых успехов в зимней кампании 1827/28 года, чтобы повлиять на русскую дипломатию. Были брошены дополнительные войска в район крепостей Занган и Казвин. Но в связи с переговорами о мире Паскевич приказал приостановить наступательные действия русских войск. И уполномоченные шаха пытались использовать некоторую стабилизацию положения на фронте для дипломатического нажима на Россию при переговорах. Осложнило ситуацию для России и решение Паскевича допустить английских дипломатов на переговоры в Тегеране, чтобы совместно обсудить размеры персидской контрибуции России. В результате под давлением Дж. Макдональда Паскевич согласился на уменьшение части контрибуции, которую за персидскую сторону обязывалось внести английское правительство.

Одновременно в ожидании объявления Турцией войны России Аббас-Мирза затягивал переговоры в Дех-Харгане. Он опирался на поддержку английских советников. Влияние французской дипломатии, акции которой в Персии упали, было значительно меньшим.

После решения шаха 7 января 1828 года прервать переговоры и аннулировать предварительные соглашения о сумме контрибуции И.Ф. Паскевич приказал возобновить наступление. Тогда Фетх Али-шах был вынужден поручить Аббас-Мирзе подписать мир. Он был заключен в Туркманчае в ночь с 9 на 10 февраля. Об этом событии возвестил 101 залп русских орудий.

Туркманчайский мирный договор подвел итоги русско-персидской войны 1826–1828 годов. Он включает 16 статей⁶⁵. Статья 1 договора провозглашала мир между Россией и Персией. Статья 2 аннулировала Гюлистанский договор 1813 года. Статья 3 констатировала присоединение к России Ереванского и Нахичеванского ханств, согласно статье 4 была установлена граница по Араксу, а затем южнее него в Тальше. Объявлялась свобода мореплавания русских торговых судов, а также монопольное право России иметь военный флот на Каспии. Помимо договора был подписан еще трактат о торговле, предоставлявший России льготы и способствовавший дальнейшему развитию торговли. Туркманчайский договор определил размер контрибуции, которую Персия должна была выплатить России. Она составила 10 куруров туманов, или 20 млн рублей серебром. Одними из главных достижений Туркманчайского договора для России стали завершение присоединения Восточной Армении, значительное укрепление стратегических позиций России в Закавказье, усиление ее влияния на Среднем Востоке.

Такой исход войны наносил еще один удар по английскому влиянию на Среднем Востоке, с чем Британия не хотела мириться. Первым ударом для британской политики в странах Востока стала смерть руководителя внешнеполитического ведомства Дж. Каннинга, последовавшая 8 августа 1827 года.

Окончание войны с Персией позволило российской дипломатии активизировать дипломатическую подготовку к войне с Турцией. Еще в январе 1828 года Х.А. Ливен был уполномочен объявить новому английскому статс-секретарю по иностранным делам Дж. Эбердину о решении царского правительства ввести в марте войска в Дунайские княжества в связи с усилившейся антирусской политикой Порты. Дипломатические переговоры между Петербургом и Лондоном в январе — марте вскрыли всю глубину их разногласий по восточному вопросу, соперничество за лидерство в урегулировании восточного кризиса. Франция по-прежнему не играла основной роли в Тройственном союзе, возникшем по условиям Лондонской конвенции 1827 года. В тот период большую активность развила Австрия, одна из ярых противниц возможного усиления позиций России на Балканах. Она выступала против ввода русских войск в Дунайские княжества и даже готовила военные силы для собственного вторжения в них и в Сербию. Непростая международная обстановка, сложившаяся после заключения Россией Туркманчайского мирного договора, не могла помешать царскому правительству начать войну против Турции, грубо нарушавшей международные конвенции. В Петербурге понимали, что в данный момент создание широкой антирусской коалиции маловероятно.

14 апреля 1828 года Николай I подписал Манифест о начале войны с Турцией. Ему предшествовал новый отказ Порты удовлетворить очередной ультиматум России. На ход этой войны оказывали воздействие позиции европейских держав, значительную роль в ней сыграло состояние русско-персидских отношений.

После подписания мира с Персией А.С. Грибоедов направился в Петербург с Туркманчайским договором. Он был обласкан и щедро награжден Николаем I, знавшим о его значительной роли в подготовке договора. «Государю угодно меня пожаловать 4 тысячи червонцами, Анною с бриллиантами и чином статского советника»⁶⁶, — писал Грибоедов из столицы И.Ф. Паскевичу. Однако истинное отношение самого царя и его окружения к Грибоедову раскрылось после трагических событий в Тегеране в начале 1829 года. Вскоре А.С. Грибоедов снова был направлен в Персию, но теперь уже в ранге полномочного министра России. Несмотря на все трудности внутривосточного и международного характера, в которых проходила дипломатическая деятельность Грибоедова, ему удалось в короткий срок достичь известных успехов. В октяб-

ре 1828 года в Тавризе он вручил Аббас-Мирзе подписанный Николаем I мирный трактат. В Тегеране Грибоедов должен был урегулировать с шахом отдельные вопросы по Туркманчайскому договору. Немалые дипломатические усилия пришлось приложить Грибоедову, чтобы не допустить заключения союза шаха с турецким султаном. Такой союз мог бы привести не только к осложнениям в начавшейся войне России против Турции, но и к фактическому разрыву Персией Туркманчайского мирного договора.

Находясь в Тегеране, Грибоедов ясно видел усиливавшуюся враждебность шаха и его окружения к России. Существенную роль в этом играла английская дипломатия, встревоженная упрочением положения России в Закавказье, недовольная ростом русского влияния в Персии, склонностью наследника престола Аббас-Мирзы к ориентации на Россию.

Шах и противники Аббас-Мирзы были заинтересованы в отзыве Грибоедова с дипломатического поста в Персии. Фетх Али-шах не мог примириться с твердостью позиций российского посланника в отношении выполнения персидской стороной условий Туркманчайского договора, сроков и размеров выплаты контрибуции. Накануне отъезда миссии из Тегерана атмосфера враждебности вокруг Грибоедова еще более накалилась. Поводом послужило обращение к нему нескольких человек с просьбой оказать им помощь в возвращении на Кавказ, где они ранее проживали. В их числе были две женщины из гарема одного из ярых противников сближения с Россией — зятя шаха Аллаяр-хана, а также Мирза Якуб, армянин родом из Еревана. В юности он был увезен отсюда персами, принял ислам, был оскроплен, стал ведать делами шахского гарема. Он был известен в Тегеране. Шах его отмечал, даже доверял составлять годовые отчеты о состоянии казны. Защита пленных, оказание им помощи в возвращении на родину входили в круг полномочий Грибоедова. Поэтому после выполнения определенных формальностей, уведомления персидской стороны он должен был разрешить Мирзе Якубу до отъезда находиться в здании российского посольства. А это дало повод к разжиганию дикого религиозного фанатизма, поскольку Мирза Якуб был провозглашен отступником от мусульманской веры, а Грибоедов — его защитником.

29 января 1829 года, накануне происшедших затем трагических событий на территории российской миссии в Тегеране, сначала на базарах, на площадях, а затем и в мечетях раздавались призывы к разгрому российского представительства. Трудно предположить, что шахское окружение не было об этом информировано. Но никаких мер по пресечению таких призывов или по усилению охраны здания миссии принято не было. Более того, отряд охраны появился 30 января через несколько

часов после того, как огромная фанатически настроенная толпа ворвалась на территорию российского представительства, долгое время там бесчинствовала, в результате чего были злодейски убиты полномочный министр А.С. Грибоедов и почти полностью весь состав миссии. В живых остался только секретарь миссии И.С. Мальцов.

Фетх Али-шах заявил о полной непричастности к происшедшим трагическим событиям, попытался обвинить самого Грибоедова в кровавом инциденте и использовать его для отказа от выполнения обязательств по Туркманчайскому договору. Он даже намеревался, вновь начав военные действия против России, выступить на стороне Турции. В своих интересах этого же добивалась и английская дипломатия. Однако после некоторых неудач в феврале 1829 года русские войска добились новых успехов в войне против Турции. Дипломатические отношения между Персией и Россией были сохранены.

Эти события подробно освещены в российской⁶⁷, зарубежной, в том числе в иранской, историографии. Разнообразие позиций зарубежных исследователей в отношении оценок Туркманчайского мира, а также гибели русской миссии в Тегеране показано советским историком Б. П. Балаяном⁶⁸.

Формальная версия непричастности шахского правительства к событиям в Тегеране была принята царем. Фетх Али-шах принес официальные извинения Николаю I за тегеранскую трагедию и даже отправил ему щедрые подарки. Главным среди них был алмаз «Шах». Так Персия покупала расположение царя и пыталась предать забвению кровавый инцидент в Тегеране и гибель А.С. Грибоедова. Но прогрессивные круги российской общественности были потрясены трагической гибелью Грибоедова. Отдавая дань большого уважения дипломатическому таланту писателя и публициста, современники подчеркивали, что во всех своих действиях он имел «в виду честь, пользу и славу России»⁶⁹.

4. Россия на завершающем этапе восточного кризиса: Русско-турецкая война (1828–1829 гг.), Адрианопольский мир

Дипломатическая подготовка войны с Турцией показала, что европейские державы, в том числе и члены Тройственного союза 1827 года, ревниво относятся к лидерству России в завершении восточного кризиса, в урегулировании греко-турецкого конфликта. Когда, как уже говорилось, русский посол в Лондоне Х.А. Ливен официально уведомил Дж. Эбердина о неприятии Россией враждебной политики Порты, о решении царского правительства ввести войска в Дунайские княжества, подчеркнув вынужденный и временный характер этой акции, англий-

ская сторона не согласилась на поддержку такой меры. Военную демонстрацию у границ Дунайских княжеств и Сербии готовила Австрия. Однако от угрозы военного вторжения в княжество и Сербию до реального вторжения дело не дошло. К.Л. Меттерних вынужден был считаться с Россией, для него она оставалась важным союзником в борьбе с возможными новыми европейскими революциями, которые могли вспыхнуть вновь и в «лоскутной» Габсбургской монархии. В итоге император Франц I объявил Д.П. Татищеву в Вене, что Австрия займет, нейтральную позицию⁷⁰.

В день подписания Николаем I Манифеста о начале войны с Турцией ей и главам союзных с Россией государств была направлена Декларация о войне. В ней объяснялись причины объявления Россией войны Турции, обращалось внимание на новый отказ Порты от удовлетворения очередной ультимативной ноты русской стороны; были также сформулированы основные условия, на которых Россия пойдет на заключение мира с турецкой стороной. В состав требований России к Порте входили урегулирование пограничных вопросов на Дунае, ликвидация там турецких крепостей, подтверждение всех привилегий Дунайских княжеств и Сербии, восстановление прав торгового судоходства России на Черном море и в Проливах, «умиротворение Греции», а также присоединение к российским владениям на Черноморском побережье Кавказа Анапы и Поти. Декларация царского правительства свидетельствовала об умеренности требований к Порте, что должно было несколько успокоить союзные с Россией державы и давало возможность надеяться на их нейтралитет. Теперь Россия окончательно брала в свои руки инициативу в завершении столь затянувшегося по времени международного восточного кризиса и военным путем намеревалась решить проблемы взаимоотношений с Турцией. После официального заявления о войне царское правительство еще некоторое время не начинало военных действий. Оно ждало реакции глав европейских правительств, использовало время для передислокации войск, которым предстояло вести военные действия на двух весьма отдаленных друг от друга фронтах.

Спустя 11 дней после подписания Николаем I Манифеста о начале войны 100-тысячная русская армия под командованием П.Х. Витгенштейна перешла пограничную реку Прут и вторглась на территорию княжества Молдавия. Занятие княжества отвечало духу Аккерманской конвенции. Оно не вызвало ответного удара турецких войск. Царизм преследовал в начавшейся Русско-турецкой войне помимо целей защиты своих закавказских владений и экспансионистские цели, проявившиеся в стремлении увеличить свои владения в Закавказье. Владение черноморскими портами и крепостями на Кавказе имело для России большое военно-стратегическое и экономическое значение. Стремление заста-

вить Порту выполнять свои обязательства по отношению к Дунайским княжествам и Сербии, зафиксированные в прежних мирных русско-турецких договорах, усиливало позиции России на Балканах. Объективно оно шло также в русле национальных интересов народов Дунайских княжеств и Сербии. Стабильность ситуации в российских закавказских владениях и прочность границ с Турцией отвечали интересам грузинского, армянского и других народов, вошедших в состав России. Одним из острых вопросов начавшейся войны было изменение положения армянского населения на турецкой территории, обеспечение ему права переезда в Восточную Армению.

Начиная войну с Турцией, царское правительство рассчитывало на быструю победу. Во время восточного кризиса черноморская торговля сократилась, что нанесло удар по экономике России. К началу войны российская армия не имела продовольствия, обмундирования, оружия, достаточных для ведения длительной кампании. Вооружение армии требовало серьезного усовершенствования и обновления. На это обращали внимание многие видные военачальники, которые заранее пытались подготовиться к войне. И тем не менее Россия была сильна численностью своей армии, военным искусством ее многих боевых офицеров.

После получения в Константинополе известия о переходе русской армией Прута в мечетях и на базарах турецкой столицы были зачитаны сообщения о войне с Россией и воззвание султана Махмуда II к мусульманам. Сначала признаки военного времени не слишком сильно были заметны в столице. По запискам английских и французских наблюдателей, мусульманское население отнеслось к началу войны внешне с безразличием, явное благодушие царило в среде султанского окружения. Сам султан продолжал «ежедневно забавляться стрельбой из лука, его стража была настроена совершенно беспечно». Греческая часть населения была более возбуждена. Ее настроения колебались между надеждой и страхом, ибо греки опасались новой резни⁷¹. В ходе войны настроения в султанском окружении значительно изменились, приобретая к лету 1829 года паническую окраску.

Вступление русских войск в Дунайские княжества местное население встретило доброжелательно. Главнокомандующий 2-й (Молдавской) армией П.Х. Витгенштейн обратился к населению с разъяснением цели вступления в княжества, призвал к дружественному отношению к русским войскам, назвав их «природными защитниками обитателей Молдавии и Валахии». Помимо политических задач русские войска преследовали военнoстратегическую цель. Княжества представляли собой важный плацдарм для дальнейших действий на правом берегу Дуная. Власть в них теперь оказалась в руках главы русского оккупационного управления. Тогда же активизировалась подготовка социально-эконо-

мической и административной реформ, жизненно важных для княжеств. Уже Аккерманская конвенция 1826 года признала необходимость проведения в них административных реформ. Хатти-шерифом (султанским рескриптом) 1827 года господарям Молдавии и Валахии совместно с диванами предписывалось составить «регламенты» — свод основных законов для каждого княжества. Тогда же была создана комиссия, но ее деятельность протекала вяло, а с начала войны и вовсе замерла.

После занятия русскими войсками Ясс и Бухареста ситуация изменилась. Глава русского оккупационного управления Ф.П. Пален, став полномочным председателем диванов, а затем сменивший его на этом посту генерал П.Ф. Желтухин приступили к подготовке «Проекта работы над будущей конституцией княжеств Молдавии и Валахии». Вся основная работа по подготовке «регламентов», их обсуждение и принятие в княжествах были проведены после назначения в 1829 году полномочным представителем России в Валахии и Молдавии известного генерала, опытного военного администратора, придерживавшегося прогрессивных взглядов, П.Д. Киселёва. С его именем также связано проведение ряда других важных для княжеств реформ.

«Органические регламенты» 1831–1832 годов помогли в дальнейшем объединению Валахии и Молдавии. С необходимыми изменениями они действовали длительное время, стали одной из основ румынской конституции 1866 года. Конечно, следует подчеркнуть, что «Органические регламенты» создавались под руководством представителей царской бюрократии, учитывали прежде всего интересы боярства — господствовавшего сословия в княжествах.

Возвращаясь к началу Русско-турецкой войны, отметим, что военные действия велись на двух фронтах — Балканском (Дунайском) и Кавказском. Дунайская армия, вопреки ожиданиям русского верховного командования, медленно развивала военные действия, предпочитая тактику осадной войны. Сразу же проявилась плохая подготовленность армии к войне. Беспокойство прогрессивно мыслящей и патриотически настроенной части высшего офицерского состава за состояние армии оказалось ненапряженным. В их среде вызывал недоверие назначенный Николаем I на пост главнокомандующего армией на европейском театре военных действий генерал-фельдмаршал граф П.Х. Витгенштейн. Он еще в мирное время плохо справлялся с обязанностями главнокомандующего 2-й (Молдавской) армией. Вскоре его оттеснил приближенный к царю начальник Главного штаба И.И. Дибич, который в 1829 году официально был назначен на пост главнокомандующего Дунайской армией. Так, фактически в начале войны в этой армии не было единого командования. Руководство военными действиями затрудняло и вмешательство Николая I, прибывшего на Дунайский фронт с многочисленной

свитой, которую боевые офицеры прозвали «золотой ордой». Правда, пребывание царя и его окружения на фронте было недолгим. Началась осенняя непогода, и Николай I оставил армию, отправившись в Одессу, а затем в столицу. Осложняло руководство военными операциями и наличие двух столь отдаленных друг от друга фронтов.

Упорное сопротивление османских войск на Балканах стало в известной мере неожиданностью для русского верховного командования и для самого царя.

Балканские народы стремились оказать помощь русским войскам, добивались от высшего командования официального разрешения на совместные боевые операции против турок. Но в планы царя, а следовательно, и в планы верховного командования Дунайской армии не входило привлечение этих народов к войне. Они опасались нового подъема национально-освободительного движения на Балканах. Одна из причин отказа царских властей от военной помощи со стороны балканских народов крылась в нежелании еще больше осложнять отношения с Англией, Австрией, Францией. Поэтому в ноябре 1828 года военный комитет под председательством царя при обсуждении плана дальнейшего ведения войны с Турцией решительно отклонил возможность использования помощи сербов, сославшись на то, что они могут потребовать «новых постановлений», то есть новых гарантий своей независимости от Порты. С просьбой принять помощь к русскому командованию в Западной Болгарии обращался сербский князь Милош Обренович. Российский консул в Дубровнике должен был удерживать черногорцев от борьбы с турецкими войсками. Греки предлагали в конце 1828 года поднять всеобщее восстание на юго-западе Балканского полуострова⁷².

И тем не менее во время Русско-турецкой войны в Дунайских княжествах, Болгарии, Сербии создавались отряды из добровольцев. Они участвовали в отдельных боях с турками. Некоторые наиболее дальновидные русские генералы понимали важность поддержки русских войск вооруженными отрядами из местного населения, с горечью отмечали промахи военных планов и идеологические просчеты верховного командования. Среди них был и П.Д. Киселёв. Вскоре после суда над декабристами он, правда, был смещен с должности начальника штаба 2-й армии и назначен командиром 4-го резервного кавалерийского корпуса.

Непосредственно участвуя в военных действиях, генерал П.Д. Киселёв в конце войны со своими солдатами находился у Шипкинского перевала, а немного ранее — почти «в двух маршах от Софии», где, по его словам, «болгары нас встречали přátельски». Однако Дибич остановил продвижение войск к Софии, опасаясь подъема национально-освободительной борьбы в Болгарии. «У нас столбы (так в тексте. — *Авт.*) государства нимало не заботятся о пользе России, а думают об

интригах..»⁷³ — с горечью писал Киселёв, находясь у Шипкинского перевала, своему приятелю дежурному генералу Главного штаба А.А. Закревскому.

В весенней военной кампании 1829 года, когда предстояло завершить осаду крепостей Шумлы и Силистрии и овладеть ими, а затем перейти за Балканы, русские войска прибегали к помощи болгарских добровольческих отрядов. В результате большого напряжения сил русские войска летом 1829 года добились перелома на Дунайском фронте. Были взяты Силистрия, Бургас. 8(20) августа турки без боя сдали Адрианополь, что означало приближение конца войны и завершение острой фазы восточного кризиса. Этому в значительной степени способствовали и успехи русской армии на Кавказском фронте.

Командующий кавказскими войсками И.Ф. Паскевич не был искусным военачальником. Значительных успехов на Кавказском фронте он добился главным образом благодаря высоким боевым качествам армии, которые она приобрела еще при А.П. Ермолове. В 1826–1828 годах армия пополнилась многими боевыми офицерами — членами тайных антиправительственных обществ, которых по приговору царского суда после восстания декабристов отправили в действующую армию на Кавказ. Значительная часть офицеров была разжалована в рядовые. Туда же прибыло и несколько тысяч солдат, причастных к движению декабристов.

В русско-турецкой войне снова прославился своей отвагой бесстрашный партизан войны 1812 года Денис Давыдов. Он, как и многие из офицеров-декабристов, основную цель этой войны видел в освобождении и воссоединении армянского народа. Такие настроения прогрессивной части офицеров Кавказской армии раскрыл в своих записках «Моя исповедь» Е.Е. Лачинов⁷⁴. Участники русско-турецкой войны, особенно те, кто воевал на карском направлении, своими глазами увидели, в каких тяжелых условиях находилось армянское население на территории Турции. Разоренные османами армянские селения, печальные картины опустошения страны видели русские воины по мере продвижения к Карсу. Армяне просили защиты, просили принять их под покровительство России.

В военных планах Паскевича важное место занимало овладение Анапой, являвшейся самым северным форпостом Османской империи в черноморской акватории. Здесь находился очаг воздействия Порты на народы Западного Кавказа. Россия не раз во время русско-турецких войн конца XVIII — начала XIX века овладевала Анапой, но была вынуждена оставлять ее по условиям мирных договоров с Турцией. Сорок дней продолжалась осада Анапы с моря и суши. 24 июля 1828 года Анапа была взята. Трудности осады во многом оказались связанными с не-

решительностью действий любимца царя князя А.С. Меншикова и плохим обеспечением русского экспедиционного корпуса.

Летом развернулось наступление на карском направлении. Взятие 5 июля Карса, этой мощной крепости турок в Западной Армении, стало большим событием военной кампании 1828 года. При подготовке штурма города проявились высокое военное искусство российской армии, смелость инженерной мысли офицеров, сумевших противостоять и непродуманным планам, и срокам штурма крепости, намеченным Паскевичем.

В течение трех месяцев войны Кавказская армия заняла Карский, Ахалцихский и Баязетский пашалыки. К сентябрю появилась возможность продвижения русских войск к центру Западной Армении — Эрзеруму. Погодные условия способствовали такой операции. Однако избегавший риска Паскевич отвел войска на зимовку в Грузию, оставив в завоеванных крепостях лишь немногочисленные гарнизоны. Нерешительность Паскевича, а также малоудачный для русской армии итог военной кампании 1828 года на втором, Дунайском фронте не замедлили отразиться на третьем — дипломатическом. Основные события в сфере дипломатии происходили в Лондоне, Вене, Петербурге. Тогда английские и австрийские дипломаты вновь активизировались, стремясь не дать России выйти победительницей из войны и сыграть главную роль в урегулировании восточного кризиса 20-х годов. К.А. Меттерних, развив бурную деятельность, выступил с идеей созыва международного конгресса. Эта старая идея не дала прямых практических результатов, а стрелка барометра в международных отношениях упрямо двигалась в сторону бури. Англия, используя трудности России, усилила давление на Персию и Турцию. Известно, что трагическая гибель русского посольства в Тегеране едва не привела в начале 1829 года к разрыву дипломатических отношений России с Персией и участием последней в войне на стороне Турции. Французское правительство ограничилось высадкой десантного корпуса на юге Греции, что преследовало, наряду с другими, цель создания там противовеса растущему влиянию России. В дипломатических целях российский МИД поддержал эту акцию. Не последнюю роль здесь сыграло удаление (в результате высадки французов) египетских войск из Греции, а также и с Балканского фронта⁷⁵.

К лету 1829 года ценой больших усилий и немалых людских потерь русская армия добилась значительных успехов как на Балканском, так и на Кавказском фронте. На кавказском направлении были одержаны новые победы: летом были взяты Эрзерум, затем Байбурт, готовилось наступление на Трапезунд и Батум. Стратегические планы Турции рушились. Не лучше складывалась обстановка для Турции и на дунайском направлении. После взятия Адрианополя русские войска приблизились к Константинополю. Порта была вынуждена признать, что война про-

играна, не осуществились и ее надежды на создание новой антирусской коалиции. Положение султана и его окружения пошатнулось, против него зрел заговор.

Пытаясь предотвратить взятие русскими войсками столицы Османской империи, султан Махмуд II санкционировал начало переговоров о мире. К заключению мира стремилась и Россия. Русские войска были крайне утомлены. Сложные климатические условия, трудные горные переходы, массовые желудочные заболевания уносили жизни множества солдат и офицеров, и это помимо огромных потерь в военных операциях. К тому же на Балканах, в Южной Болгарии, был возможен взрыв освободительной борьбы, могло начаться восстание христианского населения и в Константинополе. Николай I не ставил задачей овладение турецкой столицей, что могло повлечь за собой начало распада Османской империи, новые серьезные международные осложнения. Поэтому не случайным было столь категоричное заявление К.В. Нессельроде: «Мы не хотим Константинополя. Это было бы самым опасным завоеванием, которое мы могли бы сделать»⁷⁶. Имея по соседству государство, находившееся в упадке, Россия могла оказывать давление на его политику. Как еще в XVIII веке проповедовал Ш. Монтескье, мудрый государь отнюдь не должен ускорять гибель слабого государства, «так как в таком случае (имея слабого соседа. — *Авт.*) он находится в самом счастливом из всех возможных положений»⁷⁷.

Не известно, был ли знаком Николай I с этим высказыванием Монтескье, но и он сам, и российский МИД видели пользу для себя в существовании «слабого соседа», каковым они хотели иметь приходившую в упадок Османскую империю. Для царской России было гораздо опаснее появление на месте Османской империи ряда независимых государств, в которых могло усилиться влияние Англии, Австрии, Франции.

Возложив ведение переговоров о мире на И.И. Дибича, Николай I в личных депешах и через инструкции МИД давал ему указания заверить Порту, что Россия в своих требованиях не выйдет за рамки Декларации от 14 апреля 1828 года. Инструкции подобного содержания были направлены русским послам в Англии, Австрии, Франции, Пруссии. Еще в ходе войны, в 1828-м — начале 1829 года, царское правительство по дипломатической линии заверяло правительства этих государств в соблюдении им ранее изложенных требований к Порте. Все это свидетельствовало о том, что Россия, одержавшая победы в войне с Турцией, добившаяся невмешательства в войну других держав, не чувствовала себя в состоянии далее затягивать военный конфликт и тем более подвергать себя риску возможного общеевропейского конфликта.

20 августа 1829 года в Адрианополь для участия в ведении переговоров о мире прибыли представители царя — генерал-адъютант А.Ф. Ор-

лов и второй уполномоченный, тайный советник Ф.П. Пален. Делегацию на переговорах о мире с турецкой стороны возглавлял главный хранитель финансов Османской империи, опытный политик Мехмед Садык-эфенди. В Адрианополе шли напряженные переговоры по статьям проекта мирного договора, предложенного Россией. Текст проекта был подготовлен на французском и турецком языках,

В течение зимы и лета 1829 года в центре дипломатических отношений России с европейскими державами продолжал оставаться вопрос о судьбе Греции. Его острота в значительной степени определялась политикой Порты, намеревавшейся завершить греко-турецкий конфликт при участии дипломатических представителей Англии и Франции (Р. Гордона и А. Гильемино), возвращению которых в Константинополь она усиленно содействовала. Постановка Россией в проекте мирного договора с Турцией вопроса о Греции вызвала сопротивление не только турецкой стороны, но также Англии и Австрии, пристально наблюдавших за ходом переговоров и стремившихся к участию в них. Включение вопроса о Греции в проект мирного договора означало бы, что именно Россия становится вершительницей ее судьбы. Против этого в течение многих лет восточного кризиса выступал султан Махмуд II, считая Грецию «неотъемлемой частью османских земель», судьбой которой могла распоряжаться только Порта. Известно, что сначала такая позиция султана находила явную поддержку Англии, Австрии, Франции. Затем по мере углубления и расширения восточного кризиса их позиции начали меняться. Эти страны включились в поиски путей коллективного решения греческого вопроса, стремились уменьшить роль и значение в нем России. Во время переговоров в Адрианополе в закулисную борьбу против России был втянут чрезвычайный посол в Турции, личный представитель прусского короля генерал Ф. Мюффлинг. Однако взвесив все за и против, он решил не терять расположения России и одобрил требования русской делегации к Турции.

Во время переговоров о мире в Адрианополе претерпели изменения позиции Франции. Она готовилась захватить Алжир и не хотела обострять отношения с Россией. К тому же ее устраивали растущие затруднения Порты, которые тюльрийский кабинет намеревался использовать в своих внешнеполитических планах. Поэтому позиции Франции по греческому вопросу стали отличаться от позиций Англии. Последняя продолжала оставаться наиболее действенным и активным противником предложений России по решению греческого вопроса. В течение весны и лета 1829 года она активно добивалась заключения Портой соглашения с Грецией, территория которой ограничивалась бы Мореей и островами Киклады, причем это соглашение предполагалось подписать раньше мирного договора с Россией.

О том, что вопрос о судьбе Греции был одним из трудных на переговорах в Адрианополе, свидетельствуют протоколы заседаний, проходивших в течение августа вплоть до подписания мирного договора. Из них же следует, что русская делегация на переговорах последовательно и твердо отвергала попытки турецкой стороны снять статью X проекта договора, в которой речь шла о греческом вопросе. Большую настойчивость проявил А.Ф. Орлов. На одном из заседаний в ответ на заявление турецкой делегации, что греческий вопрос уже решен Портой совместно с послами Англии и Франции, Орлов решительно заявил, что «статья X о признании Лондонской конвенции и мартовского протокола не подлежит ни обсуждению, ни изменению и без всяких оговорок должна войти в договор»⁷⁸. Включение греческого вопроса в мирный договор, требование автономии Греции в границах более широких, чем намечал британский кабинет, давали России преимущество в дипломатической борьбе с Англией, способствовали росту ее авторитета в Греции.

Острая дипломатическая борьба в период подготовки мирного договора развернулась и по другим его статьям, так как турецкая делегация прибыла в Адрианополь с намерением получить обратно все занятые Россией в ходе войны земли, добиться ограничения тоннажа русских судов, проходивших через проливы, и т. д.

Адрианопольский мирный договор между Россией и Турцией был подписан 2(14) сентября 1829 года в старинном дворце турецких султанов в городе, с которым было связано создание Османской империи, что имело большое символическое значение. Если на Балканском фронте военные действия были прекращены ранее, то на Кавказском они еще продолжались. Известие о подписании мира и ратификации 28 сентября мирного договора султаном И.Ф. Паскевич получил только в середине октября, находясь под Байбуртом, где незадолго до того отгремели жестокие бои, унесшие жизни многих русских и турок. Осман-паша, как и другие паши Анатолии, получил предписание султана нанести поражение войскам Паскевича с целью оказать давление на ход переговоров в Адрианополе. Но это им не удалось.

Адрианопольский мирный трактат состоял из 16 статей, Дополнительного акта о Молдавии и Валахии и Объяснительного акта о порядке выплаты России контрибуции⁷⁹. Согласно договору, Россия получила дельту Дуная, на Кавказе береговую полосу от устья Кубани до Поти (вместе с присоединенным еще по Бухарестскому миру 1812 г. побережьем Абхазии и Мегрелии), Ахалцихский пашалык с крепостями Ахалцих и Ахалкалаки. Эти сравнительно небольшие земельные приращения были особенно важны для России с военно-стратегической и политической позиций. По статье IV договора Порты отказалась от претензии на ранее отошедшие к России земли в Закавказье. Так был завер-

шен длительный процесс присоединения к России основной территории Закавказья, формирования границ России непосредственно с Турцией и Персией. Новая геополитическая ситуация в этом регионе отразилась на отношениях России с этими странами, на международной обстановке на Среднем Востоке.

Крупным достижением России стало признание Портой права прохода русских и иностранных торговых судов через Босфор и Дарданеллы. Подтверждалось также право российских подданных на свободную торговлю в Османской империи. Отдельные статьи договора утверждали за Грецией право на автономию в соответствии с Лондонской конвенцией 1827 года (в 1830 г. Греция стала независимым государством), подтверждали автономию Дунайских княжеств с некоторыми поправками (в Дополнительном акте), которые укрепляли их самостоятельность. Статья VI утверждала автономию Сербии и обязывала Порту «без малейшего отлагательства и со всею возможною точностью» выполнить соответствующие постановления Аккерманской конвенции. Особо оговаривалось возвращение Сербии отторгнутых от нее Портой шести округов. Еще три года после подписания Адрианопольского мирного договора российские дипломаты и военные корректировали турецкую политику в отношении Сербии⁸⁰. В результате в 1830 и 1833 годах по двум фирманам Сербия получила привилегии автономной области Османской империи, ей были возвращены шесть сербских округов.

Так, подписанием Адрианопольского мирного трактата Россия добилась удовлетворения основных требований, которые ею были выдвинуты в Декларации союзным державам и Порте от 14 апреля 1828 года. В результате могли считаться развязанными крупные конфликтные узлы, возникшие в российско-турецких отношениях во время восточного кризиса 20-х годов: свобода торгового судоходства в Проливах, права Дунайских княжеств и Сербии, автономия Греции. Все это тогда усилило политическое влияние России на Балканах и Ближнем Востоке. Помимо достижения царизмом своих целей итоги Русско-турецкой войны 1828–1829 годов имели важные исторические последствия для национальных интересов страны, сказались на судьбах закавказских и ряда балканских народов. Диалектика истории тогда проявилась в том, что внешнеполитические успехи царизма, давая толчок дальнейшему экономическому развитию России, в чем немалое значение приобретали южные регионы, способствовали разложению крепостнической системы, мешавшей движению страны по пути прогресса.

Диалектика истории проявилась также и в том, что балканские народы, добивавшиеся с помощью России государственной самостоятельности, затем начинали ориентироваться на Запад, хотя русское влияние на них оставалось значительным. Самодержавие в силу своей классовой

сущности не могло (да и не стремилось) обеспечить дальнейшее развитие балканских народов по пути прогресса. Отказавшись от открытых захватов на Балканах, царизм пытался установить там свою гегемонию системой «покровительства», искал опору в консервативных кругах балканского общества. С позиций истории эти планы были обречены. Прогрессивно настроенные представители балканской общественности, высоко ценившие связи с Россией, находились в оппозиции к царизму. Но, конечно, нельзя сбрасывать со счетов традиционные общественно-культурные, религиозные русско-балканские связи. Они продолжали развиваться, оказывали большое и плодотворное влияние на народы России и Балкан.

Историческое значение Адрианопольского мира заключалось не во временном усилении влияния России на Балканах, а в образовании самостоятельного Греческого государства, в упрочении автономии Дунайских княжеств и Сербии, в международном признании их автономного статуса.

Европейские державы ревностно отнеслись к итогам Адрианопольского мира. Их упорная дипломатическая борьба против России во время восточного кризиса 20-х годов XIX века фактически была проиграна. После окончания русско-турецкой войны 1828–1829 годов Россия стремилась к поддержанию с Турцией добрососедских отношений. Этому хотели помешать соперничавшие с Россией на Ближнем и Среднем Востоке Англия, Австрия, Франция. Главным противником России в решении Восточного вопроса оставалась Англия. Перед российским правительством вставали нелегкие задачи реализации всех условий Адрианопольского мирного договора. Начинался новый этап в развитии Восточного вопроса.

Глава VI. Средняя Азия, Китай и Япония в политике России. Отношения с Соединенными Штатами Америки

Во внешней политике России, великой евроазиатской державы, особое место занимают государства Средней Азии и Китая. Огромная протяженность общих границ создавала дополнительные возможности для более тесного ее общения со своими соседями. Однако история развития этого процесса сложна и противоречива, что было обусловлено целым рядом причин. Еще в древности был проложен Великий шелковый путь — система дорог, которая связывала Азию с Европой, соединяя разные цивилизации. Отношения Русского государства со странами Востока уходят вглубь веков. После присоединения Казанского ханства (1552 г.) и освоения ведшего в Сибирь и казахские степи камского торгового пути у России появилась возможность для дальнейшего развития более регулярных торговых связей со Средней Азией. К началу XVII века определилось несколько основных торговых путей, сухопутных и водных. Большую роль играл волжский путь до Астрахани, а затем по Каспийскому морю до полуострова Мангышлак.

Освоение Западной Сибири способствовало расширению экономических и политических связей России с Востоком. По мере укрепления двух образовавшихся в XVI веке узбекских государств — Бухарского и Хивинского — там, хотя и медленно, оживлялась хозяйственная жизнь. Однако нашествия кочевников и междоусобные войны хивинских и бухарских ханов ограничивали возможности хозяйственного развития в оазисах Средней Азии.

Присоединение и освоение Сибири, выход России к берегам Тихого океана, тесным образом связанные с русскими географическими открытиями в Восточной Азии, сделали возможным появление в Пекине первых русских представителей. Китай становится одним из постоянных партнеров Русского государства. К XVII веку относится зарождение и развитие российской дипломатии в Азии. Российская политика в Азии начинает привлекать внимание европейских держав, становится предметом длительной дипломатической борьбы.

Специфика поддержания правительством России дипломатических отношений с Китаем и ханствами Средней Азии, как и с другими странами Востока, во многом определялась различиями цивилизаций, к которым принадлежали Россия и эти страны, что проявлялось и в формах контактов, и в методах реализации межгосударственных связей. Так, механизм осуществления политических отношений Китая и среднеазиатских ханств с Россией в первой половине XIX века, как и в предшествующее столетие, весьма отличался от принятого в европейском международном праве, провозглашавшем принципы легитимизма, равенства суверенных правителей. В Восточной Азии господствовала древняя китаецентристская модель мира, опиравшаяся на догматы конфуцианской иерархии. Методы внешней политики Поднебесной империи не отвечали реалиям отношений Китая с другими государствами, весьма затрудняя, в частности, налаживание постоянных русско-китайских дипломатических связей. Своими отличиями обладала и внешняя политика среднеазиатских государств, своеобразных восточных деспотий.

Еще более специфической страной являлась Япония. Она была закрыта для иностранцев. Ее правители проводили политику изоляции от всего внешнего мира. Тем не менее российское правительство пыталось наладить связи и с этим государством.

По-особому развивались отношения России с Соединенными Штатами Америки.

1. Россия и среднеазиатские государства

Основную роль в экономической и политической жизни среднеазиатского региона в начале XIX века играли четыре крупных государства: Бухарское, Хивинское, Кокандское и Ташкентское. Центры Бухарского эмирата были расположены в густонаселенной долине Зеравшана. В его подданстве находилось более половины всего населения Средней Азии. Земли древнего Хорезмского оазиса входили в состав Хивинского ханства, а плодородная Ферганская долина — в состав Кокандского. Территорию Средней Азии населяли многие народы. Высшую власть осуществляла в основном узбекская феодальная знать. Восточные феодальные деспотии, какими являлись среднеазиатские ханства, делали власть высших правителей над всеми их подданными неограниченной.

В официальных российских документах в понятие «Средняя Азия» входили не только среднеазиатские государства, но также Казахстан, Киргизия и земли туркменских племен. В этих документах казахи именовались киргизами. Население Казахстана (Киргизской степи) делилось на три родо-племенных объединения: Младший, Средний и Старший (Большой) жузы. Первые два отошли к России в XVIII веке. В 20–30-х годах XIX века влияние России распространилось на Старший жуз,

расположенный в районе озера Балхаш. В 1846 году он в основном был присоединен к России, а вся его территория отошла к России в 60-е годы.

В экономике среднеазиатских государств большую роль играли земледелие и скотоводство. Города издавна были центрами ремесел и торговли, промышленность же развивалась слабо. Сохранение в ханствах значительных пережитков рабовладельческих и патриархально-родовых отношений влияло на характер политического и экономического развития. Постоянные войны между Бухарой и Хивой (эмир Хайдар, хивинский хан Мухаммед-Рахим), между ними, с одной стороны, и Кокандом (властитель Мухаммед-Омар) — с другой, наносили не только большой ущерб хозяйству этих ханств, но, ухудшая положение народа, делали их очагом острых социальных и национальных противоречий. В 1842 году бухарский эмир Насрулла, например, опустошил Ферганскую долину, уничтожил и увел в рабство тысячи людей.

В первой половине XIX века усиление внимания правящих кругов России, ее купечества к азиатским рынкам было связано главным образом с процессом разложения крепостничества и развития в ней новых, капиталистических отношений. Особенности российской политики здесь зависели также от международной обстановки в конкретные годы. Конечно, интенсивность российской дипломатии в отношении среднеазиатских государств в рассматриваемый период в целом была гораздо слабее, нежели в Европе или на Ближнем Востоке. Но со временем отношения с государствами Средней Азии стали играть значительную роль во внешней политике России. И это не случайно: территориальная близость, около 6 тыс. верст общих границ — уже это делало Средне-Азиатский регион важным в российской восточной политике, в ее внешнеторговых связях. Из Средней Азии шли в Россию шерсть, хлопок, шелк-сырец, российские предприниматели везли туда ткани, выделанные кожи, сахар, табак, металлические изделия, пользовавшиеся особым спросом. Торговля среднеазиатских государств с Россией также могла способствовать их выходу на мировой рынок, что было важно для экономической жизни. В целом же из-за низкой покупательной способности народов Средней Азии торговый оборот русского купечества в начале века был невелик, составляя весьма небольшой процент к общей внешней торговле страны. Но в перспективе Средняя Азия могла стать обширным рынком, способствуя развитию российского предпринимательства¹.

В первой половине XIX века в задачи царского правительства входили установление со среднеазиатскими ханствами более стабильных дипломатических отношений, изучение их рынка и внутренних ресурсов, развитие торговых связей (проложение новых, более удобных и безопасных путей для торговых караванов). Российская дипломатия продолжала вызволение из плена русских невольников, а также заложников,

задерживаемых в этих ханствах. (Заметим, что царское правительство тоже применяло метод заложничества, конфискации или временного ареста имущества купцов и даже официальных ханских представителей.) В правительственных кругах России поднимался вопрос о военно-стратегическом значении Средне-Азиатского региона для внешней политики страны, в значительной степени — для противоборства с Англией. Его острота проявилась несколько позже, с 60-х годов, хотя экспансионистские тенденции царизма в отношении отдельных районов Средней Азии сказывались и раньше.

Ведение постоянных дипломатических отношений России со среднеазиатскими государствами затруднялось специфическим отношением их правителей к официальным дипломатическим миссиям, вообще к нормам европейского международного права. Правители этих государств с большим подозрением относились к появлению у себя официальных российских дипломатов и долго не допускали создания на своей территории постоянных посольств и консульств. Поэтому российское правительство часто возлагало выполнение дипломатических функций на глав торговых караванов, прибытие которых не вызывало в правящих кругах среднеазиатских ханств тревоги или настороженности. Среднеазиатские правители не придавали соблюдению подписанных соглашений и договоров большого значения, порой даже не хранили политические документы. Ритуал приема посланцев из России был сложным, а иногда и унижительным. После того как в 1717 году в Хиве по приказу хана были истреблены участники посланной Петром I российской миссии во главе с князем А. Бековичем-Черкасским, политические отношения оказались фактически прерванными на целое столетие. Их возобновление в XIX веке в значительной степени было связано не только с активизацией действий российской стороны. Среднеазиатские государства также испытывали потребность в дальнейшем развитии связей, особенно торговых, а некоторые правители искали у России помощи для урегулирования непрерывных распрей между ханствами. Переплетение экономических и политических причин лежало в основе активизации взаимных поисков путей налаживания отношений.

В первые два десятилетия XIX века рассмотрение и решение азиатских вопросов в Санкт-Петербурге входило в компетенцию Комитета министров по представлению министерства иностранных дел. Решение наиболее важных вопросов поручалось группе видных государственных деятелей. Так, по распоряжению Александра I в 1802 году в нее были включены министр коммерции Н. П. Румянцев, В. П. Кочубей, Н. С. Мордвинов и др. Они активно участвовали в изучении вопросов среднеазиатской политики, требований купечества, мнений местной, главным образом астраханской и оренбургской, администрации. Оренбург яв-

лялся важным форпостом России на азиатских рубежах. Основную роль в торговых отношениях со среднеазиатскими государствами издавна играли Оренбургская, Троицкая, Петропавловская и Семипалатинская таможи.

В начале века в Петербурге ощущался недостаток сведений о политическом и экономическом состоянии отдельных среднеазиатских государств, об их отношениях между собой и с другими странами Востока. Такую информацию ждали не только от военно-научных экспедиций, официальных миссий, но также и от руководителей и участников торговых караванов. Примером может служить посланный в 1803 году в Бухару с торговыми и политическими целями «караван поручика Гавердовского». К сожалению, этот караван, как и многие другие, не достиг цели и не выполнил данных ему поручений. Он был почти полностью разграблен напавшими на него сторонниками хивинского хана. Хива ревностно следила за торговлей русского и бухарского купечества и чинила ей всяческие препятствия. Не только с русской стороны, но и со стороны Бухарского ханства предпринимались поиски более безопасных торговых путей, проходивших по землям Средней Азии. С этой целью в Петербург приезжали посланцы от эмира Бухарского, а в Бухару отправлялись русские миссии.

Интерес петербургского двора и русского купечества к азиатской торговле и путям ее развития чрезвычайно усилился после вынужденного присоединения России к континентальной блокаде. Неслучайно в 1807–1808 годах по инициативе правительства и при поддержке восемнадцати купцов была предпринята попытка создания Российско-Азиатской компании. Но она не увенчалась успехом. Тогда же получило распространение определение Бухары как «Афин Средней Азии», а Хивы — как «российского в великой Татарии Гибралтара»². Однако в годы участия России в антинаполеоновских коалициях, когда все усилия ее внешней политики и дипломатии были направлены на Европу и Ближний Восток, среднеазиатская политика не отличалась активностью, оставаясь периферийной.

Некоторое оживление связей России со Средней Азией наблюдалось после завершения Венского конгресса и создания венской системы, и особенно в 20-х годах. Разразившийся тогда восточный кризис, обострив ряд международных проблем, отчетливее выявил роль Средней Азии в перспективе развития восточной политики России, в ее противоречиях с Англией.

Для более четкой организации сношений с азиатскими государствами в российском МИД в 1819 году был создан Азиатский департамент, который возглавил опытный чиновник и дипломат К.К. Родофиникин. Тогда же при Комитете министров был создан Азиатский комитет, в него вошли многие видные государственные чины России. Азиатский депар-

тамент в течение длительного времени оставался единственной структурой, созданной в российском МИД по географическому принципу. К.В. Нессельроде предписывал департаменту «иметь главным предметом своим дела азиатских народов, России подвластных, а равно и тех, с коими сие государство находится в торговых или в других каких-либо сношениях»³. Среди них были перечислены народы нынешнего Казахстана, Средней Азии, а также Китай.

Азиатский комитет, являясь высшим государственным органом по азиатским делам, за все время своего существования (фактически до 1847 г.) не сумел выработать в отношении Средней Азии достаточно обоснованный перспективный план действий. В основном комитет занимался текущими делами. К его заслугам следует отнести помощь в организации ряда военно-научных экспедиций, посылку в ханства нескольких официальных миссий, выделение охраны торговым караванам. Инициатива направления в Среднюю Азию экспедиций, торговых караванов исходила не только из правительственных кругов, но также из военных, научных и торговых. Важно, что она нередко встречала поддержку Азиатского комитета. Активным сторонником укрепления связей с кавказскими и среднеазиатскими народами путем развития торговли, налаживания более тесных экономических и культурных связей был известный государственный деятель, видный экономист, адмирал Н.С. Мордвинов. Свои взгляды он изложил в ряде «мнений», представленных для обсуждения в Комитет министров в 1816-м и последующие годы⁴.

Научные экспедиции, дипломатические и торговые миссии в Среднюю Азию первой половины XIX века получили довольно полное освещение в современной отечественной литературе⁵.

Одну из интереснейших военно-научных экспедиций возглавил в 1819–1820 годах капитан Н.Н. Муравьев, широкообразованный, прогрессивно настроенный человек, связанный с военными, входившими в тайные декабристские общества. Экспедиция в Туркмению и Хиву под руководством Н.Н. Муравьева прошла успешно. В своей записке А.П. Ермолову «Замечания о туркменцах и хивинцах и мысли об устройении крепостцы на восточном берегу Каспийского моря и о распространении нашей торговли с Хивой» от 12 апреля 1820 года руководитель экспедиции отмечал расположение к России туркменских племен восточного побережья Каспийского моря, их просьбы о покровительстве⁶. Он подчеркивал, что их согласие на сооружение русской крепости в Красноводском заливе будет способствовать развитию торговых связей России с Хивой, Бухарой, Кашмиром, Индией и Афганистаном, а также укреплению позиций страны в отношении Персии⁷.

Трудной и опасной была миссия Муравьева в Хиву. Как писал А.П. Ермолов А.А. Закревскому об этой поездке и о результатах пере-

говоров с ханом, несмотря на все сложности, несмотря на то что его заточили в крепость и грозили убить, «он имел твердость все вытерпеть, ничего не утрашиться», Ермолов отмечал, что после 1717 года «Муравьев есть первый из русских в сей дикой стороне и сведения, которые передаст нам о ней, чрезвычайно любопытны»⁸. Помимо официального отчета о поездке в Хиву Муравьев подробно описал ее в своих записках. Он замечал, что ханские власти сначала полагали, будто бы он «прислан был ходатаем за русских, страждущих в жесточайшей неволе, или для востребования удовлетворения за два купеческие судна, сожженные несколько лет тому назад на Трухменском берегу, или ответа за убиение князя Бековича...»⁹. Муравьев вел «поденные записки», и его посчитали чуть ли не лазутчиком. В конце концов он добился визита к хивинскому хану и вел с ним переговоры. Муравьев заверил хана в стремлении России к мирным, дружественным отношениям с Хивой и развитию торговых связей. Однако попытки русского посланника убедить хана в целесообразности изменения караванных путей из России по землям Средней Азии (проведение их к Красноводской пристани, а оттуда в Астрахань вместо более долгой дороги по безводной степи через Мангышлак) не встретили поддержки у хивинского хана. Он опасался продвижения через земли неподвластных ему племен туркмен-иомудов и усиления влияния на них России. Урегулирование этого вопроса было бы важным для дальнейшего развития торговых и политических связей России со среднеазиатскими ханствами. Изменение караванного маршрута могло способствовать облегчению продвижения караванов в Хиву, Бухару, Кашмир, Кабул.

На основании отчета Н.Н. Муравьева Ермолов составил в Тифлисе официальную записку для К.В. Нессельроде «О совершении экспедиции в Хиву капитаном Муравьевым». Опираясь на мнение Н.С. Мордвинова, «проконсул Кавказа» подчеркивал важность для России упрочения на восточном берегу Каспия и даже основания там крепости. Наряду с этим он отмечал, что хотя овладение Хивой и Бухарией не входит в задачи текущей политики России, но укрепление ее позиций на берегах Восточного Каспия будет иметь важное значение.

После рассмотрения результатов экспедиции в Азиатском комитете были выделены средства на новую, которая и была направлена в 1821 году под руководством того же Н.Н. Муравьева на восточное побережье Каспия.

В 1822 году в Москве была опубликована книга Муравьева об этих экспедициях¹⁰. Автор посвятил ее своему отцу Н.Н. Муравьеву — «основателю Московского учебного заведения для юношества» (школы колонновожатых), пользовавшегося популярностью среди прогрессивно настроенной военной молодежи. Книга быстро разошлась, а деньги от

ее реализации были переданы городским властям на благотворительные цели.

В 1832 году из Гурьева была отправлена новая экспедиция в Закаспий под начальством титулярного советника министерства иностранных дел Карелина. В связи с ее подготовкой Н.Н. Муравьев составил обстоятельную записку об истории изучения Закаспия со времен Петра I и вплоть до 20-х годов XIX в. В записке раскрывалось значение поисков наиболее выгодных для России торговых путей в Бухару, Хиву и Индию¹¹. При обсуждении в 1833 году результатов экспедиции Карелина вновь встал вопрос о построении военных укреплений и «складочных магазинов» на восточном берегу Каспийского моря. Однако практических мер до 1869 года принято не было.

Определенных успехов достигла отправленная из Оренбурга в Бухару в 1820 году дипломатическая миссия А.Ф. Негри¹². При переговорах с эмиром Бухарским удалось рассмотреть вопросы обеспечения безопасности русских торговых караванов и учреждения в Бухаре российского консульства. Бухарская сторона обязалась соблюдать условия нового азиатского тарифа, введенного в России с 1819 года. Одной из задач миссии был сбор сведений о Бухарском ханстве, его отношениях с Турцией, Персией, Афганистаном, с Хивинским, Кокандским и другими ханствами, а также об отношениях Хивы с казахами. Подробные отчеты А.Ф. Негри были направлены оренбургскому военному губернатору П.К. Эссену и статс-секретарю И.А. Каподистрии¹³. В Петербурге были удовлетворены итогами миссии. Но бухарские власти, согласившиеся с основными предложениями Негри, не торопились проводить их в жизнь. Только в 1825 году в Петербург прибыло ответное посольство «для представлений по предметам торговли Бухарии с Россией». Как верно отмечает современный российский исследователь Н.А. Халфин, «местные феодальные правители, мало знакомые с буржуазным порядком, не всегда придавали существенное значение итогам переговоров даже тогда, когда они были документально зафиксированы»¹⁴. В данном случае никаких договоров-документов подписано не было.

В состав миссии входили известные ученые, талантливая молодежь. И они сумели собрать ценные сведения о природе, населении, политическом строе и внешних сношениях Бухарского ханства. В результате русская наука обогатилась ценными новыми материалами. Вскоре после возвращения в Россию Э.А. Эверсман, академик Х. Пандера, Е.К. Мейендорф, В.Д. Вольховский, А.К. Тимофеев опубликовали научные статьи в отечественных журналах, а также труды, некоторые из них были изданы и за рубежом.

До сих пор еще полностью не изданы, а до недавнего времени были почти неизвестны исследователям интереснейшие записки о Казахста-

не и Средней Азии декабриста А.А. Жемчужникова, которые хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Он сопровождал в составе военного конвоя в конце 1824 — начале 1825 года торговый караван в Бухару. Одним из основных инициаторов снаряжения торгового каравана из Оренбурга в Бухару был оренбургский военный губернатор П.К. Эссен, весьма озабоченный упадком среднеазиатской торговли. «А торговля столь упала, — писал Эссен в донесении К.В. Нессельроде от 2 ноября 1821 года, — что в Оренбург не вышло в сем году ни одного каравана, равным образом и из Оренбурга ни одного не отправлено». Развитию торговых связей России со Средней Азией препятствовали феодальные распри среди ханов Младшего жуза, что делало опасным продвижение по их землям торговых караванов. После успешных экспедиций в Хиву и Бухару в начале 20-х годов и урегулирования обстановки в Младшем жузе П.К. Эссен был полон надежд на возможность активизации торговых связей с Бухарой, добивался выделения правительством значительного военного конвоя для торгового каравана. Идея отправки большого торгового каравана из Оренбурга в Бухару в целом была одобрена российским правительством, и в начале ноября 1824 года караван под прикрытием военного конвоя во главе с полковником С.Т. Циолковским двинулся в путь.

Однако торговый караван в Бухару, на который возлагало большие надежды российское купечество, не достиг намеченной цели. В середине января 1825 года близ горы Биш-Тюбе, примерно в 300 верстах от Бухары, он был атакован большим отрядом хивинцев. К этому времени огромный обоз из Оренбурга соединился с обозом из Троицка. В конце декабря караван намного увеличился за счет присоединившихся казахов, гнавших на продажу большие отары скота. Такому гигантскому, растянувшемуся на версты каравану в Красных песках было трудно обороняться от отрядов хивинского хана, пытавшихся разграбить или по крайней мере не пропустить отправленный из России караван. Безуспешными оказались и переговоры С.Т. Циолковского с хивинскими начальниками. Как писал А.А. Жемчужников, «все разговоры их клонились к тому, чтобы мы с караваном следовали не в Бухарию, а в Хиву, ибо на то есть воля хана...»¹⁵. Караван отбывался от хивинцев две недели, после чего был вынужден, бросив многие товары, повернуть обратно. Так потерпела неудачу очередная попытка России активизировать торговые связи со среднеазиатскими ханствами.

Начавшиеся вскоре русско-персидская, а затем Русско-турецкая войны на время отодвинули осуществление рассматривавшихся в Азиатском комитете проектов военного похода на Хиву. Один из проектов был представлен в виде обширной записки отставного генерал-майора М. Веригина (4 февраля 1826 года). В ней рекомендовалось занятие

Хивы как «единственное средство для распространения и приведения в безопасность нашей торговли в средней части Азии»¹⁶. Несмотря на поддержку членами комитета идей Веригина, которые, впрочем, по их мнению, не отличались новизной, было решено продолжить поиски путей улаживания конфликтов мирными средствами. При этом большое значение придавалось упрочению отношений с другими ханствами, объединению их против Хивы, созданию укрепленных плацдармов на земле туркмен-иомудов, страдавших от набегов хивинцев. Азиатский комитет попытался установить более тесные добрососедские отношения с Кокандом, политические и торговые связи с которым были развиты очень слабо. Интересные сведения об этом ханстве собрал и опубликовал хорунжий Н.И. Потанин, который сопровождал из России в Коканд «посланников, бывших у российского Двора в 1830 году»¹⁷.

Сократившийся во время восточного кризиса внешнеторговый оборот России с Персией в силу ряда причин не мог компенсироваться ее торговлей со среднеазиатскими ханствами. Все более опасным конкурентом для российских предпринимателей в этом регионе становилась Англия, хлопчатобумажная промышленность которой могла существовать и развиваться только за счет приобретения новых рынков сбыта. Среди внешних рынков, на которые британские правящие и предпринимательские круги усилили наступление, оказались и среднеазиатские. Российским предпринимателям было нелегко конкурировать с английскими более качественными и дешевыми товарами. Торговое наступление Англии сочеталось с военно-политическим давлением на среднеазиатские ханства, и это, в свою очередь, встревожило петербургский двор. В идеологическом обосновании перспектив политики в Средней Азии, наряду с выделением роли развития торговых связей, усиливается тенденция к показу военно-стратегического значения этого региона в восточной политике России, в ее борьбе против британского влияния в странах Востока.

Однако и тогда, и в последующие десятилетия Россия проводила на Среднем Востоке осторожную политику. Не желая уступать там своих позиций, она не хотела и войны с Англией. Российская дипломатия не упускала возможностей демонстрировать выгоду развития русско-персидских, русско-афганских торговых и политических связей. В 30–50-х годах XIX века Петербург стремился наладить прерванные войной 1826–1828 годов политические и торговые отношения с Персией. В начавшемся в 1833 году конфликте между Персией и Гератом, в который был втянут Афганистан, российская дипломатия выступала сторонницей его урегулирования мирными средствами. Об этом свидетельствуют инструкции МИД посланнику в Тегеране И.О. Симоничу, дипломатическому представителю в Кабуле И.В. Виткевичу, послу

в Лондоне К.О. Поццо ди Борго¹⁸. Последнему вменялось в обязанность также убедить английский кабинет в том, что Россия не посягает на британо-ост-индские отношения.

Вместе с тем Россия использовала сложившуюся неблагоприятную для Англии обстановку на Среднем Востоке в связи с Англо-афганской войной (1838–1842 гг.), завершившейся выводом английских войск из Афганистана, а также затянувшимся афгано-персидским конфликтом, чтобы начать локальное, но уже военное наступление на Среднюю Азию. Так, поход В.А. Перовского на Хиву в 1839 году наряду с обеспечением торговых интересов российских предпринимателей, вызволением из рабства пленников ставил также задачи упрочения в Хиве российского политического влияния даже путем отстранения от власти прежнего хана, ослабления позиций Англии, Хива должна была стать форпостом для продвижения России в Среднюю Азию. Назначенный в 1833 году военным губернатором Оренбурга Перовский, человек жесткий, решительный, настойчиво искал способы реального усиления позиций России в Средней Азии, стал инициатором военного похода на Хиву.

В Азиатском комитете не было единства по этому вопросу, и в марте 1839 года он был рассмотрен по распоряжению Николая I на заседании Особого комитета. Идея военного похода на Хиву получила одобрение. Одновременно были подчеркнуты значение на этом этапе продолжения мирной политики в отношении других среднеазиатских ханств, важность удержания их от вмешательства в конфликт России с Хивой.

Военный поход Перовского на Хиву окончился неудачей. Выступив из Оренбурга в ноябре 1839 года, отряд численностью 4 тыс. человек не смог выдержать зимней непогоды. К тому же из-за бескормицы начался падеж лошадей и верблюдов. Отряд не дошел до Хивы и с потерями вернулся в Оренбург. Но этот поход устрасил хивинского хана, освободившего несколько сотен русских пленников, а затем издавшего фирман, запрещающий всем подвластным хану народам покупать попавших в плен русских подданных. Об этом было сообщено и Перовскому в Оренбург. Российский МИД, давая оценку политическому значению похода на Хиву, посчитал, что он поднял авторитет России в глазах среднеазиатских ханств и подорвал позиции англичан.

Действительно, после событий 1839 года ряд правителей активизировали свои действия по нормализации отношений с Россией. В 1840 году в Петербург прибыла специальная миссия от эмира бухарского Насруллы, которую принял Николай I. Эмиру были выгодны дружественные отношения с Россией, ее поддержка в борьбе против Хивы и Коканда. В свою очередь, в этом была заинтересована и русская сторона. Царское правительство удовлетворило также ряд просьб бухарских купцов, в том числе и по организации таможенного досмотра в Оренбурге.

Что же касается влияния Англии в Средней Азии, то, как справедливо заметила исследователь Н.С. Киняпина, оно «было поколеблено не движением царских войск к Хиве, а английской экспедицией в Афганистане»¹⁹. Подъем антианглийского народного движения в Кабуле сыграл в этом существенную роль.

Неудача военного похода Перовского вместе с тем показала неготовность России к военному вторжению в Среднюю Азию. Да Петербург и не испытывал тогда большой потребности в таком мероприятии. Это пришло позднее.

В 40-х — начале 50-х годов, когда усиливалось наступление Англии и Франции на позиции России на Балканах и Среднем Востоке, российская дипломатия приходит к пониманию важности дальнейшего сближения со среднеазиатскими ханствами. Большую роль по-прежнему здесь играли в основном традиционные методы политики: обмен миссиями, отправка научно-военных экспедиций, торговля.

В 1841 году по просьбе правителей Бухарского и Хивинского ханств из Оренбурга были отправлены две экспедиции. Научно-дипломатическую миссию в Бухару возглавил горный инженер подполковник К.Ф. Бутенев. Наряду с горно-изыскательскими работами этой миссии было поручено договориться с ханом об открытии русского консульства в Бухаре, попытаться ослабить влияние там английских представителей. Однако политические задачи из-за позиций хана осуществить не удалось. Большую ценность представили лишь сведения об экономическом состоянии ханства, его полезных ископаемых. Только в 1848 году в связи с обострением отношений Бухары с Кокандом эмир направил свое посольство в Петербург, предлагая упрочение отношений. Но в то же время после объединения Коканда и Хивы эмир Бухарский вел себя в отношении России весьма осторожно, нередко занимая выжидательную позицию.

В 40-е годы союзниками России оставались казахи Большого жуза, подвергавшиеся нападениям среднеазиатских ханств. Стремясь их защитить, Россия в 1853 году захватила в Коканде крепость Ак-Мечеть.

Российские правительственные и предпринимательские круги, учитывая внутри- и внешнеполитическую обстановку, продолжали искать пути дальнейшего торгового проникновения в Среднюю Азию. Одним из документов, доказывающих важность Средней Азии для развития экономики России, является записка видного дипломата и ученого Н.В. Ханькова, побывавшего в Средней Азии в 1840 году. Он подчеркивал необходимость организации противодействия продвижению англичан в Среднюю Азию²⁰.

Во время Крымской войны Англия стала особенно активно действовать в странах Среднего Востока и Средней Азии, стремясь подорвать российское влияние. Большое значение она придавала позициям бухар-

ского ханства, халифом которого был турецкий султан. Но несмотря на ярые призывы духовенства к священной войне — газавату, эмир Бухарский, внешне выражая расположение к Турции, продолжал сохранять мирные отношения с Россией, ценил существовавшие с ней связи. Турция и Англия сумели лишь подтолкнуть большой военный отряд кокандцев к выступлению против занятой русскими войсками крепости Ак-Мечеть. Однако этот отряд, не поддержанный военными силами бухарцев и хивинцев, потерпел поражение. С целью укрепления позиций России в Большом жузе в 1854 году на реке Алма-Ата был основан город Верный (Алма-Ата), в котором разместился военный гарнизон, защищавший казахское население от посягательств кокандского хана. В том же году Россия, подписав конвенцию с Персией о нейтралитете, нанесла удар по военным планам Турции и Англии. В свою очередь, Россия была вынуждена пойти на уступки Персии, отказавшись от невыплаченной части контрибуции, предусмотренной Туркманчайским мирным договором 1828 года. В годы Крымской войны российская дипломатия активно использовала в своих действиях на Востоке достигнутые ранее соглашения, связи, противоречия между государствами Среднего Востока и Средней Азии, а также между ними, с одной стороны, и Англией — с другой.

Изменение международного положения России после поражения царизма в Крымской войне, важнейшие социально-экономические сдвиги в ней, последовавшие за буржуазными реформами 60-х годов XIX века, отразились на характере ее политики в Средней Азии. Во второй половине века этот регион становится ареной непримиримого соперничества двух великих держав — Англии и России.

2. Россия и Китай на Дальнем Востоке. Попытки установить контакты с Японией

Основным содержанием русско-китайских отношений в первой половине XIX века было осуществление двух крупных и теснейшим образом взаимосвязанных задач: обеспечить России равный с Цинской империей статус, прежде всего в области дипломатической и политической; создать предпосылки для решения очень острой амурской проблемы.

Основные принципы традиционной имперской дипломатии Китая со времен глубокой древности основывались на китаецентристской концепции, согласно которой Китай (Чжунго, Срединное государство) был центром всей Вселенной (Тянься, Поднебесной), а все народы, его окружавшие, представляли собой как бы периферию этого центра и должны были подчиняться ему и принимать его порядки.

Идеологической основой китайской внешней политики была столь же древняя китайская концепция господства Сына Неба (Тяньцзы, ки-

тайского императора) над народами Поднебесной; император безоговорочно считался сюзереном, а остальные народы — его вассалами, подданными. Внушалось, что все это было предопределено свыше, шло от Неба, поэтому и в основных терминах этой внешнеполитической доктрины присутствует иероглиф тянь, обозначающий «Небо».

Эти взгляды и лежали в основе взаимоотношений Китая с иноземными странами, представители которых в официальной китайской историографии назывались не иначе как «сы и» — «варвары четырех сторон света». Характеризующаяся прежде всего полной оторванностью от реальной действительности, эта теория была целиком воспринята и иноземной маньчжурской династией Цин, воцарившейся на китайском престоле с 1644 года. В настоящее время вполне выяснена связь маньчжуро-цинской и традиционной китайской дипломатии. В.С. Мясников пишет: «Цинская дипломатия являлась по существу маньчжуро-китайской дипломатией: маньчжурской по целям и задачам, китайской в основном по формам, методам, средствам»²¹. Поэтому вплоть до конца XIX века и даже позднее китайские исторические источники толкуют о западных государствах только и исключительно как об «английских, американских и прочих варварах». Пример тому — капитальный китайский труд «Чоубань иу шимо» («Начало и конец всех дел с варварами»), посвященный внешнеполитической деятельности цинского правительства и охватывающий большую часть XIX века.

Русские избежали названия «варвары», в цинских исторических сочинениях их именуют, как правило, по названию их страны — олосы или элосы. В этом мы видим прежде всего подтверждение того отмеченного К. Марксом факта, что отношения Цинской империи с Россией имели особый характер, отличавший их от связей с капиталистическими державами Запада²². Однако саму Россию цинские политики также пытались отнести к числу так называемых даннических государств Цинской (а точнее Дайцинской — Великой Цинской) империи.

Опираясь на основную внешнеполитическую концепцию, цинский двор разработал и осуществил ряд практических средств, которые должны были демонстрировать величие правивших в Китае маньчжурских императоров, унижать посланцев иноземных государств, приезжавших к их двору, «показать им их место», внушить чувство страха и почтения перед могуществом цинского Китая. К их числу относился и разработанный в малейших деталях ритуал коленопреклонений и земных поклонов, который каждый из приезжавших должен был совершать перед императором или даже перед пустым тронном, — так называемая церемония коутоу. В арсенале цинской дипломатии были и иные средства, призванные специально, заблаговременно подчеркнуть подчиненное и зависимое положение каждого иноземного посла. Это была система

таких же земных поклонов — но еще на границах Цинской империи — перед жертвенником, зажженной свечой или табличкой, олицетворявшими «верховного властителя» Поднебесной. Эта система представляла собой определенное ужесточение официального церемониала приема иностранного посла и пускалась в ход в исключительных случаях, когда того требовали внешние или внутренние обстоятельства.

Борьба русского правительства за признание цинской стороной равноправного характера политических и дипломатических отношений двух государств — Цинской империи и России — заняла более чем 200 лет и восходит еще к временам первых русских посольств в Пекин. Первый «прорыв» удалось совершить благодаря упорству и настойчивости русского дипломата С.А. Владиславича-Рагузинского. В трудных пограничных переговорах в 1726–1728 годах он проявил необходимую твердость и настойчивость, добившись признания цинской стороной «принципа фактического владения» и не допустив территориальных уступок со стороны России. Таким образом, уже Кяхтинский договор 1727 года зафиксировал новое соотношение сил между двумя империями — состояние равновесия их сил. Это был чрезвычайно важный, но лишь первый шаг на столь долгом пути.

Далее, 8 февраля 1792 года между Цинской империей и Россией был подписан Международный акт, подтверждавший положения Кяхтинского трактата и содержащий постановление о наказании нарушителей границы по законам того государства, чьими подданными являлись нарушители. Подписание Международного акта явилось очередным вынужденным шагом Цинов на пути к осознанию и признанию равенства двух государств в их взаимных сношениях. Однако цинские правители, отлично осознавая силу и международное влияние своего соседа — России, еще долгое время не шли на взаимный обмен посольствами, установление с ней равноправных дипломатических отношений и признание ее равноправным партнером.

К началу рассматриваемого периода в русско-китайских отношениях накопилось немало проблем. После заключения мира с Францией (1802 г.) русское правительство усилило внимание к отношениям со странами Востока, была разработана серьезная программа мер, рассчитанная на значительное расширение сферы отношений России с Цинской империей по всем основным направлениям — политическим, дипломатическим, экономическим и культурным. С целью реализации этой программы правительство Александра I приступило к подготовке посольства в Цинскую империю сенатора графа Ю.А. Головкина (1804–1806 гг.)²³.

Перед посольством были поставлены главным образом задачи торговые. Ю.А. Головкину предписывалось рассмотреть с цинским пра-

вительством вопрос об открытии русско-китайской торговли, помимо Кяхты, еще и на реке Бухтарме, а также по всей линии Иртыша, в Кантоне (Гуанчжоу) и на Желтом море. Посол должен был добиться дальнейшего повышения статуса Российской духовной миссии в Пекине в сношениях России и Цинской империи. Ему поручались также переговоры с цинской стороной о делах пограничных на Дальнем Востоке. Однако на какое-либо новое разграничение территории с Цинской империей в этом районе, которое в Петербурге считали пока делом преждевременным, Головкин полномочий не имел. Его роль ограничивалась тем, что он мог передать цинскому правительству принципиальное согласие русской стороны на организацию непосредственно на русско-китайской границе конференции уполномоченных обеих стран для рассмотрения погранично-территориального вопроса.

Перед посольством была также поставлена важная цель более глубокого ознакомления русской общественности с Дальним Востоком и расположенными здесь странами — Китаем, Маньчжурией и Монголией, для чего Ю.А. Головкин должен был собрать разнообразные точные сведения об этих странах и о Приамурье. В инструкциях послу особо был выделен пункт о возможности использования русской стороны Амура для снабжения продовольствием Охотско-Камчатского края и Русской Америки²⁴.

Таким образом, русской стороной была намечена весьма широкая программа развития отношений с Цинской империей, в первую очередь в экономической области. К сожалению, эти истинные цели российского посольства 1804–1806 годов не были доведены до цинского правительства. Более того, можно утверждать, что основные моменты русской программы стали известны цинской стороне в совершенно искаженном и превратном виде, как бы в кривом зеркале, и информация эта поступила от иностранцев, прежде всего католических миссионеров, проживавших в Кантоне и Пекине и весьма ревниво следивших за каждым шагом в русско-китайских отношениях. Иностранцы уверяли цинский двор, что цели русского посольства сводились к следующему: установление границы по Амуру, возвращение калмыков, обеспечение исключительных прав для русских в торговле в Кантоне²⁵.

Представив перед цинским правительством в столь искаженном виде цели посольства Ю.А. Головкина, иностранцы весьма ловко задели его самые чувствительные струны. Действительно, чрезвычайная активизация иностранной торговли в Кантоне стала причинять немало беспокойства Цинской империи и заставляла ее заботиться об укреплении морской обороны, а одновременно с прибытием русского посольства на границу с Монголией, в Кантоне появились два русских военных корабля, тоже потребовавших открыть с ними торг. Волжские калмыки,

опрометчиво решившие в 1771 году откочевать в Цинскую империю, подняли в этот момент вопрос о своем возвращении обратно в Россию, О плавании же по Амуру (а не только об установлении по нему границы) цинские чиновники после миссии В.Ф. Братищева в 1757 году не давали и заикнуться русским представителям в Пекине²⁶.

Необычайная пышность русского посольства, многочисленность свиты посла, в том числе и вооруженного конвоя, призванные подчеркнуть его важность, также настораживали цинское правительство и как будто бы подтверждали домыслы иностранцев. В этих условиях цинский двор стал испытывать в отношении России определенные подозрения.

Поэтому первые же затруднения, с которыми столкнулся Ю.А. Головкин, были связаны именно с необходимостью уменьшения свиты посла. Основным аргументом Головкина в его споре с представителями цинской администрации в Урге была политическая невозможность ограничить по требованиям цинской стороны численность свиты: делался явный расчет на то, чтобы уравнять посольство России с посольствами «землиц», подданных Цинской империи, которые ежегодно привозили ей дань. Однако, когда после уступок русского посла вопрос о свите был решен, за ним последовали другие, препятствия. В результате посольство Головкина так и не было Пропущено цинскими властями в Пекин.

В научной литературе²⁷ нет единой точки зрения на причины, повлекшие за собой дипломатическую неудачу Головкина. Изучение китайских документов и материалов о посольстве 1804–1806 годов позволяет прийти к выводу, что политический неуспех этого тщательно и долго готовившегося русской стороной мероприятия объясняется тем, что цинское правительство пыталось всеми мерами не допустить новой постановки Россией вопроса об Амуре, его нежеланием вступать с Россией в какие-либо переговоры по дальневосточному вопросу и стремлением уйти от обсуждения этого вопроса вообще. В этих целях оно вновь прибегло к такому средству, как не оправданное никакой политической реальностью ужесточение требования о соблюдении Россией какого-то «даннического» церемониала. Ю.А. Головкин же не мог пойти на выполнение предъявленных ему унижительных требований, умалявших международный престиж России.

Восстановим хронологию событий. В октябре 1805 года посольство Головкина прибыло на монгольскую границу. Два с половиной месяца шла переписка о свите, подарках богдыхану и пр.

15 ноября 1805 года, в разгар этих переговоров, в Кантон пришел корабль «Надежда», а в начале декабря — «Нева», оба они совершили первое в истории русского флота кругосветное плавание. При благожелательном отношении комиссара кантонской морской таможни Янь Фэна судам было разрешено продать привезенную пушнину.

Сведения о приходе русских кораблей в Кантон достигли пекинского двора 19 декабря и вызвали резкое недовольство. Вопрос обсуждался в Пекине полтора месяца, хотя еще 14 декабря император Цзяцин издал указ о готовности принять русское посольство.

25 декабря последовал еще один указ — о достойной встрече посольства цинской стороной. Однако это была лишь внешняя, показная реакция. Чиновники трибунала внешних сношений (лифаньюань) подали доклад о нецелесообразности в сложившихся условиях принять русское посольство. Благовидным предлогом для этого, по их мнению, могло стать невыполнение послом установленного для «даннических» государств церемониала. Было принято решение: осудить приход в Кантон русских кораблей, усложнить требования церемониала путем оказания русскому послу особой «милости» на границе — чествования его пиром (что предусматривало затем совершение им церемонии «коутоу»), создать таким образом препятствия для прибытия посла в столицу либо получить повод для отказа принять посольство вовсе.

В начале января 1806 года посольство Ю.А. Головкина прибыло в Ургу. 3(15) января цинский амбань (правитель) в Урге Юньдуань-доржи сообщил русскому послу, что император чествует его особым банкетом. А когда Головкин явился на этот банкет, амбань объявил (совершенно неожиданно — об этом не было никакой предварительной договоренности), что посол должен совершить перед алтарем церемонию девяти поклонений...

Забываясь о чести и достоинстве российского государя, Головкин решительно отказался это сделать. В последующей дискуссии он обоснованно мотивировал свой отказ историческими прецедентами: в 1720 году Л.В. Измайлов и в 1726–1727 годах С.А. Владиславич-Рагузинский, благодаря богдыхана за подобные банкеты, пили за его здоровье и совершали три поклона, стоя на ногах, но отнюдь не били земных поклонов. Ургинские комиссары убеждали посла согласиться на выполнение обряда, но посол не уступил их нажиму.

Неудача посольства объяснялась, таким образом, не какими-то личными качествами Ю.А. Головкина, осуждавшимися современниками²⁸, Он последовательно боролся за установление равноправного характера дипломатических отношений двух стран, но, к сожалению, безуспешно. Петербургский кабинет, как известно, полностью оправдал действия Головкина; он, по мнению кабинета, показал различия между данниками Цинской империи, для которых предназначался этот обряд, и равными и сильными державами, «которые отправляют посланников для возобновления существующей дружбы и согласия»²⁹.

После отказа Ю.А. Головкина совершить церемонию «коутоу» цинский двор получил уже формальные основания обсуждать вопросы, по-

звolyать или не позволять русскому посольству проследовать в Пекин без совершения церемонии на границе и какую официальную оценку дать появлению русских кораблей в Кантоне. Но фактически ответы на них были уже предрешены.

11(23) января 1806 года в Ургу прибыл специальный чиновник, который в затруднительных случаях подсказывал цинскому наместнику, что ему делать и как отвечать русскому послу.

21 января (2 февраля) двор осудил прибытие русских кораблей в Кантон. Янь Фэн был уволен и отдан под суд. Корабли к этому времени уже загрузились китайскими товарами и ушли. Вдогонку им был послан цинский приказ об их аресте.

Еще через десять дней, 1(13) февраля, последовал официальный отказ цинского правительства принять посольство Головкина на основании «неисполнения им церемониала». Посольство вернулось в Кяхту.

Подлинные же мотивы отказа вскрывает последующая цинская официальная переписка. В одном из своих указов император Цзяцин признавал, что его «милость» и связанное с ней требование об исполнении русским послом ответного церемониала на границе не имели принципиального характера. Он писал, что в случае прибытия нового русского посольства «для посла на этот раз не будет устроен пир в Урге, так что он не будет обязан совершать церемонию «коутоу» (на границе. — *Авт.*)»³⁰. Тем самым признавалось, что требование соблюсти церемониал было использовано как средство традиционной китайской дипломатии, чтобы сорвать прибытие в цинскую столицу нежелательной иностранной миссии. Причем ни о какой «самодеятельности» местных ургинских властей в этом деле не могло быть и речи. Эта акция стоила бы им головы. Все определялось и решалось только в Пекине. «Требования в Урге были предъявлены неприемлемые, на то и рассчитанные, что посол их отвергнет»³¹, — очень точно отмечает русский источник.

Подобные же принципы цинской политики в отношении России находили отражение и в регулировании пекинским правительством русско-китайской торговли через Кяхту в конце XVIII — первой половине XIX века.

После заключения в июне 1727 года между Россией и Цинской империей Кяхтинского трактата, определившего, в частности, два пункта, через которые должна была осуществляться русско-китайская торговля (Цурухайтуй на Аргуни и Кяхта на границе с Монголией, вошедшей по трактату в состав цинского Китая), Кяхтинская пограничная торговая слобода начала чрезвычайно быстро развиваться. Она и построенный напротив нее на монгольской территории городок Маймайчэн и стали более чем на полтора века главными пунктами всей торговли между двумя соседними государствами³².

О важном значении этой торговли для России свидетельствует данная в 1840 году русскому дипломату Н.И. Любимову инструкция, в которой говорилось, что «торговля с Китаем составляет важнейший предмет и, можно сказать, главную цель наших политических действий в отношении к сему государству»³³.

Иной была официальная позиция цинской стороны. Следует отметить, что, несмотря на быстрое развитие, кяхтинская торговля испытала за свою историю немало трудностей именно из-за специфической политики китайских властей в торговом вопросе. Они рассматривали торговлю Китая с другими странами как некое великое благо, которое китайский император дарует соседним и дальним «варварским» государствам; отсюда проистекали и частые приостанавливания китайской стороной торговых операций в Китае по совершенно ничтожным поводам (например, 10 раз в период с 1744 по 1792 г.), чем она будто бы «наказывала» русских. В действительности же от подобных запрещений всегда страдали прежде всего китайские купцы и сам Китай, извлекавшие из русско-китайской торговли наибольшую экономическую выгоду. Как известно, общий баланс торговых операций между Россией и Китаем в течение более чем 200 лет (до 1917 г.) неизменно складывался в пользу Срединной империи.

Но, несмотря на все препоны цинских властей, кяхтинский торг, как уже говорилось, быстро развивался, ибо носил в целом взаимовыгодный характер. За первую четверть XIX века его объем вырос с 8,2 млн рублей до 12,3 млн рублей, а к началу 40-х годов превысил 16 млн рублей³⁴, составив 95 % всего объема русско-китайской торговли. Товары в Маймайчэн в 1810–1830 годах ежегодно доставлялись на 3–12 тыс. верблюдах и телегах-одноколках.

Русские власти разрешали торговлю в Кяхте в первой половине XIX века исключительно купцам первой гильдии, главным образом из Центральной России, а также из Сибири.

В начальный период торга основным товаром с русской стороны стала пушнина, главным образом беличьи шкурки (в начале XIX в. около 70 % всего экспорта), а с китайской — хлопчатобумажные ткани, шелк-сырец и чай. В дальнейшем постепенно основными предметами русского экспорта стали сукна, кожи, железные изделия и хлебопродукты; со второй четверти XIX века значительно увеличился ввоз в Китай промышленных товаров (к концу 30-х годов — более 50 %). В китайском же экспорте определяющее значение стал приобретать чай, вывозимый из Кяхты в такие центры русской торговли, как Макарьев, Нижегородская и Ирбитская ярмарки, Москва, откуда он расходился буквально во все уголки Российской империи³⁵.

16 мая 1835 года в Кяхтинской слободе Н.Я. Бичурин открыл для детей местных купцов училище китайского языка, в котором сам препода-

вал. Практическое значение этого училища, расположенного в главном пункте русско-китайской торговли и подготовившего немало китаеведов и маньчжуроведов, трудно переоценить.

Постоянное пребывание российских духовных миссий в столице Китая было узаконено Кяхтинским договором. Вопреки внешнеполитической концепции правителей Цинской империи, пекинское правительство официально признавало начальников открытой здесь Российской духовной миссии дипломатическими представителями российского правительства, вело с ними дипломатические переговоры, пересылало через них послания русской стороне и т. п. Более того, цинское правительство считало членов миссии — пастырей китайских подданных-албазинцев — находящимися на китайской государственной службе. Они получали высокие цинские звания и должности и числились по ведомству трибунала внешних сношений.

Таким образом, находившиеся здесь с конца 20-х годов XVIII века и периодически сменявшие друг друга духовные миссии совершенно официально играли уникальную роль единственного — российского — посольства в Китае и оказывали важнейшее позитивное воздействие как на развитие русско-китайских политических отношений, так и на двусторонние культурные связи России и Китая.

Сильное влияние на вторую — культурную — сторону деятельности миссий оказывал тот факт, что они всегда состояли из духовных лиц во главе с архимандритом и нескольких светских учеников, изучавших китайский, маньчжурский и монгольский языки. А подлинный расцвет культурной деятельности миссий пришелся как раз на начало XIX века, на ту пору, когда начальником новой, девятой миссии стал глубокий знаток и ценитель китайской культуры архимандрит Иакинф (Никита Яковлевич) Бичурин.

Российская духовная миссия отнюдь не ставила своей целью осуществление в Китае какой-либо широкой миссионерской деятельности, то есть обращение в христианство возможно большего числа китайцев, а сосредоточивала свою активность на обслуживании религиозных нужд потомков албазинцев — тех бывших русских подданных, которые попали в Цинскую империю в качестве пленных или перебежчиков в результате столкновений на Амуре в 1683–1688 годах.

В период подготовки и осуществления посольства Головкина в Пекине находилась восьмая миссия, руководимая архимандритом Софронием. Из состава этой миссии вышли два выдающихся знатока китайского языка — С. Липовцев и П. Каменский. По возвращении в Россию оба они были определены переводчиками в Министерство иностранных дел. Позднее П. Каменский — архимандрит Петр — был назначен главой Девятой духовной миссии (в декабре 1819 года).

Упомянутая выше Девятая миссия архимандрита Н.Я. Бичурина (январь 1808 г. — декабрь 1819 г.) была одной из самых блестящих. Миссия, ее ученики и особенно сам глава внесли огромный вклад в русское востоковедение, и в частности в синологию.

Сам Иакинф по прибытии в Пекин с необычайным рвением занялся изучением китайского языка, истории и культуры Китая. Способности его к синологии оказались феноменальными. Он очень быстро достиг блестящих успехов, что в немалой степени объяснялось и самыми активными контактами о. Иакинфа с представителями различных слоев населения китайской столицы и с приехавшими в Пекин монголами, корейцами, тибетцами, уйгурами и другими народами Китая. Такое тесное общение принесло Бичурину глубокие знания о самых различных сторонах жизни Китая и сопредельных стран, что нашло впоследствии (в 1828–1835 гг. и позднее) отражение в его многочисленных и серьезнейших научных трудах³⁶.

Великолепное знание языка позволило Н. Бичурину за почти 14-летний период пребывания в Китае проработать (а во многих случаях даже перевести на русский язык) огромную литературу на старокитайском языке. В числе основных источников, которые использовал ученый, можно назвать «Историю Китая» в 270 томах, официальную «Государственную энциклопедию» в 20 томах, «Историко-статистическое описание Китая» в 18 томах и ряд других крупных работ. Н. Бичурин накопил громадный материал о Китае и сопредельных странах. Собранная им богатейшая библиотека составила по весу 400 пудов и была вывезена им в Россию на 15 верблюдах.

Задержка Девятой миссии в Китае сверх всех положенных сроков произошла из-за событий в Европе и вторжения Наполеона в Россию, когда о Н. Бичурине и этой миссии в Пекине в Санкт-Петербурге попросту забыли.

Прекращение всякой материальной помощи со стороны русского правительства постепенно привело к полному обнищанию членов миссии, вынужденных распродавать личные вещи и закладывать имущество миссии и даже церковную утварь. Позднее эти действия как раз и были поставлены в вину Н. Бичурину. По возвращении в Россию он и члены миссии были преданы суду. Священный Синод признал его виновным, лишил духовного сана и отправил в ссылку в Валаамский монастырь. Только через пять лет благодаря знанию китайского языка и заступничеству русского путешественника и исследователя Е.Ф. Тимковского, посетившего Пекин как раз в бытность там о. Иакинфа, тот был вызволен из ссылки и зачислен на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел России.

В 1828 году Бичурин был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук, получил четыре Демидовские премии за свои

научные труды. В 1842 году увидел свет его капитальный труд «Статистическое описание Китайской империи», остающийся вплоть до наших дней одной из крупнейших научных работ дореволюционной русской синологии. Перу Н. Бичурина принадлежит и перевод на русский язык «Описания Пекина»; он же составил к нему план, для чего осмотрел и измерил каждый квартал китайской столицы, все его площади и базары³⁷.

Именно начиная с Н.Я. Бичурина, постоянной традицией российских духовных миссий в Пекине стало изучение восточных языков не только светскими учениками, но и руководителями и духовными членами миссий.

Но вернемся к русско-китайским отношениям.

Процесс признания Цинской империей равенства с Россией в их взаимных сношениях после посольства Ю.А. Головкина имел непосредственное продолжение.

В новых условиях складывавшегося паритета политического и военного могущества двух держав цинская сторона испытывала вполне определенные опасения за последствия своих неприязненных действий и не пошла на сохранение длительной конфронтации с Россией. В ответ на письмо иркутского гражданского губернатора Н.И. Трескина (ранее 22 октября (3 ноября) 1810 г.) император Цзяцин в своем указе выразил согласие провести конференцию китайских и русских представителей. О предполагаемой цели встречи указ выразился следующим образом: «...Ранее, когда хан России (так пренебрежительно назван был российский император в документе. — *Авт.*) просил [разрешения] прислать посольство поднести дань, нашим чиновником в Урге Юньдуань-доржи сделан выговор послу за то, что тот не совершил церемонию «коутоу». Но церемониал показался послу слишком жестким. Поэтому посол немедленно вернулся обратно. Русский губернатор ныне прислал посланцев с письмом, прося о дружеской встрече. Возможно, это означает, что хан России все еще желает поднести Нам дань... Так или иначе, когда русские на следующий год придут, если они намереваются прислать посольство поднести Нам дань, Мы не будем отвергать их просьбу. Если их чувства искренни и почтительны, их прошение может быть передано трону и будет удовлетворено. Мы представляем себе, что, после того как русские придут в Пекин, они не осмелятся отказаться от совершения церемонии «коутоу». Если в положенное время посольство придет с большой свитой, ее состав должен быть уменьшен еще до того, как посольство будет принято»³⁸.

Из этого документа становится очевидным, что цинское правительство перед встречей с Трескиным определенно рассчитывало на то, что Россия снова направит в Пекин свое посольство. Данническое посольство — подчеркнем мы и обратим внимание также на то, что русский им-

ператор именовался «ханом», то есть простым мелким вассальным владельцем. О каком-либо равноправии тут по-прежнему не было и речи.

Все же цинские представители на дружеской встрече выразили желание поддерживать с Россией добрососедские отношения³⁹, однако опять же не на равноправной основе. Так, например, на основе взаимности направить свое посольство в Россию император Цзяцин решительно отказался (указ от 10 апреля 1810 года).

«...Русские по своей природе бесчестны и ненадежны. Поэтому Мы послали указ Юньдуань-доржи и другим, приказав, чтобы они не обещали, что китайское посольство будет послано в Россию. Теперь же, когда Мы прочитали доклад Юньдуань-доржи и других об их встрече с русским губернатором, Мы увидели, что не только русские пошлют к нам свое посольство, но что они ожидают, что и Поднебесная империя пошлет к ним свое посольство первой. Это невозможно.

...Если русские осведомятся о посольстве от Поднебесной империи в Россию, вы, Юньдуань-доржи и другие, должны немедленно сообщить им: „Мы, Поднебесная империя, имеем много вассальных государств, но никогда не посылаем посольств в иностранные государства. О подобном беспрецедентном деле Мы, принцы и министры на отдаленных границах, не осмеливаемся даже и ходатайствовать... Если русские попросят нас принять посольство из России, но станут настаивать, что и Мы, в свою очередь, должны послать к ним ответное посольство, тогда ты, Юньдуань-доржи, должен отказать им на том основании, что подобное требование является беспрецедентным и неприемлемым”»⁴⁰.

Документы свидетельствуют сами за себя: признание России равноправным партнером было еще впереди и приходило к пекинским правителям медленным и трудным путем.

Переходя ко второй проблеме — амурской, следует отметить, что она оставалась главной в межгосударственных связях двух стран в течение всей первой половины XIX века. Складывание основных предпосылок — внутренних и внешних — для решения этого полуторавекового вопроса, возникшего в отношениях России и Цинской империи в результате Нерчинского договора и временного отторжения от России части Приамурья, составляет важнейшее содержание русско-китайских отношений рассматриваемого периода.

Русское население дальневосточных окраин России быстро росло. В 1796–1801 годах были значительно увеличены и русские военные гарнизоны на Дальнем Востоке. Так, в частности, гарнизонный полк был размещен на Камчатке, рота — в Удском остроге. Это сразу же привело к обострению проблемы доставки на Дальний Восток продовольствия и припасов, что заставило правительство вновь задуматься о необходимости урегулирования дальневосточного вопроса.

Соображения по решению этого вопроса были изложены правительству известным деятелем Российско-Американской компании камергером Н. П. Резановым. По его мнению, выйти из трудностей можно было только через приобретение Россией реки Амура. Повторяя мысль, изложенную в 1747 году мореплавателем А. И. Чириковым, Резанов говорил об экономическом единстве территории русского Забайкалья и побережья Тихого океана, о возможности строительства на Амуре важнейшей дальневосточной гавани России, о развитии на его берегах русского хлебопашества. Н. П. Резанов подчеркивал и важность для России заселения Сахалина⁴¹.

Таким образом, с начала XIX века значительно укрепились экономические предпосылки для повторного выдвижения перед Цинской империей требования о пропуске русских судов с грузами по Амuru. Вопрос этот перед цинским правительством в Пекине должно было поставить посольство Ю. А. Головкина. На основании исследований большой группы ученых, входивших в его миссию (граф Потоцкий, астроном Шуберт, профессора д'Овре, Панцнер, Адамс, Редовский, Ю. Клапрот, подпоручики Теннер, Богданович, Иванов,, Шуберт, студенты Александров и Васильев)⁴², Головкин составил и отправил в Петербург две серьезные записки об Амуре, в одной из которых изложил необходимость требования не всей реки, но земельного пространства, которое ограничивается Амуром, Зеей и Удью.

Правительство проявило интерес к этим запискам, но начавшиеся наполеоновские войны в Европе, нашествие Наполеона на Россию надолго приковали к себе внимание Санкт-Петербурга. И задачи борьбы на Западе с наполеоновской Францией в условиях, когда полезность Амура как реки, якобы теряющейся в песках, оставалась под серьезным сомнением из-за выводов мореплавателя И. Ф. Крузенштерна, опять заставили Россию отложить решение вопроса о Приамурье.

Следует отметить, что еще в 1814–1825 годах прогрессивные круги России предлагали осуществление на Дальнем Востоке ряда мер по укреплению национальной безопасности. Российский исследователь О. В. Орлик, изучавшая внешнеполитические взгляды декабристов, пишет: «В прогрессивных кругах России весьма остро ощущали важность для страны упрочения ее позиций на дальневосточных рубежах, возвращения земель, принадлежавших ранее по праву открытия и освоения. Не стояли в стороне от обсуждения этих проблем и декабристы»⁴³.

Вопрос о пересмотре условий Нерчинского договора 1689 года весьма волновал представителей передовой России. «Русская правда» П. И. Пестеля ставила вопрос о том, «чтобы все течение Амура, начиная от озера Далая, принадлежало России. Сие приобретение необходимо, и потому надобно оно достать непременно»⁴⁴. «Декабристы остро ощу-

щали потребности страны в освоении Приамурья и Приморья, — отмечает О.В. Орлик, — в создании дальневосточного флота, в развитии и упрочении широких политических и экономических связей со странами Азии»⁴⁵.

Взгляды передовых людей России, их тревоги имели глубокие основания. Воздействие факторов, заставлявших Россию все более настойчиво возвращаться к вопросу о воссоединении Приамурья, с течением времени увеличивалось: население Дальнего Востока, Камчатки, Чукотки и Курильских островов росло, проблема его снабжения становилась все более сложной и дорогостоящей. Возрастали и усиливались иностранная экспансия в северной части Тихого океана и ущерб, который эта экспансия несла русским землям. Иностранные промышленники и купцы открыто грабили природные богатства русского Дальнего Востока.

Одновременно не происходило никакого укрепления военных позиций России и ее флота на Дальнем Востоке и в Русской Америке, не велось географических исследований этих районов, которые могли бы нейтрализовать рост иностранного влияния. Подобное пренебрежение развитием дальневосточных территорий и пассивная позиция Александра I представляются глубоко ошибочными.

Между тем вторая четверть XIX века в международных отношениях на Дальнем Востоке ознаменовалась резким ростом экспансии иностранных держав — Англии, Франции, США — в отношении Китая. «Борьба сильнейших капиталистических держав Европы и США за эксплуатацию стран Восточной Азии, захват в них стратегических позиций, включая территориальные плацдармы для дальнейшей экспансии, надолго стали главным содержанием международных отношений на Дальнем Востоке»⁴⁶, — писал академик А.Л. Нарочницкий. Правительство России в этот период было занято войнами с Персией (1826–1828 гг.) и Турцией (1828–1829 гг.), тем не менее оно нашло наконец возможность обратить внимание на Дальний Восток. На этот шаг его толкали ускорившийся процесс колонизации и заселения Забайкалья и Восточной Сибири, рост здесь земледелия, городов и торговли.

13 сентября 1828 года российский МИД затребовал от Главного управления Восточной Сибири самые подробные сведения об условиях судоходства по Амуру. Поданная правительству записка основывалась на показаниях удского крестьянина Кудряшова, жившего в устье и низовьях Амура в 1821–1823 годах, беглого ссыльного Г. Васильева, казака из Цурухайтуя на Аргуни и др.⁴⁷

Правительство по существу не воспользовалось этим документом, равно как и проектами исследования Амура П.Т. Козьмина и А.С. Лавинского (1831 г.). Оно откладывало какие-либо новые переговоры с Китаем по дальневосточному вопросу до улучшения отношений между

двумя странами. Но политика России в отношении Цинской империи неизменно оставалась весьма дружественной.

Таковы были международная обстановка на Дальнем Востоке и состояние русско-китайских отношений до начала работы в 1848–1849 годах экипажа транспорта «Байкал» под командованием Г.И. Невельского и Амурской экспедиции.

Миссия Ю.А. Головкина не привела к признанию цинской стороной политического равенства Российской империи, но явилась важным этапом в процессе достижения этого равенства уже в недалеком будущем. Привлекшие самое пристальное внимание цинского правительства организация столь крупного русского посольства, твердость русского посла, его достоинство как представителя великой страны сыграли огромную роль в последующем упрочении длительного периода мирных и дружественных отношений России и Цинской империи.

Миссия Ю.А. Головкина продемонстрировала важное значение, которое Россия неизменно придавала амурскому вопросу. Посольство сыграло весьма значительную роль в изучении Китая, Маньчжурии, Монголии и пограничных районов Приамурья в военном, политическом, географическом и картографическом отношении. (Выводы, сделанные Ф.Ф. д'Овре, заслуживают специального рассмотрения.) Все это позволяет не согласиться с оценкой посольства Головкина, сложившейся в исторической литературе, как полностью неудачного.

Экспансия Англии в Китае, приведшая к первой «опиумной войне» 1839–1842 годов, вызвала серьезное осложнение международных отношений на Дальнем Востоке и объективно потребовала сближения Китая и России перед лицом общей угрозы со стороны иностранных государств. Русское правительство и русская общественность осудили военные действия Англии на территории Китая; в мае 1841 года цинскому правительству сообщили о введении запрета российским подданным продавать в Китай опиум. Этот шаг России был весьма благожелательно оценен богдыханом. Сближение двух стран начало постепенно обеспечивать политические предпосылки для решения уже во второй половине XIX века амурского вопроса.

На протяжении XVIII — начала XIX века русское правительство предпринимало усилия для установления отношений с загадочным государством на краю Азии — Японией. Еще Петр I в 1724 году издал указ об организации первой Камчатской экспедиции, в котором упоминалась Япония: «Ежели... штурманов во флоте не сыщется, то немедленно писать в Голландию, чтоб прислали двух человек, знающих море к северу до Японии»⁴⁸. В 1739 году капитан М.П. Шпанберг и лейтенант В. Вальтон на бригантине «Архангел Михаил» и боте «Святой Гавриил» вышли из

Большеречка на Камчатке и совершили первое плавание к берегам Японии. Они прошли вдоль побережья островов Хоккайдо и Хонсю, спускаясь до 37° с. ш., встречались с местными жителями. В рапорте в Адмиралтейств-коллегию Шпанберг писал: «Оные японцы росту среднева и малова. Платья у них много схожа на тотарское. Ходят босия, штанов и портков ни на ком не имеетца. С полуголовы ко лбу волосы стрижены и подклеяны клеем, назади завязывают кустиком, которой торчит кверху... А телом оные японцы некоторые из бела, а более смуглых, глаза малые, волосы черные, бороды бреют»⁴⁹.

Однако попытки Петербурга завязать дипломатические и торговые контакты с Японией неизменно оканчивались неудачей. Феодалные правители Страны восходящего солнца — сёгуны из династии Токугава — упорно не желали отказываться от проводившейся ими начиная с XVII века политики изоляции от внешнего мира. Страна была закрыта для иностранцев, исключения делались лишь для китайцев и голландцев. Власти островной империи встречали русские миссии холодно, а то и просто враждебно. Безрезультатным, например, оказалось посольство 1792–1793 годов, которое возглавлял Адам Лаксман, но его участники собрали ценные сведения об островах Хоккайдо и Южных Курилах⁵⁰.

В сентябре 1804 года в Нагасакский залив вошел корабль «Надежда», совершавший кругосветное плавание. На его борту находился камергер Н.П. Резанов, назначенный посланником в Японию. Он вручил местным чиновникам переведенную на голландский (как более знакомый японцам из всех европейских языков) памятную записку, в которой сообщалось о цели визита: «Нынешнее посещение связано с тем, что, давно уважительно относясь к вашей стране, мы желали бы, чтобы посла препроводили в Эдо (старое название города Токио. — *Авт.*) и пригласили на аудиенцию для беседы об установлении в дальнейшем лояльных русско-японских отношений»⁵¹.

Русское правительство стремилось наладить прежде всего торговые связи, рассчитывая таким путем обеспечивать продовольствием русские колонии в Северной Америке. Правительственные инструкции, данные посланнику, требовали проявлять уважение к местным традициям и обычаям, быть осторожным и предупредительным. Поначалу Резанов вел себя в соответствии с инструкциями. Однако время шло, японские власти не торопились представлять его ко двору, и терпение гордого камергера начало иссякать. У него мелькнула крамольная мысль применить силу, дабы принудить японцев к заключению торгового договора. Но все же благоразумие взяло верх. Прождав полгода и ничего не добившись, Н.П. Резанов на «Надежде» покинул Нагасаки⁵².

Вскоре произошли события, отдалившие и без того достаточно неопределенную перспективу установления русско-японских отношений.

Эти события были связаны с Южными Курилами и Сахалином, государственная принадлежность которых тогда не была четко определена. Еще в первые десятилетия XVIII века русские первопроходцы И.П. Козыревский, Д.Я. Анциферов, И.М. Евреинов, Ф.Ф. Лужин³³ обследовали Курильские острова*. Русское население появилось здесь раньше японского. Однако в начале XIX века на островах существовали уже и японские поселения. В 1807 году корабли «Юнона» и «Авось» под командованием лейтенанта Н.А. Хвостова и мичмана Г.И. Давыдова обстреляли побережье южнокурильского острова Итуруп, высаживались на Сахалине, нападали на японские суда.

В отместку в июне 1811 года японцы захватили в проливе Измены, вблизи острова Кунашир, капитана В.М. Головнина, который на шлюпе «Диана» занимался гидрографическими исследованиями. Это был не только мужественный военный моряк, но и высокообразованный человек, талантливый администратор. В 1807–1811 годах на «Диане» он совершил второе в отечественной истории кругосветное путешествие. В будущем ему суждено было стать адмиралом, воспитателем целой плеяды русских мореплавателей. Головнин не имел никакого отношения к делам Хвостова и Давыдова, однако японские власти продержали его в плену два года, пытаясь выведать интересующие их сведения о России. В свою очередь, и Головнин не терял времени даром. Насколько позволяли обстоятельства, он собирал материалы, на основании которых уже через три года смог выпустить книгу под названием «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о японском государстве и народе».

«Открытие» Японии состоялось в середине XIX века. Инициатором его выступили Соединенные Штаты Америки. Американские торговцы и промышленники нуждались в японском рынке. 31 марта 1854 года под жерлами пушек эскадры коммодора М. Перри японские власти вынуждены были подписать договор о мире и дружбе, согласно которому США получали статус наиболее благоприятствуемой нации, а порты Хакодате и Симода открывались для американских судов. Американо-японский договор стал первым в серии подобных соглашений Японии с другими странами: Англией, Россией, Голландией, Францией.

Русско-японский договор был заключен 26 января (7 февраля) 1855 г. Со стороны России его подписал вице-адмирал Е.В. Путятин. Согласно документу, устанавливались «постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией». Для русских судов открывались порты Симода, Хакодате и Нагасаки (из них первые два — для торговли). Договор опреде-

* Курильские острова были открыты в 1643 году экспедицией голландских мореплавателей Г.К. Скепа и М.Г. Фриза, которые прошли вблизи островов Итуруп, Уруп, Кунашир и Шикотан, то есть южной части гряды.

лял также границы между двумя государствами. На документе отразились тяжелые условия, в которых оказалась Россия во время Крымской войны: российское правительство вынуждено было пойти на крупные уступки Японии. Граница была проведена между островами Уруп и Итуруп. Таким образом, южная часть Курильских островов отходила к Японии. Сахалин признавался «неразделенным» и оставался в совместном владении⁵⁴.

Во второй половине 50-х, в 60–70-е годы последовало заключение новых русско-японских соглашений, в которых положения Симодского договора 1855 года были уточнены и получили дальнейшее развитие.

3. Русско-американские отношения. Доктрина Монро и Русская Америка

Отношения России с Соединенными Штатами Америки имеют достаточно глубокие исторические корни. Ранние контакты представителей двух народов восходят еще ко времени существования английских колоний в Северной Америке — ко второй половине XVIII века. В образованных кругах русского общества с живым интересом следили за ходом американской войны за независимость 1775–1783 годов, а отдельные выходцы из России даже принимали участие в ней. Бурные события в Новом Свете, возникновение молодой заокеанской республики и действия ее в качестве субъекта международной политики постоянно находились в поле зрения российского правительства в последней четверти XVIII — начале XIX века. В 1780 году Екатерина II подписала Декларацию о вооруженном нейтралитете, которая сыграла важную роль в укреплении позиций нового государства на международной арене⁵⁵.

Официальные дипломатические отношения между Россией и США были установлены в 1809 году. Интересы двух стран непосредственно не сталкивались на мировой арене, и в то же время зачастую у них оказывался общий противник — Англия. Вот почему на протяжении большей части XIX века русско-американские отношения носили в целом дружественный характер, несмотря на значительные различия в государственном и политическом устройстве обеих стран: Россия оставалась самодержавной монархией с крепостническими институтами, а США — президентской республикой, где быстро развивалось гражданское общество и укреплялись демократические традиции, отягощенные, правда, рабством чернокожих.

Впрочем, существование крепостничества в одной стране и невольничества в другой позволяет говорить и о некоторых чертах сходства. «Америка страна хорошая, только что крепостные люди черные; у нас черный народ — белый — все от снегу, должно быть»⁵⁶, — горько иронизировал А.И. Герцен. Путешествовавшему по южным штатам в 50-е

годы XIX в. морскому офицеру и военному писателю И.А. Шестакову (впоследствии морскому министру) «униженность негров, усердно кланяющихся белым», напомнила «об известном классе соотечественников, называемых будто по сходству положения с африканскими невольниками черным народом»⁵⁷.

Современники и позднейшие наблюдатели находили целый ряд похожих явлений, отмечали элементы общности в исторических судьбах России и Америки. Официозная газета «Вашингтон юнион» писала: «Обе молодые и развивающиеся цивилизации, распространяясь одна при господстве самодержавия на Восток, другая под властью демократии на Запад, в отличие от Англии и Франции, не стремились к приобретению колоний, но всегда смотрели на любое передвижение своих границ как на естественный процесс возрастания составных частей соответственно империи или штатов»⁵⁸. Такая характеристика политического развития России и США страдает, возможно, идеализацией, но некоторые отличительные черты схвачены ею довольно верно.

Порой схожесть исторических судеб действительно проявлялась достаточно ярко. Так случилось, например, в 1812 году, который оказался драматичным для обеих стран. Отечественная война русской армии и народа против наполеоновских полчищ совпала с началом англо-американской войны в Западном полушарии. Борьба с бывшей метрополией шла с переменным успехом и стала для американцев тяжелым испытанием. Судьбе угодно было устроить знаменательные совпадения. В сентябре 1812 года французы заняли древнюю русскую столицу Москву. В августе 1814-го англичане захватили столицу США Вашингтон, сожгли Капитолий и Белый дом. И так же как вступление в Москву явилось лишь временным успехом французских войск, за которым последовали отступление и гибель Великой армии, нападение на Вашингтон вовсе не решило исход кампании в пользу англичан, которые вскоре поспешили покинуть занятую было территорию.

В условиях войны в собственной стране общественность США находила возможным следить и за событиями в далекой России. Позиции американской общественности были неоднозначны⁵⁹. Общая политическая ситуация располагала к тому, чтобы симпатии американцев в большей степени склонялись на сторону Наполеона — врага Англии. У власти стояло тогда правительство президента Дж. Мэдисона, представлявшего республиканскую, или демократическую, партию, ориентированную во внешней политике на Францию. В стране имели широкое хождение французские бюллетени (публикации), освещавшие мировые события в пронаполеоновском духе.

И тем не менее многие американцы выражали искреннее сочувствие именно русским, а не французам, ибо первые в 1812 году отстаивали свое

национальное существование, вторые же пришли в чужую страну как захватчики. В некоторых городах США проводились торжества по случаю побед русского оружия, газеты помещали пространные комментарии по этому поводу. Симпатии к русским были характерны для той части общества, которая поддерживала оппозиционную партию федералистов, традиционно более благожелательно настроенную в отношении России. Федералисты, в отличие от республиканцев, выступали также за примирение с Великобританией. Определенную роль в просвещении американской публики сыграли и российские представители в Америке, и среди них консул в Бостоне А.Г. Евстафьев, который, как говорилось в одном официальном донесении, «писал весьма удачные опровержения французских бюллетенов и отражал многие нелепые и оскорбительные параграфы демократической газеты „Аугоге“»⁶⁰.

Россия была заинтересована в скорейшем прекращении вооруженного конфликта за океаном, который отвлекал силы Великобритании — союзника по антинаполеоновской коалиции. Российская дипломатия предложила свое посредничество для примирения враждующих сторон. Посредническая акция, хотя и не увенчалась успехом из-за отказа Англии, оставила тем не менее заметный след в истории русско-американских отношений⁶¹.

Англо-американская война завершилась Гентским мирным договором 1814 года, одна из статей которого сделалась предметом длительных разногласий между Великобританией и США. В 1821 году стороны обратились к самому авторитетному государственному деятелю того времени — императору Александру I с просьбой стать арбитром в затянувшемся споре. Инициатором обращения являлись американцы, которые не сомневались в доброжелательном расположении русского государя. Царь успешно справился с деликатным поручением. Ознакомившись с документами, он признал доводы правительства США более основательными и пришел к выводу, что, «согласно буквальному и грамматическому смыслу ст. I Гентского трактата», американцы имеют право требовать компенсацию за всю частную собственность, включая и рабов, вывезенную англичанами с территорий, которые они захватили, а затем, согласно условиям мира, вернули Соединенным Штатам⁶². В Америке не скрывали удовлетворения третейским решением Александра I. Российский временный поверенный в делах в Вашингтоне писал в декабре 1822 года, что американский народ оценил это решение как «новое доказательство справедливости императора»⁶³.

Положительно развивавшиеся в целом отношения между Россией и США иногда омрачались трениями, возникавшими вследствие жалоб местных властей Русской Америки на действия американских торговцев, зверопромышленников, рыболовов и других предпринимателей,

проникавших в пределы слабо охранявшихся российских владений для занятий там своим промыслом.

Огромная Российская империя раскинулась в трех частях света и была фактически не так уж удалена от Америки. В августе 1732 года подштурман И. Федоров и геодезист М. Гвоздев, совершавшие плавание в северных водах Тихого океана, подошли на боте «Святой Гавриил» к берегу неведомой «Большой земли». Так состоялось открытие Америки с востока, со стороны Азии.

К началу XIX века стараниями отважных первопроходцев — мореплавателей, промышленников, энергичных администраторов — была основана Русская Америка — далекие владения на Американском континенте. Огромные пространства Аляски с ее суровым северным климатом крайне трудно поддавались освоению. Русское население колоний даже в лучшие годы едва превышало 800 человек. Чуть больше было так называемых креолов, то есть лиц, родившихся от смешанных браков русских с туземными женщинами. «Колониальное население», включавшее в себя и часть «природных жителей», главным образом алеутов, насчитывало в первой половине XIX века от 7 до 11 тыс. человек. Оно соседствовало с индейскими племенами тлинкитов, атапасков и др., которые не признавали власти русской администрации, причем тлинкиты были очень воинственными и не раз совершали нападения на поселения колонистов. Общее население Аляски исчислялось в то время несколькими десятками тысяч человек (по разным данным, от 40 до 70)⁶⁴. Административным центром Русской Америки являлся основанный в 1804 году и расположенный на острове Баранова (Ситха) Ново-Архангельск. По островам и северо-западному побережью был разбросан еще целый ряд поселений, представлявших собой небольшие крепости, редуты, а то и просто одиночные зимовья. С 1812 по 1841 год Россия владела также селением и крепостью Росс в Калифорнии.

Территория Русской Америки находилась под управлением монопольной акционерной Российско-Американской компании (РАК), учрежденной указом Павла I в 1799 году. Царское правительство надеялось использовать РАК в качестве прикрытия для проведения своей политики. Это удалось ему лишь отчасти. Хотя практическая деятельность компании осуществлялась под строгим правительственным контролем (административно компания входила в систему министерства финансов), по многим вопросам между руководством РАК и правительством не было единства и даже возникали серьезные разногласия.

Торговые интересы колонистов в Америке, как их понимали колониальное начальство в лице главного правителя в Ново-Архангельске и главное правление РАК в Петербурге, требовали активных действий, направленных на расширение русских владений, укрепление монополь-

ных прав, устранение иноземцев-конкурентов. Официальный же курс петербургского двора после 1815 года все более явно превращался в консервативный, главным его содержанием становились следование принципу легитимизма, поддержание статус-кво, отказ от активной экспансии. Правительство скептически встречало некоторые проекты, с которыми в 10–20-х годах обращались к нему различные люди, в том числе иностранцы. Категорический отказ последовал на предложение доктора Г.А. Шеффера о возможности распространения влияния России на Гавайские острова. Была отклонена просьба «владельца Сандвичевых островов» Каумуалии о принятии его в русское подданство. Провалился и проект американца П. Добелла, нацеленный на развитие торговых связей Камчатки и Русской Америки с Филиппинами, Калифорнией, Кантоном⁶⁵.

Однако, несмотря на имевшиеся разногласия, долговременные цели РАК и российского правительства совпадали или были близки. В контексте общих интересов и следует рассматривать появление известного указа Александра I от 4(16) сентября 1821 года. Указ утверждал «правила о пределах плавания и порядок приморских сношений вдоль берегов Восточной Сибири, Северо-Западной Америки и островов Алеутских, Курильских и проч.». Он гласил, что право китобойного промысла, рыбной ловли и «всякой промышленности» на северо-западном побережье Америки от Берингова пролива до 51° с. ш. и на других упомянутых территориях «предоставляется в пользование единственно российским подданным»⁶⁶. Согласно указу, иностранным судам воспрещалось не только приставать к подвластным России берегам и островам в означенных пределах, но и приближаться к ним на расстояние менее ста итальянских миль. Вскоре последовали и практические действия во исполнение новых правил. К берегам Русской Америки для охраны ее рубежей был направлен в 1821 году шлюп «Аполлон», на смену которому в следующем году отплыли фрегат «Крейсер» и шлюп «Ладога» под командованием первооткрывателя Антарктиды М.П. Лазарева.

Под иностранными судами, о которых говорилось в указе, подразумевались прежде всего американские. «Мы долго-долго искали у нашего правительства об отвращении зла, наносимого нашим колониям мореплавателями Соединенных Штатов, кои, привозя к индейцам пушки, всякое оружие огнестрельное и холодное, также порох и свинец, промениваемые ими на принадлежащую одним русским по торговле мягкую рухлядь, отвозимую ими в Кантон, научали еще индейцев и употреблению тех орудий, внушая им противу русских гибельные предположения, отчего многие наши промышленники лишились жизни. И хотя наше правительство ходатайствовало у Соединенных Штатов о запрещении гражданам своим привозить те пагубные вещи, но никакое внушение не

подействовало»⁶⁷, — писали осенью 1821 года директора главного правления РАК В.В. Крамер и А.И. Северин.

В циркулярной депеше от 7(19) октября 1821 года управляющий Министерством иностранных дел К.В. Нессельроде уведомлял правительства иностранных держав, что появление указа, хотя и вызвано желанием оградить РАК от «разного рода иностранных авантюристов и контрабандистов», ни в коей мере не затрагивает интересов какого-либо государства⁶⁸. Тогда же российскому посланнику в Вашингтоне П.И. Полетике (1817–1822 гг.) было поручено заверить государственный департамент, что акт от 4(16) сентября не только не направлен против Америки, но, напротив, имеет целью устранить нежелательные осложнения в отношениях между двумя странами.

Тем не менее в начале 1822 года правительство США выступило с протестом. Американцы, отмечал К.В. Нессельроде, считают, что указ означает «расширение наших земель». Важно заметить, что царское правительство, не желая обострять отношения с другими странами, решило на практике смягчить действия статей указа, не применяя их по всей строгости, Нессельроде сообщал в июле 1822 года министру финансов Д.А. Гурьеву, что по повелению императора крейсирующие вдоль побережья корабли получают инструкции «вести наблюдение сколь можно ближе к материке и не распространять оное далее тех широт, в которых Российско-Американская компания действительно пользовалась предоставленными ей привилегиями в отношении промысла зверя и рыбной ловли». Это расстояние было определено в «пушечный выстрел от берега».

Новый российский посланник в Вашингтоне Ф.В. Гейль (1822–1826 гг.) должен был действовать совместно с американским правительством таким образом, чтобы прекратились «спору по поводу границ владений двух держав на северо-западном побережье Америки», а также «всякие жалобы, доселе поступавшие от Российско-Американской компании на действия некоторых подданных Соединенных Штатов». В Петербурге были озабочены тем, чтобы «мы не были более вынуждены запрещать плавание иностранных судов до пределов, определенных правилами от 4 сентября, и могли ограничиться охраной морского пространства, находящегося обычно под юрисдикцией любой державы, владеющей морским берегом»⁶⁹.

Итак, царский указ определил в качестве южной границы русских владений в Северной Америке 51° с. ш. Посланник П.И. Полетика в ноте государственному секретарю США Дж.К. Адамсу от 16(28) февраля 1822 года обосновывал права России на Тихоокеанское побережье к северу от 51-й параллели, указывая на «первооткрытия, первозанятия и, наконец, неоспариваемое ранее первовладение»⁷⁰. А между тем привилегии, дарованные Российско-Американской компании при ее основа-

нии, предусматривали исключительное право рыболовства и охоты на территории к северу от 55° с. ш., оговаривая, правда, возможность «распространяться» и южнее этой параллели. Как бы то ни было, но, не желая осложнять отношения с США и не будучи уверенным, что сможет отстоять свои претензии на территорию до 51° с. ш., российское правительство изъявило готовность вступить в переговоры с Вашингтоном для урегулирования этого вопроса.

Вскоре после царского указа Соединенные Штаты провозгласили доктрину Монро. 2 декабря 1823 года президент США Джеймс Монро обратился к конгрессу с традиционным годичным посланием, и в нем были сформулированы внешнеполитические принципы, получившие название «доктрины Монро».

Доктрине Монро, сложному и противоречивому явлению, посвящено огромное количество исследований, в первую очередь, конечно, американских. Крупный историк профессор Д. Перкинс за 50 лет изучения этой проблемы опубликовал целую серию солидных монографий. Главным отечественным специалистом в данном вопросе является академик Н.Н. Болховитинов⁷¹.

Особое внимание к доктрине Монро объясняется тем, что на протяжении десятилетий между доктриной и текущей политикой Соединенных Штатов существовала тесная связь. Провозглашенный в послании президента Монро «принцип неколонизации», имевший в конкретных условиях 20-х годов цель не допустить вмешательства европейских держав в дела Западного полушария, получил впоследствии универсальное значение и в течение многих лет использовался официальным Вашингтоном для оправдания своей экспансионистской внешней политики.

Но одновременно необходимо подчеркнуть, что в основе доктрины Монро лежали и соображения укрепления обороноспособности и национальной безопасности США и поэтому доктрина имела и прогрессивный смысл.

Доктриной Монро принято называть три параграфа из послания президента от 2 декабря 1823 г. В одном из них (7-м) говорилось о «деколонизации»: «Американские континенты ввиду свободного и независимого положения, которого они добились и которое они сохранили, не должны рассматриваться впредь в качестве объекта будущей колонизации любой европейской державой». В двух других (48-м и 49-м) излагалась позиция США по отношению к бывшим испанским колониям в Америке. Любую попытку вмешательства европейских держав в события на Американском континенте Соединенные Штаты предполагали рассматривать как угрозу их собственному спокойствию и благоденствию⁷².

Отношений с Россией в плане разграничения на северо-западе Америки касалась прежде всего первая часть доктрины. Однако и вторая ее

часть не могла оставить Петербург абсолютно равнодушным. Государства — члены Священного союза обсуждали вопрос о возможности интервенции в Латинскую Америку для подавления национально-освободительного движения. Следуя духу легитимизма, российское правительство сочувствовало желанию Мадрида восстановить свою «законную» власть над бывшими колониями. Надежда на восстановление прежних порядков приобретала, однако, все более призрачный характер. Союзные державы отказались послать туда войска. Испанская армия была разгромлена вооруженными силами молодых латиноамериканских республик, независимость которых вскоре признали и Соединенные Штаты. Великобритания готовилась последовать примеру США и заключить торговые договоры с Буэнос-Айресом (ранее название Аргентины), Колумбией и Мексикой. США побуждали петербургский двор посоветовать Испании примириться с создавшимся положением. Русское правительство заняло уклончивую позицию. Оно не намеревалось признавать новые государства раньше, чем это сделает «Его католическое Величество», хотя император и К.В. Нессельроде и полагали, что заключение перемирия с инсургентами было бы в интересах Мадрида, войска которого терпели поражение за поражением⁷³.

Тот факт, что доктрина Монро появилась на свет как бы в ответ на указ Александра I от 1821 года, вовсе не означает, что она была направлена главным образом против России и ее политики в Новом Свете, как утверждали в прошлом некоторые авторы. На первое место, как пишет Н.Н. Болховитинов, следует ставить «тенденцию к национализму и экспансии, к укреплению и расширению самостоятельных позиций Соединенных Штатов в Западном полушарии»⁷⁴. В настоящее время считается доказанным, что царский указ послужил скорее поводом, нежели причиной провозглашения доктрины Монро, и она носила не столько антирусский, сколько антианглийский характер⁷⁵. Самые обширные колониальные владения в Новом Свете имела в то время Великобритания, и именно эта держава рассматривалась американскими политиками как главное препятствие на пути территориального расширения США. В отношениях между Англией и США были и другие противоречия, в частности, по вопросам торговли и судоходства.

Англо-американские разногласия не замедлили проявиться на трехсторонних переговорах по вопросам, вытекающим из русского указа 1821 года, которые начались в Петербурге в конце 1823 года. Их вели с русской стороны уполномоченный правительства П.И. Полетика, а с английской и американской — соответственно представители этих стран в российской столице посол Ч. Бэгот и посланник Г. Мидлтон. Поначалу английский министр иностранных дел Дж. Каннинг и государственный секретарь США Дж.К. Адамс договорились о том,

чтобы придерживаться общей линии. Каннинг полагал, правда, что американцев должны интересовать лишь те статьи императорского указа, в которых говорилось о запрещении иностранной торговли и промыслов в российских пределах, и именно при обсуждении этих вопросов Англия и США станут действовать совместно.

Что касается территориального урегулирования, то оно, по мысли Каннинга, относилось к сфере двусторонних англорусских переговоров и американцев касаться не должно было, поскольку они официально не выдвигали притязаний на земли к северу от 51° с. ш. Однако вскоре выяснилось, что США не намерены уступать от переговоров и по территориальному вопросу и имеют свой проект относительно пограничного устройства. Оказалось, что они предлагают установить границу между английскими колониями в Северной Америке и США по 51-й параллели, а в качестве южной границы российских владений принять 55-ю параллель. Между тем Каннинг предписал Ч. Бэготу отстаивать 57-ю параллель как южную границу Русской Америки (одно время фигурировала даже 59-я параллель). Российская же сторона решила в крайнем случае согласиться на проведение границы по 55° с. ш.⁷⁶

Соединенные Штаты вели территориальные споры не с Россией, а с Англией. Дж.К. Адамс заявлял, что для американцев безразлично, будут ли простирались российские владения до 55-й или 51-й параллели. Но, предлагая ограничить английскую часть Тихоокеанского побережья полосой, заключенной между 55-й и 51-й параллелями, и тем самым становясь в англо-русском споре на сторону России, государственный секретарь рассчитывал сделать ее своим союзником при решении орегонского вопроса (конвенция 1818 года предусматривала совместное англо-американское владение Орегоном в течение 10 лет). Так пишут современные американские историки И. Николс и Р. Уорд⁷⁷. А вот как рассуждал в 1870 году Карл Маркс по поводу англо-американских противоречий и в связи с покупкой Соединенными Штатами Аляски, состоявшейся тремя годами ранее: «Янки благодаря этому отрежут с одной стороны Англию от моря и ускорят присоединение всей британской Северной Америки к Соединенным Штатам. Вот где собака зарыта!»⁷⁸.

Когда Дж. Каннингу стало ясно, что сотрудничество с США в петербургских переговорах невозможно, он решил прекратить его, воспользовавшись в качестве предлога провозглашением доктрины Монро. С этого момента трехсторонняя конференция распалась на отдельные русско-американские и русско-английские переговоры. Русско-американские переговоры завершились раньше, и 5(17) апреля 1824 года был заключен первый в истории отношений двух стран договор — Конвенция между Россией и США о мореплавании и рыболовстве, торговле и поселениях на северо-западном побережье Америки. Конвенцию подписа-

ли К.В. Нессельроде, П.И. Полетика и Г. Мидлтон. Стороны пошли на взаимные уступки. Однако они были неравноценными. Американцы согласились на установление южной границы русских владений по $54^{\circ}40'$ с. ш. вместо 55° с. ш., что обеспечивало удержание за Россией острова Принца Уэльского (ст. 3). Уступки другой стороны оказались более существенными.

Стремясь к сохранению дружественных отношений с Соединенными Штатами, российское правительство пошло на следующую формулировку статьи 4: «В продолжение десяти лет... кораблям обеих держав или таковым же, принадлежащим гражданам или обоюдным их подданным, будет позволено взаимно заходить без малейшего помешательства во все внутренние моря, заливы, гавани и бухты, находящиеся на берегу, в предыдущей статье обозначенном, для производства там рыбной ловли и торговли с природными той страны жителями». В следующей, 5-й статье оговаривалось, правда, по настоянию русской стороны запрещение продавать туземцам «всякие спиртовые напитки, огнестрельное и белое оружие, порох и военные снаряды всякого рода»⁷⁹.

В Соединенных, Штатах заключение конвенции было встречено с удовлетворением. Главным успехом американцев считалась, разумеется, статья 4. К.В. Нессельроде полагал, что для России подписанный договор также выгоден, ибо он «закрепляет границы наших владений и расширяет их, с согласия самих Соединенных Штатов, за те пределы, что указаны в Акте императора Павла»⁸⁰. (Напомним, что акт 1799 года называл в качестве южной границы Русской Америки 55° с. ш.) Иной была реакция Российско-Американской компании. Посыпались многочисленные протесты, главной мишенью которых стали все та же статья 4, а также статья 1, в которой объявлялось о свободе мореплавания и рыбной ловли по всему Тихому океану.

В записке, которую подали на имя своего начальника министра финансов Е.Ф. Канкрин 12(24) июня 1824 года директора главного правления М.М. Булдаков, А.И. Северин, И.В. Прокофьев и правитель канцелярии, поэт и член Северного общества декабристов К.Ф. Рылев, говорилось: «Приход иностранных кораблей в главный порт наших колоний и торговля их с Компанией, а не с природными жителями, для нее полезны, а не вредны. Но конвенция 5 апреля изменяет существенно таковое положение дела Компании... Не только в десять лет, но гораздо в кратчайшее время иностранцы, при неисчислимых своих средствах и преимуществах, доведут ее до совершенного уничтожения»⁸¹.

РАК ходатайствовала о внесении изменений в статьи 1 и 4 конвенции, но правительство не сочло возможным пойти навстречу этим просьбам. Когда же руководство компании дерзнуло высказать свое мнение о том, где должна проходить граница Русской Америки с британскими

владениями, а также изъявило намерение «устроить крепостцы на Северо-Западном берегу Америки по Медной реке, от морского берега внутрь земли», последовал резкий окрик. «Получено от е [го] в [еличест] ва лично с высочайшим повелением... призвав директоров, сделать им строжайший выговор за неприличность как самого предложения, так и выражений, с тем чтобы они беспрекословно повиновались распоряжениям и видам правительственным, не выходя из границ купеческого сословия»⁸², — гласила резолюция Е.Ф. Канкрена.

Тем временем закончились переговоры с англичанами, и 16(28) февраля 1825 года была подписана конвенция о разграничении владений России и Великобритании в Северной Америке.

Конвенции 1824 и 1825 годов оформили границы территории Аляски, в которых она существует до настоящего времени.

В 1834 году, после истечения 10-летнего срока действия статьи 4 русско-американской конвенции, невыгодные условия о свободе торговли иностранцев с «природными жителями» не были возобновлены. Однако посещение американскими судовладельцами и промысловиками российских владений (теперь уже незаконное) продолжалось, нанося ущерб отношениям двух стран. Эти отношения в первой половине XIX века носили в целом мирный, дружественный характер. Короткие периоды охлаждения наблюдались в них лишь в связи с революционными событиями в Европе, когда в США начинались кампании в поддержку поляков, венгров, поднимался шум в прессе с выпадами против русского самодержавия, предоставлялось убежище революционерам-изгнанникам.

Важно подчеркнуть, что район Русской Америки, как и регион северной части Тихого океана в целом, являлся местом не только трений и конфликтов, но также сотрудничества и делового партнерства. РАК осуществляла взаимовыгодные сделки с американцами, доставлявшими продовольствие и другие товары, вела с ними прибыльную торговлю. Американцы вывозили из Русской Америки главным образом пушнину, которая затем продавалась в южнокитайском портовом городе Кантоне. Весьма выгодным делом к середине XIX века стали также заготовка и продажа льда, вывозившегося преимущественно на западное побережье США. Имели место и договорные акты. 20 апреля (2 мая) 1812 года было заключено соглашение между Российско-Американской компанией и Американской меховой компанией Д. Астора, а 1(13) июня 1854 года подписан контракт между РАК и Американско-Русской торговой компанией Б. Сандерса из Сан-Франциско⁸³.

В отношениях двух стран заметное место занял торговый договор 1832 года. В его тексте был зафиксирован принцип наибольшего благоприятствования, ставший основой для последующего развития русско-

американских торговых связей. Договор впоследствии неоднократно продлевался и просуществовал до 1913 года.

Отношения между государствами не сводятся только к деяниям государственных мужей: императоров, президентов, министров, дипломатов. В конце концов, международные отношения — это ведь отношения между народами, в них участвуют представители самых разных сословий и классов. Здесь промышленники и купцы, военные и священнослужители, люди науки, литературы, искусства.

В первой половине XIX века участились поездки русских людей в США, а американцев — в Россию. Завязываются контакты в области науки и техники. Происходит знакомство читающей публики с произведениями изящной словесности другой страны. Американская тема превращается в частую гостью на страницах русских журналов.

Есть еще одна, особая, тема в русско-американских отношениях — «Декабристы и Америка». Известно, что некоторые конституционные проекты идеологов движения (особенно «Конституция» Н. М. Муравьева) испытали на себе влияние американского законодательства, государственное устройство заокеанской республики явилось объектом их пристального внимания и изучения. Декабристы К. Ф. Рылев и Д. И. Завалишин занимались практической деятельностью в Российско-Американской компании. Первый являлся правителем канцелярии в Петербурге, а второй, будучи морским офицером, побывал в Русской Америке и оставил проекты укрепления селения Росс и расширения русского присутствия в Калифорнии. На службе в Российско-Американской компании состояли и другие участники декабристского движения. Напомним почти хрестоматийную реплику Николая I по этому поводу: «То-то хороша собралась у вас там компания»⁸⁴.

Заложенные в первой половине XIX века основные тенденции русско-американских отношений получили дальнейшее развитие в последующий период, в частности в годы Крымской войны, когда Россия оказалась фактически в состоянии изоляции и была озабочена поисками союзников и сторонников.

Глава VII. Международные отношения и политика России во время европейских революций 30-х годов и нового обострения восточного вопроса

Начало 30-х годов XIX века было насыщено событиями на обоих главных направлениях российской внешней политики — европейском и ближневосточном. В 1830–1831 годах по Европе прокатилась волна революций. Европейская освободительная волна коснулась на этот раз самой Российской империи: против царизма поднялась стремившаяся к независимости Польша. Хотя царское правительство рассматривало польские дела как свои внутренние, восстание повлияло на иностранную политику и международное положение империи. На стык следующих двух лет пришел очередной восточный кризис. На этот раз конфликт, его породивший, никак не напоминал западноевропейские потрясения. На грань крушения Османскую империю поставил правитель Египта Мухаммед Али, выступление которого не имело отношения к борьбе за новый общественный порядок или национальную независимость.

Определяющее воздействие на общеевропейскую ситуацию оказали, конечно, революции на западе Европы. Три «славных дня» июльского восстания 1830 года в Париже положили конец режиму Реставрации во Франции. Не более четырех месяцев понадобилось для того, чтобы все члены европейского ареопага в принципе признали за мятежной Бельгией право на отделение от Нидерландского королевства и независимое существование, допустив тем самым пересмотр одного из «нерушимых» постановлений Венского конгресса. Священный союз перестал быть общеевропейской охранительной системой. При новом монархе, «короле-буржуа» Луи-Филиппе, обязанном своим тронном баррикадам июльской революции. Франция не могла больше входить в консервативный альянс. Различие в природе государственного строя между двумя парламентскими монархиями Запада — Великобританией и Францией, с одной стороны, и абсолютистскими державами Востока Европы: Россией, Австрией и Пруссией — с другой, сказалось на их подходах к решению проблем, принесенных революционной волной, и в конечном счете определило состав союзов, на которые распадается в это время европейская пентархия.

Революционные события повлияли на внешнеполитический курс России, Мюнхенгредские и Берлинские соглашения 1833 года, подтверждавшие союзные отношения Николая I с его европейскими соседями, трудно считать (как это делает один из биографов самодержца) «кульминацией восьмилетней дипломатической работы, нацеленной прежде всего на защиту России от угрозы с Запада»¹. В первые годы правления царя больше занимал восточный вопрос, развитие которого стимулировало греческое восстание. Усилия российской дипломатии в это время были направлены главным образом на достижение согласия с западными кабинетами. Об узах монархической солидарности, связывавших его с австрийским императором и прусским королем, Николай I вспоминал тогда не часто. Гораздо чаще ему напоминали о них сами соседние монархи.

Революционные потрясения весьма радикально изменили направленность внешнеполитических усилий царского правительства. С этого времени ему постоянно приходилось иметь в виду революционную «угрозу с Запада». Политика Петербурга в известном смысле становится более цельной, поскольку повсюду преследуются прежде всего охранительные задачи². Но угроза для империи едва ли была адекватна мерам, которые принимались царским правительством для защиты от нее. Николай I явно предпочитал активные методы обороны. В итоге царская политика начинала больше походить на проявление обычной агрессивности, и порой казалось, что от «угрозы с Запада» Николай I собирается ограждать не свою империю, а сам Запад.

1. Революционный кризис 1830–1831 годов. Царизм в борьбе с «демоном революции»

Особенно часто весьма решительные намерения защищать империю от «угрозы» в отдаленных от нее регионах возникали у Николая I, конечно, в 1830–1832 годах — при подъеме и спаде революционной волны. Однако подобные поползновения появились у царя далеко не сразу — не при завязке событий.

Реакция российского двора и лично Николая I на восстание в Париже 27–29 июля 1830 года, вынудившее Карла X отречься от трона, была более чем сдержанной. Принятая в свое время советскими историками версия, согласно которой «в момент получения известий» о парижских событиях царь «намеревался двинуть войска во Францию»³, не подтверждается документами, они скорее свидетельствуют об обратном. Самодержец тогда не только никому не говорил о таком «заграничном походе», но, вероятно, даже и не помышлял ни о чем подобном. На дипломатических консультациях с союзниками по французскому

вопросу царские дипломаты если и рассуждали о войне с Францией, то лишь в связи с возможностью агрессивных действий с ее стороны.

Николай I был совсем неплохо осведомлен о событиях, и ему было известно, что «славным дням» июльской революции предшествовали королевские ордонансы, сводившие на нет действие «конституционной хартии» Франции 1814 года. Не питая никаких симпатий к конституциям, царь тем не менее считал, что никакой монарх не вправе отрекаться от однажды принятых на себя обязательств, тем более если они, как французская хартия, были гарантированы международными договорами. Узнав от своего посла в Париже К.О. Поццо ди Борго о намерениях легитимного монарха «ниспровергнуть» столь «торжественным» образом узаконенный акт, российский император еще в апреле 1830 года предупредил своего французского «брата и кузена», что «не будет считать себя обязанным оказывать ему помощь», если его действия вызовут возмущение⁴.

Это заявление служило одновременно и установкой для царских дипломатов. В полном соответствии с ней глава российского МИД К.В. Нессельроде, которого парижские события застали на водах в Карлсбаде, провел переговоры с австрийским канцлером. Согласно принятой на этой встрече формуле, во внутренние дела Франции вовсе не следовало вмешиваться, если, конечно, она при новом правительстве не займется «экспортом революции» и не будет проявлять агрессивные поползновения. Карлсбадские собеседники сошлись на том, что дальнейшие шаги союзных дворов в отношении их «заблудшего» собрата должны быть согласованными. Однако идею своего коллеги насчет созыва в Берлине дипломатической конференции по «французскому вопросу» Нессельроде не принял. При этом князю Меттерниху, по крайней мере по его собственным словам, было объявлено, что Николай I «не выпустит ни одного заряда, не прольет ни одной капли русской крови, не истратит ни одного су для исправления совершенных во Франции ошибок»⁵.

В том же духе, не злоупотребляя консультациями даже со своими ближайшими союзниками, глава российского внешнеполитического ведомства предполагал действовать и дальше. Провозглашение герцога Орлеанского королем французов показалось ему вполне приемлемым вариантом решения вопроса о власти во Франции. Сходного мнения на этот счет придерживался также царский посол в Париже, оказавшийся некоторым образом даже причастным к утверждению июльской монархии. Поццо имел с Луи-Филиппом «тайные свидания», о которых весьма скупой информировал свой кабинет.

Очевидно, между делом герцогу было дано «добро» на занятие французского трона. Во всяком случае, посол определенно пытался оправдать эту коронацию в глазах своего императора. Утверждение,

что в ней заключался единственный способ «спасения монархического принципа» во Франции, неоднократно встречается в его донесениях. Альтернативой июльской монархии, по мнению Поццо, могло быть только «провозглашение республики со всеми ужасами, которые тому сопутствовали бы»⁶.

Нессельроде еще до своего возвращения из отпуска в российскую столицу успел высказаться перед венским двором за незамедлительное признание новоявленного французского монарха. Узнав накануне своего отъезда из габсбургских владений о коронации герцога Орлеанского, он через российского посла в Вене Д.П. Татищева передал австрийскому канцлеру, что для «применения правила, определенного в Карлсбаде», никаких дополнительных согласований между союзными кабинетами более не требуется⁷. Меттерних месяц спустя «жаловался» членам дипломатического корпуса в Австрии, что «граф Нессельроде не согласился отложить меры, касающиеся Франции, до выработки континентальными державами единой линии поведения»⁸. Гораздо больше оснований для негодования по этому поводу было у российского самодержца, но от предъявления претензий своему верному слуге он тем не менее воздержался.

В глазах Николая I Луи-Филипп был прежде всего «фальшивым» монархом, узурпировавшим законные права на французский трон малолетнего внука Карла X герцога Бордоского. На эту узурпацию царь импульсивно откликнулся серией распоряжений, выполнение которых было бы равносильно разрыву всяких, даже торговых, отношений с Францией. Мыслей о военном походе против нее у самодержца все же не возникло и в этой связи. Через несколько дней последовала отмена прежде введенного запрета на допуск в российские порты французских судов под трехцветным флагом революции, а сотрудникам царского посольства было дозволено остаться в Париже. Царь внял голосу рассудка и предостережениям своих более уравновешенных сановников. Он не желал осложнений, которыми определено были бы чреваты принятые им самим «санкции» против июльской монархии, но и поддерживать ее каким-либо образом ему очень не хотелось. Для представления союзным дворам в Петербурге были выработаны предложения о признании герцога Орлеанского только наместником короля. Указания на этот счет получили отправившиеся в конце августа 1830 года со специальными миссиями в Берлин и Вену фельдмаршал И.И. Дибич и генерал А.Ф. Орлов. Меморандум, заключавший в себе это предложение, был также направлен в Лондон⁹.

Эти сообщения ничего, кроме дополнительного осложнения ситуации, разумеется, не сулили. К счастью, когда меморандум был доставлен по назначению, все три главных европейских кабинета фактически

уже признали Луи-Филиппа в качестве главы французского государства и короля. Сам российский император, уступая, по его собственным словам, «благоразумию» вернувшегося к исполнению своих обязанностей Нессельроде, осуществил это месяц спустя — в самом начале октября 1830 года. Правда, свое признание царь все же исхитрился сделать не совсем полноценным. В подписанных им письмах он наотрез отказался именовать адресата своим «братом», как это было принято в сношениях между легитимными государями, чем, по свидетельству посла в Париже, Луи-Филипп был расстроен почти до слез¹⁰.

Международное положение в Европе к тому времени основательно ухудшилось. При трех северных дворах уже всерьез заговорили о возможности общеевропейского конфликта. Посланный в Берлин бравоый фельдмаршал Дибич докладывал царю, что лично у него нет «никакой надежды на то, что нынешний кризис может завершиться без всеобщей и кровавой войны между законной властью и революционной гидрой»¹¹. «Гидра» вышла за французские пределы, устрашая консервативно-монархический лагерь призраками Робеспьера и Наполеона одновременно. Вспыхнувшее в конце августа 1830 года народное восстание в Брюсселе положило начало бельгийской буржуазной революции. В сентябре волнениями был охвачен ряд германских государств. В Брауншвейге разгневанные подданные вынудили местного герцога покинуть свои владения. Король Саксонии, чтобы не искушать судьбу, предпочел пойти на уступки «мятежной партии», чем заслужил осуждение со стороны российского двора. Внимание главных европейских кабинетов, однако, было прежде всего приковано к быстро разворачивавшимся событиям в Бельгии. Через месяц после начала восстания большая часть бельгийской территории оказалась под контролем революционных властей. Попытки гаагского двора усмирить повстанцев силой или урегулировать конфликт путем административного разделения Бельгии и Голландии при сохранении их под одной короной потерпели неудачу. 4 октября временное правительство в Брюсселе объявило о полном отделении своей страны от Нидерландского королевства.

Особым вниманием со стороны поборников «законной власти» бельгийские инсургенты были также обязаны своему соседству с главным питомником «революционной гидры», присутствию в их рядах немало го числа французов-добровольцев, оживлению во Франции поклонников «естественных границ» и наличию в самой Бельгии «французской партии». Убежденность того же Дибича в неизбежности всеобщей войны основывалась на опасениях относительно «покушения Франции на Бельгию»¹². Но фельдмаршал сильно преувеличивал такую возможность. Даже среди самых «радикальных» министров Луи-Филиппа все же не было столь крупных авантюристов. Сам король к их числу явно не при-

надлежал. В Париже прекрасно понимали, что «покушение» на соседнюю страну послужило бы сигналом к воссозданию Четверного союза. Симпатий к мятежным бельгийцам никто из номинальных членов этого союза (включая возглавляемый тогда победителем при Ватерлоо герцогом Веллингтоном британский кабинет) также не испытывал. Правда, и большого желания помочь нидерландскому монарху в усмирении «мятежников» ни у кого из этой четверки, помимо российского двора, не возникло. Вооруженное вмешательство в бельгийские дела с их стороны являлось столь же верным путем ко «всеобщей войне», как и французское «покушение». С появлением армий союзников на северных границах Франции новое французское правительство уже едва ли смогло бы примириться. Заинтересованность его в разделе на две части соседнего королевства, созданного в свое время основоположниками венской системы специально для сдерживания Франции, также была очевидной.

У российского самодержца, в свою очередь, имелись некоторые особые основания желать обратного. Он состоял в родственных отношениях с нидерландским королевским семейством: сестра императора Анна Павловна была замужем за наследником нидерландского трона. Голландия благодаря своим мощным банкирским домам служила местом размещения ряда царских займов. Гаагский кабинет вместе с лондонским, согласно особой конвенции 1815 года, выплачивал проценты по русскому долгу, и обусловлены выплаты были как раз сохранением целостности Нидерландского королевства. Все это, несомненно, оказывало влияние на позицию петербургского кабинета в бельгийском вопросе, но для царя в 1830 году имело лишь второстепенное значение. Он, по его собственным словам, собирался бороться даже «не против Бельгии, а против всеобщей революции, которая все приближается»¹³.

Однако словесные изъявления готовности к такой борьбе Николай I до поры до времени ничем более существенным не подкреплял. Поначалу в Петербурге надеялись, что укрощением «демона революции» в Бельгии займутся союзники в лице Англии и Пруссии и от России в таком случае понадобится разве что «моральная» поддержка. Дибич в Берлине подталкивал к решительным действиям местное правительство, смущая его то предложением о занятии бельгийских крепостей по рекам Маасу и Самбре прусскими войсками, а морского побережья этой страны — английскими, то планом подготовки ко «всеобщей» войне с расписанием маршрутов движения русских армий и корпусов к предполагаемому театру военных действий¹⁴. Между «прожекторами» фельдмаршала, однако, была определенная неувязка. Принимать меры против мятежной Бельгии имело смысл незамедлительно, в то время как на помощь своим союзникам в случае столкновения их с Францией царские войска реально смогли бы выступить через два-три месяца как минимум. Для перевода

войск на походное положение требовалось немало времени. Когда Дибич делал свои представления берлинскому кабинету, мобилизационные мероприятия в империи еще не были начаты.

Царь отдал распоряжения на этот счет военному министру лишь в середине октября, когда получил от гаагского двора просьбу о помощи. Подобные призывы голландское правительство адресовало и остальным главным европейским кабинетам, не исключая парижский. Из всех членов этого ареопага действительно горячее желание пойти на выручку своему собрату выказал только Николай I. На полях одного из докладов Нессельроде он даже пометил, что готов двинуться в этот поход в одиночку, «если представится случай»¹⁵. Царская «угроза» была, однако, невыполнимой во всех отношениях: и войска для этого были неготовы, и казна едва ли выдержала бы подобное испытание, и без предварительного соглашения по крайней мере с соседними дворами самодержец действовать в данном случае никак не мог. Сам он, по-видимому, всерьез все же не думал о подобных «единоличных» акциях.

Главным союзным кабинетам, равно как и гаагскому, было сообщено о принципиальной готовности российского двора выставить «требуемое трактатами» количество войск (60 тыс.) для защиты статус-кво в Нидерландском королевстве и действовать в соответствии с общим решением, которое будет принято.

В подкрепление последнего тезиса царь дал полномочия российским представителям в Лондоне на участие в дипломатической конференции по бельгийскому вопросу. С предложением о проведении конференции, инициированным французской дипломатией, в Петербурге согласились, чтобы выиграть время для завершения своих военных приготовлений и создания «грозной коалиции четырех держав». Нессельроде утверждал, что в этом заключалось единственное средство «спасти Бельгию и предохранить Европу от еще больших несчастий»¹⁶. Непременным условием решения этой двойной задачи, по мнению вице-канцлера, было участие в деле защиты «законной власти» британского кабинета, поскольку Франция «боялась войны только с Англией»¹⁷. Основанием для подобных расчетов служило различие в позициях западных держав в отношении Нидерландского королевства, главным создателем которого выступала Великобритания. Царские дипломаты были уверены, что «грозной коалиции» без «большой войны» удастся навязать и Франции, и ее бельгийским протезе решение, которое позволило бы сохранить относительную целостность владений Вильгельма I.

Вместе с тем для Нессельроде эта программа представлялась еще и средством «сдерживания» собственного государя, который решил взять на себя инициативу в борьбе с коварным «демоном». Начавшиеся в империи военные приготовления носили нешуточный характер. Сам

Николай I позаботился о том, чтобы об их обширности стало известно и друзьям, и врагам. Правда, отдавая указания «обнародовать в газетах» сведения о ходе вооружений, самодержец также видел в них «средство предупредить войну... доказать якобинцам всех государств, что их не боятся, что везде стоят под ружьем»¹⁸.

Можно сказать, что петербургскому кабинету и его «зимняя» дипломатическая кампания не удалась, и «шумные» военные мероприятия вышли боком. Расчеты Нессельроде на создание грозной коалиции не оправдались. Разногласия между западными державами оказались вполне преодолимыми. Со сменившими в ноябре 1830 года у кормила власти консерваторов британскими либералами июльскому правительству было легче сойтись во мнениях. На ходе переговоров, несомненно, сказалось и общее желание участников покончить дело миром. Царские представители Х.А. Ливен и А.Ф. Матушевич не являлись исключением. 4 октября, едва собравшись, конференция предложила Гааге и Брюсселю незамедлительно заключить перемирие, признав тем самым бельгийских инсургентов воюющей стороной, а через полтора месяца (20 декабря 1830 года), конечно, не без «оживленных дискуссий», санкционировала превращение Бельгии в независимое государство.

В то же время военные приготовления в России стимулировали вооружения во Франции и способствовали росту напряженности в международных отношениях. Войну, которую Николай I вроде бы хотел предупредить, принятые им меры, как и его личное поведение, сделали более вероятной. Апогей военной тревоги, охватившей Европу, пришелся на ноябрь — начало декабря, когда проходили заседания Национального конгресса Бельгии, принявшего Декларацию независимости. И Берлин, и Вена, конечно, также внесли лепту в создание критической ситуации. Однако главным виновником в этом деле оказался все же петербургский двор. Его «предупредительные» меры — и вследствие ведущей роли России в охранительной комбинации, и в силу удаленности ее от возникших на западе континента очагов напряжения — однозначно воспринимались во Франции, да и не только там, как проявления агрессивности. Бряцание оружием не произвело желаемого царем воздействия на «якобинцев всех государств». На бельгийцев оно не подействовало, и возбуждению революционных настроений во владениях самого Его Императорского и Царского Величества не помешало. Более того, есть основания полагать, что восстание в Царстве Польском было даже спровоцировано постановкой «под ружье» императорской армии. Николай I намеревался не только использовать Польшу в качестве плацдарма для предполагавшегося похода против «демона революции», но и втянуть в него как расквартированные там русские войска, так и небольшую польскую армию. Хотя мобилизация в Польше из-за возражений

ее фактического наместника великого князя Константина так и не была начата¹⁹, наличие у Николая I подобных намерений не являлось тайной для весьма широких слоев местного населения. Перспектива наводнения Царства войсками из России и тем более участия в зарубежных охранительных операциях самодержавия мало вдохновляла не только активных деятелей польского национального движения. Так что восстание, вспыхнувшее в Варшаве 17 (29) ноября 1830 года, в известной мере было и своеобразным ответом поляков на замыслы их конституционного монарха в отношении стран, весьма отдаленных от его владений.

Выступление польских повстанцев способствовало спаду напряженности в международных отношениях. Оно, несомненно, облегчило путь Бельгии к независимости, окончательно расстроив планы вооруженного усмирения «демона революции» в этой стране и вынудив царское правительство быстро примириться с решением Лондонской конференции от 20 декабря 1830 года. После этого бельгийский вопрос еще долго стоял на повестке дня европейской дипломатии. Немалых трудов стоило ей решение проблем устройства и международного статуса нового государства (было объявлено о его «вечном нейтралитете»), выбора монарха (им стал Леопольд Саксен-Кобургский), бельгийско-голландского разграничения, раздела между двумя обособившимися частями Нидерландского королевства его внешнего долга и т. п. Постоянно собиравшаяся на свои заседания Лондонская конференция выработала в 1831 году три проекта соглашения. Последний из них лег в основу подписанного 15 ноября того же года договора об отделении Бельгии от Голландии, Финальной точкой в урегулировании конфликта этот акт, однако, не стал. Коллизии вокруг этого дела еще долго возмущали «европейское спокойствие». Окончательно вопрос был решен восемь лет спустя.

Для петербургского кабинета польские события отодвинули бельгийские дела на второй план. Они побуждали царское правительство к умеренности в европейской политике, чтобы обезопасить себя от попыток вмешательства западных держав в свой «внутренний» конфликт. Восстание в Царстве Польском ослабило позиции и других совладельцев польских земель, вследствие чего три северных двора оказали «сравнительно небольшое влияние на выработку нового соглашения по Нидерландам»²⁰.

Ставший более сдержанным и осмотрительным в своих внешнеполитических проявлениях петербургский кабинет весьма терпимо отнесся к применению принудительных мер в отношении голландского монарха, когда тот в августе 1831 года нарушил перемирие и двинул войска в Бельгию. По крайней мере акция по его «усмирению», в единоличном порядке осуществленная Францией, не вызвала столь же «индивидуального» возмущенного отклика со стороны Петербурга, а легитимный мо-

нарх Нидерландов даже подвергся осуждению со стороны российской дипломатии за свою «опробитость», за данный парижскому двору «вполне благовидный предлог для оправдания своего насилия» и за провоцирование общеевропейского конфликта²¹.

Весной 1831 года во время революционных волнений в итальянских герцогствах и Папской области царское правительство продемонстрировало те же качества. Царь не отказался, конечно, от выполнения своих «союзнических обязательств» по отношению к Габсбургской монархии, занявшейся уже привычным для нее осуществлением жандармских функций на Апеннинском полуострове. Он обещал венскому двору военную помощь в случае столкновения с Францией, но Нессельроде рекомендовал российскому послу заявить об этом парижскому кабинету «только в крайнем случае». «Ибо, — как писал вице-канцлер в своей инструктивной депеше от 9(21) марта, — император хотел бы избежать в сношениях с этим кабинетом всего того, что носило бы характер угрозы или провокации»²².

Самодержцу поневоле пришлось изменить тактику борьбы со «злом» на западе континента и всецело положиться на свою дипломатию. Ради обеспечения благоприятных внешних условий для подавления восстания в Царстве Польском петербургский кабинет был готов даже в известной мере войти в положение июльского правительства, которое не могло не считаться с общественными настроениями. В конце концов, Луи-Филиппу можно было простить некоторые слабости его режима: ведь он не больше царя и его сановников желал разрастания революционного пожара в Европе. Страхов на этот счет, а также по поводу возобладания во Франции «духа завоевания» за время польских событий в Петербурге испытали немало, но они по большей части оказались напрасными. На серьезное противодействие очередной австрийской интервенции в Италии Луи-Филипп и его министры не решились. Французские войска, защитив «независимость и нейтралитет нового королевства, чье существование было признано великими державами»²³, быстро ушли из Бельгии восвояси. До серьезных потрясений и конфликтов, которые могли бы как-то помешать царизму расправиться с мятежным Царством Польским, в Западной Европе дело не дошло. Можно сказать, что царской дипломатии удалось вполне удовлетворительно справиться со своей задачей, и для укрощения «революционной гидры» во Франции и по соседству с ней, как оказалось, вооружений Российской империи вовсе не требовалось.

Войска, подготовленные на случай «всеобщей войны», были в итоге брошены царизмом на подавление польского восстания. Границы Царства Польского они перешли лишь в феврале 1831 года. Тому предшествовали императорские воззвания и манифесты, которые, в частности, обещали полякам «предать дело забвению» при условии, разумеется, «немедленного возвращения к исполнению своего долга, отпуска пленных и восстанов-

ления законного управления»²⁴. С польской стороны при утвердившейся в начале событий диктатуре Г.Ю. Хлопицкого была предпринята попытка мирного урегулирования, но она не встретила понимания у российского императора: в своем послании Николаю I диктатор, изъявляя готовность подчиниться его власти, упоминал также о «воле и желании нации, чтобы польские провинции, ранее включенные в империю, получили возможность пользоваться теми же свободами, что и Царство»²⁵. Тем не менее военные действия против повстанцев были начаты императорской армией уже после того, как сейм Царства Польского принял решение о низложении Николая I в качестве короля Польского, а на смену диктатуре Хлопицкого пришло коалиционное правительство Адама Чарторыйского, в которое наряду с весьма умеренными единомышленниками премьера вошли представители революционно-демократического крыла национального движения.

Подавление восстания потребовало крупных военных сил и больших финансовых средств. Повстанцы оказывали упорное сопротивление. В марте-апреле 1831 года восстанием были охвачены Литва и некоторые другие области империи со значительным польским населением. Николай I выражал недовольство действиями своих генералов во главе с Дибичем. Возглавивший после кончины последнего действующую армию И.Ф. Паскевич также блестящих способностей в этой кампании не проявил и титул светлейшего князя Варшавского получил главным образом благодаря солидному превосходству над противником подчиненных ему сил. Отпраздновать победу над «бунтовщиками» в Петербурге смогли лишь в сентябре 1831 года, когда капитулировала польская столица.

Незадолго до того Нессельроде торопил главнокомандующего с победным завершением кампании. Вице-канцлер не мог поручиться, что уже осенью у правительства не возникнет серьезных внешнеполитических осложнений, если с восстанием к тому времени не будет покончено²⁶. При продолжении войны Петербург мог столкнуться с более или менее серьезными попытками посреднического вмешательства со стороны Франции и Англии. Если бы конфликт сильно затянулся, то и на ближайших союзников царизму было бы трудно полностью положиться: ни прусское, ни австрийское правительства никак не прельщала перспектива заполучить долговременный очаг напряженности на своих границах. Не была исключена в таком случае и возможность признания независимости Царства Польского со стороны лондонского и парижского кабинетов. Однако, чтобы получить подобного рода помощь с Запада, польским повстанцам нужно было продержаться по меньшей мере до следующего военного сезона.

Летом 1831 года французская дипломатия предприняла попытки организовать перед царским правительством коллективный демарш, чтобы предложить посредничество для урегулирования конфликта. Но

поддержки со стороны других главных западноевропейских кабинетов, в том числе и британского, Париж не получил. Дождаться новых шагов в этом направлении властям мятежного Царства было уже не суждено. Представления Парижа и Лондона относительно сохранения польской конституции, которая, по их мнению, наподобие французской хартии также была «гарантирована трактатами», последовали уже за подавлением восстания. На иного рода «государственную» помощь из-за границы повстанцам объективно рассчитывать было нельзя.

На их стороне были симпатии западной либеральной общест-венности. Образованные ею «польские комитеты» пытались оказывать своим подопечным не только моральную поддержку. Немало замаски-рованных транспортов с оружием перехватывалось в то время на прус-ских и австрийских границах. Тем не менее какая-то часть их достигала и пределов Царства Польского. Сочувствие польскому делу выказыва-лось также в представительных органах обеих морских держав — Ан-глии и Франции. Особенно сильны были в ту пору полонофильские на-строения среди французских парламентариев. Чтобы продемонстри-ровать палате депутатов свое внимание к польским делам, июльское правительство и делало сообщения на эту тему как петербургскому, так и другим кабинетам, не рассчитывая на серьезный успех своих демар-шей, а может быть, и не особенно желая такового.

В целом внешнеполитические обстоятельства польским повстанцам никак не благоприятствовали. Их могущественный противник пользо-вался поддержкой австрийского и прусского дворов, которые весьма основательно блокировали все подходы к мятежному Царству Поль-скому. Им же Петербург мог быть благодарен и за то, что блуждавшие во многих умах не только на «дальнем» Западе идеи посредничества все же не получили развития на практике. На руку царскому правительст-ву, в конце концов, оказалась и занятость морских держав проблема-ми обустройства своих сфер преимущественного влияния. Из-за это-го «спор славян между собою» не приобрел для западных кабинетов сколько-нибудь самостоятельного значения, и на восстание в Царстве Польском они по большей части смотрели как на своего рода подспорье в решении по приемлемому для них сценарию того же бельгийского во-проса. Это многотрудное дело давало немало оснований для размолвок между Парижем и Лондоном. До «сердечного согласия» им было в ту пору весьма далеко, и на российский двор по крайней мере второму из них доводилось смотреть не только как на противника. Июльское прави-тельство, еще не вполне вышедшее из внешнеполитической изоляции, со своей стороны, на ссоры с петербургским кабинетом отнюдь не напра-шивалось и свои представления в пользу поляков делало ему в исключи-тельно дипломатичной форме.

Демарши обоих западных кабинетов в защиту польской конституции большой настойчивостью также не отличались. Отвечая на них, царское правительство снизошло до предъявления доказательств правомерности своих намерений, их соответствия положениям Заключительного акта Венского конгресса, касавшимся устройства польских земель. Во всяком случае, такое сообщение было сделано российской стороной британскому кабинету. Тем дело, однако, и ограничилось. На само решение Николая I относительно конституции Царства Польского представления морских держав никак не повлияли. После восстания император счел, что вправе упразднить эту конституцию. И его решение было поддержано двумя другими владельцами польских земель. При определении нового устройства Царства Польского в Петербурге, несомненно, приняли во внимание интересы прусского и австрийского дворов и высказанные ими на этот счет пожелания.

Согласно утвержденному Николаем I в 1832 году «Органическому регламенту», за Царством Польского сохранились его прежнее название, таможенная автономия и отличный от областей империи режим управления, но с существовавшими там прежде элементами польской государственности практически было покончено. Еще два года спустя после нового и на этот раз совсем неудачного революционного выступления в Польше и вовсе было установлено военное положение, которое не отменялось уже до конца николаевского царствования.

Однако, чтобы подавить польское национальное движение и закрыть связанную с ним тему в международных отношениях, принятых царизмом унификационных и карательных мер оказалось недостаточно. Прусское и австрийское правительства, от поведения которых в данном случае многое зависело, не слишком активно способствовали решению этой неблагоприятной задачи. Во время восстания они действовали все же с известной оглядкой на Запад и не желали излишне волновать «своих» поляков, естественно, сочувствовавших соплеменникам в Царстве Польском и империи. Оба двора не сочли возможным рассматривать повстанцев, которые в ходе военных действий или после подавления восстания перешли на их территорию, как простых политических преступников, а таковых было немало. Собственно, все действующие лица этой исторической драмы, во время событий находившиеся в Царстве Польском, а затем давшие о себе знать на Западе, могли проследовать туда только через прусские или австрийские владения. Среди них были и А. Чарторыйский, и главнокомандующий повстанческой армией в 1831 году генерал Сквиинецкий, и многие другие, как они именовались в русских официальных бумагах, «вожаки и зачинщики мятежа», в поиске и задержании которых прусские и австрийские власти, хотя формально и не отказывали Петербургу, не проявили большого рвения²⁷. В безусловной выдаче личного состава весьма

многочисленных польских отрядов, оказавшихся в их владениях, ближние «братья и кузены» отказали царю вполне определенно. Николай I рассчитывал, что повстанцы подпадут под действие картельных конвенций, которые имелись у России с обоими соседями, и был явно разочарован, когда союзники решили вопрос иначе. В результате урегулирования этого дела значительная часть офицеров интернированных в Австрии и Пруссии польских корпусов предпочла не возвращаться на родину (для чего нужно было выполнить особый ритуал покаяния перед царем) и получила возможность отправиться в другую сторону — на запад²⁸. Таким образом, партнеры России по охранительной комбинации невольно содействовали становлению так называемой «большой эмиграции», политически активная часть которой впоследствии сильно досаждала царизму где только могла. Одной из сфер ее деятельности в скором времени стали Балканы. Во многом благодаря ей же польская тема осталась открытой после подавления восстания и в отношениях России с двумя западными державами, оказывая на них отнюдь не благотворное воздействие.

Особенно много жалоб, требований и угроз по поводу «пребывания польских эмигрантов во Франции»²⁹ довелось выслушать от петербургского кабинета июльскому правительству. Начало этому потоку было положено сразу же после подавления восстания. В 1831 году Петербург сильно тревожила возможность создания во Франции и Бельгии польских военных соединений. Так и не созданный во Франции польский легион уже рисовался царским министрам «авангардом французской армии в случае войны с Россией и, сверх того, ядром, вокруг которого будут собираться недовольные, дезертиры и польские перебежчики»³⁰. Требуя в следующем году запрета Национального польского комитета, объединившего демократические силы «большой эмиграции», российский двор готов был угрожать Луи-Филиппу разрывом дипломатических отношений³¹. Впрочем, до действий такого рода дело не дошло. Французские власти наложили требуемый запрет на деятельность комитета, а его руководителя, известного идеолога польского освободительного движения Иоахима Лелевеля выслали из своей столицы, а затем и из страны. Большой благосклонностью с их стороны пользовался Чарторыйский — глава «умеренных» борцов за возрождение польской государственности. Князь Адам делал ставку на помощь западных держав и был объявлен консортами королем Польши *de facto*. Его резиденцией в Париже стал отель «Ламбер». Больших успехов в своем деле он и его приверженцы не добились, но крови российским дипломатам попортили немало и негативное воздействие на характер русско-французских отношений оказывали в течение долгого времени.

Польское восстание 1830–1831 годов оказало достаточно сильное и во многих случаях весьма благоприятное для самодержавия воздействие на умы в самой Российской империи. Если пафос борьбы с «рево-

люционной заразой» на европейском Западе, помимо самого Николая, мало кого способен был увлечь в России, в том числе и среди ее высших сановников, то при обуздании «коварного демона» в Польше император вполне мог положиться даже на тех своих подданных, которые едва ли принадлежали к большим поклонникам существующего порядка. Как видно из некоторых произведений великого поэта той поры, у представителей русского «образованного класса» польские события также возбудили национальные чувства и амбиции. В этом свою роль сыграли и притязания самих повстанцев на воссоздание Великой Польши «от моря до моря», то есть на земли, почитавшиеся в империи «исконно русскими», и «шум» «народных витий» на Западе. Последнее обстоятельство особенно сильно способствовало обогащению той почвы, на которой хорошо развивались изоляционистские настроения, изобреталась знаменитая уваровская триада*, а Россия и Европа, по словам А.Е. Преснякова, «сознательно противопоставлялись друг другу как два различных культурно-исторических мира»³².

На эту почву опиралась и внешнеполитическая система николаевской России. В ней лучше всего отразился тот смысл, который сам верховный властитель вкладывал в вышеназванное противопоставление. Он прекрасно осознавал родство своей империи и своей власти с соседними европейскими государствами и формами абсолютной монархии. Эта «старая Европа» не заключала в себе угрозу российским порядкам, от которой надлежало, по мнению Николая I и многих его приближенных, защищаться полицейскими кордонами и идеологическими заслонами. Напротив, она была союзницей самодержца, ей отводилась роль буфера, способного отделить Российскую империю от другой быстро обновлявшейся Европы — Европы национальных движений, которые там «шли рука об руку с либерализмом и революцией»³³. Всплеск патриотических и шовинистических эмоций, которым сопровождалось польское восстание, и вполне сознательное использование царским правительством великорусского национализма в своих «внутренних» делах в целом мало сказались на его внешнеполитической деятельности. Ставивший во главу угла своей политики сохранение «порядка и спокойствия», Николай I тем не менее не был совсем уж неприступен для тех его подданных, которые на первый план выдвигали другие «национальные» задачи, ратовали за более радикальное отстранение от Европы, мечтали о слиянии «славянских ручьев» в «русском море» и т. п.

Еще во время польского восстания царя посещали мысли о том, что для защиты от «угрозы с Запада» тесное политическое единение с Ав-

* Имеется в виду выдвинутая николаевским министром народного просвещения С.С. Уваровым известная формула «православие, самодержавие, народность».

стрией и Пруссией не так уж необходимо для его империи. Эти размышления нашли отражение в одной из записок, составленных им в эту пору³⁴, и проистекали из недовольства союзниками, чье поведение, как уже было отмечено, не вполне соответствовало царским представлениям о монархической солидарности. Подобные мысли появлялись у Николая I и позже, но на «реальной» политике его кабинета они практически не сказывались. Невоплощенным замыслом остался и более чем своеобразный проект очередного раздела Польши, отразивший импульсивное желание государя избавиться от одной из тягостных связей его империи с другим «культурно-историческим миром». Царь предполагал по своей «доброй воле» отказаться от обладания значительной частью территории Царства Польского в пользу Австрии и Пруссии³⁵. Судя по данным, имеющимся в литературе, с этим планом даже было ознакомлено прусское правительство, но оно не восприняло его всерьез³⁶.

Победа над «демоном» в Польше, однако, возвратила политике Петербурга изрядную долю прежней решительности. Так же обстояло дело и с настроениями императора. Он вновь выказывал большую готовность воевать со «злом» на весьма отдаленных подступах к России, демонстрируя верность принципам династической политики и легитимизма. В соответствии с царской волей Петербург опять раздавал союзникам обещания щедрой военной помощи в случае войны в Европе. Убежденность Николая I и многих его сановников и дипломатов в ее большой вероятности сказалась впоследствии не только на европейской, но и на ближневосточной политике России. Их мысли на этот счет едва ли были адекватны обстоятельствам. В значительной мере они были связаны с выходом июльской монархии из изоляции и становлением англо-французского «сердечного согласия».

В конце 1831 года император сурово порицал своих союзников за «трусость», которая «стоила нам торжества мятежа в Бельгии и нашего польского дела». Такая неместная оценка политики соседних держав давалась царем в заметках на полях доклада Нессельроде от 12(24) ноября 1831 года, где речь шла о положении дел в Бельгии³⁷. Вице-канцлер рассматривал в докладе возможность применения Англией и Францией принудительных мер в отношении голландского короля, чтобы заставить его признать только что подписанный на Лондонской конференции договор об отделении Бельгии от Голландии. Суть весьма пространных рассуждений Нессельроде сводилась к тому, что в случае применения таких мер морскими державами Россия не сможет оказать своему нидерландскому протезе никакой другой поддержки, кроме моральной. Николай I, в принципе соглашаясь с этим и не разделяя «мнения Вильгельма относительно возможности спровоцировать войну», тем не менее был «совершенно убежден, что она неизбежна в силу самого хода событий».

Свою готовность устремиться на помощь союзникам царь продемонстрировал весной 1832 года в связи с новыми революционными выступлениями в Папской области, когда австрийские войска опять вошли во владения Святого престола. Французское правительство, со своей стороны, решилось сделать то же самое, однако не для прямого противодействия интервенции, а как бы для соучастия в «наведении порядка». На таких условиях в Вене были готовы терпеть французское присутствие в Италии. Данное при этом Николаем I обещание прийти на помощь Австрии в случае вооруженного конфликта с Францией явно оказалось излишним. Царь грозился послать на предполагаемый театр военных действий 200-тысячное войско³⁸, нисколько не задумываясь о финансовой стороне предприятия.

В то же время в Берлин со специальной миссией отправился российский генерал А.И. Нейгард. Он должен был договориться о совместном с союзниками отражении предполагаемой французской агрессии против Германии³⁹. В Берлине тогда проходили совещания уполномоченных Пруссии, Австрии, Баварии и Вюртемберга, где речь шла об обороне конфедерации силами ее членов. Предложения царя повергли прусское правительство в состояние легкого шока. Предлагавшаяся Николаем I «оборонительная система», скорее всего, означала бы новое возрастание напряженности на континенте. В защите Германии он также предполагал задействовать 200 тыс. своих солдат. На меньшее царь был не согласен и грозил, что, ежели его «заподозрят в неискренности», он «ни одному русскому перейти границу не позволит и предоставит Европу участи, которую она себе готовит».

В конце концов серьезного договорного обязательства об участии русских войск в обороне Германии Николаю I взять на себя так и не удалось. Охранительно-оборонительный вал, воздвигнутый царской дипломатией вокруг империи в следующем, 1833 году, оказался во многих своих частях менее внушительным и определенным, чем этого хотелось самодержцу. У потомков немало оснований сомневаться в общей целесообразности этого сооружения.

2. После революций. Российская партия в расстроеном «европейском концерте»

Первой в серии соглашений, заключенных в 1833 году между Россией и двумя ее соседями и партнерами — Австрией и Пруссией, стала конвенция по бельгийскому вопросу, подписанная в Берлине 9 марта. Она получила название «берлинских статей». Статьи эти обязывали державы-участницы придерживаться общей согласованной позиции в бельгийско-голландских делах, оказывать содействие нидерландско-

му монарху в пересмотре некоторых положений договора от 15 ноября 1831 года, «гарантировать и защищать неприкосновенность его владений» в случае, если Голландия подвергнется агрессии.

Большого значения это соглашение не имело. Все главные события в Бельгии были уже позади. Придя к согласию 22 октября 1832 года, две западные державы уже применили к нидерландскому монарху принудительные меры, чтобы заставить его войска покинуть Антверпен, отошедший по договору к Бельгии. Английский флот блокировал голландское побережье, а французский маршал Жерар принудил капитулировать гарнизон города. В январе 1833 года французские войска, исполнив эту миссию, покинули территорию Бельгии. Для участия в принудительных мерах приглашались и северные дворы. Царь, как и его австрийский и прусский «братья», сделать это отказался, но и активного противодействия западным кабинетам оказывать не стал, очевидно, из-за «боязливости и нерешительности» союзников⁴⁰.

В годовом отчете МИД за 1833 год Нессельроде отмечал, что конвенция от 9 марта придавала «поведению союзных дворов более позитивный и твердый характер» и способствовала тем самым заключению 21 мая того же года соглашения⁴¹, обеспечившего Голландии и Бельгии *modus vivendi* до 1839 года, когда конфликт между ними был окончательно урегулирован. Помощь голландскому двору со стороны тройственного альянса свелась к отстаиванию его права на изменение ряда статей договора 1831 года и отклонению предложений о новых принудительных (но уже не вооруженных) мерах, посредством которых западные кабинеты рассчитывали заставить Вильгельма I признать этот договор или по меньшей мере парафировать отдельные его статьи, которые не вызывали у него возражений⁴².

Когда российский представитель в Берлине А.И. Рибопьер подписывал статьи, на Ближнем Востоке разворачивались события, оказавшие самое серьезное воздействие на общеевропейскую ситуацию. Для петербургского кабинета они завершились заключением союзного оборонительного договора с Турцией, который был подписан сторонами в Ункяр-Искелеси 27 июня (8 июля) 1833 года. Партнеры России по консервативному альянсу не имели к этому делу никакого отношения. Ункяр-Искелесийский акт являлся плодом единоличных, ни с кем, кроме самой Порты, не согласованных действий царского правительства, следствием военной и дипломатической поддержки, весьма своевременно оказанной Россией «слабому соседу» в критический для его существования момент. Однако при всем своеобразии этот договор находился в одном ряду со всеми прочими охранительнооборонительными мероприятиями, которыми была занята в то время российская дипломатия. К его заключению царское правительство было морально подготовлено

событиями в Западной Европе. Свою роль в этой подготовке сыграли те же не оставлявшие петербургский кабинет с августа 1830 года тревожные ожидания всеобщего революционного пожара, возрождения наполеоновского синдрома во Франции, жестокой схватки между «законной властью и революционной гидрой». Как и «берлинские статьи», русско-турецкий союз был обязан своим рождением в значительной степени и англо-французскому сближению, также вызывавшему у самодержца тяжелые думы о неизбежности общеевропейского конфликта.

Такая перспектива и предусматривалась в секретной статье Ункяр-Искелесийского договора, обязывавшей султана держать Дарданеллы закрытыми для иностранных военных флотов во время войны России с любой другой державой или державами. Взятое на себя султаном договорное обязательство, как полагали в Петербурге, должно было обезопасить юго-западные пределы Российской империи при военном столкновении с западными союзниками в Европе и из-за европейских дел, но действительность опровергла все царские прогнозы насчет развития событий на западе континента и быстро заставила усомниться в целесообразности такого способа защиты Черноморского побережья России.

К 1833 году напряженность в международных отношениях в Европе, вызванная революционными потрясениями 1830–1831 годов и их последствиями, стала заметно спадать. Соответственно уменьшалась и вероятность военного столкновения между блоками великих держав или их отдельными составляющими. Даже окончательно не урегулированный бельгийско-голландский конфликт уже не давал реальных поводов для опасений. После благополучно проведенной морскими державами антверпенской операции можно было не опасаться нового посягательства на «нерушимость владений» нидерландского монарха.

Другие европейские дела в то время давали еще меньше оснований для беспокойства. Влияние же, которое оказали на общеевропейскую ситуацию и международное положение России ее акции в Леванте и прежде всего заключение Ункяр-Искелесийского договора, в целом не было благотворным. Оба западных кабинета договор не признали и резко активизировали свою восточную политику, придав ей откровенно антирусскую направленность. В результате сравнительно мягкое блоковое противостояние великих держав в Западной Европе было дополнено весьма жестким противоборством России с морскими державами на Ближнем Востоке, сопровождавшимся особенно высоким напряжением в зоне черноморских проливов.

Реакция западных кабинетов на заключение Ункяр-Искелесийского договора побудила царское правительство форсировать процесс выработки союзных договоренностей с партнерами по консервативному

альянсу. Николаю I пришлось при этом снять ряд своих повышенных требований к союзникам. Впрочем, царь, по всей видимости, остался удовлетворенным достигнутыми с ними соглашениями. Позже он отмечал, что свидание в Мюнхенгреце с престарелым австрийским императором Францем I вообще составило целую «эпоху» в его жизни⁴³. Во время этой встречи 18 и 19 сентября 1833 года были подписаны русско-австрийские конвенции по Восточному и польскому вопросам. Сходные, хотя и не аутентичные соглашения по последней проблеме обе державы заключили также с Пруссией. Подписание русско-прусской конвенции состоялось через месяц — 16 октября. Тогда же в Берлине представители всех трех северных дворов подписали акт, касавшийся их общего кредо — права на вмешательство во внутренние дела других государств. Брать на себя какие-либо договорные обязательства по восточным делам прусское правительство не пожелало.

Мюнхенгрецкая «восточная» конвенция между Россией и Австрией к реальной ситуации в Леванте также не имела прямого касательства, и к числу выдающихся достижений российской дипломатии отнести ее никак нельзя. Для обеспечения лояльного отношения к российской ближневосточной политике со стороны венского кабинета, как это отмечалось в свое время историком и дипломатом С.С. Татищевым, никакого соглашения не требовалось. В какую-либо антирусскую коалицию Австрия тогда в любом случае вступать бы не стала, будучи кровно заинтересованной в охранительном сотрудничестве с царизмом. Трудно, правда, понять, каким образом эта конвенция «связывала петербургский кабинет по рукам и ногам»⁴⁴, как утверждал упомянутый автор. Николай I не имел ни желания (по крайней мере в то время), ни возможностей решить Восточный вопрос самым «радикальным» способом и в одиночку. Ни в чем другом конвенция, выдержанная в принципах политики «сохранения слабого соседа», ему не препятствовала. Она лишь фиксировала обоюдную заинтересованность России и Австрии в поддержании верховной власти султана в его владениях и содержала весьма расплывчатые взаимные обещания сторон действовать совместно в случае спонтанного распада Османской империи и следить за тем, чтобы изменения «во внутреннем строе сей империи не могли касаться ни безопасности их собственных владений и прав, обеспеченных за ними трактатами, ни сохранения европейского равновесия».

Стесняло это соглашение скорее Австрию, поскольку хотя и косвенным образом, но все же привлекало ее к развернувшемуся в Леванте противостоянию между Россией и блоком морских держав. Венский двор довольно быстро стал тяготиться соглашением с Россией, хотя и подтверждал его и в 1835-м, и в 1838 году при новых встречах на «высшем уровне» партнеров по тройственному альянсу в Теплице. В качестве под-

порки и дополнения к Ункяр-Искелесийскому договору Мюнхенгребская конвенция была слаба, а Австрия в роли союзника в нешуточном соперничестве — и того слабее. Другого партнера Россия при тогдашней направленности ее политики, однако, и обрести не могла. Что касается восточного вопроса, то в целом «Мюнхенгреб, Берлин и Теплиц», бесспорно, «давали лишь видимость консервативной солидарности»⁴⁵.

Подписанный в Берлине акт об общем кредо северных дворов также был своего рода декларацией о праве легитимных государей на взаимопомощь в случае революционных потрясений и ни каких конкретных обязательств не содержал. К тому же прусское правительство согласилось подписать этот акт только при условии, что он «не будет называться конвенцией, будет содержаться в тайне до тех пор, пока договаривавшиеся стороны не сочтут нужным его использовать, и, наконец, не будет, что касается Пруссии, иметь отношения к восточным делам»⁴⁶. Тем не менее дальнейшая внешнеполитическая практика трех дворов в той или иной степени соответствовала духу данной декларации, хотя до прямого «использования» подтвержденных в ней принципов Священного союза дело дошло разве что во второй половине следующего десятилетия.

Иной была судьба соглашений, касавшихся Польши и отнюдь не отличавшихся декларативностью. Три державы обязались оказывать друг другу помощь, в том числе и «вооруженною силою», при подавлении «мятежных действий, которые бы обнаружались в одной из польских провинций, подчиненных их владению». При этом пострадавшая сторона должна была получить помощь от своих союзников по первому требованию и в просимом количестве. Кроме того, российский и австрийский дворы предоставили друг другу право перенесения военных действий при подавлении «мятежа» в польских провинциях соседней державы на свою территорию. Прусский двор хотя и отказался включить в свое соглашение с царским правительством аналогичную статью, но все же дал письменное обещание предоставить России такую возможность в случае необходимости⁴⁷. Польские конвенции содержали также взаимные обязательства сторон о выдаче политических преступников, в том числе участвовавших в «восстании с оружием в руках» или в «заговоре против безопасности престола и законного правительства», об особом надзоре за участниками «последней смуты в Польше», запрете на «так называемые патриотические общества», пресечении «тайной торговли оружием и снарядами или укрывательства беглецов» в приграничных районах и, наконец, относительно условий «военного занятия» территории вольного города Кракова при нарушении существовавшего там порядка и возникновении угрозы «безопасности или спокойствию».

Последнее положение было достаточно быстро применено на практике. Краковская республика, оставшаяся последним очагом поль-

ской вольности, находилась под жесткой опекой трех соседних держав. Она не имела права направлять своих дипломатических или консульских агентов в другие страны. В 1835 году царское правительство отказало сенату города в его просьбе направить такого представителя в Петербург. Нессельроде в годовом отчете царю утверждал, что это предложение «было выдвинуто лишь для того, чтобы позже оправдать подобные назначения в Лондон и Париж»⁴⁸. Тогда же северные дворы пресекали попытки Лондона аккредитовать при городском сенате своего консула. Сами они держали в Кракове своих представителей — министров-резидентов, весьма сурово надзиравших за деятельностью местных властей. Однако, несмотря на такую опеку, республика стала в 30-х годах, по утверждению российского вице-канцлера, «центром революционной агитации»⁴⁹.

Осенью 1835 года во время свидания Николая I с новым австрийским императором Фердинандом и прусским королем Фридрихом Вильгельмом III была достигнута договоренность о ликвидации вольного города. Вскоре после этого, 14 октября, Нессельроде, Меттерних и Ансильон подписали в Берлине особый секретный протокол. Им предусматривалось присоединение территории Кракова к Австрии, хотя и без определения срока и с оговорками насчет принятия мер к тому, чтобы «из сего не могли последовать тяжкие политические осложнения»⁵⁰. В начале следующего года Краковская республика была оккупирована войсками трех держав под общим командованием австрийского генерала. На аннексию в Вене тогда не решились. Больше всего на таком решении краковского вопроса настаивал российский двор. Прусское правительство, хотя и в неявной форме, аннексии противилось. Вскоре, в очередной раз начав перекройку конституции вольного города, союзные дворы вывели большую часть своих войск из его владений. Ф.Ф. Мартенс отмечал, что венский двор счел это необходимым «ввиду желания Пруссии» и протестов Франции и Англии⁵¹.

Положение на западе континента тем временем основательно стабилизировалось. Нессельроде доказывал царю, что это явилось следствием «тесного союза трех дворов, призванных предохранять общественный порядок»⁵². О результатах мюнхенгретцких и берлинских переговоров западные кабинеты были поставлены в известность в самом общем виде. Из этих сообщений только и можно было понять, что союзники станут и далее следовать своим прежним установкам. Серьезно повлиять на политику держав «согласия» такие сообщения вряд ли могли. Парижский кабинет в своем ответе партнерам по охранительному блоку явно дал понять, что не потерпит вооруженного вмешательства в дела сопредельных с ним государств⁵³. До серьезного выяснения отношений дело не дошло, благо Пиренейский полуостров, где в середине 30-х годов было

действительно беспокойно, не рассматривался как возможный объект для подобного вмешательства ни в Петербурге, ни в Вене, ни в Берлине.

Нельзя сказать, что дела в «чужой» зоне преимущественного влияния совсем не интересовали северные дворы, но оказать большое влияние на тамошние события они не могли. В Испании в это время шла гражданская война между сторонниками дона Карлоса и поборниками юной королевы Изабеллы и ее регентши Марии-Кристины, предпочитавших в своей политике опираться на умеренных либеральных реформаторов. Закончилась эта борьба победой последних только в 1839–1840 годах. Испанские дела наряду с прочими обсуждались при встречах северных монархов и глав их внешнеполитических ведомств в Теплице и Праге осенью 1835 года, а затем спустя три года снова в Теплице. Отношение союзников к междоусобице в Испании было достаточно сдержанным и выжидательным, хотя три двора в принципе собирались протестовать против попыток морских держав вооруженной силой вмешаться в борьбу за испанский трон. Опасения на этот счет возникли у них в связи с оформлением 22 апреля 1834 года Четверного союза между Англией, Францией, Испанией и Португалией, обязывавшего стороны оказывать помощь делу утверждения конституционных правлений на полуострове. Протестовать, однако, тогда не пришлось, так как британское и французское правительства «ограничились косвенной поддержкой» испанских конституционалистов, которая к тому же, по мнению Нессельроде, оказалась неэффективной и только выявила слабость нового союза⁵⁴. Симпатии трех дворов были, естественно, на стороне дона Карлоса, но они воздержались от признания его прав на испанский престол. В 1835 году в Теплице было решено сделать это лишь в случае безоговорочной победы его «партии»⁵⁵.

Петербургский кабинет предпочитал придерживаться позиции невмешательства в испанские дела. В годовом отчете МИД за 1835 год Нессельроде отмечал, что если междоусобица в Испании продолжится, «кабинет Е. И. В-ва может только поздравить себя с тем, что до сих пор воздерживался от всякого участия в событиях, на которые не мог бы оказать никакого полезного влияния»⁵⁶. Полностью воздержаться от этого «кабинет Е. И. В-ва» все же не смог. В следующем году он дал согласие на оказание финансовой помощи сторонникам дона Карлоса. Затем по настоятельной просьбе князя Меттерниха во время теплицкого свидания 1838 года «император Николай соизволил принять участие в поручительстве займа, заключенного доном Карлосом, и согласился сверх того давать ему субсидию»⁵⁷.

Поведение Петербурга в этом и других вопросах, на которые он не мог оказать заметное «полезное влияние», во многом, конечно, зависело от позиции партнеров по охранительной комбинации, «курировавших»

отдаленные от Российской империи регионы Западной Европы. Стремление к сохранению единства с ними в подобных случаях превалировало над прочими политическими соображениями. Единение северных монархов призваны были демонстрировать их периодические собрания, неизменным участником которых был, однако, только царь. В полной мере такая демонстрация удалась один раз при теплицком свидании трех союзных государей в 1835 году, поводом к которому послужила закладка памятника в честь русской гвардии, особо отличившейся в 1813 году в сражении при Кульме, и которому предшествовали совместные русско-пруссские маневры в Калише⁵⁸. Тогда воспоминания о былом ратном содружестве с Россией побудили Фридриха Вильгельма III отойти от своего обычно сдержанного отношения к внешним проявлениям консервативной солидарности.

Внутри охранительного блока уже в ту пору давали о себе знать и гораздо более фундаментальные противоречия. В 1834 году под эгидой той же Пруссии был создан Германский таможенный союз, в который сразу вошла почти половина малых немецких государств. Это было еще не явное, но достаточно серьезное покушение на австрийское преобладание в Германии со стороны Берлина, и оно оказало определенное воздействие и на его отношения с Петербургом, в которых торгово-таможенные дела занимали не последнее место. Прусское правительство стало более настойчивым в своем желании пошире открыть российские рынки для местного торгово-промышленного капитала, добиваясь снижения пошлин по общеимперскому тарифу уже не только для прусских, но и для «союзных» товаров. Расхождения в этом вопросе между союзниками не поддавались в то время полноценному урегулированию. Пруссия была единственной великой державой, с которой России так и не удалось подписать новый торговый договор ни в 30-х годах, ни в следующем десятилетии, когда в Петербурге делам такого рода уделяли повышенное внимание⁵⁹.

Сами по себе попытки прусских правящих кругов использовать, по словам одного из биографов Николая I, «в традиционных интересах монархии Гогенцоллернов нарастающее национальное движение в Германии» также не могли не вызывать некоторого недоверия у царского правительства⁶⁰. Однако в 30-х годах эти попытки были еще очень робкими, и вызываемое ими недоверие заглушалось династическим фоном: «отношения Николая I с прусским двором были самыми сердечными в Европе»⁶¹. Общие для трех членов монархического братства страхи относительно «угрозы с Запада» в разных ее модификациях продолжали оказывать умиротворяющее воздействие на их взаимоотношения. Под влиянием революционных потрясений практически сошли на нет русско-австрийские противоречия в Юго-Восточной Европе, обострившиеся в 20-х годах в связи с греческой революцией и русско-турецкой вой-

ной, и утверждение Россией своего преобладания в Константинополе не вызвало заметного их обострения. Нельзя даже сказать, что в развернувшемся на Ближнем Востоке противостоянии партнеры Петербурга по охранительной комбинации не сочувствовали ему и выступали только как сторонние наблюдатели.

К защите своего ближневосточного редута царское правительство косвенным образом привлекло даже Пруссию. Ее военные специалисты, занимавшиеся в то время обучением реформировавшейся османской армии, были приглашены султаном по рекомендации российского двора, который не устраивала перспектива появления в Турции английских и французских инструкторов⁶². Предлагать Порте своих собственных офицеров для подобных целей Петербург опасался, не желая разжигать страсти. Венский кабинет в известной мере подвизался в этом деле в роли примирителя. Однако такая роль ему плохо удавалась: с вигами, которые с перерывом в один год находились у власти в Англии на протяжении всего десятилетия, у князя Меттерниха не сложилось нужных для этого отношений. В качестве военного союзника России на Востоке Австрию, конечно, представить было трудно, не говоря уж о Пруссии. В Петербурге, похоже, и не питали на этот счет особенных иллюзий.

Между тем до вооруженного столкновения с Англией России порой было не так уж далеко. Г.-Дж. Пальмерстон, почти бессменный глава британского внешнеполитического ведомства в 30-е годы, в стремлении сбить соперника с его позиций в Константинополе склонен был балансировать на грани войны с ним. Вновь пришедшему к власти в 1835 году на недолгий срок А. Веллингтону пришлось отменить секретные предписания предшественника относительно ввода британского флота в проливы и Черное море⁶³. Большая напряженность в отношениях России с Британией наблюдалась и далее, в 1836–1837 годах, когда разразился скандал из-за задержанной у кавказских берегов английской шхуны «Виксен» с грузом оружия для непокорных горцев.

Вместе с тем в османской столице под «царский редут» велись подковы. В них активное участие принимала и французская дипломатия. В вопросе о проходимости Дарданелл для иностранных военных судов она иногда даже перехватывала инициативу у английской. Правда, интерес Парижа к режиму проливов стабильностью не отличался, и западный блок отнюдь не представлял собой монолита. В нем были трещины и слабые места. Французские интересы в Египте, которые сопрягались с британскими не лучше, чем с российскими, были не единственным таким местом. Во второй половине 30-х годов противоречия в «сердечном согласии» уже явственно давали о себе знать.

Благодаря этому Петербургу даже удалось отчасти нейтрализовать действие англо-французского «согласия» в восточных делах. Добиться

большого российская дипломатия не смогла: ей сильно мешали особенности общего внешнеполитического курса петербургского двора и неприятие царем июльской монархии. Тем не менее еще в конце 1833 года Поццо ди Борго договорился с министрами Луи-Филиппа относительно удаления французской эскадры от берегов Турции⁶⁴. В дальнейшем Франция воздерживалась от слишком активного участия в военно-морских демонстрациях, регулярно устраивавшихся английским флотом неподалеку от проливов. Временами в русско-французских отношениях отмечались проблески «взаимопонимания». В 1835 году царское правительство выражало тюильрийскому кабинету благодарность за предоставление сведений о «дьявольском заговоре, вынашивавшемся некоторыми поляками за границей»⁶⁵. Тогда же Николай I «соизволил» устроить в Петербурге торжественный прием новому французскому послу маршалу Мэзону. По словам Нессельроде, это польстило тюильрийскому двору и даже вызвало «живые опасения у сторонников английского союза во Франции»⁶⁶.

Однако такого рода тенденции в отношениях двух стран не отличались прочностью. Сменить милость на гнев самодержец мог в одночасье. Для этого было достаточно весьма незначительных причин. Нечто подобное произошло в 1836 году, когда Тьер, бывший в то время премьер-министром, разрешил вербовку добровольцев в армию испанской регентши. Графу Палену, сменившему годом ранее Поццо ди Борго на посту российского посла в Париже, было предписано в связи с этим «выехать со всем посольством из Франции»⁶⁷. Только последовавшая отставка Тьера и отмена его распоряжений насчет вербовки помешали разрыву дипломатических отношений. При таком поведении Петербургу, конечно, было трудно рассчитывать на сколь-нибудь лояльное отношение Парижа к его ближневосточным интересам. Тюильрийский кабинет также не выказывал большого стремления к сближению, однако в конце 30-х годов некоторые намеки на это им все же делались, а в Петербурге их игнорировали. Для Николая даже в годы «вооруженного мира» с Англией Франция оставалась главным олицетворением «угрозы с Запада».

Характер взаимоотношений с Францией двух главных соперников в борьбе за влияние в Османской империи серьезно сказался на результатах русско-английского противостояния. Однако были и другие факторы, которые предопределили его исход в пользу Великобритании.

К числу таковых можно отнести и стремление самой Порты пересмотреть итоги кризиса 1832–1833 годов: взять реванш за тяжелейшее военное поражение, нанесенное ей могущественным египетским вассалом Мухаммедом Али; вернуть под свое управление Сирию и Киликию, оставленные паше с общего согласия «неверных» в пожизненное владение; устранить в конце концов угрозу целостности и самому существо-

ванию Османской империи, исходившую от Египта, и тем самым в сущности ликвидировать основу, на которой только и мог появиться и действовать русско-турецкий оборонительный союз. Ради такого решения египетского вопроса Порты и начинала свою «игру на двух столах», пыталась дополнить Ункяр-Искелесийский договор наступательным союзом с Англией против Мухаммеда Али, посылала свой флот для участия в совместных с британским маневрах и т. п. Это были, конечно, зримые свидетельства упадка российского влияния в Константинополе. Однако они еще не означали преждевременной кончины русско-турецкого союза⁶⁸.

Посланный в Лондон за военной поддержкой османский политик новой формации Решид-паша вернулся ни с чем. Перед Петербургом и в связи с этим вояжем, и тем более в связи с его неудачным окончанием Блистательная Порты рассыпалась в реверансах. Британско-турецкие маневры закончились тем, что султан отозвал турецкую эскадру к своей столице, не пригласив туда своих английских «друзей»: он-то надеялся, что маневры станут грозной демонстрацией силы у берегов Ливана и Египта, а Альбион рассчитывал совсем на другое⁶⁹.

В Константинополе так и не смогли до конца понять, что ни Англия, ни Россия, ни кто-либо другой не мог в одиночку помочь им с радикальным решением «египетского вопроса». Поэтому все эти ходы османского правительства и дипломатий отнюдь не были смертельны для русско-турецкого союза. Смертельным оказался для него турецкий поход против египетского паши, приведший ко второму египетскому кризису 1839–1841 годов, который открыл уже новую страницу в истории международных отношений в Европе.

3. Политика России на Балканах

После завершения восточного кризиса 20-х годов балканское направление внешней политики России продолжало оставаться одним из важнейших в общем комплексе отношений со странами Европы. Именно ситуация на Ближнем Востоке послужила толчком к тому противостоянию держав, которое привело к Крымской войне. Внешняя политика России на Балканах 30-х — начала 50-х годов XIX в. мало подвергалась исследованию в отечественной историографии вследствие «невыйгрышного» характера темы. Консервативные тенденции международного курса царизма, превратившие Россию в «жандарма Европы», очевидны и получили соответствующую оценку в исторической литературе. Не составляет исключения и балканская политика российского правительства. Однако в силу специфических интересов России в этом регионе, ее давних связей с православным населением Османской империи, а также сложившихся политических и экономических отношений с балкански-

ми провинциями внешнюю политику России на Балканах того времени нельзя охарактеризовать однозначно как сугубо консервативную.

В 20-х годах XIX века Россия традиционно поддерживала освободительные движения балканских народов. После заключения в 1829 году Адрианопольского мира на Балканах произошли важные изменения, зафиксированные в русско-турецком договоре. Сербия получила автономию в рамках Османской империи, расширились права Дунайских княжеств, в начале 1830 года Греция была провозглашена независимым государством. Все это изменило ситуацию в регионе. Вновь созданные государственные образования на Балканах получили возможность заняться своим внутренним устройством, разработкой законов и конституций. Вполне закономерно, что местные правительства стремились избавиться не только от явного гнета османских властей, но и от любого другого вмешательства в свою внутреннюю жизнь. Это касалось и «державы-покровительницы», каковой долгое время являлась Россия, претендовавшая на руководство всей политической жизнью провинций на Балканах. Европейские революции начала 30-х годов и нестабильность общей политической ситуации в балканских государствах служили для российского правительства дополнительным обоснованием его вмешательства во внутривнутриполитическую жизнь тех новых самостоятельных образований, которым до недавнего времени оно оказывало поддержку в борьбе за независимость.

В начале 30-х годов влияние России на Балканах и в Турции было очень велико. В результате недавно завершившейся войны России с Османской империей политическое и финансовое положение последней оказалось подорванным. Турецкое правительство должно было России крупные суммы контрибуции, до полной уплаты которой войска победительницы временно оставались в Силистрии. Однако вплоть до 1834 года русские войска не выводились из княжеств. Политика России в отношении Османской империи оставалась неизменной. Она была определена в конце русско-турецкой войны на заседании Особого комитета по восточным делам. Османская империя продолжала рассматриваться в Петербурге как слабый и потому удобный сосед, поддержка существования которого признавалась наиболее выгодной политикой для России. Между тем она не намеревалась ослаблять свое влияние среди православного населения Турции, ибо в противном случае ее место оказалось бы занятым одной из западноевропейских стран. Встретить на Балканах своих давних соперников вместо «беспечных турок» не входило в планы российского правительства. Вот почему оно взяло курс на установление и укрепление добрососедских отношений с Турцией. Как справедливо отмечает современный исследователь Х. Ян, именно эта политика гарантировала России успех и привела ее в Константинополь в 1833 году раньше других держав⁷⁰.

Вырос престиж России среди балканских народов. Австрийский интернунций (посол) сообщал в Вену из Константинополя: «...Русская миссия возвратила себе там свое прежнее влияние; ничего не делается без ее согласия, и все народы, покровительствуемые ею, наперекор заискивают ее поддержки, дабы лучше преуспеть в своих делах»⁷¹. Для сербов, черногорцев, греков, молдаван, валахов и болгар Россия оставалась покровительницей. Это мнение бытовало, несмотря на весьма умеренные результаты освобождения балканских народов из-под османского гнета. Известно, что сербы были все же недовольны условиями Адрианопольского мира, а болгарам, которым предоставлялась лишь возможность переселения в Россию, чтобы укрыться от гнева османских властей за сотрудничество с русской армией во время войны, было отказано в предоставлении хотя бы частичных прав самоуправления.

Тем не менее политическая ситуация на Балканах изменилась, она создавала условия для новых форм социально-экономической жизни общества, которые вели к развитию капиталистических отношений в новых государственных образованиях. Все эти процессы не учитывались российскими правящими кругами, по-прежнему считавшими балканский регион сферой своего традиционного влияния и не желавшими изменить хотя бы внешне методы «покровительства». Теперь, когда некоторые балканские народы получили возможность развиваться в рамках национальных государственных образований, это пресловутое «покровительство», зачастую оказываемое в форме открытого вмешательства во внутренние дела молодых государств, стало тяготить местные власти и порождало закономерное стремление избавиться от обременительного контроля бывшей высокой союзницы России. Отсутствие гибкости во взаимоотношениях с новым руководством послужило одной из причин все углублявшегося кризиса доверия к России, приведшего в ряде случаев к полной потере ее бывшего влияния и переориентации балканских государств на поддержку со стороны других европейских стран — давних соперниц России.

Они не замедлили занять утрачиваемое Россией место. Приоритет английского влияния был очевиден в Сербии с конца 30-х годов. Затем с приходом к власти в Белграде уставобранителей (защитников конституции) заметно усиливаются позиции Франции и Австрии. Последняя, впрочем, никогда не забывала своих интересов в северной провинции Османской империи и пользовалась там достаточно прочным авторитетом среди значительной части сербского общества. Англия и Франция укрепились в Греции после обретения ею независимости. Французское влияние стало доминирующим в Дунайских княжествах. Укрепляя свое политическое влияние и расширяя экономическую экспансию, западно-европейские державы стремились занять лидирующее место на Балканах.

Усиление консервативных тенденций во внешней политике России и, как следствие, потеря былых позиций на Балканах явно прослеживаются с конца 30-х годов XIX века. Это не могло не волновать российских политиков. Видный дипломат Ф.И. Бруннов имел случай заметить еще в 1835 году: «Надо признаться, что вообще Россия получает мало доказательств признательности за благодеяния, оказанные ею народам, которые она изъяла из-под деспотизма Порты. Из этого еще не следует, чтобы мы сожалели о доставленном им нами благосостоянии, но это служит нам поводом к тому, чтобы не идти далее и не эманципировать вполне областей, которые даже в настоящем их состоянии административной независимости не признают руки, даровавшей им это благодеяние»⁷².

Россия ждала от балканских народов особой признательности за «благодеяния», не получив которую могла эти «благодеяния» умерить или прекратить вовсе в качестве наказания. Российские политические деятели, как видно, не отдавали себе отчета в том, что уже не в их власти было решать, «эманципировать» ли им балканские народы дальше или подождать более подходящего момента. В действительности процессы, происходившие на Балканах, уже выходили из-под контроля России. Однако в начале 30-х годов роль России в восточных делах была все еще велика.

Как уже говорилось, 30-е годы XIX века начались для России с крупного, хотя и временного успеха — заключения Ункяр-Искелесийского договора, знаменовавшего собой высшую точку российского влияния в Турции. Русско-турецкий договор, подписанный 26 июня (8 июля) 1833 года и увенчавший русскую морскую экспедицию к берегам Босфора по приглашению самого султана, отвечал претензиям Николая I на «сильное влияние в Царьграде», подобное тому, «коим пользуется Англия в Португалии». Это была заявка на преобладание в Проливах и право охранять вход в Черное море, сравнимая с контролем Англии над входом в Средиземное.

История подписания договора такова. В 1832 году между султаном и его египетским вассалом Мухаммедом Али возник военный конфликт. Египетский паша требовал расширения подвластных ему территорий с оформлением наследственных прав владения ими. Армия, возглавляемая Ибрагим-пашой, нанесла ряд поражений султанским войскам и продвигалась к Константинополю. В условиях тяжелейшего кризиса турецкое правительство обратилось за помощью к западным державам. Однако Англия не решилась поддержать султана, а Франция, будучи давнишней покровительницей египетского паши, оказывала мятежнику почти неприкрытую поддержку. Султан был вынужден обратиться за помощью к России, оправдываясь перед европейскими правительствами тем, что утопающий «и за змею хватается».

Помощь Петербурга пришла незамедлительно. Турецкое правительство еще вело дебаты, приглашать ли Россию к урегулированию конфликта, когда русский флот под водительством контр-адмирала М.П. Лазарева достиг берегов Турции. Генерал-лейтенант Н.Н. Муравьев в ходе предварительных переговоров с Мухаммедом Али сумел убедить пашу приостановить наступление и умерить свои претензии. Затем Муравьев отправился к султану, и русская эскадра с 15-тысячным десантом на борту вошла в Босфор, бросив якорь напротив дипломатического квартала Константинополя — Буюк-Дере, чем привела в замешательство представителей других держав. Послы Англии и Франции заявили султану протест и пригрозили вводом соединенной эскадры в Дарданеллы. В своих воспоминаниях Муравьев подробно описывает слаженные действия англо-французской дипломатии в критический момент и указывает на то, что французский флот уже пришел в Смирну, а из Англии были отправлены для соединения с ним восемь линейных кораблей. Рост доверия султана к России вызвал вполне понятное беспокойство британского и французского правительств, ибо, по словам Муравьева, «мы распространяли влияние свое без кровопролития и овладевали Проливами без победы»⁷³.

Прибывший в Константинополь со специальной миссией личный представитель Николая I, пользовавшийся его покровительством, граф А.Ф. Орлов сумел убедить султана и сторонников русской помощи в безопасности и надежности для Турции поддержки со стороны ее недавней противницы⁷⁴. Османское правительство выступило с предложением о заключении двустороннего оборонительного союза. Это предложение было с готовностью принято А.Ф. Орловым. Еще в Петербурге он получил инструкции Николая I поддержать подобную инициативу султана, если она будет проявлена. Заранее был подготовлен и проект договора. Теперь Россия получила возможность подписать с Портой договор, отвечавший ее интересам и исключавший вмешательство в русско-турецкие отношения других западноевропейских держав. Следует отметить роль Орлова в этой миссии. Он уже не раз выполнял ответственные поручения императора в Турции. Твердость его характера при внешней доброжелательности и открытости позволила ему добиться уважения членов дивана и благосклонности султана. Дипломатический талант и личное обаяние в очередной раз помогли успешной реализации планов петербургского кабинета.

Еще за два дня до подписания Ункяр-Искелесийского договора А.Ф. Орлов испросил у султана разрешения русской эскадре покинуть Босфор и отправиться к родным берегам. Только после формального получения согласия султана и отдачи соответствующего приказа начались официальные переговоры между представителями двух соседних

империй. Безусловно, эти формальности были соблюдены с целью избежать упреков западной дипломатии в том, что договор «исторгнут у Порты под жерлами пушек». Впрочем, это обвинение долго преследовало Николая I, несмотря на все принятые меры предосторожности. Так, английский министр иностранных дел Пальмерстон был крайне недоволен позицией австрийского канцлера Меттерниха, который утверждал, что «договор предложен России Портой», тогда как глава английского кабинета был уверен в обратном⁷⁵. О необоснованности подобных подозрений свидетельствует личное письмо султана Махмуда Николаю I накануне заключения договора. Принимая во внимание недовольство Англии и Франции, Порта вынуждена была направить послам этих держав ноту, в которой отстаивала право «свободно заключать по своему независимому желанию договор с той дружественной державой, с какой сочтет нужным»⁷⁶.

Ункяр-Искелесийский договор на время закрепил преобладающее влияние России в Турции. Статья 2 подтверждала нерушимость условий Адрианопольского мира и всех ранее заключенных русско-турецких соглашений. Поскольку это был оборонительный союз двух соседних империй, заключенный на восемь лет, то, «согласно правилам охранения и взаимной защиты», Россия обязывалась прийти на помощь Турции сухопутными и морскими силами. Султан же, со своей стороны, освобождался от «тягот и неудобств» прямой военной поддержки России. Секретная статья договора предусматривала следующее: в ходе возможного военного конфликта Порта «должна будет ограничить действия свои в пользу Императорского Российского Двора закрытием Дарданельского пролива, то есть не позволять никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким бы то ни было предлогом»⁷⁷. Договор значительно улучшал русско-турецкие отношения, следствием чего стали возможными некоторые дополнительные меры, направленные на защиту интересов турецких подданных-христиан.

Ункяр-Искелесийский договор был с ревнивой подозрительностью встречен европейскими державами. «Большой испуг» 1833 года заставил Англию бросить все ресурсы на вытеснение Петербурга из Юго-Восточной Европы⁷⁸. Английское правительство восприняло договор как поражение британской политики в Турции и даже пыталось объявить его «несуществующим»⁷⁹. Однако Россия заняла твердую позицию в данном вопросе и в своем официальном ответе предложила считать «несуществующим» демарш лондонского кабинета.

Ункяр-Искелесийский договор укрепил влияние России на Балканах. Наибольшим авторитетом Россия пользовалась в Сербии. Интересы сербов учитывались в целом ряде русско-турецких договоров. Ункяр-Искелесийский договор также принес ощутимую выгоду в урегу-

лировании очередных сербских проблем. Еще во время пребывания российской эскадры на Босфоре посланник в Константинополе А.П. Бутенев вел с Портой энергичные переговоры об окончательных условиях предоставления Сербии автономного управления в рамках Османской империи. И хотя хатт-и-шериф (указ) Порты о новом статусе Сербии был издан еще в 1830 году, русская дипломатия продолжала добиваться расширения прав сербской государственности, решения вопроса о границах⁸⁰. В 1830–1831 годах в Сербии работала совместная русско-турецкая комиссия по определению новых границ провинции, издавна пользовавшейся в Османской империи правами самоуправления. Русско-турецкое сближение и заключение Ункяр-Искелесийского договора способствовали ускорению решения этого последнего сербско-турецкого спорного вопроса. Османские власти вынуждены были пойти навстречу неоднократным обращениям российских дипломатов по поводу утверждения новых границ Сербского княжества.

В первой половине 30-х годов влияние и авторитет России в Сербии держались на достаточно высоком уровне, хотя князь Милош Обренович уже начал тяготиться русской опекой. Бутенев не раз предупреждал Милоша о недопустимости восстания как средства устранения сербско-турецких разногласий. Тем не менее князь решил действовать самостоятельно. Весной 1833 года из Австрии пришло сообщение о закупке там партии оружия для сербов⁸¹. Тогда же в восточных округах, примыкавших к Сербии, вспыхнуло восстание. На помощь ему Милош выслал свои войска. В воззвании князя говорилось, что в ответ на просьбы местного населения он идет защищать «мир, порядок и общественную безопасность»⁸². Причиной восстания Милош назвал злоупотребления турок, а свою помощь представил как исполнение воли султана, зафиксированной в хатт-и-шерифе 1830 года и подразумевавшей защиту райи (христианского населения) от непокорных султану местных турецких властей⁸³.

Эту версию поддержала и российская дипломатия, хотя при дворе понимали, что вооруженное выступление было спровоцировано Милошем с целью присоединения к Сербии ее исторических земель, отошедших к Турции после подавления Первого сербского восстания. К.В. Нессельроде в письме к Милошу порицал его за самостоятельные действия. «К счастью, — писал Нессельроде, — при настоящем положении дел Порты Оттоманская была преисполнена чувством признательности к России и по уважению к оной оставила все то без внимания»⁸⁴. Однако это позволило сербам воссоединить свои земли. Официальное же признание этого факта было в значительной степени заслугой российской дипломатии. Всю весну и лето 1833 года А.П. Бутенев вел с Портой переговоры о документальном закреплении за Сербией уже присоединенных территорий. На аудиенции у султана граф А.Ф. Орлов также говорил

о необходимости скорейшего решения сербского вопроса в качестве своеобразной «платы» за действия российского флота против мятежного египетского паши. Таким образом, временное сближение России с Османской империей не отодвинуло «славянские дела» на второй план, но, напротив, послужило скорейшему окончанию некоторых из них,

В 30-е годы в Сербии оформилась оппозиция княжеской власти — уставохранители. Провозглашенная в 1835 году Сербская конституция — так называемый Сретенский устав — вызвала недовольство не только в Константинополе, но и в Петербурге. После европейских революций начала 30-х годов российские правящие круги усмотрели в принятии конституции опасную инициативу. Милош Обренович с готовностью отменил устав; в Сербию был отправлен российский представитель П.И. Рикман для составления нового устава, который был бы выдержан в духе Аккерманской конвенции и Адрианопольского договора⁸⁵. В 1838 году султан даровал Сербии новый устав, прозванный турецким, который утверждал олигархическую форму правления и устранял участие скупщины (высшего представительного органа власти) в решении государственных дел.

«Сербия и правитель ее князь Милош Обренович обязаны благосостоянием своим великодушному заступничеству Российской державы, — говорится в отчете МИД за 1838 год. — Но, к сожалению, когда сербы достигли предела многолетних своих желаний и когда оставалось им только воспользоваться в мире и тишине тем благодеянием, которое было им обеспечено российской державою, в то время князь Милош предался несбыточным мечтам о совершенной самостоятельности. В мечтах сих укреплял его еще более английский консул Ходжес...». Полковник Дж. Ходжес обосновался в Белграде в 1837 году, когда там было открыто английское консульство, Англия, не имевшая в Сербии непосредственных экономических интересов, заявила о необходимости защиты подданных короны (их насчитывались единицы!) в этом регионе. За год до того, в 1836 году, свое консульство в Сербии открыла Австрия. А Россия несколько запаздывала с учреждением своего дипломатического представительства в сербской столице: ее консульство открылось там лишь в феврале 1838 года, первым консулом стал бывший консул России в Молдавии Г.В. Ващенко. Однако к этому времени русско-сербские отношения заметно испортились.

Еще осенью 1833 года в Сербию со специальной миссией был отправлен полковник российской службы, флигель-адъютант барон Будберг. Он должен был напомнить князю и старейшинам о том, «что все дарованные им выгоды суть не иное что, как плоды российского оружия, что сохранение оных зависит единственно от России, а не от иного кого, и, наконец, что благодеяние их основано на безусловном исполнении по-

велений государя, а оные состоят в том, дабы правитель Сербии и народ пользовались оказанными им милостями и не завлекались далее новыми мечтательными притязаниями против государя своего». Будберг подчеркнул, что российское правительство «рассматривает Сербию лишь как владение, принадлежащее Оттоманской империи»⁸⁷, и советовал Милошу строить свои отношения с Портой в соответствии с вышесказанным.

Миссия Будберга была вызвана стремлением царского правительства «поставить на место» сербское руководство, которое, по мнению Петербурга, стало проявлять слишком большую самостоятельность. Заявления российского представителя свидетельствовали о неприкрытом вмешательстве России во внутренние дела Сербского княжества. Дальнейшее расширение его прав не входило в программу балканской политики царизма, что, конечно, не совпадало с интересами сербского руководства. Россия резко очертила границы дозволенного для Сербии, и это не могло не повлечь за собой роста противоречий между ними.

Заручившись поддержкой Англии против оппозиции, князь Милош постепенно отошел от ориентации на Россию. Английские представители не препятствовали монархическим устремлениям князя. Отечественные историки уже давно обратили внимание на своеобразный парадокс: Англия, страна с представительной системой правления, выступала в поддержку монархической власти в Сербии, тогда как самодержавная Россия на протяжении многих лет пыталась ограничить личную власть Милоша выборным органом — советом. Сербский историк Р. Люшич справедливо отмечает, что в данном случае борьба между двумя державами шла не за монархическую или представительную форму правления в Сербии, а за преобладающее влияние в княжестве⁸⁸. Действительно, российский двор больше устраивала такая форма власти в Сербии, когда князь, действовавший при поддержке английского и австрийского представителей, не мог бы принимать решения без их утверждения сенатом. Таким образом, российское правительство встало на защиту оппозиции — уставобранителей.

Период этот был непродолжительным. Когда в 1842 году уставобранители добились смены династии и возвели на престол Александра Карагеоргиевича, Россия признала этот акт незаконным. Сербия опять превратилась в арену борьбы великих держав: уставобранители и новый князь опирались теперь на поддержку Франции, которая первой после Турции признала новую власть в княжестве. Австрия, в свою очередь, также пыталась вытеснить Россию из региона своего традиционного влияния и одновременно не допустить усиления здесь позиций Англии⁸⁹.

После прихода к власти уставобранителей Россия утрачивает влияние в княжестве. Близорукая и нерешительная политика правительства

привела к дискредитации России как политической силы, способной содействовать развитию преобразований в Сербии. В 40-х годах произошел отход государственных деятелей Сербии от ориентации на бывшую державу-покровительницу. Не способствовала русско-сербскому сближению и деятельность российского консульства в Белграде. Не сложились отношения с князем у Г.В. Ващенко, на которого «возложена была обязанность делать Милошу приличные внушения»⁹⁰. Российское правительство не хотело понять, что время таких «внушений» безвозвратно ушло. В результате Милош приказал своим депутатам в Константинополе, чтобы они «уклонились от вмешательства российской миссии в дела Сербии, а придерживались английского посольства»⁹¹. Сменивший Ващенко генерал Левшин также пытался грубо вмешиваться во внутренние дела княжества, что привело к конфликту с лидером уставобранителей Ильей Гарашаниным. Прибывший на место Левшина в 1851 году консул Туманский, правда, несколько исправил положение, установив дружеские отношения с князем⁹². К этому времени Александр Карагеоргиевич стал больше прислушиваться к рекомендациям австрийского и русского представителей в Белграде. Однако доминирующее положение России в Сербии — районе еще недавнего ее наибольшего влияния — было утрачено.

После заключения Ункяр-Искелесийского договора произошло определенное сближение между Россией и Турцией. В 1833 году посольство Ахмед-паши выехало в Петербург для переговоров о ходе выполнения условий Адрианопольского мира. В 1834 году на основании Петербургской конвенции царское правительство «простило» Порте треть контрибуции и снизило в два раза сумму ежегодных выплат. Однако для того, чтобы заключенный договор «заработал», требовалось признание его правомочности со стороны западных держав. Российские власти были готовы привлечь к соглашению и другие европейские страны прежде всего для того, чтобы исключить возможность создания антирусского союза⁹³. При этом Россия должна была уступить часть своего единоличного влияния в Турции и Проливах, хотя ранее всегда стремилась улаживать свои отношения с Османской империей без чьего-либо вмешательства. Россия пошла на этот шаг, привлекая в союзницы Австрию, с одной стороны, ревниво следившую за русскими успехами на Ближнем Востоке, с другой — заинтересованную в дружбе с Петербургом.

В сентябре 1833 года, как уже говорилось, между ними была заключена Мюнхенгрецкая конвенция. По ее условиям стороны обязались поддерживать Оттоманскую империю. Секретная статья подразумевала, что «в случае ниспровержения современного порядка в Турции» обе державы должны действовать по обоюдному согласию. По словам К.В. Нессельроде, Мюнхенгрецкая конвенция обещала, что «во всех будущих замешательствах на Востоке мы будем видеть Австрию с нами, а не против нас».

«В ряду балканских народов, связанных с Россией единством не только веры, но и племени и узами глубокой, искренней, вековой привязанности, первое место занимают, бесспорно, черногорцы»⁹⁴, — пишет русский историк С.С. Татищев. В то же время он признает, что российская дипломатия на протяжении долгого времени мало учитывала интересы Черногории в планах своей балканской политики. Сама Черногория в исследуемый период считала себя независимым от Порты государством. Фактически так оно и было, хотя формально она оставалась частью Османской империи, а ее права и преимущества никакими русско-турецкими договорами не оговаривались. Черногория не имела собственных дипломатических представителей в европейских державах и иностранных миссий на своей территории. Постоянные пограничные конфликты с пашой Шкодринского пашалыка и Турцией, неурегулированный вопрос о границах с Австрией держали народ в напряжении, требовали постоянной мобилизации военных сил и средств на случай возможных вооруженных конфликтов.

В 1830 году после смерти Петра I Негоша власть перешла к Петру II. С этого же времени Россия возобновляет оказание регулярной денежной поддержки Черногории. Ей были выплачены суммы, задержанные с 1807 по 1825 год, а после поездки Негоша в Петербург эта помощь была увеличена. Укрепление политического веса России после заключения Ункяр-Искелесийского договора позволило ей больше интересоваться Черногорией и оказывать ей ощутимую финансовую поддержку, которая шла на учреждение органов государственной власти и закупку продовольствия, что было важно при частых неурожаях⁹⁵. Военной помощи черногорцам в урегулировании их пограничных конфликтов Россия оказать не могла и настоятельно советовала владыке Петру II сохранять мирные отношения с турками и австрийцами. С 1837 года российская денежная помощь Черногории была еще увеличена, расширились поставки церковных книг и утвари для черногорских церквей. Вместе с Негошем, вторично посетившим Петербург в том же году, в Черногорию был послан Я.Н. Озерецковский с миссией «узнать о нуждах черногорцев». Ряд современных югославских историков правомерно считают, что 1837 год был переломным в русско-черногорских отношениях: для России Черногория становится важной точкой опоры на Балканах, в то время как материальная и политическая поддержка, получаемая от великой северной державы, способствует развитию местных органов государственности⁹⁶. Насколько удачно шел процесс создания самостоятельного государства, можно судить по тому факту, что уже в договоре между Петром II и герцеговинским визирем Алипашой, заключенном в 1842 году, Черногория названа «независимой областью»⁹⁷.

Видимо, не случайно 1837 год становится переломным в русско-черногорских отношениях. Ведь именно с этого момента Россия начинает терять свои политические позиции в такой важной для нее балканской области, как Сербия, где в это время утверждается влияние Англии. Естественной реакцией российского правительства было нащупывание новой точки опоры на Балканах, которой и становится Черногория.

После смерти в 1851 году Петра II Негоша Россия признала преемником его племянника Данилу Станкова. Это признание помогло погасить начавшуюся в Черногории борьбу за власть и окончательно утвердить Данилу верховным правителем. В отличие от своих предшественников, он не захотел совмещать светскую и духовную власть и о своем решении не принимать духовного сана сообщал в послании в Петербург. Прибывшие оттуда наградные листы, письма и документы гласили о признании Данилы лишь светским князем, а Черногории — княжеством. Этот шаг отнюдь не улучшил отношений России с Австрией и Портой, но положительно сказался на дальнейшем политическом развитии самой Черногории. Провозглашение ее княжеством, отделение светской власти от духовной способствовали развитию институтов государственности, укреплению международного престижа княжества, правда, все еще не признанного таковым османскими властями.

С конца 30-х годов турецкое правительство начало проводить ряд преобразований, известных под названием реформ танзимата (буквально — «наведения порядка»), Гюльханейский хатт-и-шериф 1839 года провозгласил равенство перед законом мусульман и немусульман Османской империи, неприкосновенность жизни, чести и имущества всех подданных султана⁹⁸. Так, наряду с широко развернувшимся процессом национально-освободительной борьбы христианских народов Порты и сама сделала шаг навстречу преобразованию общества по капиталистическому пути, ослаблению национального и религиозного угнетения народов империи.

Немалые изменения происходили в отношениях России и Греции. 22 января (3 февраля) 1830 года Греция была провозглашена независимым государством, что явилось прямым следствием окончания русско-турецкой войны 1828–1829 годов. Хотя по Адрианопольскому договору 1829 года Греция получила лишь автономное управление, следующий шаг к ее независимости был сделан очень скоро. Однако лишь небольшой части греков удалось избавиться от иноземного гнета: Эпир, Фессалия, Крит, острова Эгейского моря остались под властью Турции, а Ионические острова — Англии⁹⁹. Западные державы выдвигали требования существенного территориального ограничения нового государства. На Лондонской конференции в феврале 1830 года граница от Арты до Вол о, установленная Адрианопольским миром, была отменена и часть гре-

ческих территорий возвращена Турции. Россия, со своей стороны, неизменно стремилась расширить эти границы, что ей не всегда удавалось. Длительного времени потребовало и решение вопроса о правящей династии в Греции. Европейские державы предлагали престол принцу Леопольду Саксен-Кобургскому, но получили отказ. До 1832 года эта проблема оставалась открытой и была урегулирована лишь после согласия несовершеннолетнего принца Оттона принять престол и корону.

Внутриполитическая жизнь Греции этого времени отмечена активной межпартийной борьбой. Различные общественные течения искали поддержки извне, у той или иной державы. Проанглийская группировка была представлена крупной торговой буржуазией и землевладельцами, профранцузская опиралась на буржуазию, прорусская включала участников освободительной борьбы, духовенство, крестьянство¹⁰⁰.

После избрания И. Каподистрии президентом Греции в 1827 году положение России в этой стране упрочилось. Однако конституционные устремления греческого общества, ясно обозначившиеся после Французской революции 1830 года, не могли получить поддержку российского правительства, что незамедлительно сказалось на престиже России в Греции. Смерть Каподистрии осенью 1831 года привела к еще большему политическому размежеванию общества. Несмотря на самоуверенное заявление К. В. Нессельроде, что «никакая комбинация, относящаяся до их отечества, не может состояться и упрочиться без согласия России», межпартийная борьба в Греции свидетельствовала о снижении русского влияния в стране¹⁰¹. После того как вслед за успешным наступлением на Навплию сторонников профранцузской ориентации брат убитого президента Августин Каподистрия вынужден был покинуть Грецию на русском корабле, Меттерних получил основания написать австрийскому послу в Петербурге: «Это, без сомнения, самый чувствительный удар, когда-либо нанесенный русской чести»¹⁰². Российское правительство попыталось упрочить свои связи с Греческим королевством, склоняя короля Оттона принять православную веру, но потерпело в этом неудачу.

Греческая революция 1843 года привела к установлению конституционной монархии. Профранцузские настроения в обществе усилились, что не могло получить одобрения российского самодержавия. Николай I считал, что революция в Греции может «зажечь пожар на всем Востоке», и решительно отказался от поддержки греков¹⁰³. Россия признала конституционную монархию в Греции лишь год спустя и уже не вмешивалась в англофранцузское соперничество за преобладание там. К этому времени относится рассуждение вице-канцлера К. В. Нессельроде о пагубности попыток добиться каких-либо перемен в общественной жизни революционным путем, имевшее прямую проекцию на движение турецких христиан. Россия вызвалась даже «честно поддержать Порту в уси-

лиях ее к усмирению своих мятежных подданных». Неприятие процесса преобразований в Греческом государстве, отстаивание принципов, принятых Священным союзом еще 25 лет назад, свидетельствовали о приоритете застойных, консервативных настроений в российских правящих кругах. Это и послужило причиной очередного провала политики России в Греции, которая во многом была обязана своей независимостью именно России и поначалу строила дальнейшие политические планы при опоре на помощь единой державы.

В первой половине XIX века некоторые регионы Балкан еще оставались для России своего рода «закрытыми зонами». Такой являлась Болгария, с одной стороны, в силу негласного признания российским правительством определенной «законности» ее принадлежности Турции, с другой — из-за неразвитости в это время социально-политической жизни в самой Болгарии. Но и здесь уже в 30–40-х годах появилась тенденция к развертыванию национально-освободительной борьбы против османского засилья. Заговор Велча Атанасова в 1835 году в Тырновском округе преследовал цель политического преобразования Болгарии в автономное княжество по примеру соседних балканских народов¹⁰⁴. Это же требование выдвигалось в ходе целого ряда восстаний в Болгарии в начале 40-х годов. Одновременно в России под влиянием общественного мнения созревала мысль о необходимости оказания помощи болгарскому народу. В начале 50-х годов попытки создания автономии в Болгарии уже определенно связывались с Россией, от болгар поступило несколько прошений о заступничестве перед Портой и о включении в русско-турецкие соглашения статей об автономии Болгарии¹⁰⁵. Этому способствовал, в частности, рост численности болгар — питомцев русских школ, возвратившихся на родину и положивших начало новому этапу культурно-просветительской деятельности¹⁰⁶. И все же в русской политике на Балканах в исследуемый период Болгарии уделялось сравнительно мало внимания.

Свидетельством ослабления русского влияния на Балканах стала постепенная утрата связей между Россией и Дунайскими княжествами. Они издавна играли особую роль во внешнеполитических планах Петербурга, чему способствовали их близость к границам России, стратегическое значение, а также исторически сложившееся тяготение молдаван и валахов к державе, поддерживавшей их национально-освободительную борьбу против засилья Порты. По Адрианопольскому миру 1829 года княжества получили гарантии автономного устройства — «народное независимое управление и право беспрепятственной торговли»¹⁰⁷. Во главе каждого из княжеств стоял господарь, наделенный правом управления с неограниченным сроком. Хотя княжества продолжали выплачивать Порте определенные суммы налога, бесконтрольные продовольственные поборы Турции были отменены¹⁰⁸.

После окончания Русско-турецкой войны 1828–1829 годов русские войска остались на территории княжеств. Во главе управления в Молдавии и Валахии был поставлен генерал П.Д. Киселёв, который возглавил русскую администрацию княжеств. Под его руководством разрабатывались и вводились в жизнь «органические регламенты» — первые конституции Молдавии и Валахии.

В 30-х годах влияние России на внутреннюю жизнь княжеств еще оставалось преобладающим. Российские власти взялись осуществить в княжествах серию реформ, способствовавших некоторому развитию буржуазных отношений и укрепивших позиции местного крупного боярства. Проведение этих реформ служило расширению прав землевладельцев, что вело к усилению гнета молдавского и валашского крестьянства. Все же земельная реформа способствовала развитию земледелия, и в скором времени княжества стали крупнейшими экспортёрами зерна в Европе. Один из видных национальных государственных деятелей Молдавии, М. Когэлничану, писал в 1837 году: «Все нас связывает с Россией. Она наша мать. Прошли те времена, когда мы могли сами защищаться против турок, поляков, венгров и татар. Мы слишком слабы, мы ничего не можем без России, которая всегда была нашей благодетельницей, которая вернула нам наши свободы, снова вписала нас в ряды наций и дала нам ту небольшую цивилизацию, которой мы обладаем»¹⁰⁹. Однако приходится признать, что во время, к которому относится данное высказывание, общественное мнение в княжествах было отнюдь не однородным.

Большой личный вклад в дело реформирования княжеств внес П.Д. Киселёв. Как полномочный представитель диванов с 1829 по 1834 год, он старался уделять внимание разным аспектам общественной и хозяйственной жизни Молдавии и Валахии. При нем были приняты действенные меры борьбы с болезнями и голодом, по благоустройству городов, учреждению полицейской и почтовой служб. Киселёв склонялся к достаточно распространенной в русском обществе точке зрения о желательности присоединения княжеств к России. Однако российские официальные круги не разделяли его мнения. Правда, в 1830 году вице-канцлер К.В. Нессельроде высказал мысль о желательности объединения княжеств, что должно было послужить их консолидации и созданию гарантий против вмешательства Турции в их внутренние дела. Периодически идеи объединения возникали в среде боярства и в самих княжествах. Это проявилось, например, в 1848 году, когда группа валашских бояр во главе с А. Филипеску выступила с предложением объединить княжества и провозгласить их королем члена российской императорской семьи. Но в своем большинстве боярство выступало против реформ, искало в этом поддержки Порты, и идеи объединения или присоединения к России не получили в то время широкого распространения.

После поражения Турции в войне 1828–1829 годов ее позиции в княжествах оказались сильно подорванными. Основными соперниками России в борьбе за влияние в Молдавии и Валахии были Англия и Франция. Со второй половины 30-х годов британская буржуазия широко развернула торговое наступление на балканские провинции Османской империи. В 1837 году был заключен англо-турецкий торговый договор, который предоставлял британской буржуазии право экономического завоевания Балкан. Российские государственные деятели, по словам исследователя В.Н. Виноградова, «не могли понять, что капитал может подчинить себе даже страны, которые формально сохранили государственную независимость»¹¹⁰. Экономические связи России с княжествами оставались ничтожными. Между тем внешняя торговля стала решающим фактором дальнейшего развития хозяйства княжеств и сыграла основную роль в переориентации внешнеполитических связей и симпатий молдавского и валашского обществ.

В 1834 году П.Д. Киселёв вернулся в Россию, а русские войска покинули княжества. К этому времени нарождавшаяся буржуазия, либерально настроенная молодежь и интеллигенция княжеств все больше подпадали под влияние Франции. В Галаце было учреждено французское консульство, возникли французские торговые дома. В 1842 году французы построили в Яссах паровую мельницу, лесопильный завод¹¹¹. Продукция этих предприятий вывозилась во Францию. Открывались французские школы. Революционные идеи этой страны привлекали передовые общественные силы княжеств, где в среде образованных людей постепенно установился культ всего французского. Французское правительство поощряло выступления бояр против местного правительства, а значит — против России.

* * *

Подведем итоги. Политика России на Ближнем Востоке и на Балканах в 30–40-х годах XIX века была отмечена острым драматизмом. Это и достижение высшей точки влияния России в Турции, которое было закреплено Ункяр-Искелесийским договором 1833 года, и начавшееся отступление, приведшее к подписанию Лондонских конвенций 1840–1841 годов. Последние ликвидировали преимущественное положение России в Османской империи и сыграли немалую роль в завязывании новых узлов международных конфликтов на Ближнем Востоке. Именно в это время как никогда ярко проявилась двойственность политики России на Балканах. С одной стороны, только она выступала в качестве державы, оказывавшей поддержку освободительным движениям православных народов Балкан, с другой — непоследовательность и консерватизм политики Петербурга не позволяли этой поддержке проявиться

ся в полной мере, что вело к замедлению освободительных процессов в регионе и разочарованию национальных балканских правительств и движений, рассчитывавших на получение более действенной помощи от России. Однако нельзя сбрасывать со счетов ту прогрессивную роль, которую сыграла Россия в процессе освобождения народов Балкан от диктата Порты и которая объективно проявилась в дальнейшем в годы обретения балканскими народами подлинной независимости.

Глава VIII. Политика и дипломатия России в последние годы венской системы

1. Восточный кризис 1839–1841 годов и русско-английское сближение. В преддверии революций 1848–1849 годов

Четвертое десятилетие XIX века ознаменовалось бурными проявлениями тех политических сил, которым суждено было в конечном счете похоронить европейский порядок, покоившийся на трактатах 1814–1815 годов. Тяжелым испытанием для «венской системы» явились революции 1848–1849 годов, вскрывшие целый ряд международных и межгосударственных противоречий, развивавшихся внутри нее. Континентальные державы Западной Европы, в том числе и оба партнера царской России по консервативному альянсу — Пруссия и Австрия, вышли из революционной купели в той или иной степени преобразившимися. Весьма существенные сдвиги произошли в их государственных организациях, новые персонажи, более чувствительные к веяниям времени, сменили последних приверженцев принципов легитимизма у кормила власти. Национальные или псевдонациональные, подчас более чем амбициозные, задачи выдвинулись на первый план в политике многих европейских государств, предвещая основательную перекройку европейской политической карты, суровую борьбу за лидерство на континенте, новые конфликты и войны. Россия тоже не осталась в стороне от этого движения, хотя и не претерпела никаких изменений в своем внутреннем устройстве. Принятый Петербургом впоследствии курс ближневосточной политики, приведший его к войне, свидетельствовал, что прилипчивый и лукавый «дух времени», смущал главного защитника статус-кво в Западной Европе картинами из «времен очаковских и покоренья Крыма».

Два года революционных потрясений и бурного выяснения отношений в европейском сообществе стали своего рода водоразделом между двумя периодами европейской истории. За это время не только обозначился ряд новых линий в международных делах, но было прервано и немало старых. Примечательно, что предреволюционные годы для Европы выдались сравнительно спокойными. Во всяком случае, первых вестников революционной грозы она встретила в состоянии относительного затишья. Нельзя назвать это время совсем бесконфликтным, но

в отношениях России с западноевропейскими державами оно, пожалуй, стало именно таковым. Этот период был отмечен преобладанием в российской политике умеренной «космополитической» тенденции и полезными со всех точек зрения трудами царской дипломатии по упорядочению экономических связей империи с внешним миром. Серия торговых договоров и соглашений, заключенных Россией в 1842–1846 годах, свидетельствует о весьма высокой продуктивности этой работы.

Эта «идиллия», разумеется, сама по себе была достаточно хрупкой и основывалась на зыбком фундаменте. Конец ее по некоторым признакам прорисовывался еще до революционной волны, а у истока лежал второй египетский кризис 1839–1841 годов, приведший к радикальному урегулированию конфликта между Портой и Мухаммедом Али. Держава, которую тот сумел создать, формально оставаясь вассалом падишаха, была ликвидирована по воле большинства членов европейского ареопага и с применением вооруженных средств в виде бомбардировки Бейрута английской эскадрой и высадки корпуса австрийской пехоты в зоне конфликта. Египет, оставленный во владение паше и его потомкам, надолго потерял значение как самостоятельная сила на Ближнем Востоке. Европейской дипломатии удалось таким образом развязать узел международных противоречий, которыми успела обрасти турецко-египетская распря. Само разбирательство из-за несогласия Франции с методами умиротворения своего ближневосточного протекже также не обошлось без эксцессов. Однако в конце концов в политике всех членов пентархии возобладали примирительные тенденции.

Царская дипломатия, в отличие от армии и флота, приняла активное участие в «замирении Леванта». Для того чтобы получить такую возможность, Петербургу пришлось отступить с позиций, которые он ранее весьма упорно отстаивал. С самого начала ближневосточного конфликта царское правительство отвергало всякие предложения насчет коллективного вмешательства в него европейских держав. Последний раз Николай I расстроил созыв дипломатической конференции по этому поводу в разгар событий на Ближнем Востоке. Тогда османские войска, выступившие в конце апреля 1839 года против Мухаммеда Али, чтобы по меньшей мере отвоевать Сирию и Киликию, уже потерпели сокрушительное поражение, турецкий флот без боя сдался паше, а главный зачинщик этого предприятия султан Махмуд II скоростижно скончался. В это время в Петербурге уже готовы были согласиться на участие в высоком дипломатическом собрании для решения столь обострившейся проблемы, но царя и Нессельроде не устроили место его проведения (Вена) и предполагавшаяся повестка дня, «услужливо» сообщенная им тюльрийским кабинетом¹. Особенно не понравились петербургским друзьям Блистательной Порты проекты постановления

предполагавшейся конференции относительно общих гарантий целостности Османской империи. Нессельроде усмотрел в них зародыш тройственной англо-франко-австрийской комбинации, направленной против России и лишь «придуманной будто бы в пользу Турции»².

За участие в столь предосудительных сношениях с западными союзниками князь Меттерних был лишен возможности осуществить свою давнишнюю мечту о проведении в Вене еще какого-нибудь дипломатического форума, на котором он заранее отводил себе главную роль. Предопределенный многими обстоятельствами отход от прежней политики в восточных делах Петербург предпочел осуществить по намеченному им самим маршруту. Местом для обсуждения условий прекращения турецко-египетской распри был избран Лондон, главным партнером на переговорах — сент-джеймский кабинет. Намеченные персонально императором для барона Ф.И. Бруннова, отправленного по этому случаю в британскую столицу, ориентиры указывали на грядущее падение державы Мухаммеда Али и расстройство «сердечного согласия».

Нельзя сказать, чтобы далее все происходило по составленному в Петербурге сценарию и тем более в соответствии с личными желаниями Николая. Коррективы в замыслы последнего внесли свои же люди — граф Нессельроде и его подчиненные, старавшиеся выразить волю своего чересчур пылкого государя в как можно более дипломатичной форме. Для достижения намеченных целей им понадобилась впечатляющая демонстрация «уступчивости, умеренности и постоянного бескорыстия»³.

Главная «жертва» на алтарь согласия с Британией была, впрочем, определена в Петербурге с самого начала. Иницируя осенью 1839 года лондонские переговоры, царское правительство обещало британскому партнеру не возобновлять Ункяр-Искелесийского договора, срок действия которого истекал в 1841 году. В литературе часто можно встретить утверждения, что петербургский кабинет просто отказался от него, не дожидаясь истечения этого срока⁴. Однако русско-турецкий оборонительный союз, хотя и влачил уже совершенно призрачное существование, формально сохранялся в силе даже после заключения в июле 1840 года в Лондоне желаемого царской дипломатией соглашения, поскольку никаких специальных постановлений насчет Ункяр-Искелесийского акта никем и нигде не принималось и ни Турция, ни Россия его не денонсировали.

По поводу данной уступки Петербурга при желании можно написать целый трактат. Она отличалась таким же своеобразием, как и сам упомянутый договор.

Предлагая Лондону положить конец турецко-египетской распри, царское правительство могло бы вообще не упоминать об этом детище политики «сохранения слабого соседа». Его скорое погребение при

успешном решении дела было практически неизбежным. Угроза, исходившая для Османской империи от разросшейся державы Мухаммеда Али, составляла непереносимое условие существования русско-турецкого союза. С устранением этой опасности у Порты пропадало всякое желание сохранять за царизмом и дальше его «привилегированное положение» в Константинополе, которое серьезно осложняло ее отношения с западными кабинетами.

В Форинофисе это прекрасно понимали. Там преувеличивали возможности России в другом отношении. Говоря словами Пальмерстона, британские министры опасались, что после поражения турецких войск «русские бросятся султану на помощь, русский гарнизон займет Константинополь и Дарданеллы, а заняв такие позиции, русские никогда их не покинут»⁵. В Петербурге иначе оценивали ситуацию, и согласно российской оговорке насчет возобновления Ункяр-Искелесийского акта в случае провала переговоров русско-турецкий союз представлялся более живым и здоровым, чем он был на самом деле. Нессельроде в докладе царю писал по этому поводу, что Россия в любом случае «не могла рассчитывать с большим вероятием на успешное возобновление договора, который Порты... под влиянием представлений и угроз морских держав никогда не решилась бы заключить вновь»⁶.

Впоследствии это замечание прямо или косвенно не раз ставилось под сомнение разными авторами. Несколько десятилетий спустя после данных событий один горячий поклонник «самостоятельной политики на Востоке» сурово осудил Нессельроде за отказ «привести в исполнение Ункяр-Искелесийский договор», когда для этого «настало время»⁷. Похоже, однако, что это время так никогда и не наступило.

Прежде всего «условий» для «исполнения» договора не создали сами конфликтующие стороны, которых критики царской дипломатии обычно совсем не принимали в расчет. Напав на Мухаммеда Али первым, султан уже во многом предрешил дальнейшую судьбу русско-турецкого союза. Ясно, что в таком предприятии царь мог оказать ему военную помощь, только выйдя за рамки Ункяр-Искелесийского договора, носившего сугубо оборонительный характер. Однако, даже если Николаем овладело бы подобное безрассудное желание, это еще не гарантировало появления русской пехоты где-нибудь на берегах Евфрата. Порты, хотя и делала порой намеки царскому правительству на преобразование их союза в наступательный, вместе с тем совсем не желала призывать русские войска даже для защиты Константинополя, совершенно справедливо опасаясь оказаться в этом случае «жертвой европейского соперничества»⁸. Соответствующие внушения западных кабинетов на сей счет не были пустым звуком. Несомненно, прав был французский дипломат Дезаж, когда говорил, что прямого единоличного вмешательства любой

из великих держав в конфликт другие, «защищая принципы цивилизации», не допустят⁹.

Поражение турок не прибавило России возможностей для выполнения своих союзных обязательств. Праздновавший победу противник султана не вышел за пределы, очерченные ему в 1833 году. Порта, со своей стороны, даже непосредственно после разгрома при Низибе, когда ситуация была неясна и в Константинополе царил паника, от призыва царских войск в зону Проливов воздержалась.

Готовность османских сановников в тот момент (июль 1839 г.) к самым серьезным уступкам Мухаммеду Али открывала, казалось бы, перед Петербургом определенную возможность продолжить прежний курс «самостоятельной политики». Добившись с помощью «добрых услуг» прямого турецко-египетского соглашения, в какой-то мере восстанавливавшего нарушенное хрупкое равновесие между ближневосточными противниками, царское правительство еще могло рассчитывать на реанимацию союза с Портой. Однако для этого российской дипломатии как минимум требовался партнер из европейской пентархии, который имел бы влияние на египетского пашу. Таковым, правда, при несколько ином характере отношений между двумя странами могла бы стать Франция. Несмотря на то что «привилегированное положение» России в Стамбуле и интересы Франции в Египте совсем нелегко сопрягались между собой, некоторые предпосылки для русско-французского сближения все же имелись. Парижский кабинет еще в середине 1838 года давал понять царскому правительству, что Франция придает куда меньшее значение, чем Англия, борьбе с «российским превосходством» в Константинополе¹¹¹. Серьезной помехой для налаживания сотрудничества или по крайней мере синхронных действий дипломатий двух стран в «египетском вопросе» служила глубокая антипатия российского самодержца к режиму Луи-Филиппа.

Русско-французская комбинация, разумеется, вовсе не гарантировала долгой жизни русско-турецкому союзу. В известном смысле слишком явное сближение между Россией и Францией даже было противопоказано ему, поскольку в Константинополе отнюдь этого не жаждали, и реакция турок на такое сотрудничество могла идти вразрез с российскими интересами. Лондон да и Вена в любом случае постарались бы вмешаться в дело урегулирования турецко-египетской распри, и вопрос о гарантиях, способных предупредить очередной кризис того же рода, возник бы практически неизбежно. Тем не менее сближение с Парижем могло бы дать царскому правительству какие-то призрачные шансы на спасение своей оборонительной постройки. Оно разбило бы единый строй западноевропейских держав, ратовавших за коллективное вмешательство в ближневосточный конфликт. Однако в разгар событий думать об этом было уже поздно.

В критический момент западные союзники дружно приняли меры для «сдерживания» России. Париж проявил в этом деле даже большее рвение, чем Лондон. По инициативе маршала Сульта, возглавлявшего тогда французский кабинет, были приняты инструкции командующим средиземноморскими флотами двух держав, предписывавшие им с согласия, а в крайнем случае даже и без согласия, падишаха ввести свои корабли в Мраморное море, если там появятся русская эскадра и войска. Характерно, что лорд Пальмерстон предлагал потребовать от Порты «разрешения вступить в Дарданеллы лишь в том случае, если бы русские войска и флот, заняв Босфор, не удалились оттуда по отступлении египетской армии из Малой Азии»¹¹. Тюильрийский кабинет поспешил довести до сведения царского правительства содержание этих принятых во французской редакции инструкций.

Для Нессельроде такое сообщение послужило лишь дополнительным доказательством того, что российская «самостоятельная политика на Востоке» заходит в тупик. Действительно, Петербургу уже было совершенно нечего противопоставить предложению западноевропейских кабинетов о коллективном посредничестве в ближневосточном конфликте. Порта могла согласиться на такое вмешательство вне зависимости от того, присоединился бы к нему ее северный союзник или нет. Лучшего выхода из сложившегося положения у нее все равно не было. Париж сделал ставку на изоляцию России и, пока она оставалась на «самостоятельной» стезе, вполне мог рассчитывать на сотрудничество с Лондоном и благоприятное для своего ближневосточного протезе урегулирование конфликта. Сообща морские державы вполне способны были привести враждующие стороны к примирению, как могли бы это сделать при иных обстоятельствах и Россия с Францией. Только соглашение, достигнутое с помощью западных союзников, уже не сулило бы царскому правительству никаких выгод. Путей к реанимации русско-турецкого союза, таким образом, не просматривалось.

Отказ Петербурга от возобновления Ункяр-Искелесийского договора не столь уж высоко оценивался и британскими министрами, Его не хватило и для настоящей «затравки» русско-английских переговоров. Первый их раунд оказался безрезультатным. Решающее значение в этом отношении имело принятие царем в конце 1839 года плана западных держав относительно «обращения Мраморного моря в rendez-vous всех союзных эскадр»¹².

Продолжая демонстрировать «умеренность» и «бескорыстие», Николай согласился с тем, чтобы в защите Константинополя и зоны проливов, коль скоро возникнет такая необходимость, вместе с русским флотом и войсками приняли участие корабли всех великих держав, которые пожелают участвовать в соглашении.

Согласно подписанной полгода спустя первой Лондонской конвенции, компанию русскому воинству должны были составить английские и австрийские суда. Эта уступка имела, конечно, куда большую значимость, чем главная «жертва» петербургского кабинета, хотя в *rep-dez-vous* так и не возникло надобности. Утвержденный таким образом на бумаге паритет европейских стран в прохождении Проливов фактически во время кризиса был соблюден на иной основе: они остались недоступными для обеих сторон. Согласившись на участие флотов других держав в операции, Россия формально поступилась своим «привилегированным положением в Проливах», опиравшимся, впрочем, на весьма зыбкую основу — на дух (или толкование) еще формально действовавшего тогда Ункяр-Искелесийского акта. Согласно его букве, Дарданеллы вовсе не были столь уж непроходимыми со стороны Средиземного моря: их закрытие султаном «было обусловлено войною России с другою державою»¹³.

После условной сдачи петербургским кабинетом этой позиции в деле наступил перелом. Французский король, по сообщениям российского представителя в Париже, «был в восторге» оттого, что царь согласился в случае надобности допустить в Мраморное море среди прочих и французскую эскадру¹⁴. Однако Луи-Филипп радовался преждевременно. Делая такое, в тот момент еще весьма «теоретическое» допущение, Петербург снял последнюю препону, мешавшую западным союзникам по-настоящему выяснить отношения между собой по главному разделявшему их вопросу — о пределах и статусе владений Мухаммеда Али в Азии.

Французская дипломатия, предчувствуя надвигающуюся изоляцию, предприняла попытку добиться прямого соглашения между султаном и пашой. Стараясь обеспечить своему протезе наследственное владение Сирией и Критом, теперь уже Париж, в сущности, делал то, за что ратовали в Петербурге, стремясь предотвратить обострение ближневосточного конфликта, и против чего не протестовали еще летом 1839 года. Французы, пытаясь спасти таким образом державу Мухаммеда Али, пугали, правда, османских сановников угрозой «русского военного вмешательства»¹⁵. Вместе с тем Тьер, занявший в начале 1840 года место премьера, объявил во французском парламенте, что старания его предшественника по «сдерживанию» России были пустой тратой времени.

Нельзя сказать, чтобы в российской столице никак не отреагировали на эту очередную «смену вех» в поведении тюильрийского двора. Граф Нессельроде, по свидетельству его супруги, вообще «был очарован речью Тьера»¹⁶. В письме своему любимцу П.И. Медему (тогда поверенному в делах в Париже) вице-канцлер отмечал, что французский премьер — «единственный человек, который понял и хорошо определил политику России» и «настоящим образом оценил пошлую болтовню

относительно так называемых наших видов на Константинополь». Из Петербурга последовали заверения в «отсутствии у русского правительства намерений изолировать Францию»¹⁷.

Однако дальнейшие действия царской дипломатии едва ли соответствовали этим заверениям. Причиной тому было не только желание царя непременно увидеть «короля баррикад» в «униженном положении» и радикально «усмирить» зарвавшегося египетского деспота. На общих переговорах, развернувшихся в Лондоне, да еще в присутствии на них, хотя бы и формальной, турецких представителей, царская дипломатия не могла бы даже при большом желании (коего на деле, правда, не было) сколько-нибудь явно оказывать поддержку претензиям противника Порты и его европейского покровителя. Это противоречило бы собственным интересам петербургского кабинета, при любом исходе желавшего сохранить свою долю влияния в Константинополе. Для него объективно не было большой разницы между «английским» и «французским» вариантами решения египетского вопроса. Ситуация на Ближнем Востоке в любом случае ставилась бы под совместный контроль европейских держав. Это исключало возможность заключения с Портой двусторонних соглашений, подобных Ункяр-Искелесийскому.

От активного вмешательства в англо-французскую дискуссию о принадлежности Сирии Петербург воздержался. «Строго говоря, — писал Нессельроде в феврале 1840 года, — мы находимся вне этого вопроса. Мы совершенно не главные актеры... Спор происходит не между Францией и нами, но между Англией и Францией»¹⁸. «Дадим им время поспорить и побороться друг с другом»¹⁹, — вторил своему шефу посланник в Лондоне Бруннов. Полной отстраненности от участия в «чужом» деле российской дипломатии, конечно, достичь не удалось. Николай выказывал нетерпение и понуждал своих слуг подталкивать британское правительство к разрыву со своим «сердечным» другом. Однако главной ответственности за последовавшую изоляцию Франции петербургскому кабинету, похоже, удалось избежать. Во Франции да и в самой Британии ее возложили на правительство вигов, возглавляемое лордом Мельбурном, которое по окончании кризиса было отправлено в отставку.

Разрыв между западными союзниками «документально» засвидетельствовала первая Лондонская конвенция, подписанная 15 июля 1840 года Англией, Австрией, Россией, Пруссией и самой Турцией. Помимо условий, непосредственно касавшихся пресечения турецко-египетской распри, она содержала статью о закрытии черноморских проливов для всех иностранных (нетурецких) военных кораблей, пока Порты находится в состоянии мира. Это положение вошло в соглашение по инициативе российской стороны, которая рассчитывала обрести таким образом некую гарантию безопасности своего Черноморского побере-

жья. Дальнейшее развитие эта статья получила уже во второй Лондонской конвенции, заключенной годом позже и воззвратившей Францию в лоно «европейского концерта».

За такое закрытие Босфора и Дарданелл Нессельроде и К° подверглись резкой критике историками и публицистами национал-патриотического направления еще в пореформенной России. Особенно много нелестных слов в их адрес было высказано в конце прошлого — начале нынешнего столетия, когда в известной части российского общества были распространены мечтания об утверждении владычества над проливами и временами действительно возникала надобность проводить через них корабли Черноморской эскадры. Не менее суровому осуждению за это свое творение подверглась царская дипломатия и в советской историографии. Главные аргументы обвинения гласили: соглашения 1840–1841 годов не уберегли и не могли уберечь юго-западные пределы империи от нападения англо-французского флота и войск во времена Крымской войны и вместе с тем создали «прецедент вмешательства неприбрежных государств в решение вопросов, связанных с Черным морем»²⁰.

Однако действиям петербургского кабинета нетрудно найти оправдание. Он был весьма ограничен в выборе решений проблемы. На возобновление союзных договоренностей 1833 года с Портой, как уже отмечалось, царскому правительству рассчитывать не приходилось, а никакими другими двусторонними актами между Турцией и Россией режим проливов для военных судов не регулировался и регулироваться не мог. В истории русско-турецких отношений союзных соглашений такого рода было, как известно, три (два из них относились к 1799 и 1805 гг.), и общий срок их действия составил 15–16 лет. Все прочее время султан мог по своему усмотрению распоряжаться Босфором и Дарданеллами и, естественно, предпочитал держать их закрытыми для иностранных военных кораблей, хотя и допускал единичные нежелательные для российских властей проходы такого рода в Черное море. В этом и заключалась наиболее реальная — но нельзя сказать лучшая по тем временам — альтернатива принятым в 1840–1841 годах международным обязательствам относительно проливов. Эти соглашения по крайней мере исключали возможность непрошенных визитов к черноморским берегам.

Лондонские конвенции фиксировали фактически сложившееся ко времени их заключения положение вещей, которое явно не имело тенденции измениться в пользу России. От установленной Ункяр-Искелесийским договором возможности повторного появления русского флота в Мраморном море по призыву султана до ее реализации, как оказалось, пролегли «дистанции огромного размера». Дарданеллы, на прохождение которых договор формального права Черноморской эска-

дре и вовсе не давал, были заперты для нее как никогда ранее, поскольку за ситуацией пристально следили западные дипломаты в Константинополе, а у входа в пролив с противоположной стороны периодически курсировали британские и французские корабли. Едва ли Лондонские конвенции 1840–1841 годов закрывали для России выход в Средиземное море намного прочнее.

С другой стороны, соглашения о проливах в сочетании со взвешенной политикой в восточных делах, которой придерживалось царское правительство в 40-х годах, во всяком случае, не хуже обеспечивали безопасность соответствующих территорий империи, чем это делал Ункяр-Искелесийский договор, само наличие которого, не дав России сколько-нибудь устойчивого преобладания в Константинополе и порождая конфронтационные ситуации в отношениях с западными державами, заключало в себе немалую потенциальную угрозу Черноморскому побережью.

Создание Лондонскими конвенциями «прецедента вмешательства» в дела, касавшиеся Черного моря, едва ли имело существенное значение, поскольку никаких таких вопросов, помимо того же режима проливов, в русско-турецких отношениях не существовало. Режим их для торговых судов определялся двусторонними соглашениями Порты со всеми торгующими в регионе странами. В отношениях России с западноевропейскими державами этот вопрос не являлся дискуссионным. Россия, как и все ее коммерческие партнеры, была заинтересована в самом свободном прохождении проливов любыми «купцами», поскольку ее черноморская торговля велась преимущественно на иностранных судах. При решении вопроса о «нейтрализации» Черного моря, возникшего уже в результате Крымской войны, прецедент закрытия проливов для военных судов в конечном счете оказался на руку Петербургу. Чтобы лишить Россию военного флота и крепостей на этом море, державам-победительницам такого рода прецедент был совершенно не нужен, российской же дипломатии он помог по крайней мере вновь закрыть доступ в «нейтрализованные» таким образом воды для флотов «неприбрежных государств».

Период между подписанием двух Лондонских конвенций был наполнен событиями, о которых вкратце упоминалось выше. Заключение первой из них сопровождалось весьма интенсивными вооружениями и милитаристской шумихой во Франции. На запланированные в Лондоне принудительные меры против египетского паши Париж грозил ответить акциями, далеко выходящими за пределы ближневосточного региона. Берлинский и венский дворы при поощрении и даже понуканиях Петербурга также принялись было за военные приготовления. Сам Николай I от объявления мобилизационных мероприятий воздержался, чтобы, как

это объяснялось австрийскому правительству, излишне не накалять обстановку²¹.

Нужды в этом действительно не было. В Германии и особенно в прусских владениях угрозы Парижа оккупировать Рейнскую область вызвали нечто вроде патриотического подъема. Британское правительство выказывало решимость бороться со своим «сердечным» другом самыми крайними средствами. Воинственные заклинания Парижа, помимо его воли и желания, извлекали из небытия призрак Четверного союза. Дело, однако, обошлось без материализации духов прошлого. В решающий момент Луи-Филипп отступил, убрав со сцены Тьера, уже наводившего «ужас на дипломатию»²², и поделив принадлежавшие ему портфели премьер-министра и министра иностранных дел между Сультом и Гизо, призванными демонстрировать более примирительные намерения. «Усмирение» Мухаммеда Али благодаря этому не стало для новоявленных союзников серьезной проблемой,

В литературе, посвященной кризису 1839–1841 годов, не раз высказывалось мнение, что царское правительство уронило в глазах Порты свой авторитет, не приняв участия в вооруженных акциях против египетского правителя, и что британский партнер по переговорам не допустил «его военного вмешательства в конфликт»²³. Однако военные демонстрации едва ли можно считать столь уж совершенным средством поддержания российского влияния в Константинополе, а в том, что царскому правительству тогда не довелось прибегнуть к этому средству, не было большой заслуги лорда Пальмерстона. Повторный «прыжок» к Константинополю русских войск не состоялся главным образом «по вине» Мухаммеда Али и его военачальников, которые так и не создали потребной для этого угрозы османской столице. Мысль об участии в «прогулке» к ливанским берегам в Петербурге, похоже, отвергли. Царь вроде бы даже «наотрез отказался согласиться на такую комбинацию», не желая возбуждать «подозрительность английского правительства»²⁴. Венский двор, которому было предложено отрядить своих солдат для экспедиции в Сирию, отнюдь не горел таким желанием и легко мог уступить это «право» царскому правительству. Таким образом, возможности навязаться Лондону в компаньоны по данной операции у Петербурга имелись, и немалые.

Воздержаться от их использования царя побудило, очевидно, не только нежелание подогревать чью бы то ни было «подозрительность», но и внутренние обстоятельства, которые никак не располагали к дорогостоящим «морским прогулкам». Как раз на 1839–1841 годы пришлась серия неурожаев во многих областях России, вызвавшая нечто вроде финансового кризиса и даже вынудившая власти несколько урезать военные расходы и сократить армию²⁵. Вероятно, эти затруднения, служа

императору лишним аргументом в пользу «умеренности» и «уступчивости», повлияли также и на подход Петербурга к проблеме формального возвращения Франции в «европейский концерт».

Согласно едва ли не общепринятой в историографии точке зрения, царское правительство такому возвращению активно сопротивлялось, желая как бы увековечить дипломатическую изоляцию июльской монархии и мечтая о присоединении Англии к консервативному альянсу трех северных дворов. Однако имеется и почти прямо противоположное мнение на сей счет. Его придерживается американский исследователь Г. Н. Ингл, утверждавший в своей работе по истории русско-английского сближения 40-х годов, что Нессельроде, в отличие от своего государя, вообще «с самого начала» как бы планировал восстановление «полного концерта». Реальной целью петербургского кабинета, согласно этой версии, являлось преодоление того рода противостояния между блоками великих держав, и прежде всего между морскими державами и Россией в восточных делах, которое имело место в 30-е годы и сулило последней «нарастание изоляции и напряженности». Эта, по выражению Ингла, «проблема биполярности» была решена российской дипломатией главным образом за счет сближения с Англией. Формальное же возвращение Франции в ряды пентархии по выходе из кризиса служило своего рода средством фиксации нового состояния «европейского равновесия», при котором «биполярности» уже не наблюдалось²⁶.

На деле все выглядело не так стройно. Установить, хотел ли Нессельроде такой фиксации «с самого начала», не представляется возможным. Зато хорошо известно, что царь, по выражению самого Ингла, «праздновал изоляцию Франции»²⁷ и был не прочь поддержать Луи-Филиппа в «униженном положении» как можно дольше. В то же время у Николая I наличествовали и кое-какие надежды на возрождение системы Четверного союза. Такого рода императорские умонастроения нашли отражение в некоторых реальных шагах, в частности в беседах самого царя с британским послом в Петербурге Клэррикардом по поводу средств предупреждения «французской опасности» в будущем. Разговоры на эту тему вице-канцлер впоследствии порой предписывал вести и Бруннову в Лондоне. Говорилось при этом главным образом об эвентуальном случае — новом революционном потрясении во Франции, возрождении французской агрессивности и единой линии поведения в отношении возможных «воспреемников» июльской монархии²⁸.

Значение подобных шагов петербургского двора тем не менее не стоит преувеличивать. Нессельроде еще в отчете МИД за 1840 год достаточно ясно дал понять своему монарху, что ни о каких формальных соглашениях с британским правительством на сей счет речи быть не может²⁹.

С другой стороны, у Петербурга не было и никаких серьезных причин сопротивляться возвращению Франции в лоно «европейского концерта», по крайней мере на приемлемой для него основе. Это еще не означало возрождения «сердечного согласия». Напротив, воинственные настроения вновь подвели многих французских политических деятелей «к мысли о сближении с Россией»³⁰. К тому же египетское дело требовало какого-то логического завершения, а оставлять надолго в «униженном положении» Францию было даже опасно для «европейского спокойствия», ибо такое положение никак не гарантировало Европу ни от революционных потрясений, ни от нового всплеска шовинистических эмоций. Политические соображения в тот момент, очевидно, все же взяли верх над «капризами» и легитимистскими предрассудками императора, что позволило российской дипломатии повести весьма тонкую игру.

Быть может, в угоду таким предрассудкам Нессельроде представлял царю в министерском отчете за 1841 год вторую Лондонскую конвенцию как продукт творчества союзников, выводящий Францию из дипломатической изоляции, но оставляющий ее «морально изолированной в Европе»³¹. На самом деле они оба — и царь и Нессельроде — приложили руку к заключению этого «малозначительного» акта. Еще в декабре 1840 года вице-канцлер от имени императора и, разумеется, с его согласия направил французскому правительству приглашение «присоединиться к союзу четырех дворов»³². Инструкции российскому послу во Франции Ф.П. Палену, содержавшие это приглашение, были перехвачены французами, частично обнародованы и публично истолкованы чуть ли не как предложение о двустороннем союзе. В работе Ингла высказывается предположение, что это могло быть подстроено Петербургом специально, чтобы набить себе цену в Лондоне, попугав его «страшным призраком» русско-французского сближения³³. Вполне возможно, что так оно и было. На выходе из кризиса Нессельроде явно был не прочь несколько сбалансировать отношения России с двумя западными державами. Он не раз советовал царю поддерживать «нынешнюю тенденцию французов повернуться лицом к России», чтобы «химера» русско-французского альянса «какой бы неосуществимой она ни была в наших глазах... совсем не представлялась таковой не только самой Франции, но и другим нациям»³⁴.

Для поддержания жизни «химеры» имелись в то время все предпосылки. Во всяком случае, означенная «тенденция французов» была не единственной. Помимо того, было еще министерство Сульта — Гизо, отличавшееся, по словам Ф.Ф. Мартенса, «миролюбивою политикою и консервативными принципами»³⁵, и сам Луи-Филипп, по мере продвижения к концу своего правления все больше жаждавший стать полноправным членом семейства легитимных монархов. Оставались, правда, проблемы «пребывания польских эмигрантов во Франции»³⁶ и немалые

трения из-за не слишком лояльного поведения французской дипломатии в зоне российских интересов на Балканах. Однако сами по себе эти обстоятельства едва ли могли служить серьезным препятствием для нормализации русско-французских отношений. Напротив, даже косвенное признание царем Луи-Филиппа своим «братом и кузеном» в тот момент способно было серьезно осложнить жизнь обитателя отеля «Ламбер» и прочих политически активных его соотечественников, равно как и послужить ключом к решению других вопросов в русско-французских отношениях. Но этот-то ключ как раз и был за семью печатями.

Вследствие очередной демонстрации нежелания Николая I хотя бы заочно «побрататься» с французским монархом дипломатические отношения между двумя странами с 1842 года и до конца июльской монархии поддерживались на уровне поверенных в делах. Самодержец никак не желал «поступиться принципами». В этом, несомненно, не было ничего хорошего для интересов его же империи. Тем не менее тогда, в 40-х годах, он еще мог безнаказанно позволить себе такую роскошь. Время расплаты за легитимистские акценты в отношениях с Францией для него еще не наступило. Несмотря на сохранение этого хронического дефекта во внешнеполитической системе николаевской России, ее международное положение после кризиса определенно стало более комфортным. Может быть, и не самым лучшим способом, но царской дипломатии все же удалось вывести империю из конфронтационного противостояния с морскими державами. В конечном счете сближение с Англией действительно «позволило России избежать напряженности и изоляции, ограничивало потенциальное влияние «сердечного согласия», устраняло необходимость опираться только на Австрию и Пруссию и тем самым решало проблему биполярности»³⁷.

Одно только это обстоятельство позволяет поставить под сомнение распространенные в советской историографии оценки итогов второго египетского кризиса как «полного поражения царской дипломатии»³⁸. Похоже, что таким образом на соглашения 1840–1841 годов и внешнеполитический курс, принятый тогда петербургским кабинетом, возлагаются многие «чужие» грехи. Среди них — и ответственность за неудачи прежней «самостоятельной политики», и причастность к зарождению Крымской войны, и едва ли не главная ответственность за общий упадок влияния России как в центре Османской империи, так и «на местах». Но как-то не верится, что такой непомерной ценой «близорукий» царизм заплатил за «очень недолговременную» изоляцию июльской монархии³⁹. Думается, что, напротив, в то время совсем нелегкие обстоятельства способствовали некоторой коррекции его «зрения» и он отнюдь не был так «богат», чтобы вообще что-нибудь платить за столь непрочные вещи.

Царское правительство, конечно, подыграло сент-джеймскому кабинету, позволив ему выступить в роли главного «хранителя» и спасителя Османской империи. Однако таким образом оно прежде всего поплатилось за свои собственные претензии на подобную же роль, заложенные в основание русско-турецкого союза и составлявшие единое целое с его «привилегированным положением в Проливах». Претензии эти были все же заведомо малосостоятельными. Для утверждения сколь-нибудь устойчивого преобладания в Константинополе крепостническая империя явно не располагала необходимым инструментарием. Даже чисто политико-дипломатических средств укрепления своей охранительно-оборонительной постройки в распоряжении Петербурга было совсем немного.

Обилие пунктов для «несогласий» между союзниками, равно как и преувеличенные страхи Порты перед агрессией России, сами по себе не сулили их соединению ни прочности, ни долголетия. Активное содействие углублению этих трещин в русско-турецком союзе со стороны прочих «защитников» султана сводило его шансы на долголетие почти к нулю и вызывало к тому же побочные, совсем нежелательные для Петербурга эффекты. Так, существование Ункяр-Искелесийского договора определенно способствовало вторжению западных дипломатий в прежде едва ли не заповедную область русско-турецких отношений, сильно ускорив «приобщение» местных элит в Дунайских княжествах и Сербии к «высокой» европейской политике.

Не лучше обстояло дело и с «заветным» желанием Блистательной Порты, которое северный сосед был не в состоянии ни удовлетворить, ни подавить. Во второй половине 30-х годов султан уже откровенно жаждал пересмотра итогов первого египетского кризиса и искал в этом вопросе поддержки на Западе. И Лондон, и Париж извлекали из этой жажды немалую выгоду. За ожидаемые услуги Порты платила им авансом, в частности, заключив с обеими морскими державами торговые договоры, основанные на фритредерских принципах и заложившие прекрасный фундамент для быстрого роста их экономических интересов на Ближнем Востоке. Обеспечив себе сильные и, по сути дела, беспроегрешные позиции, Туманный Альбион не прямо, так косвенно сам же и подтолкнул султана к походу против строптивого паши. И тут Петербург практически ничего не мог поделать, разве что пригрозить Порте отказом в обусловленной договором помощи, как это имело место в 1834 году, когда султан также намеревался открыть военные действия против своего египетского вассала.

Царская дипломатия не использовала из-за государевых комплексов кое-какие возможности для расстройств рядов своих западных оппонентов. Однако не следует преувеличивать эти возможности. Само на-

личие русско-турецкого союза служило основанием для весьма прочной связи между морскими державами, образуя для Петербурга своего рода закодированный круг. В целом результаты шестилетнего европейского соперничества на Ближнем Востоке, обостренного заключением Ункяр-Искелесийского договора, были закономерны. Для петербургского кабинета в них не заключалось ничего вдохновляющего. Тупик, в который напоследок едва не завела его «самостоятельная политика», также в значительной степени был для нее предопределен задолго до начала кризиса 1839–1841 годов. Возведя в свое время хрупкое здание русско-турецкого союза, российская дипломатия уже мало что могла изменить в его дальнейшей судьбе.

Однако реальная цена, которую уплатил Петербург за некоторые иллюзии и несостоятельные амбиции, связанные с возведением этого сооружения, оказалась все же не очень большой благодаря той же дипломатии. Собственно, этот невесомый «товар» и составил часть платы за согласие с Англией. А она едва ли чем-то существенным поживилась за российский счет в Константинополе, хотя и стала непосредственным усмирителем непокорного паши. Как-никак, царь также подвизался в роли «защитника» Порты и даже инициатора радикального решения египетского вопроса. Для закрепления Альбиона на уже приобретенных им в Империи полумесяца позициях пушечная канонада под Бейрутом была совсем не обязательна. В известном смысле в ней, может быть, больше нуждался Петербург. Кто у кого в этом деле ходил в «подручных», определить не так уж просто. По внешним признакам вполне может показаться, что Лев с Единорогом — у Двуглавого орла. Впрочем, каждая из сторон, решая свои задачи, вольна была считать, что ведет за собой другую «на поводу»⁴¹.

Ради кратковременной изоляции Франции Петербургу, конечно, не стоило «дозволять» Лондону заниматься демонстрациями мощи своего флота, и без того хорошо известной. Однако в итоге операции по «замирению Леванта» «недалновидный» царизм все же приобрел кое-что более существенное — основательное расстройство и нейтрализацию англо-французского тандема. При июльской монархии этот тандем, вопреки утверждениям известного поклонника «самостоятельной политики» С.С. Татищева, уже не возродился «в прежней своей силе»⁴².

Последовавшее вскоре новое сближение морских держав не имело сколь-нибудь определенной антирусской направленности и оказалось весьма неустойчивым. Тогда и в русско-британских отношениях еще не наступило похолодание. Положения не изменили даже вселявшие «в английских политических деятелей естественную подозрительность насчет целей восточной политики России»⁴³ действительно двусмысленные «откровения» Николая I во время его визита в Англию в 1844 году

относительно возможной смерти «больного человека». При этом путем обмена письмами между Нессельроде и лордом Эбердином даже состоялось что-то вроде заключения русско-английского консультативного пакта по восточному вопросу, и британский госсекретарь, хотя и в весьма расплывчатой форме, дал обещание совместно с Петербургом заниматься «наследством» Османской империи в случае ее спонтанной гибели⁴⁴. Очевидно, самодержцу в то время не было строго противопоказано делиться своей *idée fixe* даже с английскими государственными людьми, но лишь постольку, поскольку в «реальной» политике его кабинета не просматривалось и намек на желание приблизить столь мрачную для «слабого соседа» перспективу. На любого рода наступательные действия в восточном вопросе для царского правительства было наложено табу, нарушение коего сулило ему возвращение на «круги своя», рост «напряженности и изоляции», а соблюдение позволяло особенно не беспокоиться по поводу опасного соединения двух западных держав практически при любом характере отношений с каждой из них.

В 1846 году после падения кабинета тори и возвращения к кормилу власти в Форин-офисе Пальмерстона, успевшего позабыть о недавнем прошлом, в русско-английских отношениях вновь повеяло холодом. По словам Ф. Ф. Мартенса, неумный лорд даже «открыто стал противодействовать повсюду видам русской политики»⁴⁵. Однако ему пришлось быстро умерить свой пыл, и причиной тому стала громкая ссора между западными кабинетами. Как писал тот же С. С. Татищев, «сердечное согласие» в связи с делом о так называемых испанских браках вновь «исчезло, как призрак, не оставив по себе следа, кроме взаимной злобы и жажды мщения»⁴⁶. Так что волей-неволей, дабы не провоцировать материализацию страшной «химеры», Пальмерстон вынужден был придерживаться в отношениях с Россией на Востоке практически прежнего курса.

Весь период 1841–1847 годов был отмечен мирным сожительство́м двух конкурентов на Ближнем Востоке, падением антирусской активности британской дипломатии в балканских протекторатах, вполне лояльным отношением сент-джеймского кабинета к российским акциям, их касавшимся. Активно действовавшую в это время на Балканах французскую дипломатию Петербургу также удалось в известной степени нейтрализовать, в частности, добившись от Гизо смены имевших заметное влияние в Дунайских княжествах консулов⁴⁷. Помогли царскому правительству в этом деле общая эволюция режима Луи-Филиппа и та же англо-французская распря, вынуждавшая тьюильрийский кабинет не искать лишних осложнений с царем. Предпринимавшиеся до того Парижем попытки противодействия русским акциям в регионе на более «высоком» уровне тоже успеха не имели, не находя существенной поддержки у других членов пентархии.

Общее наполнение царской политики, конечно, оставляло желать лучшего. Она и на Ближнем Востоке, и в Европе, как и ранее, носила преимущественно охранительный характер. Незыблемыми оставались и антипатии императора к конституциям и ко всему, что хотя бы отдаленно напоминало «народное представительство». Из-за этого, выступая и в княжествах, и в Сербии в роли жесткого протектора, Россия отвращала от себя прежние симпатии местных политически активных кругов, способствовала их переориентации на Запад и даже на Турцию. Тем не менее в послекризисный период и здесь отчасти благодаря сближению с Англией наблюдались некоторые сдвиги. Так, хотя и с большим трудом, царь все же признал правительство уставохранителей в Сербии и даже «милостиво» допустил, чтобы с ним были налажены более-менее приличные отношения⁴⁸.

В целом нельзя сказать, что после кризиса международная ситуация на Ближнем Востоке существенно изменилась к худшему для России и в ее политике произошли какие-то негативные сдвиги по сравнению с концом 30-х годов. Что касается собственно дипломатии, то она, несмотря на все изъяны николаевской внешнеполитической системы, все еще оставалась весьма эффективным оружием царского правительства.

Кончина русско-турецкого союза, сближение России с Англией и расстройство блока морских держав, конечно, не могли не вызвать изменений и в отношениях России с двумя соседними монархиями. Охранительный альянс трех северных дворов не испытал, в отличие от своего западного собрата, особых потрясений, но былой четкости очертаний все же лишился. В целом послекризисный период характеризовался весьма аморфным состоянием «европейского равновесия» и избытком мимолетных дипломатических комбинаций. Царская дипломатия приложила руку к тому, чтобы «полный концерт» великих держав пребывал именно в таком состоянии. Страшась возрождения «биполярности», Нессельроде еще в 1841 году предписал российским представителям в Вене и Берлине «удушить при рождении» предложения князя Меттерниха относительно признания или подтверждения всеми членами пентархии принципов, лежавших в основании тройственной охранительной комбинации. Вице-канцлер полагал, что западные кабинеты в любом случае не подписались бы под такой декларацией и тем самым была бы проведена «слишком явная разделительная черта между тремя дворами и Англией» и сделана «та же ошибка в отношении Франции»⁴⁹.

Принятый Петербургом курс, по словам Ингла, предполагал «более свободные связи с внешним миром»⁵⁰. Это коснулось не только России, но и ее партнеров по охранительной комбинации. Вслед за царским правительством дружбы с Лондоном стали искать венский и берлинский дворы. Вена «флиртвала» и с Парижем. Русско-английское сближение,

конечно, не являлось тому причиной, разве что стимулом. Эти движения были косвенным отражением нарастания «внутренних» противоречий в альянсе трех северных дворов, их неудовлетворенности однобокой внешнеполитической ориентацией.

По поводу возникшего в начале 40-х годов у ближайших союзниц России «неудержимого тяготения к Англии» позже выражал сожаление С.С. Татищев, уже цитировавшийся выше автор трудов по истории внешней политики Николая I¹. Тем не менее даже в этом «тяготении» можно усмотреть нечто позитивное для Российской империи. Некоторое ослабление уз монархической солидарности между членами консервативного альянса не могло не сказаться на готовности царизма заниматься весьма обременительной для него самого и очень неблагодарной полицейской «работой» в Европе. Нетрудно заметить, что пределы охранительных притязаний Николая к 1848 году существенно сокращаются. По крайней мере, в преддверии революционной бури он уже не испытывал желания помогать Австрии «вмешиваться во внутренние дела отдаленной Италии» (как это было в начале 30-х) и обещал своей союзнице военную поддержку лишь в случае нападения на нее Сардинии «в союзе с Францией»².

Охранительные заботы Петербурга на Западе, по существу, ограничиваются в это время ближними подступами к империи и далее Германии не распространяются. Еще более сузив круг своих попечений такого рода, царское правительство с любой точки зрения не совершило бы греха, поскольку, усердно заботясь о сохранении территориально-политического статус-кво в Центральной Европе, оно явно брало на себя часть «чужих» и малопочетных по тем временам хлопот. В объединении той же Германии как «снизу», так и «сверху» никак не были заинтересованы французские правители, да и британские едва ли всерьез желали тогда столь крупного смещения в балансе сил на континенте. Стороннику «самостоятельной политики» в данном случае скорее следовало бы пожалеть, что «единство» России с двумя соседними монархиями не было ослаблено к середине 40-х годов более основательным и более равномерным по отношению к ним обоим образом. Кто знает, может быть, это побудило бы Николая I воздержаться в последовавший бурный период от некоторых своих охранительных подвигов, которые, принеся империи эфемерное усиление влияния на континенте, очень дурно воздействовали на рассудок самодержца.

Впрочем, почти до самого начала революционной грозы ближние «братья и кузены» не давали царю серьезных поводов для недовольства. В «тяготении» их кабинетов к Альбиону не было ничего особенно угрожающего позициям царизма, и оно ограничилось периодом правления тори. Некоторое сближение между Австрией и Англией состоялось бы,

скорее всего, в любом случае и вне зависимости от характера русско-английских отношений, так как тогдашние лидеры британских консерваторов и князь Меттерних питали друг к другу весьма нежные чувства. Это взаимное «тяготение» австрийский канцлер в разное время пытался использовать для борьбы с «конституционной дипломатией» Александра I (1816–1819 гг.), для сдерживания России в греческом вопросе (начало 20-х годов), для «досрочного» (при вмешательстве западноевропейских держав) окончания русско-турецкой войны 1828–1829 годов и т. п. Нельзя сказать, что дружба князя с английскими тори была особенно плодотворной. Тем не менее он не мог не откликнуться на «пожелание» вернувшегося в 1841 году после долгого перерыва к руководству Форин-офиса лорда Эбердина «вновь поставить себя под его (Меттерниха. — *Авт.*) начало»⁵³. Однако на этот раз канцлеру не надо было противодействовать «возмутительным» планам северного колосса. Любезным предложением британского госсекретаря венский двор воспользовался главным образом для того, чтобы весьма назойливо приобщать лондонский кабинет к охранительному делу и, в отличие от прежних случаев, уже оправдывать перед ним действия царского правительства и на Западе, и на Востоке, поскольку все они также клонились к поддержанию милого сердцу австрийского канцлера «порядка и спокойствия».

Со стороны Пруссии поиски дружбы с Англией носили, конечно, более самобытный характер. По мнению С.С. Татищева, Берлин будто бы увлекло на этот путь «романтическое воображение» Фридриха Вильгельма IV: он мечтал о сотрудничестве «с великобританским двором во имя солидарности протестантских интересов». «Романтическому» королю не было при этом заказано получать от английских министров во главе с Р. Пилем выражения «сочувствия» прусским, еще весьма робким в ту пору, претензиям на гегемонию в Германском союзе, равно как и заранее ожидать с их стороны одобрения намерений «ввести у себя» нечто похожее на «народное представительство»⁵⁴. Тем не менее эти изъявления «сочувствия» от кабинета тори были более чем сдержанными, хотя бы по причине проавстрийских симпатий некоторых его членов, а при берлинском дворе, в свою очередь, не помышляли о «тесном соглашении с Англией» как альтернативе своему участию в охранительной комбинации.

В Петербурге не имели склонности ни сочувствовать «притязаниям Пруссии на роль руководительницы Германии»⁵⁵, ни тем более одобрять псевдоконституционные проекты ее монарха, сводившиеся к соединению в «одно общее собрание» совещательного характера представителей местных ландтагов, действовавших в королевстве с 20-х годов⁵⁶. Однако и заметного сопротивления объединительным тенденциям в политике своей союзницы царское правительство не оказывало, пока они

развивались «на почве интересов материальных и духовных, не политических»⁵⁷.

Осуществление прусским монархом своего политического проекта также не могло серьезно повлиять на общий характер русско-прусских отношений, если бы не предубеждение Николая I против всякого рода «народных представительств». Созыв в Пруссии в апреле 1847 года объединенных ландтагов никакой непосредственной угрозы европейскому равновесию не таил. Это была запоздалая и неудачная попытка Фридриха Вильгельма IV спасти свое королевство от революционных потрясений. Особого «тяготения» к Англии берлинский двор также не выказал. Отзыва о проекте прусский король еще в 1845 году просил отнюдь не у Роберта Пиля, а у Николая I как «хранителя священной воли и намерении» его отца и предшественника⁵⁸, свидетельствуя тем самым российскому императору свою лояльность и верность «старинным принципам». Уже после созыва ландтагов в оправдательном письме царю Фридрих Вильгельм вполне справедливо утверждал, что не дал своим подданным «ни современной конституции, ни обещания дать конституцию»⁵⁹. Николай I, однако, остался на сей счет при своем мнении и, между прочим, известил короля о том, что «тесного единения» между двумя дворами «больше не существует»⁶⁰.

На деле это «единение» гораздо серьезнее пострадало уже от дальнейших революционных событий, но и проведенная накануне их в королевстве «крупная реформа», конечно, не оказала на русско-прусские отношения благотворного воздействия. До того они также не были совсем безоблачными. В первой половине 40-х годов их омрачали прежние разногласия «на почве интересов материальных» и «постоянные недоумения» между властями двух держав в вопросе о выдаче российской стороне «политических преступников». Дела такого рода поддавались вполне приемлемому для обеих сторон урегулированию. Однако чтобы скомпрометировать себя перед «принципиальным» самодержцем, даже очень небольшой склонности к уступкам «духу времени» было вполне достаточно. Прусское правительство еще до проведения реформы много потеряло в его глазах, проявив очевидное желание уклониться от выполнения своей доли охранительных обязанностей в самых «близких» царизму польских делах. Гораздо предпочтительнее выглядела другая союзница, которая также давала царю поводы для неудовольствия, но по крайней мере не была тогда склонна поддаваться проискам «революционного демона».

Тем не менее и берлинскому двору все же пришлось принять участие в исполнении Теплицкого соглашения 1835 года по Кракову и ликвидации республики. Участие это было формальным. Подавление восстания в вольном городе весной 1846 года осуществили русские и австрийские

войска. Прусский король только позволил им действовать от своего имени, а затем повелел подписать акты об упразднении Краковской республики и аннексии ее Австрией. Последнее ему делать особенно не хотелось, и, чтобы убедить его «в неотложной необходимости покончить скорее с краковским вопросом», двум императорам пришлось отправить в Берлин специальных посланцев⁶¹.

Аннексия Кракова, естественно, вызвала протесты со стороны морских держав. Однако тюильрийский кабинет делал это для проформы, и Гизо, вручая свою декларацию российскому представителю, прямо заявил ему, что «французское правительство не даст себя увлечь порывами общественного мнения и никаких серьезных затруднений не сделает»⁶². Более энергичным был протест Пальмерстона. Между Парижем и Лондоном произошло своего рода перераспределение ролей. Первый готов был уже блокироваться с тремя северными дворами, второй выступал в роли оппозиции.

Соединение «короля баррикад» с охранительным блоком произошло в следующем году, когда в центре внимания европейского ареопага оказались уже швейцарские дела — война между федеральными властями, добивавшимися большей централизации страны, и католической лигой («Зондербундом»), желавшей восстановления прежнего порядка. После долгих дискуссий в декабре 1847 года в Париже между Францией, Австрией и Пруссией была достигнута договоренность о вооруженном вмешательстве в конфликт. К этому решению присоединилась и Россия, не принимавшая в деле активного участия⁶³. Свершить задуманное, однако, не пришлось. Воспользовавшись тайными советами Пальмерстона, швейцарское правительство успело разгромить своего противника. Луи-Филиппу не удалось напоследок выступить в роли международного жандарма. Дни его правления были уже сочтены. Революция стояла у порога.

2. Революции 1848–1849 годов и политика России

«Господа! Седлайте коней, во Франции — республика!» — с такими словами обратился Николай I к гвардейским офицерам, присутствовавшим февральским вечером 1848 года на балу у наследника. Во время бала прибыл курьер из Франции с вестью о революции в Париже.

Вероятнее всего, это легенда, но легенда неслучайная. Любитель эффектных жестов, император воспользовался случаем обыграть столь неожиданно возникшую драматическую ситуацию. Хотя, конечно, всерьез о походе на Францию речь не шла. Более того, свержение «короля баррикад» российский император воспринял не без злорадства: «него-

дядя», по его мнению, потерял власть тем же путем, каким ее получил, и получил только то, что заслужил. Однако, как бы ни был плох король, республика, провозглашенная во Франции 25 февраля н. ст., была еще хуже, и главной заботой императорского правительства стало устройство заслонов против «революционной заразы».

«Наступила торжественная минута, которую я предсказывал в продолжении 18 лет: революция воскресла из пепла..., нашему общему существованию угрожает неминуемая опасность»⁶⁴, — писал Николай I своему шурина Фридриху Вильгельму IV 24 февраля (7 марта), на второй день по получении известий о французских событиях. В том же письме царь рекомендовал прусскому королю превентивно сосредоточить на Рейне армию, обещая через три месяца помощь в 350 тыс. человек в случае агрессии со стороны новорожденной Французской республики.

Пусть не за 18 лет, но за два-три месяца император вполне предвидел революционные потрясения 1848 года, основываясь на письмах своих коронованных «братьев и кузенов» в Центральной Европе и черпая сведения из донесений русских дипломатов. Достаточно напомнить, что 19 января 1848 года русский посланник в Париже Н.Д. Киселёв сообщал о «возможности революции в 1848 году». Для Николая I назревание острого политического кризиса в Европе было очевидно. Его застали врасплох не сами события, а их последовательность. Обдумывая возможные пути развития ситуации в Европе, царь не предвидел как раз того варианта, который осуществился. Видимо, поэтому правительство пребывало в несомненной растерянности, если судить по тому, что циркулярная депеша Киселёву в Париж обдумывалась и готовилась почти десять дней и была подписана только 3 (15) марта.

Таким образом, Киселёв еще почти месяц оставался без инструкций, в неведении относительно намерений своего правительства. Он, впрочем, догадывался о возможной реакции императора на установление республиканского строя во Франции и собирался в предвидении грядущих указаний покинуть Париж. Но сделать это сразу ему не удалось по ряду причин: невозможно было незаметно выбраться из города со всем посольством, нельзя было уехать, не обеспечив безопасности русских подданных, оставшихся во Франции, а главное — задержало его прекращение железнодорожного сообщения в стране, охваченной революцией. У русского дипломата, таким образом, оказалось время для размышлений и наблюдений.

Между тем во Франции было учреждено Временное правительство, в котором портфель министра иностранных дел получил известный поэт А. Ламартин. Став министром, Ламартин тотчас же обратился к дипломатическим представителям держав, аккредитованным в Париже, с уверениями, что республиканская форма правления не меняет ни места

Франции в Европе, ни ее искренних намерений поддерживать добрые отношения между государствами, которые, как и она, хотя и независимости наций и всеобщего мира. Полученную от Ламартина ноту Киселёв поспешил переслать в Петербург, дабы успокоить императора и Несельероде и уверить их, что Французская республика не питает агрессивных намерений. Если 26 февраля отъезд из Парижа казался Киселёву делом само собой разумеющимся, то 28-го он уже собирался ожидать на этот счет приказаний императора, ссылаясь на пример своих коллег, в том числе представителей союзных дворов Австрии и Пруссии.

4 марта последовал новый документ, подписанный Ламартином, — циркуляр дипломатическим представителям Франции за рубежом, который иногда считают, наряду с падением Меттерниха, одним из символов революций 1848 года. В этом циркуляре, ставшем внешнеполитическим манифестом Французской республики, Ламартин, идя навстречу радикальному общественному мнению, отвергал трактаты 1815 года как основополагающие для существования государств Европы. С целью успокоения европейских правительств в этом циркуляре было объявлено, что Франция будет тем не менее по-прежнему соблюдать их: «Трактаты 1815 года не имеют правового значения в глазах Французской республики, однако территориальные границы, установленные этими трактатами, представляют собой факт, который республика принимает за основу... своих отношений с другими странами»⁶⁵.

Несмотря на все оговорки, этот манифест был первым официальным заявлением правительства великой державы о том, что венские решения не имеют больше моральной силы. Таким образом, на повестку дня был поставлен вопрос о пересмотре «венской системы», который и явился центральным для международных отношений революционного 1848-го и последовавших за ним годов.

Это заявление Ламартина, как, впрочем, и другие политические вопросы, которые появились на международной арене после начала революции во Франции, весьма насторожило петербургский кабинет. Следует особо выделить отношение Временного правительства Французской республики к проблеме объединения Германии «снизу» и к подъему польского национального движения.

В 1848 году во Франции, где традиционно находился центр польской эмиграции после 1831 года, польский вопрос привлекал большое внимание радикалов. Они требовали от своего правительства оказания полякам реальной помощи. Донесения Киселёва и ответные инструкции ему из России показывают, насколько польский вопрос волновал царское правительство и российское посольство в Париже⁶⁶.

Значение сохранения прочного военного положения царизма в Польше как гаранта монархических государств Центральной Европы

отмечали и Меттерних, и Веллингтон⁶⁷. И хотя сент-джеймский кабинет традиционно занимал выжидательную позицию, все же после распространения революции в Европе поддержка им контрреволюционных сил становилась очевидной. Не только Веллингтон, но и лорд Пальмерстон делал ставку в борьбе с европейской революцией на Россию.

Но вернемся к Н.Д. Киселёву. Уже были сделаны все возможные успокоительные жесты и заверения со стороны Ламартина и Временного правительства, в том числе обещания не оказывать действенной поддержки освободительной борьбе в Польше. Уже ушел в отставку Меттерних, а в Петербурге еще только подписывались первоначальные инструкции Киселёву. Прошло еще немало дней, пока он наконец смог с ними ознакомиться. Итак, по истечении месяца после низложения Луи-Филиппа посланник получил приказание покинуть Париж со всеми членами миссии. Это повеление относилось также ко всем русским поданным, находившимся во Франции.

Передавая Киселёву волю императора, Нессельроде, несомненно, понимал, что ставит его в затруднительное положение: ведь отъезд российской миссии из Парижа никак не решал вопроса о русско-французских отношениях в новых условиях. Поэтому канцлер счел необходимым в отдельном письме от того же числа — 3(15) марта — объяснить образ действий императорского правительства. «Когда вы соберетесь покинуть Париж, — писал Нессельроде, — все, не исключая, может быть, самого Ламартина, вас спросят, чего хочет и что сделает Россия. Вы ответите: она желает мира и сохранения территориального порядка в Европе, установленного Парижским и Венским трактатами. Она не намерена вмешиваться во внутренние дела Франции; она не примет никакого участия во внутренних раздорах, которые могут возникнуть; она никоим образом не будет влиять на выбор правительства, которое народ пожелает себе выбрать. Она соблюдает в этом отношении самый строгий нейтралитет, но с той минуты, когда Франция выступит за свои пределы, когда она нападет на одного из союзников императора, будет поддерживать революционное движение за границами своей территории и народы, восставшие против своих законных монархов, император придет на помощь державе, подвергшейся нападению, в особенности своим наиболее близким союзникам — Австрии и Пруссии, всеми своими силами. Такова речь, которую вам надлежит держать»⁶⁸.

Как справедливо отметил Ф.Ф. Мартенс, комментируя этот документ, признание прав народа на самоопределение было новостью для 1848 года вообще, а для русского императорского правительства в особенности.

Исходя из руководящих принципов, изложенных в письме канцлера, Киселёв решил на свой страх и риск нарушить теперь уже недвусмы-

сленные инструкции и не уезжать из Парижа. Он рассуждал следующим образом: пока русский посланник находится во Франции, республиканское правительство вынуждено считаться со взглядами и интересами царя. Если же он уедет и тем самым прервет дипломатические отношения, то у французского кабинета не будет никаких оснований церемониться и оно станет пренебрегать интересами России. Таким образом Киселёв воспрепятствовал открытому разрыву между двумя странами и, более того, позже, 4 мая, накануне открытия в Париже Учредительного собрания, в зашифрованном донесении в министерство доказывал целесообразность присутствия в Петербурге неофициального представителя Французской республики, ссылаясь на пример Лондона, Вены, Берлина, в которых Временное правительство уже имело своих эмиссаров.

Логика рассуждений дипломата и вытекающие из нее поступки были одобрены Николаем 27 и 29 марта (8 и 10 апреля). Дело, конечно, было не только в доводах Киселёва. Император отнесся к нарушению своей воли столь терпимо, потому что кардинально изменилась ситуация в Европе. В середине марта революционное движение охватило германские государства и Австрию; в итальянских государствах ситуация также обострилась под влиянием венских событий 13–15 марта.

13 марта в результате революционного переворота ушел в отставку и бежал из Вены Меттерних. По достоинству оценивая это событие, Николай I полагал, что вместе с князем погибла «целая система отношений, идей, интересов и общих действий». В данном случае трудно не согласиться с императором: Меттерних и в самом деле был символом уходящей эпохи.

Узнав от русского поверенного в делах Фонтана об отречении Луи-Филиппа, Меттерних воскликнул: «Итак мой друг все кончено!» В эти последние критические дни своего пребывания у власти он полагался — и не без оснований — только на помощь русского императора. Еще 20 января австрийский канцлер обратился к Нессельроде с просьбой о займе для борьбы с революционным движением в итальянских владениях Австрии и получил благоприятный ответ: царь обещал 6 млн рублей серебром. Мало того, когда австрийское правительство попросило помощи России для защиты своих интересов, Николай объявил, что, если на Австрию нападет Сардиния в союзе с Францией, «все наши силы будут готовы поддерживать вас». В этих обстоятельствах война против Австрии становилась войной против России. До этого русское правительство не намеревалось вмешиваться во внутренние дела далекой Италии. Надо было сохранить силы для отражения более близкой опасности, если таковая объявится. Так писал Нессельроде Меттерниху в послании от 7(19) февраля 1848 г.

Однако на случай, если бы Австрии пришлось использовать свои войска в Пьемонте, царь решил предложить венскому правительству сосре-

доточить у границ Галиции русский корпус, чтобы он по первой просьбе австрийского правительства мог вступить в эту область и задуть новую попытку польского восстания. Депешей Нессельроде от 26 февраля (9 марта) эти предложения были сообщены русскому посланнику в Вене барону Медему, но события 13 марта разрушили все надежды царя на союз с Австрией, а также уверенность Меттерниха в поддержке России. 22 марта Нессельроде уведомил новое австрийское правительство, что венские события исключают возможность предоставления ему русского займа.

Теперь царю осталось уповать на решимость и энергичные действия прусского короля. В упоминавшемся выше письме от 7 марта он и пытался побудить к таким действиям своего родственника, 12 марта Николай снова писал ему: «Будьте, дорогой друг, спасителем Германии и доброго дела; станьте смело на уровень обстоятельств и не отступайте от задачи, указанной Вам Провидением»⁶⁹.

Собственно, король не меньше императора желал спасти Германию и себя от революции; только тактика монархов кардинально различалась. По мнению Фридриха Вильгельма IV, он обязан был вырвать из рук «демагогов» опасное оружие германского национализма и встать во главе законных стремлений всех немцев к объединению. Перспектива создания единого Германского государства с населением 45 млн человек, разумеется, не могла вдохновить русского царя. Эти тактические разногласия усугубились после восстания в Берлине 18–19 марта, когда король вынужден был перейти к политике лавирования и компромиссов, что для Николая I было совершенно неприемлемо. В итоге конституционные уступки короля превратили Пруссию из возможного союзника России в ее вероятного противника.

Итак, мартовские дни стали роковыми для союза трех северных дворов и всей «венской системы». Николай I оказался в полной изоляции. Приходилось признать, что действия в духе «эпохи конгрессов» невозможны, оставалось поддерживать реакцию частичным вмешательством в германские и австрийские дела. По существу же, николаевская система замкнулась в своих национальных пределах. Царь опасался, и не без оснований, как бы революционный пожар не вспыхнул и в его империи. В 1848 году Россию поразили почти все возможные стихийные бедствия: недород, голод, пожары, эпидемии; не утихали крестьянские волнения, росло общественное возбуждение. Усиливая полицейский террор, царь одновременно обратился к дворянству с призывом содействовать власти в охране «порядка». И здесь изоляция России отвечала интересам императора, он сам сделал все возможное, чтобы отгородить империю и ее подданных от «революционной заразы».

Николай I лично составил известный манифест 14(26) марта, о котором писал Паскевичу, что цель его — указать «всем, и нашим, и врагам,

что я не хочу трогать других, но и не позволю трогать себя, в этом вся моя задача»⁷⁰. В этом манифесте говорилось о «новых смутах», взволновавших Европу, о «мятежах и безначалии», которые возникли во Франции, но охватывают и Германию, угрожают России; Николай I призывал всех русских защитить «неприкосновенность пределов империи», призывал к борьбе «за веру, царя и отечество» и к победе, которая даст право воскликнуть; «С нами Бог, разумеите, языцы, и повинуйтесь, яко с нами Бог!»⁷¹. Это восклицание он с тех пор любил повторять по любому поводу.

Этот воинственный пассаж из манифеста, опубликованного в берлинских газетах, всполошил всю Европу. Манифест прозвучал вызовом русского самодержца революционному движению. 20 марта (1 апреля) Нессельроде пришлось издать специальный комментарий, разъяснявший смысл царского высказывания: «Россия не помышляет о нападении; она желает мира, нужного ей, чтобы спокойно заниматься развитием внутреннего своего благосостояния»⁷². Заверения российского канцлера, однако, никого не убедили. Революционная Европа продолжала опасаться нападения со стороны царской России. Россия же стягивала войска к своим западным рубежам.

Но такое положение не могло продолжаться долго. При неопределенном положении дел в Германии и Австрии Николая весьма заботил вопрос о союзнике. Этим главным образом объясняется изменение отношения России к Франции.

Еще в начале апреля Киселёв на свой страх и риск побывал у Ламартина и был принят чрезвычайно любезно. Глава республиканского правительства заверил царского дипломата в своих миролюбивых намерениях, пренебрежительно отозвался о польском национально-освободительном движении, твердо обещав не предоставлять полякам никакой материальной помощи. Ламартин даже заявил Киселёву, что «самый естественный союз для Франции был бы союз с Россией», так как, на его взгляд, с ней у Франции «больше естественного сродства, нежели с какой-либо другой нацией»⁷³. Таким образом, вместо разрыва с «очагом» европейской революции с ним как будто намечалась возможность сближения.

Однако, несмотря на очевидный интерес, проявленный в Петербурге к сообщениям Киселёва, царское правительство не испытывало особого доверия к кабинету Ламартина, поскольку не верило в его долговечность. Правда, Николай согласился принять доверенное лицо французского премьера, но этим практические шаги к сближению с Францией и ограничились. Как было сказано в депеше государственного канцлера от 6(18) апреля, «заключить союз с Французской республикой несомненно не входит в наши планы». Замысел же состоял в том, чтобы напрасно

не раздражать республиканское правительство, ведь в условиях, когда, казалось, в Германии складывается мощное честолюбивое государство, «внешнее давление со стороны Франции могло бы послужить нам противовесом против враждебных намерений наших соседей».

Беспорно, что «враждебные намерения» соседних держав более всего тревожили Николая I⁷⁴. Особенно раздражали императора провокационные заявления некоторых постреволуционных деятелей. Так, барон Г. Арним, с 21 марта министр иностранных дел Пруссии, полагал необходимым воссоздать Польское королевство как барьер от России, которая в этом случае уже не могла бы препятствовать «воссозданию немецкой военной мощи». Немудрено, что весной 1848 года Пруссия вызывала наибольшие опасения царя. В первую очередь на прусской границе сосредоточивались русские войска на случай возможного союза Германии с восставшими поляками.

Именно боязнь чрезмерного усиления Пруссии и, как результат, роста ее агрессивности объяснялось в первую очередь вмешательство России в прусско-датский конфликт из-за герцогств Шлезвиг и Голштиния. Начавшиеся в 1848 году волнения в принадлежавших Дании герцогствах сопровождались вступлением туда в начале апреля прусских войск. Правительство Дании обратилось за помощью и посредничеством к Англии, Швеции и России. Все три державы высказались против территориального расчленения Датского королевства и отторжения от него Шлезвига и Голштинии в пользу Пруссии или будущей объединенной Германии. Но только Швеция и Россия оказали датскому королю реальную помощь.

В конце апреля Николай I предъявил Пруссии ультиматум с требованием вывести ее войска из оккупированной Ютландии. В подкрепление ультиматума царь направил к берегам Ютландии эскадру и двинул в Литву еще одну кавалерийскую дивизию. Шведское правительство перебросило на помощь Дании 15-тысячный корпус. Фридрих Вильгельм не хотел военного столкновения с Россией главным образом из боязни революционных последствий этой войны. В итоге Пруссия уступила. Видимо, в этом и состоял расчет Николая I. Когда в августе 1848 года прусское правительство заключило с Данией перемирие в Мальмё, у императора вырвался вздох облегчения: «Уф! Одним меньше!»⁷⁵.

Как уже было сказано, существовал и еще один аспект отношений с западными соседями, который постоянно беспокоил царское правительство, — это вековечный польский вопрос.

Заигрывание немецких либералов с польскими революционерами вполне могло, по мысли императора, спровоцировать новый взрыв польского национально-освободительного движения. Еще в конце марта русский посланник в Берлине барон П.К. Мейендорф доносил,

что война с Россией может вспыхнуть вследствие перехода через русскую границу скопившихся в Познани польских эмигрантов. Вступление в Познань русских войск Мейендорф считал невозможным, так как это вторжение могло спровоцировать не только польское восстание, но и общегерманский революционный подъем. Однако уже в конце апреля тревоги по этому поводу улеглись: к вящему удовольствию русского монарха, с польским вопросом в Познани Фридрих Вильгельм покончил самостоятельно, потопив в крови познанское восстание.

Тем не менее революция вплотную приблизилась к границам Российской империи. После разгрома в Познани польские отряды стали активно формироваться в австрийской Галиции. Революционное движение захватило Дунайские княжества. Когда там начались революционные выступления, царское правительство, при всем своем отрицательном отношении к ним, сначала предпочло устраниваться от прямого вмешательства, опасаясь подрыва русского влияния. Нессельроде неоднократно предлагал Порте восстановить в княжествах порядок своими силами. Однако в отношении соседней Молдавии Россия приняла решительные превентивные меры, введя туда войска. Боясь усиления русского влияния в Дунайских княжествах, турецкие власти прибегли к оккупации восставшей Валахии. В сентябре 1848 года туда вступили и русские военные силы.

Западные державы, не оказывая поддержки революционному движению в Валахии, ожидали, что между Россией и Турцией возникнет конфликт. Однако две соседние империи предпочли урегулировать свои отношения путем заключения нового соглашения. Балта-Лиманская конвенция между Россией и Османской империей была подписана 19 апреля (1 мая) 1849 года. Она фактически способствовала усилению Порты в княжествах, их права были урезаны. Россия же оказалась вытесненной из последнего балканского «бастиона» своего бывшего влияния.

Петербургский кабинет был весьма озабочен акциями европейских держав, особенно Англии. Как известно, русско-английские отношения никогда не отличались однозначностью. Помимо традиционного соперничества на Востоке в описываемое время появился дополнительный повод для взаимного недовольства. Российская дипломатия в лице посланника в Лондоне Ф.И. Бруннова сделала все возможное, чтобы согласовать русскую и британскую политику в отношении республиканской Франции, но не много в этом преуспела. Лорд Пальмерстон поспешил, вопреки настоятельным советам Бруннова, признать Вторую республику. В этой ситуации ввод русских войск в Дунайские княжества, как ни странно, не встретил того решительного противодействия со стороны сент-джеймского кабинета, которого, очевидно, ожидал и опасался Николай I. В июне царь извещал И.Ф. Паскевича: «С Лондоном мы в ладах, не помешало даже наше вступление в Молдавию»⁷⁶.

Впоследствии пребывание русских войск в княжествах — а они, кстати, были выведены оттуда только в мае 1851 года — не раз осложняло отношения России с Англией и Францией. Но в тот момент сравнительно небольшой успех предпринятой акции был важен для Николая. Он придал ему уверенности, и это нашло отражение в циркулярной депеше, которую Нессельроде направил 19(31) июля российским дипломатическим представителям за границей с предписанием ее содержание «довести до сведения правительств и публики в Европе». В этом документе европейским державам разъяснялось, что занятие Дунайских княжеств не есть нарушение взятых российским монархом на себя в марте обязательств сохранять нейтралитет (княжества не суть суверенные государства), и еще раз подтверждалось, что от всякого вмешательства во внутренние дела независимых стран Европы Россия воздержится и в будущем⁷⁷.

Первое открытое выступление царизма в 1848 году против революции в Европе последовало сразу за разгромом июньского восстания парижских рабочих, после которого контрреволюция усилилась во всех странах.

Когда весть о подавлении восстания в Париже дошла до Петербурга, император поручил Киселёву отправиться к генералу Кавеньяку и выразить ему уважение российского императора. Дипломату поручалось также прочесть Кавеньяку депешу Нессельроде от 13(25) июля, в которой передавалось восхищение Николая I «прекрасным поведением» и «блестящей храбростью» генерала в июньские дни. Кавеньяк, в свою очередь, выразил восхищение столь высокой оценкой его заслуг. Так, путем взаимных реверансов продолжалось укрепление двусторонних отношений, хотя официально Петербург отказывался признать Французскую республику, теперь уже ссылаясь на то, что надо подождать результатов президентских выборов. Прибывшему со специальной миссией к императорскому двору генералу Лефлю, личному другу Кавеньяка, по этому поводу было заявлено: «Если будут избраны Кавеньяк или маршал Бюжо — отлично. Но если выбор падет на принца Луи Наполеона, то положение вещей совершенно изменится». По мнению императорского кабинета, Луи Наполеон был не просто политическим деятелем, претендующим на пост президента Франции; он олицетворял «принцип, против которого сражалась вся Европа», и если он был бы поставлен во главе французского правительства, то он «отнял бы у нас все гарантии сохранения всеобщего мира, которые мы находили в разумной и умеренной политике генерала Кавеньяка»⁷⁸.

Правда, Паскевичу Николай писал в конце 1848 года по этому поводу иное: «Кажется, во Франции Луи Наполеон будет президентом; ежели только держаться будет в политике правил, соблюдавшихся Кавеньяком, то нам все равно и признать его можем»⁷⁹. Тем не менее, когда

в декабре огромным большинством голосов Луи Бонапарт был избран президентом, это не ускорило признания нового режима во Франции со стороны царского правительства. В течение нескольких месяцев Николай I упрямо отказывался признать свершившийся факт. Главной причиной были опасения относительно возможного восстановления Французской империи. Помимо этого было еще недовольство царя образом действий принца Наполеона, который открыто поддерживал все протесты Англии против русской политики на Востоке.

В январе 1849 года французский поверенный в делах пришел к государственному канцлеру и заявил протест против пребывания русских войск в Валахии. Ему ответили, что правительству, которое нарушило все существующие международные договоры, не подобает требовать от других уважения этих самых договоров⁸⁰. Такая решительная отповедь произвела впечатление на Париж. Французское правительство не намеревалось до крайности обострять отношения с Россией из-за княжеств. После подписания Балта-Лиманской конвенции кабинет Луи Наполеона признал русско-турецкие дела подлежащими прежде всего решению этих двух стран.

В начале мая состоялось наконец официальное признание императорским правительством Второй республики. Киселёв получил приказание вручить французскому министру иностранных дел письмо государственного канцлера, где говорилось о назначении его поверенным в делах Его Императорского Величества.

Признание нового режима во Франции состоялось одновременно с публикацией царского манифеста об интервенции в Венгрию⁸¹. Идея «венгерского похода» вынашивалась длительное время. Далеко не сразу Николай в должной мере оценил грозный размах венгерских событий, имевших в тот момент решающее значение для исхода революционного кризиса в Европе. Даже получив в январе 1849 года от Паскевича сообщение о появлении в Венгрии одного из вождей польского восстания 1830 года — Юзефа Бема, возглавившего там польские отряды, царь, хотя и приказал принять меры к их уничтожению, все-таки не усмотрел в этом эпизоде особой опасности. Только после ряда тревожных депеш, начавших поступать в Петербург от правительства Франца Иосифа в марте 1849 года, Николаю стал понятен истинный масштаб быстро развивавшихся событий в Венгрии. Фельдмаршал Виндишгрец убедительно просил об оказании военной помощи и настаивал в первую очередь на оккупации русскими войсками Трансильвании, которую он считал центром польского освободительного движения. Николай, однако, не спешил отправлять в одну из австрийских провинций карательную экспедицию, которая, по его выражению, должна была для австрийцев «жар загребать».

Ограниченная роль, отводившаяся русским войскам по замыслу австрийского командования, не давала возможности царю нанести решающий удар по главным силам революции. Характерны строки его письма «любезному отцу-командиру» Паскевичу от 8(20) апреля: «По примеру прежнего предвижу одну зависть, злость и неблагодарность и верно не вмешался бы, ежели б своя рубашка не была ближе к телу, то есть ежели бы не видел в Беме и прочих мошенниках в Венгрии не одних врагов Австрии, но врагов всемирного порядка и спокойствия... которых истребить надо для нашего же спокойствия»⁸².

Намечавшееся выступление Николай рассматривал не только как меру по спасению Австрийской империи, но прежде всего как сокрушительный удар по силам, олицетворявшим европейскую революцию. Выдвинутые австрийцами условия были отклонены. Очень скоро ситуация в Австрии осложнилась, что вынудило ее согласиться на военное вмешательство России уже без ограничений. Вопрос об интервенции был решен, о чем и сообщил царский манифест 26 апреля (8 мая).

Появление этого манифеста предусмотрительно сопровождалось публикацией разъяснительных комментариев Министерства иностранных дел: памятуя историю с печально знаменитым манифестом 14(26) марта 1848 года, канцлер заранее постарался нейтрализовать неблагоприятное впечатление от этого документа в западноевропейских государствах: «Россия не только пользуется неоспоримым правом, которое дает ей необходимость самосохранения, но и действует, по ее мнению, сообразно с выгодами всех держав, истинно любящих мир, и споспешествует сохранению общественного спокойствия и равновесия в Европе»⁸³.

Нессельроде, впрочем, напрасно беспокоился: европейские державы с полным пониманием отнеслись к акции, предпринятой русским императором. Благожелательный нейтралитет президента Луи Бонапарта был обеспечен долгожданным признанием Второй республики. Кроме того, Франция не менее России была заинтересована в сохранении сильной Австрии как противовеса растущему влиянию Пруссии, стремившейся объединить Германию под своей эгидой.

Наибольшие опасения царского правительства, как всегда, вызывала реакция Англии. Однако узнав о достигнутой договоренности между Россией и Австрией, Пальмерстон ограничился репликой: «Кончайте скорее». Такая реакция главы английского внешнеполитического ведомства неудивительна: империя Габсбургов всегда была для Великобритании надежным партнером в восточных делах и верным союзником в борьбе с русским влиянием на Балканах.

Отношение к венгерскому походу в Пруссии было не столь однозначно. С одной стороны, сохранение целостности Австрийской империи грозило Пруссии потерей гегемонии в германских делах. С другой сто-

роны, прусское правительство опасалось нового польского восстания в случае победы венгерской революции, а, кроме того, Фридрих Вильгельм по обыкновению боялся прогневить своего грозного родственника. В итоге возобладало стремление сохранить хорошие отношения с могущественным соседом, и Пруссия ничем не воспрепятствовала царской интервенции.

21 мая в Варшаве Франц Иосиф подписал конвенцию о безвозмездном снабжении русских войск в Венгрии всем необходимым. Еще через неделю 140-тысячная армия под командованием Паскевича вступила на венгерскую землю. Правда, молниеносного, сокрушительного удара по революционным войскам, как того хотел Николай, не получилось. Несмотря на численное превосходство российско-австрийских сил, главнокомандующему венгерской армией Гёргею удавалось путем умелого маневрирования избегать «генерального сражения», которое стремилось навязать ему русское командование. В итоге только благодаря добровольной капитуляции Гёргея, сдавшего свою армию Паскевичу 13 августа 1849 года при Вилагоше, венгерская кампания завершилась в двухмесячный срок.

Несомненно, вмешательство России сыграло решающую роль в разгроме венгерской революции и спасении Габсбургской империи. Но были и другие причины неуспеха национально-освободительной борьбы венгров. К началу царской интервенции в собственно австрийских землях перевес был на стороне контрреволюции. Да и в самой Венгрии обострились внутренние противоречия: между дворянами и крестьянами по аграрному вопросу, между венграми и другими народами (хорватами, сербами, словаками и др.), населявшими земли так называемой «короны св. Стефана». Интересы этих народов, составлявших более половины населения Венгрии, и не хотело принимать в расчет венгерское руководство, стремившееся обеспечить путем восстания господствующее положение венгерской национальности. Все это подорвало национально-освободительное движение изнутри и в конце концов привело к его поражению.

По поводу «славной победы» был, как водится, составлен манифест, подписанный царем 17(26) августа 1849 года⁸⁴ Николай находился в зените славы. Европейские державы, особенно Англия, были приятно удивлены «бескорыстием» русского императора. Пальмерстон писал Бруннову 15 сентября: «Ваш государь заслужил великую славу не успехами своего оружия, ибо каждый знает, чего стоят русские войска, но умеренностью и великодушием, проявленными им после победы»⁸⁵. Таким образом, постреволюционная ситуация в Европе складывалась в пользу России.

Однако царь сам спровоцировал очередной кризис в русско-английских отношениях, потребовав у Турции выдачи бежавших туда из

Венгрии поляков. В свою очередь, Австрия хотела заполучить от турок «своих» беглецов — венгерских и итальянских эмигрантов. Заручившись поддержкой Англии и Франции, Порта отказалась выполнить эти требования. Россия и Австрия прервали с ней дипломатические отношения. Пальмерстон и Луи Бонапарт, считавшие желательным поколебать чрезмерно возросшие, по их мнению, авторитет и влияние царя, поспешили воспользоваться этим предложением.

1 ноября 1849 года британский флот из 12 кораблей вошел в Дарданеллы и встал на якорь невдалеке от выхода в Мраморное море. Это было грубейшим нарушением Лондонской конвенции 1841 года о проливах. Последовала серия ожесточенных дискуссий между главой Форин офис и российским посланником. Бруннов пригрозил появлением эскадры адмирала Лазарева в Босфоре и заявил, что в случае войны исход ее решит не британский флот, а русская сухопутная армия. В конце концов русскому дипломату удалось настоять на своем. Английский министр признал действия адмирала Паркера «ошибкой» и обещал отозвать флот из проливов. Французская эскадра, также вначале приблизившаяся к Проливам, покинула воды Архипелага в середине ноября. На этот раз ближневосточный кризис закончился мирно, и 19(31) декабря 1849 года между Россией и Турцией были восстановлены дипломатические отношения.

Однако уже в январе 1850 года русско-английские отношения снова осложнились, на этот раз из-за Греции. Придравшись к вздорной истории трехгодичной давности об имущественных претензиях подданного Великобритании ростовщика Пачифико, проживавшего в Афинах, английские корабли блокировали Пирей и захватили греческие торговые суда. На самом деле Англия была обеспокоена ростом национального самосознания греческой буржуазии, выразившегося в стремлении к объединению всех греческих земель. В свою очередь, на Ионических островах в эти годы активизировалось движение за присоединение к Греции. Таким образом, по мнению Пальмерстона, греки становились возмутителями спокойствия на Балканах. Для того чтобы примерно наказать Грецию, а заодно продемонстрировать России и Франции военно-морскую мощь Британии, и было вытасчено на свет Божий «дело Пачифико» и грозная армада из 14 кораблей блокировала побережье Эллады.

Греческое правительство обратилось за помощью к двум другим державам-покровительницам — Франции и России. После длительных дипломатических переговоров и переписки «дело Пачифико» было завершено, причем в пользу Англии, хотя ей пришлось уменьшить материальные претензии к греческому правительству в 200 (!) раз и в итоге они составили 150 ф. ст.

Николай I уверял греческого представителя Зографоса: «Если бы я занимал иное географическое положение, мои суда вклинились бы

между вашими портами и английскими кораблями»⁸⁶. Будучи изолированной в Черном море, Россия не могла оказать Греции никакой реальной помощи. Оставалось только наблюдать за растущим влиянием Англии в Восточном Средиземноморье.

В делах Центральной Европы, напротив, влияние Российской империи было очень велико. Это влияние царь в полной мере использовал при урегулировании прусско-датского конфликта и внутригерманской ситуации.

На протяжении 1849-го и первой половины 1850 года оставался нерешенным шлезвиг-голштинский вопрос, из-за которого неоднократно возобновлялись военные действия между Данией и Пруссией. В конце концов совместные усилия Англии, Франции и России вынудили Пруссию в июле 1850 года подписать мирный договор с Данией. Решающее воздействие на прусского короля оказала именно Россия.

В сложных отношениях, существовавших внутри Германского союза, в особенности между Австрией и Пруссией, царь также играл роль постоянного арбитра. Он «казнил» своей немилостью и миловал, одаря благорасположением. Король Пруссии и австрийский император являлись к нему на аудиенцию в Варшаву. Цель России в германской политике состояла в том, чтобы, примирив Пруссию и Австрию, создать из них антиреволюционную коалицию и буфер против Франции. И царь добился своего: 16 мая 1851 года эти два государства подписали союзный договор. Принцип монархической солидарности восторжествовал. Император Николай был удовлетворен.

Омрачала его торжество только Франция. В декабре 1851 года Луи Наполеон отменил республиканскую конституцию и стал диктатором. Тень Второй империи нависла над Европой. Целый год, следуя строжайшим инструкциям из Петербурга, Киселёв, возведенный к тому времени снова в ранг посланника, настойчиво, но тщетно пытался отвратить Луи Наполеона от совершения «рокового» шага — провозглашения империи, убеждал его сохранить республику и остаться президентом. Посланник императора Николая сделался ревностным защитником республиканской формы правления. Разумеется, русские наставления и увещания только раздражали будущего императора французов, полагавшего, что единственным врагом затеянного им переворота является Николай I.

Процедура признания императора Наполеона III, явившегося миру 2 декабря 1852 года, российским императорским правительством подтвердила подозрения Луи Бонапарта. Общепринятая форма верительной грамоты была произвольно изменена, и российский посланник оказался единственным среди иностранных дипломатов, кто от лица своего монарха приветствовал Наполеона не как «брата», а как «друга». Наполеон при этом проявил такт и сдержанность, сгладив жест России

находчивым замечанием: «Бог дает нам братьев, друзей же мы выбираем сами». Тем не менее пренебрежение со стороны русского императора, выразившееся в изменении общепринятой формы обращения и в том, что Россия была последней из держав, его признавших, не могло не сказаться на отношении Наполеона III к России и русскому самодержцу; отношения между двумя монархами оставались натянутыми.

Подводя итог внешнеполитической деятельности царского правительства в течение революционных и первых постреволюционных лет, следует сказать, что успехи, достигнутые Россией в эти годы на международной арене, оказались недолговечными. Исподволь возникший и постепенно нараставший конфликт вокруг «вечного» восточного вопроса привел к крушению всю политическую систему Николая I.

Глава IX. Крымская война

Крымская, или Восточная, война — важнейшее событие в истории международных отношений и внешней политики XIX века. Она изменила расстановку сил в Европе, оказала существенное влияние на внутреннее развитие ряда стран, в первую очередь России. Ее итоги явились одной из главных предпосылок Великих реформ, и прежде всего крестьянской реформы 1861 года.

Исследованию Крымской войны посвящено немало отечественных и зарубежных книг и статей. При всем разнообразии мнений историков можно выделить две главные тенденции: с одной стороны, чрезмерное подчеркивание наступательности политики царской России, стремления Николая I к разделу Османской империи и захвату черноморских проливов; с другой — преувеличение агрессивности западных стран — Англии и Франции, правительства которых будто бы всерьез планировали расчленить территорию Российской империи, низвести ее до положения второразрядной державы.

Однако государственные деятели, вершившие европейскую политику середины XIX века, были людьми более трезвомыслящими, в большей степени считались с реальными обстоятельствами, нежели пытаются представить это в своих сочинениях некоторые излишне эмоциональные авторы.

Рассказывая о событиях 1853–1856 годов, мы будем стараться без нужды не драматизировать их, не сгущать краски, ибо история этого времени была и без того достаточно драматичной.

1. Восточный кризис

Крымская война была порождена целым комплексом сложных причин. В самом общем плане она стала результатом обострения политических, идеологических, экономических противоречий на Ближнем Востоке и Балканах, а также на европейской арене в целом — в основном между Англией, Францией, Турцией и Россией. Война затрагивала и интересы других стран, прежде всего Австрии. Война выросла из восточного кризиса, тучи которого начали сгущаться на политическом небосклоне вскоре после того, как улеглись бури европейских революций.

Восточный кризис 50-х годов начался с разногласий Франции и России относительно прав католического и православного духовенства в Палестине, являвшейся провинцией Османской империи. Представители обеих главных христианских церквей осуществляли покровительство Святым местам, связанным с земной жизнью Иисуса Христа

и дорогим сердцу каждого христианина. Влияние Восточной, греческой, церкви основывалось на том, что в течение нескольких столетий Палестина входила в состав Византийской империи. Влияние Западной, римской, церкви опиралось на латинские завоевания в этих краях в эпоху крестовых походов. Права и привилегии обеих соперничавших между собой конфессий время от времени закреплялись султанскими фирманами и хатт-и-шерифами (указами). К XIX веку исторически сложилось так, что в преимущественном положении оказалась более многочисленная православная община, которая охраняла и поддерживала основные христианские святыни. Однако в середине столетия католики предприняли попытку добиться изменений в свою пользу.

В 1850 году православный патриарх Иерусалимский Кирилл обратился к турецким властям за разрешением на починку главного купола храма Святого Гроба Господня. Одновременно с этим бельгийская миссия в Константинополе подняла вопрос о восстановлении могил иерусалимских королей-крестоносцев. В Париже сочувствие читающей публики вызвала брошюра католического священника Боре, обвинявшего палестинское православное духовенство в захвате некоторых святынь, ранее принадлежавших католикам¹.

Вскоре французскому послу в Константинополе генералу Ж. Опику было предписано в энергичных выражениях напомнить султану Абдул-Меджиду о необходимости восстановить и сохранить в неприкосновенности права латинской церкви в Палестине. Президент Франции принц Луи Наполеон имел особую причину для вмешательства в этот спор. Озабоченный укреплением своего положения внутри страны, он желал заручиться поддержкой влиятельного католического клира, однако наиболее серьезные и далеко идущие последствия сделанного шага суждено было иметь в политике внешней.

Европейская общественность поначалу не уделяла большого внимания событиям на Востоке, не сразу разглядела, как эти события церковной жизни завязываются в тугую политический узел. Однако наиболее проницательные наблюдатели уже на начальном этапе восточного кризиса должным образом оценили значение трений между католиками и православными. Британский посол в Константинополе Ч. Стратфорд-Каннинг сообщал в Лондон: «Генерал Опик заверяет меня, что дело, вокруг которого и разгорелся спор, представляет собою исключительно вопрос о собственности и формулировке положений договора (1740 года между Францией и Портой. — *Авт.*). Однако подобные вопросы трудно отделить от общих обстоятельств. Если Россия, как это можно ожидать, вмешается на стороне греческой церкви, то настоящий диспут, вероятно, перерастет в борьбу за политическое влияние»². Серьезность вопроса понимала и комиссия, которой Абдул-Меджид поручил

выяснить, насколько основательны претензии католического монашества. «Смогут ли латиняне восстановить серебряную звезду, которую греки сняли со Святых Яслей? Получат ли они ключ от главных ворот церкви в Вифлееме? А если получат, то будет ли им позволено вставить его в замок? Повернут ли они ключ и откроют ли ворота? Вопросы эти кажутся довольно незначительными, но от ответов на них зависит: быть миру или войне»³, — рассуждал один из членов комиссии.

Спор вокруг Святых мест, обостряемый нежеланием всероссийского самодержца именовать новоявленного императора французов «Наполеоном Третьим» и «братом», продолжался с переменным успехом в течение 1850–1852 годов, то затихая, то разгораясь с новой силой. Он не имел форму прямого русско-французского противостояния, а велся путем давления на султанскую Турцию каждой из противоборствующих сторон, использовавших все средства политико-дипломатического арсенала.

Здесь были и решительные требования, переданные через русского посланника В.П. Титова, восстановить *status quo* в Палестине, при котором преобладающее положение занимало бы православное духовенство, и обмен личными посланиями между царем и султаном, и многозначительное прибытие в Константинополь французского посла маркиза Ш.-Ж. Лавалетта на борту военного корабля «Шарлемань». Турецкое правительство уступало давлению то одной, то другой стороны, колебалось, лавировало, но в итоге все более подчинялось французскому влиянию.

В конце 1852 года император Николай писал своему любимцу князю И.Ф. Паскевичу: «Думаю, что L— Napoleon будет на меня очень зол (по поводу frèге*), хотя явно, может быть, и не покажет, но искать будет вредить из-под руки. Уже и теперь видно его дурное влияние в Царьграде по делам Святых мест. Турки с ума сходят и вынуждают меня к посылке чрезвычайного посольства для требования удовлетворения; но вместе вынуждают к некоторым предварительным мерам осторожности. Почему я теперь же собираю резервные и запасные батальоны и батареи 5-го корпуса. Ежели дело примет серьезный оборот, тогда не только приведу 5-й корпус в военное положение, но и 4-й, которому вместе с 15-й дивизией придется идти в княжества для скорейшего занятия, покуда 13-я и 14-я дивизии сядут на флот для прямого действия на Босфор и Царьград... Но дай Бог, чтобы обошлось без этого, ибо решусь на то только в крайности. Зачать войну недолго, но кончить и как кончить — один Бог знает как»⁴. Некоторые планы и намерения, которыми царь поделился в своем письме с «отцом-командиром», будут в дальнейшем претворе-

* Frère (*фр.*) — брат.

ны в жизнь, другие так и останутся на бумаге. Как бы то ни было, но планы эти, как видим, были достаточно серьезными, ибо отражали общие интересы царского правительства в Восточном вопросе. В отличие от императора Наполеона, который рассматривал спор о Святых местах лишь как кстати подвернувшийся удобный повод, чтобы затеять более крупную игру, Николай I относился к этому спору всерьез и принимал близко к сердцу все успехи и неудачи единоверцев на Востоке.

Защита привилегий православной общины Палестины составляла часть общей задачи покровительства всему православному населению Турции. Эта задача традиционно считалась одной из наиболее важных в восточной политике России. Право подобного покровительства российская дипломатия выводила из условий Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 года, обязывавших Порту обеспечить «твердую защиту христианскому закону и церквам оного», которые подтверждались и в последующих договорах. В итоге в силу ряда русско-турецких соглашений и обещаний, данных христианам, Россия оказалась связанной системой обязательств, от соблюдения коих зависели ее влияние и вес в этом важном регионе. Православное население Османской империи к середине XIX века достигало 12–14 млн человек, и данный фактор, сочетая в себе элементы как конфессионального, так и политического характера, превратился в главное орудие воздействия Петербурга на султанское правительство.

Положение дел на Востоке и обстановка в Европе, по мнению Николая I, благоприятствовали тому, чтобы предпринять действенные шаги для решения восточного вопроса в соответствии с интересами и целями России. Что же входило в эти цели? Анализ совокупности событий в годы, предшествовавшие Крымской войне, и политического курса царского правительства того периода позволяет прийти к заключению, что его планы предусматривали усиление русского влияния на Балканах и Ближнем Востоке, изменение к большей выгоде для России режима черноморских проливов, установленного Лондонскими конвенциями 1840–1841 годов, и всей системы соглашений относительно Османской империи. Достижением успеха в этих вопросах российское самодержавие надеялось закрепить свой престиж и твердое положение на международной арене, которые оно приобрело после того, как было сбито пламя европейских революций.

Итак, момент для решительных действий император Николай I выбрал, казалось, удачно. Овеянный ореолом восстановителя законности и порядка в Европе, он находился в зените могущества. Кто мог помешать осуществлению его замыслов? Николай полагал, что по-настоящему никто не был в состоянии это сделать. «Выскачка» Луи Наполеон слишком занят своими внутренними проблемами, к тому же без Англии

на серьезные действия он не решится. Союз же Франции с Великобританией, по мнению царя, был невозможен. Не мог же нынешний Наполеон забыть о том, что англичане являлись смертельными врагами его великого дяди! Что касается самих англичан, то с ними российский император надеялся договориться. На чье сочувствие можно было рассчитывать в случае резкого обострения обстановки?

Былой солидарности государей, объединенных в Священный союз, более не существовало, но единство трех северных монархий, казалось царю, было налицо. Пруссию и Австрию он считал верными и надежными союзницами. Его, правда, беспокоили трения между двумя государствами, возникшие на почве соперничества за верховенство в Германии, но он был уверен, что сможет легко примирить пруссаков и австрийцев. В переписке с королем и императором поддерживались особая теплота и интимность. «Дорогой. Фриц» — так обращался обычно Николай I к своему шурину Фридриху Вильгельму IV, а тот звал зятя «дражайшим Никсом» (царь был женат на сестре прусского короля). Молодому Францу Иосифу Николай и вовсе говорил «ты», позволяя при этом и к себе обращаться подобным же образом.

Австрия, по мнению царя, должна была вечно помнить услуги, оказанные ей Россией в 1849 году (подавление революции в Венгрии). Он надеялся на сотрудничество с австрийцами в Восточном вопросе, и эти надежды поначалу оправдывались. Когда в конце 1852 года вспыхнул вооруженный конфликт между Портой и находившейся в номинально вассальной зависимости от нее Черногорией, султан бросил против «неверных» армию под командованием Омер-паши. В ответ на мольбы черногорцев о помощи Россия и Австрия потребовали от турецких властей остановить наступление. Посредничество России было, однако, отклонено Константинополем. Австрийское правительство, опасаясь, что военные действия смогут вызвать волнения в соседних славянских областях империи, придвинуло свои войска к черногорским границам, а также направило в начале 1853 года в Константинополь чрезвычайную миссию графа Х.Ф. Лейнингена. Российская дипломатия оказала на этом этапе моральную поддержку австрийцам. Туркам пришлось уступить и принять ультиматум Лейнингена о прекращении военных действий и очищении Черногории. В феврале было подписано мирное соглашение.

Многое зависело от того, какую позицию займет Великобритания. Николай I полагал, что русско-английские отношения развиваются не худшим образом. Он остался доволен результатами визита в Англию в 1844 году. В беседах с ведущими британскими политиками и самой королевой Викторией он изложил свое видение восточного вопроса и не встретил серьезных возражений. В 1849 и 1850 годах произошли, правда, два довольно неприятных инцидента. Первый из них возник в связи

с требованием русского и австрийского правительств к турецким властям о выдаче бежавших в Османскую империю венгерских и польских революционеров. Второй был связан с делом купца Д. Пачифико, английского подданного, дом которого в Афинах разграбили и разорили. Этот эпизод послужил поводом для англичан, направивших свой флот к греческим берегам и предъявивших правительству Греции ультиматум. В обоих случаях имели место довольно резкие объяснения российского посланника в Лондоне Ф.И. Бруннова с министром иностранных дел Г. Дж. Пальмерстоном.

Все это, однако, осталось уже в прошлом и не слишком омрачало, как считал царь, общий фон отношений между двумя державами. Его вполне устраивала политическая ситуация, сложившаяся в тот момент в Англии, где в 1852 году было сформировано коалиционное правительство во главе с Дж.Г. Эбердином. Премьер-министру было уже около 70 лет. Он отличался консервативными взглядами и, по уверениям Бруннова, не любил Наполеона III, зато питал особенное уважение и расположенность к российскому императору. Да и у самого Николая I остались весьма приятные воспоминания об Эбердине, с которым он имел возможность беседовать в Англии в 1844 году. Неплохие перспективы сулило также и перемещение одного из главных недоброжелателей России, Г. Дж. Пальмерстона, из Форин-оффиса на пост министра внутренних дел. Итак, царь решил действовать.

28 декабря 1852 года (9 января 1853 г.) на вечере у великой княгини Елены Павловны в Михайловском дворце Николай I подошел к посланнику Великобритании сэру Гамильтону Сеймуру и повел разговор о восточном вопросе. Слова императора своей «неожиданной откровенностью... и многозначительным содержанием» повергли британского дипломата в изумление, поскольку речь зашла о частичном разделе владений султана. В течение января-февраля состоялись еще три беседы на эту тему. Идеи, которые развивал государь перед английским посланником, сводились к следующему.

По мнению царя, в недалеком будущем мог произойти распад Османской империи. Это должно было случиться естественным путем. Турция — «больной человек», она умирает. А потому России и Англии следовало заблаговременно позаботиться о судьбе наследства «больного человека». «Я хочу говорить с вами как друг и как джентльмен, — сказал Николай. — Если нам удастся прийти к соглашению — мне и Англии, — остальное мне не важно, мне безразлично то, что делают или сделают другие». Далее он прямо заявил, что не допустит водворения Англии в Константинополе. Французы также не завладеют городом, как не получит его и Греция. «Может случиться, что обстоятельства принудят меня занять Константинополь», но «я... расположен принять обяза-

тельство не водворяться там, разумеется, в качестве собственника; в качестве временного охранителя — дело другое».

Самодержец не преминул изложить и конкретный план. Дунайские княжества (Молдавия и Валахия) уже фактически пользуются независимостью «под моим протекторатом». В такое же положение следует привести Сербию и Болгарию. «Что касается Египта, то я вполне понимаю важное значение этой территории для Англии. Тут я могу только сказать, что, если при распределении оттоманского наследства после падения империи вы овладеете Египтом, у меня не будет возражений против этого. То же самое я скажу и о Кандии (острове Крите. — *Авт.*)». Прощаясь после одной такой беседы, царь просил посланника побудить лондонский кабинет высказаться об этом предмете. «Я доверяю английскому правительству. Я прошу у них не обязательства, не соглашения; это свободный обмен мнениями и, в случае необходимости, слово джентльмена. Для нас это достаточно»⁵, — заключил он.

Так был сделан важный шаг, один из тех, которые и привели в конце концов к роковой развязке. По выражению современного исследователя В.Н. Виноградова, император Николай неоднократно «приоткрывал» свои подлинные намерения в восточном вопросе. Так было в 1833 году в Мюнхенгреце, в 1844-м — в Лондоне, в 1853-м — в Санкт-Петербурге⁶. В.Н. Виноградов пишет, что «мысль о распаде империи султана являлась идеей-фикс Николая I»⁷. Однако она жила в нем как бы подспудно. На протяжении большей части своего царствования он был вынужден придерживаться другой линии — проводить политику «слабого соседа». Для того чтобы осуществилась «идея-фикс», требовалось благоприятное стечение обстоятельств. Но даже при появлении подобных обстоятельств предпочтительнее было, по мнению царя, вместо попыток установления единоличного влияния на Балканах и Ближнем Востоке произвести распределение сфер влияния в регионе с учетом интересов других держав, прежде всего Англии⁸.

«Приоткрываясь» в беседе с Г. Сеймуром, император надеялся, что его зондаж будет встречен в Лондоне по меньшей мере с пониманием. Мог ли он тогда предполагать, что через год донесения британского посланника будут опубликованы в дипломатических «синих книгах» и его, Николая, секретнейшие предложения, став достоянием гласности, превратятся в мощный козырь в руках противников России?!

Надежды императора на благоприятную реакцию Англии не оправдались. Он допустил просчет. Подобные просчеты по мере развития восточного кризиса станут случаться все чаще. Привыкший к победам на внешнеполитическом поприще, избалованный успехами, которые к тому же без меры преувеличивались окружающими его льстецами, гордый и самоуверенный государь Николай Павлович к концу своего царство-

вания все больше утрачивал чувство реальности и столь необходимые политику трезвость мышления, сдержанность и осторожность, которыми обладал ранее.

Царь ошибся в оценке позиции Англии, оказавшейся более сложной, чем он ее себе представлял. Он исключал возможность действий Англии и Франции единым фронтом, преувеличивал глубину англо-французских противоречий, придавал слишком большое значение показному русофильству лорда Эбердина. Престарелый британский премьер действительно проявлял известную склонность к сотрудничеству с царской Россией, в которой привык видеть противовес Франции на Европейском континенте. Однако роль этого человека при выработке правительственного курса была не так велика, как хотелось думать императору Николаю. В коалиционном кабинете ее величества соперничали две фракции. Одну из них возглавлял премьер-министр, другую — министр внутренних дел Г. Дж. Пальмерстон, продолжавший и на своем новом посту оказывать значительное влияние на решение вопросов внешней политики.

Следует отметить, что соперничество различных течений в правящих кругах Великобритании вокруг восточной политики не носило принципиального характера. Это была скорее борьба по вопросам тактики. В то же время Англия имела стратегические цели на Востоке, следование которым считалось обязательным для каждого политика, какой бы ориентации он ни придерживался. Одной из главных целей являлось поддержание в целостности Османской империи, что мыслилось как часть более общей задачи, а именно охраны ближних и дальних подступов и путей, ведущих к Британской Индии, прежде всего от пресловутой «русской угрозы».

Действуя неодинаковыми методами, пилиты, лидером которых являлся Эбердин, и виги во главе с Пальмерстоном в конечном счете стремились к одному — не допустить усиления позиций России в районе Черноморских проливов, Ближневосточном регионе в целом. При этом Эбердин предпочитал идти более мирным путем, не доводя дело до открытой конфронтации. Он надеялся на то, что император Николай вовремя поймет неосуществимость своего проекта и отступит. Пальмерстон же был сторонником жесткой линии в отношениях с Россией, выступал за то, чтобы в переговорах был взят решительный тон. На инициативу царя следовало ответить отказом — таково было общее мнение.

В пользу подобного ответа говорило еще одно важное обстоятельство. Дело в том, что последние полтора десятилетия перед Крымской войной были отмечены прогрессирующим падением российского влияния в Турции и, соответственно, ростом влияния западных держав — Франции и Англии — на экономику и политику этой страны⁹.

Совершенно очевидно, что менять создавшееся положение было явно не в интересах Лондона.

В ответ на предложение царя министр иностранных дел Джон Рассел писал, что британский кабинет вовсе не считает, будто Турция стоит на пороге серьезного кризиса, грозящего ей катастрофой, а потому вряд ли стоит заключать какие-либо соглашения о разделе ее наследства. В депеше Рассела в вежливой форме выражалось несогласие с Николаем практически по всем пунктам. В частности, говорилось о недопустимости даже временного занятия русскими Константинополя. Отмечалось, наконец, что англо-русское соглашение было бы с подозрением встречено не только Францией, но и Австрией¹⁰.

Отрицательный ответ Лондона отнюдь не показался российскому императору тревожным симптомом. Скорее всего, он даже не воспринял его как отказ — настолько округлым и обтекаемым был язык документа. Если не удалась попытка договориться с англичанами, полагал Николай Павлович, то оставалась по крайней мере надежда, что они не станут мешать ему на Востоке. И действительно, когда в 1853 году вновь обострился спор католиков с православными, Англия, как протестантская держава, занимала поначалу нейтральную позицию.

Султанский посланец объявил в Иерусалиме о распределении священных реликвий: какие из них поступают отныне под покровительство православного духовенства, какие — в ведение католического. Явное предпочтение при этом отдавалось латинянам. Европейская пресса красочно описывала торжественные церемонии водружения серебряной католической звезды с французским гербом в том месте Вифлеемской пещеры, где некогда находились ясли с новорожденным Христом, и передачи ключей от ворот церкви Рождества Христова в Вифлееме и храма Святого Гроба Господня в Иерусалиме католическому епископу.

Во всем этом Николай I не без основания усмотрел результат давления Наполеона на Абдул-Меджида и решил преподать султану и его министрам суровый урок. Он прибегнул к одной из мер, упомянутых в приведенном выше письме И.Ф. Паскевичу, — к отправке в Константинополь чрезвычайного посольства, которое замыслил как предприятие, имевшее целью решительно склонить чашу весов в затянувшемся споре на Востоке на сторону России. Все в этом посольстве должно было стать значительным: и численность его, и внешняя обстановка, и личность посла.

В качестве кандидатов на эту роль фигурировали известные государственные деятели графы А.Ф. Орлов, П.Д. Киселёв, а также князь А.С. Меншиков. Выбор императора в итоге пал на последнего. Дело не терпело отлагательства, однако чрезвычайный посол из-за болезни не смог немедленно приступить к исполнению высочайшего поручения. Судя по его дневниковым записям конца 1852 — начала 1853 года, Мен-

шикова одолевало множество недугов. Он был нездоров в течение двух месяцев¹¹, но царь не изменил своего выбора, считая, вероятно, кандидатуру князя самой подходящей для отведенной роли. Можно полагать, что дальновидные А.Ф. Орлов и П.Д. Киселёв почли за благо уклониться от предлагавшейся им миссии, понимая, насколько она была ответственной и рискованной для карьеры¹². Дальнейшие события показали, что назначение А.С. Меншикова чрезвычайным послом явилось еще одной ошибкой Николая I.

Правнуку знаменитого сподвижника Петра Великого А.Д. Меншикова — светлейшему князю Александру Сергеевичу было 65 лет. Один из видных сановников империи, член Государственного совета, он в разные годы служил по дипломатической и военной части, занимая высокие должности, а с 1836 года являлся морским министром. Но какому бы делу ему ни приходилось посвящать себя, всюду он оставался дилетантом. Обладавший незаурядным умом, блестяще образованный, он не считал, однако, необходимым слишком напрягать душевные и умственные силы во имя какой бы то ни было цели, пусть даже самой возвышенной. В светском обществе этот капризный царский фаворит прослыл мастером каламбуров и язвительных острот, большинству же современников запомнился как равнодушный ко всему человек, холодный эгоист и желчный циник¹³.

В инструкциях, составленных для отъезжающего Меншикова государственным канцлером и министром иностранных дел графом К.В. Несельроде, говорилось о необходимости добиться от султана восстановления всех прежних прав и привилегий православной общины. В проекте русско-турецкого договора, который следовало заключить на сей счет, содержался важный пункт о праве российского посольства в Константинополе «делать представления» в пользу православной церкви. «Эти представления будут приниматься как исходящие от соседней и искренне дружественной державы»¹⁴. И чтобы у турецкого правительства не оставалось сомнений относительно «искренности» и «дружественного расположения» императорского двора, он намеревался предложить Блистательной Порте секретный оборонительный союз для защиты от посягательств и давления со стороны Франции.

А.С. Меншиков твердо усвоил, что император не удовлетворится частичными уступками турок, что в Константинополе следует разговаривать в резком тоне, не останавливаясь в крайнем случае и перед предъявлением ультиматума. Инструкции предписывали ему не только не вступать в переговоры с министром иностранных дел Фуадом-эфенди, потерявшим доверие русского правительства, но и требовать смещения его с поста¹⁵. Во время прощальной аудиенции государь напутствовал чрезвычайного посла: «угрожать туркам признанием независимости

княжеств»¹⁶. Ему рекомендовали напомнить, что «распадение Оттоманской империи стало бы неизбежным при первом же серьезном столкновении с нашим оружием»¹⁷.

В Константинополь князь Меншиков прибыл 16(28) февраля 1853 года на фрегате с красноречивым названием «Громоносец». Его сопровождала многочисленная свита, на берегу же он был встречен большой толпой греков, радостно приветствовавших посланца царя. Нанеся через день визит великому визирю Мехмед Али-паше, чрезвычайный посол объявил, что не намерен посещать Министерство иностранных дел до тех пор, пока там сидит сторонник Франции и противник России Фуад-эфенди. Султан, напуганный известием о сосредоточении 4-го и 5-го корпусов русской армии в Бессарабии, а также, очевидно, не случайным присутствием среди сопровождавших Меншикова начальника штаба 5-го корпуса генерала А.А. Непокойчицкого и начальника штаба Черноморского флота адмирала В.А. Корнилова, немедленно уволил Фуада и назначил нового министра — Рифаат-пашу. Представители западных держав в Константинополе расценили требование российского посла об отставке Фуада-эфенди как «из ряда вон выходящий поступок, посягающий на достоинство султанского правительства»¹⁸.

В Европе пристально следили за событиями в столице Османской империи. Миссия Меншикова вскоре превратилась в одну из постоянных газетных тем. Писали о том, что высокопоставленный российский представитель действует провокационно, подчеркивали некоторые вызывающие моменты в его поведении. Было обращено, в частности, внимание на то, что посол явился к великому визирю не в официальном мундире, а в обычном платье, а придя по приглашению на заседание султанского дивана, не пожелал сделать предусмотренный этикетом поклон.

Официальные переговоры А. С Меншикова с Портой начались 4(16) марта 1853 г. В тот день, а также 10(22) и 12(24) марта князь встретился с министром иностранных дел и вручил ему одну за другой сердитые ноты. После прочтения одной из них «лицо Рифаат-паши заметно помрачнело»¹⁹, отмечал Ментиков. Речь шла о требовании, которое тревожило турок более всего: охрана прав, привилегий и интересов православных подданных должна быть обеспечена русско-турецкой конвенцией, то есть международным договором, что давало бы Петербургу правовую основу для покровительства православным, а следовательно, и вмешательства под тем или иным предлогом во внутренние дела Османской империи. Отныне смыслом усилий Меншикова и всей дипломатической борьбы, связанной с его посольством, становился нажим на султана с целью заставить его подписать и обнародовать такой договор.

Чувствуя себя хозяином положения, чрезвычайный российский посол не считал нужным проявлять осмотрительность или сколь-нибудь

глубоко вникать в складывавшуюся ситуацию. Он продолжал действовать без оглядки, решительно и самонадеянно. А если и оглядывался, то только на Петербург, откуда ожидал одобрения. Он не исключал, что его миссия могла окончиться неудачей, за которой могло последовать военное решение восточного вопроса. Вот почему сопровождавшие его А. А. Непокойчицкий и В. А. Корнилов не теряли времени даром: обследовали берега Босфора, посетили Пирей и Смирну²⁰.

Тем временем турецкие министры и сам султан, в отличие от Меншикова, с тревогой и надеждой оглядывались на другую сторону — на западные державы, и они не заставили себя долго ждать. Первой откликнулась Франция. 22 марта французская средиземноморская эскадра покинула Тулон и взяла курс на Архипелаг. Английский поверенный в делах в Константинополе полковник Х. Г. Роуз предложил немедленно послать в турецкие воды Архипелага также и британскую эскадру, базировавшуюся на Мальте. Однако в Лондоне не спешили поддерживать инициативу Роуза. Там разрабатывалась более тонкая линия отношения к восточным событиям.

Новый министр иностранных дел лорд Кларендон, входивший во фракцию Пальмерстона, направил в Константинополь послом Ч. Стрэтфорд-Каннинга, ставшего незадолго перед тем виконтом Редклиффом. Это был очень опытный дипломат, мастер политической интриги, к тому же прекрасно разбиравшийся во всех особенностях обстановки в Стамбуле, где он прожил много лет, неоднократно занимая пост главы британской миссии (впервые был назначен в 1810 г.). Двоюродный брат покойного Джорджа Каннинга лорд Стрэтфорд-Редклифф являлся конфидентом Пальмерстона и старым недругом России. Он имел личные причины питать неприязнь к российскому самодержцу. Дело в том, что еще в 1832 году царь решительно отказался принять его в качестве посла Великобритании в Петербурге. «Энергичнейшим и умнейшим из дипломатических врагов Николая» называет Стрэтфорда автор одного из наиболее известных сочинений о Крымской войне академик Е. В. Тарле²¹.

Отправляя лорда Стрэтфорд-Редклиффа в Константинополь, кабинет предоставил ему самые широкие полномочия вплоть до права вызова британской эскадры в случае, «если угроза нависнет над турецким правительством»²². С этим-то человеком и должен был сойтись на ристалище князь Меншиков. Силы, как видим, были неравными: с одной стороны — искусный профессионал, с другой — самонадеянный дилетант.

5 апреля 1853 года Стрэтфорд прибыл в Константинополь и сразу же начал свою коварную игру. Для него не составляло труда узнать точное содержание проекта русско-турецкой конвенции. Передавая его в Лондон, он искажил формулировку статьи I. Под пером английского дипломата право русского правительства, «как и в прошлом», «делать пред-

ставления» в пользу православной церкви превратилось в право «давать распоряжения». В подобной редакции документ, естественно, приобрел дерзкий, повелительный характер и придавал восточной политике России особую агрессивность. В таком препарированном виде проект конвенции и был предложен вниманию членов британского парламента. Лондонские газеты не замедлили объявить, что царь хочет распорядиться судьбами 12-миллионного православного населения Османской империи²³.

Определенно взяв курс на провоцирование и обострение русско-турецкого конфликта, лорд Редклифф умело скрывал истинные цели под маской миролюбия. Свой план он осуществлял хитро и расчетливо. Одни его действия должны были отвечать заветным чаяниям Пальмерстона, другие — соответствовать намерениям Эбердина. Заверяя султана и министров в том, что они не останутся без поддержки в решающий момент, и, сделавшись, по существу, закулисным руководителем внешней политики Порты, английский посол одновременно демонстрировал показную доброжелательность в отношениях с Меншиковым, вызываясь играть роль посредника в споре о Святых местах между русскими, французами и турками. И действовал в этом качестве весьма успешно. Русско-французские разногласия были вскоре урегулированы.

Почти весь апрель прошел в довольно спокойных переговорах чрезвычайного российского посла с турецким правительством, что явилось главным образом результатом работы Стрэтфорда. Он советовал туркам идти на все уступки в вопросе о Святых местах. Не следовало только соглашаться с тем, чтобы эти уступки закреплялись договором императора с султаном, то есть конвенцией (по-турецки сенед). Нельзя было и допустить такой формулировки уступок, которая предоставляла бы царю право вмешиваться в отношения султана со своими православными подданными, что как раз и составляло основную задачу А.С. Меншикова. Таким образом, тактика лорда Стрэтфорда-Редклиффа заключалась в том, чтобы вынудить русского посла обнажить в конце концов подлинные цели царской политики, выставив их в самом неприглядном свете.

Справедливости ради нужно признать, что Николай I и его дипломатическая служба действительно несут большую долю ответственности за обострение кризиса и перерастание его в войну. Однако очень важно подчеркнуть, что не меньшая ответственность ложится и на противников России.

Какие же цели преследовали западные державы? Во-первых, они стремились не допустить упрочения позиций России на Балканах и Ближнем Востоке, сохранить существовавшую со второй половины 30-х годов XIX века тенденцию к укреплению английского и французского влияния в этом регионе. Они намеревались также лишить Россию

того авторитета и возможности оказывать решающее воздействие на европейские дела, которые особенно возросли после подавления революций 1848–1849 годов. Масштабные задачи, связанные с проблемой равновесия сил в Европе, решить лишь дипломатическим путем было невозможно. Требовалось применение военных средств. Ради общих целей в борьбе против России правящие круги Англии и Франции готовы были на время забыть о раздиравших их противоречиях.

Существовали и другие обстоятельства, способствовавшие переходу конфликта в открытое столкновение. Император французов нуждался в военных лаврах для укрепления своего положения на троне. Война как средство политики являлась неотъемлемым атрибутом режима, установленного «Бонапартом Малым». С ее помощью он надеялся покончить с ненавистной венской системой, главным охранителем которой оставалась царская Россия. В частном письме посланнику в Лондоне Ф.И. Брунову канцлер К.В. Нессельроде замечал: «Наполеону III война нужна во что бы то ни стало, и он непременно ее вызовет»²⁴. «Империя — это мир!» — демагогически восклицал Наполеон III. «Бонапарт — это война!» — уточняла европейская общественность. Современник событий Карл Маркс, пристально следивший за развитием восточного кризиса, называл его «истинным источником» «бонапартистскую узурпацию»²⁵.

В обстановке, когда была свежа память о бурном 1848 годе и чартистском движении, правящие круги Франции и Англии могли рассчитывать, что война против «жандарма Европы» окажется популярной и обеспечит им поддержку широких слоев общества. Следует заметить, что наряду с правительственными планами у отдельных западных политиков имелись и свои, порой по-настоящему экстремистские проекты. Так, например, Г. Дж. Пальмерстон писал о необходимости расчленив Россию, отнять у нее часть Кавказа, Крым, Бессарабию, Польшу, Прибалтику, Финляндию²⁶. И все это, разумеется, во имя «защиты» слабой Турции от русской агрессии.

Итак, дрова в костер разгоравшегося конфликта одинаково энергично подбрасывались с обеих сторон. Настоящего миролюбия не проявил ни один из участников спора. Причем если российский император действовал более откровенно, выбрав для достижения своих целей путь прямого давления на султанское правительство, то западные державы использовали иные методы: маскировку, заманивание, провоцирование. В феврале 1853 года было заключено секретное англо-французское вербальное соглашение о полной взаимной договоренности относительно заявлений и действий по Восточному вопросу. Между тем Лондон и Париж не жалели усилий, чтобы укрепить убеждение царя в непреодолимости разногласий между Англией и Францией и невозможности союза двух стран.

Усилия западной дипломатии попадали на подготовленную почву, и подготовил ее сам император Николай. Дело в том, что в российском дипломатическом ведомстве в описываемое время с благословения царя привились нравы, мало способствовавшие серьезной конструктивной работе в области внешней политики. Русские представители в основных европейских столицах порой направляли в Петербург не вполне достоверную или неполную информацию. Дорожа своими постами и опасаясь гнева самодержца, они старались представить в донесениях политику правительств, при которых были аккредитованы, не такой, какой она была на самом деле, а такой, какой ее хотел видеть государь. В большей или меньшей степени это относится к посланникам в Лондоне, Париже, Вене и Берлине — Ф.И. Бруннову, Н.Д. Киселёву, П.К. Мейендорфу и А.Ф. Будбергу.

Барон Бруннов, дипломат умный и с большим опытом, без сомнения, представлял себе подлинную роль Г. Дж. Пальмерстона в правительстве, догадывался об антирусских интригах, которые тот плел вместе с Ч. Стрэтфорд-Редклиффом; для него, вероятно, не оставалось тайной и англо-французское соглашение по восточному вопросу. Однако в своих донесениях он предпочитал не заострять внимания на таких серьезных моментах. Куда приятнее было писать о беседах с премьер-министром Дж. Г. Эбердином. Тот всегда был чрезвычайно любезен и не уставал заверять российского посланника в желании содействовать скорейшему урегулированию разногласий по восточным делам, благополучному исходу переговоров, которые вел Меншиков в Константинополе. Благородный лорд не забывал при случае напомнить, что питает глубокие чувства к российскому императору, в миролюбие которого неизменно верит и справедливость политики которого признает. Царю, разумеется, нравилось читать о том, что лорд Эбердин «ненавидит турок», а «поддержка Оттоманской империи» считает «одной из самых тяжелых обязанностей», которую поневоле должен исполнять «как политический деятель исключительно потому, что не видит, чем можно было бы заместить это государство, если оно рухнет»²⁷.

Бруннов сообщал, что в английском обществе все более широкое распространение получает идея о неизбежности распада Турецкой империи. В действительности дело обстояло далеко не так, но подобные донесения доставляли удовольствие Николаю. На полях одного из таких сообщений государь написал, что «оно объясняет неожиданный успех наших первых шагов и оставляет мне надежду в возможности идти вперед по пути, который я себе предназначал»²⁸. Как оказалось, путь этот вел в бездну.

Когда пришло время расплачиваться за грубые промахи, приведшие к войне с англо-франко-турецкой коалицией, царь напомнил Бруннову

эти донесения. Его вина была неоспоримой. Барон Бруннов внес свою лепту в дезориентацию императора и, следовательно, участвовал в приближении роковой развязки. Отменный стилист, признанный мастер по части составления различных меморандумов и нот, он слишком увлекался этой стороной дела. Не чуждый самомнения и самолюбования, барон склонен был относиться к государственному механизму Великобритании с оттенком покровительственной снисходительности. А в результате он явно недооценил политику Англии, профессиональное мастерство ее государственных мужей, среди которых он в первую очередь видел «людей бестолковых», упрямых и странных²⁹.

В отличие от Ф.И. Бруннова, посланник в Париже граф Н.Д. Киселёв поначалу проявлял известную независимость, позволяя себе высказывать «мужественные соображения», расходившиеся с мнениями, господствовавшими в Зимнем дворце³⁰. Однако убедившись, что его донесения, прежде чем попасть к царю, подвергаются существенной редакции со стороны канцлера К.В. Нессельроде, и под влиянием других обстоятельств Киселёв также подчинился «правилам игры», принятым в системе российского МИД³¹.

Что касается самого графа Нессельроде, то, будучи инициатором и главным действующим лицом этой «игры», он в своих докладах государю занимался лакировкой действительности не менее усердно, чем посланники в европейских столицах. Немалый опыт, который накопил за долгие годы министр иностранных дел, его компетентность и преданность делу не подкреплялись волей и влиянием. Характерной чертой отношений этого маленького человечка с громадным, саженого роста императором Николаем стала, по словам составителя иллюстрированного издания «Русские портреты XVIII и XIX столетий», «самоотверженная готовность стусеваться»³². Направляясь для доклада, «Карл Васильевич научился оставлять свое мнение на пороге императорского кабинета. Откровенные суждения, сомнения и тревоги поверялись лишь глубоко частным письмам. Перед самодержцем предстал исполнительный чиновник, готовый облечь во французские фразы монаршьи распоряжения»³³, — замечает В.Н. Виноградов.

Подобно своему протезе и приятелю Ф.И. Бруннову К.В. Нессельроде придавал преувеличенное значение нотам и депешам, абсолютизировал важность дипломатических бумаг. Один из наиболее авторитетных историков Крымской войны, А.М. Зайончковский, писал: «Из средства подготовительного, долженствовавшего служить исключительно к выяснению общих взглядов и намерений, мнили сделать их (дипломатические бумаги. — *Авт.*) средством, решающим судьбу народов. Родоначальник такого направления вице-канцлер граф Нессельроде, казалось, полагал, что интересы государства исключительно зависят от

убедительности его нот, забывая, что в мировых вопросах ноты хороши только тогда, когда поддержаны твердой решимостью довести дело до конца»³⁴.

Вернемся, однако, к основной сюжетной линии. События апреля — мая 1853 года в Константинополе развивались словно бы по сценарию, составленному лордом Стрэтфорд-Редклиффом. 23 апреля (5 мая) министр иностранных дел Рифаат-паша передал А.С. Меншикову два фирмана, в которых говорилось, что султан соглашается удовлетворить все русские требования относительно Святых мест. Меншиков немедленно направил турецкому правительству ноту с изъяснением своего недовольства. Он писал, что в фирманах отсутствует такой важный момент, как гарантии на будущее. Российский посол приложил к ноте свой проект сенеда (договора) между императором и султаном. Следует заметить, что этот новый проект по содержанию и тону был менее жестким по сравнению с тем вариантом, который Меншиков предъявлял Рифаат-паше ранее. Теперь от Порты уже не требовали принятия обязательств в отношении православного населения. Исчезли и ссылки на Кючук-Кайнарджийский договор, всегда болезненно воспринимавшиеся турецкой дипломатией, опасавшейся возможности расширительного толкования его статей³⁵.

Чрезвычайный российский посол постепенно начинал понимать истинную роль Стрэтфорда в переговорах. «Доброжелательство» лорда Редклиффа по отношению к России, по выражению Меншикова, «миновалось», как только были решены чисто церковные вопросы³⁶. Светлейшему князю сделалось ясно, что упорство, которое стали проявлять турки, в значительной степени объяснялось мощной поддержкой и советами этого человека. Недаром в Константинополе его прозвали «великим элчи» (великим послом), а в дипломатической переписке именовали «вторым султаном». Итак, Меншикову пришлось сбавить тон. Правда, и в данной ситуации он старался выглядеть грозным, а потому придал своей ноте ультимативный характер. Турецкий ответ должен был поступить через пять дней. По истечении установленного срока ответ пришел, но светлейший князь признал его неудовлетворительным. Как писал К.В. Нессельроде в отчете по министерству, «это была нота, продиктованная лордом Редклиффом. Стало очевидным, что Порта утратила всякую независимость»³⁷. А.С. Меншиков объявил о прекращении переговоров и разрыве дипломатических отношений. Однако он не покинул немедленно Константинополь. Султанскому правительству был предоставлен новый срок для окончательного ответа.

В эти майские дни политическая жизнь в столице Османской империи как официальная, так и закулисная была ключом. Произошли изменения в составе кабинета: на посту министра иностранных дел Рифаат-пашу

сменил известный реформатор и англофил Решид-паша. Состоялось заседание дивана. Меншиков беседовал с Абдул-Меджидом, а затем переселился на «Громоносец» и начал готовиться к отъезду. Наконец, лорд Стрэтфорд-Редклифф продолжал свою энергичную деятельность, убеждая турок отвергнуть предложенный русским послом сенед как портящий на суверенитет Порты.

5(17) мая состоялось заседание Большого совета Османской империи. Накануне Стратфорд нанес визиты большинству членов совета, убеждая их, по словам Меншикова, «подавать голоса против нас и принять проект ответа, который уже заблаговременно был заготовлен в английском посольстве»³⁸. 42 голосами против 2 русский проект договора был отвергнут и принят новый проект, который Решид-паша и вручил на следующий день А. С. Меншикову. Самым конкретным пунктом договора было согласие Порты уступить России земельный участок в Иерусалиме для строительства русской церкви и странноприимного дома. Светлейший князь ответил «решительным и ясным отказом, подтвердив разрыв дипломатических отношений и упомянув о возможности принятия принудительных мер... для поддержания наших трактатов с Портой и получения удовлетворения нашим справедливым требованиям».

На этом, впрочем, дело не закончилось. Желая, видимо, чтобы его посольство имело какой-то положительный результат, А.С. Меншиков решил пойти на уступку туркам, и это стало одним из немногих удачных дипломатических ходов посла. Он заявил Решиду, что Россия могла бы удовольствоваться нотой, в которой бы говорилось о том, что православная церковь будет и в дальнейшем пользоваться «под эгидой Е. В. султана привилегиями и иммунитетами, предоставленными ей с древних времен», а также констатировалось бы, что султан «соизволил оценить и серьезно принять во внимание переданные через российского посла откровенные и дружественные представления в пользу восточной православной церкви»³⁹. Итак, вместо сенеда — весьма умеренная по содержанию нота...

Получив проект документа, Решид-паша отправился в английское посольство и умолял лорда Редклиффа согласиться с последним предложением русских. Казалось, забрезжила надежда на мирное урегулирование. Но «великий элчи» остался непреклонен. Решиду пришлось ответить Меншикову, что его нота неприемлема, поскольку является вмешательством во внутренние дела Порты. Сам же британский посол пригласил к себе на совещание французского, австрийского и прусского коллег. Дипломаты высказывались на совещании довольно уклончиво, однако это не помешало Стрэтфорду объявить, что представители держав совершенно согласны с мнением турецкого министра⁴⁰.

Теперь уже А.С. Меншикову не оставалось ничего другого, как покинуть Константинополь. 9(21) мая пароход «Громоносец» с полным

составом российского посольства на борту снялся с якоря и взял курс на Одессу.

Разрыв России с Турцией произвел сильное впечатление в Европе. На Лондонской бирже началось стремительное падение курса акций. Пресса западных стран усердно разрабатывала тему русской угрозы. Общественное мнение захлестнула волна русофобии. Политический горизонт все более затягивался зловещими тучами. 19(31) мая в ноте, подписанной канцлером К.В. Нессельроде, ответственность за неудачу чрезвычайного российского посольства возлагалась на султанское правительство. Ему предлагалось в восьмидневный срок принять «ноту Меншикова». В противном случае Санкт-Петербург грозил оккупировать Дунайские княжества⁴¹. Однако Порты, надеясь на помощь морских держав, решила не уступать. В ответной ноте Решид-паши от 4(16) июня 1853 года русский ультиматум был отвергнут. «Никто не сомневается в том, что отклонение ультиматума следует приписать влиянию англичан и французов. Это более ущемляет гордость русских, чем если бы неудача произошла просто по воле самих турок»⁴², — писал внимательно наблюдавший за событиями американский посланник в Петербурге Н. Браун. Вскоре к туркам подоспела и помощь: в Безикскую бухту, расположенную у входа в Дарданельский пролив, вошла английская, а затем и французская эскадра.

Это произошло 13 и 14 июня 1853 года, и 14(26) июня появился манифест Николая I «О движении российских войск в Придунайские княжества». «Не завоеваний ищем мы; в них Россия не нуждается, — говорилось в манифесте. — Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного. Мы и теперь готовы остановить движение наших войск, если Оттоманская Порты обяжется свято соблюдать неприкосновенность православной церкви»⁴³. 22 июня (4 июля) два корпуса русской армии перешли Прут и вступили на территорию Молдавии. В дальнейшем каждая из сторон станет оперировать приведенными выше датами для доказательства того, что инициатива враждебных действий исходила от противника.

Русским войскам не впервой было оказываться в Дунайских княжествах. Во второй половине XVIII — первой половине XIX века они бывали там неоднократно. В последний раз — в связи с революционными событиями 1848 года и оставались в Молдавии и Валахии до 1851-го. Царь полагал, что и теперь старый, испытанный метод принесет желаемый результат — позволит добиться удовлетворения русских требований. Однако на дворе стоял далеко не 1848 год. Положение с тех пор изменилось кардинальным образом. Напрасно Нессельроде уверял европейские дворы, что движение русских войск, предпринятое в ответ на приближение кораблей западных держав к Проливам, вовсе не означает открытия военных действий, что речь идет лишь о получении «материальных гарантий»⁴⁴. Ни в Париже, ни в Лондоне его не хотели и слушать.

Накал антирусских настроений возрос. Бывший британский представитель в Петербурге Клэнрикард, выступая в парламенте, назвал переход русских войск через Прут «актом пиратства». Разгневанный царь приказал Ф.И. Бруннову прекратить всякие «социальные сношения» с Клэнрикардом. Политики различных партий требовали от правительства активного противодействия России. «Наш лорд Эбердин остался совершенно один»⁴⁵, — доносил Бруннов. Если пять лет назад занятие княжеств обошлось без осложнений, то летом 1853 года Франция и Англия использовали аналогичный шаг царя как самый удобный повод для разрыва с Россией и вступления в войну под предлогом «спасения» Османской империи. Так Николай I совершил еще одну серьезнейшую ошибку.

Оккупация княжеств занимала важное место в планах царя. Вот как излагал он эти планы своему «любезному отцу-командиру» И.Ф. Паскевичу: «Хочу прежде ограничиться занятием княжеств и без боя, ежели турки к нам не выйдут на левый берег Дуная. Так буду ждать, что занятие это произведет. Ежели они поддадутся, требовать буду сверх того части издержек по вооружению и до того не покину княжеств. Но, буде турки будут упорствовать, с своей стороны велю блокировать Босфор и брать турецкие суда в Черном море и предложу Австрии, с своей стороны, занять Эрцеговину и Сербию. Ежели и это не подействует, тогда полагаю объявить независимость княжеств, Сербии и Эрцеговины, и тогда вряд ли Турецкая империя устоит. И вероятно будут везде бунты христиан, и настанет последний час Оттоманской империи. Переходить Дунай не намерен, разве империя рушится. Да и тогда скорее пошлю флот, для чего держу его в готове, и 13-я и 14-я дивизии остаются в сборе в Севастополе и Одессе.

Покуда хочу полагать, что Каннинг действовал по-своему, не согласно данной ему инструкции от своего правительства, что скоро откроется (?). Но ежели и правительство одобряет его действия, то это было бы величайшее вероломство. Но и это меня не остановит, буду идти своим путем по долгу моего убеждения, как надо достоинству России». Как видим, император решил «дожать» Турцию во что бы то ни стало. Ставка все более отчетливо делалась на военное решение вопроса. Трудно сказать, шевелились ли при этом в душе железного Николая какие-то сомнения или колебания. Лишь один горестный вздох, похожий на сожаление, прорвался в его письме: «Сколько все это мне на старости прискорбно, отгадаешь. Желал бы кончить жизнь в покое!».

Столь пространная цитата, которую мы позволили себе привести, весьма показательна. В ней содержится, по существу, квинтэссенция взглядов и намерений российского государя по Восточному вопросу на середину 1853 года. Здесь и оборонительно-выжидательная тактика, которой он решил придерживаться на балканском театре и о которой писал в различных записках и письмах; и задумка провести босфорскую

операцию, которая также проходит через ряд документов, как и желание опереться при осуществлении своих планов на христианские народы Европейской Турции⁴⁷. После того как англичане отказались делить с ним наследство «больного человека», Николай стал обдумывать возможность взять себе в партнеры Австрию. Царю хотелось верить, что Стрэтфорд-Редклифф проводит собственную линию, расходящуюся с политикой лондонского кабинета. Он продолжал надеяться, что западные державы не вмешаются в русско-турецкий конфликт. Эта надежда не была поколеблена донесениями Ф.И. Бруннова и Н.Д. Киселёва, которые продолжали носить успокоительный характер, хотя в них и стало появляться гораздо больше тревожных ноток, чем прежде.

Следует отметить, что в правительственных сферах Петербурга имелись и сторонники иной, отличной от официальной, линии в Восточном вопросе. В исторической литературе получила распространение точка зрения, согласно которой при российском дворе существовали две партии: «русская», или «партия войны», и «немецкая», или «партия мира». Если приверженцы первой стояли за жесткую, наступательную политику (среди видных лиц этой партии называют, например, А.С. Меншикова), то представители второй во главе с канцлером К.В. Нессельроде пытались сделать все возможное, чтобы смягчить курс Николая I и вернуть его в более традиционное консервативное русло. Так пишут некоторые отечественные дореволюционные, а также западные историки⁴⁸.

В общем плане данное утверждение справедливо. По документам действительно можно проследить, как К.В. Нессельроде пытался склонить царя к проведению более «благоразумной» линии в отношении султанской Турции, что, по мнению канцлера, в большей степени соответствовало бы охранительным принципам «венской системы» и Священного союза⁴⁹. Однако эти попытки «подправить» курс царя были довольно слабыми и робкими и не получили заметного практического воплощения. Вот почему было бы неверно полностью снимать с Нессельроде ответственность за войну, как это делают его апологеты⁵⁰. Он стоял во главе министерства иностранных дел, и, следовательно, проигрыш российской дипломатии в поединке со своими соперниками, результатом чего и явилась война в чрезвычайно невыгодных условиях, должен быть отнесен и на его счет.

Не следует думать, что, взяв стратегический курс на разгром России в войне, правительства западных стран совершенно отказались от поисков других путей урегулирования восточного кризиса. Очень нелегко было переступить черту, отделявшую мир от войны. Если во Франции наполеоновскому режиму удавалось держать под контролем общественное мнение и печать, то в Англии правящим кругам приходилось гораздо больше считаться с настроениями публики и тоном прессы. Несмотря

на усилия официальной пропаганды, далеко не все слои общества отличались враждебностью к России. Две страны издавна являлись торговыми партнерами, влиятельные торгово-промышленные круги не хотели терять выгодный русский рынок. Неустанную проповедь мира вели религиозные пацифистские организации. Все эти факторы требовалось брать в расчет. Поэтому наряду с военными приготовлениями продолжалась и напряженная дипломатическая работа, в которой участвовали также Австрия и Пруссия. Наиболее известным проектом мирного урегулирования русско-турецкого конфликта летом 1853 года явилась так называемая «Венская нота».

Этот документ был принят конференцией представителей держав в Вене. От имени четырех держав (Австрии, Англии, Франции, Пруссии) 31 июля ноту направили в Петербург, а затем и в Константинополь. Согласно «Венской ноте», Турции предписывалось соблюдать все условия Кючук-Кайнарджийского и Адрианопольского договоров относительно особых прав и преимуществ христианской религии. Главный смысл документа заключался, однако, в том, что спорные вопросы русско-турецких отношений ставились теперь под контроль держав⁵¹.

И тем не менее император Николай сразу же согласился с предложением держав. В Петербурге усмотрели в этом демарше европейской дипломатии счастливый случай все-таки выпутаться из становившегося все более опасным кризиса с наименьшими потерями. Государю, вероятно, понравилось упоминание в ноте о договорах, заключенных после победоносных для России войн. Он лишь потребовал, чтобы султан также принял ноту без каких-либо оговорок. Если бы турки дали положительный ответ, то дело на сей раз могло окончиться миром. Однако этого не произошло. Турецкая дипломатия нашла в формулировках ноты предпосылки для вмешательства России во внутренние дела Османской империи. В Константинополе усиливались воинственные настроения. Решид-паша снабдил «Венскую ноту» такими оговорками, которые в Петербурге были сочтены неприемлемыми⁵².

Царь возмутился: он честно прошел свою половину пути, турки же не желали этого делать. Стало известно, что к турецкому отказу приложил руку виконт Стрэтфорд-Редклифф. Тут уже пришла очередь возмущаться лорду Кларендону. Министр сделал выговор зарвавшемуся послу, обвинив его в неповиновении. Инструкции ведь ясно предписывали поддержать ноту. Премьер-министр Дж.Г. Эбердин «подготовил королеву к возможности отставки Стрэтфорда». Однако в итоге для последнего все обошлось благополучно⁵³. Более того, Англия и Франция и вовсе вскоре перестали побуждать турок к принятию ноты.

Зато император Николай продолжал какое-то время надеяться, что этот документ поможет урегулированию русско-турецкого спора. В кон-

це сентября — начале октября 1853 года в Ольмюце, Варшаве и Потсдаме состоялись встречи царя с монархами и политическими деятелями Австрии и Пруссии. Воспользовавшись присутствием в Ольмюце британского посланника в Австрии Дж. Уэстморленда, государь Николай Павлович в «ласковой манере» попытался убедить его в своем миролюбии, в доказательство чего дезавуировал жесткое толкование «Венской ноты», с которым незадолго перед тем выступил канцлер Нессельроде⁵⁴.

Впрочем, основной целью осенних встреч было, конечно, уяснение позиций Австрии и Пруссии. К этому времени даже царь начал понимать, что единство трех северных дворов являлось скорее желаемым, чем действительным. О безоговорочной поддержке обеими германскими державами восточной политики России не могло быть и речи. Оккупация Дунайских княжеств была встречена без малейших признаков энтузиазма. Приходилось довольствоваться тем, что, «несмотря на настоятельные требования морских держав, берлинский кабинет отказался протестовать». Венский же кабинет «запрашивал нас снова и снова о продолжительности оккупации»⁵⁵ — так писал К. В. Нессельроде в годовом (1853 г.) министерском отчете.

Австрийцы вовсе не горели желанием сотрудничать с Николаем в восточном вопросе. По крайней мере по тому плану, которому следовал российский самодержец. Австрии важнее было спокойствие ее славянских провинций, она не была заинтересована в дальнейшем разжигании пожара на Востоке. Вот почему австрийская дипломатия все более активно стала принимать на себя роль посредника между конфликтующими сторонами. «Венская нота» явилась в основном делом рук премьер-министра и министра иностранных дел графа К. Ф. Буоля-Шауэнштейна при «благожелательном внушении императора Франца Иосифа и содействии трех представителей (держав. — *Авт.*) в Вене»⁵⁶. Австрийскому двору приходилось с опаской прислушиваться и к настроениям, царившим в Тюильрийском дворце. Дело в том, что Наполеон III, одержимый стремлением похоронить «венскую систему», вынашивал грандиозный план перекройки карты Европы, одним из пунктов которого значилась передача Дунайских княжеств Австрии в обмен на Ломбардию, которую надлежало присоединить к Пьемонтскому королевству. Занятие русскими войсками Молдавии и Валахии стало поэтому предметом особого беспокойства в Вене.

Что касается Пруссии, то она не имела прямых интересов на Востоке. Восточный кризис мог затрагивать ее лишь в общеполитическом контексте, в смысле уточнения ориентации этой страны либо на Россию, либо на западные державы. Николай I привык считать Пруссию самым верным союзником. Однако на деле берлинский двор колебался. Эти колебания отражали внутривосточную ситуацию. В Берлине существовали две партии — «русская» и «английская». Первая олицетворяла

собой консервативный лагерь. Здесь были аристократия, большинство дворянства. Вторая имела либеральную окраску. Ее поддерживала значительная часть буржуазии. С этой партией стал сближаться брат короля наследный принц Вильгельм, хотя он и являлся убежденным консерватором. Сам же Фридрих Вильгельм IV боялся как Николая I, так и Наполеона III и англичан, а потому не знал, на что решиться. О. Бисмарк, бывший в те годы представителем Пруссии в сейме Германского союза во Франкфурте, говорил, что «королевская политика напоминает пуделя, который потерял своего хозяина и в растерянности подбегает то к одному прохожему, то к другому»⁵⁷.

Во время встреч в Ольмюце и Потсдаме царь пытался добиться поддержки и укрепления союза северных дворов, однако особого успеха не достиг. Ему обещали лишь нейтралитет. «Австрии трудно, много забот по Италии и Венгрии; этим извинить только можно ее неутралитет. Пруссия все дрожит Франции и Англии. Вот наши союзники. И то хорошо, что не пристают, по крайней мере, ко врагам»⁵⁸, — сетовал он несколько позднее в письме И.Ф. Паскевичу.

Тем временем в Константинополе окончательно победили воинственные круги, увидевшие в сложившейся ситуации редкую возможность при помощи западных держав взять реванш за поражения Турции в предыдущих войнах с Россией, покончить со всеми обязательствами перед ней, восстановить свои пошатнувшиеся позиции на юго-востоке Европы, вдохнуть свежие силы в обветшалое тело Османской империи. 26 сентября Большой совет рекомендовал султану открыть военные действия. 8 октября турецкий главнокомандующий на Балканах Омер-паша потребовал в 15-дневный срок вывести русские войска из княжеств. 4(16) октября султан Абдул-Меджид объявил о состоянии войны с Россией. 22 октября в проливы вошла англо-французская эскадра. 23 октября турки переправились через Дунай и заняли городок Калафат, убив при этом несколько казаков. Одновременно были обстреляны в низовье Дуная суда русской речной флотилии. Через несколько дней 5-тысячный турецкий отряд, включавший и башибузуков, захватил слабо охранявшийся пост Св. Николая на Кавказском побережье, почти поголовно вырезав его защитников. 20 октября (1 ноября) Николай I подписал манифест «О войне с Оттоманскою Портою».

2. Политика и дипломатия в годы войны (1853–1855 гг.)

Кампания 1853 года была непродолжительной. Если сражения при Олтенице и Четати, на левом берегу Дуная, не принесли явной победы ни той ни другой стороне, то на кавказском театре успех определенно

сопутствовал русскому оружию. В битвах при Ахалцихе и Башкады-кларе русские войска под командованием генералов И.М. Андроникова и В.О. Бебутова разгромили превосходящие силы противника.

Однако главное военное событие произошло не на суше, а на море. 18(30) ноября в первом часу дня в Синопскую бухту стремительно вошла эскадра вице-адмирала П.С. Нахимова. Она двигалась двумя кильватерными колоннами. Прорвавшись сквозь береговые укрепления, русские корабли с близкой дистанции обрушили огонь своей артиллерии на стоявшие в бухте неприятельские суда. Завязался ожесточенный бой. Через три часа с лучшей эскадрой Османской империи было покончено. Турки понесли огромные потери и в живой силе. Раненого адмирала Османпашу взяли в плен. Некоторые русские корабли получили сильные повреждения, однако все остались на плаву и благополучно возвратились в Севастополь. Людские потери России оказались незначительными.

Синопская победа стала одной из самых ярких страниц боевой истории русского флота. Она получила громкий отзвук как в России, так и в Европе. «Нахимов, Бебутов — победы-близнецы!» — восклицал поэт П.А. Вяземский. Царь пожаловал Нахимову редчайшую воинскую награду — орден Святого Георгия II степени, щедро наградил всю эскадру. Адмирал сделался национальным героем, слава его гремела. Было высказано высочайшее пожелание, чтобы «Айвазовский писал картины большим делам»⁵⁹.

На Западе известие о событии 30 ноября встретили, разумеется, по-другому. Оно превратилось в фактор, ускоривший вступление морских держав в войну, ибо стало очевидным, что длительного единоборства с Россией Турция не выдержит. Антирусские настроения в Англии и Франции еще более усиливались. «Где была Великобритания, которая недавно утверждала, что ее знамя развевается на морях Леванта затем, чтобы ограждать и оказывать покровительство независимости Турции, ее старинной союзницы? Она осталась неподвижной. До сих пор она не посмела даже пройти через пролив. Это значит дойти до предела позора. Жребий брошен. Больше отступать уже нельзя, не омрачая чести Англии неизгладимым пятном»⁶⁰ — так передавал настроения, царившие в Лондоне, посланник Ф.И. Бруннов. Лондонский кабинет обвиняли в нерешительности и бездействии. Особую популярность приобрели статьи дипломата и публициста Д. Уркарта. Одержимый русофобией, он объявил даже лорда Пальмерстона... агентом российского императора⁶¹. Этот нелепой мысли отдал дань и Карл Маркс⁶².

Ближайшими последствиями Синопского сражения явились предоставление Турции Парижем и Лондоном займа в 2 млн ф. ст. золотом, а также заявление Г.Дж. Пальмерстона о выходе из правительства. Официальная версия гласила, что своим шагом Пальмерстон выразил

несогласие с правительственным билем об избирательной реформе. Однако в Англии и Европе уход благородного лорда поняли как протест против слишком слабого реагирования кабинета на события 30 ноября.

В России поначалу обрадовались отставке Пальмерстона. Ф.И. Брунов же писал из Лондона, что при иных обстоятельствах данное событие могло бы иметь благие последствия для России, однако Синоп все изменил. «Добрые намерения лорда Эбердина парализованы», дни его кабинета сочтены, и Пальмерстон лишь для того ушел, чтобы не пасть вместе с министерством⁶³.

Шовинистические настроения захватывали все новые и новые слои общества. Дело дошло до весьма редкого для Англии явления — антимонархических выступлений. Было известно, что королева Виктория не жалуется лорда Пальмерстона. По Лондону поползли слухи, будто причиной тому является муж королевы принц Альберт, которого, дескать, подкупил Николай I. Ожидали даже ареста королевской четы и заключения ее в Тауэр⁶⁴.

Британский посол в Париже Г.Р. Каули сообщал, что Наполеон III призывает «вымести с моря прочь русский флаг»⁶⁵. Лорд Эбердин вынужден был уступить. Виконту Стрэтфорд-Редклиффу в Константинополь направили предписание действовать согласно с послом Франции. 24 декабря 1853 года под аплодисменты публики «патриот» Пальмерстон вернулся в правительство, а в ночь с 3 на 4 января 1854 г. англо-французская эскадра вошла в Черное море и взяла «под защиту османский флаг и территорию». Одновременно было выдвинуто требование, чтобы русские неторговые суда вернулись на свою базу. Знакомый нам лорд Клэнрикард попросил министра иностранных дел найти ему «юриста, казуиста или софиста», способного истолковать английские действия как невраждебные в отношении России. В ответ лорд Кларендон процедила сквозь зубы, что «Англия сползает к войне»⁶⁶.

По мере развития восточного кризиса как в столицах западных держав, так и в Петербурге последовательно объявлялись пределы действий противной стороны, которые будут расцениваться как грань, отделяющая мир от войны. В Лондоне и Париже сначала посчитали за *casus belli* оккупацию Дунайских княжеств, затем решили дожидаться перехода русских войск через Дунай. Русское же правительство, в свою очередь, намеревалось считать за *casus belli* сначала ввод неприятельского флота в Дарданеллы, затем — в Мраморное море, Босфор и, наконец, в Черное море. В конце октября 1853 года Николай I писал: «Ежели флоты английский и французский появятся в Черном море, то положение наше будет труднее, ибо лишимся сообщений с Кавказом морем, да и часть фортов наших придется бросить. Но я объявил, что подобное движение флотов приму за объявление войны нам»⁶⁷.

Однако одно дело — объявить о намерении воевать, а другое — осуществить намерение. В последний момент срывается, вероятно, чувство самосохранения. Вот и на сей раз царь счел более благоразумным не торопить события. В самом конце 1853 года он писал: «Злость англичан выше всякой меры, равно как их дерзость и бесстыдство, но мериться с ними на море было бы неблагоразумно по превосходству сил их, хотя моряки наши только того и желают»⁶⁸. В тот же день император французов направил письмо своему посланнику в Санкт-Петербурге. «Мы недавно были в Константинополе простыми наблюдателями, и вот Синопское дело заставляет нас быть почти что деятелями. Еще шаг, и мы будем в войне с Россией»⁶⁹, — говорилось в письме.

Месяц спустя Наполеон III сделал попытку личного объяснения с Николаем I. Он посоветовал царю заключить перемирие с турками, вывести войска из княжеств, после чего и англофранцузская эскадра покинет Черное море, и, наконец, вступить в прямые переговоры с Портой о мирном урегулировании. Российский самодержец не внял совету. «По-моему, это недостойная насмешка»⁷⁰, — начертал он на полях наполеоновского послания, 28 января (9 февраля) 1854 года государь собственноручно написал ответ своему «доброму другу», но не «брату». В письме содержалось обвинение британского посла в Константинополе в искусственном разжигании мусульманского фанатизма после того, как спор о Святых местах был уже улажен, говорилось о неправомерности приравнивания фактического овладения Черным морем французским и английским флотами к занятию Дунайских княжеств, которое явилось не завоевательной, но охранительной мерой России. Письмо заканчивалось знаменательными словами: «Мое упование лежит на Боге и в моем праве, а в случае надобности я отвечу, что Россия будет в 1854 году такой же, какой она была в 1812-ом»⁷¹. «Земной шар замер в ожидании после переписки двух *добрых друзей*»⁷², — писали английские газеты.

Между тем посланнику Н.Д. Киселёву в Париже вручили официальную ноту за подписью министра иностранных дел Франции Э. Друэна де Люиса. В ответ на сделанный ранее российским представителем запрос в>Note разъяснялось, что запрет на плавание по Черному морю относится только к русским кораблям, но не распространяется на турецкие. Подчиняясь полученным ранее инструкциям, Киселёв немедленно объявил о том, что покидает Париж. По такой же схеме действовал в Лондоне и Бруннов.

Перед отъездом Киселёв испросил аудиенцию у императора. «Если вопреки обычаю я пожелал проститься с Луи Наполеоном в частном свидании, — доносил посланник, — то потому, что я знал, как он чувствителен к такого рода манифестациям и проявлениям личного почтения и насколько воспоминание о подобном поступке могло бы, при случае,

помочь завязать вновь сношения»⁷³. Наполеон встретил Киселёва очень ласково и попытался уверить, что политика его в восточном вопросе носила самый примирительный характер, однако общественное мнение Франции «вполне расположено к войне». Киселёв горячо возражал, доказывая, что общественное мнение, напротив, весьма опечалено тем, что Франция вступает в войну, выгоду от которой получит лишь Англия. Франции уже уготована роль помощника при уничтожении русского флота, который в случае необходимости мог бы оказать помощь французскому флоту против английского.

Николай I, в свою очередь, очень сердечно простился с французским посланником маркизом Б. Д. Ж. Кастельбажаком, наградив его орденом Святого Александра Невского. Расставание же с британским посланником Г. Сеймуром было совсем будничным⁷⁴, «Я остаюсь при своем решении не ставить на одну доску с генералом Кастельбажаком Сеймура»⁷⁵, — заметил Николай. Он питал личные симпатии к французскому генералу, но дело объяснялось, конечно, не только этим. Главного врага царь видел теперь в Англии. Он жестоко просчитался, англичане коварно обманули его надежды и ожидания, и потому царь был особенно сердит на них. Дж. Г. Эбердин не раз обещал Ф. И. Бруннову уйти в отставку, если произойдет разрыв между Англией и Россией. Но вот уже и война стояла на пороге, а старый лорд продолжал занимать кресло премьера. Во время прощальной беседы с Брунновым он выразил особую надежду на возможность предотвращения «чудовищной войны и бедствия, которое принесло бы пользу только духу революции»⁷⁶.

9(21) февраля 1854 года последовал манифест императора Николая «О прекращении политических сношений с Англиею и Франциею». Отметим попутно, что в авторитетных советских справочных изданиях дан ошибочный ответ на вопрос, кому же принадлежала «честь» объявления войны первым — России или западным державам. Вопрос этот не так мало важен, как может показаться на первый взгляд. Во всяком случае, правительства обеих сторон прилагали большие усилия, чтобы свалить ответственность за развязывание войны на противника, а самим предстать в глазах общественного мнения поборником мира⁷⁷. В Советской исторической и Большой советской (3-е изд.) энциклопедиях сказано, будто в ответ на ввод объединенной эскадры в Черное море Николай I объявил войну Англии и Франции⁷³. В действительности дело обстояло по-другому. Разрыв дипломатических отношений и объявление войны — это далеко не одно и то же. Несмотря на то что логика событий неумолимо вела к столкновению с западными державами, не в интересах России было форсировать этот процесс. Напротив, в начале 1854 года царь пытался насколько возможно отдалить, а то и вовсе не допустить англо-французского вмешательства в Русско-турецкую войну.

Николай I полагал, что сделать это можно путем расширения дипломатического и военного наступления. Еще в начале ноября 1853 года он собственноручно составил «записку», в которой намечалось новое направление русской политики. «Мы признаем, что наступило время восстановить независимость христианских народов в Европе, — говорилось в «записке». — Мы не иначе должны двинуться вперед, как ежели народное восстание за независимость примет самый обширный и общий размер... Мы провозглашаем желание действительной независимости молдо-валахов, сербов, болгар, босняков и греков с тем, чтобы каждый из-этих народов вступил в обладание страной, в которой живет уже целые века... Я вижу в этом единственное средство против зложелательства Англии, потому что невероятно, чтобы после подобной декларации они еще могли бы присоединиться к туркам, чтобы сражаться против христиан»⁷⁹, — заключил Николай.

Иначе думал К.В. Нессельроде. Он подал государю собственную «записку», в которой доказывал невозможность для России придерживаться подобной политики, ибо в таком случае консервативная Европа получит право «возражать нам словами всех наших заявлений, в которых мы постоянно уверяли, что, вступая в пределы княжеств, мы не предпримем ничего, что могло бы вызвать восстание христианского населения против султана»⁸⁰. Канцлер, впрочем, не возражал, если бы восстания вспыхнули стихийно в ходе Русско-турецкой войны. Не следовало только искусственно вызывать их, не нужно посылать для этих целей специальных агентов на Балканы, как замышлял царь.

Император был крайне недоволен министром иностранных дел, вздумавшим вдруг проявить такую самостоятельность. Однако в итоге все-таки Николай уступил и не стал настаивать на претворении в жизнь своего плана. Старые авторы Ф.Ф. Мартенс и Н.К. Шильдер особо выделяют этот редкий случай, когда взяла верх точка зрения «робкого» маленького канцлера⁸¹. Царь отступился от своего намерения главным образом потому, что не имел ясности относительно позиции Австрии. Нельзя было приступать к освобождению балканских славян, не получив «добро» со стороны Габсбургской монархии, имевшей в регионе особые интересы.

В конце января 1854 года в Вену был направлен один из любимцев императора — шеф жандармов граф А.Ф. Орлов. Он передал Францу Иосифу предложение объявить о нейтралитете Австрийской империи в случае войны России с западными державами. Взамен Россия взяла бы на себя обязательство гарантировать неприкосновенность австрийских владений, в том числе и Ломбардии, что было особенно важно. Кроме того, Австрии предлагалось в случае победы России в войне разделить с ней на равных правах протекторат над Сербией, Болгарией, Молдавией и Валахией.

Официальным предложением путешествия А.Ф. Орлова являлась необходимость доставки в Вену новых русских условий урегулирования конфликта с Портой в связи с нотой, которую четыре державы (Англия, Франция, Австрия и Пруссия) адресовали Турции в декабре 1853 года. В габсбургской столице графа приняли торжественно, как представителя царя, спасшего Австрию от революции. Однако миссия его потерпела неудачу. Император Франц Иосиф и венский кабинет сочли русские предложения невыгодными. К этому времени стал известен ответ Решид-паши на коллективный демарш. Турецкий ответ не мог удовлетворить царское правительство, поскольку он предусматривал арбитраж четырех держав в русско-турецких переговорах, вывод русских войск из Дунайских княжеств, а также требовал от России гарантий целостности Османской империи. Совершенно неприемлема с точки зрения Петербурга была и формулировка церковно-религиозного вопроса.

Позиция австрийского правительства во многом перекликалась с идеями последнего турецкого документа. В Вене сильно опасались за судьбу славянских провинций империи в случае перехода русских войск через Дунай. Там начинали все более склоняться в сторону западных держав. Под влиянием французской дипломатии венский двор отказался связать себя обязательством остаться нейтральным в войне. Более того, австрийцы заявили о намерении содержать на границе с княжествами в тылу русской армии наблюдательный корпус, который и был снаряжен сразу же по отбытии царского посланца из Вены⁸². Рассказывают, как только Николай узнал о том, что Орлов, дипломат ловкий и умелый, вернулся с пустыми руками, он повернул к стене висевший в его личных покоях портрет. Франца Иосифа и в сердцах написал на оборотной стороне холста по-немецки «Du Undankbare» (неблагодарный)⁸³.

Немного более утешительные вести приходили из Берлина. Пруссия также не спешила объявлять о нейтралитете на условиях предложенных Россией, хотя король и обещал ни при каких обстоятельствах не воевать со своим зятем⁸⁴.

Не добившись успехов на дипломатическом фронте, император Николай решил перенести основной упор на военную сторону дела. Он составил план действий на случай присоединения Австрии к враждебному лагерю. Согласно этому плану, «наивыгоднейшим» признавалось наступление на Краков в обход австрийских войск, стоявших в Прикарпатье и Галиции. Некоторые надежды царь возлагал даже на... новую венгерскую революцию, которая могла бы создать угрозу «сердцу Австрийской империи»⁸⁵. Впрочем, подобные идеи находились в вопиющем противоречии со всем прежним курсом царской политики. А потому они не получили развития. На практике был предпринят совсем другой шаг. В марте 1854 года русские войска перешли через Дунай в нижнем тече-

нии, а затем осадили турецкую крепость Силистрия на правом берегу реки.

Николай рассчитывал нанести султану поражение раньше, чем западные державы сумеют оказать ему реальную помощь. И хотя принудить турок просить мира не удалось, появление русской армии за Дунаем имело очень важные последствия. У балканских народов воскресли новые надежды на освобождение от векового османского ига. Поднялось греческое восстание в Эпире, ярче вспыхнули искры незатухавшей освободительной борьбы в Боснии и Герцеговине. Началась подготовка восстания в Болгарии, где известный революционер Георгий Раковский создал один из первых партизанских отрядов.

В то же время Англия и Франция, отчаявшись дожидаться объявления им войны Россией, были вынуждены сделать это сами, использовав в качестве предлога все тот же переход русских войск через Дунай, 27 марта о состоянии войны объявила королева Виктория, днем позже это сделал император Наполеон III. 10 апреля в Лондоне была подписана англо-французская союзная конвенция, дополнившая договор о союзе между Великобританией, Францией и Турцией, заключенный 12 марта в Константинополе. «Наконец, отбросив ныне всякую личину, Англия и Франция объявили, что несогласие наше с Турцией есть дело в глазах их второстепенное, но что общая их цель — обессилить Россию, отторгнуть у нее часть ее областей и низвести Отечество наше с той степени могущества, на которую оно возведено Всевышнею десницею»⁸⁶, — говорилось в написанном царем манифесте по случаю начала «большой войны».

В русском обществе это событие вызвало патриотический подъем. Широкое хождение получило незатейливое стихотворение, которое перепечатали многие газеты и журналы. В нем говорилось о «воеводе Пальмерстоне» и отважном французе, которых ожидает погибель, если они вздумают идти походом на Русь. Особое возбуждение царило в славянофильских кругах. А.Д. Блудова, братья Аксаковы, М.П. Погодин надеялись увидеть в скором времени осуществление своих панславистских мечтаний. Близкий к славянофилам поэт Ф.И. Тютчев писал:

И своды древние Софии
В возобновленной Византии
Вновь осенит Христов алтарь!
Пади пред ним, о царь России,
И встань как всеславянский царь!

Государь посчитал, что сочинитель зашел слишком далеко. «Подобных фраз не допускать»⁸⁷, — гласила монаршья резолюция. Патриотическая волна имела двоякую природу. Элементы казенного патриотизма, инспирированного сверху, сочетались в ней с проявлениями искреннего

национального чувства, выходящими порой за рамки официально дозволенного.

Итак, войну наконец объявили. Однако пройдут еще долгих полгода, прежде чем армии противоборствующих сторон сойдутся в первом крупном сражении. Весна же и лето 1854 года были заполнены различными событиями, дипломатическими и военными. Еще в марте английская, а затем и французская военные эскадры вошли в Балтийское море. Союзный флот подошел почти к самому Санкт-Петербургу, однако причинить практического вреда надежно защищенному городу не мог. Столичная публика съезжалась к Ораниенбауму посмотреть на неприятельские корабли, силуэты которых отчетливо виднелись на горизонте⁸⁸. Русский флот, будучи слабее англо-французского (в основном из-за недостатка винтовых паровых судов), укрылся в заливе под защитой кронштадтских и свеаборгских фортов. Не решаясь атаковать Кронштадт и Свеаборг, союзники предпочли ограничиться установлением блокады русских балтийских берегов, нападением на незащищенные пункты побережья да захватом торговых и рыболовецких судов. В одной иностранной корреспонденции «СПб. ведомостей» говорилось: «Франция и Англия снарядили превосходнейший флот... и отправили его в Балтийское море с целью учить русских географии. В Петербурге и Москве не найдется и пятисот человек, которые знали бы о существовании Брагестафта, Улеборга и пр., пока они не были бомбардированы соединенным флотом»⁸⁹.

Единственной достойной внимания операцией на Балтике в кампании 1854 года стало взятие французскими войсками укрепления Бомарзунд на Аландских островах. С точки зрения военно-стратегической эта операция не имела большого значения и была предпринята в основном по политическим соображениям: требовалось создать видимость успеха, чтобы как-то оправдать огромные расходы, которые повлекла за собой эта экспедиция, а также оказать психологическое воздействие на Петербург.

Самым важным событием указанного периода стал вывод русских войск из Дунайских княжеств. Это произошло летом 1854 года, и причиной тому послужили неудачная осада Силистрии, начало высадки англо-французских частей в Варне, а главным образом неприязненная позиция Австрии, которая, заключив 20 апреля оборонительный и наступательный союз с Пруссией, угрожающе сосредоточивала в тылу и на флангах русской армии все новые и новые силы. Рассерженный Николай писал главнокомандующему фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу, спасшему Габсбургов в 1849 году: «Ежели война с австрийцами будет неизбежна, ты в совокупности сил своих найдешь возможность и случай приобрести новую неувядаемую славу, горько наказав вероломных и неблагодарных

подлецов»⁹⁰. Между прочим, инициатором снятия осады с Силистрии и отхода за Прут являлся именно престарелый граф Эриванский, князь Варшавский Паскевич, завершавший свою блистательную карьеру, а потому определенно поменявший былой боевой задор на чрезмерную осторожность. Согласно особому договору между Австрией и Портой, эвакуируемую территорию Молдавии и Валахии занимали австрийские войска. Дунайская кампания заканчивалась, а вместе с ней завершался и целый период Восточной войны. Отныне война для России утрачивала наступательный характер и превращалась почти исключительно в оборонительную.

Начиная войну с Россией, западные державы выставляли себя защитниками и охранителями целостности Османской империи от русской агрессии, проявлением которой и являлась прежде всего оккупация Дунайских княжеств. С прекращением Дунайской кампании исчезли, казалось, и сами мотивы военного выступления Англии и Франции. На деле обстоятельство, объявляемое причиной, послужило лишь поводом. Причины же, как известно, лежали гораздо глубже. Военная машина еще только набирала обороты. На повестке дня было не свертывание, но расширение военных приготовлений. К тому же гордый российский самодержец, уязвленный бесславными итогами первого периода войны, жаждал удовлетворения за принесенные жертвы, не хотел примириться с мыслью, что его действия оказались ошибочными, а усилия русских воинов — напрасными. Он велел объявить отступавшей армии, что отход носит временный характер. «Нам выгоднее на время отступить, чтоб тем вернее потом пойти вперед, как было и в 1812 году»⁹¹.

Николай не мог не принимать во внимание и неблагоприятную перемену в настроениях русского общества в связи с неудачным окончанием Дунайской кампании. Более всего были разочарованы славянофилы. Свой гнев они обрушили теперь на коварных австрийцев. Старший из Аксаковых — писатель Сергей Тимофеевич мечтал: «Без восстановления славянского мира нет для нас торжества... Одно утешает всех, что Австрия немедленно нас обманет и мы принуждены будем броситься на нее прежде, чем дойдет черед до англичан и французов. Тогда гибель ее будет неизбежна». Историк М.П. Погодин удостоился «высочайшего государя императора благоволения» за одно из своих писем, отмеченное благородным гневом и патриотическими порывами⁹².

Итак, все говорило в пользу продолжения военных действий. Однако озабоченные необходимостью поддерживать престиж блюстителей международного правопорядка, правительства западных держав, провозгласившие себя к тому же носителями «цивилизации» в противовес русскому «варварству», вынуждены были после исчезновения непосредственного повода к войне выступить с мирными предложениями.

В августе 1854 года австрийская дипломатия от имени великих держав предъявила России в качестве предварительных условий мирного урегулирования следующие четыре пункта:

1. Замена русского покровительства над Дунайскими княжествами протекторатом пяти великих держав.

2. Свобода судоходства по Дунаю с установлением контроля держав над устьями реки.

3. Пересмотр конвенции 1841 года о Черноморских проливах «в интересах европейского равновесия».

4. Замена покровительства России православному населению Османской империи коллективной гарантией прав христианских подданных султана со стороны всех великих держав.

Англия и Франция решили «не рассматривать и не обсуждать никаких предложений российского кабинета, которые не влекли бы за собою полного присоединения к означенным принципам». «Справедливо обиженный формой и существом австрийских представлений... император не дал им никакого хода»⁹³, — говорилось в министерском отчете.

У государя Николая Павловича имелись свои виды на послевоенное устройство, в корне отличавшиеся от условий, предлагаемых союзниками. Все христианские области Турции должны будут стать независимыми и «как таковые вновь вступить в семью христианских государств Европы». Конкретные детали их внутренней организации, гарантии свободы религии, взаимоотношений друг с другом следовало обсудить на специальном конгрессе, который, по мысли Николая, надо было провести в Берлине. При этом подразумевалось, что российский император станет покровителем молодых балканских государств⁹⁴.

Он изложил этот план канцлеру Нессельроде в мае. Однако уже через два-три месяца стало ясно, что война складывается отнюдь не в пользу России и условия будет диктовать противник. Те, кто видел царя поздним летом 1854 года, отмечали особую его сумрачность и угрюмость. «Я была поражена происшедшей в нем за последнее время огромной перемены. Вид у него подавленный; страдание избородило морщинами его лицо... надменное и жесткое выражение смягчилось»⁹⁵, — читаем мы в дневнике А.Ф. Тютчевой, дочери поэта, фрейлины при дворе.

Было от чего хмурить брови самодержцу. С юга приходили тревожные вести: армия союзников готовилась покинуть лагерь в Варне для нанесения удара непосредственно по русской территории. Ожидалось, что, скорее всего, она будет атаковать Крым. Опасность висела и над самой столицей. Вражеская эскадра все лето зловеще маячила близ Санкт-Петербурга, то пропадая из виду, то показываясь вновь. Николай часто ездил на Петергофское взморье, где подолгу не отходил от подзорной трубы...

География войны расширялась. Нападению подверглись окраины Российской империи: Соловецкий монастырь и Кола на севере, а также Петропавловск на далекой Камчатке. Эти диверсии, однако, не принесли союзникам славы. Заметной страницей русской военной истории стало «камчатское дело», когда в августе 1854 года небольшой гарнизон Петропавловска во главе с генералом В.С. Завойко решительно отразил атаку англо-французской эскадры. Получив известие об этой победе, царь поспешил поделиться им с князем Меншиковым, тогдашним командующим всеми вооруженными силами в Крыму. «Порадует тебя геройское дело наших балтийских моряков в Камчатке, славно отбивших целую эскадру к удивлению всех»⁹⁶, — писал Николай.

Новость эта достигла Санкт-Петербурга лишь к началу зимы. К этому времени главной ареной действий уже прочно стал Крымский полуостров. 62-тысячная англо-франко-турецкая армия под командованием маршала А. Сент-Арно и лорда Раглана еще в сентябре высадилась в районе Евпатории и двинулась на Севастополь. А.С. Меншиков попытался задержать неприятеля у реки Альмы, однако сделать это не сумел. Превосходство союзников в численности и вооружении вынудило русские войска отступить.

Вместо того чтобы защищать Севастополь, Меншиков неожиданно отвел свою армию к Бахчисараю. Казалось, теперь Севастополь, почти открытый с суши, неминуемо попадет в руки противников. Но они не сориентировались и стали обходить город, чтобы, создав морские базы в Балаклаве и Камышовой бухте, начать действовать против севастьяпольских укреплений с юга. Это была явная оплошность союзного командования. Воспользовавшись ею, адмиралы В.А. Корнилов, П.С. Нахимов, В.И. Истомин, а также военный инженер Э.И. Тотлебен в спешном порядке организовали строительство оборонительных сооружений. Нахимов говорил, что после войны поедет за границу и публично назовет ослами лорда Раглана и французского генерала Ф. Канробера (сменившего маршала Сент-Арно, умершего вскоре после сражения на Альме).

Однако нависавшая над городом опасность с каждым днем возрастала. Под угрозой оказался находившийся на рейде Черноморский флот, состоявший по большей части из парусных кораблей. Количественно он вдвое уступал армаде противника, в которой к тому же преобладали винтовые паровые суда. «Что делать с флотом?» — спрашивал А.С. Меншикова начальник штаба В.А. Корнилов. «Положите его себе в карман»⁹⁷, — отвечал известный своим остроумием светлейший князь. В конце концов часть кораблей пришлось затопить у входа в Большую бухту Севастополя, чтобы воспрепятствовать проникновению в нее вражеских судов.

5(17) октября 1854 года Севастополь подвергся сильнейшей бомбардировке, после которой планировался его штурм. Но меткий огонь рус-

ских батарей сорвал эти планы. В тот день погиб руководивший обороной В.А. Корнилов. В последующие дни бомбардировка продолжалась. Несмотря на то что росло число убитых и раненых, защитники города не помышляли о его сдаче. Их упорное сопротивление вынудило союзное командование отказаться от плана быстрого овладения крепостью. Началась длительная осада.

Глубокой осенью 1854 года Меншиков дважды пытался атаковать позиции противника. Первый раз это случилось 13(25) октября на подступах к Балаклаве. Никакого стратегического выигрыша эта атака русским не принесла, но в ходе боя из-за опрометчивого приказа лорда Раглана погибла почти целая бригада легкой кавалерии англичан. Трагедия в Долине смерти произвела гнетущее впечатление на британское общество. Поэт А. Теннисон откликнулся на это событие балладой, снискавшей большую популярность у читающей публики.

24 октября (5 ноября) произошло сражение в районе Инкерманских высот. Оно оказалось тяжелым и кровопролитным. На этот раз численный перевес имели русские, но нерешительность и неумелые действия генералов П.А. Данненберга и П.Д. Горчакова не позволили развить наметившийся было успех. К находившимся на грани разгрома английским частям подоспели на помощь французы. Русские отступили, понеся значительные потери.

Изменение характера войны к концу 1854 года стало очевидным. Это отмечали и сторонние наблюдатели. Российский представитель в Вашингтоне Э.А. Стеклъ писал К.В. Нессельроде: «Крымская экспедиция сделала американскую прессу более благожелательной к нам. Маска сброшена, говорят газеты. Союзники действуют не во имя защиты Турции, но в своих интересах стремятся подорвать мощь России»⁹⁸. Американский посланник Т. Сеймур примерно в это же время писал из Санкт-Петербурга: «Каковы бы ни были первоначальные причины войны, повод для неудовольствия отодвинут, если не искуплен выводом русских войск из Дунайских княжеств. Беспристрастная нейтральная нация с трудом обнаружит сейчас в политике западных держав что-либо, кроме планов политической экспансии... Русские больше не вторгаются на чужую территорию, они защищают свою собственную»⁹⁹.

Известия о неудачах в Крыму удручающе подействовали на Николая. Он, правда, старался не подавать виду, что на душе у него тяжело, писал ободряющие письма Меншикову. Но когда оставался один, мрачные думы одолевали его. Часто не спал по ночам, выходил на улицу и часами бродил по Дворцовой набережной...

Вскоре Европа узнала, что российский император принимает четыре пункта (вспомним августовскую ноту Австрии) в качестве предварительных условий переговоров о мире. Это решение далось Николаю I

нелегко. Однако положение на театре военных действий вкупе с угрожающей позицией Австрии вынуждали с крепя сердце идти на уступки. «Верный союзник» Фридрих Вильгельм IV, испытывая давление со стороны западных держав, буквально умолял царя согласиться с их предложением¹⁰⁰. 16(28) ноября К.В. Нессельроде пригласил австрийского посланника В.Л. Эстергази и объявил ему о решении своего государя. Эстергази немедленно сообщил в Вену эту важную новость. Через некоторое время российский посланник представил соответствующую ноту австрийскому правительству.

С июня 1854 года главой российской миссии в Вене стал князь А.М. Горчаков. На большой международной арене появился дипломат, которому в недалеком будущем суждено будет возглавить внешнеполитическое ведомство Российской империи и сыграть на этом посту заметную и яркую роль. Лицейский товарищ А.С. Пушкина, человек умный и талантливый, он с юных лет посвятил себя дипломатической службе, участвовал в конгрессах Священного союза, был секретарем, советником, поверенным в делах, посланником в Лондоне, Флоренции, Штутгарте, Франкфурте, однако лишь на 56-м году жизни получил по-настоящему важное назначение. Нессельроде недолюбливал отличавшегося довольно независимым нравом Горчакова и возражал против назначения его посланником в Вену. По мнению старого канцлера, Горчаков был недостаточно компетентен. «Я назначил его потому, что он русский!»¹⁰¹ — отрезал царь.

2 декабря А.М. Горчаков вынужден был сообщить в Петербург чрезвычайно неприятное известие: в этот день Австрия заключила союзный договор с Англией и Францией. По его условиям она не могла вступать в соглашения с Россией без консультаций с западными державами. Они обещали помощь Австрии в случае ее войны с Россией. Три союзные державы обязались совместно защищать Дунайские княжества от русского нападения. В связи с принятием Россией четырех пунктов они соглашались начать с ней переговоры. Если до 1 января 1855 года переговоры не приведут к заключению мира, договаривающиеся стороны приступят к обсуждению мер, которые обеспечили бы достижение мира.

Договор от 2 декабря 1854 года — одно из важнейших событий дипломатической истории войны. Решение венского кабинета объяснялось рядом причин. Здесь и давление Англии и Франции, и стремление путем союза с ними заручиться гарантией неприкосновенности Северной Италии, и надежда на продление на неопределенный срок оккупации Молдавии и Валахии с перспективой их аннексии. Завершив дрейф в сторону западных держав, Австрия не отказалась, однако, от роли посредника между воюющими сторонами.

28 декабря состоялась первая неофициальная встреча представителей Австрии, Англии, Франции и России. А.М. Горчакову предъявили

меморандум, в котором содержались известные четыре пункта, причем некоторые были расширены. Говорилось уже о территориальной уступке со стороны России: она должна была отказаться от устья Дуная. Кроме того, объявлялось о необходимости «уничтожить русское преобладание на Черном море»¹⁰². Через несколько дней на втором заседании Горчакову удалось смягчить предъявленные требования и наметить соглашение по главным вопросам. Но дальнейшая работа застопорилась. Причиной тому стали министерский кризис в Англии*, а также надежда обеих сторон на то, что события на театре военных действий подкрепят аргументы дипломатов.

В начале 1855 года император Николай полагал, что дело еще не совсем проиграно, и не соглашался допустить покушения на свои суверенные права, которое усмотрел в новых требованиях союзников. На вопрос А.М. Горчакова об условиях, на которые можно было согласиться при заключении перемирия, царь ответил: «Покинуть Крым — другое невозможно»¹⁰³.

Для усиления позиции России нужна была удачная военная операция в Крыму. Однако атака турецкого лагеря в Евпатории 5(17) февраля 1855 года успеха не принесла. Непосредственным результатом неудачи под Евпаторией стало увольнение А. С Меншикова с поста главнокомандующего. Меншиков-полководец оказался под стать Меншикову-дипломату. Любивший говорить, что он «не тактик», светлейший не проявил и сколько-нибудь заметных качеств стратега. В армии его не любили и даже прозвали «князем Изменщиковым». Вероятно, нелегко было питать симпатии к начальнику, который не стремился завоевать расположение подчиненных. «Бывало, он сидел скрытный, молчаливый, таинственный, как могила... Холодный и немилосердный к страждущим, он только насмешливо улыбался, если ему жаловались на их нужды и лишения, и отвечал, что „прежде еще хуже бывало”»¹⁰⁴, — вспоминал хирург Н.И. Пирогов.

Зима 1854/55 года выдалась в Крыму на редкость ненастной и холодной. Армии воюющих сторон терпели страшные лишения. В русском лагере не хватало оружия, боеприпасов, теплой одежды, оборудования для лазаретов. Огромный урон союзникам нанес сильный ураган (ноябрь 1854 г.), уничтоживший несколько транспортов и торговых судов с запасами вооружения, зимнего обмундирования, продовольствия. Свирипствовали эпидемии: смертность от болезней порой превышала боевые потери. В войсках союзников участились случаи дезертирства.

Севастопольская эпопея продолжительностью 11 месяцев стала тяжелым испытанием для обеих сторон. В целом перевес военных сил был

* В результате кризиса ушел в отставку кабинет Дж.Г. Эбердина. Новым премьер-министром стал Г. Дж. Пальмерстон.

на стороне противников России (в кульминационный момент обороны 90 тыс. русских противостояла 175-тысячная неприятельская армия). Союзники превосходили русских и по технической оснащенности, и по качеству вооружения. Отсталая система комплектования и обучения русских войск, вытекавшая из самой природы крепостного строя, не позволяла иметь большие и хорошо обученные воинские резервы. Несмотря на, казалось бы, громадные людские ресурсы, численность армии во время войны не могла быть сильно увеличена по сравнению с мирным временем. Вот почему в экстренных случаях приходилось прибегать к набору вспомогательных иррегулярных формирований. Уже в начале 1855 года был объявлен призыв в «государственное ополчение». Своевременная переброска подкреплений на театр военных действий затруднялась к тому же громадными расстояниями, помноженными на извечную российскую беду — бездорожье.

С другой стороны, английское и французское командования не продемонстрировали способности воевать на высоком профессиональном уровне. Для них были характерны отсутствие широких стратегических замыслов, ограниченность и рутинерство. В то же время защитники севастопольской крепости не только явили миру образцы мужества и самоотверженности, но и показали высокую степень воинского искусства и военно-инженерного мастерства.

В конце зимы 1854/55 года Россию и Европу поразила неожиданная весть о кончине российского императора. Скоропостижная смерть отличавшегося крепким здоровьем Николая I породила слухи о том, что он покончил жизнь самоубийством. Сегодня нет оснований принимать эти слухи всерьез. Мировоззрение искренне верующего православного христианина, каковым безусловно являлся Николай, несовместимо с самоубийством. За свою жизнь властный и гордый российский самодержец совершил множество поступков, которые могли расцениваться как греховные, однако пойти на самый страшный из смертных грехов он вряд ли бы решился. Причиной его смерти явился грипп, осложненный воспалением легких. Об этом свидетельствуют люди из близкого царского окружения и документы из личного фонда наследника престола¹⁰⁵.

За уходом из жизни человека, олицетворявшего собой целую эпоху, неминуемо должны были последовать крупные перемены. Либерально настроенные круги общества вправе были ждать от нового императора ослабления военно-полицейского гнета. «Патриоты» в лице славянофилов надеялись, что при Александре II большее развитие получит русская национальная идея, окружавших царя иноземцев удалят и будет проводиться политика, отвечающая интересам России, а не «выгодам Европы».

В кругах «патриотов» говорили, что европейские мундиры придворных вскоре заменят платьем русского покроя, а камергеров и ка-

мер-юнкеров переименуют в стольников и ключников. «Все чувствуют, что делается как-то легче и в отношении платья, и в отношении духа. Ф.И. Тютчев прекрасно назвал настоящее время оттепелью. Именно так. Но что последует за оттепелью?»¹⁰⁶ — так размышляла в своем дневнике представительница известной славянской семьи В.С. Аксакова.

При новом императоре возобновились переговоры в Вене.

Теперь это была уже официальная конференция. Она открылась 15 марта и продлилась до 4 июня. За это время состоялись 14 заседаний. На первом председательствующий премьер-министр Австрии К.Ф. Буоль, а также уполномоченные Франции, Англии и Турции поспешили объявить о своем праве прибавлять к известным четырем пунктам дополнительные требования. В ответ на это А.М. Горчаков в решительной манере заявил, что мир, восстановление которого и является целью конференции, может стать реальным и прочным лишь при условии, что он будет почетным для обеих сторон, Россия никогда не согласится с предложениями, ущемляющими ее достоинство¹⁰⁷.

Обменявшись подобными любезностями, участники переговоров тем не менее довольно быстро достигли согласия по первым двум из четырех пунктов. Русская сторона пошла на замену своего покровительства над Дунайскими княжествами коллективной гарантией держав. Не вызвал особых затруднений и вопрос об обеспечении свободы судоходства по Дунаю. Российская дипломатия делала уступки в первых двух пунктах, во-первых, для того, чтобы попытаться удержать Австрию от окончательного перехода в лагерь противника (пункты 1 и 2 входили в круг непосредственных австрийских интересов), а во-вторых, чтобы зарезервировать себе более широкие возможности для маневра при обсуждении наиболее важного третьего пункта, который превратился на конференции в настоящий камень преткновения.

Напомним, что уже на первой предварительной встрече в декабре 1854 года западные союзники выдвинули положение не просто о пересмотре конвенции 1841 года о проливах, но об устранении «русского преобладания на Черном море». В дальнейшем на официальных заседаниях российским представителям А.М. Горчакову и бывшему посланнику в Константинополе В.П. Титову пришлось вести упорную борьбу против этого сурового требования, затрагивавшего самые насущные интересы их страны.

В Петербурге допускали возможность изменить статус проливов в пользу нечерноморских держав. Но требовать от России обязательства ограничить размеры своего флота довоенным уровнем, то есть запретить строить новые корабли, как предусматривалось проектами западных держав, значило бы, по словам К.В. Нессельроде, «желать невозможного и впадать в абсурд»¹⁰⁸. На конференции фигурировало

несколько вариантов устранения «русского преобладания» (которого, кстати, в тот момент уже не существовало, поскольку значительная часть военных кораблей была затоплена в Севастопольской бухте) — от наиболее жесткого английского до относительно мягкого австрийского.

Но главное было не в этом. Конференция «забуксовала» на третьем пункте оттого, что правительства Англии и Франции в действительности не хотели идти на мир до тех пор, пока не будет взят Севастополь. Они даже заключили специальное соглашение, гласившее, что лучшим решением черноморской проблемы, наряду с резким ограничением русского флота, должно явиться и разрушение севастопольских укреплений¹⁰⁹.

4 июня конференция закончила свою работу, так и не приступив к обсуждению четвертого пункта. Гарантии прав и привилегий православных в Османской империи были очень важны для России с точки зрения сохранения престижа великой державы и влияния на Балканах и Ближнем Востоке. В свое время Николай I выражал пожелание, чтобы данный пункт обсуждался первым. В беседах с австрийским премьер-министром Буолем Горчаков специально подчеркивал особую значимость этого вопроса для России¹¹⁰. Но конференция была прервана. Логика войны неумолимо диктовала свои законы. Прежде чем появится возможность договориться о мире, прольются новые реки крови, будут принесены в жертву новые тысячи жизней. «Я остаюсь при прежнем своем убеждении, что все эти переговоры были одна фарса»¹¹¹, — писал Александр II в мае 1855 года. Он полагал, что время для мира еще не настало. Его противники, в свою очередь, еще не достигли поставленных перед собой целей. Развязка, впрочем, была уже не за горами.

В летние месяцы 1855 года произошли решающие события, которые и определили судьбу Севастополя. 6(18) июня, в день 40-летней годовщины битвы при Ватерлоо, союзники попытались штурмом овладеть основными пунктами обороны осажденной крепости. Однако яростная атака была русскими отбита. Тогда осаждавшие усилили бомбардировки города. Русские несли огромные потери. Погиб адмирал П.С. Нахимов, руководивший севастопольской обороной. В середине августа главнокомандующий князь М.Д. Горчаков по настоянию Петербурга сделал последнюю попытку облегчить положение осажденных контрударом во фланг противника. Но бой у Черной речки сложился крайне неудачно для русских. Потеряв более 8 тыс. убитыми и ранеными, они отступили. 27 августа (8 сентября) после трехдневной бомбардировки французские части бросились на штурм Малахова кургана, занимавшего ключевое положение во всей оборонительной системе, и в результате отчаянной схватки захватили его. Вечером того же дня М.Д. Горчаков отдал приказ войскам оставить Южную сторону (часть) Севастополя. Гигантское сражение закончилось.

Иначе развивались события на кавказском театре. Кампания 1854 года была русскими выиграна. Несмотря на англо-французские десанты на Черноморском побережье и действия крупных турецких сил Омер-паши, союзникам не удалось добиться успеха и в следующем году. Надежды на поддержку черкесов и других горцев не оправдались. Экспедиция Омер-паши проходила под покровительством Англии. Французское же правительство без особого энтузиазма отнеслось к ней. Оно не желало усиления британских позиций на Кавказе и Ближнем Востоке в целом. Этот момент был одним из пунктов англо-французских разногласий, которые к концу войны проявлялись все явственнее. Кавказская кампания 1855 года завершилась крупным успехом русских. В ноябре сдалась сильная турецкая крепость Карс, находившаяся в блокаде в течение четырех месяцев. В плен попал 16-тысячный гарнизон во главе с английским генералом У.Ф. Вильямсом.

* * *

Для разгрома России западным союзникам необходимо было мобилизовать все ресурсы и средства. Важно было нанести удар и по экономике противника, парализовав его внешнюю торговлю. Однако осуществить это было совсем непросто. Англия и Россия являлись традиционными торговыми партнерами. Некоторые отрасли британской промышленности попросту не могли существовать без русского сырья. В течение всей войны вопрос о торговле с Россией не переставал дебатироваться в правительстве, парламенте, прессе. По словам одного юриста-между народника, англичане мучились над «неразрешимой проблемой: как навредить неприятелю, не причиняя неудобств себе»¹¹².

Разумеется, выход был найден. Торговые отношения продолжались по нейтральным каналам. В самом начале войны Лондон и Париж выступили с декларациями о намерении не препятствовать перевозкам нейтральных грузов на судах воюющих стран и о признании правила «нейтральный флаг покрывает товар».

Устанавливая блокаду Балтийского побережья России, англичане вынуждены были в то же время допускать вывоз русских товаров на нейтральных судах через порты Пруссии: Мемель, Кёнигсберг, Данциг. В итоге в 1854 и 1855 годах в Англию продолжали поступать (конечно, в ограниченном объеме) русские товары: сало, конопля, лен, хлеб. В Россию тем же путем и далее через прусско-русскую границу шли традиционные для ее импорта хлопок, сахар, вино, кофе, пряности.

Посредническая роль и срединное положение между воюющими сторонами, а также наличие «русской» и «английской» партий при берлинском дворе создавали предпосылки для колебаний и неустойчивости политики Пруссии. «Мой дорогой шурип ложится каждый вечер в кровать

как русский и встает каждое утро как англичанин»¹¹³, — сетовал на Фридриха Вильгельма IV император Николай. Ненадежность прусского союзника — постоянная тема в переписке Николая I и затем Александра II с М.Д. Горчаковым. В мае 1855 года Александр полагал, что дипломатическая борьба «кончится все-таки общей войной с Австрией и частью Германией. Говорю частью, ибо покуда надеюсь еще, что Пруссия устоит»¹¹⁴.

Пруссия устояла против усилий австрийской дипломатии вовлечь ее в союз с западными державами. За сохранение нейтралитета энергично выступал прусский представитель в союзном сейме во Франкфурте О. Бисмарк, к мнению которого все более прислушивались в берлинских верхах и обществе. Он считал своим долгом не допустить усиления Австрии в Германском союзе и часто в своих действиях поддерживал российского представителя во Франкфурте. Усилиями Бисмарка провалились и попытки австрийцев побудить другие германские государства сойти с позиций нейтралитета¹¹⁵.

Объектом усилий союзников по изоляции России и расширению своей коалиции являлись не только германские, но и итальянские государства, Скандинавские страны, Испания. В январе 1855 года в войну вступила Сардиния. 15-тысячный итальянский корпус отправился в Крым. Наполеон III обещал в награду помочь сардинцам присоединить Ломбардию и Венецию. Однако большего добиться англо-французской дипломатии не удалось.

Твердо решила придерживаться нейтралитета Дания, где еще не изгладились из памяти атаки на Копенгаген британского флота во время наполеоновских войн и где к России питали традиционные симпатии¹¹⁶. В 1854–1855 годах предпринимались энергичные попытки привлечь к борьбе против России Шведско-Норвежское королевство. Союзники сулили шведам Финляндию, предлагали занять Аландские острова. В Швеции имелись силы, толкавшие короля Оскара I к военному выступлению. Однако он опасался, как бы, втянув Швецию в войну, Англия и Франция не оставили ее один на один с могущественным русским соседом. Король хотел, чтобы союзники сами выставили большую сухопутную армию на Севере, требовал солидных субсидий и гарантий целостности Швеции на будущее. Он выдвинул также в качестве условия своего выступления объявление войны России Австрией. В итоге с большим трудом удалось склонить Оскара I лишь к заключению оборонительного союза с западными державами (21 ноября 1855 г.).

Одной из причин осторожного поведения шведского двора была ничтожность успехов англичан и французов на Балтике. В 1855 году они снова снарядили эскадру (более мощную, чем в 1854 г.), которая состояла в основном из английских кораблей. Бомбардировали Свеаборг, но большего не достигли¹¹⁷. Правительства и общественное мнение Фран-

ции и Англии, особенно последней, были явно разочарованы итогами кампании 1854–1855 годов на балтийском театре. Скудные результаты совершенно не соответствовали солидным приготовлениям. Следует отметить, что здесь также сказались англо-французские противоречия, которые в годы войны вовсе не исчезли, но были временно скрыты покровом союзнических отношений. Англичане желали бы нанести России сильный удар на Балтике. Но сделать это можно было лишь при наличии большой сухопутной армии, которую могла бы выставить Франция. Между тем Наполеон III не спешил, поскольку вовсе не был заинтересован в чрезмерном ослаблении России и усилении Англии.

Тем не менее не следует недооценивать значения балтийских экспедиций. Присутствие сильного неприятельского флота в непосредственной близости от Санкт-Петербурга держало царский двор в постоянном напряжении. В течение почти всей войны русское правительство было вынуждено содержать на северо-западе страны первоклассную армию численностью 270 тыс. человек. И это в то время, когда в Крыму катастрофически не хватало войск!

В обстановке усиливавшейся изоляции России естественным образом возрастало значение отношений с теми странами, которые в обычных условиях мирного времени занимали второстепенное место в системе ее внешнеполитических связей. В этом смысле показателен пример Соединенных Штатов Америки. Русско-американские отношения, носившие в течение всей первой половины XIX века благожелательный характер, получили в годы Крымской войны дальнейшее развитие. Не в последнюю очередь тому способствовало наличие общего противника. Россия вела войну с Англией, давним конкурентом Америки в области торговли и мореплавания. В 50-х годах к старым противоречиям добавились новые. В этот период Великобритания и США не один раз оказывались на грани открытого столкновения. Именно в контексте англо-американского соперничества можно рассматривать целый ряд важных моментов русско-американских отношений.

Легкой добычей для англичан обещали стать слабо охранявшиеся североамериканские колонии России. Однако в марте 1854 года было заключено англо-русское соглашение, по которому территория Русской Америки и прилегающая к ней часть Канады на время войны объявлялись нейтральными и выводились из сферы военных действий. Есть основания полагать, что английская сторона пошла на подобную сделку главным образом из стремления предотвратить переход Русской Америки к Соединенным Штатам. Ходили слухи о намерении царских властей уступить на время Аляску американцам, чтобы не допустить ее захвата Англией. Составили даже на сей счет фиктивный договор. Англичане были заинтересованы скорее в том, чтобы Аляска оставалась в руках

слабой в этом регионе России, нежели перешла в руки их главного соперника — США¹¹⁸.

Фактор США сыграл существенную роль в невступлении в войну Испании. «Платой» за ее участие в войне должны были стать гарантии неприкосновенности ее главной колонии — Кубы, данные Англией и Францией. Однако предоставить подобные гарантии означало бы бросить вызов американцам, объектом экспансионистских устремлений которых являлась Куба. Англичане не стали рисковать столкновением с США только ради того, чтобы заполучить 15–20 тыс. испанских солдат¹¹⁹.

Правительство США стремилось воспользоваться войной в Восточном полушарии для усиления своих позиций. Оно попыталось играть более заметную роль в международной политике и выступило с предложением мирного посредничества между воюющими сторонами, которое, впрочем, успеха не имело. Неофициальное предложение своих услуг Соединенные Штаты сделали летом 1854 года, когда война еще только вступала в решающую стадию. Реакция Англии и Франции на этот демарш оказалась резко отрицательной. Они не собирались заканчивать войну, не нанеся России сокрушительного удара. Царское правительство также отклонило предложение о посредничестве. В своей инструкции от 10(22) сентября 1854 г. К.В. Нессельроде сообщал российскому представителю в Вашингтоне Э.А. Стекло, что император расценил инициативу американцев как «новое доказательство доброй воли». Однако принятие посреднического предложения Россией при отсутствии соответствующего намерения со стороны западных держав могло бы быть истолковано ими, а «возможно, и остальной Европой как признание наших затруднений и нашей слабости, исходящее от нас самих»¹²⁰.

10(22) июля 1854 года в Вашингтоне была заключена русско-американская конвенция о морском нейтралитете — важный межгосударственный договор, явившийся определенным вкладом в международное морское право¹²¹. В конце 1854 — первой половине 1855 года в Петербурге разрабатывались проекты каперских предприятий с широким привлечением американцев для нанесения удара по британским торговым коммуникациям на Тихом океане¹²². Эти проекты, правда, так и остались на бумаге.

Царское правительство вполне устраивала политика Соединенных Штатов, которые, заботясь о собственных интересах, объективно занимали в отношении России позицию дружественного нейтралитета¹²³. Общественность США живо интересовалась событиями Крымской войны, причем симпатии ее в большей степени склонялись в сторону русских. В подтверждение можно привести немало конкретных примеров, самым ярким из которых стал приезд в Россию большой группы американских врачей-добровольцев с целью оказания помощи раненым¹²⁴.

3. Парижский конгресс 1856 года

В начале 1856 года в передовицах влиятельной американской газеты «Нью-Йорк дейли трибюн» анализировалась военная кампания прошедшего года. Автором этих публикаций выступил Ф. Энгельс. В одной из статей он писал: «Сосредоточить все силы Франции, Англии и Сардинии против одного пункта в Крыму... бороться за этот пункт целых одиннадцать месяцев и в результате овладеть только половиной его... Система ведения войны, которую западные державы применяли в борьбе против России, потерпела полный провал. Кампанию нынешнего года, если такая кампания состоится, нельзя будет вести по тому плану, которого придерживались до сих пор»¹²⁵.

Однако продолжения войны не последовало. Активные действия в новом году не велись. Кампания 1855 года оказалась последней, и по ее результатам можно было подводить итоги всей войны. Царская Россия потерпела поражение. Оно явилось следствием общей технико-экономической отсталости самодержавно-крепостнической страны в сравнении с главными капиталистическими державами Западной Европы и результатом перевеса военных сил союзной коалиции. Взятие Севастополя удовлетворило тщеславие Наполеона III. Он мог считать главные цели войны достигнутыми. Оружие Франции покрыло себя славой, был взят реванш за поражение в 1812–1815 годах, укрепилось положение императора внутри страны и империи в Европе. Мощь России на юге была сильно подорвана: она потеряла главную черноморскую крепость, лишилась флота. Продолжение борьбы и дальнейшее ослабление России не отвечали интересам Наполеона, это было бы на руку лишь Англии.

Война обернулась серьезным испытанием для западных союзников. Разгромить Россию оказалось отнюдь не простым делом. Длительная, упорная борьба стоила им многих тысяч человеческих жизней, требовала большого напряжения экономики и финансов. Правда, правящие круги Великобритании, раздосадованные тем, что успехи их армии оказались слишком незначительными, настаивали на продолжении военных действий. На приближение «подлинной опасности для нас, опасности мира» сетовал в письме брату новый премьер-министр Г. Дж. Пальмерстон¹²⁶. Теперь главным театром военных действий, по мысли британских политиков, должны были стать Кавказ и Балтика. Но воевать без Франции и ее сухопутной армии Англия не хотела, да и не могла.

Трудным было положение России. Два года войны тяжким бременем легли на плечи народа. В армию и ополчение было призвано более миллиона человек из числа работоспособного мужского населения, передано более 700 тыс. лошадей¹²⁷. Это, естественно, сказалось отрицательным образом на производстве, основанном в значительной степени на при-

менении мускульной энергии, еще более обострило кризис крепостного хозяйства. Тяжелое положение народных масс усугубилось эпидемиями тифа и холеры, а также засухой и неурожаем в ряде губерний. В деревне усилилось брожение, грозившее принять более решительные формы. Далеко не благополучной была ситуация и с военной точки зрения. На третьем году войны стали истощаться запасы оружия, ощущалась хроническая нехватка боеприпасов.

В конце 1855 года, когда уже прекратились боевые действия в Крыму и на Кавказе, в политических кругах и великосветских салонах европейских столиц стали ходить слухи о том, что между Парижем и Петербургом начались какие-то таинственные переговоры. Эти слухи имели под собой реальное основание. Инициатива контактов исходила от французской стороны.

После смерти Николая I Наполеон III пожелал, чтобы новый российский государь узнал, как сильно соболезнает император французов по поводу кончины своего «друга», к которому он будто бы всегда питал самое искреннее уважение. Что касается войны между Францией и Россией, то она явилась результатом драматического стечения обстоятельств, о чем он не перестает сожалеть. Эти чувства Наполеона были переданы через саксонского посланника в Париже Л. фон Зеебаха, зятя канцлера К.В. Нессельроде, в столицу России.

Петербургский двор прекрасно понимал, что шаг Наполеона не был простым жестом вежливости. Здесь явно просматривался важный политический подтекст. В свою очередь, Александр II выразил надежду на восстановление мира, добавив, что многое будет зависеть от императора Франции, до сведения которого также довели мнение царя¹²⁸. Однако новая инициатива последовала только после падения севастьяпольской крепости.

Осенью 1855 года посланник в Вене А.М. Горчаков узнал из неофициальных источников, что с ним хотел бы завязать переписку министр внутренних дел Франции граф Ш.О. Морни, имевший большое влияние в Тюильрийском дворце. В письмах Горчакова и Морни обсуждались общие основы возможного мирного урегулирования. Однако затем из Петербурга последовало указание прекратить переписку, дабы не мешать другим переговорам, которые, оказывается, уже велись самим Нессельроде с французским министром иностранных дел графом Ф.А. Валевским. Посредником в контактах двух министров выступал фон Зеебах¹²⁹.

Но эти контакты вскоре оборвались. О них каким-то образом проведали австрийцы. Для Австрии данное обстоятельство послужило толчком к более активным действиям. Император Франц Иосиф и премьер-министр К.Ф. Буоль опасались, как бы европейский конфликт не завершился без их должного участия, да еще путем русско-француз-

ского компромисса. Накануне нового, 1856 года к Нессельроде явился австрийский посланник В.А. Эстергази и передал ультимативное требование своего правительства к России принять предварительные условия мира. Для ответа давался срок до 6(18) января. В случае отказа Австрия будет вынуждена разорвать отношения с Россией.

Ультиматум состоял из пяти пунктов. В первом говорилось об отмене русского покровительства Дунайским княжествам и о проведении новой границы в Бессарабии, вследствие чего Россия лишалась выхода к Дунаю. Во втором пункте оговаривались условия осуществления свободы судоходства по Дунаю. Самым главным и болезненным для России оказался третий пункт, согласно которому Черное море объявлялось нейтральным, вход в него закрывался для военных судов, а на берегах его запрещалось иметь какие-либо военно-морские арсеналы. Четвертым пунктом русское покровительство православному населению Османской империи заменялось коллективной гарантией великих держав «прав и льгот христиан... без нарушений независимости и достоинства турецкого правительства». Наконец, пятый пункт гласил, что державы «предоставляют себе право» предъявлять и новые требования «на общую пользу Европы... сверх четырех прежних»¹³⁰.

Как видим, ультиматум, официально именованный «австрийским коммюнике», представлял собой ужесточенный вариант известных четырех пунктов. Этот документ, предъявленный от имени союзных держав, явился продуктом творчества австрийских и французских дипломатов, в первую очередь К.Ф. Буоля и французского посланника в Вене Ф.А. Буркене. Что касается англичан, то они сделали попытку дополнить его требованиями о «независимой Черкесии», об отторжении от России Грузии и других земель к югу от Кубани. Австрийцам и французам с трудом удалось убедить их отказаться от таких совершенно нереальных претензий. Англо-французские разногласия все больше затрудняли конкретные шаги к миру. Французской дипломатии было легче двигаться в этом направлении, сотрудничая с австрийцами¹³¹.

Следует заметить, что условия союзников, включая и неприятный третий пункт, не явились полной неожиданностью для царского правительства. А.М. Горчаков регулярно сообщал в Санкт-Петербург о ходе выработки требований союзников. Сам он получал эту информацию через своих секретных осведомителей. Руководители российской внешней политики, в том числе и император, постепенно переходили от позиции абсолютного неприятия идеи нейтрализации Черного моря к мысли о необходимости покориться этому требованию, которое стало представляться им приемлемым в качестве отправной точки на переговорах¹³².

И тем не менее самый факт выступления Австрии с ультиматумом являлся чрезвычайно неприятным для России моментом. Решающий

удар оказался нанесенным недавним союзником. Коварная политика австрийцев вызывала у нового государя гнев не меньший, чем у его покойного родителя. Американский посланник Т. Сеймур отмечал, что во время первого приема дипломатического корпуса Александр II резко выговаривал графу Эстергази по поводу «неблагодарности» Габсбургской монархии¹³³. «Ты идешь... дорогой, которая все более и более приближает тебя к нашим врагам и которая неизбежно приведет нас, если не будет перемены, к братоубийственной войне, и ты отдашь отчет Богу!»¹³⁴ — грозил он еще недавно Францу Иосифу. Теперь же приходилось выслушивать ультиматум, который, по всей видимости, придется принять. Вот и последний «союзник» — король Фридрих Вильгельм, опасаясь расширения масштабов войны и вовлечения в нее Пруссии, просит царя «идти до крайних пределов уступчивости»¹³⁵.

20 декабря 1855 года (1 января 1856 г.) и 3 (15) января 1856 года в Зимнем дворце состоялись два совещания, на которые Александр II пригласил видных сановников прошлых лет. На повестке дня был вопрос об австрийском ультиматуме. Лишь один участник, Д.Н. Блудов, во время первого совещания выступил против принятия условий ультиматума, который был, по его мнению, несовместим с достоинством России как великой державы. Народ, считал оратор, с негодованием воспримет такой позорящий и бесчестящий Россию мир. Выступление Блудова несло отпечаток взглядов определенных патриотически настроенных кругов общества, особенно славянофильских и близких к ним. Да он и сам находился под влиянием дочери, придворной славянофилки. В свое время граф Дмитрий Николаевич имел значительный вес при дворе. Этот образованный человек, нечуждый литературных интересов, занимал важные государственные посты, а в 30-е годы являлся министром внутренних дел. Однако теперь он был стар, и с его мнением считались уже меньше.

Эмоциональная, но слабая по аргументации речь известного деятеля николаевского времени не нашла отклика на совещании. Выступление Блудова было подвергнуто резкой критике. Все остальные участники заседаний недвусмысленно высказались за принятие предъявленных условий. В таком духе говорили А.Ф. Орлов, М.С. Воронцов, П.Д. Киселёв, П.К. Мейендорф. Они указывали на очень тяжелое экономическое состояние страны, расстроенные финансы, ухудшение положения населения, особенно в деревне¹³⁶.

Важное место на совещаниях принадлежало выступлениям К.В. Нессельроде. Оба раза император предоставлял первое слово именно ему. Канцлер развернул пространную аргументацию в пользу принятия ультиматума. Шансов на победу не осталось никаких, отмечал Нессельроде. Согласие на мир в настоящих условиях является единственным разумным решением. Продолжение борьбы только умножит число врагов

России и неминуемо приведет к новым поражениям, в результате чего будущие условия мира станут гораздо более тяжелыми. И, напротив, принятие условий сейчас внесло бы, по мнению канцлера, расстройство в расчеты противников, «ожидающих от нас отказа. Мы имеем перед собой шанс рассеять коалицию, составленную из разнородных и антипатичных элементов и связываемую лишь требованиями общей борьбы»¹³⁷.

В итоге решено было ответить на предложение Австрии согласием. Сначала, правда, была предпринята попытка принять ультиматум в урезанном виде, то есть без тех положений, которые отсутствовали в прежних четырех пунктах, — без изменения границы в Бессарабии и возможности выдвигать новые требования. Но попытка оказалась неудачной. К.Ф. Буоль заявил А.М. Горчакову, что ультиматум должен быть принят целиком. Одновременно он подтвердил намерение разорвать отношения с Россией в случае непоступления положительного ответа к означенному сроку¹³⁸.

Итак, 4(16) января 1856 года К.В. Нессельроде известил В.А. Эстергази о том, что российский император принимает пять пунктов. 20 января (1 февраля) в Вене был подписан протокол, констатирующий, что «австрийское коммюнике» излагает предварительные условия мира и обязывает правительства всех заинтересованных сторон в течение трех недель прислать уполномоченных в Париж для ведения переговоров и заключения окончательного мирного договора. 13(25) февраля в столице Франции открылись заседания конгресса, на котором Россия была представлена А.Ф. Орловым и Ф.И. Брунновым. Опытный и удачливый дипломат, ловкий политик и блестящий царедворец, отличавшийся и в свои 70 лет гвардейской выправкой, граф Орлов выступал в качестве первого уполномоченного. Бывший посланник в Лондоне, а затем представитель России при германском сейме барон Бруннов был назначен вторым уполномоченным.

А.Ф. Орлов не только формально являлся первым лицом русской дипломатии в Париже. Он действительно играл ведущую роль, и все успехи и неудачи российской делегации на конгрессе, отразившиеся в итоге в тексте мирного договора, были в значительной степени результатом его деятельности. Квалифицированную помощь оказывал ему Ф.И. Бруннов. Орлов систематически отправлял в Петербург донесения с подробным изложением хода переговоров, всех встреч и бесед, которые он имел. Вклад же руководителей внешней политики — Александра II и Нессельроде — был скромнее.

Впрочем, в инструктивных депешах Нессельроде содержалась достаточно полная характеристика задач российской дипломатии на Парижском конгрессе, давались указания о том, какой тактики следует придерживаться представителям России. Так, например, в основной ин-

струкции от 30 января (11 февраля) предлагались два варианта поведения: либо стовориться с Англией, намекнув на возможность уступок ей в вопросах, в которых она наиболее заинтересована, и таким образом изолировать Австрию и добиться отказа от требований об исправлении границы в Бессарабии, либо, напротив, использовать признаки сближения Франции и Австрии и присоединиться к ним, чтобы изолировать Англию¹³⁹. «Не будучи в состоянии разделить наших врагов, мы должны войти в особое соглашение с теми из них, от решения которых будет зависеть восстановление мира»¹⁴⁰, — писал Нессельроде Орлову в депеше от 17(29) февраля 1856 г.

В работе конгресса участвовали уполномоченные делегаты от Франции, Великобритании, России, Австрии, Османской империи, Сардинии. После того как все важные вопросы были уже решены, допустили и представителей Пруссии. Председательствовал на заседаниях французский министр иностранных дел, двоюродный брат Наполеона III граф Ф.А. Валуевский. Секретарем являлся управляющий политическим департаментом МИД Франции В. Бенедетти, чье имя в 1870 году окажется связанным с печально известной «Эмской депешей».

Основными противниками русских дипломатов в Париже стали английский и австрийский министры иностранных дел — лорд Кларендон и К.Ф. Буоль. Что касается французского министра Валуевского, то он чаще поддерживал русскую делегацию. А.Ф. Орлов писал, что председательствующий действовал очень тонко, стараясь не раздражать англичан. И в то же время «к нам он всегда относился не как враг, а пособник. Он сам употребил этот термин»¹⁴¹. Поведение Валуевского объяснялось тем, что параллельно с официальными переговорами имели место доверительные беседы между императором Наполеоном и графом Орловым, во время которых выяснялись позиции Франции и России и выработывалась линия, которой станет придерживаться каждая из сторон за столом переговоров.

В это время Наполеон III вел сложную политическую игру. В его стратегические планы входил пересмотр «венской системы договоров 1815 года». Он намеревался занять главенствующее положение на международной арене, установить французскую гегемонию в Европе, стать «суперарбитром» на континенте. С одной стороны, он пошел на укрепление отношений с Великобританией и Австрией. 15 апреля 1856 года было подписано соглашение о Тройственном союзе между Англией, Австрией и Францией. Этим договором гарантировались целостность и независимость Османской империи. Сложилась так называемая крымская система, имевшая антирусскую направленность.

С другой стороны, все сильнее давали себя знать англо-французские противоречия. Итальянская политика Наполеона неминуемо должна

была привести к обострению отношений с Австрией. Поэтому он включал в свои планы и постепенное сближение с Россией. Орлов доносил, что император встречает его с неизменной приветливостью, а беседы проходят в очень благожелательной обстановке.

Переговоры на конгрессе велись на основе известных пяти пунктов. Благодаря тому что Орлову удавалось довольно часто находить общий язык с Наполеоном III, русская делегация добилась достаточно выгодных для себя решений по целому ряду вопросов. Так, например, в важном вопросе об уступках территории в Бессарабии, где основным противником выступала Австрия, российским уполномоченным при поддержке Наполеона III и Валуевского удалось отстоять выгодный вариант пограничной линии. Орлов писал, что эта линия «имеет по крайней мере то достоинство, что она лишила наших противников двух третей территории, на которую они уже смотрели, как на свою»¹⁴². В итоге территориальные уступки России в Бессарабии оказались минимальными.

Главе русской делегации удалось не допустить обсуждения на конгрессе чрезвычайно неприятного для России польского вопроса. Успехом русских уполномоченных завершилось и противостояние с лордом Кларендоном, который не смог осуществить ни претенциозных проектов британской дипломатии относительно Кавказа, предусматривавших крупные территориальные уступки со стороны России, ни распространения принципа нейтрализации на Азовское море.

А.Ф. Орлов, безусловно, был умелым дипломатом, грамотно вел дело, уступая там, где это было неизбежно, и проявляя твердость в вопросах, где можно было добиться успеха. Но нельзя забывать, что у него в руках были сильные козыри, добытые русскими воинами. Позиции русской стороны укрепляло, например, то обстоятельство, что в конце 1855 года капитулировала мощная турецкая крепость Карс. Противников России заставляло умерить свои аппетиты и эхо славной Севастопольской обороны. По словам одного обозревателя, за спиной русских уполномоченных на конгрессе стояла тень Нахимова.

Канцлер в своих инструкциях неоднократно выражал одобрение действий Орлова. Он, в частности, одобрил решение обращаться в трудных случаях к посредничеству французского императора. Но одновременно Нессельроде предостерегал первого уполномоченного от чрезмерного доверия к Наполеону, высказывая опасения, как бы известный своей склонностью к авантюризму император не вовлек Россию в опасные предприятия. Показательно, что в этих инструкциях также не единожды говорилось о том, что Орлову предоставляется право самому принимать решения по важным вопросам.

Мирный трактат был подписан 18(30) марта 1856 года. Он фиксировал поражение России в войне. Вследствие отмены русского покрови-

тельства над Дунайскими княжествами и православными подданными султана было подорвано влияние царизма на Ближнем Востоке и Балканах, понизился международный авторитет Российской империи как великой державы, существенно нарушилось «европейское равновесие». Самыми тяжелыми для России стали те статьи договора, которые касались нейтрализации Черного моря, то есть запрещавшие ей содержать там военный флот и иметь военно-морские арсеналы (статьи XI, XIII, XIV)*. Территориальные же потери оказались сравнительно незначительными: от России отошли к княжеству Молдавия дельта Дуная и прилегавшая к ней южная часть Бессарабии (статьи XX, XXI).

К мирному трактату, состоявшему из 34 статей и одной «дополнительной и временной», прилагались также конвенции о проливах Дарданеллы и Босфор, русских и турецких судах в Черном море, о демилитаризации Аландских островов¹⁴³. Наиболее важная первая конвенция обязывала турецкого султана не допускать в черноморские проливы, «доколе Порты будет находиться в мире... никакого иностранного военного судна». Принцип закрытия Проливов для военных судов как «древнее правило Оттоманской империи» присутствовал, как известно, уже в Лондонских конвенциях 1840–1841 годов и считался царским правительством, а особенно Николаем I, достаточно выгодным. Теперь в условиях нейтрализации Черного моря это правило, казалось, должно было стать весьма полезным для России, охраняя беззащитное Черноморское побережье от возможного вражеского нападения. Будущее покажет, насколько соответствовал интересам России режим проливов, установленный в 1856 году.

В заключительной части работы конгресса Ф.А. Валуевский предложил ознаменовать европейский дипломатический форум какой-либо акцией гуманитарного характера по примеру Вестфальского и Венского конгрессов. Так появилась на свет Парижская декларация по морскому праву — важный международный акт, призванный регулировать порядок морской торговли и блокады во время войны, а также провозглашавший запрещение каперства¹⁴⁴. В выработке статей декларации активное участие принимал и первый российский уполномоченный А.Ф. Орлов.

* * *

«Восточный вопрос, несмотря на реки крови, которые он стоил Европе, сегодня неразрешим еще более, чем когда-либо прежде»¹⁴⁵, — писал в начале 1857 года новый российский министр иностранных дел князь А.М. Горчаков. И действительно, последующие десятилетия станут свидетелями новых кризисов, политической напряженности и новых

* Эти запрещения распространялись и на Турцию как на черноморскую державу.

войн, источником которых явится все тот же «вечный» восточный вопрос. Так что же, ничего не изменилось? Напротив, изменилось очень многое. Крымская война и Парижский конгресс стали рубежом целой эпохи в истории международных отношений.

Окончательно прекратила существование «венская система». Ей на смену пришли другие системы союзов и объединений европейских государств, прежде всего «крымская система» (Англия, Австрия, Франция), которой, правда, суждена была недолгая жизнь. Крупные перемены совершались и во внешней политике Российской империи. Вместо былой солидарности трех северных дворов в ходе работы Парижского конгресса начало намечаться русско-французское сближение. Еще более важным явилось изменение самого направления российской политики.

В апреле 1856 года был уволен в отставку К.В. Нессельроде, стоявший во главе министерства в течение четырех десятилетий. Старый канцлер оставил в качестве завещания любопытный документ под названием «Записка о политических Соотношениях России». В этой «Записке» он подвергает пересмотру основные принципы своей внешнеполитической концепции. «России предстоит усвоить себе систему внешней политики иную против той, которую она доселе руководствовалась», — пишет он. В документе говорится о том, что на первое место следует отныне ставить не «обязанность отстаивать, хотя бы с оружием в руках, условия европейских трактатов и частных соглашений, заключенных нами с некоторыми державами», но «требования русских интересов». Наконец, заявляется о «неотлагаемой необходимости заняться своими внутренними делами и развитием своих нравственных и материальных сил. Эта внутренняя работа является первою нуждою страны, и всякая внешняя деятельность, которая могла бы тому препятствовать, должна быть тщательно устранена»¹⁴⁶. Потрясение, испытанное страной в эти годы, было настолько велико, что заставляло пересматривать свои взгляды даже таких людей, как старый приверженец догм Священного союза Нессельроде.

Пройдет несколько месяцев, и Европа услышит знаменательную фразу А.М. Горчакова: «Россия сосредоточивается», то есть начинает уделять главное внимание внутренним проблемам, а на внешнеполитической арене действует осторожно, залечивает раны и собирает силы. Это будет новый курс русской политики, соответствующий задачам новой эпохи.

Примечания

Вместо введения

¹ См.: *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960; *Дружинина Е.И.* Южная Украина в 1800–1825 гг. М., 1970; *Она же.* Южная Украина в период кризиса феодализма. 1825–1860 гг. М., 1981.

² См.: *Покровский С.А.* Внешняя торговля и внешнеторговая политика России. М., 1947; *Золотов В.А.* Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX в. Ростов-на-Дону, 1963; *Злотников М.Ф.* Континентальная блокада и Россия. М., 1966.

³ См.: *Рожкова М.К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.; Л., 1949; *Куканова Н.Г.* Русско-иранская торговля. 30–50-е годы XIX в. М., 1984.

⁴ *Ключевский В.О.* Соч. в 9-ти т. М., 1989. Т. V. С. 419–420.

⁵ Там же. С. 195. См.: также *Чибиряев С.А.* Великий русский реформатор. Жизнь и деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. М., 1989; *Миرونенко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

⁶ Очерк истории Министерства иностранных дел (1802–1902). СПб., 1902; *Похлёбкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Справочник. М., 1992; *Турилова С.А.* 190 лет МИД России // *Международная жизнь.* 1992. № 2; *Она же.* Из истории структуры МИД Российской империи // *Дипломатический вестник.* 1992. № 1, 2.

⁷ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ РИ). Собр 2. Т. VII. С. 196. № 5286.

⁸ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Отчеты МИД. 1831–1832. Л. 270 об.

⁹ *Пресняков А.Е.* Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925. С. 33.

¹⁰ См.: *Сироткин В.Г.* Абсолютистская реставрация или компромисс с революцией? (Об одной малоизвестной записке Екатерины Великой) // *Великая французская революция и Россия.* М., 1989. С. 273–288.

¹¹ См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел (далее — ВПР). Серия вторая. 1815–1830 гг. Т. X. М., 1976; Т. XI. М., 1979; Т. XII. М., 1980; Т. XIII. М., 1982.

¹² Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII — начало XX в.). М., 1978. С. 5.

¹³ *Виноградов В.Н.* Восточный вопрос и Балканы. Размышления о современном этапе исследования // *Новая и новейшая история.* 1989. № 6. С. 70.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Достян Ц.С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972; *Международные отношения на Балканах. 1815–1830.* М., 1983.

¹⁶ Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография. М., 1981. С. 212; *Виноградов В.Н.* Указ. соч. С. 67–68.

¹⁷ *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII в. 80-е годы XIX в.). М., 1984. С. 8–10, 316–318; *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974. С. 199–293.

¹⁸ *Алексеев А.И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982. С. 41–62.

¹⁹ Русско-китайские отношения. 1689–1916. М., 1958, С. 29–30, 34–45.

²⁰ *Файнберг Э.Я.* Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960.

²¹ См.: *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения. 1815–1832 гг. М., 1975.

²² См.: *Окунь С.Б.* Российско-Американская компания. М.; Л., 1939; *Фёдорова С.Г.* Русское население Аляски и Калифорнии (конец XVIII в. — 1867 г.). М., 1971; *Алексеев А.И.* Судьба Русской Америки. Магадан, 1975; *Он же.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока к Русской Америки; *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867 гг. М., 1990.

²³ История дипломатии. Т. 1. 2-е изд. М., 1959. С. 501.

²⁴ Дипломатический словарь. Т. II. М., 1985. С. 81–82; *Турилова С.А.* 190 лет МИД России. С. 140.

²⁵ См.: *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы: от Радищева до декабристов. М., 1980; *Орлик О.В.* Декабристы и внешняя политика России. М., 1984; Балканские исследования. Вып. 7–9. М., 1982, 1984; *Сифоткин В.Г.* Официозная военно-политическая публицистика Франции и России в 1804–1815 гг. // Бессмертная эпопея. К 175-летию Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813 г. в Германии. М., 1988.

Глава I

¹ ВПР. Серия I. 1801–1815 гг. Т. I. М., 1960. С. 61.

² Там же. С. 61–62.

³ Цит. по: История дипломатии. 2-е изд. М., 1959. Т. I. С. 361.

⁴ ВПР Т. I. Док. 15.

⁵ Там же. С. 69.

⁶ Там же. Док. 16.

⁷ Там же. С. 54.

⁸ Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. СПб., 1903. Т. II. С. 94.

⁹ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами СПб., 1883. Т. VI С. 286–294; Материалы для жиз-

неописания графа Никиты Петровича Панина (1770–1837). СПб., 1892. Т. VI. С. 427–433; Архив князя Воронцова. М., 1876. Кн. 10. С. 251–253; ВПР Т. I. Док. 5, 6, 9.

¹⁰ ВПР. Т. I. Док. 12.

¹¹ Там же.

¹² Сборник Русского исторического общества (далее — РИО). Т. 70. СПб., 1890. Док. 80, 94, 97, 103.

¹³ ВПР Т. I. Док. 22.

¹⁴ РИО. Т. 70. С. 276–281.

¹⁵ *Шедиаы Я.* Меттерних против Наполеона. М., 1991. С. 41.

¹⁶ *Vaillon P.* Preussen und Frankreich. Bd. 2. Leipzig, 1887. S. 26.

¹⁷ РИО. Т. 70. С. 507.

¹⁸ Александр I — А.К. Разумовскому 7 октября 1802 г. // Архив внешней политики Российской империи. МИД Российской Федерации (далее — АВПРИ). Ф. Канцелярия. Д. 11471. Л. 65–65 об.

¹⁹ ВПР. Т. I. Прим. 186.

²⁰ *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. Т. III. Светлейший князь Андрей Кириллович. Ч. 1. СПб., 1882. С. 519–522; АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 11510, Т. I. Л. 87–87 об., 88–89.

²¹ РИО. Т. 82. СПб., 1892. С. 244–278.

²² История дипломатии. Т. I. С. 469.

²³ Там же. С. 470.

²⁴ ВПР. Т. III. М., 1963. С. 43.

²⁵ Там же. Док. 13.

²⁶ Там же. Док. 45; РИО. Т. 82. С. 362–363, 364.

²⁷ ВПР. Т. III. Док. 18.

²⁸ Там же. Док. 54.

²⁹ Там же. С. 564.

³⁰ *Beer A.* Zehn Jahre österreichischer Politik. Leipzig, 1877. S. 286.

³¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 11536. Л. 437.

³² Там же. Д. 6792. Л. 585–586.

³³ ВПР. Т. III. Прим. 28.

³⁴ Русский архив. 1863. № 2. С. 181.

³⁵ ВПР. Т. III. Прим. 414. С. 758.

³⁶ РИО. Т. 89. СПб., 1893. С. 38.

³⁷ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 35. С. 382–383.

³⁸ ВПР Т. III. Док. 258 (ст. V).

³⁹ Там же. С. 645.

⁴⁰ *Сироткин В.Г.* Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966. С. 108–110.

⁴¹ Русская старина. 1899. Кн. 4. С. 18–23.

⁴² История дипломатии. Т. I. С. 475.

⁴³ ВПР. Т. IV. М., 1965. Прим. 228.

⁴⁴ Цит. по: История дипломатии. 2-е изд. Т. I. С. 477.

⁴⁵ *Beer A.* Op. cit. S. 457, 470.

⁴⁶ *Сироткин В.Г.* Указ. соч. С. 127.

⁴⁷ *Шедивы Я.* Указ. соч. С. 95.

⁴⁸ Цит. по: *Соловьёв С.М.* Император Александр I. Политика. Дипломатия. СПб., 1877. С. 189–190.

⁴⁹ Николай Михайлович, вел. кн. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808–1812. Т. VII. Пг. 1914. С. 138.

⁵⁰ *Napoléon. Textes inédites et variants.* Lille, 1955. P. 87.

⁵¹ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 12.

⁵² Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. XXIX. С. 974–978.

⁵³ Цит. по: *Злотников М.Ф.* Континентальная блокада и Россия. М.; Л., 1966. С. 223.

⁵⁴ *Сироткин В.Г.* Указ. соч. С. 162.

Глава II

¹ *Рогинский В.В.* Швеция и Россия. Союз 1812 года. М., 1978.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 10825. Л. 217–217 об.

³ *Соловьёв С.М.* Император Александр I. Политика. Дипломатия. С. 206.

⁴ ВПР. Серия I. 1801–1815 гг. Т. IV. М., 1965. С. 447.

⁵ Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII — начало XX в.). М., 1978. С. 67.

⁶ Там же. С. 76.

⁷ ВПР. Т. VI. М., 1962. Прим. 187.

⁸ *Додолев М.А.* Россия и Испания. 1808–1823. М., 1984. С. 36–37.

⁹ ВПР. Т. VI. С. 271.

¹⁰ Там же. Прим. 477.

¹¹ Там же. Прим. 89.

¹² Там же. Прим. 343.

¹³ *Соловьёв С.М.* Указ. соч. С. 218.

¹⁴ *Beer A.* Zehn Jahre österreichischer Politik. Leipzig, 1877. S. 273.

¹⁵ *Ibid.* S. 275.

¹⁶ ВПР. Т. VI. С. 363–364.

¹⁷ *Driault E.* Napoléon et l'Europe. P., 1924. Т. 4. P. 353.

¹⁸ ВПР. Т. VI. Прим. 495.

¹⁹ Там же. Док. 190, 205, 216. Прим. 472, 495; *Федорова Ф.А., Михайлова Т.И.* Австро-русские отношения накануне и в период Отечественной войны 1812 г. // Исторический архив. 1962. № 4. Док. 6–8.

²⁰ Цит. по: *Сироткин В.Г.* Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966. С. 184–185.

²¹ *Соловьёв С.М.* Указ. соч. С. 227.

²² *Вандаль А.* Наполеон к Александру I. Франко-русский союз во время Первой империи. СПб., 1913. Т. III. С. 339.

²³ История дипломатии. Т. I. С. 484.

²⁴ Там же. С. 485.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 487

²⁸ ВПР. Т. VII. М., 1970. С. 35.

²⁹ Там же. Прим. 43.

³⁰ ВПР. Т. VI. Прим. 689; Бессмертная эпопея. К 175-летию Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813 г. в Германии. М., 1988. С. 87–93, 101–116.

³¹ ВПР. Т. VII. С. 88.

³² Там же. С. 89.

³³ Там же. Док. 78. Прим. 118.

³⁴ Там же. Прим. 112, 126.

³⁵ *Onckert W.* Österreich und Preussen im Befreiungskriege. Bd. 2. В., 1879. S. 645–648.

³⁶ ВПР. Т. VII. Прим. 133.

³⁷ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XIV. СПб., 1905. С. 181–188.

³⁸ ВПР. Т. VII. Док. 94, 101; Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. II. СПб., 1912. С. 175–188.

³⁹ ВПР. Т. VII. Прим. 145.

⁴⁰ Там же. Прим. 140.

⁴¹ *Oncken W.* Das Zeitalter der Revolution, des Kaiserreich und der Befreiungskriege. Bd. 2. Berlin, 1886. S. 642–645.

⁴² ВПР. Т. VII. Док. 107.

⁴³ Там же. Док., 83.

⁴⁴ Там же. Док. 108.

⁴⁵ Там же. Прим. 161.

⁴⁶ *Norvins.* Portefeuille de 1813. Т. 2. Р., 1825. Р. 109–110; ВПР. Т. VII. Прим. 153.

⁴⁷ *Богданович М.И.* История войны 1813 г. СПб., 1863. Т. I. С. 406.

⁴⁸ Там же. С. 407–408.

⁴⁹ *Beitzke H.* Geschichte der deutschen Freiheitskriege in den Jahren 1813 und 1814. Bd. I. Bremen, 1882. S. 624–628.

⁵⁰ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 189–196.

⁵¹ ВПР. Т. VII. С. 289.

⁵² Там же.

⁵³ Norvins. Op. cit. Т. 2. Р. 205–208.

⁵⁴ *Богданович М.И.* Указ. соч. С. 439.

⁵⁵ Цит. по: *Соловьёв С.М.* Указ. соч. С. 255–256.

⁵⁶ ВПР. Т. VII. Док. 153.

⁵⁷ Тем же. Прим. 190.

⁵⁸ Там же. С. 751.

⁵⁹ Там же. Прим. 312.

⁶⁰ *Орлов М.Ф.* Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 184.

⁶¹ ВПР. Т. VII. Прим. 334.

⁶² Там же.

Глава III

¹ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XIV. СПб., 1905. С. 238–260.

² *Борисов Ю.В.* Шарль Морис Талейран. М., 1989. С. 265.

³ *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1910. Т. 3. С. 537–538.

⁴ Там же. С. 538–540.

⁵ *Любимов А.* Тайна императора Александра I. Париж, 1938. С. 13.

⁶ *Талейран Ш.М.* Мемуары. М., 1959. С. 307.

⁷ *Comte d'Angeberg.* Le congrès de Vienne et les traités de 1815. Avec une introduction historique par M. Capéfigue. P., 1864. Т. 2. Р. 272.

⁸ *Baillieo P.* Correspondance inédite du roi Frédéric-Guillaume III et de la reine Louise avec l'empereur Alexandre Ier d'après les originaux des archives de Berlin et de Saint-Petersbourg. Leipzig. P., 1900. P. 34.

⁹ Correspondance inédite du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne. P., 1884. P. 75–76.

¹⁰ ВПР. Серия I. 1801. Т. VIII. М., 1972. С. 114.

¹¹ Там же. С. 122.

¹² Там же. С. 144–147.

¹³ Mémoires du prince de Talleyrand. P., 1954. Т. 3. Р. 130.

¹⁴ ВПР. Т. VIII. Прим. 81. С. 636.

¹⁵ Там же. С. 190.

¹⁶ См.: *Долгов М.А.* Венский конгресс в современной зарубежной историографии // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 79–88.

¹⁷ Русская старина. 1899. Т. 98. № 6. С. 632.

¹⁸ ВПР. Т. VIII. Док. 231.

¹⁹ Там же. С. 600–609. Док. 272.

²⁰ ВПР. Серия II. 1815–1830 гг. Т. XI. М., 1979. С. 634.

- ²¹ Там же. Т. IX. М., 1974. С. 110–111.
- ²² *Ковалевский Б.П.* Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С. 120; Сборник Русского исторического общества (далее — РИО). Т. 112. С. 458.
- ²³ Граф Каподистрия к граф Нессельроде. 1820–1821 // Русская старина. 1884. Т. 41. С. 148–149.
- ²⁴ ВПР. Т. IX. С. 67–68.
- ²⁵ РИО. Т. 121. С. 311–314; ВПР. Т. IX. Док. 136, 146.
- ²⁶ 26 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 4361. Л. 17–21; Д. 4364. Л. 9–14; *Castlereagh R.S.* Correspondence, Despatches and Other Papers of Viscount Castlereagh. Vol. 1. L., 1858. P. 104–107.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 6858. Л. 283–286; Д. 4362. Л. 3–13; Д. 4368. Л. 1–4; РИО. Т. 112. С. 718–719, 735–736; Т. 119. С. 32–33, 40–42.
- ²⁸ РИО. Т. 119. С. 68–70, 92.
- ²⁹ ВПР. Т. X. М., 1979. С. 39; РИО. Т. 119. С. 438–43, 445, 493–494.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 9064. Л. 407–412; Д. 6858. Л. 58; Д. 13406. Л. 203–204; ВПР. Т. IX. Док. 102.
- ³¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 6854. Л. 103–106, 195–197; РИО. Т. 112. С. 532–534, 566–568.
- ³² ВПР. Т. IX. Док. 105. Прим. 132, 154; Т. X. Прим. 227.
- ³³ РИЛ. Т. 119. С. 348–352, 374–389.
- ³⁴ ВПР. Т. IX. Док. 18, 136, 185. Прим. 20, 26, 48, 56; *The Cambridge History of British Foreign Policy*. Vol. 2. Cambridge, 1939.
- ³⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 6855. Л. 275–284; ВПР. Т. IX. Док. 17, 23, 30, 95, 146. Прим. 277; *Кинятина Н.С.* Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963. С. 3–9, 97–99.
- ³⁶ См.: *Додолев М.А.* Россия и Испания. 1808–1823. М., 1984; *Слезкин Л.Ю.* Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964.
- ³⁷ *Webster C.K.* The Foreign Policy of Castlereagh. 1815–1822. L., 1934. P. 411–412; *Wellington A.* Supplementary Despatches, Correspondence and Memoranda of Duke Wellington. L., 1865. Vol. 11. P. 66; Vol. 12. P. 112.
- ³⁸ ВПР. Т. IX. Док. 173, 184, 188.
- ³⁹ Там же. Док. 200. Прим. 10; Т. X. Док. 6, 8, 10, 24. Прим. 9–11.
- ⁴⁰ Там же. Т. X. Док. 6, 7; РИО. Т. 119, С. 474–482.
- ⁴¹ ВПР. Т. IX. Док. 178.
- ⁴² РИО. Т. 119. С. 160–161; *Metternich C.W.* Mémoires, documents et écrits divers. Т. 3. P., 1881. P. 55–59.
- ⁴³ ВПР. Т. X. Док. 82. 83. Прим. 126, 147, 202.
- ⁴⁴ *Wellington A.* Op. cit. Vol. 12. P. 445–446, 447–449.
- ⁴⁵ ВПР. Т. X. Док. 94. Прим. 124, 185; РИО. Т. 119. С. 651–655, 659–661.
- ⁴⁶ РИО. Т. 119. С. 645–648; ВПР. Т. X. Док. 9. Прим. 146, 149.
- ⁴⁷ РИО. Т. 119. С. 661–668, 670.
- ⁴⁸ Там же. С. 674–688, 706–708.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 6872. Л. 331–344.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 6872. Л. 417; ВПР. Т. X. Док. 115, 131.

⁵¹ ВПР. Т. X. Док. 127.

⁵² Там же. Док. 131; РИО. Т. 119. С. 772–777.

⁵³ ВПР. Т. X. Док. 150.

⁵⁴ *Webster C.* Op. cit. P. 134–139.

⁵⁵ *Марпенс Ф.Ф.* Указ. соч. СПб., 1885. Т. VII. С. 302–306.

⁵⁶ *Шильдер Н.К.* Указ. соч. СПб., 1906. Т. 5. С. 118.

⁵⁷ ВПР. Т. X. Док. 157; *Wellington A.* Op. cit. Vol. 12. P. 771–772.

⁵⁸ ВПР. Т. X. С. 533–534.

⁵⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 124. Л. 81–97, 131–132.

⁶⁰ Там же. Л. 104–107.

⁶¹ ВПР. Т. X. Док. 156.

⁶² *Марпенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. VII. С. 311–318.

⁶³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 127. Л. 226; РИО. Т. 119. С. 844–850, 851; ВПР. Т. X. Док. 105, 174.

⁶⁴ ВПР. Т. X. Док. 158, 159. Прим. 295; *Wellington A.* Op. cit. Vol. 12. P. 805–809.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 7556. Л. 53.

⁶⁶ Там же. Д. 127, Л. 34–35; Д. 131. Ч. 1. Л. 62–69; Ч. 2. Л. 110–111; Д. 6875. Л. 198–208.

⁶⁷ Там же., Д. 6875. Л. 243–255; ВПР. Т. X. Док. 168.

⁶⁸ ВПР. Т. X. Док. 180.

Глава IV

¹ РИО. Т. 127, С. 375–378. Полностью нота опубликована в *British and Foreign State Papers. Vol. 1819–1820. L., 1834. P. 939–941*; ВПР. Т. VIII. Прим. 293.

² *British and Foreign State Papers. Vol. 1819–1820. P. 941–943.*

³ ВПР. Т. XI. Док. 99.

⁴ Там же. Док. 141.

⁵ Там же. Док. 155.

⁶ Там же. Док. 170. Прим. 207.

⁷ Там же. Док. 175.

⁸ *Тарасов Д.К.* Император Александр I. Последние годы царствования, болезнь, кончина и погребение. Пг., 1915. С. 41–42.

⁹ ВПР. Т. XI. Прим. 240.

¹⁰ *Atti del Parlamento della Deu Sicilie. 1820–1821. Vol. 4. Bologne, 1934. P. 347, 354–358.*

¹¹ ВПР. Т. XI. Док. 182. Прим. 250; РИО. Т. 127, С. 492–495.

¹² ВПР. Т. XI. Док. 184.

¹³ *Mettemich C. W. L. Mémoires, documents et écrits divers. P., 1881. Т. 3. P. 378–379.*

¹⁴ British and Foreign State Papers. Vol. 1820–1821. L., 1830. P. 1149–1151.

¹⁵ ВПР. Т. XI. Док. 207, 208. 14 января Каподистрия отважился направить Александру I письмо с резкой критикой австрийской политики. В письме подчеркивалось, что России надо отмежеваться от этой политики, так как венский двор прикрывается авторитетом и именем союзников для сокрытия своих корыстных целей в Италии (см.: *Crawley C. W.* John Capodistrias: Some Unpublished Documents. Thessalonikë, 1970. P. 49–51).

¹⁶ Восстание декабристов. М.; Л., 1927. Т. 4. С. 91.

¹⁷ ВПР. Т. XI. Док. 214.

¹⁸ Там же. Т. XII. Док. 16. Прим. 24; *Ермолов А. П.* Записки. Ч. 2 (1816–1827). М., 1868. С. 137.

¹⁹ *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 192, 542–544.

²⁰ Русский архив. 1879. № 4. С. 520.

²¹ *Mettemich C. W. L.* Op. cit. P. 502–505.

²² См.: *Додолев М. А.* Россия и Испания. 1808–1823. М., 1984, *Он же.* Россия к испанская революция 1820–1823 гг. // История СССР. 1969. № 1.

²³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 6915. Л. 313, 326–327.

²⁴ *Wellington A.* Despatches, Correspondence and Memoranda of Field Marshal Arthur, Duke of Wellington. Vol. 1. L., 1867. P. 347–348.

²⁵ *Chateaubriand F. K.* Congress de Vérone. V. 1, P. Leipzig, 1838. P. 72–73; ВПР. Т. XII. Док. 206.

²⁶ *Vellele J. B.* Mémoires et correspondance du c-te du Vellèle. Т. 3. P., 1889. P. 147–152; Britain and Independence of Latin America. 1812–1830. Vol. 2. L.; Toronto etc., 1938. P. 80–83.

²⁷ Восстание декабристов. Т. 4. С. 105.

²⁸ *Пресняков А. Е.* Российские самодержцы. М., 1990. С. 244.

²⁹ ВПР. Т. XII. Прим. 167; *Герентьев П. Н.* Материалы к истории прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. М., 1915. С. 50.

³⁰ *Кинятина Н. С.* Политика русского самодержавия в области промышленности. М., 1968. С. 112–113.

³¹ Там же. С. 96–149; ВПР. Т. XIII. Док. 125. Прим. 157, 158, 170.

³² ПСЗРИ. Т. 2. С. 537; ВПР. Т. XII. Прим. 97; Т. XV. С. 127.

³³ ВПР. Т. XII. Док. 126. С. 343; Т. XV. Док. 141.

³⁴ ВПР. Т. XIV. Док. 165.

³⁵ Там же. Т. XIII. Док. 147.

³⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 6931. Л. 153–158; Britain and Independence of Latin America. Vol. 2. P. 11–12; *Wellington A.* Op. cit. Vol. 2. P. 137–138, 141.

³⁷ *Пресняков А. Е.* Указ. соч. С. 146.

³⁸ Le Monde Slave. 1926. № 1. P. 101–103, 110–113; *Невелев Г.А.* 14 декабря 1825 г. (официальные версии и Западная Европа) // Вопросы истории. 1975. № 12.

³⁹ Le Monde Slew. 1926. № 1. P. 93–110; ВПР. Т. XIV. Док. 107, 110, 179.

⁴⁰ Русский архив. 1881. Кн. 2. С. 279–336; Разбор донесении тайной следственной комиссии. К истории декабристов. М., 1906. С. 12–26; Восстание декабристов. М., 1980. Т. 17. С. 8–9.

⁴¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 6942. Д. 207–211; ВПР. Т. XIV. Док. 117, 120.

⁴² *Ключевский В.О.* Сочинения. М., 1989. Т. 5. С. 431–432.

⁴³ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. 15. С. 57–58, 81.

⁴⁴ *Laran M.* La politique russe et l'intervention française à l'Alger, 1829—1830 // Revue des études slaves. Т. 38. 1961. P. 119–128.

⁴⁵ *Комиссаров Б.Н.* Указ. соч. С. 193–194.

⁴⁶ ВПР. Т. XV. Док. 178.

⁴⁷ ВПР. Т. XII. С. 615.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 10888. Л. 17–17 об.; ВПР Т. XV. Док. 173. Прим. 248.

Глава V

¹ Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. I. С. 557–559; ВПР. Т. XII. Док. 4, 7, 23, 24, 62. Прим. 51.

² ВПР. Т. XII. С. 94.

³ *Соловьёв С.М.* Император Александр I. Собр. соч. СПб., 1911. Стлб. 695; *Фадеев А.В.* Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М. 1958. С. 28–29, 54–56; *Арш Г.А.* Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809–1822 гг. М., 1976. С. 169, 170–173, 222; ВПР. Т. XII. Док. 43, 57–60, 63.

⁴ ВПР. Т. XII. С. 210.

⁵ Там же. Док. 56. Прим. 72 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 6901. Л. 450–453; *Prokesch-Osten A.* Geschichte des Abfalls der Griechen vom Türkischen Reiche im Janre 1821—Bd. 3. Wien, 1867. S. 86–88. См. также: *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы: От Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.

⁶ *Webster C.K.* The Foreign Policy of Castlereagh. L., 1934. P. 356.

⁷ *Castlereagh R.S.* Correspondence, Despatches and other Papers of Viscount Castlereagh. Vol. 12. L., 1853. P. 403–408.

⁸ ВПР. Т. XII. Док. 72.

⁹ Там же. Док. 73. См также: АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 6904. Л. 8–11.

¹⁰ ВПР. Т. XII. С. 190–191.

¹¹ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. II. С. 368–370.

¹² *Petrie Ch. George Canning.* L., 1946. P. 227.

¹³ ВПР. Т. XII. С. 583.

¹⁴ Там же. С. 585.

¹⁵ *Мартенс Ф.* Указ. соч. Т. IV. Ч. I. С. 323; ВПР. Т. XII. С. 585.

¹⁶ *Wellington A.* Despatches, Correspondence and Memoranda of Duke Wellington. Vol. I. L., 1867. P. 600–601; ВПР. Т. XII. Прим. 289.

¹⁷ См.: *Шнаро О.Б.* Освобождение Греции и Россия 1821–1829. М., 1965. С. 127–128, 131, 151–152 и др.

¹⁸ *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. М., 1947. Т. I. С. 216; ВПР. Т. XII. С. 607.

¹⁹ Отдел рукописей Института русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский дом). Ф. 143. № 29.6.97. Л. 85, 96.

²⁰ ВПР. Т. XII. Прим. 37; АВПРИ Ф. Канцелярия. Д. 2992.

²¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 2757, 2993; Documente privind istoria României Răcoala din 1821. Vol. I. București, 1960. P. 207–208; ВПР. Т. XIII. М., 1982. Прим. 19, 20; Док. 4, 7, 63, 97, 106 и др.

²² ВПР. Т. XIII. С. 151.

²³ Архив братьев Тургеневых. Т. 3. Вып. 5. Пг., 1921. С. 321–322, 325.

²⁴ *Каховский П.Г.* Из писем // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. I. М., 1951. С. 505.

²⁵ *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы; от Радищева до декабристов. М., 1980. С. 243–252.

²⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 4455. Л. 87–89 об.

²⁷ Там же. Д. 6922. Л. 51; ВПР. Т. XIII. Прим. 40–42.

²⁸ *Виноградов В.Н.* Указ. соч. С. 56.

²⁹ ВПР. Т. XIII. С. 93.

³⁰ Там же. С. 141.

³¹ *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 232–233.

³² *Шнаро О.Б.* Внешняя политика Каннинга и греческий вопрос (1822–1827) // Вопросы истории. 1947. № 12. С. 52.

³³ ВПР. Т. XIV. М., 1985. Док. 66.

³⁴ *Schiemann Th.* Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Bd. 1. В., 1904. С. 608–610; ВПР. Т. XIV. С. 237.

³⁵ ВПР. Т. XIV. Док. 97, 103. Прим. 167; АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 7016. Л. 113–117; Д. 694, Л. 99–100.

³⁶ ВПР. Т. XIV. С. 280.

³⁷ *Wellington A.* Op. cit. Vol. 2. L., 1867. P. 507–512.

³⁸ *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887. С. 137–138.

³⁹ ВПР. Т. XIV. Док. 138.

⁴⁰ *Фадеев А.В.* Указ. соч. С. 137.

⁴¹ См.: *Шнаро О.В.* Указ. соч. С. 44; Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII — начало XX в.). М., 1978. С. 83; *Виноградов В.Н.* Джордж Каннинг, Россия и освобождение Греции // Новая и новейшая история. 1981.

№ 6. С. 112–129; *Он же*. Великобритания и Балканы. От Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 53.

⁴² АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 4455. Л. 241, 248–249.

⁴³ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XI. СПб., 1895. С. 341–343; ВПР. Т. XIV. Док. 153.

⁴⁴ См.: *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960. С. 28; *Иоаннисян А.Р.* Присоединение Закавказья к России и международные отношения начала XIX в. Ереван, 1958; *Агаян Ц.П.* Роль России в исторических судьбах армянского народа. М., 1978.

⁴⁵ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 162 (далее — АКАК).

⁴⁶ См.: *Рожкова М.К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М., 1949. С. 36–44; *Куканова Н.Г.* Очерки по истории русско-иранских отношений в XVII — первой половине XIX в. Саранск, 1977. С. 267; *Балоян В.П.* Дипломатическая история русско-иранских войн и присоединения Восточной Армении к России. Ереван, 1988. С. 132–136.

⁴⁷ *Дюкруази.* О заграничной торговле Закавказского края // Кавказский календарь на 1853 г. Тифлис, 1852. С. 411.

⁴⁸ См.: Обзорение российских владений за Кавказом. Ч. I. СПб., 1836. С. 12.

⁴⁹ *Грибоедов А.С.* Полн. собр. соч. Пг., 1917. Т. III. С. 239.

⁵⁰ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА), Ф. 37. Оп. 1/191. Св. 44, Д. 501. Л. 11; АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 9201. Л. 48–49. 71–72; Д. 9205. Л. 5–6 об.; Д. 9209. Л. 2–17; АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 229–232. 241–242, 260, 283–284; ВПР, Т. XI. М., 1979. С. 419. 532, 537; Т. XII. С. 197, 461; Т. XIII. С. 475.

⁵¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 9209. Л. 6.

⁵² Там же. Л. 16 об.

⁵³ *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. I. С. 251.

⁵⁴ РГВИА. Ф. Военно-ученый архив (ВУА). Д. 4288. Л. 1–10; ВПР. Т. XIV. Док. 135.

⁵⁵ *Балаян Б.П.* Указ. соч. С. 149.

⁵⁶ *Prokesch-Osten A.* Op. cit. Bd. 4. S. 285–290; *Савельева О.А.* Русско-турецкая конференция в Аккермане 1826 г. и отклики русской печати // Внешняя политика России и общественное мнение. М., 1988. С. 26–45.

⁵⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1457. Л. 22.

⁵⁸ ВПР. Т. XIV. С. 637.

⁵⁹ История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг. СПб., 1836. Ч. I. С. 376.

⁶⁰ ВПР. Т. XIV. Док. 173. Прим. 227.

⁶¹ См.: Международные отношения на Балканах. 1815–1830. М., 1983. С. 188.

⁶² *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. М., 1947. Т. I. С. 245; ВПР. Т. XIV. Док. 181. С. 516. Док. 232.

⁶³ Грибоедов А. С. Указ. соч. С. 256.

⁶⁴ Семенов А. С. К вопросу о значении Туркманчайского договора для истории Армении // Историко-филологический журнал АН Арм. ССР. Ереван, 1959. № 4/7. С. 113; Балаян Б. П. Указ. соч. С. 179–195.

⁶⁵ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собр. 2. Т. III. С. 125–130; ВПР Т. XV. Док. 138.

⁶⁶ Исторический журнал. 1921. Кн. II. С. 62–63.

⁶⁷ См.: Пашуто В. Т. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова // Исторические записки. 1947. Т. 24; Ениколопов И. К. Грибоедов и Восток. Ереван, 1954; Шостакович С. В. Дипломатическая деятельность Грибоедова. М., 1960; Попова О. И. Грибоедов-дипломат. М., 1964; Эйдельман Н. Я. Быть может, за хребтом Кавказа. М., 1990.

⁶⁸ Балаян Б. П. Указ. соч. С. 195–211, 231–244.

⁶⁹ АКАК. Т. VII. С. 624.

⁷⁰ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. IV. Ч. I. СПб., 1878. С. 369–379; Кинятина Н. С. Русско-австрийские противоречия накануне и во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. // Ученые записки МГУ. Вып. 156. 1952. С. 202–206.

⁷¹ MacFarlane Ch. Constantinople et la Turquie en 1828 et 1829. Vol. 2. P., 1829. P. 37, 66.

⁷² Достян И. С. Указ. соч. С. 277; Гаврилович М. Милош Обреновић. Кн. III. Београд, 1912. С. 77–96.

⁷³ Сборник русского исторического общества. Т. 78. С. 317.

⁷⁴ См.: Отрывок из «Исповеди» Лачинова // Кавказский сборник. Т. I. Тифлис, 1876; Нерсисян М. Г. Из истории русско-армянских отношений. Кн. I. Ереван, 1956. С. 312–396.

⁷⁵ Палеолог Г., Сивинис М. Исторический очерк народной войны за независимость Греции и восстановление королевства при вмешательстве великих держав — России, Англии и Франции. Ч. I. СПб., 1867. С. 274.

⁷⁶ Цит. по: Восточный вопрос во внешней политике России. С. 94.

⁷⁷ Монтескьё Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 274.

⁷⁸ Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975. С. 125–126.

⁷⁹ Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869. С. 71–84; Под стягом России. Сб. архивных документов. М., 1992. С. 102–116.

⁸⁰ Кудрявцева Е. П. Россия и образование автономного Сербского государства (1812–1833 гг.). М., 1992. С. 149–168.

Глава VI

¹ См.: Очерки экономической истории России первой половины XIX в. М., 1959; Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией 40–60-х гг. XIX в. М., 1963; Соколов А. Е. Торговая политика России в Средней Азии. Ташкент, 1971.

² *Матвиевский П.Е.* Россия и среднеазиатские народы в годы войны с Наполеоном // Ученые записки Государственного педагогического института им. Чкалова. Вып. 8. Чкалов, 1956. С. 105.

³ Очерк истории Министерства иностранных дел. СПб., 1902. С. 90.

⁴ Архив графов Мордвиновых. Т. V. СПб. 1902. С. 148–155.

⁵ См.: *Дружинин Н.М.* В страну туркмен и узбеков. Л., 1927; *Маслова О.В.* Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Материалы к изучению Средней Азии. Ч. I. 1756–1856. Ташкент, 1955; *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974; История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т. 2. Ч. I. 1801–1856. М., 1977; Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография. М., 1981; *Кинятина Н.С.*, *Блиев М.М.*, *Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII — 80-е годы XIX в. М., 1984.

⁶ См.: Русско-туркменские отношения в XVIII — XIX в. Ашхабад, 1963. С. 143–146; ВПР. Т. X. М., 1976. Прим. 265; Под стягом России. С. 344–347.

⁷ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (далее: АКАЮ). Т. VI. Ч. 2. Тифлис. 1875. С. 713–716.

⁸ Записки Н.Н. Муравьева-Карского. 1820 год // Русский архив. 1887. № 11. С. 394.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: *Муравьев Н.Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Т. I–II. М., 1822.

¹¹ АВПРИ.Ф. Главный архив. 1–9. Д. 10. Л. 1–333.

¹² АКАК. Т. VI. Ч. 2. С. 722–723; Русский архив. 1914. № 12; 1915. № 4–6; ВПР. Т. XI. С. 453–454; Т. XII. С. 125, 176, 638 (Прим. 61).

¹³ ВПР. Т. XI. С. 708; Т. XII. С. 125.

¹⁴ *Халфин Н.А.* Указ. соч. С. 169.

¹⁵ РГВИА. Ф. 35. Оп. 8. Д. 27. Л. 29.

¹⁶ Цит. по: *Халфин Н.А.* Указ. соч. С. 207.

¹⁷ Военный журнал. 1831. № IV. С. 102–139; № V. С. 43–70.

¹⁸ *Симонич И.О.* Воспоминания полномочного министра. 1832–1838 гг. М., 1967. С. 41–44, 116–117; АКАК. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 944–945; АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1838 г. Л. 272–277 об.; 1839 г. Л. 284–284 об.

¹⁹ *Кинятина Н.С.*, *Блиев М.М.*, *Дегоев В.В.* Указ. соч. С. 241.

²⁰ См.: *Ханьков Н.* Описание Бухарского ханства, СПб., 1843; *Халфин Н.А.*, *Рассадина Е.Ф.* Н.В. Ханьков — востоковед и дипломат. М., 1977.

²¹ *Мясников В.С.* Империя Цин и Русское государство в XVII веке. Хабаровск, 1987. С. 17.

²² *Маркс К.*, *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12, С. 157–158.

²³ ВПР. Т. I. С. 555–556; Т. III. С. 175–179, 269–270, 682; Цинцзи вайцзяо шиляо Цзяцкн чао (Материалы по внешним сношениям в период династии Цин. Период правления Цзяцин). Бэйпин, 1932.

²⁴ Из бумаг графа Ю.А. Головкина (документы о посольстве гр. Головкина в Китай). СПб., 1904. С. 11–22.

²⁵ *Баскин В.Н.* О посольстве в Китай графа Головкина // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1875. № 4. С. 23.

²⁶ Напомним, что в 1763 г. капитану И.И. Кропотому, посланному в Китай, цинский представитель с подозрением задавал вопрос: «Не поручено ль чего Кропотому о пограничных делах... говорить; и что наши сенаторы о том деле, чтоб по Амуру суда пропускать, рассуждают». И только ответ Кропотова, что ему об этом как о непорученном деле неизвестно, успокоил цинское правительство, и Кропотов был пропущен в Пекин.

²⁷ См.: *Тимковский Е.Ф.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. СПб., 1824. Ч. 1, 2; *Романов Д.* Присоединение Амура к России // Русское слово. 1859. Июнь; *Вагин В.И.* Посольство графа Головкина в Китай в 1805 г. // Известия Сибирского отдела Императорского географического общества. Ч. III. 1872. № 3, 4; *Веснин В.Н.* Указ. соч.; Из бумаг графа Ю.А. Головкина; *Беспрозванных Е.А.* Приамурье в системе русско-китайских отношений. М., 1983.

²⁸ В. И. Вагин писал, например, об этом так: «Головкин — человек поверхностно образованный, пустой, надменный и до крайности тщеславный» (см. *Вагин В.И.* Указ. соч. С. 137). В неполученной вовремя Ю.А. Головкиным инструкции от 18 июля 1806 г. говорилось, что, несмотря на то что он, Головкин, «должен употребить все старания», чтобы прием отвечал достоинству России, все же «в сем случае не должно жертвовать выгодами, коих ожидаем мы от отправления вашего в Пекин, обряду церемониальному, если бы, паче чаяния, китайцы упорно настояли на том, чтобы удержать оный в первобытном положении» (*Нарочницкий А.А., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я.* Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга первая. С конца XVI в. до 1917 г. М., 1973. С. 42.

²⁹ *Веснин В.Н.* Указ. соч. С. 71.

³⁰ Цзяцин шилу (Правдивые записи о правлении императора Цзяцина). Токио, 1937. Гл. 227. С. 96–11а.

³¹ Из бумаг графа Ю.А. Головкина. С. 24.

³² См.: *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1972; *Силин Е.П.* Кяхта в XVIII в. Иркутск, 1947; *Хохлов А.Н.* Кяхтинская торговля и ее место в политике России и Китая // Документы опровергают. М., 1982.

³³ Цит. по: *Хохлов А.Н.* Указ. соч. С. 138.

³⁴ Там же. С. 111. 132.

³⁵ ЦРГИА. Ф. 1657. Оп. 7. Д. 1857. Л. 4; *Хохлов А.Н.* Указ. соч. С. 137.

³⁶ См.: *Коростовец И.* Русская духовная миссия в Пекине // Русский архив. 1893. № 9. С. 68; *Петров В.* Российская духовная миссия в Китае. Вашингтон, 1968. С. 64. Библиографию трудов Н.Я. Бичурина см.: Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950–1953. Т. III.

³⁷ *Горбачева З.И., Тихонов Д.И.* Из истории изучения Китая в России // Советское востоковедение. 1955. № 2. С. 142.

³⁸ Цзяцин шилу. Гл. 218. С. 306–316.

³⁹ См.: Журнал дружеского свидания иркутского гражданского губернатора Трескина с китайскими пограничными правителями ваном и амбанем с 19 февраля по 13 марта 1810 г. М., 1860.

⁴⁰ Цзяцин шилу. Гл. 227. С. 96–11а.

⁴¹ *Шемелли Ф.* Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара. СПб., 1818. Ч. 2. С. 201–211.

⁴² *Вагин В.И.* Указ. соч. С. 138.

⁴³ *Орлик О.В.* Декабристы и внешняя политика России. М., 1984. С. 211.

⁴⁴ Восстание декабристов. Т. 7. М., 1958. С. 124.

⁴⁵ *Орлик О.В.* Указ. соч. С. 263. Пестель писал, что освоение Приамурья и Приморья доставило бы «России выгоды и преимущества для ее торговли, а равно и для устройства флота на Восточном океане» (Там же).

⁴⁶ *Нарочницкий А.А., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я.* Указ. соч. С. 58.

⁴⁷ *Мещерский А., Тагаров З.* Новые историко-географические материалы об Амуре // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 89. 1957. № 4. С. 359–361.

⁴⁸ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. документов. М., 1984. С. 33.

⁴⁹ Там же. С. 191.

⁵⁰ См.: *Файнберг Э.Я.* Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960; *Алексеев А.И.* Береговая черта. Магадан, 1987. С. 134–138.

⁵¹ Цит. по: *Синтаро Накамура.* Японцы и русские. Из истории контактов. М., 1983. С. 128.

⁵² Там же. С. 138.

⁵³ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Док. 4, 6, 15, 17, 27, 30.

⁵⁴ Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными государствами. Варшава, 1906. С. 128–130.

⁵⁵ См.: *Болховитинов Н.Н.* Становление русско-американских отношений. 1775–1815. М., 1966; *Он же.* Россия и война США за независимость. 1775–1783. М., 1976; *Он же.* Россия открывает Америку, 1732–1799. М., 1991.

⁵⁶ *Герцен А.И.* Собр. соч. в 30-ти т. Т. 25. М., 1961. С. 24.

⁵⁷ *Excelsior (Шестаков).* Между делом // Морской сборник. 1859. № 6. С. 231–232.

⁵⁸ Washington Union. 1854. Sept. 8

⁵⁹ См.: *Болховитинов Н.Н.* Становление русско-американских отношений. С. 573–586; *Он же.* Соединенные, Штаты Америки и Отечественная война 1812 г. // Бессмертная эпопея. К 175-летию Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813 г. в Германии. М., 1988.

⁶⁰ См.: Россия и США: становление отношений. 1765–1815. М., 1980. С. 590; ВПР. Т. VII. М., 1970. С. 187; См.: также: *Пономарев В.Н.* Полвека за океаном: российский дипломат и литератор Алексей Евстафьев // Американский ежегодник. 1990. М., 1991.

⁶¹ *Болховитинов Н.Н.* Становление русско-американских отношений. С. 515–562.

⁶² ВПР. Т. XII. М., 1980. С. 496.

⁶³ Там же. С. 607.

⁶⁴ См.: *Федорова С.Г.* Русское население Аляски и Калифорнии: конец XVIII века — 1867 г. М., 1971. С. 248–251; *Болховитинов Н.Н.* Россия Открывает Америку. С. 192–193.

⁶⁵ См.: *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения. 1815–1832. М., 1975. С. 86–131; *Он же.* Выдвижение и провал проектов П. Добелла (1812–1821 гг.) // Американский ежегодник. 1976. М., 1976; *Он же.* Россия открывает Америку. С. 197–198.

⁶⁶ ВПР. Т. XII. С. 286. Текст указа см.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXVII. № 28747, С. 823–832.

⁶⁷ ВПР. Т. XII. С. 340.

⁶⁸ Там же., С. 322.

⁶⁹ Там же. С. 539.

⁷⁰ Там же. С. 446.

⁷¹ См.: *Perkins D.* The Monroe Doctrine. 1823–1826. Cambridge (Mass.), 1927; *Idem.* The Monroe Doctrine. 1826–1867. Baltimore, 1933; *Idem.* The Monroe Doctrine. 1867–1900. Baltimore, 1937 (reprint: 1965); *Idem.* A History of the Monroe Doctrine. Boston, 1963; *Болховитинов Н.Н.* Доктрина Монро. Происхождение и характер. М., 1959; *Он же.* Русско-американские отношения. 1815–1832. С. 183–243.

⁷² ВПР. Т. XIII. М., 1982. Прим. 136. С. 719. Полностью послание президента Дж. Монро см.: A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. 1789–1897 Ed. by J.D. Richardson. Vol. 2. Wash., 1903. P. 207–220.

⁷³ ВПР. Т. XIV. Док. 196. С. 555–557.

⁷⁴ История США в 4 т. Т. I (1607–1877). М., 1983. С. 301.

⁷⁵ Кроме работ Н.Н. Болховитинова следует назвать статьи американских историков. См.: *Nichols I.C., Jr.* The Russian Ukase and the Monroe Doctrine: A Reevaluation // Pacific Historical Review. 1967. № 1; *Nichols I.C., Jr., Ward R.A.* Anglo-American Relations and the Russian Ukase: A Reassessment // Pacific Historical Review. 1972. № 4.

⁷⁶ ВПР. Т. XIII. С. 254; См.: также *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения. 1815–1832. С. 257–258; *Nichols I.C.*, Jr., *Ward R.A.* Op. cit.

⁷⁷ *Nichols I.C.* Jr., *Ward R.A.* Op. cit. P. 448–449.

⁷⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Т. 32. С. 542.

⁷⁹ ВПР. Т. XIII. С. 424.

⁸⁰ Там же. С. 471.

⁸¹ Там же. С. 494, 496.

⁸² Там же. Т. XIV. С. 73–74.

⁸³ См.: *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867. М., 1990. С. 22–84; *Saul N.E.* *Beverly C. Sanders and the Expansion of American Trade with Russia. 1853–1855* // *Maryland Historical Magazine.* 1972. Vol. 67. № 2; *Kushner H.I.* *Conflict on the Northwest Coast: American-Russian Rivalry in the Pacific Northwest. 1790–1867.* Westport, 1975; *Gibson J.R.* *Imperial Russia in Frontier America: the Changing Geography of Supply of Russian America. 1784–1867.* N.Y., 1976.

⁸⁴ См.: *Болховитинов Н.Н.* Декабристы и Америка // *Вопросы истории.* 1974. № 4; *Он же.* Русско-американские отношения. 1815–1832. С. 492–521; *Орлик О.В.* Указ. соч. С. 204–221.

Глава VII

¹ *Lincoln W.B.* *Nicholas I Emperor and Autocrat of all the Russians.* L., 1978. P. 147.

² *Ibid.* P. 148.

³ *Окунь С.Б.* *Очерки истории СССР. Вторая четверть XIX века.* М.; Л., 1967. С. 164.

⁴ АВПРИ. Ф. Посольство в Париже. Оп. 524. Д. 89. Л. 197–199.

⁵ *Mettemich C.W.L.* *Mémoires, documents et écrits divers.* Vol. 5. P., 1882. P. 63.

⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1830 г. Д. 201. Л. 161.

⁷ Там же. Д. 275, Л. 246.

⁸ *Betley J.-A.* *Belgium and Poland in International Relations. 1830–1831.* Mouton. S'Gravenhage, 1960. P. 46.

⁹ *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 2. С. 570–574; АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1830 г. Д. 126. Л. 55–65; Д. 323. Л. 12–16.

¹⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1830 г. Д. 202. Л. 134.

¹¹ Там же. Д. 73, Л. 88.

¹² Архив князя А.И. Чернышева. Жизнеописание, всеподданнейшие доклады и переписка князя Александра Ивановича Чернышева // РИО. Т. 122. С. 318.

¹³ К истории революции 1830 г. в Бельгии // *Красный архив.* Т. 1 (104). 1941. С. 224.

- ¹⁴ РИО. Т. 122. С. 318–327.
- ¹⁵ Красный архив. Т. 1 (104). 1941. С. 224.
- ¹⁶ Между двумя войнами (эпизод из царствования императора Николая) // Русская старина. 1881. Т. 31. С. 393–395.
- ¹⁷ Там же. С. 387–388.
- ¹⁸ Там же. С. 393.
- ¹⁹ Переписка императора Николая I с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. II. 1830–1831 гг. // РИО. Т. 132. СПб., 1911. С. 55–59.
- ²⁰ *Betley J.-A.* Op. cit. P. 245.
- ²¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1831 г. Д. 199. Л. 267–274.
- ²² Там же. Д. 201. Л. 155–155 об.
- ²³ Там же. Д. 199. Л. 283.
- ²⁴ *Полиевктов М.* Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918. С. 130.
- ²⁵ [Chodzko L.] Comte d'Angeberg. Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne, 1762–1862. P., 1862. P. 765–766.
- ²⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1831. Д. 204. Л. 45–45 об.
- ²⁷ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. IV. Ч. I. С. 449–450.
- ²⁸ Подробнее см.: *Пичета В.И.* Россия и Пруссия в период польского восстания 1830–1831 гг. // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 3. М., 1951. С. 151–157; *Кинятина Н.С.* Реакционная политика европейских держав в польском вопросе (1830–1831) // Вестник Московского университета. 1952. № 7. С. 80–81.
- ²⁹ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XV. СПб., 1909. С. 201–202.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1831 г. Д. 202. Л. 78–79.
- ³¹ Там же. Оп. 469. 1832 г. Д. 216. Л. 193–196.
- ³² *Пресняков А.Е.* Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925. С. 15.
- ³³ *Riasanowsky N.* Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825–1855. Berkeley and Los Angeles, 1961. P. 238.
- ³⁴ *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Приложения. Т. I. СПб., 1908. С. 121–122.
- ³⁵ *Шильдер Н.К.* Указ. соч. С. 582–584.
- ³⁶ *Betley J.-A.* Op. cit. P. 249.
- ³⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1831 г. Д. 77. Л. 168–172.
- ³⁸ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. IV. Ч. I. С. 426.
- ³⁹ Император Николай Павлович и его время. 1831–1849 // Русская старина. Т. 41. 1884. С. 137–151.
- ⁴⁰ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. VIII. СПб., 1888. С. 201.
- ⁴¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1833 г. Д. 56. Л. 314–315.
- ⁴² Там же. Оп. 469. 1835 г. Д. 61. Л. 494–496 об.
- ⁴³ Междущарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи / Под ред. В.Е. Сыроечковского. М.; Л., 1926. С. 119.

⁴⁴ *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887. С. 393–396.

⁴⁵ *Ingle H.N.* Nesselrode and the Russian Rapprochement with Britain, 1836–1844. Berkeley; Los Angeles; London, 1976, P. 38.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1833 г. Д. 56. Л. 345 об. 346.

⁴⁷ *Киняпина Н.С.* Внешняя политика России в первой половине XIX века. М., 1963. С. 211.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1835 г. Д. 61. Л. 510.

⁴⁹ Там же. Л. 533 об.

⁵⁰ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. IV. Ч. 1. С. 463, 472–474.

⁵¹ Там же. С. 527.

⁵² АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1833 г. Д. 56. Л. 347 об.

⁵³ *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. Т. 1. М., 1947. С. 350.

⁵⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1835 г. Д. 61. Л. 508.

⁵⁵ Там же. Л. 323.

⁵⁶ Там же. Л. 501.

⁵⁷ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. IV. Ч. I. С. 475.

⁵⁸ *Татищев С.С.* Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб., 1889. С. 82–83.

⁵⁹ *Семёнов Л.С.* Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX века. Л., 1975. С. 22–24.

⁶⁰ *Полиевктов М.* Указ. соч. С. 94.

⁶¹ *Lincoln W.-B.* Op. cit. P. 143.

⁶² *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая Первого. С. 406–407.

⁶³ *Ingle H.N.* Op. cit. P. 71.

⁶⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1833 г. Д. 163. Л. 236–238.

⁶⁵ Там же. Д. 56. Л. 366 об.

⁶⁶ Там же. Л. 367.

⁶⁷ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XV. С. 167–168.

⁶⁸ Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. М., 1990. С. 35.

⁶⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1838 г. Д. 65. Л. 18 об.

⁷⁰ *Яан Х.* Нессельроде и восточный кризис 1828–1833 годов // Отечественная история. 1992. № 2. С. 206.

⁷¹ *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая Первого. С. 340.

⁷² Там же. С. 315.

⁷³ *Муравьев Н.Н.* Дела Турции и Египта в 1832 и 1833 годах. Ч. III. М., 1870. С. 217.

⁷⁴ Подробнее о действиях русской дипломатии см.: *Киняпина Н.С.* Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. // Научные доклады высшей школы. 1958 г. № 2; *Кудрявцева Е.П.* Отклики русской прессы на Босфорскую экспедицию 1833 г. // Внешняя политика России и общественное мнение. М., 1988.

⁷⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1833 г. Д. 13. Л. 486 об.

⁷⁶ Там же. Д. 14. Л. 39 об.

⁷⁷ *Горянов С.С.* Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907. С. 38.

⁷⁸ *Виноградов В.Н.* Восточный вопрос и англо-русские отношения в 30-е годы XIX века // Советское славяноведение. 1982. № 3. С. 12.

⁷⁹ *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы. От Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 159.

⁸⁰ О русско-турецкой дискуссии о границах см.: *Стојанчевић В.* Кнез Милош и Источна Србија. 1833–1838. Београд, 1957; *Кудрявцева Е.П.* Россия и образование автономного сербского государства (1812–1833 гг.). М., 1992.

⁸¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1833 г. Д. 211. Л. 401 об.

⁸² *Стојанчевић В.* Указ. соч. С. 39.

⁸³ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 439. Д. 8. Л. 5.

⁸⁴ *Гаврилович М.* Милош Обреновић. Београд, 1812. Кн. III. С. 485.

⁸⁵ Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII — 70-е годы XIX в. М., 1986. С. 126.

⁸⁶ АВПРИ Ф. Отчеты МИД. 1838 г. Л. 226 об., 227.

⁸⁷ Там же. Ф. Главный архив. V. А21833 г. Д. 214. Л. 11; Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1833 г. Д. 48. Л. 144–146.

⁸⁸ *Лвушић Р.* Кнежевина Србија (1830–1839). Београд, 1986. С. 374.

⁸⁹ *Достян И.С.* Австро-русское соперничество на Балканах в 30-е годы XIX в. и сербское княжество // «Дранг нах остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967. С. 107.

⁹⁰ АВПРИ. Отчеты МИД. 1838 г. Л. 229.

⁹¹ Там же. Л. 230.

⁹² *Странџаковић Д.* Влада уставобранителoa. 1842–1853. Београд, 1932. С. 162.

⁹³ *Княпина Н.С.* Мюнхенские и Берлинские конвенции 1833 г. // Научные доклады высшей школы. 1960. № 1. С. 81.

⁹⁴ *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая Первого. С. 309.

⁹⁵ *Пејовић зоко Д.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1981. С. 371.

⁹⁶ Там же. С. 378; *Павићевић Б.Н.* Његош и Јаков Николајевич Озерецковски // Историјски записи. Титоград, 1967. Св. 1. С. 5.

⁹⁷ *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50–70-х годах XIX века. М., 1979. С. 74.

⁹⁸ *Дулина Н.А.* Османская империя в международных отношениях (30–40-е годы XIX в.). М., 1980. С. 111.

⁹⁹ Формирование национальных независимых государств на Балканах. С. 59.

¹⁰⁰ Там же. С. 60.

¹⁰¹ *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая Первого. С. 283.

¹⁰² Там же. С. 289.

¹⁰³ Дулина Н.А. Указ. соч. С. 162.

¹⁰⁴ Формирование национальных независимых государств на Балканах. С. 353.

¹⁰⁵ Там же. С. 356.

¹⁰⁶ Косев А. Новая история Болгарии. М., 1952. С. 143.

¹⁰⁷ См.: Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869.

¹⁰⁸ Гросул В.Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия. (20–30 годы XIX в.). М., 1966. С. 197.

¹⁰⁹ Виноградов В.Н. Россия и объединение румынских княжеств. М., 1961. С. 24.

¹¹⁰ Там же. С. 20.

¹¹¹ Джапаридзе Э.А., Кабакова Н.В. Русские архивные материалы о политике Франции в Дунайских княжествах (1830–1848) // Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984. С. 112.

Глава VIII

¹ Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая Первого. С. 446.

² Международные отношения на Балканах 1830–1856 гг. М., 1990. С. 38.

³ Граф Карл Нессельроде. Защита политики России и положения, принятого ею в Европе // Русская старина. Т. 8. 1873. С. 802.

⁴ Международные отношения на Балканах. С. 39.

⁵ Там же. С. 37.

⁶ Горяинов С. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907. С. 47.

⁷ Татищев С.С. Указ. соч. С. 468.

⁸ Дулина Н.А. Османская империя в международных отношениях (30–40-е годы XIX в.). М., 1980. С. 107.

⁹ Там же. С. 69.

¹⁰ Lincoln W.B. Nicholas I Emperor and Autocrat of ail the Russians. L., 1978, P. 216.

¹¹ Татищев С.С. Указ. соч. С. 436–437.

¹² Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. Т. IV. Ч. I. С. 480.

¹³ Горяинов С. Указ. соч. С. 73.

¹⁴ Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. Т. XV. С. 173.

¹⁵ Дулина Н.А. Указ. соч. С. 111, 114.

¹⁶ Ingle H.N. Nesselrode and the Russian Rapprochement with Britain, 1836–1844. Berkeley; Los Angeles; L., 1976. P. 138.

¹⁷ Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. Т. XV. С. 176.

¹⁸ Там же. Т. XII. СПб., 1898. С. 124.

¹⁹ Там же. С. 125.

²⁰ Международные отношения на Балканах. С. 45.

- ²¹ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1840 г. Д. 9. Л. 69 об., 70.
- ²² *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XII. С. 127.
- ²³ Международные отношения на Балканах. С. 46.
- ²⁴ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XII. С. 144.
- ²⁵ *Pintner W. A.* Russian Economic Policy under Nicholas I. N.Y., 1967. P. 127.
- ²⁶ *Ingle H. N.* Op. cit. P. 133–134, 147–148.
- ²⁷ Ibid. P. 133.
- ²⁸ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1840 г. Д. 9. Л. 220 об. 222 об.; 1842 г. Д. 12. Л. 222 об. 223.
- ²⁹ Там же. Д. 9. Л. 220 об.
- ³⁰ *Ingle R. N.* Op. cit. P. 142.
- ³¹ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1841 г. Д. 10. Л. 191 об.
- ³² *Георгиев В. А.* Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. М., 1975. С. 169.
- ³³ *Ingle H. N.* Op. cit. P. 142.
- ³⁴ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1842 г. Д. 12. Л. 226 об.
- ³⁵ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XV. С. 186.
- ³⁶ Там же. С. 201.
- ³⁷ *Ingle H. N.* Op. cit. P. 148.
- ³⁸ зв *Георгиев В. А.* Указ. соч. С. 139; Международные отношения на Балканах» С. 46–47.
- ³⁹ Там же. С. 45.
- ⁴⁰ *Дулина Н. А.* Указ. соч. С. 63.
- ⁴¹ Международные отношения на Балканах. С. 47.
- ⁴² *Татищев С. С.* Указ. соч. С. 555.
- ⁴³ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XII. С. 236.
- ⁴⁴ Международные отношения на Балканах. С. 198.
- ⁴⁵ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XII. С. 242.
- ⁴⁶ *Татищев С. С.* Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. С. 213.
- ⁴⁷ Международные отношения на Балканах». С. 132.
- ⁴⁸ Там же. С. 144–145.
- ⁴⁹ *Ingle H. N.* Op. cit. P. 148.
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ *Татищев С. С.* Внешняя политика. С. 555.
- ⁵² *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. VIII. С. 582.
- ⁵³ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1841 г. Д. 10. Л. 202.
- ⁵⁴ *Татищев С. С.* Внешняя политика. С. 555–556.
- ⁵⁵ Там же. С. 555.
- ⁵⁶ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. VIII. С. 364.
- ⁵⁷ *Татищев С. С.* Внешняя политика. С. 555.
- ⁵⁸ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. VIII. С. 364, 366.

- ⁵⁹ Там же. С. 367.
- ⁶⁰ Революции 1848–1849 гг. Т. I. М., 1952 — С 125.
- ⁶¹ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. IV. Ч. I. С. 530–531.
- ⁶² Там же. Т. XV. С. 222.
- ⁶³ *Татищев С.С.* Император Николай. С. 217–218.
- ⁶⁴ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. VIII. С. 372.
- ⁶⁵ Цит. по: *Тейлор А. Дж.П.* Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958. С. 53.
- ⁶⁶ *Орлик О.В.* Российский дипломат Н.Д. Киселев // Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 157–164.
- ⁶⁷ *Соловьёв С.М.* Россия, Австрия и Англия во время революций 1848–1849 гг. // Русская старина. Т. XX. 1877. С. 422–423.
- ⁶⁸ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XV. С. 228–229.
- ⁶⁹ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. VIII. С. 372.
- ⁷⁰ *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. VI. СПб., 1899. С. 204.
- ⁷¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXIII. № 22087. С. 181–182.
- ⁷² Цит. по: *Нифонтов А.С.* Россия в 1848 году. М., 1948. С. 252.
- ⁷³ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XV. С. 230.
- ⁷⁴ См.: подробнее Революции 1848–1849. Т. I (гл. 43); Т. II (гл. 47, 51). М., 1952.
- ⁷⁵ *Щербатов А.П.* Указ. соч. С. 215, 218.
- ⁷⁶ Там же. С. 239.
- ⁷⁷ *Нифонтов А.С.* Указ. соч. С. 262.
- ⁷⁸ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XV. С. 238.
- ⁷⁹ *Щербатов А.П.* Указ. соч. С. 238.
- ⁸⁰ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XV. С. 241.
- ⁸¹ ПСЗРИ. Собр. 2 Т. XXIV— Отд. I № 23200 С. 235.
- ⁸² Цит. по: *Нифонтов А.С.* Указ. соч. С. 289.
- ⁸³ *Щербатов А.П.* Указ. соч. С. 282.
- ⁸⁴ ПСЗРИ. Собр. 2 Т. XXIV. Отд. II. № 23458. С. 20.
- ⁸⁵ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XII. С. 255.
- ⁸⁶ *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 223–224.

Глава IX

- ¹ *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. I. СПб., 1908. С. 372.
- ² Цит. по: *Troubetzkoy A.S.* The Road to Balaklava. Stumbling into War with Russia. Toronto, 1986. P. 85–86.
- ³ *Ibid.* P. 91.
- ⁴ Цит. по: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 382–383.

⁵ *Тарле Е.В.* Крымская война // Соч. в 12 т. Т. 8. М., 1959. С. 141–142.

⁶ Международные отношения на Балканах, 1830–1856 гг. / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 1990. С. 347–348.

⁷ Там же. С. 41.

⁸ В собственноручной заметке императора Николая I о восточном вопросе, датированной началом 1853 года, перечисляются по пунктам варианты возможного развития событий. Один из пунктов гласит: «Раздел между нами, Австрией, Англией и Францией» (*Зайончковский А.М.* Восточная война. Приложения. Т. I. СПб., 1908. С. 358).

⁹ *Виноградов В.Н.* Николай I в «Крымской ловушке» // Новая и новейшая история. 1992. № 4. С. 33; *Vinogradov V.N.* The Personal Responsibility of Emperor Nicholas I for the Coming of the Crimean War: an Episode in the Diplomatic Struggle in the Eastern Question // *Imperial Russian foreign policy*. Cambridge, N. Y. etc., 1993. P. 162.

¹⁰ *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 145–146; Международные отношения на Балканах, 1830–1856 гг. С. 262.

¹¹ *Goldfrank D.M.* Policy Traditions and the Menshikov Mission of 1853 // *Imperial Russian Foreign Policy*. P. 135.

¹² *Ibid.*; *Виноградов В.Н.* Британский лев на Босфоре. М., 1991. С. 91.

¹³ *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 400; *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 157–159; *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 128.

¹⁴ *Зайончковский А.М.* Восточная война. Приложения, Т. I. С. 383.

¹⁵ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1853 г. Л. 13 об. — 16 об.

¹⁶ *Зайончковский А.М.* Восточная война. Т. I С. 406.

¹⁷ История дипломатии. Т. I С. 646.

¹⁸ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1853 г. Л. 29 об.

¹⁹ *Зайончковский А.М.* Восточная война. Т. I С. 412.

²⁰ Там же. С. 413.

²¹ *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 82–83, 173.

²² *Виноградов В.Н.* Британский лев на Босфоре. С. 92.

²³ Там же. С. 92–93; Международные отношения на Балканах, 1830–1856 гг. С. 262.

²⁴ Цит. по: *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XII. С. 301.

²⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Т. 10. С. 64.

²⁶ *Guedalla Ph.* Palmerston. L., 1926. P. 360–361; *Conacher J.B.* The Aberdeen Coalition, 1852–1855. Cambridge, 1968, P. 256.

²⁷ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. С. 303.

²⁸ Там же. С. 304.

²⁹ *Зайончковский А.М.* Восточная война. Т. I. С. 303; *Виноградов В.Н.* «Святые места» и земные дела (Англо-русские отношения накануне Крымской войны) // Новая и новейшая история. 1983. № 5. С. 144.

³⁰ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XV. С. 252.

³¹ *Орлик О.В.* Социально-политические взгляды и дипломатическая деятельность во Франции Н.Д. Киселева // *Портреты российских дипломатов.* М., 1991. С. 89; *Она же.* Российский дипломат Н.Д. Киселев // *Новая и новейшая история.* 1992. № 2. С. 163.

³² *Русские портреты XVIII и XIX столетий.* Т. 5. Вып. 4. № 156. СПб., 1909.

³³ *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы. От Венского конгресса до Крымской войны. С. 239–240.

³⁴ *Зайончковский А.М.* Восточная война. Т. I. С. 234.

³⁵ *Международные отношения на Балканах, 1830–1856 гг.* С. 266–267.

³⁶ *Виноградов В.Н.* Британский лев на Босфоре. С. 95.

³⁷ *АВПРИ. Ф.* Отчеты МИД. 1853 г. Л. 55 об.

³⁸ Цит. по: *Зайончковский А.М.* Восточная война. Т. I. С. 436.

³⁹ *АВПРИ. Ф.* Отчеты МИД. 1853 г. Л. 59, 60–60 об.

⁴⁰ *Зайончковский А.М.* Восточная война. Т. I. С. 439; *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 201.

⁴¹ *АВПРИ Ф.* Отчеты МИД. 1853 г. Л. 64–64 об.

⁴² National Archives and Records Service. Record Group 59. General Records of the Department of State. Diplomatic Despatches from United States Ministers to Russia. Vol. 15 (далее — NARS. RG 59. DD. Russia).

⁴³ *ПСЗРИ. Собр.* 2. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1854. № 27344. С. 290.

⁴⁴ *АВПРИ. Ф.* Отчеты МИД. 1853 г. Л. 64 об. 66 об.

⁴⁵ Цит. по: *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XII. С. 319.

⁴⁶ *Зайончковский А.М.* Восточная война. Приложения. Т. I. № 150. С. 437–438.

⁴⁷ Там же. С. 582–583. 602–604; Приложения. Т. 2. СПб., 1912. С. 120, 276.

⁴⁸ *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1903. С. 640, 646; *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XII. С. 345; *Ingle H.N.* Nesselrode and the Russian Rapprochement with Britain, 1836–1844. Berkeley; Los Angeles; L., 1976. P. 26, 28, 48.

⁴⁹ См.: *Шильдер Н.К.* Указ. соч. С. 644; *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XII. С. 345–346.

⁵⁰ *Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760–1856.* P. (S. a.). Т. 2. P. 13–14.

⁵¹ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. / Отв. ред, Н.С. Киняпина. М., 1978. С. 135.

⁵² *Curtiss J. Sh.* Russia's Crimean War. Durham, 1979. P. 156–157, 162.

⁵³ *Виноградов В.Н.* Британский лев на Босфоре. С. 97.

⁵⁴ *Curtiss J. Sh.* Op. cit. P. 183, 193.

⁵⁵ *АВПРИ. Ф.* Отчеты МИД. 1853 г. Л. 84.

⁵⁶ Там же. Л. 82.

⁵⁷ *История дипломатии.* Т. I. С. 651.

⁵⁸ *Зайончковский А.М.* Восточная война. Приложения. Т. 2. № 66 а С. 154.

⁵⁹ Там же. № 54. С. 131.

⁶⁰ Цит. по: *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 365.

⁶¹ Там же. С. 294.

⁶² *Маркс К., Энгельс Ф.* Т. 10. С. 179.

⁶³ *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 372.

⁶⁴ Там же. С. 372–373.

⁶⁵ Там же. С. 371.

⁶⁶ *Виноградов В.Н.* Британский лев на Босфоре. С. 102.

⁶⁷ *Зайончковский А.М.* Восточная война. Приложения. Т. 2. № 67. С. 154.

⁶⁸ Там же. Т. 1. С. 615.

⁶⁹ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XV. С. 277.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 278–279.

⁷² *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 416.

⁷³ Там же. С. 417.

⁷⁴ Там же. С. 417–418; *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XV. С. 279–280.

⁷⁵ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XV. С. 281; *Зайончковский А.М.* Восточная война. Приложения. Т. 2. С. 192.

⁷⁶ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XII. С. 341–342.

⁷⁷ Британское правительство так откровенно работало над тем, чтобы выставить русскую сторону инициатором разрыва, что Ф.И. Бруннов не удержался от резкого восклицания в адрес столь обожаемого им лорда Эбердина: «Все это позорно», — писал посланник канцлеру К.В. Нессельроде, который и сам возмущался «системой, принятой английским кабинетом, беспримерной и неслыханной в летописях истории» (Там же).

⁷⁸ СИЭ. Т. 8. М., 1965. Колонка 199; БСЭ. 3-е изд. Т. 13. М., 1973. С. 512. Статьи «Крымская война 1853–1856 гг.» в обоих случаях принадлежат перу И.В. Бестужева-Лады.

⁷⁹ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XII. С. 344; *Шильдер Н.К.* Указ. соч. С. 643; *Зайончковский А.М.* Восточная война. Приложения. Т. 2. № 127. С. 276; *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 382.

⁸⁰ Цит. по: *Шильдер Н.К.* Указ. соч. С. 644.

⁸¹ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XII. С. 347; *Шильдер Н.К.* Указ. соч. С. 646.

⁸² АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1853 г. Л. 112–120; *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 384–405; История дипломатии. Т. I. С. 657.

⁸³ *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. М., 1990. С. 194; *Troubetzkoу А.С.* Op. cit. P. 146.

⁸⁴ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1853 г. Л. 120; *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. VIII. СПб., 1888. С. 433.

⁸⁵ *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 404.

⁸⁶ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1855. № 28150. С. 416–417.

⁸⁷ Цит. по: *Тютчева А.Ф.* Указ. соч. С. 134.

⁸⁸ Там же. С. 143–145.

⁸⁹ СПб. ведомости. 26 авг. 1854 г. № 189. С. 925.

⁹⁰ Цит. по: *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 487.

⁹¹ Там же. С. 489.

⁹² Там же. С. 495, 497.

⁹³ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1854 г., Л. 42 об., 43, 46.

⁹⁴ *Виноградов В.Н.* Николай I в «Крымской ловушке». С. 39–40.

⁹⁵ *Тютчева А.Ф.* Указ. соч. С. 153.

⁹⁶ РГВИА. Ф. 481. Д. 8. Л. 78. Упомянутые в письме балтийские моряки — это экипажи фрегата «Аврора» и транспорта «Двина», находившихся тогда в Петропавловске.

⁹⁷ *Тарле Е.В.* Указ. соч. Т. 9. С. 129.

⁹⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1854 г. Д. 168. Л. 85.

⁹⁹ NARS. RG 59. DD. Russia. Vol. 16.

¹⁰⁰ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. VIII. С. 452.

¹⁰¹ *Тэйлор А. Дж. П.* Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958. С. 117.

¹⁰² *Маринин О.В.* Русско-английские отношения в первой половине 1855 года // История СССР. 1986. № 5. С. 151; АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1854 г. Л. 64–64 об.

¹⁰³ Цит. по: *Тарле Е.В.* Указ. соч. Т. 9, С. 332.

¹⁰⁴ *Пирогов Н.И.* Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950. С. 102.

¹⁰⁵ *Тютчева А.Ф.* Указ. соч. С. 189; *Тарле Е.В.* Указ. соч. Т. 9. С. 316–326; *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 181.

¹⁰⁶ Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854–1855. СПб., 1913. С. 102.

¹⁰⁷ Recueil des tratés de la France. Т. 6. Р., 1880, Р. 507–508.

¹⁰⁸ Цит. по: *Маринин О.В.* Указ. соч. С. 154.

¹⁰⁹ *Маринин О.В.* Дипломатическая деятельность России на завершающем этапе Крымской войны. Парижский мирный конгресс 1856 года. Дисс ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 64.

¹¹⁰ *Curtiss J. Sh.* Op. cit. P. 403–405.

¹¹¹ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2214. Л. 250.

¹¹² *Piggon F.T.* The Declaration of Paris 1856. A Study Documented. L., 1919. P. 96.

¹¹³ Цит. по: *Полетика Н.П.* Пруссия и Крымская война // Труды Ленинградского отделения Ин-та истории СССР. Вып. 12. Исследования по социально-политической истории России. Сб. статей памяти Б.А. Романова. Л., 1971. С. 260.

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2214. Л. 250.

¹¹⁵ *Мартенс Ф.* Указ. соч. Т. VIII. С. 440–453.

¹¹⁶ *Halicz E.* Danish Neutrality During the Crimean War (1853–1856). Denmark Between the Hammer and the Anvil. Odense, 1977.

¹¹⁷ *Anderson E.* The Crimean War and Nothern Europe // Jahrbucher firr Geschichte Osteuropas. 1972. № 1.

¹¹⁸ *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. С. 93–103.

¹¹⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1855 г. Д. 227. Л. 351–353.

¹²⁰ Там же. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. 1854 г. Д. 57. Л. 381–382.

¹²¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 30. Отд. I. СПб., 1856. № 28953. С. 69–71.

¹²² См.: РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 981.

¹²³ *Пономарев В.Н.* Крымская война и русско-американские отношения. М., 1993. С. 182–187.

¹²⁴ *Болховитинов Н.Н., Пономарев В.Н.* Американские врачи в Крымской войне // США: экономика, политика, идеология. 1980. № 6.

¹²⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Т. 11. С. 617.

¹²⁶ *Виноградов В.Н.* Британский лев на Босфоре. С. 106.

¹²⁷ *Мафинин О.В.* Дипломатическая деятельность России на завершающем этапе. С. 122.

¹²⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1855 г. Д. 175. Л. 40–42.

¹²⁹ Там же. Д. 175; 1856 г. Д. 200.

¹³⁰ К истории Парижского мира 1856 г. // Красный архив. 1936. № 2(75). С. 58–59

¹³¹ *Curtiss J. Sb.* Op. cit. P. 484, 492–493.

¹³² *Ibid.* P. 485–488.

¹³³ NARS. RG 59. DD. Russia. Vol. 16.

¹³⁴ *Зайончковский А.М.* Восточная война. Особое приложение к томам II и III. СПб., 1911. № 40. С. 72.

¹³⁵ Цит. по: *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. VIII. С. 457.

¹³⁶ *Гатищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. I. СПб., 1903, С. 182–187; *Тарле Е.В.* Указ. соч. Т. 9. С. 503–506.

¹³⁷ Цит. по: *Жомини А.* Россия и Европа в эпоху Крымской войны // Вестник Европы, Кн. 10. 1886. С. 601.

¹³⁸ *Мафинин О.В.* Дипломатическая деятельность России на завершающем этапе... С. 118.

¹³⁹ Красный архив. 1936. № 2(75). С. 16.

¹⁴⁰ Там же. С. 27.

¹⁴¹ Там же. С. 38.

¹⁴² Там же. С. 42.

¹⁴³ *Мартенс Ф.* Указ. соч. Т. XV. С. 307–325.

¹⁴⁴ Там же. С. 332–334.

¹⁴⁵ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1856 г. Л. 54.

¹⁴⁶ Русский архив. 1872. № 2. С. 341. См. также: *Пономарев В.Н.* Финал долгой карьеры. К.В. Нессельроде и Парижский мир // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 197–198.

Оглавление

Предисловие	5
Экономические и политические реалии эпохи Александра I и Николая I (Вместо введения) (<i>О.В. Орлик</i>)	8
Глава I. Великое противостояние (<i>А.Н. Сьтин</i>)	25
1. Новая внешнеполитическая концепция	25
2. Европейские проблемы в российской политике 1801–1807 годов	36
3. Тильзит и Эрфурт	58
Глава II. Россия и падение империи Наполеона (<i>А.Н. Сьтин</i>)	75
1. Схватка титанов	75
2. Во главе поднявшейся Европы	91
Глава III. Русская дипломатия на Венском конгрессе. Становление новой политической системы в Европе	114
1. Венский конгресс (<i>Г.А. Кузнецова</i>)	114
2. Европейская политика России в период формирования венской системы (1816–1817 гг.) (<i>А.Н. Шапкина</i>)	131
3. Дипломатия России и стран Четверного союза накануне и во время Ахенского конгресса (1818 г.) (<i>А.Н. Шапкина</i>)	143
Глава IV. Политика России в эпоху революций и конгрессов Священного союза	156
1. Начало европейских революций. Позиция России и других держав (<i>О.В. Орлик</i> , <i>А.Н. Шапкина</i>)	156
2. Российская дипломатия на конгрессах Священного союза (<i>А.Н. Шапкина</i>)	161
3. Основные тенденции в политике России после Веронского конгресса (<i>О.В. Орлик</i>)	173
Глава V. Россия и восточный кризис 20-х годов (<i>О.В. Орлик</i>)	186
1. Политика России и международные отношения на Балканах в начале восточного кризиса	186
2. Новые черты в политике России. Петербургский протокол 1826 года	199
3. Дальнейшее развитие восточного кризиса. Война Персии с Россией (1826–1828 гг.)	210
4. Россия на завершающем этапе восточного кризиса: Русско-турецкая война (1828–1829 гг.), Адрианопольский мир	224
Глава VI. Средняя Азия, Китай и Япония в политике России. Отношения с Соединенными Штатами Америки	236
1. Россия и среднеазиатские государства (<i>О.В. Орлик</i>)	237

2. Россия и Китай на Дальнем Востоке. Попытки установить контакты с Японией (Г.В. Мелихов, В.Н. Пономарев)	248
3. Русско-американские отношения. Доктрина Монро и Русская Америка (В.Н. Пономарев)	265
Глава VII. Международные отношения и политика России во время европейских революций 30-х годов и нового обострения восточного вопроса	277
1. Революционный кризис 1830–1831 годов. Царизм в борьбе с «демоном революции» (В.Б. Михайлов)	278
2. После революций. Российская партия в расстроеном «европейском концерте» (В.Б. Михайлов)	293
3. Политика России на Балканах (Е.П. Кудрявцева)	303
Глава VIII. Политика и дипломатия России в последние годы венской системы	320
1. Восточный кризис 1839–1841 годов и русско-английское сближение. В преддверии революций 1848–1849 годов (В.Б. Михайлов)	320
2. Революции 1848–1849 годов и политика России (Е.А. Чиркова)	341
Глава IX. Крымская война (В.Н. Пономарев)	357
1. Восточный кризис	357
2. Политика и дипломатия в годы войны (1853–1855 гг.)	380
3. Парижский конгресс 1856 года	402
Примечания	411

Научное издание

**История внешней политики России
Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона
до Парижского мира 1856 г.)**

Корректор: Иванченко С.Ю.
Компьютерная верстка: Крылов К.А.
Группа допечатной подготовки изданий:
Зеленцов П.О.
Иванова М.В.
Исакова Т.В.
Коновалова Т.Ю.

Подписано в печать 17.10.2018. Формат 60 × 90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 27,6. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Академический проект»,
адрес: 111399, г. Москва, ул. Мартеновская, 3;
сертификат соответствия
№ РОСС RU. АЕ51. Н 16070 от 13.03.2012;
орган по сертификации РОСС RU.0001.11АЕ51
ООО «Профи-сертификат».

ООО «Парадигма»,
адрес: 141070, Московская обл., г. Королев,
ул. Мичурина, д. 21, кв. 372

Отпечатано в областной типографии «Печатный двор»
(открытое акционерное общество),
адрес: 432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27.

**По вопросам приобретения книги
просим обращаться в издательство:**

телефоны: + 7 495 305 3702, + 7 495 305 6092,
факс: + 7 495 305 6088,
e-mail: info@aproject.ru, zakaz@aproject.ru,
интернет-магазин: www.academpro.ru.
